

Владимирский государственный университет

**НОВАЯ ИСТОРИЯ СТРАН ЕВРОПЫ
И АМЕРИКИ XVII – XVIII вв.**

Хрестоматия

Владимир 2022

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Владимирский государственный университет
имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых»

НОВАЯ ИСТОРИЯ СТРАН ЕВРОПЫ И АМЕРИКИ XVII – XVIII ВВ.

Хрестоматия

Электронное издание



Владимир 2022

ISBN 978-5-9984-1457-2

© ВлГУ, 2022
© Захарова О. В., 2022

УДК 94(4)+94(73)
ББК 63.3(4)5+63.3(7)

Автор-составитель: О. В. Захарова

Рецензенты:

Доктор исторических наук, доцент
профессор кафедры всеобщей истории и международных отношений
Рязанского государственного университета имени С. А. Есенина
И. М. Эрлихсон

Кандидат исторических наук
доцент кафедры истории России
Владимирского государственного университета
имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых
И. А. Николаева

Новая история стран Европы и Америки XVII – XVIII вв. [Электронный ресурс] : хрестоматия / авт.-сост. О. В. Захарова ; Владим. гос. ун-т им. А. Г. и Н. Г. Столетовых. – Владимир : Изд-во ВлГУ, 2022. – 468 с. – ISBN 978-5-9984-1457-2. – Электрон. дан. (2,23 Мб). – 1 электрон. опт. диск (DVD-ROM). – Систем. требования: Intel от 1,3 ГГц ; Windows XP/7/8/10 ; Adobe Reader ; дисковод DVD-ROM. – Загл. с титул. экрана.

Представлены важные и интересные исторические источники, отрывки из научных статей и монографий, способствующие детальному и глубокому анализу ключевых событий в истории стран Европы и Америки XVII – XVIII вв., в том числе в истории международных отношений.

Предназначена для студентов бакалавриата, обучающихся по направлениям подготовки 44.03.05 – Педагогическое образование (с двумя профилями подготовки – История. Иностранный язык (Английский язык)), 44.03.05 – Педагогическое образование (с двумя профилями подготовки – История. Обществознание), а также магистрантов направления подготовки 44.04.01 – Профильное обучение истории. Может быть полезна преподавателям и студентам, желающим усовершенствовать подготовку в области истории зарубежных стран Нового времени.

Библиогр.: 101 назв.

ISBN 978-5-9984-1457-2

© ВлГУ, 2022
© Захарова О. В., 2022

ВВЕДЕНИЕ

Хрестоматия разработана в соответствии с рабочей программой дисциплины «Новая история стран Европы и Америки 1640 – 1870 гг.». Издание включает введение; семь тем, каждая из которых содержит тексты официальных, нарративных и эго-документов (в том числе и на языке оригинала), отрывки из научных статей и монографий, вопросы для практических занятий; перечень документов, представленных в хрестоматии, и библиографический список; заключение.

Студентам, которые получают историческое образование, необходимо знать о разнообразии подходов различных исторических школ к источниковедению, важнейших хранилищах документов, видах исторических источников, а также уметь работать с ними. И. В. Григорьева, один из крупнейших специалистов в области источниковедения настоящего времени, отмечает, что «в отличие от наук о природе, история не имеет возможности оперировать данными непосредственно наблюдения, результатами специально поставленного опыта, который поддается воспроизведению. Ученый-историк познает объект своего исследования опосредованно – через источники, которые сохранили информацию о прошлом»¹.

Задачи, поставленные перед настоящим учебным изданием, – предоставить преподавателям и студентам необходимую информацию для успешного проведения практических занятий по дисциплине, обучить студентов стадиям научной критики, привить навыки самостоятельной исследовательской работы, научить приемам работы с отдельными источниками для отбора и успешного написания исследовательских работ по истории стран Европы и Америки Нового времени. Включенные в

¹ Григорьева И.В. Источниковедение новой и новейшей истории стран Европы и Америки: учебное пособие / И.В. Григорьева – М.: ИНФРА-М. 2017. – С. 6

хрестоматию материалы также способствуют более детальному и глубокому анализу ключевых событий в истории стран Европы и Америки в указанный период.

Изучение источников – «первичных непосредственных свидетельств о прошлом»² – способствует персонификации, оживлению учебного процесса. В хрестоматии приведены как письменные памятники («носители исторической информации о каких-либо фактах или действиях в качестве прямого их остатка»³), так и литературные памятники: памфлеты, трактаты, воспоминания, дневники и др. Вторая группа документов отражает не факты, о которых они сообщают, а восприятие этих фактов современниками. «Имея дело с источниками, исследователь должен извлечь содержащуюся в них информацию и оценить ее качество, полноту, достоверность, степень новизны в сравнении с уже накопленным объемом знаний»⁴. Особенно важным представляется то обстоятельство, что студенты должны грамотно, взвешенно подходить к отбору, осмыслению, изучению и анализу исторических документов.

В различных учебных пособиях мы можем встретить рекомендации по работе с источниками, научными статьями и историческими исследованиями. Приведем пример одного из них:

«Особенности самостоятельной работы над историческими источниками и научной литературой

I. Как читать научную книгу или статью?

– читать следует в строгой последовательности;

– отмечать на листе бумаги наиболее важные места и использовать закладки;

² Григорьева И.В. Источниковедение новой и новейшей истории стран Европы и Америки: учебное пособие / И.В. Григорьева – М.: ИНФРА-М. 2017. – С. 6

³ Там же. С. 7

⁴ Григорьева И.В. Источниковедение новой и новейшей истории стран Европы и Америки: учебное пособие / И.В. Григорьева – М.: ИНФРА-М. 2017. – С. 7

- *обращать особое внимание на начальную и заключительную часть главы, раздела, выводы и обобщения;*
- *старайтесь не переписывать отдельные места текста, а передавайте его своими словами;*
- *непонятные слова или выражения записывать и выяснять по справочникам.*

II. Формы записи прочитанного.

- *составление плана прочитанного;*
- *подготовка тезисов (в сжатом виде основные положения);*
- *выписка отдельных теоретических положений;*
- *составление конспекта (наиболее целесообразный вариант).*

III. Работа над литературой и конспектирование.

Конспект – это краткое изложение содержания книги, статьи. Прежде всего, следует посмотреть план семинарского занятия по теме, методические советы, прочитать записи лекций по данному вопросу, соответствующий раздел учебника. Затем следует ознакомиться с рекомендуемой для изучения литературой. Необходимо помнить, что подготовленность к занятию заключается в проработке всех пунктов плана. Для этого может понадобиться освоение нескольких научных работ (книг, статей, электронных ресурсов), а для полноценного выступления – обобщение полученной информации. При первом чтении продумывается план конспекта, отмечают наиболее важные положения. Приступить к конспектированию следует после того, как содержание прочитанного хорошо усвоено.

Составляя конспект, необходимо:

- *строго придерживаться намеченного плана;*
- *соблюдать логическую связь и последовательность изложения;*
- *по каждому пункту плана занятия сформулировать не только основную (содержательную) часть, но также вводную и заключительную (выводы); если содержательная часть представляет собой переработанный и осмысленный материал источников и литературы,*

то выводы необходимо сформулировать самостоятельно, исходя из содержания получившегося конспекта;

- *тщательно отбирать материал для конспекта, помня, что:*

- а) конспект должен служить основой для ответа на занятии, время которого всегда ограничено,*

- б) отобранный материал должен точно соответствовать теме и плану занятия, в то время как литература, предлагаемая для изучения, может быть намного шире и глубже по содержанию;*

- *избегать неточных записей, формулировок;*

- *широко применять в конспекте абзацы, подчеркивания, выделение выводов, активно использовать поля.*

IV. Работа с историческими источниками.

Текст должен присутствовать у студента в виде полного издания, или в составе хрестоматии, сборника документов, практикума, или в виде точной копии (машинной или рукописной).

Сочетание материалов источников и научной литературы при подготовке к занятию возможно в двух основных формах:

- а) разбор отдельных фрагментов источника с комментариями, для подготовки которых используется литература;*

- б) связный рассказ о тех или иных особенностях источника, подготовленный на основе изучения литературы со ссылками на фрагменты, статьи, главы параграфы и т. п. источника, подтверждающие тезисы.*

Выбор формы зависит от особенностей темы, плана, формы занятия.

Работа с источником должна обязательно отразиться в конспекте в виде отсылки к тексту источника. Ссылки могут оформляться в виде цитат или указаний (например, на полях) на фрагмент текста источника (статью, пункт, параграф и т. п.). В последнем случае обязательно указываются выходные данные публикации (в том числе страницы, номер документа).

Приступая к работе с источником, вспомните, используя записи лекций и учебник, что собой представляет научная (источниковедческая) критика источника»⁵.

При подготовке к практическим занятиям и выполнении самостоятельной работы студенты могут руководствоваться приведенными выше рекомендациями по работе с источниками и научной литературой или использовать иные методики для работы с текстами, в частности одним из прогрессивных способов чтения и маркировки текста по методу «Инсерт».

Таким образом, материалы, представленные в хрестоматии, рекомендуется использовать студентам при изучении отдельных тем в рамках курса истории Нового времени стран Европы и Америки, для подготовки заданий по самостоятельной работе, а также при подготовке к экзаменам и написании курсовых и выпускных квалификационных работ.

⁵ Пример рекомендаций по работе с историческими источниками и научной литературой приведен по учебно-методическому пособию «Практические занятия по источниковедению истории России с древнейших времен до начала XX в.: Учебно-методическое пособие». – Нижний Новгород: НГПУ, 2008. – 37 с. Авторы: Старикова Н.В., Чеченков П.В.

Тема 1. МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ И КОЛОНИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVII – XVIII в.

Вопросы к практическому занятию

1. Основные проблемы международных отношений во второй половине XVII – XVIII вв.
2. Борьба Франции за гегемонию в Европе во второй половине XVII века. Ахенский 1668 г., Нимвегенский 1679 г. мирные трактаты. Регенсбургское соглашение 1684 года. Риксвикский мир 1697 года.
3. Международные отношения в начале XVIII в. Война за «Испанское наследство» 1701–1714 гг.
4. Война за Австрийское наследство 1740–1748 гг. Берлинский мирный договор 1742 г.; Аахенский мирный договор 1748 г.
5. Перегруппировка держав в середине XVIII в. Последствия Семилетней войны 1756–1763 гг. в Европе и колониях. Губертсбургский мирный договор 1763 г.
6. Колониальная политика во второй половине XVII – XVIII веке. Испано-португальская колониальная система в XVII – XVIII вв.
7. Колониальные захваты Голландии и складывание голландской колониальной системы.
8. Англо-голландское соперничество.
9. Складывание Французской колониальной системы. Англо-Французское соперничество.

Источники

TREATY OF WESTPHALIA. PEACE TREATY BETWEEN THE HOLY ROMAN EMPIRE AND THE KING OF FRANCE AND THEIR RESPECTIVE ALLIES

October 24, 1648

In the name of the most holy and individual Trinity:

Be it known to all, and every one whom it may concern, or to whom in any manner it may belong, That for many Years past, Discords and Civil Divisions being stir'd up in the Roman Empire, which increas'd to such a degree, that not only all Germany, but also the neighbouring Kingdoms, and France particularly, have been involv'd in the Disorders of a long and cruel War:

And in the first place, between the most Serene and most Puissant Prince and Lord, Ferdinand the Second, of famous Memory, elected Roman Emperor, always August, King of Germany, Hungary, Bohemia, Dalmatia, Croatia, Slavonia, Arch-Duke of Austria, Duke of Burgundy, Brabant, Styria, Carinthia, Carniola, Marquiss of Moravia, Duke of Luxemburgh, the Higher and Lower Silesia, of Wirtemberg and Teck, Prince of Suabia, Count of Hapsburg, Tirol, Kyburg and Goritia, Marquiss of the Sacred Roman Empire, Lord of Burgovia, of the Higher and Lower Lusace, of the Marquisate of Slavonia, of Port Naon and Salines, with his Allies and Adherents on one side; and the most Serene, and the most Puissant Prince, Lewis the Thirteenth, most Christian King of France and Navarre, with his Allies and Adherents on the other side.

And after their Decease, between the most Serene and Puissant Prince and Lord, Ferdinand the Third, elected Roman Emperor, always August, King of Germany, Hungary, Bohemia, Dalmatia, Croatia, Slavonia, Arch-Duke of Austria, Duke of Burgundy, Brabant, Styria, Carinthia, Carniola, Marquiss of Moravia, Duke of Luxemburg, of the Higher and Lower Silesia, of Wirtemberg and Teck, Prince of Suabia, Count of Hapsburg, Tirol, Kyburg and Goritia, Marquiss of the Sacred Roman Empire, Burgovia, the Higher and Lower Lusace, Lord of the Marquisate of Slavonia, of Port Naon and Salines, with his Allies and Adherents on the one side; and the most Serene and most Puissant Prince and Lord, Lewis the Fourteenth, most Christian King of France and Navarre, with his Allies and Adherents on the other side: from whence ensu'd great Effusion of Christian Blood, and the Desolation of several Provinces.

It has at last happen'd, by the effect of Divine Goodness, seconded by the Endeavours of the most Serene Republick of Venice, who in this sad time, when all Christendom is imbroil'd, has not ceas'd to contribute its Counsels for the publick Welfare and Tranquillity; so that on the side, and the other, they have form'd Thoughts of an universal Peace. And for this purpose, by a mutual Agreement and Covenant of both Partys, in the year of our Lord 1641. the 25th of December, N.S. or the 15th O.S. it was resolv'd at Hamburgh, to hold an Assembly of Plenipotentiary Ambassadors, who should render themselves at Munster and Osnabrug in Westphalia the 11th of July, N.S. or the 1st of the said month O.S. in the year 1643. The Plenipotentiary Ambassadors on the one side, and the other, duly establish'd, appearing at the prefixt time, and on the behalf of his Imperial Majesty, the most illustrious and most excellent Lord, Maximilian Count of Trautmansdorf and Weinsberg, Baron of Gleichenberg, Neustadt, Negan, Burgau, and Torzenbach, Lord of Teinitz, Knight of the Golden Fleece, Privy Counsellor and Chamberlain to his Imperial Sacred Majesty, and Steward of his Houshold; the Lord John Lewis, Count of Nassau, Catzenellebogen, Vianden, and Dietz, Lord of Bilstein, Privy Counsellor to the Emperor, and Knight of the Golden Fleece; Monsieur Isaac Volmamarus, Doctor of Law, Counsellor, and President in the Chamber of the most Serene Lord Arch-Duke Ferdinand Charles. And on the behalf of the most Christian King, the most eminent Prince and Lord, Henry of Orleans, Duke of Longueville, and Estouteville, Prince and Sovereign Count of Neuschaftel, Count of Dunois and Tancerville, Hereditary Constable of Normandy, Governor and Lieutenant-General of the same Province, Captain of the Cent Hommes d'Arms, and Knight of the King's Orders, &c. as also the most illustrious and most excellent Lords, Claude de Mesmes, Count d'Avaux, Commander of the said King's Orders, one of the Superintendents of the Finances, and Minister of the Kingdom of France &c. and Abel Servien, Count la Roche of Aubiers, also one of the Ministers of the Kingdom of France. And by the Mediation and Interposition of the most illustrious and most excellent Ambassador and Senator of Venice, Aloysius Contarini Knight, who for the space of five Years, or thereabouts, with great Diligence, and a Spirit intirely impartial, has been inclin'd to be a Mediator in these Affairs.

After having implor'd the Divine Assistance, and receiv'd a reciprocal Communication of Letters, Commissions, and full Powers, the Copys of which are inserted at the end of this Treaty, in the presence and with the consent of the Electors of the Sacred Roman Empire, the other Princes and States, to the Glory of God, and the Benefit of the Christian World, the following Articles have been agreed on and consented to, and the same run thus.

That there shall be a Christian and Universal Peace, and a perpetual, true, and sincere Amity, between his Sacred Imperial Majesty, and his most Christian Majesty; as also, between all and each of the Allies, and Adherents of his said Imperial Majesty, the House of Austria, and its Heirs, and Successors; but chiefly between the Electors, Princes, and States of the Empire on the one side; and all and each of the Allies of his said Christian Majesty, and all their Heirs and Successors, chiefly between the most Serene Queen and Kingdom of Swedeland, the Electors respectively, the Princes and States of the Empire, on the other part. That this Peace and Amity be observ'd and cultivated with such a Sincerity and Zeal, that each Party shall endeavour to procure the Benefit, Honour and Advantage of the other; that thus on all sides they may see this Peace and Friendship in the Roman Empire, and the Kingdom of France flourish, by entertaining a good and faithful Neighbourhood.

II.

That there shall be on the one side and the other a perpetual Oblivion, Amnesty, or Pardon of all that has been committed since the beginning of these Troubles, in what place, or what manner soever the Hostilities have been practis'd, in such a manner, that no body, under any pretext whatsoever, shall practice any Acts of Hostility, entertain any Enmity, or cause any Trouble to each other; neither as to Persons, Effects and Securitys, neither of themselves or by others, neither privately nor openly, neither directly nor indirectly, neither under the colour of Right, nor by the way of Deed, either within or without the extent of the Empire, notwithstanding all Covenants made before to the contrary: That they shall not act, or permit to be acted, any wrong or injury to any whatsoever; but that all that has pass'd on the one side, and the other, as well before as during the War, in Words, Writings, and Outrageous Actions, in Violences, Hostilities, Damages and Expences, without any respect to Persons or Things, shall be entirely abolish'd in such a manner that all that might be demanded of, or pretended to, by each other on that behalf, shall be bury'd in eternal Oblivion.

III.

And that a reciprocal Amity between the Emperor, and the Most Christian King, the Electors, Princes and States of the Empire, may be maintain'd so much the more firm and sincere (to say nothing at present of the Article of Security, which will be mention'd hereafter) the one shall never assist the present or future Enemys of the other under any Title or Pretence whatsoever, either with Arms, Money, Soldiers, or any sort of Ammunition; nor no one, who is a Member of this Pacification, shall suffer any Enemys Troops to retire thro' or sojourn in his Country.

IV.

That the Circle of Burgundy shall be and continue a Member of the Empire, after the Disputes between France and Spain (comprehended in this Treaty) shall be

terminated. That nevertheless, neither the Emperor, nor any of the States of the Empire, shall meddle with the Wars which are now on foot between them. That if for the future any Dispute arises between these two Kingdoms, the abovesaid reciprocal Obligation of not aiding each others Enemys, shall always continue firm between the Empire and the Kingdom of France, but yet so as that it shall be free for the States to succour; without the bounds of the Empire, such or such Kingdoms, but still according to the Constitutions of the Empire.

V.

That the Controversy touching Lorain shall be refer'd to Arbitrators nominated by both sides, or it shall be terminated by a Treaty between France and Spain, or by some other friendly means; and it shall be free as well for the Emperor, as Electors, Princes and States of the Empire, to aid and advance this Agreement by an amicable Interposition, and other Offices of Pacification, without using the force of Arms.

VI.

According to this foundation of reciprocal Amity, and a general Amnesty, all and every one of the Electors of the sacred Roman Empire, the Princes and States (therein comprehending the Nobility, which depend immediately on the Empire) their Vassals, Subjects, Citizens, Inhabitants (to whom on the account of the Bohemian or German Troubles or Alliances, contracted here and there, might have been done by the one Party or the other, any Prejudice or Damage in any manner, or under what pretence soever, as well in their Lordships, their fiefs, Underfiefs, Allodations, as in their Dignitys, Immunitys, Rights and Privileges) shall be fully re-establish'd on the one side and the other, in the Ecclesiastick or Laick State, which they enjoy'd, or could lawfully enjoy, notwithstanding any Alterations, which have been made in the mean time to the contrary.

VII.

If the Possessors of Estates, which are to be restor'd, think they have lawful Exceptions, yet it shall not hinder the Restitution; which done, their Reasons and Exceptions may be examin'd before competent Judges, who are to determine the same.

VIII.

And tho by the precedent general Rule it may be easily judg'd who those are, and how far the Restitution extends; nevertheless, it has been thought fit to make a particular mention of the following Cases of Importance, but yet so that those which are not in express Terms nam'd, are not to be taken as if they were excluded or forgot.

IX.

Since the Arrest the Emperor has formerly caus'd to be made in the Provincial Assembly, against the moveable Effects of the Prince Elector of Treves, which were

transported into the Dutchy of Luxemburg, tho releas'd and abolish'd, yet at the instance of some has been renew'd; to which has been added a Sequestration, which the said Assembly has made of the Jurisdiction of Burch, belonging to the Archbishoprick, and of the Moiety of the Lordship of St. John, belonging to John Reinbard of Soeteren, which is contrary to the Concordat's drawn up at Ausburg in the year 1548 by the publick interposition of the Empire, between the Elector of Treves, and the Dutchy of Burgundy: It has been agreed, that the abovesaid Arrest and Sequestration shall be taken away with all speed from the Assembly of Luxemburg, that the said Jurisdiction, Lordship, and Electoral and Patrimonial Effects, with the sequestred Revenues, shall be releas'd and restor'd to the Elector; and if by accident some things should be Imbezel'd, they shall be fully restor'd to him; the Petitioners being refer'd, for the obtaining a determination of their Rights, to the Judge of the Prince Elector, who is competent in the Empire.

X.

As for what concerns the Castles of Ehrenbreitstein and Homestein, the Emperor shall withdraw, or cause the Garisons to be withdrawn in the time and manner limited hereafter in the Article of Execution, and shall restore those Castles to the Elector of Treves, and to his Metropolitan Chapter, to be in the Protection of the Empire, and the Electorate; for which end the Captain, and the new Garison which shall be put therein by the Elector, shall also take the Oaths of Fidelity to him and his Chapter.

XI.

The Congress of Munster and Osnabrug having brought the Palatinate Cause to that pass, that the Dispute which has lasted for so long time, has been at length terminated; the Terms are these.

XII.

In the first place, as to what concerns the House of Bavaria, the Electoral Dignity which the Electors Palatine have hitherto had, with all their Regales, Offices, Precedencys, Arms and Rights, whatever they be, belonging to this Dignity, without excepting any, as also all the Upper Palatinate and the County of Cham, shall remain, as for the time past, so also for the future, with all their Appurtenances, Regales and Rights, in the possession of the Lord Maximilian, Count Palatine of the Rhine, Duke of Bavaria, and of his children, and all the Willielmine Line, whilst there shall be any Male Children in being.

XIII.

Reciprocally the Elector of Bavaria renounces entirely for himself and his Heirs and Successors the Debt of Thirteen Millions, as also all his Pretensions in Upper Austria; and shall deliver to his Imperial Majesty immediately after the Publication

of the Peace, all Acts and Arrests obtain'd for that end, in order to be made void and null.

XIV.

As for what regards the House of Palatine, the Emperor and the Empire, for the benefit of the publick Tranquillity, consent, that by virtue of this present Agreement, there be establish'd an eighth Electorate; which the Lord Charles Lewis, Count Palatine of the Rhine, shall enjoy for the future, and his Heirs, and the Descendants of the Rudolphine Line, pursuant to the Order of Succession, set forth in the Golden Bull; and that by this Investiture, neither the Lord Charles Lewis, nor his Successors shall have any Right to that which has been given with the Electoral Dignity to the Elector of Bavaria, and all the Branch of William.

XV.

Secondly, that all the Lower Palatinate, with all and every the Ecclesiastical and Secular Lands, Rights and Appurtenances, which the Electors and Princes Palatine enjoy'd before the Troubles of Bohemia, shall be fully restor'd to him; as also all the Documents, Registers and Papers belonging thereto; annulling all that hath been done to the contrary. And the Emperor engages, that neither the Catholick King, nor any other who possess any thing thereof, shall any ways oppose this Restitution.

XVI.

Forasmuch-as that certain Jurisdictions of the Bergstraet, belonging antiently to the Elector of Mayence, were in the year 1463 mortgag'd to the House Palatine for a certain Sum of Money: upon condition of perpetual Redemption, it has been agreed that the same Jurisdictions shall be Restor'd to the present Elector of Mayence, and his Successors in the Archbishoprick of Mayence, provided the Mortgage be paid in ready Mony, within the time limited by the Peace to be concluded; and that he satisfies the other Conditions, which he is bound to by the Tenor of the Mortgage-Deeds.

XVII.

It shall also be free for the Elector of Treves, as well in the Quality of Bishop of Spires as Bishop of Worms, to sue before competent Judges for the Rights he pretends to certain Ecclesiastical Lands, situated in the Territorys of the Lower Palatinate, if so be those Princes make not a friendly Agreement among themselves.

XVIII.

That if it should happen that the Male Branch of William should be intirely extinct, and the Palatine Branch still subsist, not only the Upper Palatinate, but also the Electoral Dignity of the Dukes of Bavaria, shall revert to the said surviving Palatine, who in the mean time enjoys the Investiture: but then the eighth Electorate shall be intirely suppress'd. Yet in such case, nevertheless, of the return of the Upper

Palatinate to the surviving Palatines, the Heirs of any Allodian Lands of the Bavarian Electors shall remain in Possession of the Rights and Benefices, which may lawfully appertain to them.

XIX.

That the Family-Contracts made between the Electoral House of Heidelberg and that of Nieuburg, touching the Succession to the Electorate, confirm'd by former Emperors; as also all the Rights of the Rudolphine Branch, forasmuch as they are not contrary to this Disposition, shall be conserv'd and maintain'd entire.

XX.

Moreover, if any Fiefs in Juliers shall be found open by lawful Process, the Question shall be decided in favour of the House Palatine.

XXI.

Further, to ease the Lord Charles Lewis, in some measure, of the trouble of providing his Brothers with Appenages, his Imperial Majesty will give order that forty thousand Rixdollars shall be paid to the said Brothers, in the four ensuing Years; the first commencing with the Year 1649. The Payment to be made of ten thousand Rixdollars yearly, with five per Cent Interest.

XXII.

Further, that all the Palatinate House, with all and each of them, who are, or have in any manner adher'd to it; and above all, the Ministers who have serv'd in this Assembly, or have formerly serv'd this House; as also all those who are banish'd out of the Palatinate, shall enjoy the general Amnesty here above promis'd, with the same Rights as those who are comprehended therein, or of whom a more particular and ampler mention has been made in the Article of Grievance.

XXIII.

Reciprocally the Lord Charles Lewis and his Brothers shall render Obedience, and be faithful to his Imperial Majesty, like the other Electors and Princes of the Empire; and shall renounce their Pretensions to the Upper Palatinate, as well for themselves as their Heirs, whilst any Male, and lawful Heir of the Branch of William shall continue alive.

XXIV.

And upon the mention which has been made, to give a Dowry and a Pension to the Mother Dowager of the said Prince, and to his Sisters; his Sacred Imperial Majesty (according to the Affection he has for the Palatinate House) has promis'd to the said Dowager, for her Maintenance and Subsistence, to pay once for all twenty thousand Rixdollars; and to each of the Sisters of the said Lord Charles Lewis, when

they shall marry, ten thousand Rixdollars, the said Prince Charles Lewis being bound to disburse the Overplus.

XXV.

That the said Lord Charles Lewis shall give no trouble to the Counts of Leiningen and of Daxburg, nor to their Successors in the Lower Palatinate; but he shall let them peaceably enjoy the Rights obtain'd many Ages ago, and confirm'd by the Emperors.

XXVI.

That he shall inviolably leave the Free Nobility of the Empire, which are in Franconia, Swabia, and all along the Rhine, and the Districts thereof, in the state they are at present.

XXVII.

That the Fiefs confer'd by the Emperor on the Baron Gerrard of Waldenburg, call'd Schenck-heeren, on Nicholas George Reygersberg, Chancellor of Mayence, and on Henry Brombser, Baron of Rudeheim; Item, on the Elector of Bavaria, on Baron John Adolph Wolff, call'd Meternicht, shall remain firm and stable: That nevertheless these Vassals shall be bound to take an Oath of Fidelity to the Lord Charles Lewis, and to his Successors, as their direct Lords, and to demand of him the renewing of their Fiefs.

XXVIII.

That those of the Confession of Augsburg, and particularly the Inhabitants of Oppenheim, shall be put in possession again of their Churches, and Ecclesiastical Estates, as they were in the Year 1624. as also that all others of the said Confession of Augsburg, who shall demand it, shall have the free Exercise of their Religion, as well in publick Churches at the appointed Hours, as in private in their own Houses, or in others chosen for this purpose by their Ministers, or by those of their Neighbours, preaching the Word of God.

XXIX.

That the Paragraphs, Prince Lewis Philip, &c. Prince Frederick, &c. and Prince Leopold Lewis, &c. be understood as here inserted, after the same manner they are contain'd in the Instrument, or Treaty of the Empire with Swedeland.

XXX.

That the Dispute depending between the Bishops of Bamberg and Wirtzberg on the one, and the Marquiss of Brandenburg, Culmbach, and Onalzbach, on the other side, touching the Castle, Town, Jurisdiction, and Monastery of Kitzingen in Franconia, on the Main, shall be amicably compos'd; or, in a judicial manner, within two years time, upon pain of the Person's losing his Pretensions, that shall delay it: and that, in the mean time, the Fort of Wirtzberg shall be surrender'd to the said

Lords Marquisses, in the same state it was taken, according as it has been agreed and stipulated.

XXXI.

That the Agreement made, touching the Entertainment of the Lord Christian William, Marquiss of Brandenburg, shall be kept as if recited in this place, as it is put down in the fourteenth Article of the Treaty between the Empire and Swedeland.

XXXII.

The Most Christian King shall restore to the Duke of Wirtemberg, after the manner hereafter related, where we shall mention the withdrawing of Garisons, the Towns and Forts of Hohenwiel, Schorendorff, Turbingen, and all other places, without reserve, where he keeps Garisons in the Dutchy of Wirtemberg. As for the rest, the Paragraph, THE HOUSE OF WIRTEMBERG, &c. shall be understood as inserted in this Place, after the same manner it's contain'd in the Treaty of the Empire, and of Swedeland.

XXXIII.

That the Princes of Wirtemberg, of the Branches of Montbeillard, shall be re-establish'd in all their Domains in Alsace, and wheresoever they be situated, but particularly in the three Fiefs of Burgundy, Clerval, and Passavant: and both Partys shall re-establish them in the State, Rights and Prerogatives they enjoy'd before the Beginning of these Wars.

XXXIV.

That Frederick, Marquiss of Baden, and of Hachberg, and his Sons and Heirs, with all those who have serv'd them in any manner whatsoever, and who serve them still, of what degree they may be, shall enjoy the Amnesty above-mention'd, in the second and third Article, with all its Clauses and Benefices; and by virtue thereof, they shall be fully re-establish'd in the State Ecclesiastical or Secular, in the same manner as the Lord George Frederick Marquiss of Beden and of Hachberg, possess'd, before the beginning of the Troubles of Bohemia, whatever concern'd the lower Marquisate of Baden, call'd vulgarly Baden Durlach, as also what concern'd the Marquisate of Hachberg, and the Lordships of Rottelen, Badenweiller, and Sausenberg, notwithstanding, and annulling all the Changes made to the contrary. After which shall be restor'd to Marquiss Frederick, the Jurisdictions of Stein and Renchingen, without being charg'd with Debts, which the Marquiss William has contracted during that time, by Reason of the Revenues, Interests and Charges, put down in the Transaction pass'd at Etlingen in the Year 1629. and transfer'd to the said William Marquiss of Baden, with all the Rights, Documents, Writings, and other things appertaining; so that all the Plea concerning the Charges and Revenues, as well receiv'd as to receive, with their Damages and Interests, to reckon from the time of the first Possession, shall be intirely taken away and abolish'd.

XXXV.

That the Annual Pension of the Lower Marquisate, payable to the Upper Marquisate, according to former Custom, shall by virtue of the present Treaty be intirely taken away and annihilated; and that for the future nothing shall be pretended or demanded on that account, either for the time past or to come.

XXXVI.

That for the future, the Precedency and Session, in the States and Circle of Swabia, or other General or Particular Assemblys of the Empire, and any others whatsoever, shall be alternative in the two Branches of Baden; viz. in that of the Upper, and that of the Lower Marquisate of Baden: but nevertheless this Precedency shall remain in the Marquiss Frederick during his Life. It has been agreed, touching the Barony of Hohengerolt Zegk that if Madam, the Princess of Baden, verifies the Rights of her Pretension upon the said Barony by authentick Documents, Restitution shall be made her, according to the Rights and Contents of the said Documents, as soon as Sentence shall be pronounc'd. That the Cognizance of this Cause shall be terminated within two Years after the Publication of the Peace: And lastly, no Actions, Transaction, or Exceptions, either general or particular, nor Clauses comprehended in this Treaty of Peace, and whereby they would derogate from the Vigour of this Article, shall be at any time alledg'd by any of the Partys against this special Agreement. The Paragraphs, the Duke of Croy, &c. As for the Controversy of Naussau-Siegen, &c. To the Counts of Naussau, Sarrepoint, &c. The House of Hanau, &c. John Albert Count of Solms, &c. as also, Shall be re-establish'd the House of Solms, Hohensolms, &c. The Counts of Isemburg, &c. The Rhinegraves, &c. The Widow of Count Ernest of Sainen, &c. The Castle and the County of Flackenstein, &c. Let also the House of Waldeck be re-establish'd, &c. Joachim Ernest Count of Ottingen, &c. Item, The House of Hohenlo, &c. Frederick Lewis, &c. The Widow and Heirs of the Count of Brandenstein, &c. The Baron Paul Kevenhuller, &c. shall be understood to be inserted in this place word by word, as they are put down in the Instruor Treaty between the Empire and Swedeland.

XXXVII.

That the Contracts, Exchanges, Transactions, Obligations, Treatys, made by Constraint or Threats, and extorted illegally from States or Subjects (as in particular, those of Spiers complain, and those of Weisenburg on the Rhine, those of Landau, Reitlingen, Hailbron, and others) shall be so annull'd and abolish'd, that no more Enquiry shall be made after them.

XXXVIII.

That if Debtors have by force got some Bonds from their Creditors, the same shall be restor'd, but not with prejudice to their Rights.

XXXIX.

That the Debts either by Purchase, Sale, Revenues, or by what other name they may be call'd, if they have been violently extorted by one of the Partys in War, and if the Debtors alledge and offer to prove there has been a real Payment, they shall be no more prosecuted, before these Exceptions be first adjusted. That the Debtors shall be oblig'd to produce their Exceptions within the term of two years after the Publication of the Peace, upon pain of being afterwards condemn'd to perpetual Silence.

XL.

That Processes which have been hitherto enter'd on this Account, together with the Transactions and Promises made for the Restitution of Debts, shall be look'd upon as void; and yet the Sums of Money, which during the War have been exacted bona fide, and with a good intent, by way of Contributions, to prevent greater Evils by the Contributors, are not comprehended herein.

XLI.

That Sentences pronounc'd during the War about Matters purely Secular, if the Defect in the Proceedings be not fully manifest, or cannot be immediately demonstrated, shall not be esteem'd wholly void; but that the Effect shall be suspended until the Acts of Justice (if one of the Partys demand the space of six months after the Publication of the Peace, for the reviewing of his Process) be review'd and weigh'd in a proper Court, and according to the ordinary or extraordinary Forms us'd in the Empire: to the end that the former Judgments may be confirm'd, amended, or quite eras'd, in case of Nullity.

XLII.

In the like manner, if any Royal, or particular Fiefs, have not been renew'd since the Year 1618. nor Homage paid to whom it belongs; the same shall bring no prejudice, and the Investiture shall be renew'd the day the Peace shall be concluded.

XLIII.

Finally, That all and each of the Officers, as well Military Men as Counsellors and Gownmen, and Ecclesiasticks of what degree they may be, who have serv'd the one or other Party among the Allies, or among their Adherents, let it be in the Gown, or with the Sword, from the highest to the lowest, without any distinction or exception, with their Wives, Children, Heirs, Successors, Servants, as well concerning their Lives as Estates, shall be restor'd by all Partys in the State of Life, Honour, Renown, Liberty of Conscience, Rights and Privileges, which they enjoy'd before the abovesaid Disorders; that no prejudice shall be done to their Effects and Persons, that no Action or accusation shall be enter'd against them; and that further, no Punishment be inflicted on them, or they to bear any damage under what pretence

soever: And all this shall have its full effect in respect to those who are not Subjects or Vassals of his Imperial Majesty, or of the House of Austria.

XLIV.

But for those who are Subjects and Hereditary Vassals of the Emperor, and of the House of Austria, they shall really have the benefit of the Amnesty, as for their Persons, Life, Reputation, Honours: and they may return with Safety to their former Country; but they shall be oblig'd to conform, and submit themselves to the Laws of the Realms, or particular Provinces they shall belong to.

XLV.

As to their Estates that have been lost by Confiscation or otherways, before they took the part of the Crown of France, or of Swedeland, notwithstanding the Plenipotentiarys of Swedeland have made long instances, they may be also restor'd. Nevertheless his Imperial Majesty being to receive Law from none, and the Imperialists sticking close thereto, it has not been thought convenient by the States of the Empire, that for such a Subject the War should be continu'd: And that thus those who have lost their Effects as aforesaid, cannot recover them to the prejudice of their last Masters and Possessors. But the Estates, which have been taken away by reason of Arms taken for France or Swedeland, against the Emperor and the House of Austria, they shall be restor'd in the State they are found, and that without any Compensation for Profit or Damage.

XLVI.

As for the rest, Law and Justice shall be administer'd in Bohemia, and in all the other Hereditary Provinces of the Emperor, without any respect; as to the Catholicks, so also to the Subjects, Creditors, Heirs, or private Persons, who shall be of the Confession of Augsburg, if they have any Pretensions, and enter or prosecute any Actions to obtain Justice.

XLVII.

But from this general Restitution shall be exempted things which cannot be restor'd, as Things movable and moving, Fruits gather'd, Things alienated by the Authority of the Chiefs of the Party, Things destroy'd, ruin'd, and converted to other uses for the publick Security, as publick and particular Buildings, whether sacred or profane, publick or private Gages, which have been, by surprize of the Enemys, pillag'd, confiscated, lawfully sold, or voluntarily bestow'd.

XLVIII.

And as to the Affair of the Succession of Juliers, those concern'd, if a course be not taken about it, may one day cause great Troubles in the Empire about it; it has been agreed, That the Peace being concluded it shall be terminated without any

Delay, either by ordinary means before his Imperial Majesty, or by a friendly Composition, or some other lawful ways.

XLIX.

And since for the greater Tranquillity of the Empire, in its general Assemblys of Peace, a certain Agreement has been made between the Emperor, Princes and States .of the Empire, which has been inserted in the Instrument and Treaty of Peace, concluded with the Plenipotentiarys of the Queen and Crown of Swedeland, touching the Differences about Ecclesiastical Lands, and the Liberty of the Exercise of Religion; it has been found expedient to confirm, and ratify it by this present Treaty, in the same manner as the abovesaid Agreement has been made with the said Crown of Swedeland; also with those call'd the Reformed, in the same manner, as if the words of the abovesaid Instrument were reported here verbatim.

L.

Touching the Affair of Hesse Cassel, it has been agreed as follows: In the first place, The House of Hesse Cassel, and all its Princes, chiefly Madam Emelie Elizabeth Landgravine of Hesse, and her Son Monsieur William and his Heirs, his Ministers, Officers, Vassals, Subjects, Soldiers, and others who follow his Service in any manner soever, without any Exception, notwithstanding Contracts to the contrary, Processes, Proscriptions, Declarations, Sentences, Executions and Transactions; as also notwithstanding any Actions and Pretensions for Damages and Injuries as well from Neutrals, as from those who were in Arms, annull'd by the General Amnesty here before establish'd, and to take place from the beginning of the War in Bohemia, with a full Restitution (except the Vassals, and Hereditary Subjects of his Imperial Majesty, and the House of Austria, as is laid down in the Paragraph, Tandemomnes, &c.) shall partake of all the Advantages redounding from this Peace, with the same Rights other States enjoy, as is set forth in the Article which commences, Unanimi, &c.

LI.

In the second place, the House of Hesse Cassel, and its Successors, shall retain, and for this purpose shall demand at any time, and when it shall be expir'd, the Investiture of his Imperial Majesty, and shall take the Oath of Fidelity for the Abby of Hitsfield, with all its Dependencys, as well Secular as Ecclesiastical, situated within or without his Territorys (as the Deanery of Gellingen) saving nevertheless the Rights possess'd by the House of Saxony, time out of mind.

LII.

In the third place, the Right of a direct Signiory over the Jurisdictions and Bayliwick of Schaumburg, Buckenburg, Saxenhagen, and Stattenhagen, given heretofore and adjudged to the Bishoprick of Mindau, shall for the future belong unto Monsieur William, the present Landgrave of Hesse, and his Successors in full

Possession, and for ever, so as that the said Bishop, and no other shall be capable of molesting him; saving nevertheless the Agreement made between Christian Lewis, Duke of Brunswick and Lunenburg, and the Landgravine of Hesse, and Philip Count of Lippe, as also the Agreement made between the said Landgravine, and the said Count.

LIII.

It has been further agreed, That for the Restitution of Places possess'd during this War, and for the Indemnity of Madam, the Landgravine of Hesse, who is the Guardian, the Sum of Six Hundred Thousand Rixdollars shall be given to her and her Son, or his Successors Princes of Hesse, to be had from the Archbishopricks of Mayence and Cologne, from the Bishopricks of Paderborn and Munster, and the Abby of Fulden; which Sum shall be paid at Cassel in the term of eight Months, to reckon from the Day of the Ratification of the Peace, at the peril and charge of the Solvent: and no Exception shall be used to evade this promis'd Payment, on any Pretence; much less shall any Seizure be made of the Sum agreed on.

LIV.

And to the end that Madam, the Landgravine, may be so much the more assur'd of the Payment, she shall retain on the Conditions following, Nuys, Cuesfeldt, and Newhaus, and shall keep Garisons in those Places which shall depend on her alone; but with this Limitation, That besides the Officers and other necessary Persons in the Garisons, those of the three above-nam'd Places shall not exceed the number of Twelve Hundred Foot, and a Hundred Horse; leaving to Madam, the Landgravine, the Disposition of the number of Horse and Foot she shall be pleas'd to put in each of these Places, and whom she will constitute Governor.

LV.

The Garisons shall be maintain'd according to the Order, which has been hitherto usually practis'd, for the Maintenance of the Hessian Soldiers and Officers; and the things necessary for the keeping of the Forts shall be furnish'd by the Archbishopricks and Bishopricks, in which the said Fortresses are situated, without any Diminution of the Sum above-mention'd. It shall be allow'd the Garisons, to exact the Money of those who shall retard Payment too long, or who shall be refractory, but not any more than what is due. The Rights of Superiority and Jurisdiction, as well Ecclesiastical as Secular, and the Revenues of the said Castles and Towns, shall remain in the Arch-bishop of Cologne.

LVI.

As soon as after the Ratification of Peace, Three Hundred Thousand Rixdollars shall be paid to Madam, the Landgravine, she shall give up Nuys, and shall only retain Cuesfeldt and Newhaus; but yet so as that the Garison of Nuys shall not be thrown into the other two Places, nor nothing demanded on that account; and the

Garisons of Cuesfeldt shall not exceed the Number of Six Hundred Foot and Fifty Horse. That if within the term of nine Months, the whole Sum be not paid to Madam the Landgravine, not only Cuesfeldt and Newhaus shall remain in her Hands till the full Payment, but also for the remainder, she shall be paid Interest at Five per Cent. and the Treasurers and Collectors of the Bayliwicks appertaining to the abovesaid Arch-bishopricks, Bishopricks and Abby, bordering on the Principality of Hesse, shall oblige themselves by Oath to Madam the Landgravine, that out of the annual Revenues, they shall yearly pay the Interest of the remaining Sum notwithstanding the Prohibitions of their Masters. If the Treasurers and Collectors delay the Payment, or alienate the Revenues, Madam the Landgravine shall have liberty to constrain them to pay, by all sorts of means, always saving the Right of the Lord Proprietor of the Territory.

LVII.

But as soon as Madam the Landgravine has receiv'd the full Sum, with all the Interest, she shall surrender the said Places which she retain'd for her Security; the Payments shall cease, and the Treasurers and Collectors, of which mention has been made, shall be freed, from their Oath: As for the Bayliwicks, the Revenues of which shall be assign'd for the Payment of the Sum, that shall be adjusted before the Ratification of the Peace; and that Convention shall be of no less Force than this present Treaty of Peace.

LVIII.

Besides the Places of Surety, which shall be left, as aforesaid, to Madam the Landgravine, which she shall restore after the Payment, she shall restore, after the Ratification of the Peace, all the Provinces and Bishopricks, as also all their Citys, Bayliwicks, Boroughs, Fortresses, Forts; and in one word, all immoveable Goods, and all Rights seiz'd by her during this War. So, nevertheless, that as well in the three Places she shall retain as Cautionary, as the others to be restor'd, the said Lady Landgravine not only shall cause to be convey'd away all the Provisions and Ammunitions of War she has put therein (for as to those she has not sent thither, and what was found there at the taking of them, and are there still, they shall continue;) but also the Fortifications and Ramparts, rais'd during the Possession of the Places, shall be destroy'd and demolish'd as much as possible, without exposing the Towns, Borroughs, Castles and Fortresses, to Invasions and Robberys.

LIX.

And tho Madam the Landgravine has only demanded Restitution and Reparation of the Arch-bishopricks of Mayence, Cologne, Paderborn, Munster, and the Abby of Fulden; and has not insisted that any besides should contribute any thing for this Purpose: nevertheless the Assembly have thought fit, according to the Equity and Circumstances of Affairs, that without prejudice to the Contents of the preceding

Paragraph, which begins, *Conventum praterea est, &c.* IT HAS BEEN FURTHER AGREED, the other States also on this and the other side the Rhine, and who since the first of March of this present Year, have paid Contributions to the Hessians, shall bear their Proportion pro Rata of their preceding Contributions, to make up the said Sum with the Arch-bishopricks, Bishopricks and Abby above-named, and forward the Payments of the Garisons of the Cautionary Towns. If any has suffer'd Damage by the delay of others, who are to pay their share, the Officers or Soldiers of his Imperial Majesty, of the most Christian King, and of the Landgravine of Hesse, shall not hinder the forcing of those who have been tardy; and the Hessian Soldiers shall not pretend to except any from this Constraint, to the prejudice of this Declaration, but those who have duly paid their Proportion, shall thereby be freed from all Charges.

LX.

As to the Differences arisen between the Houses of Hesse Cassel, and of Darmstadt, touching the Succession of Marburg; since they have been adjusted at Cassel, the 14th of April, the preceding Year, by the mutual Consent of the Interested Partys, it has been thought good, that that Transaction, with all its Clauses, as concluded and sign'd at Cassel by both Partys, should be intimated to this Assembly; and that by virtue of this present Treaty, it shall be of the same force, as if inserted word by word: and the same shall never be infring'd by the Partys, nor any other whatsoever, under any pretence, either by Contract, Oath, or otherways, but ought to be most exactly kept by all, tho perhaps some of the Partys concern'd may refuse to confirm it.

LXI.

As also the Transaction between the Deceas'd monsieur William, Landgrave of Hesse, and Messieurs Christian and Wolrad, Counts of Waldeck, made the 11th of April, 1635. and ratify'd to Monsieur George, Landgrave of Hesse, the 14th of April 1648. shall no less obtain a full and perpetual force by virtue of this Pacification, and shall no less bind all the Princes of Hesse, and all the Counts of Waldeck.

LXII.

That the Birth-right introduc'd in the House of Hesse Cassel, and in that of Darmstadt, and confirm'd by His Imperial Majesty, shall continue and be kept firm and inviolable.

LXIII.

And as His Imperial Majesty, upon Complaints made in the name of the City of Basle, and of all Switzerland, in the presence of their Plenipotentiarys deputed to the present Assembly, touching some Procedures and Executions proceeding from the Imperial Chamber against the said City, and the other united Cantons of the Swiss Country, and their Citizens and Subjects having demanded the Advice of the States

of the Empire and their Council; these have, by a Decree of the 14th of May of the last Year, declared the said City of Basle, and the other Swiss-Cantons, to be as it were in possession of their full Liberty and Exemption of the Empire; so that they are no ways subject to the Judicatures, or Judgments of the Empire, and it was thought convenient to insert the same in this Treaty of Peace, and confirm it, and thereby to make void and annul all such Procedures and Arrests given on this Account in what form soever.

LXIV.

And to prevent for the future any Differences arising in the Politick State, all and every one of the Electors, Princes and States of the Roman Empire, are so establish'd and confirm'd in their antient Rights, Prerogatives, Libertys, Privileges, free exercise of Territorial Right, as well Ecclesiastick, as Politick Lordships, Regales, by virtue of this present Transaction: that they never can or ought to be molested therein by any whomsoever upon any manner of pretence.

LXV.

They shall enjoy without contradiction, the Right of Suffrage in all Deliberations touching the Affairs of the Empire; but above all, when the Business in hand shall be the making or interpreting of Laws, the declaring of Wars, imposing of Taxes, levying or quartering of Soldiers, erecting new Fortifications in the Territorys of the States, or reinforcing the old Garisons; as also when a Peace of Alliance is to be concluded, and treated about, or the like, none of these, or the like things shall be acted for the future, without the Suffrage and Consent of the Free Assembly of all the States of the Empire: Above all, it shall be free perpetually to each of the States of the Empire, to make Alliances with Strangers for their Preservation and Safety; provided, nevertheless, such Alliances be not against the Emperor, and the Empire, nor against the Publick Peace, and this Treaty, and without prejudice to the Oath by which every one is bound to the Emperor and the Empire.

LXVI.

That the Diets of the Empire shall be held within six Months after the Ratification of the Peace; and after that time as often as the Publick Utility, or Necessity requires. That in the first Diet the Defects of precedent Assemblys be chiefly remedy'd; and that then also be treated and settled by common Consent of the States, the Form and Election of the Kings of the Romans, by a Form, and certain Imperial Resolution; the Manner and Order which is to be observ'd for declaring one or more States, to be within the Territorys of the Empire, besides the Manner otherways describ'd in the Constitutions of the Empire; that they consider also of re-establishing the Circles, the renewing the Matricular-Book, the re-establishing suppress'd States, the moderating and lessening the Collects of the Empire, Reformation of Justice and Policy, the taxing of Fees in the Chamber of Justice, the Due and requisite instructing

of ordinary Deputys for the Advantage of the Publick, the true Office of Directors in the Colleges of the Empire, and such other Business as could not be here expedited.

LXVII.

That as well as general as particular Diets, the free Towns, and other States of the Empire, shall have decisive Votes; they shall, without molestation, keep their Regales, Customs, annual Revenues, Libertys, Privileges to confiscate, to raise Taxes, and other Rights, lawfully obtain'd from the Emperor and Empire, or enjoy'd long before these Commotions, with a full Jurisdiction within the inclosure of their Walls, and their Territorys: making void at the same time, annulling and for the future prohibiting all Things, which by Reprisals, Arrests, stopping of Passages, and other prejudicial Acts, either during the War, under what pretext soever they have been done and attempted hitherto by private Authority, or may hereafter without any preceding formality of Right be enterpris'd. As for the rest, all laudable Customs of the sacred Roman Empire, the fundamental Constitutions and Laws, shall for the future be strictly observ'd, all the Confusions which time of War have, or could introduce, being remov'd and laid aside.

LXVIII.

As for the finding out of equitable and expedient means, whereby the Prosecution of Actions against Debtors, ruin'd by the Calamitys of the War, or charg'd with too great Interests, and whereby these Matters may be terminated with moderation, to obviate greater inconveniences which might arise, and to provide for the publick Tranquillity; His Imperial Majesty shall take care to hearken as well to the Advices of his Privy Council, as of the Imperial Chamber, and the States which are to be assembled, to the end that certain firm and invariable Constitutions may be made about this Matter And in the mean time the alledg'd Reasons and Circumstances of the Partys shall be well weigh'd in Cases brought before the Sovereign Courts of the Empire, or Subordinate ones of States and no body shall be oppress'd by immoderate Executions; and ail this without prejudice to the Constitution of Holstein.

LXIX.

And since it much concerns the Publick, that upon the Conclusion of the Peace, Commerce be re-establish'd, for that end it has been agreed, that the Tolls, Customs, as also the Abuses of the Bull of Brabant, and the Reprisals and Arrests, which proceeded from thence, together with foreign Certifications, Exactions, Detensions; Item, The immoderate Expences and Charges of Posts, and other Obstacles to Commerce and Navigation introduc'd to its Prejudice, contrary to the Publick Benefit here and there, in the Empire on occasion of the War, and of late by a private Authority against its Rights and Privileges, without the Emperor's and Princes of the Empire's consent, shall be fully remov'd; and the antient Security, Jurisdiction and

Custom, such as have been long before these Wars in use, shall be re-establish'd and inviolably maintain'd in the Provinces, Ports and Rivers.

LXX.

The Rights and Privileges of Territorys, water'd by Rivers or otherways, as Customs granted by the Emperor, with the Consent of the Electors, and among others, to the Count of Oldenburg on the Viserg, and introduc'd by a long Usage, shall remain in their Vigour and Execution. There shall be a full Liberty of Commerce, a secure Passage by Sea and Land: and after this manner all and every one of the Vassals, Subjects, Inhabitants and Servants of the Allys, on the one side and the other, shall have full power to go and come, to trade and return back, by Virtue of this present Article, after the same manner as was allowed before the Troubles of Germany; the Magistrates, on the one side and on the other, shall be oblig'd to protect and defend them against all sorts of Oppressions, equally with their own Subjects, without prejudice to the other Articles of this Convention, and the particular laws and Rights of each place. And that the said Peace and Amity between the Emperor and the Most Christian King, may be the more corroborated, and the publick Safety provided for, it has been agreed with the Consent, Advice and Will of the Electors, Princes and States of the Empire, for the Benefit of Peace:

LXXI.

First, That the chief Dominion, Right of Sovereignty, and all other Rights upon the Bishopricks of Metz, Toul, and Verdun, and on the Citys of that Name and their Diocesses, particularly on Mayenvick, in the same manner they formerly belong'd to the Emperor, shall for the future appertain to the Crown of France, and shall be irrevocably incorporated therewith for ever, saving the Right of the Metropolitan, which belongs to the Archbishop of Treves.

LXXII.

That Monsieur Francis, Duke of Lorain, shall be restor'd to the possession of the Bishoprick of Verdun, as being the lawful Bishop thereof; and shall be left in the peaceable Administration of this Bishoprick and its Abbys (saving the Right of the King and of particular Persons) and shall enjoy his Patrimonial Estates, and his other Rights, wherever they may be situated (and as far as they do not contradict the present Resignation) his Privileges, Revenues and Incomes; having previously taken the Oath of Fidelity to the King, and provided he undertakes nothing against the Good of the State and the Service of his Majesty.

LXXIII.

In the second place, the Emperor and Empire resign and transfer to the most Christian King, and his Successors, the Right of direct Lordship and Sovereignty, and all that has belong'd, or might hitherto belong to him, or the sacred Roman Empire, upon Pignerol.

LXXIV.

In the third place the Emperor, as well in his own behalf, as the behalf of the whole most Serene House of Austria, as also of the Empire, resigns all Rights, Property, Domains, Possessions and Jurisdictions, which have hitherto belong'd either to him, or the Empire, and the Family of Austria, over the City of Brisac, the Landgraveship of Upper and Lower Alsatia, Suntgau, and the Provincial Lordship of ten Imperial Citys situated in Alsatia, viz. Haguenu, Calmer, Sclestadt, Weisemburg, Landau, Oberenheim, Rosheim, Munster in the Valley of St. Gregory, Keyerberg, Turingham, and of all the villages, or other Rights which depend on the said Mayoralty; all and every of them are made over to the most Christian King, and the Kingdom of France; in the same manner as the City of Brisac, with the Villages of Hochstet, Niederrimsing, Hartem and Acharren appertaining to the Commonalty of Brisac, with all the antient Territory and Dependence; without any prejudice, nevertheless, to the Privileges and Libertys granted the said Town formerly by the House of Austria.

LXXV.

Item, The said Landgraveship of the one, and the other Alsatia, and Suntgau, as also the Provincial Mayoralty on the ten Citys nominated, and their Dependencies.

LXXVI.

Item, All the Vassals, Subjects, People, Towns, Boroughs, Castles, Houses, Fortresses, Woods, Coppices, Gold or Silver Mines, Minerals, Rivers, Brooks, Pastures; and in a word, all the Rights, Regales and Appurtenances, without any reserve, shall belong to the most Christian King, and shall be for ever incorporated with the Kingdom France, with all manner of Jurisdiction and Sovereignty, without any contradiction from the Emperor, the Empire, House of Austria, or any other: so that no Emperor, or any Prince of the House of Austria, shall, or ever ought to usurp, nor so much as pretend any Right and Power over the said Countrys, as well on this, as the other side the Rhine.

LXXVII.

The most Christian King shall, nevertheless, be oblig'd to preserve in all and every one of these Countrys the Catholick Religion, as maintain'd under the Princes of Austria, and to abolish all Innovations crept in during the War.

LXXVIII.

Fourthly, By the Consent of the Emperor and the whole Empire, the most Christian King and his Successors shall have perpetual Right to keep a Garison in the Castle of Philipsburg, but limited to such a number of Soldiers, as may not be capable to give any Umbrage, or just Suspicion to the Neighbourhood; which Garison shall be maintain'd at the Expences of the Crown of France. The Passage

also shall be open for the King into the Empire by Water, when, and as often as he shall send Soldiers, Convoys, and bring necessary things thither.

LXXIX.

Nevertheless the King shall pretend to nothing more than the Protection and safe Passage of his Garison into the Castle of Philipsburg: but the Property of the Place, all Jurisdiction, Possession, all its Profits, Revenues, Purchases, Rights, Regales, Servitude, People, Subjects, Vassals, and every thing that of old in the Bishoprick of Spire, and the Churches incorporated therein, had appertain'd to the Chapter of Spire, or might have appertain'd thereto; shall appertain, and be intirely and inviolably preserv'd to the same Chapter, saving the Right of Protection which the King takes upon him.

LXXX.

The Emperor, Empire, and Monsieur the Arch Duke of Insprug, Ferdinand Charles, respectively discharge the Communitys, Magistrates, Officers and Subjects of each of the said Lordships and Places, from the Bonds and Oaths which they were hitherto bound by, and ty'd to the House of Austria; and discharge and assign them over to the Subjection, Obedience and Fidelity they are to give to the King and Kingdom of France; and consequently confirm the Crown of France in a full and just Power over all the said Places, renouncing from the present, and for ever, the Rights and Pretensions they had thereunto: Which Cession the Emperor, the said Arch-Duke and his Brother (by reason the said Renunciation concerns them particularly) shall confirm by particular Letters for themselves and their Descendants; and shall so order it also, that the Catholick King of Spain shall make the same Renunciation in due and authentick form, which shall be done in the name of the whole Empire, the same Day this present Treaty shall be sign'd.

LXXXI.

For the greater Validity of the said Cessions and Alienations, the Emperor and Empire, by virtue of this present Treaty, abolish all and every one of the Decrees, Constitutions, Statutes and Customs of their Predecessors, Emperors of the sacred Roman Empire, tho they have been confirm'd by Oath, or shall be confirm'd for the future; particularly this Article of the Imperial Capitulation, by which all or any Alienation of the Appurtenances and Rights of the Empire is prohibited: and by the same means they exclude for ever all Exceptions hereunto, on what Right and Titles soever they may be grounded.

LXXXII.

Further it has been agreed, That besides the Ratification promis'd hereafter in the next Diet by the Emperor and the States of the Empire, they shall ratify anew the Alienations of the said Lordships and Rights: insomuch, that if it shou'd be agreed in the Imperial Capitulation, or if there shou'd be a Proposal made for the future, in

the Diet, to recover the Lands and Rights of the Empire, the abovenam'd things shall not be comprehended therein, as having been legally transfer'd to another's Dominion, with the common Consent of the States, for the benefit of the publick Tranquillity; for which reason it has been found expedient the said Seigniorys shou'd be ras'd out of the Matricular-Book of the Empire.

LXXXIII.

Immediately after the Restitution of Benfield, the Fortifications of that Place shall be ras'd, and of the Fort Rhinau, which is hard by, as also of Tabern in Alsatia, of the Castle of Hohember and of Newburg on the Rhine: and there shall be in none of those Places any Soldiers or Garison.

LXXXIV.

The Magistrates and the Inhabitants of the said City of Tabern shall keep an exact Neutrality, and the King's Troops shall freely pass thro' there as often as desir'd. No Forts shall be erected on the Banks of this side the Rhine, from Basle to Philipsburg; nor shall any Endeavours be made to divert the Course of the River, neither on the one side or the other.

LXXXV.

As for what concerns the Debts wherewith the Chamber of Ensisheim is charg'd, the Arch-Duke Ferdinand Charles shall undertake with that part of the Province, which the most Christian King shall restore him, to pay one third without distinction, whether they be Bonds, or Mortgages; provided they are in authentick form, and that they have a particular Mortgage, either on the Provinces to be restor'd, or on them which are to be transfer'd; or if there be none, provided they be found on the Books of Accounts, agreeing with those of Receipts of the Chamber of Ensisheim, until the Expiration of the year 1632, and have been inserted amongst the Debts of the publick Chamber, and the said Chamber having been oblig'd to pay the Interests: the Arch-Duke making this Payment, shall keep the King exempt from the same.

LXXXVI.

And as for those Debts which the Colleges of the States have been charg'd with by the Princes of the House of Austria, pursuant to particular Agreements made in their Provincial Assemblys, or such as the said States have contracted in the name of the Publick, and to which they are liable; a just distribution of the same shall be made between those who are to transfer their Allegiance to the King of France, and them that continue under the Obedience of the House of Austria, that so either Party may know what proportion of the said Debt he is to pay.

LXXXVII.

The most Christian King shall restore to the House of Austria, and particularly to the Arch-Duke Ferdinand Charles, eldest Son to Arch-Duke Leopold, four Forest-Towns, viz. Rheinselden, Seckingen, Laussenberg and Waltshutum, with all their

Territorys and Bayliwicks, Houses, Villages, Mills, Woods, Forests, Vassals, Subjects, and all Appurtenances on this, or the other side the Rhine.

LXXXVIII.

Item, The County of Hawenstein, the Black Forest, the Upper and Lower Brisgaw, and the Towns situate therein, appertaining of Antient Right to the House of Austria, viz. Neuburg, Friburg, Edingen, Renzingen, Waldkirch, Willingen, Bruenlingen, with all their Territorys; as also, the Monasterys, Abbys, Prelacys, Deaconrys, Knight-Fees, Commanderships, with all their Bayliwicks, Baronys, Castles, Fortresses, Countys, Barons, Nobles, Vassals, Men, Subjects, Rivers, Brooks, Forests, Woods, and all the Regales, Rights, Jurisdictions, Fiefs and Patronages, and all other things belonging to the Sovereign Right of Territory, and to the Patrimony of the House of Austria, in all that Country.

LXXXIX.

All Ortnaw, with the Imperial Citys of Ossenburg, Gengenbach, Cellaham and Harmospach, forasmuch as the said Lordships depend - on that of Ortnaw, so that no King of France can or ought ever to ; pretend to or usurp any Right or Power over the said Country situated on this and the other side the Rhine: nevertheless, in such a manner, that by this present Restitution, the Princes of Austria shall acquire no new Right; that for the future, the Commerce and Transportation shall be free to the Inhabitants on both sides of the Rhine, and the adjacent Provinces. Above all, the Navigation of the Rhine be free, and none of the partys shall be permitted to hinder Boats going up or coming down, detain, stop, or molest them under any pretence whatsoever, except the Inspection and Search which is usually done to Merchandizes: And it shall not be permitted to impose upon the Rhine new and unwonted Tolls, Customs, Taxes, Imposts, and other like Exactions; but the one and the other Party shall contented with the Tributes, Dutys and Tolls that were paid before these Wars, under the Government of the Princes of Austria.

XC.

That all the Vassals, Subjects, Citizens and Inhabitants, as well on this as the other side the Rhine, who were subject to the House of Austria, or who depended immediately on the Empire, or who acknowledg'd for Superiors the other Orders of the Empire, notwithstanding all Confiscations, Transferrings, Donations made by any Captains or Generals of the Swedish Troops, or Confederates, since the taking of the Province, and ratify'd by the most Christian King, or decreed by his own particular Motion; immediately after the Publication of Peace, shall be restor'd to the possession of their Goods, immovable and stable, also to their Farms, Castles, Villages, Lands, and Possessions, without any exception upon the account of Expences and Compensation of Charges, which the modern Possessors may alledge, and without Restitution of Movables or Fruits gather'd in.

XCI.

As to Confiscations of Things, which consist in Weight, Number and Measure, Exactions, Concussions and Extortions made during the War; the reclaiming of them is fully annull'd and taken away on the one side and the other, in order to avoid Processes and litigious Strifes.

XCII.

That the most Christian King shall be bound to leave not only the Bishops of Strasburg and Basle, with the City of Strasburg, but also the other States or Orders, Abbots of Murbach and Luederen, who are in the one and the other Alsatia, immediately depending upon the Roman Empire; the Abess of Andlavien, the Monastery of St. Bennet in the Valley of St. George, the Palatines of Luzelstain, the Counts and Barons of Hanaw, Fleckenstein, Oberstein, and all the nobility of Lower Alsatia; Item, the said ten Imperial Citys, which depend on the Mayory of Haganoc, in the Liberty and Possession they have enjoy'd hitherto, to arise as immediately dependent upon the Roman Empire; so that he cannot pretend any Royal Superiority over them, but shall rest contented with the Rights which appertain'd to the House of Austria, and which by this present Treaty of Pacification, are yielded to the Crown of France. In such a manner, nevertheless, that by the present Declaration, nothing is intended that shall derogate from the Sovereign Dominion already hereabove agreed to.

XCIII.

Likewise the most Christian King, in compensation of the things made over to him, shall pay the said Archduke Ferdinand Charles three millions of French Livres, in the next following Years 1649 1650, 1651, on St. John Baptist's Day, paying yearly one third of the said Sum at Basle in good Money to the Deputys of the said Archduke.

XCIV.

Besides the said Sum, the most Christian King shall be oblig'd to take upon him two Thirds of the Debts of the Chamber of Ensisheim without distinction, whether by Bill or Mortgage, provided they be in due and authentic Form, and have a special Mortgage either on the Provinces to be transfer'd, or on them to be restor'd; or if there be none, provided they be found on the Books of Accounts agreeing with those of the Receits of the Chamber of Ensisheim, until the end of the Year 1632, the said Sums having been inserted among the Debts of the Community, and the Chamber having been oblig'd to pay the Interests: And the King making this Payment, the Archduke shall be exempted for such a proportion. And that the same may be equitably executed, Commissarys shall be deputed on the one side and the other,

immediately after the signing of this present Treaty, who before the Payment of the first Sum, shall agree between them what Debts every one has to pay.

XCV.

The most Christian King shall restore to the said Archduke bona fide, and without delay, all Papers, Documents of what nature so-ever, belonging to the Lands which are to be surrender'd to him, even as many as shall be found in the Chancery of the Government and Chamber of Ensisheim, or of Brisac, or in the Records of Officers, Towns, and Castles possess'd by his Arms.

XCVI.

If those Documents be publick, and concern in common and jointly the Lands yielded to the King, the Archduke shall receive authentick Copys of them, at what time and as often as he shall demand them.

XCVII.

Item, For fear the Differences arisen between the Dukes of Savoy and Mantua touching Montserrat, and terminated by the Emperor Ferdinand and Lewis XIII. Fathers to their Majestys, shou'd revive some time or other to the damage or Christianity; it has been agreed, That the Treaty of Cheras of the 6th of April 1631. with the Execution thereof which ensu'd in the Montserrat, shall continue firm for ever, with all its Articles: Pignerol, and its Appurtenances, being nevertheless excepted, concerning which there has been a decision between his most Christian Majesty and the Duke of Savoy, and which the King of France and his Kingdom have purchas'd by particular Treatys, that shall remain firm and stable, as to what concerns the transferring or resigning of that Place and its Appurtenances. But if the said particular Treatys contain any thing which may trouble the Peace of the Empire, and excite new Commotions in Italy, after the present War, which is now on foot in that Province, shall be at an end, they shall be look'd upon as void and of no effect; the said Cession continuing nevertheless unviolable, as also the other Conditions agreed to, as well in favour of the Duke of Savoy as the most Christian King: For which reason their Imperial and most Christian Majestys promise reciprocally, that in all other things relating to the said Treaty of Cheras, and its Execution, and particularly to Albe, Trin, their Territorys, and the other places, they never shall contravene them either directly or indirectly, by the way of Right or in Fact; and that they neither shall succour nor countenance the Offender, but rather by their common Authority shall endeavour that none violate them under any pretence whatsoever; considering that the most Christian King has declar'd, That he was highly oblig'd to advance the Execution of the said Treaty, and even to maintain it by Arms; that above all things the said Lord, the Duke of Savoy, notwithstanding the Clauses abovemention'd, shall be always maintain'd in the peaceable possession of Trin and

Albe, and other places, which have been allow'd and assign'd him by the said Treaty, and by the Investiture which ensu'd thereon of the Dutchy of Montserrat.

XCVIII.

And to the end that all Differences be extirpated and rooted out between these same Dukes, his most Christian Majesty shall pay to the said Lord, the Duke of Mantua, four hundred ninety four thousand Crowns, which the late King of blessed Memory, Lewis XIII. had promis'd to pay to him on the Duke of Savoy's Discount; who by this means shall together with his Heirs and Successors be discharg'd from this Obligation, and secur'd from all Demands which might be made upon him of the said Sum, by the Duke of Mantua, or his Successors; so that for the future neither the Duke of Savoy, nor his Heirs and Successors, shall receive any Vexation or Trouble from the Duke of Mantua, his Heirs and Successors, upon this subject, or under this pretence.

XCIX.

Who hereafter, with the Authority and Consent of their Imperial and most Christian Majestys, by virtue of this solemn Treaty of Peace, shall have no Action for this account against the Duke of Savoy, or his Heirs and Successors.

C.

His Imperial Majesty, at the modest Request of the Duke of Savoy, shall together with the Investiture of the antient Fiefs and States, which the late Ferdinand II. of blessed memory granted to the Duke of Savoy, Victor Amadeus, also grant him the Investiture of the Places, Lordships, States, and all other Rights of Montserrat, with their Appurtenances, which have been surrender'd to him by virtue of the abovesaid Treaty of Cheras, and the Execution thereof which ensu'd; as also, of the Fiefs of New Monsort, of Sine, Monchery, and Castelles, with their Appurtenances, according to the Treaty of Acquisition made by the said Duke Victor Amadeus, the 13th of October 1634. and conformable to the Concessions or Permissions, and Approbation of his Imperial Majesty; with a Confirmation also of all the Privileges which have been hitherto granted to the Dukes of Savoy, when and as often as the Duke of Savoy shall request and demand it.

CI.

Item, It has been agreed, That the Duke of Savoy, his Heirs and Successors, shall no ways be troubled or call'd to an account by his Imperial Majesty, upon account of the Right of Sovereignty they have over the Fiefs of Rocheveran, Olme, and Casoles, and their Appurtenances, which do not in the least depend on the Roman Empire, and that all Donations and Investitures of the said Fiefs being revok'd and annul'd, the Duke shall be maintain'd in his Possession as rightful Lord; and if need be, reinstated: for the same reason his Vassal the Count de Verrue shall be re-instated

in the same Fiefs of Olme and Casoles, and in the Possession of the fourth part of Rocheveran, and in all his Revenues.

CII.

Item, It is Agreed, That his Imperial Majesty shall restore to the Counts Clement and John Sons of Count Charles Cacheran, and to his Grandsons by his Son Octavian, the whole Fief of la Roche d'Arazy, with its Appurtenances and Dependencys, without any Obstacle whatever.

CIII.

The Emperor shall likewise declare, That within the Investiture of the Dutchy of Mantua are comprehended the Castles of Reygioli and Luzzare, with their Territorys and Dependencys, the Possession whereof the Duke of Guastalla shall be oblig'd to render to the Duke of Mantua, reserving to himself nevertheless, the Right of Six Thousand Crowns annual Pension, which he pretends to, for which he may sue the Duke before his Imperial Majesty.

CIV.

As soon as the Treaty of Peace shall be sign'd and seal'd by the Plenipotentiarys and Ambassadors, all Hostilitys shall cease, and all Partys shall study immediately to put in execution what has been agreed to; and that the same may be the better and quicker accomplish'd, the Peace shall be solemnly publish'd the day after the signing thereof in the usual form at the Cross of the Citys of Munster and of Osnabrug. That when it shall be known that the signing has been made in these two Places, divers Couriers shall presently be sent to the Generals of the Armys, to acquaint them that the Peace is concluded, and take care that the Generals chuse a Day, on which shall be made on all sides a Cessation of Arms and Hostilitys for the publishing of the Peace in the Army; and that command be given to all and each of the chief Officers Military and Civil, and to the Governors of Fortresses, to abstain for the future from all Acts of Hostility: and if it happen that any thing be attempted, or actually innovated after the said Publication, the same shall be forthwith repair'd and restor'd to its former State.

CV.

The Plenipotentiarys on all sides shall agree among themselves, between the Conclusion and the Ratification of the Peace, upon the Ways, Time, and Securitys which are to be taken for the Restitution of Places, and for the Disbanding of Troops; of that both Partys may be assur'd, that all things agreed to shall be sincerely accomplish'd.

CVI.

The Emperor above all things shall publish an Edict thro'out the Empire, and strictly enjoin all, who by these Articles of Pacification are oblig'd to restore or do any thing else, to obey it promptly and without tergi-versation, between the signing

and the ratifying of this present Treaty; commanding as well the Directors as Governors of the Militia of the Circles, to hasten and finish the Restitution to be made to every one, in conformity to those Conventions, when the same are demanded. This Clause is to be inserted also in the Edicts, That whereas the Directors of the Circles, or the Governors of the Militia of the Circles, in matters that concern themselves, are esteem'd less capable of executing this Affair in this or the like case and likewise if the Directors and Governors of the Militia of the Circles refuse this Commission, the Directors of the neighbouring Circle, or the Governors of the Militia of the Circles shall exercise the Function, and officiate in the execution of these Restitutions in the other Circles, at the instance of the Partys concern'd.

CVII.

If any of those who are to have something restor'd to them, suppose that the Emperor's Commissarys are necessary to be present at the Execution of some Restitution (which is left to their Choice) they shall have them. In which case, that the effect of the things agreed on may be the less hinder'd, it shall be permitted as well to those who restore, as to those to whom Restitution is to be made, to nominate two or three Commissarys immediately after the signing of the Peace, of whom his Imperial Majesty shall chuse two, one of each Religion, and one of each Party, whom he shall injoin to accomplish without delay all that which ought to be done by virtue of this present Treaty. If the Restorers have neglected to nominate Commissioners, his Imperial Majesty shall chuse one or two as he shall think fit (observing, nevertheless, in all cases the difference of Religion, that an equal number be put on each side) from among those whom the Party, to which somewhat is to be restor'd, shall have nominated, to whom he shall commit the Commission of executing it, notwithstanding all Exceptions made to the contrary; and for those who pretend to Restitutions, they are to intimate to the Restorers the Tenour of these Articles immediately after the Conclusion of the Peace.

CVIII.

Finally, That all and every one either States, Commonaltys, or private Men, either Ecclesiastical or Secular, who by virtue of this Transaction and its general Articles, or by the express and special Disposition of any of them, are oblig'd to restore, transfer, give, do, or execute any thing, shall be bound forthwith after the Publication of the Emperor's Edicts, and after Notification given, to restore, transfer, give, do, or execute the same, without any Delay or Exception, or evading Clause either general or particular, contain'd in the precedent Amnesty, and without any Exception and Fraud as to what they are oblig'd unto.

CIX.

That none, either Officer or Soldier in Garisons, or any other whatsoever, shall oppose the Execution of the Directors and Governors of the Militia of the Circles or

Commissarys, but they shall rather promote the Execution; and the said Executors shall be permitted to use Force against such as shall endeavour to obstruct the Execution in what manner soever.

CX.

Moreover, all Prisoners on the one side and the other, without any distinction of the Gown or the Sword, shall be releas'd after the manner it has been covenanted, or shall be agreed between the Generals of the Armys, with his Imperial Majesty's Approbation.

CXI.

The Restitution being made pursuant to the Articles of Amnesty and Grievances, the Prisoners being releas'd, all the Soldiery of the Garisons, as well the Emperor's and his Allys, as the most Christian King's, and of the Landgrave of Hesse, and their Allys and Adherents, or by whom they may have been put in, shall be drawn out at the same time, without any Damage, Exception, or Delay, of the Citys of the Empire, and all other Places which are to be restor'd.

CXII.

That the very Places, Citys, Towns, Boroughs, Villages, Castles, Fortresses and Forts which have been possess'd and retain'd, as well in the Kingdom of Bohemia, and other Countrys of the Empire and Hereditary Dominions of the House of Austria, as in the other Circles of the Empire, by one or the other Army, or have been surrender'd by Composition; shall be restor'd without delay to their former and lawful Possessors and Lords, whether they be mediately or immediately States of the Empire, Ecclesiastical or Secular, comprehending therein also the free Nobility of the Empire: and they shall be left at their own free disposal, either according to Right and Custom, or according to the Force this present Treaty ought to have, notwithstanding all Donations, Infeoffments, Concessions (except they have been made by the free-will of some State) Bonds for redeeming of Prisoners, or to prevent Burnings and Pillages, or such other like Titles acquir'd to the prejudice of the former and lawful Masters and Possessors. Let also all Contracts and Bargains, and all Exceptions contrary to the said Restitution cease, all which are to be esteem'd void; saving nevertheless such things as have been otherwise agreed on in the precedent Articles touching the Satisfaction to made to his most Christian Majesty, as also some Concessions and equivalent Compensations granted to the Electors and Princes of the Empire. That neither the Mention of the Catholick King, nor Quality of the Duke of Lorain given to Duke Charles in the Treaty between the Emperor and Swedeland, and much less the Title of Landgrave of Alsace, given to the Emperor, shall be any prejudice to the most Christian King. That also which has been agreed touching the Satisfaction to be made to the Swedish Troops, shall have no effect in respect to his Majesty.

CXIII.

And that this Restitution of possess'd Places, as well by his Imperial Majesty as the most Christian King, and the Allys and Adherents of the one and the other Party, shall be reciprocally and bona fide executed.

CXIV.

That the Records, Writings and Documents, and other Moveables, be also restor'd; as likewise the Cannon found at the taking of the Places, and which are still in being. But they shall be allow'd to carry off with them, and cause to be carry'd off, such as have been brought thither from other parts after the taking of the Places, or have been taken in Battels, with all the Carriages of War, and what belongs thereunto.

CXV.

That the Inhabitants of each Place shall be oblig'd, when the Soldiers and Garisons draw out, to furnish them without Money the necessary Waggons, Horses, Boats and Provisions, to carry off all things to the appointed Places in the Empire; which Waggons, Horses and Boats, the Governors of the Garisons and the Captains of the withdrawing Soldiers shall restore without any Fraud or Deceit. The Inhabitants of the States shall free and relieve each other of this trouble of carrying the things from one Territory to the other, until they arrive at the appointed Place in the Empire; and the Governors or other Officers shall not be allow'd to bring with him or them the lent Waggons, Horses and Boats, nor any other thing they are accommodated with, out of the limits they belong unto, much less out of those of the Empire.

CXVI.

That the Places which have been restor'd, as, well Maritime as Frontiers, or in the heart of the Country shall from henceforth and for ever be exempted from all Garisons, introduc'd during the Wars, and left (without prejudice in other things to every one's Right) at the full liberty and disposal of their Masters.

CXVII.

That it shall not for the future, or at present, prove to the damage and prejudice of any Town, that has been taken and kept by the one or other Party; but that all and every one of them, with their Citizens and Inhabitants, shall enjoy as well the general Benefit of the Amnesty, as the rest of this Pacification. And for the Remainder of their Rights and Privileges, Ecclesiastical and Secular, which they enjoy'd before these Troubles, they shall be maintain'd therein; save, nevertheless the Rights of Sovereignty, and what depends thereon, for the Lords to whom they belong.

CXVIII.

Finally, that the Troops and Armys of all those who are making War in the Empire, shall be disbanded and discharg'd; only each Party shall send to and keep up as many Men in his own Dominion, as he shall judge necessary for his Security.

CXIX.

The Ambassadors and Plenipotentiarys of the Emperor, of the King, and the States of the Empire, promise respectively and the one to the other, to cause the Emperor, the most Christian King, the Electors of the Sacred Roman Empire, the Princes and States, to agree and ratify the Peace which has been concluded in this manner, and by general Consent; and so infallibly to order it, that the solemn Acts of Ratification be presented at Munster, and mutually and in good form exchange'd in the term of eight weeks, to reckon from the day of signing.

CXX.

For the greater Firmness of all and every one of these Articles, this present Transaction shall serve for a perpetual Law and establish'd Sanction of the Empire, to be inserted like other fundamental Laws and Constitutions of the Empire in the Acts of the next Diet of the Empire, and the Imperial Capitulation; binding no less the absent than the present, the Ecclesiasticks than Seculars, whether they be States of the Empire or not: insomuch as that it shall be a prescrib'd Rule, perpetually to be follow'd, as well by the Imperial Counsellors and Officers, as those of other Lords, and all Judges and Officers of Courts of Justice.

CXXI.

That it never shall be alledg'd, allow'd, or admitted, that any Canonical or Civil Law, any general or particular Decrees of Councils, any Privileges, any Indulgences, any Edicts, any Commissions, Inhibitions, Mandates, Decrees, Rescripts, Suspensions of Law, Judgments pronounc'd at any time, Adjudications, Capitulations of the Emperor, and other Rules and Exceptions of Religious Orders, past or future Protestations, Contradictions, Appeals, Investitures, Transactions, Oaths, Renunciations, Contracts, and much less the Edict of 1629. or the Transaction of Prague, with its Appendixes, or the Concordates with the Popes, or the Interims of the Year 1548. or any other politick Statutes, or Ecclesiastical Decrees, Dispensations, Absolutions, or any other Exceptions, under what pretence or colour they can be invented; shall take place against this Convention, or any of its Clauses and Articles neither shall any inhibitory or other Processes or Commissions be ever allow'd to the Plaintiff or Defendant.

CXXXII.

That he who by his Assistance or Counsel shall contravene this Transaction or Publick Peace, or shall oppose its Execution and the abovesaid Restitution, or who shall have endeavour'd, after the Restitution has been lawfully made, and without exceeding the manner agreed on before, without a lawful Cognizance of the Cause, and without the ordinary Course of Justice, to molest those that have been restor'd, whether Ecclesiasticks or Laymen; he shall incur the Punishment of being an

Infringer of the publick Peace, and Sentence given against him according to the Constitutions of the Empire, so that the Restitution and Reparation may have its full effect.

CXXIII.

That nevertheless the concluded Peace shall remain in force, and all Partys in this Transaction shall be oblig'd to defend and protect all and every Article of this Peace against any one, without distinction of Religion; and if it happens any point shall be violated, the Offended shall before all things exhort the Offender not to come to any Hostility, submitting the Cause to a friendly Composition, or the ordinary Proceedings of Justice.

CXXIV.

Nevertheless, if for the space of three years the Difference cannot be terminated by any of those means, all and every one of those concern'd in this Transaction shall be oblig'd to join the injur'd Party, and assist him with Counsel and Force to repel the Injury, being first advertis'd by the injur'd that gentle Means and Justice prevail'd nothing; but without prejudice, nevertheless, to every one's Jurisdiction, and the Administration of Justice conformable to the Laws of each Prince and State: and it shall not be permitted to any State of the Empire to pursue his Right by Force and Arms; but if any difference has happen'd or happens for the future, every one shall try the means of ordinary Justice, and the Contravener shall be regarded as an Infringer of the Peace. That which has been determin'd by Sentence of the Judge, shall be put in execution, without distinction of Condition, as the Laws of the Empire enjoin touching the Execution of Arrests and Sentences.

CXXV.

And that the publick Peace may be so much the better preserv'd intire, the Circles shall be renew'd; and as soon as any Beginnings of Troubles are perceiv'd, that which has been concluded in the Constitutions, of the Empire, touching the Execution and Preservation of the Public Peace, shall be observ'd.

CXXVI.

And as often as any would march Troops thro' the other Territorys, this Passage shall be done at the charge of him whom the Troops belong to, and that without burdening or doing any harm or damage to those whole Countrys they march thro'. In a word, all that the Imperial Constitutions determine and ordain touching the Preservation of the publick Peace, shall be strictly observ'd.

CXXVII.

In this present Treaty of Peace are comprehended such, who before the Exchange of the Ratification or in six months after, shall be nominated by general Consent, by the one or the other Party; mean time by a common Agreement, the Republick of

Venice is therein compriz'd as Mediatrix of this Treaty. It shall also be of no prejudice to the Dukes of Savoy and Modena, or to what they shall act, or are now acting in Italy by Arms for the most Christian King.

CXXVIII.

In Testimony of all and each of these things, and for their greater Validity, the Ambassadors of their Imperial and most Christian Majestys, and the Deputys, in the name of all the Electors, Princes, and States of the Empire, sent particularly for this end (by virtue of what has been concluded the 13th of October, in the Year hereafter mention'd, and has been deliver'd to the Ambassador of France the very day of signing under the Seal of the Chancellor of Mentz) viz. For the Elector of Mayence, Monsieur Nicolas George de Reigersberg, Knight and Chancellor; for the Elector of Bavaria, Monsieur John Adolph Krebs, Privy Counsellor; for the Elector of Brandenburg, Monsieur John Count of Sain and Witgenstein, Lord of Homburg and Vallendar, Privy Counsellor.

In the Name of the House of Austria, M. George Verie, Count of Wolkenstein, Counsellor of the Emperor's Court; M. Corneille Gobelius, Counsellor of the Bishop of Bamberg; M. Sebastian William Meel, Privy Counsellor to the Bishop of Wirtzburg; M. John Earnest, Counsellor of the Duke of Bavaria's Court; M. Wolff Conrad of Thumbshirn, and Augustus Carpzovius, both Counsellors of the Court of Saxe-Altenburg and Coburg; M. John Fromhold, Privy Counsellor of the House of Brandenburg-Culmbac, and Onolzbac; M. Henry Laugenbeck, J.C. to the House of Brunswick-Lunenburg; James Limpodius, J.C. Counsellor of State to the Branch of Calemburg, and Vice-Chancellor of Lunenburg. In the Name of the Counts of the Bench of Wetteraw, M. Matthews Wesembecius, J. D. and Counsellor.

In the Name of the one and the other Bench, M. Marc Ottoh of Strasburg, M. John James Wolff of Ratisbon, M. David Gloxinus of Lubeck, and M. Lewis Christopher Kres of Kressenstein, all Syndick Senators, Counsellors and Advocates of the Republick of Noremberg; who with their proper Hands and Seals have sign'd and seal'd this present Treaty of Peace, and which said Deputys of the several Orders have engag'd to procure the Ratifications of their Superiors in the prefix'd time, and in the manner it has been covenanted, leaving the liberty to the other Plenipotentiarys of States to sign it, if they think it convenient, and send for the Ratifications of their Superiors: And that on condition that by the Subscription of the abovesaid Ambassadors and Deputys, all and every one of the other States who shall abstain from signing and ratifying the present Treaty, shall be no less oblig'd to maintain and observe what is contain d in this present Treaty of Pacification, than if they had subscrib'd and ratify'd it; and no Protestation or Contradiction of the Council of Direction in the Roman Empire shall be valid, or receiv'd in respect to the Subscription and said Deputys have made.

Done, pass'd and concluded at Munster in Westphalia, the 24th Day of October, 1648.

УТРЕХТСКИЙ МИРНЫЙ ДОГОВОР МЕЖДУ АНГЛИЕЙ И ФРАНЦИЕЙ.

11 АПРЕЛЯ 1713 г.

(Извлечение)

Ст. I. (О вечном мире и тесной дружбе.)

Ст. IV. (Об отказе французского короля от поддержки свергнутой в Англии династии Стюартов.)

Ст. V. (О признании Англией испанским королем Филиппа V Бурбона при условии, чтобы короны Франции и Испании никогда не были бы объединены в одних руках.)

Ст. IX. Христианнейший король дает обязательство срыть все укрепления города Дюнкерка, засыпать порт, уничтожить шлюзы у вышеназванного порта и все это сделать за свой счет и в пятимесячный срок после заключения мира.

Ст. X. Христианнейший король передает королевству и королю Великобритании в полное право и на вечное владение залив и пролив Гудзона, со всеми землями, морями, реками и местностями, которые от них зависят и которые там находятся...

Ст. XI. Христианнейший король даст справедливое и полноценное удовлетворение интересам английской компании залива Гудзона и возместит убытки, которые компания могла бы понести в мирное время со стороны французских корсаров...

Ст. XII. Христианнейший король передает королю Великобритании... остров Сент-Кристофер, которым отныне будут владеть только его подданные; Новую Шотландию, иначе называемую Акадией, в соответствии со старыми границами; а также город Порт-Руаяль, ныне называемый Аннаполис Руаяль.

Ст. XIII. Остров Тернев (Ньюфаундленд) с прилежащими островами будет отныне принадлежать Великобритании.

Ст. XXIII. (Соглашение о выплате долгов, сделанных подданными обеих сторон, которые находились в плену во время войны.)

Ст. XXIV-XXV. (О включении в настоящий договор договоров, подписанных в тот же день между французским королем, с одной стороны, и королями португальским и савойским - с другой.)

Ст. XXVI. (Король шведский, великий герцог тосканский, республика Женева и герцог пармский присоединяются к настоящему договору.)

**УТРЕХТСКИЙ МИРНЫЙ ДОГОВОР МЕЖДУ АНГЛИЕЙ
И ИСПАНИЕЙ.**

13 ИЮЛЯ 1713 г.

(Извлечение)

(Уполномоченные: Англии - Бристоль, Страфффорд, Испании - де Оссуна, де Монтелеоне.)

Ст. I. (О вечном мире и дружбе.)

Ст. X. Католический король за себя, своих наследников и преемников отказывается и передает его величеству королю Великобритании в полное и нераздельное владение город и крепость Гибралтар вместе с портом, вооружениями и укреплениями...

Ст. XI. Католический король за себя, своих наследников и преемников уступает королю Великобритании весь остров Ме-норку и передает в вечное право и полное владение на вышеназванном острове город, крепость и вооружения порта Маон...

Ст. XII. Католический король при этом на будущее время заключает договор и дает разрешение его британскому величеству в лице торговой компании его подданных, с этой целью учрежденной, исключая, однако, испанских подданных и подданных всех прочих стран, право на ввоз негров в различные части владений его католического величества в Америке, именуемое в народе договором об ассиенто, сроком на тридцать лет.

**УТРЕХТСКИЙ МИРНЫЙ ДОГОВОР МЕЖДУ АНГЛИЕЙ
И ИСПАНИЕЙ.**

13 ИЮЛЯ 1713 г.

(Извлечение)

Ст. I. (О вечном нерушимом мире на земле и воде.)

Ст. II. (Об амнистии.)

Ст. IV. Его кор. вел. шведское уступает сим за себя и своих потомков и наследников... его цар. вел. и его потомкам и наследникам Российского государства в совершенное неприкосновенное, вечное владение и собственность... завоеванные провинции: Лифляндию, Эстляндию, Ингерманландию [Ижорская земля] и часть Карелии с дистриктом Выборгского лена... с городами и крепостями: Ригой, Дюнаминдом, Пернавой, Ревелем, Дерп-том, Нчрвой, Выборгом, Кексгольмом и всеми прочими к упомянутым провинциям подлежащими городами, крепостями, гаванями, местами,

дистриктам берегами, с островами: Эзель, Даго и Мрном и вгеми другими от Курлянской границы по Лифлянд-ским, Эстляпдским и Ингерманландским берегам и на стороне Оста от Ревеля в фарватере к Выборгу на стороне Зюйда и Оста лежащими островами...

Ст. V. Пробив того же его цар. вел. обещает в 4 недели по размене ратификаций о сем мирном трактате... его кор. вел. и короне свейской возвратить... вел. княжество Финляндское, кроме той части, которая внизу в описанном разграничении выключена, и за его цар. вел. остаться имеет...

Ст. VI. Его кор. вел. свейское о коммерции сим себе выговорил, что ему в вечные времена свободно быть имеет в Риге, в Ревеле и Аренсбурге ежегодно на 50 000 рублей хлеба покушать повелеть, который... не платя никаких пошлин или иных налогов в Швецию, свободно вывезен быть имеет.

Ст. XIV. (Об обмене военнопленных.)

Ст. XV. Его кор. вел. [король Дании] и Речь Посполитая Польская, яко его цар. вел. союзники, в сей мир именно включаются, и им вступление таким образом совершенно представляется тако, яко бы между ими и короной свейской возобновляемый мирный трактат от слова до слова в сей внесен был... Того ради обещает его кор. вел. свейский, что он немедленно в то место, о котором он с его кор. вел. и Речью Посполитой Польской согласится, своих полномочных пошлет, и под его цар. вел. медиацией с оными вечный мир... на пристойных кондициях возобновить и заключить изволит.

Ст. XXI. От страны его кор. вел. свойского, так ож, его кор. вел. великобританское в сей мирный трактат включается, однако же с представлением того, в чем либо его цар. вел. от его кор. вел. великобританского, себя отягчена находит: о чем прямо между его цар. вел. и его кор. вел. великобританским добродетельно трактовано и соглашено быть имеет.

БЕРЛИНСКИЙ МИРНЫЙ ДОГОВОР МЕЖДУ АВСТРИЕЙ И ПРУССИЕЙ.

28 ИЮЛЯ 1742 г.

(Извлечение)

Ст. I. (О нерушимом мире и совершенной дружбе.)

Ст. II. (Об амнистии подданных обеих сторон.)

Ст. IV. (О прекращении военных действий и обязательстве прусского короля в 16-дневный срок после подписания прелиминариев отвести войска «в свои собственные земли».)

Ст. V. Ее вел. королева Венгерская и Богемская, как за себя, так и за своих наследников и преемников... уступает сим трактатом... его вел. королю Прусскому... не только Нижнюю, но и Верхнюю Силезию, с Качерским дистриктом, прежде сего Моравии принадлежащим... включая княжество Тешенское, город Тропау... и Фридек... (которые) остаются ее вел. кор. Венгер. и Богем... Равным образом ее вел. кор. Венгер. и Богем., как за себя, так и за своих наследников и преемников, уступает его Вел. кор. Прус, его же наследниками и преемниками обоюдо, город и замок Глац, и все Глацкое графство...

Ст. VII. (О возвращении пленных, захваченных во время войны.)

Ст. XIV. Обе вые. дог. стороны... настоящим мирным трактатом соглашаются в оный включить его вел. короля Великобританского, как в сем достоинстве, так и в достоинстве курфюрста Ганноверского, ее вел. Всероссийское, его вел. короля Датского, его вел. короля Польского, как курфюрста Саксонского, генеральных штатов Соединенных провинций Нидерландии и светл. Вольфенбительский дом.

ААХЕНСКИЙ МИРНЫЙ ДОГОВОР.

18 ОКТЯБРЯ 1748 г.

**(ПОДПИСАН ПРЕДСТАВИТЕЛЯМИ АНГЛИИ, ФРАНЦИИ,
АВСТРИИ, ИСПАНИИ, САРДИНИИ, НИДЕРЛАНДОВ, МОДЕНЫ,
ЖЕНЕВЫ)**

(Извлечение)

Ст. I. (О вечном мире на море и на суше и тесной дружбе между подписавшими договор державами.)

Ст. II. (О решении положить в основу настоящего договора прежние договоры: Вестфальский 1648 г., Мадридские 1667 г. и 1670 г. (между Англией и Испанией), Нимвингемские 1678 г. и 1679 г., Рисвикский 1697 г., Утрехтский 1713 г.)

Ст. IV. (О возвращении пленных, торговых и военных кораблей, захваченных во время войны.)

Ст. VI. Императрице королеве Венгрии и Богемии будет передано все, чем она владела до настоящей войны в Нидерландах и других местах, за исключением того, что оговорено в настоящем договоре. В то же время Соединенным провинциям Нидерландов будет передано в полное владение Берген-оп-зоом и Маастрихт, которыми они владели до настоящей войны и все то, чем они владели до настоящей войны в Голландской Фландрии и в Брабанте,

называемом Голландским... Король Сардинии... будет полностью восстановлен в своих правах в герцогстве Савойском и в графстве Ницца, так же как и во всех государствах, странах, местах и крепостях, завоеванных и захваченных в течение настоящей войны.

...Герцог Моденский и... республика Женева... получают полностью в свое владение государства, страны и крепости, которые были завоеваны и заняты в течение настоящей войны.

Ст. VII... Герцогства Парма, Пьяченца и Гаусталла уступаются его св. инфанту дон Филиппу...

Ст. IX. Его христианнейшее вел. обязуется возвратить все завоевания, сделанные им в Нидерландах и в Америке.

Ст. X. Его брит. вел. обязуется со своей стороны передать христ. королю... остров Руаяль, называемый Кап-Бретон, и все то, что было завоевано в восточной и западной Индии армией или подданными его брит. вел. до или после подписания прелиминарного мира.

Ст. XVI. Договор ассиенто о торговле рабами, подписанный в Мадриде, в 1713 г., подтверждается настоящим договором.

[По англо-испанскому соглашению 1713 г., подписанному в Мадриде, Англия получила монопольное право на торговлю рабами в испанских колониях.]

Ст. XVII. Дюнкерк остается укрепленным с суши так, как это есть в настоящее время, а с моря так, как это обусловлено прежними трактатами.

Ст. XXI. Все державы, участвующие в данном договоре, гарантируют прагматическую санкцию 19 апреля 1713 г. о наследстве покойного императора Карла VI в пользу его дочери императрицы королевы Венгрии и Богемии, ныне царствующей, и ее наследников, в порядке установленном вышеназванной прагматической санкцией.

Ст. XXII. Герцогство Силезия и графство Глац, которыми в настоящее время владеет король Пруссии, гарантируются этому монарху всеми державами, подписавшими настоящий трактат.

СОЮЗНЫЙ ДОГОВОР МЕЖДУ АВСТРИЕЙ И ФРАНЦИЕЙ.

1 МАЯ 1756 г.

(Извлечение)

Ст. 1. Будет истинная и постоянная дружба и тесный союз между ее вел. королевой Венгеро-Богемской [Австрийская императрица Мария-Терезия] и его христианнейшим величеством [Французский король Людовик XV], их

наследниками и преемниками, королевствами, областями, провинциями, землями, подданными и вассалами.

Ст. 2. (О возобновлении и подтверждении Вестфальского трактата 1648 г. и всех мирных договоров, после него заключенных.)

Ст. 3. Ее вел. импер. королева обещает и обязуется как за себя, так и за своих наследников и преемников гарантировать и защищать все области провинции и земли в Европе, которыми действительно владеет его христ. вел., против нападения какой-либо державы, исключая лишь случаи настоящей войны между Англией и Францией...

Ст. 4. Его христ. вел. обещает ее имп. вел. королеве, ее наследникам и преемникам гарантировать и защищать против нападения какой-либо державы все королевства, области, провинции и земли, которыми она действительно владеет в Европе.

Ст. 5. В силу этой взаимной гарантии обе вые. дог. стороны будут действовать всегда согласно в целях принятия мер, которые они найдут полезными для поддержания мира; и в случае, если одна из сторон подвергнется угрозе нападения, другая предложит свои добрые услуги, чтобы воспрепятствовать этому.

Ст. 6. Но если эти добрые услуги, которые они друг другу обещают, не приведут к желаемому результату, то в случае если одна или другая сторона под каким бы то ни было предлогом подвергнется нападению, то вышеупомянутые государи обязуются предоставить друг другу помощь в количестве 24000 человек. Этот пункт исключает настоящую войну в Америке между Францией и Англией, о которой говорилось в статье 3 данного договора.

Ст. 7. Ее импер. вел. кор. Венгеро-Богемская и его христианнейшее вел. оставляют за собой право пригласить другие державы присоединиться к настоящему исключительно оборонительному договору.

ДОГОВОР О ДРУЖБЕ И СОЮЗЕ МЕЖДУ ФРАНЦИЕЙ И ИСПАНИЕЙ («СЕМЕЙНЫЙ ДОГОВОР»).

15 АВГУСТА 1761 г.

(Извлечение)

Узы крови, объединяющие обоих монархов, которые царствуют во Франции и в Испании, и особые чувства, которые они питают друг к другу и которые они не раз доказывали, обязывают его величество христианнейшего короля и его величество католического короля установить и заключить между собой договор о дружбе и союзе под названием семейного договора...

Ст. I. Христ. король и катол. король заявляют, что в силу их тесных родственных и дружественных связей, а также союза, заключенного настоящим договором, они будут рассматривать в качестве своего неприятеля каждую державу, которая окажется враждебной одной из двух договаривающихся сторон.

Ст. II. (Взаимная гарантия владений и территорий дог. сторон.)

Ст. V. Установлено между обоими королями, что держава, от которой потребуются оказание помощи, будет иметь в одном или нескольких своих портах через три месяца после предъявления требования двенадцать линейных кораблей и шесть вооруженных фрегатов для предоставления их в распоряжение державы, требующей помощи.

Ст. VI. Держава, от которой требуется помощь, предоставит в течение того же трехмесячного срока в распоряжение державы, которая нуждается в помощи, 18000 человек пехоты, 6000 конницы, в том случае, если получающей помощь державой будет Франция, и 10000 человек пехоты и 2000 конницы, если получающей помощь державой будет Испания.

Ст. XV-XVI. (Обязательства содержать в полном составе и хорошо вооруженных армию и флот и совместно вести войну.)

Ст. XVII. (Обязательство не заключать сепаратного мира.)

Ст. XXIV. Подданные обеих дог. сторон, занимающиеся торговлей, рассматриваются как собственные подданные той страны, куда они пребывают или находятся; так что испанский торговый флот будет пользоваться во Франции теми же правами и прерогативами, что и французский флот, и равным образом французский торговый флот в Испании будет пользоваться такими же правами, как и испанский флот.

МИРНЫЙ ДОГОВОР МЕЖДУ РОССИЕЙ И ПРУССИЕЙ.

24 АПРЕЛЯ 1762 г.

(Извлечение)

Ст. I. Отныне будет вечно ненарушимый мир и совершенная искренняя дружба между его вел. импер. всерос, наследниками и преемниками, также и всеми его государствами, с одной стороны, и его вел. кор. прус, наследниками и преемниками, также и всеми его государствами с другой...

Ст. II. Его вел. импер. всерос. предоставляет себе употребить добрые свои официи, для способствования сего мира между высокими воюющими державами, уничтожая для того все в прошедшее время постановленные

обязательства, кои сим полезным и миролюбивым видам могли быть вопреки и обязывали бы его импер. вел. принимать участие в войне его вел. кор. прус, с неприятелями его в качестве поличной или главной воюющей стороны.

Ст. III. Его вел. кор. прус, обещает и обязывается не только не заключать никакого союза и обязательства, кои могли бы быть противны интересам всерос. империи..., но и уничтожить так же все прежние постановления, по колику бы оные не сходствовали с настоящим трактатом...

Ст. VI. Импер. всерос. обещает и обязывается сим трактатом формально и торжественнейше возратить его вел. кор. прус, все области, земли, города, места и крепости, его прус. вел. принадлежащие, кои в течение сей войны заняты были российским оружием, считая со дня подписания его трактата в два месяца...

Статья сепаратная I. (О порядке возвращения прусских областей, занятых русскими войсками и условиях содержания русских войск во время их пребывания в землях короля прусского.)

Статья сепаратная II. (Решение начать переговоры о заключении союзного договора между Россией и Пруссией.)

ПАРИЖСКИЙ МИРНЫЙ ДОГОВОР МЕЖДУ АНГЛИЕЙ И ФРАНЦИЕЙ.

10 ФЕВРАЛЯ 1763 г.

(Извлечение)

Ст. I. (О вечном мире и дружбе на море и на суше.)

Ст. II. (О возобновлении прежних договоров.)

Ст. III. (О возвращении пленных, а также военных и торговых кораблей, захваченных во время войны.)

Ст. IV. Его вел. христианнейший король отказывается от всех претензий, которые его вел. могло предъявить, в отношении Новой Шотландии, или Акадии, во всех ее частях и гарантирует ее со всеми ее владениями королю Великобритании. А также его вел. христ. король уступает в полную собственность и гарантирует вышеназванному британ. вел. Канаду со всеми ее владениями, также остров Кап-Бретон и все другие острова и берега в заливе и по течению реки Св. Лаврентия...

Ст. VI. Король Великобритании уступает в полную собственность его вел. христ. королю острова Сен-Пьер и Микелан, чтобы они могли служить пристанищем французским рыбакам...

Ст. VII. (Установление границ между владениями Англии и Франции в Северной Америке.)

Ст. VIII. Король Великобритании возвращает Франции острова Гваделупу, Мари-Галант, Дезирад, Мартинику и Белиль, и эти острова будут отданы в том же состоянии, в каком они были, когда они были захвачены французскими войсками.

Ст. IX. Христ. король уступает в полную собственность и гарантирует его британ. вел. острова Гренаду и Гренадины... и раздел островов, называемых нейтральными, условлен и установлен следующим образом - острова Сен-Винсент, Доминик и Тобаго остаются в полную собственность Великобритании, остров Сен-Люсия будет передан Франции...

Ст. X. Его брит. вел. возвращает Франции Горе, ...а его христ. вел. уступает в полную собственность и гарантирует королю Великобритании побережье реки Сенегал...

Ст. XI. (О разграничении владений Англии и Франции в Индии. Франция сохраняла за собой пять прибрежных владений - Пондимери, Чандернагор, Маэ, Карикал, Янаон. Значительная часть Индии переходила в руки Англии.)

Ст. XII. Остров Менорка, также и форт Сен-Филипп, передаются его брит. вел. в том же состоянии, в каком они были захвачены войсками христ. короля и с артиллерией, которая там находилась во время захвата вышеуказанных острова и форта.

Ст. XIII. Город и порт Дюнкерк передаются в состоянии, которое было установлено договором в Э-ла-Шапель и в предшествующих договорах.

Ст. XIV. Франция возвращает все земли, принадлежащие электорату Ганновера, *Ландграфу Гессенскому*, герцогу Брауншвейг-скому и графу Липп Букербургскому, занятые войсками его христ вел.

Ст. XIX. Король Великобритании передает Испании всю территорию, которую он завоевал на острове Куба с городом Гаваной.

Ст. XX. В результате передачи, обусловленной и предшествующей статьей, его катол. вел. уступает и полную собственность и гарантирует его брит. вел. Флориду с фортом Сен-Августин и заливом Пенсаколя, как и все то, чем владеет Испания на североамериканском континенте к востоку или к юго-востоку от реки Миссисипи.

Ст. XXI. Французские и испанские войска эвакуируют все территории местности, города, местечки, дворцы его вернейшего величества, которые могут быть завоеваны французскими и испанскими войсками в Европе, и они будут переданы в том же состоянии, в каком они находились при их захвате...

и то же относится к португальским колониям в Америке, Африке и Восточной Индии...

ГУБЕРТСКИЙ МИРНЫЙ ДОГОВОР МЕЖДУ АВСТРИЕЙ И ПРУССИЕЙ.

15 ФЕВРАЛЯ 1763 г.

(Извлечение)

Ст. I. (О нерушимом и вечном мире, тесном союзе и дружбе.)

Ст. III. Ее вел. императрица, апостолическая королева Венгрии и Богемии, отказывается за себя и за своих наследников и преемников от всех претензий, которые она могла бы иметь в отношении государств и стран его вел. короля Пруссии, и в отношении всех тех владений, которые были уступлены по статьям предварительного мира в Бреславле и мирного договора в Берлине, так же как и от какого-либо возмещения потерь и убытков, которые она, ее государство и подданные могли потерпеть в последней войне (то же обязательство прусского короля в отношении Австрии.)

Ст. IV. (О прекращении военных действий.)

Ст. V. Ее вел. импер. кор. отзовет свои войска из всех земель и государств Германии, которые не находятся под ее владычеством, в течение 21 дня после обмена ратификациями настоящего договора, и в тот же срок будет полностью эвакуировано и отдано его вел. королю Пруссии графство Глац и вообще все государства, страны, города, местечки и крепости, которыми его прус. вел. владел до начала этой войны, как в Силезии, так и в другом месте, или же которые были заняты войсками ее вел. импер. королевы... или войсками ее друзей и союзников в течение этой войны. Крепости Глац, Везель и Гельдрес передаются его вел. кор. Пруссии... Его вел. прус. кор. отведет в тот же срок свои войска из всех земель и государств Германии, которые не находятся под его владычеством и... эвакуирует и возвратит все государства, земли, города, местечки и крепости его вел. кор. польскому, курфюрсту Саксонии в соответствии с мирным договором, который заключен в тот же день между их вел. королями Пруссии и Польши...

Ст. XIII. (О решении подписать торговый договор.)

Ст. XVII. Его вел. король Польши, курфюрст саксонский, присоединяется к этому миру, на основе мирного договора, который упомянутое вел. заключил в тот же самый день с его вел. королем Пруссии.

**ДЕКЛАРАЦИЯ ЕКАТЕРИНЫ II ПРАВИТЕЛЬСТВАМ АНГЛИИ,
ФРАНЦИИ, ИСПАНИИ (ДЕКЛАРАЦИЯ
ЕКАТЕРИНЫ II ВООРУЖЕННОГО НЕЙТРАЛИТЕТА)
28 ФЕВРАЛЯ 1780 г.**

(Извлечение)

Императрица Всероссийская столь явно выразила чувства правды, справедливости и умеренности, ее одушевляющие, и предоставила в продолжении войны, которую она должна была вести против Порты Оттоманской, столь очевидные доказательства своего внимания к праву нейтралитета и к свободе общей торговли, что может сослаться в этом на свидетельство всей Европы.

Такой образ ее действий, равно и начала беспристрастия, которые она соблюдала в настоящую войну, должны были внушить ей полную уверенность, что подданные ее будут мирно пользоваться плодами своей промышленности и принадлежащими каждой нейтральной нации преимуществами. Однако опыт показал противное: ни вышеприведенные соображения, ни должное к предписаниям универсального права народов уважение не могли обеспечить подданных ее императорского величества от беспокойств, коим они часто подвергались в судоходстве, и от препятствий к их операциям со стороны воюющих держав.

Затруднения эти, причиняемые свободе общей торговли, и торговли русской в частности, таковы, что должны обратить на себя внимание государей и всех наций нейтральных. Посему императрица считает своей обязанностью освободить оную всеми средствами, совместными с ее достоинством и благом ее подданных; но раньше чем прибегнуть к ним и имея искреннее желание предупредить новые столкновения, она сочла за долг справедливости изложить перед лицом Европы те начала, которыми будет руководствоваться и которые могут устранить всякое недоразумение и все к нему поводы.

Она совершает это с тем большею уверенностью, что находит эти начала начертанными в первобытном праве народов, которого всякая нация может справедливо требовать для себя, и что державы воюющие не могут их отменить, не нарушив законов нейтралитета и не отрекаясь от правил, формально принятых ими в разных трактатах и публичных обязательствах.

Они сводятся к нижеследующим положениям:

1. Чтоб нейтральные корабли могли свободно плавать от одной пристани к другой и у берегов воюющих наций.
2. Чтоб товары, принадлежащие подданным воюющих держав, были свободны на нейтральных кораблях, исключая заповедные товары.

3. Что в определении таковых императрица придерживается того, что означено в 10 и 11 артикулах коммерческого ее трактата с Великобританией, распространяя сии обязательства на все воюющие державы.

4. Что для определения того, что может ознаменовать блокированный порт, должен таковым почитаться только тот, ко входу в который не стоит очевидная опасность по сделанным распоряжениям от атакующей его державы, расставленными в близости онога кораблями.

5. Чтоб сии правила служили основаниями в судопроизводствах и приговорах о законности призов.

Провозглашая оные, ее имп. вел. не колеблется заявить, что для поддержания их и для охраны чести ее флага, безопасности торговли и мореплавания ее подданных против кого бы ни было она повелит отрядить значительную часть своих морских сил.

Но сия мера не окажет никакого влияния на неукоснительную строгость нейтралитета, который она свято соблюдала и будет соблюдать, пока не будет вызвана и вынуждена выступить из границ умеренности и совершенного беспристрастия. Только в этой крайности флот ее получит приказание идти туда, куда будет его требовать честь, польза и необходимость.

Давая сие торжественное обещание с присущей ее характеру искренностью, императрица не может не выразить вместе с сим надежды, что воюющие державы, проникнувшись чувствами правды и справедливости, коими она одушевлена, окажут содействие исполнению ее спасительных намерений, столь явно направленных к пользе всех наций и даже к выгоде самих воюющих, и вследствие сего дадут своим адмиралтействам и командующим офицерам сходные инструкции, согласные с вышеизложенными началами, почерпнутыми из первобытного кодекса народов и столь часто признанными в их конвенциях.

На подлинном проекте написано рукою ее и. в-ва:

Быть по сему.

ПАРИЖСКИЙ МИРНЫЙ ДОГОВОР МЕЖДУ АНГЛИЕЙ И США.

1783 г.

(Извлечение)

Ст. I. Его Величество король Британии признает названные Соединенные Штаты, а именно: Нью-Гемпшир, Массачусетс, Род-Айленд, Коннектикут, Нью-Йорк, Нью-Джерси, Пенсильванию, Делавэр, Виргинию, Северную Каролину, Южную Каролину и Джорджию - свободными, суверенными и

независимыми штатами, он сам, наследники и преемники его относятся к ним, как к таковым, отказываются от всех претензий к правительству, целиком или частично касающихся права собственности и территориальных прав...

Ст. III. Стороны договариваются о том, что жители Соединенных Штатов продолжают беспрепятственно использовать право любого рыбного промысла в районе Большой банки и в районе всех других банок Ньюфаундленда, а также в заливе Святого Лаврентия и во всех других районах моря, где ранее жители обеих стран обычно занимались рыбной ловлей. Жители Соединенных Штатов пользуются также, наряду с английскими рыбаками, свободой любого рыбного промысла в указанном районе побережья Ньюфаундленда (без права сушить и заготавливать рыбу на этом острове), а также у берегов заливов и устьев рек всех других американских доминионов Его Британского Величества; американские рыбаки имеют право сушить и заготавливать рыбу в любом ненаселенном пункте Новой Шотландии (включая заливы, бухты и устья рек), островов Магдалины и Лабрадора до тех пор, пока они остаются ненаселенными. Как только то или иное место будет заселено, вышеуказанные рыбаки теряют право сушить или заготавливать рыбу в этих поселениях без специального соглашения с жителями или владельцами этой земли...

Ст. V. Достигнута договоренность о том, что Конгресс настоятельно порекомендует легислатурам штатов обеспечить возмещение британским подданным их имущества, прав и собственности, потерянных в ходе войны, а также возмещение тем лицам, находящимся в настоящий момент на территории, занятой армией Его Величества, которые не подняли оружие против Соединенных Штатов; все остальные лица должны получить полную свободу передвижения по территории любого из тринадцати штатов и находиться там в течение двенадцати месяцев, будучи при этом неограниченными в своих попытках вернуть свое имущество, права и собственность, или те доли конфискации в годы войны. Конгресс должен настоятельно рекомендовать определенным штатам пересмотр всех актов и постановлений, касающихся данного вопроса, с тем чтобы в них присутствовали не только беспристрастность и справедливость, но и тот дух примирения, без которого невозможен по-настоящему всеобщий мир...

Ст. VI. С тем чтобы предотвратить возможные конфискации в будущем, не могут быть возбуждены судебные дела против конкретного лица или группы лиц по поводу их участия в войне, чтобы никто не понес потерь в имуществе, правах и свободе, а те судебные дела, которые в настоящее время рассматриваются, должны быть прекращены в момент ратификации настоящего договора в Америке.

Ст. VII. Будет прочный и постоянный мир между Его Величеством королем Британии и вышеуказанными штатами, между подданными первого и гражданами последних, для чего все враждебные действия на море и на суше отныне прекращаются. Пленные с обеих сторон освобождаются, и Его Величество отзывает в кратчайший срок свои армии, гарнизоны и флот из Соединенных Штатов, из каждого порта, места и гавани, не причиняя никаких опустошений и не захватывая негров или иной собственности американских жителей, и оставляет во всех укреплениях американскую артиллерию, если таковая там находится.

Его Величество король Британии повелевает также, что все архивы, документы, акты и бумаги, принадлежащие вышеуказанным штатам или их гражданам, которые во время войны могли попасть в руки офицеров Его Величества, должны быть немедленно возвращены и переданы соответствующим штатам или лицам, которым они принадлежат.

Ст. VIII. Плавание по реке Миссисипи от ее верховьев до океана навсегда останется открытым для подданных Великобритании и граждан Соединенных Штатов.

Ст. IX. Если случится так, что какая-либо территория или местность, принадлежащая Великобритании или Соединенным Штатам, будет занята войсками какой-либо из сторон до прибытия в Америку условий перемирия, обе стороны обязуются возвратить такие территории без требования какой-либо компенсации.

К. Гюго
ЗАПИСКИ ОБ ИНДИИ
(Извлечение)

Когда французы под началом Эютеля прибыли в Шрирангапаттанам, Хайдара Али там не оказалось: он отправился в поход против вторгшихся в Майсур маратхов. Французы направились к нему. Хайдар разбил лагерь в Мелукоте — узком ущелье, которое маратхская конница легко могла запереть с обеих сторон, отрезав. подвоз продовольствия. Европейские офицеры указывали Хайдару на неудобное положение лагеря, но этот гордый победитель англичан не желал никого слушать.

В Мелукоту группа Хюгеля прибыла 24 февраля 1771 г. Через несколько дней маратхи окружили лагерь, подвоз продовольствия, прекратился, начался голод. Хайдар Али 6 марта предпринял попытку прорваться армией обратно в

столицу. В узком выходе из ущелья каждый проталкивался как мог и все смешалось: кавалерия, артиллерия, пехота, обозы. Основная часть армии все же построилась в каре, но у маратхов было в тот момент, когда отряд Хюгеля прибыл в Индию, англо-майсурский мир был только что заключен, Хай дару Али, надеявшемуся на помощь английских войск, французские офицеры были не нужны. Запоздание на год сыграло для них роковую роль.

К. Маркс

БРИТАНСКОЕ ВЛАДЫЧЕСТВО В ИНДИИ

(Извлечение)

Каким образом установилось английское владычество в Индии? Верховная власть Великого Могола была свергнута его наместниками. Могущество наместников было сломлено маратхами. Могущество маратхов было сломлено афганцами, и пока все воевали против всех, нагрянул британец и сумел покорить их всех. Страна, где существует рознь не только между мусульманами и индусами, но и между одним племенем и другим, между одной кастой и другой; общество, весь остов которого покоится на своего рода равновесии, обусловленном всеобщим взаимным отталкиванием и органической обособленностью всех его членов, — разве такая страна и такое общество не были обречены на то, чтобы стать добычей завоевателя? Если бы мы даже ничего не знали о прошлой истории Индостана, то разве нам недостаточно было бы того важного и бесспорного факта, что даже в настоящее время Англия держит Индию в рабстве при помощи индийской армии, содержащейся за счет Индии? Индия, таким образом, не могла избежать участи быть завоеванной, и вся ее прошлая история, если чем-нибудь и является, то только историей следовавших друг за другом завоеваний, которым она подвергалась. Истории индийского общества нет, по крайней мере, нам она неизвестна. То, что мы называем его историей, есть лишь история сменявших один другого завоевателей, которые основывали свои империи на пассивном базисе этого не оказывавшего никакого сопротивления неподвижного общества. Вопрос заключается поэтому не в том, имела ли Англия право завоевать Индию, а в том, предпочли ли бы мы, чтобы Индия была завоевана турками, персами, русскими, а не британцами. Англии предстоит выполнить в Индии двоякую миссию: разрушительную и созидательную, — с одной стороны, уничтожить старое азиатское общество, а с другой стороны, заложить материальную основу западного общества в Азии.

Научные публикации

Ю. Н. Саямов

ВЕСТФАЛЬСКИЙ МИР И ЕГО ПРИНЦИПЫ ВЧЕРА И СЕГОДНЯ

(Извлечение)

Триста семьдесят лет назад окончилась Тридцатилетняя война в Европе (1618–1648). Конфликт, которому суждено было продлиться 30 лет и втянуть в свою орбиту практически все европейские страны, вспыхнул в 1618 г. как религиозное столкновение между протестантами и католиками. Ее началом считается знаменитая Пражская дефенестрация (дословно: выбрасывание из окна) 23 мая 1618 г., когда чешские протестанты, восставшие против попыток рекатолизации со стороны чешского короля из дома Габсбургов, выбросили его представителей из высокого окна Пражского града в крепостной ров. Религиозный конфликт перерос в борьбу против доминирования Габсбургов в Европе. Развернувшиеся в Чехии военные действия вскоре распространились по территории Священной Римской империи, которая стала основной ареной борьбы [Алексеев 1961]. На ней Габсбурги с их династическими владениями в Центральной и Восточной Европе в союзе с большинством католических княжеств Германии, Испанией и Португалией, папским престолом и Речью Посполитой противостояли антигабсбургской коалиции в составе Франции, Швеции, Дании, протестантских княжеств Германии, Чехии, Трансильвании, Венеции, Савойи и Республики Соединенных провинций, как тогда назывались Нидерланды. Антигабсбургской коалиции в той или иной мере оказывали поддержку Англия, Шотландия и Россия. Конфликты за пределами Германии выливались в локальные войны: войну Испании с Нидерландами, Русско-польскую войну, Польско-шведскую войну и др. Боевые действия, развернувшиеся в Центральной Европе, главным образом на территории современной Германии, а также сопровождавшие их голод и эпидемии опустошили целые регионы и привели к истощению ресурсов противоборствующих лагерей. Армии обеих сторон, грабя население, передвигались из одного региона в другой в поисках пропитания и добычи. Многие города подвергались разграблению по несколько раз подряд. На юге Германии войну пережила лишь треть населения. Территориям, по которым прошла война, потребовалось больше века, чтобы восстановиться от ее последствий [Веджвуд 2012].

Тридцатилетняя война стала одним из самых тяжелых, разрушительных и кровопролитных конфликтов до мировых войн XX в. Противодействующие стороны все больше чувствовали усталость от войны и, продолжая военные действия, начали искать пути к всеобщему урегулированию проблем, ставших причиной конфликта. Было понятно, что такая задача по силам только широко представительному общеевропейскому конгрессу высокого уровня, который стороны условились провести на территории Вестфалии – исторической области на северо-западе Германии, в двух соседних городах – католическом Мюнстере и преимущественно лютеранском Оснабрюке. Оба города становились на время конгресса нейтральными и демилитаризованными. Стороны с союзниками распределились по городам: шведские лютеране и представители империи расположились в Оснабрюке, в то время как представители Франции, Испании и Нидерландов заседали в Мюнстере.

4 декабря 1644 г. месса и пышная процессия ознаменовали открытие переговоров, которые заняли больше трех лет. Работу конгресса затрудняло то, что все европейские проблемы подлежали обсуждению, каждый участник при этом пристально следил за изменениями военной ситуации на разных фронтах, влиявших на переговоры и на последующее принятие трудных решений [Arndt 2009].

Первым решением конгресса в январе 1648 г. стало предоставление независимости Соединенным провинциям Нидерландов. Их, наконец, согласилась признать Испания, которая таким образом освободилась от одного из своих противников, возможно, самого непримиримого и упорного. 30 января 1648 г. отдельно был подписан Мюнстерский мир, который прекращал 80-летнюю войну между Испанией и Соединенными провинциями. Республика Соединенных провинций Нидерландов и Швейцарский союз по условиям Вестфальского мира стали независимыми государствами и вышли из состава Священной Римской империи.

Что же касается основного содержания договора о Вестфальском мире, то он состоял из двух текстов на латинском языке, подписанных 24 октября 1648 г. в Мюнстере и Оснабрюке. Неурегулированным после Вестфальского мира оставался конфликт между Францией и Испанией до заключения Пиренейского мира в 1659 г., который нередко рассматривается как часть общеевропейских договоренностей. К этому времени независимая Каталония, столица которой Барселона в 1651 г. была вновь осаждена королевскими войсками, в следующем (1652) году капитулировала, впрочем, заручившись обязательством короля Филиппа IV подтвердить старинные каталонские привилегии. По Пиренейскому миру французский король Людовик XIV теперь отказывался от притязаний на Барселону. В обмен он получал другую

каталонскую землю с французской стороны Пиренейского горного хребта – графство Руссильон, вошедшее в состав французского королевства [Ивонина, Прокопьев 1996].

Помимо перераспределения территорий между участниками конгресса, составившего внушительный список, Вестфальский мир определил новый характер отношений между императором Священной Римской империи и ее субъектами – имперскими сословиями, установив конституционные рамки, которые действовали в империи до прекращения ее существования в 1806 г.

Война серьезно изменила расстановку сил в Европе и мире. Она не привела к краху Габсбургов, но гегемония перешла к Франции. Упадок Испании стал очевиден. Швеция достигла цели превращения Балтики в «шведское озеро» и вступила в полувековой период великодержавия, продлившийся до конца Северной войны. Свыше 300 мелких германских государств получили фактический суверенитет при номинальном подчинении власти императора. Приверженцы крупнейших течений христианства на территории Священной Римской империи – католицизма, лютеранства и кальвинизма – обрели равные права. Итогом Тридцатилетней войны стало резкое ослабление влияния религиозных факторов на жизнь государств Европы. Их внешняя политика стала определяться экономическими, династическими и геополитическими интересами [Семченков 2009].

Важнейшим итогом Вестфальского мира стало формирование системы международных отношений в результате осознания правителями европейских государств необходимости упорядочить правила игры между собой и на европейской и мировой сцене в целом.

Основными принципами Вестфальской системы международных отношений, заложенными в Вестфальском мирном договоре, стали взаимное признание национального государственного суверенитета и равноправия государств. Эти принципы, получившие с течением времени глобальное распространение, остаются основой международных отношений до настоящего времени. Они подразумевают:

- приоритет национального интереса;
- принцип баланса сил;
- приоритет государств-наций;
- обеспечение государственного суверенитета;
- право государств требовать невмешательства в свои дела;
- равенство прав государств;
- обязательство выполнять заключенные договоры;
- признание международного права и применения дипломатии в международных отношениях.

При этом соблюдение договоров, уважение принципов и норм международного права и регулярная дипломатическая практика признаются важнейшими элементами двусторонних и многосторонних международных связей и неотъемлемым атрибутом отношений между государствами.

Вестфальский мир оказал огромное влияние на развитие международного права, определив новую систему его принципов. Вестфальский договор считается переломной точкой в становлении международного права и базовым документом, на основе которого получил свое развитие институт международно-правовых гарантий. На его основе была впервые сформирована декларативная теория международно-правового признания государств, согласно которой достаточно самого факта провозглашения нового государства для возникновения у него международной правосубъектности. Исходя из этого принципа, были признаны получившие независимость Швейцария и Нидерланды. Вышедшее на европейскую и мировую арену Московское государство стало одним из участников Вестфальских договоренностей. Было провозглашено равноправие европейских государств вне зависимости от государственного строя и веры. Страны с республиканской формой правления стали рассматриваться как равные с другими государствами в отличие от существовавшего ранее отношения к ним как к второсортным государственным образованиям. В рамках Вестфальского трактата впервые было сформировано понятие суверенитета государства как «права на территорию и верховенство». Признание принципа «суверенности национальных государств» закрепило за государствами роль основных субъектов международного права. В Вестфальских соглашениях берут свое начало идеи общеевропейской безопасности и сотрудничества европейских государств в целях поддержания мира в Европе и на всей планете. Для решений, принятых в рамках Вестфальского мира, использовалось творческое наследие голландского юриста, философа и государственного деятеля Гуго Гроция (1583–1645), который вошел в историю как отец международного права и основатель классической теории международных отношений, заложивший основы новых международно-правовых подходов в своем труде «О праве войны и мира». В отличие от других философов и правоведов Гроций объяснял возникновение права не божественным, а рациональным фактором, полагая, что причиной возникновения государственности и создания законов стала потребность людей в общении. Гроций считал допустимыми справедливые войны, которые по своей природе являются оборонительными и направлены на защиту граждан государства и их имущества. К недопустимым он относил несправедливые войны, в основе которых –

агрессия, захват, порабощение, стремление взять чужое, что, по его мнению, противоречит естественному праву и законам мирного сосуществования. Исходя из того, что война должна быть обоснована, а ее средства и методы ограничены, Гроций впервые заявил о необходимости права ведения войн и права народов на основе уважения законов Бога и человека. Верховенство права должно остановить безумие войны, дающее свободу совершать любые преступления. Право также должно регулировать и отношения между государствами по аналогии с тем, как оно регулирует отношения между людьми, преследуя цель всеобщего блага и справедливости. Идеи международного права, регулирующего отношения между государствами на принципах сотрудничества, равенства и светского начала, высказанные Гуго Гроцием, оказали существенное влияние на последующее развитие политико-правовой мысли и формирование теоретических основ нового светского юридического мировоззрения.

Учение Гуго Гроция и Вестфальский мир привели к созданию классического международного права и его распространению в глобальном измерении [Баскин, Фельдман 1990].

Сегодня существуют разные точки зрения на возникновение Вестфальской системы международных отношений и ее последующую эволюцию. В то время как одни продолжают считать Вестфальские принципы эталоном отношений между государствами, другие утверждают, что глобализация привела к размыванию суверенитета государств и вместе с этим – к кризису международных отношений на Вестфальских принципах, на смену которым должны прийти некие другие. В связи с этим в англоязычной литературе появился даже специальный сложносочиненный термин *Westfailure*, по смыслу обозначающий провал Вестфальских соглашений [Strange 1999: 345–354].

Говоря о проблемах Вестфальских принципов сегодня, отмечают, что:

– объем суверенитета государств предстает ограниченным внутренними и внешними факторами: государственные образования делятся частью своего национального суверенитета, вступая в международные организации и соглашения или принимая на себя международные обязательства в отношении внутренней жизни страны (например, отказ от применения смертной казни);

– Соединенными Штатами Америки проводится политика ограниченного суверенитета, которая подразумевает право США и их союзников на вмешательство во внутренние дела других государств, развязывание против них военных действий и вооруженное вторжение на их территорию, если от них якобы исходит угроза для США и мирового сообщества, как это было заявлено в качестве предлога для вторжения в Ирак

в 2003 г., что позже не подтвердилось, или же существует острая необходимость гуманитарной интервенции в целях обеспечения прав человека, что было обоснованием бомбардировок Югославии в 1999 г. и тоже никакой реальной основы под собой не имело;

- действует примат института прав человека над институтом суверенитета, который самым активным образом продвигается США и их союзниками;

- за последние два-три десятилетия сложилось международное гуманитарное право, которое существенно ограничивает власть государства над его гражданами;

- происходит становление сетевого сверхгосударства – Евросоюза, который последовательно и целенаправленно преодолевает синдром национального государства, усматривая в этом суть и основное содержание европейского интеграционного проекта;

- один из основных принципов современного международного права – принцип самоопределения народов и наций – на практике нередко вступает в противоречие с двумя другими основными принципами – суверенного равенства государств и территориальной целостности государств;

- растет количество так называемых несостоявшихся государств, которые, запутавшись в международных долгах, кредитах и обязательствах, практически все более утрачивают возможность возврата к статусу полноценного суверенного государства;

- процессы глобализации размывают национальную идентичность стран, составляющую основу национального суверенитета;

- захлестнувшие многие страны мощные миграционные потоки, которые стали, по существу, новым «великим переселением народов», стремительно разрушают идентичность сложившихся национальных государств [Кортунов 2007].

Вопрос о суверенитете предстает сегодня достаточно сложным. Абсолютной полнотой суверенитета в быстро глобализирующемся мире XXI в., скорее всего, не обладает никто, поскольку вряд ли найдется государство, не состоящее ни в одной международной организации, не участвующее ни в одной международной конвенции и не имеющее никаких международных обязательств по двусторонним или многосторонним соглашениям. Поэтому речь может идти о реальном суверенитете, который остается у государства за пределами его международных обязательств. Государства-лидеры, как правило, придают своему суверенитету и соответственно независимости поведения на мировой арене большое значение, стараясь не связывать себя международными обязательствами и участием в наднациональных структурах

за исключением самых необходимых, таких, например, как членство в ООН. В создаваемых ими или под их эгидой международных объединениях и военных блоках они обычно стремятся занять руководящие позиции. Известны случаи, когда ведущая держава пренебрегает своими международными обязательствами, чтобы утвердить свой суверенитет и развязать себе руки для действий в собственных интересах на мировой арене. В их числе – военные предприятия против других государств без мандата и в обход решений ООН, другие нарушения Устава этой всемирной организации, которые выражаются в том числе в экономических и политических санкциях, противоречащих духу и букве международного сотрудничества.

В наднациональных образованиях суверенитет и независимость поведения участников зависят от того, насколько эта организация авторитарна, бюрократизирована и подвержена влиянию государств, занимающих в ней ведущие позиции. Именно в силу этих причин была малоэффективной Лига Наций, оставившая о себе не лучшие воспоминания в истории международных отношений. Теперь, похоже, ее ошибки приумножает Евросоюз, в котором диктат бюрократов под руководящим и направляющим влиянием ведущих держав не пожелала дальше терпеть Великобритания, заявившая о своем выходе. В то же время немало государств в неузнаваемо изменившемся после Вестфальского конгресса мире не особенно заботятся о своем суверенитете, подчас вполне сознательно уступая его тому или иному полюсу силы, вассалами которого они, по существу, готовы стать добровольно в современном варианте. Оценивая общее положение дел, известный американский политик и дипломат Генри Киссинджер в своем интервью немецкой газете *Die Welt* в мае 2003 г. констатировал, что «Вестфальский порядок находится в состоянии системного кризиса. Невмешательство во внутренние дела других стран отброшено в сторону в пользу концепта всеобщей гуманитарной интервенции или всеобщей юрисдикции. Это осуществили не только США, но и многие западноевропейские страны. Принципы Вестфальского мира, которые базировались на суверенитете государств и рассматривали нарушение международных границ международными структурами как агрессию, уходят в прошлое» [Kissinger 2003]. Однако далеко не все согласились бы с тем, чтобы, уйдя от Вестфальских принципов, оказаться в своего рода новом Средневековье с некоей доминирующей державой типа Священной Римской империи. Неконтролируемый распад международных отношений, основанных на Вестфальских принципах, мог бы иметь своим следствием хаос и суверенитет только для тех, кто готов и имеет достаточно сил, чтобы

преступить нормы международного права и законности. О суверенности тех, кто способен пойти на чрезвычайные меры, чтобы обеспечить решение «задачи высшего уровня» для данного государства, размышлял еще немецкий политолог, «коронованный юрист Третьего рейха» Карл Шмитт [2010].

Современная критика принципов Вестфальской системы сводится к утверждениям о примате прав человека по отношению к государственному суверенитету и рассуждениям на тему неспособности национальных государств обеспечить эффективное управление в условиях глобализации [Кортунов 2007]. Альтернативными решениями при этом выступают предложения о тех или иных ограничениях суверенитета государств и введении международного контроля, когда речь идет о правах человека и их массовых нарушениях в особо опасных формах – геноцида и этнических чисток. Для управления предлагается использовать сетевой принцип и построенные на этой основе структуры для решения глобальных проблем.

Действительно, сегодня идея глобального управления продвигается в том, что касается активизации и усиления роли ООН в мировом пространстве, и распространяется на отдельные сферы, в частности, под эгидой ЮНЕСКО обсуждается проект глобального управления наукой, разрабатываются предложения ученых по интерфейсу науки и глобальной политики. Речь идет в том числе о формировании эффективных международных структур и механизмов, способных обеспечивать жизненно важные для человечества задачи развития перед лицом глобальных проблем и возникающих новых угроз и вызовов, бороться с ними, подавляя терроризм, организованную преступность, наркотрафик, торговлю людьми и другие опасные проявления, получившие глобальное распространение. Однако такие структуры и механизмы должны создаваться и действовать на основе легальных международно признанных процедур, соответствующих Уставу и принципам ООН таким образом, чтобы не вызывать подозрений в их необъективности, произволе и двойных стандартах.

«Вестфальский суверенитет», который понимался как политическая система недопущения внешнего влияния на внутреннюю политику независимых государств, видимо, и в самом деле отчасти «размывается» современными процессами, но это отнюдь не означает конец суверенитета, который в новых условиях наполняется новым содержанием [Фельдман, Барабанов 2007].

Суверенитет, как известно, не был однородным и однозначным применительно к международной практике, состоянию и поведению разных государств в разные времена и при разных обстоятельствах на протяжении всего периода после Вестфальского конгресса.

Борьба за суверенитет, его утверждение в мире, выход на мировую арену большого количества новых государств из числа бывших колоний и управляемых территорий, которые обрели свой суверенитет и независимость, меняющиеся представления о значении суверенности государств – все это позволяет рассматривать распространение принципа суверенитета в мире как глобальный процесс, который имеет особое, основополагающее значение для формирования международных отношений в различные геополитические эпохи.

Обращаясь к итогам и последствиям Вестфальского мира 1648 г., следует отметить, что в наиболее благоприятных условиях после войны оказалась Франция. Принцип политического равновесия, под знаменем которого Франция выступила в Мюнстере и Оснабрюке, обеспечил ей в реальности политическое преобладание. Ее самые опасные противники – Испания и Священная Римская империя – утратили свои позиции, Англия была ослаблена, а соседние Германия и Италия пребывали в состоянии раздробленности. Теперь для Франции, вступавшей в период расцвета абсолютизма и влияния на мировой арене, возникал исторический шанс выдвинуть требования о возврате к своим «естественным границам», ссылаясь на хроники древних франков и галлов, монархий Пипина Короткого и Карла Великого и на другие доказательства французских прав на немецкие и итальянские территории. Были созданы особые «присоединительные палаты», в которых французские юристы занимались выявлением и обоснованием прав короля на ту или иную территорию за пределами Франции. В дальнейшем, развиваясь по французскому шаблону, процесс обоснования прав на территории и их захваты вместе с необходимым информационным обеспечением приобретает глобальный характер [История... 1990].

Е. А. Попова
ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА ФРАНЦУЗСКОГО АБСОЛЮТИЗМА
В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVII В.: СТРЕМЛЕНИЕ К ЛИДЕРСТВУ
(Извлечение)

Достижение Францией политического преобладания в Европе в правление «короля-солнца» Людовика XIV имело довольно длинную предысторию. Основы французского могущества были заложены предшественниками «Великого короля»: Генрихом IV, Ришелье, Мазарини, успешная внешнеполитическая деятельность которых позволила Франции эпохи Людовика XIV занять в истории Европы то место, которое определило время его правления как «Великий век».

Антигабсбургская политика французских королей восходит к началу XVI в., когда король Франции Франциск I вступил в войну с императором Карлом V, объединившим под своей короной значительную часть Европы. Вооруженная борьба между Францией и империей проходила, главным образом, на территории Италии с 1521 по 1559 гг. На протяжении второй половины XVI в. Франция, раздираемая гражданской войной, не могла оказывать серьезного влияния на международную политику. Изменение в XVI в. конфессиональной ситуации в Европе привело к противостоянию католических и протестантских стран. Конфессиональный принцип ляжет в основу формирования межгосударственных союзов и военных конфликтов вплоть до середины XVII в. Надо подчеркнуть, что Генрих IV действовал преимущественно дипломатическим путем, не ввязываясь в военные конфликты до последних лет своего правления.

В целях ослабления Габсбургов Генрих IV поддерживал борьбу Нидерландов против Испании, содействуя заключению перемирия между ними в 1609 г., по которому Испания фактически признавала независимость Республики Соединенных Провинций. Генрих IV обратил свои усилия также на то, чтобы пресечь прямое сообщение между габсбургскими владениями в Северной Италии и Франш-Конте через земли, принадлежавшими герцогу Савойскому — союзнику Испании, одновременно отодвинув границы недружественной Савойи от Лиона. После кратковременной войны в Савойе был подписан договор, согласно которому Франция получала Бресс, Бюжей и Вальморей, оставляя за Савойским герцогом маркизат Салюццо, который он захватил, воспользовавшись внутривосточными проблемами Франции, в 1688 г. Перекрыв испанцам доступ во Франш-Конте через Савойю, Генрих IV вынудил их искать для испанских войск другие пути доступа к северным владениям по суше, что породило в первой трети XVII в. франко-испанский

конфликт за влияние в Вальтелине, урегулирование которого пришлось уже на правление политического преемника Генриха IV — кардинала Ришелье.

После смерти Генриха IV временно сменился внешнеполитический курс Франции. Во главе французской монархии оказалась регентша Мария Медичи, основные усилия которой были сосредоточены не на решении внешнеполитических задач, а на усмирении мятежей аристократии. Главной задачей французской дипломатии в эту эпоху являлась реализация матримониальных планов регентши, желавшей устроить брак Людовика XIII с испанской инфантой Анной и своей дочери Елизаветы, сестры Людовика, с испанским инфантом Филиппом, принцем Астурийским и будущим королем Испании. По причине слабости французская монархия не была способна на серьезное сопротивление габсбургскому влиянию и, в силу прогабсбургских симпатий Марии Медичи, не желала этого делать. В этот период «все более четко просматривается линия на свертывание сопротивления габсбургской гегемонии в Европе».

После того как молодой король Людовик XIII пришел к власти, внешнеполитический курс страны вернулся к традиционному противостоянию расширению габсбургского влияния в Европе. Кардинал Ришелье, став в 1624 г. первым министром Людовика XIII, видел своей основной задачей укрепление позиций французского государства в европейских делах: «Моей первой целью было величие короля, моей второй целью было могущество королевства».

Преодолев внутривластный кризис в конце 20-х гг. XVII в., Ришелье смог направить не только свою энергию, но и ресурсы страны на осуществление внешнеполитических задач: «Наша единственная, неперемнная задача — ограничить рост могущества Испании... В то время как эта нация имеет целью увеличить свое могущество и расширить свои границы, Франция должна позаботиться об укреплении своего внутривластного положения и о проникновении во все сопредельные страны с тем, чтобы защитить их от испанского диктата, когда тому представится случай...».

В начале 30-х гг. XVII столетия наметилось сближение между Испанией и Англией. Стремясь не допустить союза между двумя странами, объединение усилий которых в борьбе с Францией могло быть чрезвычайно опасным для последней, Ришелье обратился к давно известному дипломатическому ходу — брачной дипломатии. Наследнику английского престола Карлу был предложен «французский» брак вместо расстроившихся планов его женитьбы на испанской инфанте. По мнению кардинала, реализация этой идеи должна была принести Франции двойную пользу: отвести угрозу англо-испанского

союза и помешать оказанию помощи французским гугенотам со стороны Англии.

Однако, как позже с сожалением вынужден был констатировать первый министр, надежды, возлагаемые на этот брак, в полной мере не оправдались. Хотя союз Англии и Испании не был заключен, желаемого сближения с Англией не произошло, более того, отношения двух стран даже ухудшились, что привело к заключению в мае 1627 г. франко-испанского договора, направленного против Англии.

Время, когда Ришелье руководил французской политикой, пришлось на самый тяжелый в истории Европы нового времени конфликт, в который были вовлечены практически все европейские государства. Несмотря на то, что главной задачей Франции Ришелье считал противостояние испанским Габсбургам, усиление австрийской ветви этого дома в империи также не могло не вызывать опасений французского первого министра. Вступить в войну против императора Франция была еще не готова, поэтому она «воевала» деньгами, субсидируя противников Фердинанда II и оказывая им дипломатическую поддержку. Примечательно, что в войне, в которой политические интересы противоборствующих сторон были скрыты за религиозными знаменами, католическая Франция открыто опиралась на союз с протестантами, что подчеркивает процесс деидеологизации международных отношений, основной целью которых становится борьба между Францией и Габсбургами за политическую и военную гегемонию в Европе. Не останавливаясь подробно на дипломатических и военных перипетиях Тридцатилетней войны, следует отметить, что в 1635 г. Франция была вынуждена изменить свою тактику участия в этом конфликте, выйти из-за кулис и, объявив войну Испании, открыто выступить в военном противостоянии против Габсбургов.

Мюнстерский мир, к сожалению, не стал для Франции всеобщим миром, так как еще 11 лет продолжалась война с Испанией. Военные действия разворачивались одновременно с внутренним кризисом во Франции – Фрондой. Фрондеры заключили с Испанией союзный договор для проведения совместных действий против французской монархии. Соединенные испанская и фрондерская армии поставили под угрозу владения Франции во Фландрии, Дюнкерк и Гравелин, защищать которые можно было только с моря. Нуждаясь в союзнической державе, сильной на море, Мазарини обращает свои взоры к Альбиону, где у власти находится Кромвель. Заручившись поддержкой Англии, французская сторона заняла жесткую позицию на переговорах в Мадриде в 1655 г., требуя от Филиппа IV территориальных уступок, идти на

которые последний не желал. Переговоры были прерваны, и Франция в союзе с Англией возобновила военные действия. В результате совместных боевых операций союзники нанесли Испании ряд серьезных поражений: были взяты Мардик, Дюнкерк, Гравилин, Ипр. К концу 1658 г. положение испанской монархии становилось критическим, и она возобновила мирные переговоры с Францией, результатом которых стало подписание 7 ноября 1659 г. Пиренейского мира. Франция получила значительные территориальные приобретения в Артуа, Фландрии, Эно, Люксембурге, Лотарингии (правда, герцог Лотарингский отказался признать условия Пиренейского мира, возвращавшие ему Лотарингию в сильно «урезанном» варианте). На юге Франция увеличивала свои владения за счет приобретения Руссильона и части графства Сердань. Условия мира были скреплены браком Людовика XIV и испанской инфанты Марии Терезии. Согласно одной из статей брачного контракта инфанта отказывалась от всех прав на получение «испанского наследства» в обмен на выплату значительного денежного приданного. Невозможность предоставления Франции в качестве приданного значительной денежной суммы вследствие упадка финансовой системы Испании послужит в дальнейшем основанием для претензий Людовика XIV на ряд испанских владений.

В целом, Пиренейский мир знаменовал собой подъем внешнеполитического могущества Франции. Политическая и военная гегемония на европейском континенте постепенно переходит от дома Габсбургов к Бурбонам. Однако борьба Франции с Габсбургами была еще не закончена. Окончательно утвердить французское преобладание в Европе стало важнейшей внешнеполитической задачей Людовика XIV. Кардинал Мазарини оставил Людовику для этого хорошие условия и действенные инструменты, дающие возможность противодействовать противникам Франции.

Рейнская лига открывала для Франции возможность свободного вмешательства в дела империи под предлогом защиты интересов своих союзников. Влияние Австрийского дома в рейнских княжествах было ослаблено. Лига являлась оплотом французской восточной границы и гарантом того, что императорские войска не смогут оказать помощь испанским Габсбургам в Нидерландах. Кроме того, важнейшим итогом работы французских дипломатов в империи явилась военная изоляция Мадрида от Вены, так что Испания более не могла рассчитывать на помощь императора и была вынуждена начать мирные переговоры с Францией.

А. А. Киселев

ВЕЛИКОБРИТАНИЯ В СИСТЕМЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ КОНЦА XVII – ПЕРВОЙ XVIII ВЕКА

(Извлечение)

Франция, начиная еще с Франциска I, создала так называемый «восточный барьер» – то есть блок из государств, окружавших Священную Римскую империю с севера, востока и юга: Швеции, Дании, Польши, Трансильвании и Османской империи. Одним из наиболее видных идеологов этой системы являлся кардинал Ришелье, в годы Тридцатилетней войны включивший в нее даже Россию. Впрочем, «восточный барьер» никогда не существовал как официально оформленная коалиция с взаимными обязательствами сторон. Он строился на двусторонних отношениях, прежде всего – на соглашениях Франции со Швецией, Польшей и Турцией, и денежных субсидиях, которые французы выплачивали своим союзникам. С началом XVIII в. «барьер» приобрел еще и антироссийскую направленность, так как на европейскую арену вышла Россия, «естественными врагами» которой как раз и были участники этого блока. Особенно ярко эта стратегия стала заметна после 1726 г., когда Священная Римская империя заключила военно-политический союз с Россией.

Императоры Священной Римской империи также создавали свои союзы, направленные в основном против Франции, и редко – против ее союзников. Уже в 1673–1674 гг. складывается союз между Священной Римской империей, Республикой Соединенных Провинций (Голландией) и Великобританией для войны с Францией. Отсюда берет свое начало крупный военно-политический блок, подобный французскому и известный в историографии как «система» или «старая система». Он просуществует до 1756 г., когда «дипломатическая революция» разрушит все связи между союзниками. Как и «восточный барьер», «система» строилась на двусторонних отношениях стран-союзниц, обычно договаривающихся предоставлять друг другу военную помощь в случае нападения членов соперничающего блока. Однако необходимо отметить, что инициатором создания союза выступил не император, а статхаудер Голландии Вильгельм Оранский, чья страна первой пострадала от войск Людовика XIV. Союз имел и идеологическое обоснование, созданное, видимо, англичанами – любые войны против Франции велись в целях поддержания «баланса сил» на континенте. Впрочем, французы выдвигали примерно те же лозунги, обвиняя сначала Габсбургов, а потом и англичан с голландцами в имперских амбициях и основываясь на высказывании

императора Фридриха III о том, что «Австрии надлежит управлять всем миром».

Юридически «система» была впервые закреплена в 1678 г. англо-голландским соглашением, по которому Англия обещала предоставить 10 тыс. солдат и 20 кораблей в случае нападения на Голландию, тогда как Соединенные Провинции обещали выставить 6 тыс. солдат. Еще больше союз укрепился в результате «Славной революции» 1688 г., когда статхаудер Вильгельм III Оранский стал королем Англии.

Нимвегенский мир 1679 г. лишь на время приостановил военные действия между блоками. В 1686 г. в имперском городе Аугсбурге был сформирован союз Священной Римской империи, Голландии, Испании, Швеции, Баварии, Пфальца и Саксонии под руководством Вильгельма Оранского, а в 1688 г. началась война за Пфальцское наследство (еще известная как война Аугсбургской лиги, 1688–1697 гг.). В 1689 г. к лиге примкнула и Англия. «Большинство нашего народа верило и поощрялось к тому, чтобы верить, что война продлится недолго, если король (Вильгельм Оранский. – А. К.) получит энергичную поддержку...», – вспоминал в 1730-х гг. виконт Г. Болингброк, – «Скоро мы пробудились от этих сладких снов».

Война продлилась почти десять лет и окончилась Рисвикским мирным договором 1697 г. и победой Аугсбургской лиги. Союз Англии и Голландии еще больше окреп, да и Австрия стала все больше склоняться к своим союзникам. Начиная с 1680-х гг. участие империи в войнах с Францией, по мнению немецкого исследователя А. Шиндлинга, вызвало «ренессанс имперского патриотизма в Германии, который вновь (после кризиса Тридцатилетней войны. – А. К.) возвел императорскую корону и того, кто ее носил, в символ национальной общности немцев. Империя эпохи барокко на рубеже XVII и XVIII вв. вновь и бесспорно стала империей Габсбургов». Неудивительно, что империи был выгоден этот союз. «Морским державам» (то есть Англии и Голландии), обладавшими мощными военно-морскими флотами, «система» давала огромные немецкие армии, хотя за них и приходилось платить.

На самом деле, уже в 1709 г. альянс начал давать трещину, поскольку в ходе войны стало понятно, что ее участники преследуют слишком разные интересы. Англию и Голландию интересовали только испанские колонии в Америке, и они были готовы договориться с Францией (попытки переговоров проводились в 1706 г. и 1709 г.). Но империи был нужен трон Испании, за который она была готова биться до конца, тем более что испанские кортесы упорно поддерживали своего французского короля. Однако этот конфликт был улажен, так как в 1711 г. скончался император Иосиф I, и его место занял

неудавшийся король Испании Карл III, ставший императором Карлом VI (1711–1740).

Война завершилась разгромом Франции и подписанием в 1713 г. Утрехтского мирного договора, который лег в основу международных отношений в Европе до 1763 г. (хотя дипломаты опирались и на Вестфальские договоры 1648 г.). Этот договор вызвал множество разногласий еще при его создании, и еще больше – после его подписания. Проект готовился втайне от всех правительством Р. Харли – Г. Сент-Джона (виконта Болингброка). С 1711 г. в Англии началась идеологическая подготовка мира, вызвавшая много шума. Партия вигов, находившаяся тогда в оппозиции, обвинила Г. Сент-Джона, как автора проекта, в предательстве союзников. Однако договор все же был подписан. Даже при его подписании, как говорилось в письмах, шедших в Версаль из Утрехта, говорилось, что обстановка не ясна, что среди союзников нет единодушия и создается впечатление, что интересы так называемого «общего дела» подменяются частными интересами и т. п. В итоге самые большие выгоды от договора получила Великобритания: Гибралтар, военно-морские базы в Средиземном море, право «асиенто». Но союзники отвернулись от нее, считая этот договор предательством. Империя заключила мир с Францией только в 1714 году.

В самой Англии миром, как оказалось, не был доволен никто. Виконт Болингброк, заключавший этот мир, негодовал: «Так как мы совершили безумство, закончившееся удачей, нам нужно было извлечь из него больше выгод, чем это мы сделали». Виги, которые наживались на войне, обрушивались на мир с самой резкой критикой. Д. Дефо, разделявший их убеждения, так выразил настроение этой партии: «Мир, который я поддерживаю, не уступил бы Испании ни Бурбонам, ни Австрийской правящей династии, а поделил бы сие яблоко раздора, чтобы оно больше не было угрозой для Европы и чтобы протестантские государства – Британия и Штаты (имеется в виду Голландия. – А. К.) – усилились и укрепились за счет торговли и мощи Испании и больше не опасались бы ни Франции, ни императора. Тем самым силы протестантов превосходили бы все европейские державы и ни французская, ни австрийская опасность более не существовала бы». О партии тори в Англии говорили: «Они-де заключили позорный мир, бесчестно нарушили соглашение, предали союзников и продали нас французам». Тем не менее, благодаря именно Утрехтскому миру 1713 г. Великобритания попала в разряд «великих держав».

Л. И. Ивонина

**ПАДЕНИЕ ШВЕДСКОЙ ИМПЕРИИ И МЕЖДУНАРОДНЫЕ
ОТНОШЕНИЯ В ЕВРОПЕ КОНЦА XVII – НАЧАЛА XVIII вв.**

(Извлечение)

По сути, падение Шведской империи и переход Шведского государства на вторые роли в европейской политике был обусловлен двумя факторами. Первый, внутренний фактор, напрямую связан с уникальной природой создания и существования этой Северной империи. Ее территориальный рост на европейской арене был исключительно быстрым – меньше сорока лет разделяет захват Риги (1621 г.) и мир в Оливе 1660 г. Столь же быстро происходил ее распад: можно сказать, что он начался в 1702 г., когда Петр Великий захватил Нотеборг (будущий Шлиссельбург), и закончился шестнадцатью годами позже, когда пуля врага (или, возможно, патриота) положила конец жизни Карла XII.

Вообще шведское государство второй половины XVII – первой половины XVIII вв. представляло собой своеобразный политический феномен. Все другие империи раннего Нового времени являлись империями предпринимательства, эксплуатации, разрешения внутренних противоречий, и, возможно, в некотором смысле были империями случая. Находясь на огромном расстоянии от своих метрополий, требовавшем месяцы плавания через океан, колонии европейских держав не представляли непосредственного стратегического значения для них, метрополиям необходимо было разрешать лишь местные колониальные противоречия. Испанские, португальские, голландские, английские, французские колонии имели для своих метрополий преимущественно экономическое значение.

Шведская же империя была главным элементом защиты собственного государства. Экспансия шведов в Северо-восточной Европе и Германии радикально отличалась от имперской экспансии других государств раннего Нового времени в том, что она не являлась более или менее спонтанным выбросом энергии этноса, генерированной экономически, политически и духовно превосходящими, либо обделенными слоями общества, а была ответом на внешние изменения. Швеция была империей по необходимости и результатом политики центральных властей. Личная инициатива не играла здесь никакой роли, а завоеванные территории на Балтике и в Германии шведами экономически почти не эксплуатировались (Roberts 1979: 1-2). Но когда империя больше не служит целям, ради которых она создавалась, и не ищет время от времени «оправдания» своему существованию, то она обречена

на исчезновение. Такая империя не смогла бы долго функционировать: внешний фактор способствовал как ее созданию, так и падению.

Второй фактор, внешний, на переднем плане, конечно, был связан с неудачной экспансионистской внешней политикой Карла XII, потребностями развития Российского государства и геополитическими особенностями России, административными талантами Петра Великого. Однако не следует также преуменьшать значение влияния военных событий и дипломатической игры на Западе, а особенно во время войны за Испанское наследство, которая занимала в начале XVIII в. преимущественное внимание тогдашнего западноевропейского мира. Но вначале несколько замечаний о стратегических позициях Швеции в Европе.

К концу 80-х гг. XVII в. Франция, традиционный союзник и защитник германских свобод и гарант Вестфальского мира, оказалась практически в международной изоляции. Поправление Людовиком XIV принципов свободы вероисповедания гугенотов после отмены Нантского эдикта в 1685 г. параллельно с нарушением баланса сил в Европе вновь сплотили как католических, так и протестантских князей вокруг императора Священной Римской империи, который после 1648 г. смирился с поликонфессионализмом и не мог нарушать имперскую конституцию. Уже становилось очевидным, что французский король играет роль защитника католической ортодоксии в Европе больше, чем роль традиционного защитника религиозных свобод в Империи. Даже последовательный союзник Франции курфюрст Пфальцский Карл-Людвиг, восстановивший благодаря французской дипломатии на Вестфальских переговорах свою власть и земли, осудил перед своей смертью в 1685 г. политику Людовика XIV, а новый курфюрст уже поддерживал императора (*Corps Universelle diplomatique* 1728: 477-479).

Территориальная экспансия в рамках единой европейской системы являлась большим просчетом не только для Франции, но и для другого гаранта вестфальских соглашений – Швеции. К концу XVII в. Вестфальская система переживала глубокий кризис, ведущий к перегруппировке сил. Составной частью этой перегруппировки было то, что германские князья перестали нуждаться в защите их прав и свобод от императора, как со стороны Франции, так и Швеции. И если давление Франции было опасным, то опека Швеции, постоянно вступавшей в военные конфликты в Померании и на Балтике, становилась довольно обременительной, а то и прямо противоречащей интересам германских чинов, особенно Бранденбург-Пруссии и Ганновера. Наконец, становление шведского Великодержавия происходило в то время, когда соседние государства – Дания, Польша, Россия и Бранденбург-Пруссия – были послабее, что предоставило возможность Швеции в XVII веке расширить

границы за их счет. В конце столетия положение соседних стран во многом изменилось, и Швеция оказалась окруженной жаждавшими реванша государствами.

Европейские правители, а именно короли Франции, Британии и император Священной Римской империи Леопольд I в связи с неизлечимой болезнью бездетного короля Испании Карла II Габсбурга сразу после Девятилетней войны стали делить готовое вот-вот освободиться испанское наследство. Нарушение европейского баланса сил, а следовательно, кризис Вестфальской системы в целом, дальновидным политикам представлялся очень скорым, дипломатическая и военная подготовка новой войны уже фактически велась

И, кроме того, реальную угрозу Швеции представляла не Дания, а Россия. Трудно поверить, что политики в Стокгольме думали иначе. Если даже и существовал период, когда опасность из России была минимальной, то это было в десятилетие, следовавшее за смертью Алексея Михайловича, когда Московское государство, во-первых, было ослаблено дворцовыми переворотами, а, во-вторых, глубоко увязло в войне против турок. Но ведь внутренняя ситуация могла стабилизироваться, да и война с турками закончиться, чему в немалой степени способствовали и западноевропейские державы. Вообще же укрепившийся на российском троне Петр I поначалу вовсе не намеревался развивать активную внешнюю политику на Западе.

Дисбаланс в защите являлся достаточно серьезным, но не был фатальным. Все зависело от конкретной политики короля и поведения европейских держав. С 1700 г. политика Карла XII была направлена на то, чтобы исключить неспровоцированные и молниеносные нападения из Дании, Саксонии и России. Впрочем, они не увенчались полным успехом. В 1699 г. Карл делал попытки уговорить турок продолжать войну с Россией, но последние, ослабленные войной на два фронта с Веной и Москвой, пошли на заключение мирных договоров. Определенной удачей стало подписание в январе 1700 г. союзных соглашений между Швецией, Англией и Нидерландами. Дружба с морскими державами и союз с Гольштейн-Готторпом делали возможным сбить с ног Данию перед тем, как опасность на востоке станет неконтролируемой: ведь уже датско-саксонский договор, к которому в ноябре 1699 г. присоединилась Россия, знаменовал собой грозное для Швеции политическое окружение. Фредерик Датский был вынужден заключить мир уже в том же 1700 г. Защита балтийских провинций пала быстро: Карл XII разбил русских под Нарвой, а затем шведская военная мощь привела к поражению Августа Сильного, в результате чего Курляндия целиком оказалась во владении Швеции (Vohme 2002: 87). Военные

формирования Швеции находились на единственном театре военных действий, и нелегко представить, что в таких обстоятельствах защита завоеванных территорий не могла быть эффективной при той силе, которой располагал шведский король. Полководческий талант «храброго солдата» Карла, по сути, уступал его упрямству и эксцентричности, но еще раз заметим, что причины его окончательного поражения крылись не только в неудачно избранной военной стратегии. Уже по опыту предшественников можно было догадаться, насколько Швеция зависела от западноевропейской политики. Политические структуры единой Вестфальской системы были слишком взаимосвязаны, чтобы можно было легко абстрагироваться от намерений и желаний ближайших, и даже дальних соседей.

По большому счету, уже в начале единого общеевропейского конфликта первой четверти XVIII в. Швеция осталась фактически без союзников, несмотря на восхищение современников ее королем. Обе стороны, принимавшие участие в войне за Испанское наследство, после уклонения Швеции от участия в западноевропейских делах были не против завязать потуже узел противоречий на Балтике и на востоке Европы, дабы исключить непредвиденное вмешательство в дележ испанской добычи и нарушение баланса сил на западе континента как Швеции, так и России. Об этом ярко свидетельствуют дипломатическая переписка и личные бумаги правителей, их министров и полководцев. К примеру, канцлер казначейства Годолфин замечал своему другу и патрону герцогу Мальборо в письме от 7 августа 1707 г.: «Если шведский король заключит договор о совместных действиях с Францией, последствия для нас будут самые ужасные» (*Recuel des instructions* 1889: 121, 127, 130; *The MarlboroughGodolphin Correspondence* 1975: 655, 675, 815, 828, 874).

В итоге, переход Шведского государства на вторые роли в европейской политике, состоявшийся в первой четверти XVIII столетия, был обусловлен не только военно-политическими талантами Карла XII или Петра Великого. Судьба великой уникальной империи на Балтике в немалой степени зависела от расстановки сил в Западной Европе. Северная война и война за Испанское наследство, военное слияние которых не было исключено в 1706 – начале 1709 гг., являлись единым системным конфликтом между европейскими государствами того времени, который уже за десятилетия до того готовили дворы и кабинеты. Вестфальская система международных отношений в Европе, формировавшаяся после 1648 г., переживала в начале XVIII в. кризис, и перегруппировка сил была закономерной.

А. В. Фененко

ИСТОРИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ: 1648 – 1945
(УЧЕБНОЕ ПОСОБИЕ)
(Извлечение)

Итоги Тридцатилетней войны оказались двойственными. Вестфальский мир 1648 г. установил принцип баланса сил через признание формального равноправия всех суверенных государств. Но Франция вышла из войны страной, превосходящей других по совокупности ресурсов. В ее распоряжении была самая большая и хорошо вооруженная армия в Европе. Париж прилагал усилия к строительству мощного военного морского флота и развитию колоний в Северной Америке и Индии. Франция одной из первых стала пробовать модель экономического протекционизма: защиты собственного производства от конкуренции с помощью системы заградительных тарифов и пошлин. Результатом стало резкое усиление французского экономического потенциала, что позволяло поддерживать мощный силовой потенциал.

Такая ситуация подталкивала французский двор к политике гегемонизма. Этот курс усилился с 1661 г., когда король Людовик XIV (1643–1715) начал самостоятельное правление. В отличие от испанских Габсбургов XVI в. он не стремился превратить Европу в «единую католическую монархию», а пытался закрепить свое силовое и дипломатическое превосходство. Инструментами для достижения этой цели выступали установление контроля Франции над стратегически важными районами и навязывание другим странам неравноправных союзов.

...

Экспансионистскому курсу Франции благоприятствовало соперничество между Англией и Нидерландами (Голландией). В первой половине XVII в. обе эти страны стали ведущими морскими державами, обладавшими крупными военными и торговыми флотами. Однако Нидерланды опережали Англию по размерам торгового флота и объему морских торговых операций. Голландия создала разветвленную систему опорных торговых портов (факторий) в Восточном и Западном полушариях. Это позволило Амстердаму превратиться в мировой финансовый центр, заметно опережавший Лондон по уровню деловой активности.

Позиции Англии на море ухудшились в ходе революции 1640-х годов. Длительная гражданская война короля Карла I (1625–1649) с парламентом подорвала деловую жизнь страны и снизила роль Англии в мировой торговле.

Воспользовавшись этим, голландцы замкнули на себя даже большую часть торговли с английскими колониями в Северной Америке. Это вызывало недовольство английских деловых кругов.

Борьбу с Нидерландами начал лидер английской революции Оливер Кромвель (1559–1658). С 1650 г. он развернул крупную судостроительную программу, позволившую англичанам сократить отставание от голландцев. В октябре 1651 г. английский парламент принял Навигационный акт, согласно которому все товары должны были ввозиться в страну на английских судах или на судах стран-экспортеров, кроме посредников. Последнее создавало легальную основу для действия английских каперов в отношении голландских торговых судов.

...

Англо-голландские войны убедили англичан в невозможности самостоятельно победить Нидерланды на море. Правительство Карла II начало сближение с Францией с целью нанесения совместного удара Голландии. Еще в 1662 г. Англия продала Франции порт Дюнкерк за 320 тыс. фунтов. После окончания Второй англо-голландской войны Англия вернула Франции Кайенну. Это благоприятствовало гегемонистским претензиям Людовика XIV, который начал рассматривать Англию как младшего партнера Франции.

...

К началу самостоятельного правления Людовика XIV в 1661 г. у парижского двора уже была программа экспансии в Европе. Еще в период правления Генриха IV (1594–1610) его советник Максимильтян де Бетюн герцог Сюлли разработал концепцию естественных границ Франции, где можно было выстроить устойчивую оборону от империи Габсбургов: Пиренейские горы с Испанией, Альпийские горы с Итальянскими государствами и Рейн со Священной Римской империей. Достижение естественных границ предполагало присоединение к Франции ряда земель на востоке: Савойи, Франш-Конте, Лотарингии, Геннегау, Артуа и Испанских Нидерландов (современная Бельгия). Установив естественные границы, Париж, по мнению Сюлли, мог в дальнейшем реализовать более широкие цели:

- 1) ограничение власти Габсбургов Испанией и ее колониями;
- 2) отказ от передачи Габсбургам по наследству титула императора Священной Римской империи;
- 3) перестройка Европы до 15 государств:

- ✓ шести наследственных монархий (Франция, Испания, Англия, Дания, Швеция и Ломбардия);
- ✓ пяти выборных монархий (Священная Римская империя, Папство или Понтификат, Речь Посполитая, Венгрия и Богемия);
- ✓ четырех республик (Венецианская, Итальянская, Швейцарская и Бельгийская).

С. Ю. Данилов

ИСТОРИЯ КАНАДЫ

(Извлечение)

В метрополии осознали опасность утраты с трудом основанной колонии. Ставший к этому времени министром «короля-солнца» Людовика XIV крупный администратор и экономист Жан Кольбер настоял на переводе Новой Франции под прямое управление правительства (1663). Она отныне становилась коронной колонией. Известие об этом в Квебек было поручено доставить одному из видных деятелей Новой Франции — землевладельцу и офицеру Пьеру Буше, носившему звание «сеньора Монреалья».

Кольбер и его уполномоченные много сделали для укрепления безопасности Новой Франции и организации деятельности колониальной администрации. В колонию прибыли королевские чиновники (нотариусы, сборщики налогов, судьи, прокуроры, землеустроители) во главе с губернатором и интендантом. В Новую Францию стали регулярно заходить не только торговые суда, но и суда французского военного флота (Кольбер был по совместительству морским министром). Появились офицеры регулярных вооруженных сил, в том числе в генеральских чинах.

Колония усилиями Кольбера приобрела стройную систему управления. Губернатор, обычно знатного происхождения, был верховным правителем. Его власть была ограничена только властью монарха. Подчиненный непосредственно королю, губернатор руководил внешними сношениями колонии, распоряжался войсками, созывал ополчение. Он мог отменить любой судебный приговор, вынесенный в Новой Франции. Губернатор, следовательно, был главой государства в миниатюре.

Интендант, назначавшийся из лиц незнатного происхождения, подчинялся морскому министру в Париже и был вторым в колонии лицом — после губернатора. Он контролировал текущую работу чиновников, управлял колониальными финансами, отвечал за прием иммигрантов и их расселение. Он же следил за законностью, исполняя обязанности главного прокурора. Интендант издавал декреты, в том числе и за собственной подписью, возглавлял Высший совет Новой Франции, игравший роль колониального апелляционного суда. В целом полномочия интенданта, по тогдашним понятиям, были аналогичны полномочиям первого министра метрополии. Как губернатор, так и интендант назначались и смещались по усмотрению монарха и морского министра. В XVII в. губернатор иногда руководил колонией без интенданта. В следующем столетии подобных случаев не отмечалось. Но так или иначе вся ответственность за положение колонии лежала на губернаторе. Губернаторами и интендантами обычно назначали способных и энергичных чиновников. Таковы, например, были губернаторы маркиз Жорж де Треси (1663–1672) и граф Луи де Фронтенак (1672–1698) и интендант Жан Талон (1662–1672).

Под руководством Треси и Фронтенака военные возвели в Квебеке цитадель, превратив почти беззащитную ранее торговую факторию в неприступную крепость. При сооружении цитадели были искусно использованы холмы, на которых строился город Квебек. Затем в Акадии по канонам видного военного деятеля маршала Себастьяна Вобана возвели еще одну более мощную крепость — Луисбур, ставшую «ключом к Квебеку» и «американским Гибралтаром». Подобных крепостей не было тогда во владениях соседних колониальных держав — Голландии и Англии.

В. Л. Керов

ФРАНЦУЗСКАЯ КОЛОНИЗАЦИЯ ОСТРОВОВ ИНДИЙСКОГО ОКЕАНА. XVII – XVIII вв.

(Извлечение)

Французское правительство стремилось укрепить положение колонистов на Бурбоне, чтобы действительно превратить Бурбон в опорный пункт на пути в Индию. Это было особенно важно после ослабления их позиций на Мадагаскаре. Колонистам предписывалось всемерно развивать земледелие и животноводство: разводить свиней, коз, быков, снабжать мясом и овощами корабли, плывущие в Индию и обратно. Жители Бурбона были обязаны иметь

на каждого 200 голов домашней птицы, 12 свиней, а также 6 милье риса, 3 милье овощей и зерновых. Особое значение придавалось королевской монополии на внешнюю торговлю. Жители острова не имели права продавать продукты питания экипажам заходивших на остров кораблей без разрешения правителя острова. Они обязаны были доставлять продукты и другие товары в королевские магазины.

От имени короля торговые агенты Компании Восточных Индий дешево покупали продукты у местного населения и с выгодой перепродавали их в других странах. Правители острова под страхом смерти запрещали колонистам заниматься охотой, дабы не отвлекаться от занятий сельским хозяйством. Назначенные правителем охотники должны были сдавать добычу в королевские магазины с запрещением продавать их самим под угрозой в первом случае штрафа в 100 ливров; при повторении нарушители закона должны были «быть повешены или удушены».

Эти законы действовали в течение всего периода существования привилегий Компании Восточных Индий (1664—1764). И все это время не прекращалось сопротивление действиям компании и правительства — контрабандная торговля, бегство с острова, открытое сопротивление властям. Контрабанда осуществлялась с помощью пиратов. Их корабли тайно приближались к берегу. Жители приносили им провизию и товары собственного производства. Пираты предлагали в обмен товары, вывезенные из Европы и Индии. Они платили поселенцам деньгами, что также запрещалось кампанией. Некоторые пираты, уставшие от постоянных преследований и, видимо, «накопившие» порядочную сумму денег, добивались амнистии и превращались в добропорядочных граждан Бурбона.

Недовольные политикой правительства и компании старались держаться подальше от резиденции властей в Сен-Поле и, как правило, выбирали местом жительства Сент-Сюзанн и Картье-Франсэ. Когда правитель перенес свою резиденцию в Сен-Дени, недовольные переместились в Сен-Поль и в близлежащий Сен-Жиль. Нередко во главе непокорных властям колонистов-французов, нещадно эксплуатировавших «черных» и «цветных» рабов, становились священники и монахи. Так, капуцин отец Бернарден, пользуясь инертностью Парижа, руководил ими шесть лет. Со временем эта своеобразная оппозиция усилилась.

Когда в декабре 1689 г. на остров прибыл Анри Абер де Вобулён — первый правитель Бурбона, непосредственно назначенный королем, — он встретился с вооруженным противодействием. Во главе мятежников встал кюре Сен-Дени, бретонский капуцин отец Гиацинт. По его приказу де Вобулён был арестован и брошен в тюрьму, где и умер.

В 1696 г, адмирал де Серкиньи во главе эскадры прибыл в Сен-Дени и немедленно приказал арестовать о. Гиацинта и его помощников. Арестованные были отправлены во Францию, а правителем был назначен Жозеф Бастид — один из людей, сопровождавших адмирала. Бастид, стремясь укрепить свою власть, организовывал на Бурбоне вооруженные отряды поселенцев. Его преемник, де Вийе, приступил к созданию разветвленного чиновничьего аппарата. Начиная с 1696 г. правители Бурбона регулярно назначались королем». Черкасов П.П. Судьба истории: очерк колониальной Франции в XVI-XXвв.

П. П. Черкасов

СУДЬБА ИСТОРИИ: ОЧЕРК КОЛОНИАЛЬНОЙ ФРАНЦИИ

В XVI – XX вв.

(Извлечение)

При Людовике XIV осуществляется колонизация Гвианы, Антильских островов, о-ва Сан-Доминго (Гаити). Французы укрепляют свои позиции на побережье Сенегала. Предпринимается попытка захватить острова в Индийском океане (прежде всего Мадагаскар). В 1712 г. Франция оккупирует острова Бурбон и Морис, оставленные голландцами. Желанная цель в этом районе — сказочная Индия. Французская Компания Восточных Индий приобретает у индийских раджей территории Пондишери и Карикал, а затем — Махе, Янаон и Чандернагор.

Значительную активность Франция проявляет в Америке. В конце XVII в. она распространяет свое влияние до Гудзонова залива. Французские землепроходцы достигают Миссисипи, спускаются по ней до Арканзаса, а затем до Калифорнии и останавливаются на берегу Мексиканского залива. Видную роль в исследовании Американского континента сыграл сын руанского негодника Робер Кавелье де ла Салль, попытавшийся в 1682 г. основать вдоль течения рек Св. Лаврентия, Миссисипи и Огайо французские укрепленные пункты. Достигнув моря, де ла Салль и его спутники по обычаю тех времен под пение «Te Deum» воздвигли на берегу деревянный крест и столб, на котором глава экспедиции начертал: «В этот день, 9 апреля 1682 г., именем Его Величества короля Франции и Наварры я беру под свое управление эту страну, отныне называющуюся Луизиана...». По возвращении де ла Салль был с триумфом встречен в Версале.

Предприимчивый руанец поспешил в 1684 г. основать «Компанию Луизианы и Запада» и уже на следующий год отправился со второй экспедицией в Мексиканский залив, достигнув территории нынешнего штата Техас. Однако эта экспедиция потерпела неудачу, а сам де ла Салль в 1687 г. был убит своими взбунтовавшимися компаньонами.

3 апреля 1711 г. два французских корабля «Пренсес» и «Декуверт» под командованием Мартэна де Шасскрена и Мишеля дю Бокажа обнаружили в 1500 км к западу от берегов Мексики небольшой островок площадью 8 км². Поскольку этот день по церковному календарю приходился на Святую Пятницу, мореплаватели назвали открытый остров островом Страстной недели. Это название попало в 1728 г. во французский морской атлас. Однако за пять лет до этого, в 1723 г., появился английский морской атлас, в котором тот же самый остров именовался остров Клиппертон. О происхождении данного названия существует легенда, не подтвержденная, впрочем, документальными свидетельствами. Говорят, что в 1705 г. некий Клиппертон поднял мятеж против флибустьера Уильяма Дампира. Во главе отряда из 20 человек Клиппертон погрузился на простой баркас, на котором совершил путешествие, до сих пор вызывающей восхищение у профессиональных моряков. Клиппертон и его спутники пересекли Тихий океан от Новой Испании до Макао. По пути они высадились на неизвестном острове, который якобы и получил имя его первооткрывателя. Так или иначе, но именно это название прижилось. Любопытно, что этот затерянный в Тихом океане островок почти 100 лет был объектом ожесточенной борьбы между Францией и Мексикой. Лишь в 1931 г. при посредничестве короля Италии этот давний спор, начавшийся в годы мексиканской авантюры Наполеона III, был решен в пользу Франции. В 1935 г. на острове был поднят трехцветный флаг Французской республики.

Но вернемся в начало XVIII в. Активность французской колониальной экспансии на рубеже XVII—XVIII вв. заметно снизилась в связи с тем, что Франция была вовлечена в войну за Испанское наследство, продолжавшуюся 13 лет. Претензии Людовика XIV на гегемонию в Европе потерпели крах. После серии поражений Франция запросила мира у Англии, Голландии и Австрийской империи. В апреле 1713 г. в Утрехте был подписан мир с Англией и Голландией, а в марте 1714 г. в Раштадте — с императором Карлом VI Габсбургом. По Утрехтскому и Раштадтскому мирным договорам Франция оставляла Англии Гудзонов залив и пролив, Акадию и Новую Землю, т. е. все подходы к Французской Канаде. По требованию Испании Франция отказалась от своей привилегии на ввоз рабов в Южную Америку. Это был первый серьезный удар по колониальной империи Франции, которая тем не менее пока оставалась второй колониальной державой после Испании.

Тема 2. АНГЛИЙСКАЯ БУРЖУАЗНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

(1640 – 1660)

Вопросы к практическому занятию

1. Причины и начало английской революции.
2. Характеристика первого этапа революции. Первая гражданская война:
 - 2.1. Законодательство Долгого парламента.
 - 2.2. Реформа армии.
3. Вторая гражданская война:
 - 3.1. Провозглашение республики: характеристика ее внешней и внутренней политики.
 - 3.2. Зарождение естественно-правовой теории Джона Лильберна и движение левеллеров.
 - 3.3. Джерард Уинстэнли и социальные требования диггеров.
4. Завоевание Ирландии и роль ирландского вопроса в судьбе Английской революции.
5. Протекторат Оливера Кромвеля и его сущность.
6. Реставрация Стюартов: причины восстановления монархии.
7. Место английской революции в истории европейской цивилизации.

Источники

«БИЛЛЬ О ПРАВАХ» (1689 г.)

(Извлечение)

Так как последний король Иаков II, при содействии различных злоумышленных советников, судей и чиновников, состоявших у него на службе, пытался ниспровергнуть и искоренить протестантскую веру и законы, и вольности этого королевства,

1) присваивая себе и применяя власть освобождать от действия законов и приостанавливать законы и исполнение их без согласия парламента

2) заключая под стражу и преследуя некоторых достойных прелатов за всеподданнейшее ходатайство об освобождении их от участия в осуществлении этой присвоенной им власти

3) издавая и приказывая привести в исполнение предписание за большой печатью об учреждении суда, называемого судом комиссаров по церковным делам ...

Каковые действия безусловно и прямо противны общеизвестным законам и статутам и свободе этого королевства, и так как, ввиду отречения упомянутого короля Иакова II от правления и последовавшей отсюда незамещенности престола, его высочество принц Оранский приказал написать призывные грамоты духовным и светским лордам протестантского исповедания и другие грамоты различным графствам, городам, университетам, местечкам и пяти портам об избрании ими правоспособных представителей в парламент, имевший собраться и заседать в Вестминстере ... и посему названные духовные и светские лорды и общины, в силу упомянутых грамот и выборов, собравшиеся ныне в качестве полного и свободного представительства этого народа, по зрелом обсуждении наилучших средств для достижения вышесказанных целей, прежде всего (как делали, обыкновенно, в подобных случаях их предки) заявляют, для восстановления и подтверждения своих древних прав и вольностей, нижеследующее.

1. Что притязания на власть приостанавливать законы или исполнение законов королевским повелением, без согласия парламента, незаконны.

2. Что притязания на власть изъятия от законов или исполнения законов королевским поведением так, как эта власть присваивалась и применялась в недавнее время, незаконны.

3. Что учреждение суда комиссаров по церковным делам и всякие другие учреждения и суды подобного рода незаконны и пагубны.

4. Что взимание сборов в пользу и в распоряжение короны, в силу якобы прерогативы, без согласия парламента или за более долгое время или иным порядком, чем установлено парламентом, незаконно.

5. Что обращаться с ходатайствами к королю составляет право подданных, и всякое задержание и преследование за такие ходатайства незаконно.

6. Что набор или содержание постоянного войска в пределах королевства в мирное время, иначе как с согласия парламента, противно закону.

7. Что подданные протестантского исповедания могут носить оружие, соответствующее их положению, и так, как дозволено законом.

8. Что выборы членов парламента должны быть свободны.

9. Что свобода слова, прений и всего того, что происходит в парламенте, не может подать повода к преследованию или быть предметом рассмотрения в каком-либо суде или месте, кроме парламента.

10. Что не допускается требование чрезмерных залогов, ни наложение чрезмерных штрафов или жестоких и необычайных наказаний.

11. Что присяжные должны быть вносимы в списки и призываемы к очереди надлежащим порядком, и присяжные, решающие судьбу человека в делах по измене, должны быть свободными землевладельцами.

12. Что всякие пожалования и обещания из сумм, ожидаемых от штрафов и конфискации до осуждения, незаконны и недействительны.

13. И что для пресечения всяких злоупотреблений и для улучшения, укрепления и охранения законов парламент должен быть созываем достаточно часто. ...

IX. И так как опытом показано, что с безопасностью и благосостоянием этого протестантского королевства несовместимо правление папистского государя или короля или королевы, состоящих в браке с папистом или паписткой, названные духовные и светские лорды in общины просят также, чтобы было узаконено, что всякое лицо, которое примирилось или примирится, или будет поддерживать общение с римским престолом или церковью, или будет исповедовать папистскую веру, или вступит в брак с папистом или паписткой, должно быть устранено и быть навсегда неспособно наследовать, обладать и пользоваться короной и правлением этого королевства и Ирландии и принадлежащих им владений или какой-либо части их, или иметь, отправлять или осуществлять какое-либо королевское право, власть или юрисдикцию в пределах их; и во всех таких случаях народ этих королевств, в силу этого, освобождается от подданнической присяги; и указанная корона и правление переходят в обладание и пользование того лица протестантского исповедания, которое должно было бы наследовать их в случае, если бы лицо, устраненное от престолонаследия по вышесказанным причинам, умерло естественным образом.

X. И что каждый король и королева, которые в какое-либо время, впоследствии, наследуют царскую корону этого королевства, — в первый день собрания первого парламента после вступления на престол, восседая на своем троне в палате лордов, в присутствии собранных там лордов и общин, или во время своего коронования, при принесении коронационной присяги (которая должна состояться прежде), перед тем лицом или лицами, которые будут свидетелями означенной присяги, должны составить, подписать и прочитать

вслух заявление, упомянутое в статуте, изданном на тринадцатом году царствования короля Карла II (1661 г.) и озаглавленном “Акт для более действительного предохранения особы и власти короля посредством лишения папистов права заседать в той или другой палате парламента”. А если бы случилось, что король или королева, по наследовании короны этого королевства, имели менее двенадцати лет от роду, тогда такой король или королева должны составить, подписать и прочитать вслух сказанное заявление при короновании или в первый день собрания первого парламента по достижении этим королем или королевой двенадцатилетнего возраста (Раздел X утратил свое значение после издания акта 1829 г. об эмансипации католиков).

XI. И их величества соизволили, чтобы все эти положения были объявлены, узаконены и установлены властью настоящего парламента и действовали, сохраняли силу и пребывали законом этого королевства на вечные времена, вследствие чего они объявляются, узаконяются и устанавливаются их величествами по совету и с согласия духовных и светских лордов и общин, заседающих в парламенте, и властью этого последнего.

XII. И далее объявляется и узаконяется указанной выше властью, что, начиная с настоящей сессии парламента, никакое изъятие по *non obstante* («*non obstante*» буквально — «несмотря на»). Приблизительно около 1250 г. корона стала выдавать разрешения (диспенсации), «несмотря на» какой-либо закон противоположного содержания. Билль о правах установил, что такого рода диспенсации, «несмотря на» существующий закон противоположного характера, должны признаваться недействительными.) от какого-либо статута или части его не может быть даровано, но таковые почитаются ничтожными и недействительными, исключая те случаи, когда подобное изъятие будет допущено в этом самом статуте или особо предусмотрено одним или несколькими биллями, прошедшими в настоящей сессии парламента.

XIII. И постановляется, что никакая хартия, пожалование или помилование, дарованное до двадцать третьего дня октября тысяча шестьсот восемьдесят девятого года, не может быть каким-либо образом ограничено или обессилено настоящим актом, но таковые должны иметь и сохранять точно такую же силу и действие, как если бы этот акт совсем не был издан.

«БИТВА ПРИ НЭСБИ» ИЗ МЕМУАРОВ УАЙТЛОКА (1645 г.)

(Извлечение)

(14 июня 1645 г.) было днем знаменитой битвы при Нэсби... Ферфакс послал Айртона с летучим кавалерийским отрядом, который напал на королевский арьергард, расквартированный в городе Нэсби, и взял много пленных...

(На военном совете у короля) было решено дать сражение...

Король командовал главными силами своей армии, принц Рупперт и принц Моррис правым крылом, сэр Лангдэйл — левым...

В парламентской армии Ферфакс и Скиппон командовали главными силами, Кромвель правым крылом... Айртон левым крылом, резервами командовали Рейнсборо, Гаммонд и Прайд.

Принц Рупперт начал бой и атаковал парламентское левое крыло очень решительно. Айртон блестяще сопротивлялся, но в конце концов вынужден был отступить...

Принц Рупперт преследовал его почти до Нэсби, а вернувшись напал на обоз... где было много хорошей добычи...

Тем временем Кромвель стремительно атаковал левое крыло королевских войск и достиг успеха, оторван его от главных сил. Развивая успех, он разбил левое крыло и его резерв.

В то же время главные силы нападали с невероятным ожесточением. Часто отступая и вновь собираясь, они атаковали друг друга, пускали в ход приклады мушкетов и переходили врукопашную...

День был на исходе... парламентские войска, одержав полную победу, преследовали (королевские войска) 14 миль, вплоть до Лейчестера... король оставил тот город и поспешил в Личфильд...

Это сражение было проиграно так же, как и при Марстон-Муре, но поражение оказалось более тяжелым для короля и его партии. Оно было исключительно кровопролитным...

Сражение произошло на огромном поле, на северо-запад от Нэсби, шириной около мили, вся площадь которого была полностью занята войсками.

Со стороны парламентских войск было ранено и убито более тысячи офицеров и солдат...

20 полковников, рыцарей и офицеров не рыцарского происхождения и 600 рядовых потеряли убитыми королевские войска...

В плен было взято 6 полковников, 8 лейтенант-полковников, 18 майоров, 8 лейтенантов, 200 прапорщиков и других младших офицеров, 4500 солдат... Было захвачено... 12 пушек, 8000 ружей, 40 бочонков пороха, 200 повозок со

всем их грузом, 3000 лошадей, королевский штандарт и разные кавалерийские и пехотные знамена, одна из королевских карет и его кабинет с письмами и бумагами.

«БРЕДСКАЯ ДЕКЛАРАЦИЯ» КАРЛА II (1660 г.)

(Извлечение)

Карл, божией милостью король Англии, Шотландии, Франции и Ирландии, защитник веры и пр., всем нашим любезным подданным, какое бы звание и состояние они не занимали, привет.

Если всеобщие распри и раздоры, охватившие все королевство, не пробудили во всех людях желание и стремление к тому, чтобы залечить кровоточащие столько лет кряду раны, — все, что мы скажем, не достигнет своей цели. Все же после долгого молчания мы признали своей обязанностью объявить о том, сколь сильно мы желаем способствовать этому, и так как мы никогда не расстанемся с надеждой получить в удобное время то право, которое бог и природа дали нам, мы просим в наших ежедневных молитвах божественное проведение, чтобы оно, сжалившись над нами и над нашими подданными, возвратило и предоставило нам, после столь долгих бедствий и страданий, спокойное и мирное обладание указанным выше нашим правом, с наименьшим кровопролитием и ущербом для нашего народа...

И с целью, чтобы страх перед наказанием не побудил кого-нибудь, сознающего свою ответственность за то, что произошло, в будущем упорствовать в своей вине, оказывая противодействие установлению спокойствия и благоденствия, в своей стране в восстановлении короля, пэров и народа в их законах, древних и основных правах, мы объявляем настоящим, что мы даруем свободное и всеобщее прощение, которое мы готовы, в случае надобности, скрепить нашей большой печатью Англии, всем тем нашим подданным, какое бы звание и состояние они ни занимали, которые в течение сорока дней со дня опубликования настоящего прибегнут к указанной выше нашей милости и прощению и каким-либо публичным образом выскажут об этих своих намерениях, а равно и о том, что они вновь становятся верными и покорными подданными, кроме тех только лиц, которые будут исключены парламентом в будущем, и только именно эти лица будут изъяты...

И так как страсти и распри нашего времени повлекли за собою разногласия в религии, разделившие людей на враждебные между собой партии (эта враждебность будет улажена или лучше понята при свободном обсуждении указанных выше разногласий), мы провозглашаем свободу совести, вследствие чего ни один человек не должен быть беспокоим или

привлекаем к ответственности за религиозные разногласия, не нарушающие спокойствия в королевстве. И мы готовы изъявить согласие на акт парламента, который будет предложен нам, по зрелом обсуждении полностью обеспечивающий это милостивое пожалование.

Так как во время беспорядков, продолжавшихся столь значительное число лет, во время столь многих и великих революций был произведен ряд пожалований многим офицерам, солдатам и прочим лицам, и офицерами, солдатами и прочими лицами было приобретено много имений, которыми они владеют в настоящее время, и указанные выше пожалования и приобретения могут теперь оспариваться по разным основаниям судебным порядком, мы также желаем, чтобы все такие споры и все дела, касающиеся таких пожалований, продаж и приобретений, решались парламентом, который может лучше всего обеспечить справедливое удовлетворение всем заинтересованным лицам.

И далее мы объявляем, что мы готовы изъявить согласие на издание какого-либо акта или актов парламентом для указанных выше целей и для полного погашения всех недоимок, должных офицерам и солдатам армии, состоящей под командованием генерала Монка, и что эти офицеры и солдаты будут приняты на нашу службу на такое же жалование и на тех же условиях, какие они имеют в настоящее время.

**«ВЕЛИКАЯ РЕМОНСТРАЦИЯ С СОПРОВОЖДАЮЩЕЙ
ЕЕ ПЕТИЦИЕЙ»
ПЕТИЦИЯ ПАЛАТЫ ОБЩИН (1641 г.)
(Извлечение)**

1 декабря 1641 г.

Мы, ваши весьма покорные и почтительные подданные, со всей нашей преданностью и почтением просим ваше величество:

1. Чтобы вы великодушно соизволили пойти навстречу скромным желаниям вашего народа, выраженным через посредство парламента, для сохранения мира и безопасности королевства от злонамеренных планов папистской партии:

путем лишения епископов права заседать в парламенте и сокращения их чрезмерных полномочий, присвоенных ими в отношении клира и, других ваших верных подданных, которыми они злоупотребляли к опасности для

религии и великому ущербу и помехе для законов королевства и законной свободы вашего народа;

путем устранения тех притеснений в области религии, церковного управления и дисциплины, какие были ими введены и поддерживаемы;

путем соединения всех ваших верных подданных воедино в одну истинную веру против папистов посредством устранения тех наслоений и не являющихся необходимыми обрядов, благодаря которым различные слабые умы приведены в колебание и могут отпасть от остальных, и для надлежащего исполнения тех хороших законов, которые были изданы для обеспечения свободы ваших подданных.

2. Чтобы ваше величество подобным же образом соизволило удалить из вашего совета всех тех, которые являются сторонниками и содействуют каким-либо из тех злоупотреблений и пороков, от которых страдает ваш народ; и что на будущее время ваше величество соизволит обещать назначать для выполнения ваших великих государственных дел и держать тех лиц около себя на местах, требующих доверия, каким ваш парламент будет иметь основание доверять; при этом в силу вашей государевой благости по отношению к вашему народу вы отклоните и откажете всякому посредничеству и просьбам, противоречащим вышеизложенному, от каких бы влиятельных и близких к вам лиц это ни исходило.

3. Чтобы вы соизволили воспретить отчуждение каких бы то ни было конфискованных недвижимых имений в Ирландии, которые будут принадлежать вашей короне, ввиду настоящего мятежа (осенью 1641 г. в Ирландии вспыхнуло восстание против англичан, сопровождавшееся истреблением значительного числа протестантов. Восставшие называли себя “католическим союзом”, имевшим целью защищать “публичное и свободное исповедание истинной католической религии”. Они также утверждали, что стоят за Карла I и его наследников против всех тех, кто “прямо или косвенно стремится уничтожить их королевские права”), дабы из этих имений корона могла получать возможно большие доходы, а также могло быть сделано возмещение вашим подданным английского королевства за те огромные издержки, которые они согласны нести в настоящей войне.

«АРМИЯ НОВОГО ОБРАЗЦА» (1645 г.)

(Извлечение)

Обязанности во время похода

I. При прохождении через графства запрещается опустошать и грабить местности или вымогать у кого-либо продукты, деньги или закалывать что-либо, ссылаясь на нужду, под страхом наказания смертью.

II. Ни один солдат не посмеет взять лошадь от плуга или нанести какое-либо другое насилие кому-либо из крестьян в отношении их личности, скота или какого-либо другого имущества под страхом наказания смертью.

Обязанности лагерной и гарнизонной службы

I. Никто не может без разрешения отлучаться от лагеря более чем на 1 милю под страхом наказания смертью.

IX. Если часовой или дозорный будут найдены спящими или пьяными, он или они будут беспощадно наказаны за свой поступок смертью.

XVIII. Никто не смеет пускать своих лошадей на засеянное поле или каким-либо другим образом, наносить ущерб крестьянину под страхом самого сурового наказания.

Обязанности во время битвы

II. Всякий, покинувший свое знамя или бежавший во время боя, наказывается смертью.

III. Если копейщик бросил в битве свое копьё, а мушкетер — свой мушкет и заряды, он или они будут наказаны смертью.

Джерард Уинстенли

ЗНАМЯ, ПОДНЯТОЕ ИСТИННЫМИ ЛЕВЕЛЛЕРАМИ (1649 г.)

(Извлечение)

Знамя, поднятое истинными левеллерами, или строй общности, открытый и предлагаемый сыном человеческим Вильямом Эверардом, Джерардом Уинстенли (следует перечисление еще двенадцати имен) и др., начавшими засеять и удобрять пустошь на холме св. Георгия в приходе Уолтон в графстве Серрей.

20 апреля 1649 г.

(извлечение)

Декларация властям Англии и всем властям в мире, обнаруживающая причины, по которым простой народ Англии начал и дает согласие копать и

обрабатывать землю, сеять хлеб на холме св. Георгия в Серрее; от тех, кто подписался, и от многих тысяч, дающих свое согласие

В начале времен великий творец — разум создал землю, чтобы она была общей сокровищницей, чтобы хранила зверей, птиц, рыб и человека, господина, предназначенного править этими созданиями; ибо человек обладал властью, дарованной ему над зверями, птицами и рыбами; но вначале не было произнесено ни одного слова о том, что одна ветвь человечества будет править другою.

И причина этому та, что каждый отдельный человек, мужчина или женщина, есть сам по себе совершенное создание. И тот же самый дух, который создал земной шар, пребывает в человеке, чтобы он управлял землею. Так как плоть человеческая подчинена разуму, создатель дал его человеку, чтобы быть учителем и наставником для самого себя, поэтому он и не нуждается в поисках вонне наставника или правителя, помимо себя, и не нуждается ни в каком человеке для поучения себя, ибо тот же самый помазанник, который обитал в сыне человеческом, научил и его всем вещам.

Но с тех пор плоть человеческая (этот царь зверей) начала наслаждаться предметами творения больше, чем духом разума и справедливости... дух был убит, и человек был ввергнут в рабство и стал большим рабом себе подобных, чем полевые звери были рабами ему.

Вслед за тем земля (сотворенная, чтобы быть общей сокровищницей для помощи всем — как зверям, так и людям) была обнесена изгородями и поделена на огороженные участки наставниками и правителями, а остальные люди были превращены в слуг и рабов. И земля, которая по творению была создана как общий фонд для всех, теперь покупается и продается и находится в руках немногих, чем наносится ужасное бесчестие великому творцу, как будто он — почитатель отдельных личностей, будто он радовался обеспеченной жизни немногих и веселился нищенским существованием и нуждою других...

Но когда земля снова станет общей сокровищницей, как ей и подобает, ибо все пророчества писания и разума сходятся на этой общности, и человечество опять восстановит начертанный в сердце его закон справедливости, и все будет сделано единым сердцем и единым умом, тогда прекратится эта враждебность во всех странах, ибо никто не осмелится домогаться господства над другими, ни пожелать земли больше, чем у другого. Ибо тот, кто будет господствовать, заключать в тюрьму, угнетать и убивать своих братьев по творению йод любым предлогом, есть губитель творения и орудие проклятия, и он идет не по пути справедливости...

...О ты, власть Англии, хотя ты и давала обещание превратить ее народ в свободный народ, но так ставила этот вопрос по своей себялюбивой природе, что ввергла нас в еще большее рабство, и гнет тяготеет над нами еще тяжелее. Ты не только ограничивала твоих собратьев по творению, простых людей, коркой хлеба, но смущая всех людей через посредство своего правительства, делающего что-либо и тут же упраздняющего сделанное.

Во-первых, ты заставила народ принять Ковенант и поклясться добиться реформации и дать свободу каждому человеку на его месте; однако, когда человек действует в соответствии с этим Ковенантом, его заключают в тюрьму, угнетают чиновники, суды и так называемые судьи.

Ты издала указы об отмене угнетающих, папистских епископальных, (деспотических законов и законов о прерогативах, но мы видим, что власть деспотизма и прерогатив есть великий постоянный закон, правящий на деле, тогда как другие правят только на словах.

Ты дала много обещаний и заверений сделать страну свободной. Однако и по сей день тот самый народ, которому ты давала заверения дать свободу, угнетен: гудами, описями, сессиями, мировыми судьями и секретарями, так называемыми бейлифами, комитетами, подвергается тюремному заключению и бывает вынужден растрачивать тот хлеб, который мог бы спасти их жизни от голода.

И все это за то, что они хотят сохранить всеобщую вольность и свободу, которая является не только нашим прирожденным правом, дарованным нам нашим создателем, но которую вы обещали нам восстановить, освободив от прежних угнетающих властей, которые теперь уже устранены; ту свободу, которую мы купили нашими деньгами, уплаченными налогами, постоями и пролитой нами кровью. Все это ты получила из наших рук, но ты до сих пор не выполнила своего обязательства по нашему соглашению... Благословение придет от праха, который ты попираешь ногами, а именно — бедный, презираемый народ принесет спасение этой стране и всем странам, а ты будешь посрамлен... мы охотно отдадим нашу кровь и жизнь, чтобы кротостью укрепить всеобщую свободу...

Мы достигаем этого не силою оружия, мы ненавидим его... но повинуюсь господе воинства, открывшегося в нас и нам, обрабатывая землю совместно согласно справедливости, чтобы есть наш хлеб в поте нашего лица, не платя наемной платы и не получая ее, но работая совместно, питаясь совместно, как один человек...

Мы должны предъявить эту декларацию вам, великий совет 1, и тебе, великая армия страны Англии, чтобы вы знали, что мы хотим иметь и что вы обязаны дать нам по вашим договорам и обещаниям, а также чтобы вы могли

присоединиться к нам в этом деле и обрести мир. Иначе, если вы будете противиться нам, мы обретем мир в нашем труде и в том, что провозгласим эту декларацию: вы же останетесь без оправдания.

Работа, к которой мы намерены приступить, заключается в следующем: вскопать холм Георгия и пустоши, прилегающие к нему, посеять хлеб и добывать наш хлеб совместно в поте лица.

Первое основание таково: мы должны работать по справедливости и заложить основание превращению земли в общую сокровищницу для всех, для богатого, как и для бедного, чтобы каждый, родившийся в стране, мог бы кормиться от своей матери-земли, которая взрастила его, согласно с разумом, правящим во творении, не вкладывая какую-нибудь часть в чью-либо одну руку, но все, как один, работая вместе и питаясь совместно, как сыновья одного отца, как члены одной семьи, и ни один не будет господствовать над другим, но все будут смотреть друг на друга, как равные во творении, так, чтобы наш создатель был прославлен в деле рук своих и чтобы каждый мог видеть, что творец не почитает отдельных лиц, но равно любит все свое создание и ненавидит только змия, т. е. алчность, разрастающуюся в эгоистические самомнения, высокомерие, лицемерие, нечистые помыслы, т. е. во все, что ищет богатства и плотских почестей и борется против духа разума, создавшего все творение; ибо это есть разложение и проклятие, диавол, отец лжи, смерть и рабство, тот змий и дракон, от которого должно быть освобождено творение...

Ибо нам было открыто, что пока мы или кто-либо другой признаем землю предметом особых интересов лордов и лендлордов, а не такой же общей собственностью других, как и их самих, мы заслуживаем проклятия и держим творение в рабстве. И до тех пор, пока мы или кто-либо другой признает за лендлордами и держателями право для одних называть землю своею, а для других — арендовать у них или для одних — сдавать в аренду, а для других — работать за аренду, это значит бесчестить дело творения; как будто справедливый творец взирал на лица и поэтому сотворил землю для немногих, а не для всех. И пока мы или кто-либо другой будем сохранять частную собственность, мы тем самым соглашаемся держать творение в том рабстве, под которым оно стонет, препятствуем делу восстановления и грешим против света, который дан нам, и утрачиваем наш мир из страха перед плотским человеком.

А что эта частная собственность есть проклятие, ясно из того, что те, кто покупает и продает землю и является лендлордом, получили ее либо путем угнетения, либо убийства, либо воровства; и все лендлорды живут нарушением седьмой и восьмой заповедей: «не убий» и «не укради».

Прежде всего, путем угнетения, своими хитрыми вымыслами и алчным умом они обошли простосердечных бедняков или младших братьев и заставили их работать на себя за малую плату, и от их работы получили большую прибыль; ибо бедняки своей работой возвысили тиранов, чтобы они правили ими. Либо же своим алчным хитроумием они вовлекли простых сердцем людей в сделки купли и продажи и тем самым обогатились сами, но разорили других; либо же вследствие своей пронырливости они заняли места, требующие доверия, принудили народ платить деньги на общественные нужды, но большую часть отложили в собственные кошельки, и таким образом они получили ее путем угнетения...

Последней порабоощающей победой, которую враг одержал над Израилем, было завоевание нормандцами Англии, и с тех пор короли, лорды, судьи, трибуналы, бейлифы и озлобленные насильники — фригольдеры непрерывно существуют и существовали. Сам нормандский ублюдок Вильгельм, его полковники, капитаны, низшие офицеры и простые солдаты, с того времени и по сей день продолжая пользоваться своей победой, заключают в тюрьму, грабят, убивают бедных порабоощенных английских израильтян.

И это совершенно ясно: когда надо избрать доверенное лицо или государственного чиновника, избирателями являются фригольдеры и лендлорды, а это — простые нормандские солдаты, широко расселившиеся по стране. А кто должен быть избран? Конечно, какой-нибудь очень богатый человек, являющийся преемником нормандских полковников или высших офицеров. А для какой цели они избираются таким образом? Только для того, чтобы еще сильнее укрепить эту нормандскую власть над порабоощенной Англией и снова придавить ее в то время, как она собирается с духом, чтобы добиваться свободы.

Ибо что такое все эти связывающие и ограничительные законы, издававшиеся во все века после завоевания и теперь поддерживаемые яростью над народом?.. Лишь веревки, узы, кандалы... О, в каком ужасном заблуждении живете вы, властители Англии. В то время когда вы претендуете, что сбросили нормандское иго и вавилонскую власть и обещаете сделать стонающий народ Англии свободным народом, вы все еще влачите это нормандское иго и рабскую тиранию и держите народ в таком же рабстве...

Заметьте, что в Англии не будет свободного народа до тех пор, пока бедняки, не имеющие земли, не получают разрешения вскапывать и обрабатывать общинные земли и жить в таком же достатке, как и лендлорды, живущие в своих огороженных поместьях. Ибо народ не для того выкладывал свои деньги и проливал свою кровь, чтобы их лендлорды, нормандская власть по-прежнему пользовались вольностью и свободой править тиранически через

своих лордов, лендлордов, судей, трибуналов, бейлифов и государственных слуг; но для того, чтобы угнетенные были освобождены, двери тюрем открыты и сердца народа успокоены всеобщим согласием превратить землю в общую сокровищницу... А если так, то никто не скажет: это моя земля, работай на меня, и я дам тебе заработную плату...

Этим объясняется всем трудящимся и тем, кого называют бедными людьми, что они не смеют работать за плату ни на какого лендлорда, ни на тех, кто возвысился над другими, ибо своими трудами они создали тиранов и тиранию; отказываясь же работать на них за аренду, они снова низринут их. Тот, кто трудится на другого, будь то за заработную плату или вместо ренты, работает несправедливо и продолжает поддерживать проклятие; те же, кто решил трудиться и питаться совместно, превращая землю в общую сокровищницу, соединяют свои руки с Христом, чтобы поднять творение от рабства, и освобождают все от проклятия.

Таким образом мы облегчили наши души, объяснив причины наших земельных работ на холме св. Георгия...

«НАРОДНОЕ СОГЛАШЕНИЕ» (2-я РЕДАКЦИЯ).

11 ДЕКАБРЯ 1648 г.

(Извлечение)

Генералу и генеральному совету армии вручено новое положение о народном представительстве, или "Народное соглашение", предназначенное служить руководством для будущего правительства с целью установления прочного и постоянного мира; указанное положение, или соглашение, должно быть подписано всем королевством... Основы этого соглашения в общих чертах состоят в следующем.

Имея в виду, что наши прежние бедствия и не прекращающиеся смуты происходили или вследствие редкого созыва национальных народных представительств, или вследствие ненадлежащей или неправильной их организации, или вследствие отсутствия какой-либо плодотворности в деятельности этих собраний, мы пришли к единодушному соглашению и решили установить, что народные представительства на будущее время не должны ни оставаться несозываемыми в течение неопределенного времени, ни неправильно организуемыми, ни делаемы бесполезными для выполнения тех целей, для которых они предназначены. Для достижения вышеуказанных целей мы объявляем и соглашаемся:

1. Для предотвращения многих неудобств, несомненно возникающих, вследствие продолжительного обладания одними и теми же лицами верховной

властью, настоящий парламент должен быть распущен в последний день апреля 1649 г. или ранее этого времени.

2. Английский народ, представительство интересов которого в парламенте в настоящее время весьма неравномерно распределено между графствами, городами и парламентскими местечками (бургами), должен получить более равномерное представительство; для этой цели представительное собрание всей нации будет состоять из 300 лиц...

В отношении порядка выборов мы предлагаем:

1. Что избирателями в каждом округе должны быть природные англичане или иностранцы, получившие права английского гражданства, подписавшие настоящее соглашение, причем избирателями не могут быть ни лица, получающие пособие по бедности, а только те, которые облагаются налогами на содержание бедных, ни состоящие в услужении, ни лица, получающие заработную плату от какого-либо частного лица; во всех выборах, за исключением университетов; избиратели должны быть мужчинам и, достигшими возраста в 21 год или выше, домохозяевами, проживающими в пределах округа, в котором выборы производятся. (Лица, сражавшиеся на стороне короля против парламента, не могут получить избирательное право ранее истечения 7 лет со дня окончания полномочий настоящего парламента. Не получают избирательного права также лица, противодействующие проведению в жизнь настоящего соглашения и не подписавшего до истечения полномочий настоящего парламента; лица, подписавшие это соглашение впоследствии, получают право участвовать в выборах ближайшего парламента, если они подписали это соглашение ранее, чем за шесть месяцев до выборов.)

2. Что до истечения 14 лет со дня окончания срока полномочий настоящего парламента могут быть избраны в народные представители от какого-либо округа лишь те лица, которые, согласно вышеизложенным постановлениям, пользуются правом голоса при выборах в том или ином месте.

(Не могут быть избраны в первое или во второе народное представительство, следующее за настоящим парламентом, лица, которые не добровольно поддерживали парламент лично или имуществом во время его войны с королем, или которые присоединились или содействовали изменническому соглашению, заключенному в 1647 г., или которые соглашались или обещали положить оружие при вторжении шотландцев летом 1648 г., или входили в сговор с участниками мятежей, имевших место в это лето, или с принцем Уэльским, или с его соучастниками в мятежном флоте.)

3. (Лица, не имеющие права избирать или быть избранными в число членов парламента, в случае участия в выборах подвергаются наказанию в виде конфискации в пользу государства половины принадлежащего им имущества. Если же их имущество не превышает 50 фунтов ст., такие лица подвергаются заключению в тюрьме сроком на три месяца.)

И если кто-либо будет насильственно противодействовать, стеснять или препятствовать лицам, имеющим избирательные права, согласно указанным выше правилам, в осуществлении ими беспрепятственного и свободного выбора своих представителей, то каждое лицо, допустившее такие правонарушения, должно быть подвергнуто наказанию в виде конфискации всего принадлежащего ему имущества, как движимого, так и недвижимого, а если это лицо не располагает имуществом стоимостью в 50 ф. ст., оно должно быть подвергнуто лишению свободы в течение одного года без права представления поручительства или поруки, причем виновный в каждом таком случае должен быть привлечен к ответственности в течение ближайших трех месяцев после совершения им преступления.

4. Что всегда должно присутствовать по крайней мере 150 членов в каждом заседании народного представительства для издания каких-либо законов или совершения какого-либо акта, обязательного для населения.

5. Что каждое народное представительство должно в течение 20 дней после своего первого заседания избрать государственный совет для управления государственными делами до наступления нового дня заседаний ближайшего народного представительства. Названный выше совет обязан управлять и вести дела в соответствии с теми инструкциями и в тех пределах, какие будут предоставлены ему народным представительством, а не иначе.

6. В целях, чтобы все должностные лица государства подлежали ответственности без всякого исключения и чтобы не возникали заговоры для способствования преступным целям, ни один член государственного совета или офицер, получающий вознаграждение в армии или гарнизоне, казначей или сборщик государственных доходов не могут быть избраны в число членов народного представительства, пока они состоят в означенных выше должностях. В случае, если такое избрание состоится, оно признается недействительным. Если какой-либо правовед будет избран народным представителем или членом государственного совета, он признается не имеющим права заниматься судебной практикой, пока он состоит в этих должностях.

7. Что полномочия народных представителей распространяются, без согласия или участия какого-либо другого лица или лиц. на издание,

изменение, отмену и обнародование законов, удаление должностных лиц, судебных установлений, упразднение их должностей и на все то, что не указано в настоящем соглашении как изъятое или не предоставленное их ведению.

В частности:

1. Мы не вверяем нашим представителям права сохранять в силе или издавать какие-либо законы, устанавливающие клятвенные обязательства и соглашения, посредством которых принуждать путем наложения взысканий или иным образом какое-нибудь лицо к чему-либо в области, касающейся или относящейся к делам веры, религии или богопочитания, или препятствовать какому-нибудь лицу в исповедании своей веры или совершении им религиозных обрядов, согласно его убеждениям, в каком-либо доме или месте, за исключением тех, которые в настоящее время или впоследствии будут закрыты для публичного богопочитания. Однако предписание или распоряжение нации в публичном порядке по делам веры, богопочитания или благочиния, не носящее принудительного характера или не устанавливающее изъятия для папистов, относятся к компетенции представителей.

2. Мы не предоставляем им права принуждать или заставлять какое-либо лицо состоять на военной службе на море или на суше. Совесть каждого человека должна быть убеждена в правоте того дела, за которое он рискует своей жизнью.

3. (После прекращения деятельности настоящего парламента никто не должен подвергаться ответственности за что-либо сказанное или сделанное во время имевших место гражданских войн или смут иначе, как во исполнение постановлений ныне существующей палаты общин в отношении сторонников короля; лица, обязанные отчетностью в полученных ими государственных средствах, сохраняют обязанность в них отчитаться.)

4. Что в законах, имеющих быть изданными впоследствии, никакое лицо в силу своего положения, пожалования, хартии или патента, звания или происхождения не должно быть изъято от подчинения этим законам или от обязательности их (для указанных выше лиц) на тех же основаниях, как и для других.

5. (Все существующие привилегии и изъятия для каких-либо лиц из-под действия законов должны быть признанными недействительными и не имеющими никакой силы; они не могут устанавливаться вновь.)

6. Что народные представители не должны ни вмешиваться в исполнение законов, ни выносить приговоры в отношении личности или имущества граждан за деяния, наказания за которые не предусмотрены изданными ранее законами, за исключением случаев привлечения к ответственности и наказания государственных должностных лиц за учинение ими злоупотреблений или упущений при исполнении ими возложенных на них обязанностей.

7. Что ни один член какого-либо будущего народного представительства не может быть назначен сборщиком, казначеем или иным должностным лицом во время состояния его народным представителем, за исключением должности члена государственного совета.

8. Что ни одно народное представительство не должно никаким способом посягать, нарушать или упразднять какую-либо из основ гражданских прав, свободы или общественной безопасности, содержащихся в настоящем соглашении, а также уравнивать состояния людей, упразднять собственность и делать все имущества общими.

9. Что государственный совет в промежутках между заседаниями представительных собраний, в случае неминуемой опасности или крайней необходимости, может распорядиться о назначении выборов и созыве собрания с тем, чтобы его сессия не превышала 40 дней и оно было бы распущено за 2 месяца до начала заседаний следующего очередного представительного собрания.

10. (Все государственные долги должны быть оставлены в силе последующими представительными собраниями, за исключением выдач денежных сумм ныне существующей палатой общин своим членам, кому-либо из лордов или сторонников; такие выдачи могут быть или сохранены, или признаны недействительными полностью или частично.)

11. (Каждый офицер или командующий вооруженными силами, который позволит себе противодействие распоряжениям какого-либо народного представительства, кроме случаев нарушения ими настоящего соглашения, лишается покровительства законов и предается смерти.)

«НАРОДНОЕ СОГЛАШЕНИЕ» (3-я РЕДАКЦИЯ). 15 ЯНВАРЯ 1649 г.
(Извлечение)

...Имея в виду, что бедствия и бесконечные смуты, которые мы терпели, происходили или вследствие редкого созыва национальных собраний, или вследствие ненадлежащей или неправильной их организации, или вследствие отсутствия какой-либо плодотворности в деятельности этих собраний, мы пришли к единодушному соглашению и решили, с помощью бога, установить, что на будущее время наши представители не должны быть ни несозываемы в течение неопределенного времени, ни неправильно организуемы, ни сделаны бесполезными для выполнения тех щелей, для которых они предназначены. Для достижения вышеуказанного мы объявляем и соглашаемся:

1. Что для предотвращения многих неудобств, несомненно возникающих, вследствие продолжительного обладания одними и теми же лицами верховной властью, настоящий парламент должен прекратить свое существование и быть распущенным в последний день апреля 1649 г. или ранее этого времени.

2. Что английский народ (представительство интересов которого в парламенте в настоящее время весьма неравномерно распределено между графствами, городами и парламентскими местечками (бургами) должен получить равномерное представительство; и для этой цели представительное собрание всей нации должно состоять из 400 лиц и не более (далее следует таблица, указывающая, какое число депутатов должны выбирать отдельные графства и города, пропорционально численности их населения.)

3. Что население должно, во всяком случае, производить выборы представительного собрания раз в 2 года... что все будущие выборы должны производиться согласно правилам, изложенным по этому вопросу в настоящем соглашении, а именно: 1) избирателями в каждом округе должны быть природные англичане или получившие права английского гражданства иностранцы, причем избирателями не могут быть ни лица, получающие пособие по бедности, а только те, кто облагается налогами на содержание бедных, ни состоящие в услужений, ни лица, получающие заработную плату от какого-либо частного лица, и во всех выборах, за исключением университетов, избиратели должны быть мужчинами возраста 21 года или выше, домохозяевами, проживающими в пределах округа, в котором выборы производятся; 2) могут быть избраны в народные представители лишь те лица, которые, согласно вышеизложенным правилам, пользуются правом голоса на выборах в том или ином месте...4) ни один член государственного совета, ни один офицер, командующий войсками, состоящими на жаловании в армии или гарнизоне, ни один казначей или сборщик публичных средств не должен, пока

он состоит в перечисленных выше должностях, быть избираем в народные представители, а/в случае, если такое избрание состоялось, оно признается недействительным; в случае, если бы какой-нибудь правовед был избран в какое-либо представительное собрание или в государственный совет, он признается не имеющим права заниматься судебной практикой, пока он состоит в этих должностях; 5) для достижения большего удобства выборов народных представителей каждое графство, от которого должно быть избрано более трех народных представителей, с городами, пользующимися правами корпорации, и другими городами, если такие имеются, расположенными в его пределах, которые не пользуются самостоятельным правом выбора представителей, должно быть разбито в соответствующей пропорции на столько и такие округа, чтобы каждый округ мог избирать 2 и не более 3 представителей.

4. (Кворум членов представительного собрания, для издания законов или совершения иных актов, обязательных для населения, определяется в 150 человек, а для подготовительного обсуждения указанных выше законов или актов в 60 человек.)

5. (Представительное собрание обязано избрать в течение 20 дней после своего открытия государственный совет для управления государственными делами, который выполняет свои обязанности по 10-й день открытия следующего представительного собрания.)

6. В промежутках между двухгодичными представительными собраниями государственный совет, в случае неминуемой опасности или крайней необходимости, вправе собрать чрезвычайное представительное собрание с тем, что сессия его не может продолжаться свыше 80 дней до начала заседаний следующего двухгодичного представительного собрания.

7. Ни один член какого-либо представительного собрания не может быть сборщиком, казначеем или Другим должностным лицом во время его пребывания в этом звании, за исключением занятия должности члена государственного совета.

8. ...Полномочия (представительных собраний) распространяются, без согласия или участия какого-либо другого лица или лиц, на учреждение и упразднение судебных мест и публичных должностей, на издание, отмену и обнародование законов и высшее окончательное разрешение всех обычных или гражданских дел, но не дел духовных или евангельских... (Из гражданских дел из ведения представительного собрания изъяты): 1) Представительное собрание не вправе устанавливать принудительного набора на военную службу, за исключением случаев вторжения неприятеля, подавления мятежей и необходимости содействия в исполнении законов, причем в этих случаях

граждане не могут быть принуждаемы оставлять пределы графств, в которых они проживают. 2) Участникам гражданских смут, боровшимся против парламента, даруется амнистия. 3) Государственные займы и обязательства, сделанные или принятые на себя одним представительным собранием, не могут быть уничтожены следующими. 4) Никому не должно предоставляться никаких льгот или изъятий из-под действия законов. 5) Представительное собрание не может постановлять приговоры относительно лиц или их имуществ за деяния, наказание за которые не предусмотрено законом, за исключением случаев злоупотребления должностными лицами предоставленными им правами. 6) Ни одно представительное собрание не может никаким способом посягать, допускать нарушение или упразднить какие-либо из основ гражданских прав, свободы или общественной безопасности, содержащихся в настоящем соглашении, или уравнивать состояния, упразднить собственность или делать все имущества общими... 9) (Христианство признается государственной религией. Содержание духовенства должно производиться из государственного казначейства, а не путем взимания десятины. Устанавливается терпимость для всех христианских культов, но католичество и англиканство не должны быть публично исповедоваемы.) 10) Признается, что всякий, кто бы он ни был, оказывающий сопротивление силою оружия предписаниям ближайшего или следующих представительных собраний (за исключением того случая, когда представительное собрание, очевидно, посягнуло, допустило нарушить или упразднило основы гражданских прав, свободы или общественной безопасности, содержащиеся в настоящем соглашении), признается немедленно после его или их сопротивления утратившим защиту и покровительство законов и подлежит наказанию смертью как враг народа и изменник.

«ОТВЕТ КОРОЛЯ НА ПЕТИЦИЮ, СОПРОВОЖДАЮЩУЮ ВЕЛИКУЮ РЕМОНСТРАЦИЮ» (1641 г.)

(Извлечение)

27 декабря 1641 г.

На первую часть петиции, относящуюся к религии и состоящую из нескольких пунктов, мы отвечаем, что для сохранения мира и безопасности этого королевства от происков папистской партии мы шли навстречу — и так будем поступать — всем справедливым желаниям нашего народа парламентским путем. Что касается до лишения епископов принадлежащего им права голоса в парламенте, то мы желаем, дабы вы имели в виду, что это право основано на основных законах (*fundamental law*) королевства и

конституции парламента. Мы желаем, чтобы вы учли сказанное, но так как вы хотите, чтобы мы согласились сделать это парламентским путем, мы не дадим в настоящее время никакого дальнейшего ответа.

Что касается до сокращения чрезмерных полномочий духовенства, то мы думаем, что упразднение суда высокой комиссии значительно их сузило, но если еще продолжают существовать какие-либо незаконные присвоения или излишества в его юрисдикции, то мы в этом отношении их не защищаем и не будем защищать.

Что касается того пункта, который относится к коррупциям (как вы их именуете) в области религии, в церковном управлении и дисциплине и устранению тех обрядов, не являющихся необходимыми, которыми могут быть поколеблены слабые умы, то в отношении всякого рода незаконных нововведений, какие могут вкратиться, мы будем охотно содействовать их устранению; если парламент посоветует нам созвать национальный синод, могущий надлежащим образом исследовать те обряды, которые дают кому-либо законный повод для неудовольствий, мы примем это в соображение и приложим свои усилия, чтобы пойти навстречу в этом отношении. Однако нам крайне прискорбно слышать в столь общих выражениях упреки о коррупции в области религии, так как мы в нашей душе убеждены, что на земле не может быть основана никакая церковь, которая исповедовала бы истинную религию с большей чистотой учения, чем это делает английская церковь, а равно нигде управление и дисциплина не являются вместе более украшенными и свободными от суеверия, чем как они здесь установлены законом. Мы будем постоянно охранять их (пока мы живы), по милости божией, в их чистоте и славе не только против всякого рода посягательств со стороны папистов, но также от неуважения со стороны тех многочисленных схизматиков и раскольников, которые в последнее время размножились в этом королевстве и в этом городе к великому стыду и опасности для церкви и государства. Для подавления указанных выше заблуждений мы требуем вашей благовременной помощи и деятельного содействия.

Что касается до второй просьбы петиции, относящейся к удалению и выбору советников, то мы не знаем ни одного лица из числа членов нашего совета, которому могут принадлежать те свойства, какие указаны в петиции; теми, которых мы подвергли суду, мы уже дали вам достаточное доказательство, что у нас не имеется ни одного лица, стоящего близко к нам в силу занимаемой им должности или оказываемого ему доверия, которого мы не предоставим правосудию, если вы предъявите против него определенное обвинение и достаточные доказательства, и в этом мы вновь вас заверяем, но в то же время мы желаем, чтобы вы воздерживались от общих порочащих

нападков, могущих относиться ко всему нашему совету, так как вы не называете никого в отдельности.

Что касается до выбора наших советников и государственных министров, то это было бы лишением нас того естественного права, которым пользуются все свободные люди. Поскольку признается бесспорным правом короны Англии приглашать тех лиц в качестве наших тайных советников, для занятия мест на государственной службе и на нашей частной службе, которых мы найдем подходящими, то мы являемся и всегда будем являться весьма склонными производить выбор тех именно лиц на места, требующие доверия, в отношении которых будут иметься достаточные доказательства их способностей и честности и против которых не может быть выдвинуто серьезного повода для отвода, могущего разумно обосновать недоверие. Мы заверяем вас, что при выборах описанного выше характера в нем всегда принимают участие наиболее близкие к нам лица.

Что касается до третьей просьбы вашей петиции, относящейся к Ирландии, то мы полагаем, что ваше желание о неотчуждении конфискованных земель в этой стране проистекает от ревностной заботливости и преданности и что таким образом эта просьба могла бы являться решением весьма подходящим для того, чтобы быть нами принятым, но своевременно ли выносить решения такого характера до того, как будет усмотрено наступление войны, представляется для нас весьма сомнительным...

«ПЕТИЦИЯ О ПРАВЕ» ПАРЛАМЕНТСКОЙ ОППОЗИЦИИ (1628 г.)

(Извлечение)

Петиция, представленная его величеству духовными и светскими лордами и общинами, собравшимися в настоящем парламенте, относительно различных прав и вольностей его подданных, вместе с ответом, данным на нее его величеством королем в полном собрании парламента.

Его королевскому пресветлому величеству:

1. Духовные и светские лорды и общины, собравшиеся в парламенте, всеподданнейше представляют нашему верховному государю королю нижеследующее: так как статутом, изданным в царствование короля Эдуарда I и известным под названием Statutum de tallagio non concedendo объявлено и узаконено, что никакие подати или сборы не будут налагаемы или взимаемы в этом королевстве королем или его наследниками без доброй воли и согласия архиепископов, епископов, графов, баронов, рыцарей, горожан и

других свободных людей из общин этого королевства; и властью парламента, созванного на двадцать пятом году царствования короля Эдуарда III, объявлено и узаконено, что на будущее время никто не должен быть принуждаем против своей воли давать займы деньги королю, ибо такие займы были противны справедливости и вольностям страны; и другими законами этого королевства постановлено, что ни на кого не должны быть налагаемы повинности или налоги, именуемые доброхотным приношением или подобные им сборы; и в силу вышеупомянутых статутов и других добрых законов и статутот этого королевства, ваши подданные унаследовали ту свободу, что они не могут быть принуждаемы платить какой-либо налог, подать, сбор или другую подобную повинность, не установленную общим согласиет в парламенте.

2. Но тем не менее в недавнее время были изданы различные предписания, обращенные к комиссарам во многих графствах, с инструкциями, в силу которых ваш народ был собираем в различных местностях и побуждаем ссудить известные суммы денег вашему величеству, и некоторые, после отказа их сделать это, были приводимы к присяге, вопреки законам и статутам этого королевства, и были принуждаемы являться к допросу в ваш тайный совет и в иные места, и другие были по той же причине задерживаемы и заключаемы в тюрьму и стесняемы и беспокоимы разными другими способами; и различные другие сборы были налагаемы и взимаемы с вашего народа во многих графствах лордами-наместниками, наместническими депутатами, комиссарами по смотрам, мировыми судьями и другими, по повелению или указанию вашего величества или вашего тайного совета, противно законам и вольным обычаям королевства.

3. Так как равным образом статутот, называемым «Великая Хартия Вольностей Англии», объявлено и узаконено, что ни один свободный человек не может быть схвачен, заключен в тюрьму, лишен своей земли или вольностей, поставлен вне закона, изгнан или утеснен каким-либо иным образом, иначе, как по законному приговору равных ему или по закону страны.

4. И на двадцать восьмом году царствования короля Эдуарда III было объявлено и узаконено властью парламента, что ни один человек, какого бы звания и состояния он ни был, не может быть лишен земли, принадлежащей ему на правах собственности или пользования, схвачен, заключен в тюрьму, или лишен наследства, или предан смерти, не будучи привлечен к ответственности в законном порядке судопроизводства.

5. Но тем не менее, вопреки смыслу означенных статуты и других добрых законов и статуты вашего королевства, изданных на тот же предмет, многие из ваших подданных в недавнее время были заключены в тюрьму без указания какой-либо причины, и, когда для освобождения их они были приводимы к вашим судьям по указам вашего величества о Habeas corpus, чтобы поступить с ними согласно распоряжения суда, тюремщики, на приказ обозначить причину задержания, не указывали никакой причины, кроме той, что лица эти содержались под стражей по особому повелению вашего величества, удостоверенному лордами вашего тайного совета, и несмотря на это, они были препровождаемы в различные тюрьмы, хотя против них не было предъявлено никакого обвинения, на которое они могли бы отвечать согласно закону.

6. Так как в последнее время значительные отряды солдат и матросов были расставлены в различных графствах королевства, и обыватели были понуждаемы против своей воли принимать их в свои дома и давать им помещение, вопреки законам и обычаям этого королевства и к великому неудовольствию и отягощению народа.

7. Так как, равным образом, властью парламента в двадцать пятом году царствования короля Эдуарда III объявлено и узаконено, что никто не должен быть судим за уголовное преступление противно форме, установленный Великой Хартией и другими законами и статутами вашего королевства, что никто не может быть присужден к смерти иначе, как по законам, установленным в вашем королевстве 23 или по обычаям того же королевства или в силу актов парламента, и, с другой стороны, никакой преступник, какого бы звания он ни был, не может быть изъят от установленного порядка судопроизводства и от наказаний, налагаемых законами и статутами этого королевства; но тем не менее в недавнее время были изданы различные предписания за большой печатью вашего величества, в силу которых известные лица были назначены комиссарами с властью и полномочием преследовать в пределах страны по законам военного времени тех солдат, матросов и присоединившихся к ним иных злоумышленных лиц, которые оказались бы виновными в убийстве, грабеже, нарушении присяги, мятеже или каких-либо иных проступках и преступлениях, и производить следствие и суд над такими преступниками в таком же сокращенном порядке производства, какой применяется по военному положению и употребляется в войсках во время войны, и казнить, и предавать смерти их, согласно военному положению.

8. И под этим предлогом некоторые из подданных вашего величества были преданы смерти означенными комиссарами, тогда как, если бы они

заслуживали смерти по законам и статутам страны, они могли бы быть осуждены и казнены только по тем же законам и статутам, и ни по каким иным.

9. И также многие тяжкие преступники, требуя под этим предлогом изъятия, избегли наказаний, заслуженных ими по законам и статутам вашего королевства, вследствие того, что некоторые из ваших чиновников и служителей правосудия незаконно отказывались или уклонялись от возбуждения преследования, согласно этим законам и статутам, против таких преступников, под тем предлогом, что они могут быть наказываемы только на основании военного положения и властью уполномоченных, о которых было сказано выше, между тем как такие уполномочия и все другие подобного рода совершенно и прямо противны упомянутым законам и статутам вашего королевства.

10. Вследствие чего духовные и светские лорды и общины всеподданнейше просят ваше пресветлое величество, чтобы впредь никто не был принуждаем платить или давать что-либо в виде дара, ссуды, приношения, налога или какого-либо иного подобного сбора, без общего согласия, данного актом парламента; и чтобы никто не был призываем к ответу, приводим к присяге, понуждаем к службе, задерживаем или иным образом стесняем и беспокоим по поводу этих сборов или отказа платить их; чтобы ни один свободный человек не был заключаем в тюрьму или содержим под стражей так, как упомянуто выше; чтобы ваше величество соблаговолили удалить солдат и матросов, о которых было сказано выше, и чтобы ваш народ на будущее время не был отягощаем таким образом; чтобы вышеозначенные уполномочия для производства по законам военного времени были отменены и уничтожены и на будущее время никакие подобного рода уполномочия не выдавались какому-либо лицу или лицам, дабы под предлогом их подданные вашего величества не предавались смерти противно законам и вольностям страны.

11. Обо всем этом они всеподданнейше ходатайствуют пред вашим пресветлым величеством, как о своих правах и вольностях, согласных с законами и статутами этого королевства, и просят кроме того, чтобы ваше величество соблаговолили объявить, что решения, действия и меры, состоявшиеся в ущерб народу в каком-либо из означенных пунктов, не могут иметь последствий для будущего или служить впредь примерами; и чтобы ваше величество всемилостивейше соизволили, для вящего удовлетворения и успокоения народа, объявить вашу королевскую волю и желание, чтобы в вышеозначенных делах все ваши чиновники и должностные лица служили вам согласно с законами и статутами этого королевства,

как того требует слава вашего величества и благоденствие этого королевства.

По прочтении настоящей петиции и по полном уяснении ее содержания названным государем королем был дан в полном собрании парламента такой ответ: *«Да будет сделано по сему желанию»*.

«ПЕТИЦИЯ О КОРНЯХ И ВЕТВЯХ»
ПРОГРАММА ДЕЙСТВИЯ ПАРЛАМЕНТА (1640 г.)
(Извлечение)

Достопочтенной палате общин в парламенте смиренная петиция многих подданных его величества, проживающих в сити города Лондона и в его окрестностях, а также в некоторых графствах королевства.

11 декабря 1640 г.

Принимая во внимание, что власть архиепископов, лордов-епископов, деканов и архидиаконов и т. п. с их судами и состоящими при них учреждениями оказывается пагубной и весьма опасной как для церкви, так и для государства, так как они утверждали ранее, что их юрисдикция или власть человеческого происхождения, а в последнее время, когда им было указано на ее незаконность, они стали утверждать, что получили свои полномочия непосредственно от Иисуса Христа, что противоречит законам этого королевства и нарушает права его величества и его королевского достоинства; и принимая во внимание, что указанная выше власть, по печальному опыту, является главной причиной и поводом многих весьма важных горестных зол, притеснений и бедствий для подданных его величества в отношении их совести, свобод и имущества, как это будет показано в прилагаемом к сему перечне, мы поэтому весьма почтительно просим и умоляем это почтенное собрание, приняв в соображение изложенное выше, чтобы названная выше власть со всем тем, что от нее зависит, корнями и ветвями, была упразднена, а все законы, изданные в ее пользу, были бы объявлены не имеющими силы и чтобы справедливое правление, находящееся в согласии со словом Божиим, было учреждено среди нас; и мы, ваши почтительные просители, в силу лежащей у нас обязанности, будем ежедневно молиться о долгом и счастливом царствовании его величества над нами и о благополучном преуспевании его высокого и почетного парламента.

А. Перечень разнообразных зол, притеснений и бедствий, причиненных, произведенных и совершенных прелатами и лицами, от них зависящими:

1. Подчинение и порабощение себе и своей власти всех духовных лиц и таким путем постепенное изъятие их из подчинения светской власти, откуда проистекает.

2. Нерешительность духовных лиц в проповедовании истинной веры, чтобы не заслужить этим нерасположение прелатов...

3. Поощрение духовных лиц относиться с пренебрежением к представителям светской власти, знати и джентри страны, допускать злоупотребления в отношении граждан и жить в ссоре со своими соседями, зная, что они, будучи ставленниками епископов, получают от них поддержку.

4. Недопущение многих способных и богобоязненных лиц к вступлению в духовное звание и удаление из многих духовных общин (congregations) их верующих, прилежных и деятельных священников, живших с ними в дружбе и делавших им добро, только лишь потому, что они не могли по совести исполнять и поддерживать вредные планы епископов, а иногда не по какой-либо иной причине, как вследствие их старания проповедовать или собрания ими большого числа слушателей.

5. Большое возрастание в среде духовенства количества ленивых, развратных и распущенных, невежественных и неподготовленных лиц, которые кишат, как лягушки в Египте, во всем королевстве.

6. Нежелание многих помещать своих детей в школы; появление ряда схизм, заблуждений и ошибочных мнений, распространившихся в церкви; большая испорченность в университетах; огромное и плачевное невежество, царящее повсеместно в народе; недостаток проповедников во многих местах Англии и Уэльса, недовольство духовенством и всеобщее распространение всякого рода нечестия.

7. Распространение безнравственных, пустых и бесполезных книг, памфлетов, театральных пьес и баллад... к уничижению религии, к возрастанию всякого рода пороков и к отвлечению населения от чтения, изучения и слушания слова божия и других хороших книг.

8. Воспрепятствование печатанию благочестивых книг; в допущенных к печатанию — исключение или искажение всего или большей части того, что затрагивает католичество или арминианство (Арминианство — правое протестантское течение, возникшее в Голландии и распространившееся затем в Англии, где оно пользовалось покровительством архиепископа Кентерберийского Лоуда. Сторонники этого учения отвергали кальвинизм и считали возможным государственное вмешательство в дела церкви.), добавление того, что им нравится, а также там, где им нравится; недопущение к перепечатанию книг, ранее разрешенных к печатанию, без нового дозволения.

9. Печатание и выпуск в свет католических, арминианских и иных вредных книг и учений, как, например, что “римская церковь является истинной церковью и даже в самые худшие времена никогда не заблуждалась в догматах”, что “подданные не имеют права собственности на свое имущество” и что “король может взять у них то, что пожелает”, что “все принадлежит королю” и что он “не связан никаким законом”, и многое другое проистекает от изложенного выше.

10. Распространение со времени реформации папизма и возрастание числа папистов, католических священников и иезуитов в различных местах и в особенности в окрестностях Лондона; постоянная продажа распятий и католических рисунков, как в гравированном виде, так и в печатном, и помещение их в библии.

11. Множество монополий и патентов, влекущих за собой бесчисленные клятвопреступления: огромное количество пошлин и налогов на товары, корабельная подать и ряд других великих отягощений государства, от которых все стонут.

14. Продолжается и усиливается сходство и подобие нашей церкви с римской церковью в одеждах, поведении, церемониях и обрядах.

20. Поощрение увеличения числа приходских должностей, воспреещение совершения браков без их дозволения в известное время, составляющее почти полгода, и разрешение заключения браков без установленного оглашения.

23. Огромное возрастание и учащение распутства и нарушения супружеской верности, поощряемое продажным отпращиванием правосудия в этих случаях со стороны прелатов, которые, налагая на виновных лиц наказания, обращают все в деньги для наполнения своих кошельков...

24. Постоянные злоупотребления тем великим ордонансом (ordinance) об отлучении от церкви, который бог предоставил своей церкви как последнее и самое тяжелое наказание, которое церковь может налагать на упорных и больших грешников; прелаты и подчиненные им служители, которые даже не имеют права применять указанный выше ордонанс, ежедневно подвергают отлучению людей как за совершение ими того, что является незаконным, так и по напрасным, пустым и незначительным поводам, как, например, за работу или открытие магазина в праздничный день, за неявку по каждому мановению их руки на вызов, за неплатеж взносов и т. п...

25. И далее, так как надменность и заносчивость прелатов безграничны, они, не желая подчиняться ни людям ни законам, утверждают, что их звание и юрисдикция божественного происхождения (Jure divino) осуществляют духовную власть от своего имени и в силу принадлежащих им прав, с приложением своих печатей, и присваивают себе светские звания, места и

должности в государстве, вследствие чего они могут владеть двумя мечами (это означало обладание как духовной, так и светской властью. Теория “двух мечей” возникла в средние века в эпоху борьбы пап со светской властью (императоров) — папы Григория VII с германским императором Генрихом IV (вторая половина XI в.). Сторонники верховенства духовной власти (канонисты) ссылались только на священное писание и утверждали, что церкви принадлежит верховенство над императорской властью не только в духовных, но и в светских делах. Защитники притязаний императоров на верховенство светской власти над церковной выискивали свои аргументы как из священного писания так и из римского права.)

26. Отсюда проистекает, что они усваивают себе полномочия в своих судах и консисториях, а равно и в других местах, где они заседают, в делах, подлежащих разрешению по нормам “общего права”, назначают духовных лиц в приходы, без согласия патронов и населения.

28. Производят принятие присяги “*ex officio*” (присягой “*ex officio*” называлась присяга, приносимая обвиняемым в том, что он будет давать правдивые ответы на все вопросы, которые будут предложены (хотя дача таких ответов влекла бы за собой уличение обвиняемым самого себя в совершении приписываемого ему преступления).) и другие действия путем инквизиционных методов, добираясь даже до человеческих мыслей, задержание и лишение свободы людей, путем преследований, частое отстранение от должности и удаление от лих священнослужителей, наложение штрафов и заключение в тюрьму всякого рода людей, взломы жилых домов и мастерских, отобрание книг, писем и других документов, захваты их имений, лишение их возможности заниматься своей профессией, разъединение их со своими женами вопреки воле тех и других, неповиновение запретительным указам, издаваемым судами (*prohibitions*) (*Prohibition* — указ, издаваемый судом королевской скамьи, обращенный к низшему суду с предписанием не выходить за пределы своей юрисдикции.) с угрозами и допущение многих других посягательств, к крайнему нарушению законов королевства и вольностей подданных и разорению их и их семейств; и в последнее время судьи страны были столь подавлены властью и могуществом прелатов и другими способами воздействия, что ни запретительные указы (*prohibitions*), ни *Habeas Corpus*, ни иное какое-либо законное средство не могли быть получены или применены для пострадавших во многих случаях; только католики, иезуиты, католические священники, а равно те лица, которые проповедовали католичество или арминианство, получали покровительство, поощрение и полную свободу; и из этого проистекли в числе прочих следующие опасные последствия:

1) Общая надежда и упование сторонников римской партии, что ее суеверная религия будет вскоре вновь полностью утверждена в этом королевстве; такие мысли побуждают их упорствовать в своих убеждениях и осуществлять это открыто в различных местах к великому уничижению бога и нарушению законов королевства.

2) Обескуражение и разорение всех добрых подданных, множество которых: суконщики, торговцы и другие, будучи лишены своих священников и переобременены указанными выше тяготами, выехало из английского королевства в Голландию и другие страны и перенесло с собой крупное производство сукна и торговлю из нашей страны в другие места, где они проживают, вследствие чего шерсть, основная отрасль промышленности королевства, упала в цене и не находит сбыта; торговля пришла в упадок, много бедных людей нуждаются в работе, моряки потеряли заработок, и вся страна сильно обеднела к великому бесчестию для этого королевства и стыду для его правительства.

3) Ныне существующие войны и столкновения, происшедшие между его величеством и его шотландскими подданными, благодаря которых его величество и все его королевства подвергались опасности и терпят большой урон, будучи готовые стать добычей общего врага в случае, если состояние войны продлится; мы чрезвычайно опасаемся, что описанное состояние войны не только продлится, но и усилится к всеобщему полному разорению, если только прелаты со всеми подчиненными им лицами не будут удалены из Англии, так как их деятельность, как мы с вашего дозволения поистине полагаем и считаем, вызвала настоящую распрю.

Все изложенное мы смиренно представляем на обсуждение этого почтенного собрания, уповая, что царь небесный укажет вам правый путь для уврачевания указанных выше зол.

«ПУНКТЫ ПРЕДЛОЖЕНИЙ» ОТ АРМИИ (1647 г.)

(Извлечение)

I. Что (в дальнейших предложениях предусмотрен настоящий (Долгий парламент.) парламент) должен быть установлен определенный срок (посредством акта парламента) для окончания полномочий настоящего парламента (этот срок должен быть установлен не более как в пределах года) и в том же акте должно быть сделано постановление о порядке созыва и организации парламента на будущее время следующего содержания:

1. Что парламент должен быть созываем раз в два года и собираться в определенное время...

2. Что заседания каждого двухгодичного парламента должны продолжаться 120 дней (если только он не отсрочен или не распущен ранее с его собственного согласия), после чего он может быть отсрочен или распущен королем, а ни один парламента не должен заседать свыше 240 дней, считая со дня первого заседания, или иное определенное число дней, которое должно быть установлено в настоящее время; по истечении этого срока каждый парламента подлежит роспуску естественным путем, если он не распущен ранее.

3. Что король, по представлению государственного совета, может собирать в промежутки между двухгодичными парламентами чрезвычайный парламента, который должен созываться не позднее, чем за 70 дней до начала заседаний двухгодичного парламента и распускаться не позднее, чем за 60 дней до этого времени, так, чтобы нормальный порядок выборов в двухгодичный парламента никогда не нарушался.

4. Что настоящий парламента и каждый из последующих двухгодичных парламентов при своей отсрочке или роспуске или ранее этого имеют право учреждать комитеты, действующие во время перерывов между парламентами для выполнения тех задач, которые согласно какому-либо из этих предложений отнесены к ведению указанных выше комитетов.

5. Что выборы членов палаты общин в созываемые в будущем парламента должны распределяться по всем графствам и другим частям и подразделениям королевства, на основании принципа равенства или пропорции, таким образом, чтобы все графства могли иметь число членов парламента, предоставленное их выбору, пропорционально тем налогам, какие они вносят в общую сумму государственных платежей и сборов, соответственно принципам равенства или пропорции, дабы сделать палату общин (насколько это представится возможным) правильно составленным представительством всего государства; и в силу этого соображения право выбора должно быть отнято от пришедших в упадок и незначительных городов и передано в качестве известного добавления к наличному числу парламентских представителей крупным графствам, которые в настоящее время имеют меньше, чем им следует, согласно причитающейся им соразмерности, и этим установить всюду, насколько возможно, такие принципы соразмерности, как указано выше.

6. Что должно быть издано постановление о свободе выборов в будущем и определено время выборов.

7. (Палате общин предоставляется право издания ею одной дальнейших постановлений и правил о порядке проведения в жизнь положений, предусмотренных двумя предыдущими параграфами).

8. Что должна быть установлена свобода высказывания мнений в палате общин с указанием, что ни один член ее не должен подвергаться за то, что он высказал или как он голосовал в палате, какому-либо взысканию, большему, чем исключение его из этой палаты; исключение должно производиться, согласно решению самой палаты.

9. Что судебные полномочия или полномочия на вынесение окончательных судебных решений лордами и общинами (и их полномочия в отношении толкования и применения права без дальнейших обжалований) должны быть уточнены и что никакое судебское лицо, государственный министр или иное лицо, ими осужденное, не может получать покровительство или прощение от короля без представления о том палат или их согласия.

10. Что должны быть уточнены и ограждены права и вольности членов палаты общин в виде установления надлежащего изъятия для них от приговора, рассмотрения их дел или иного какого-либо судебного процесса против них со стороны палаты пэров без участия в решении дела палаты общин, а также от какого-либо иного судебного решения, приговора или рассмотрения их дел какими-либо судами, кроме самой палаты общин, или согласно закону страны.

11. (В графствах должны быть избраны “большие жюри”, т. е. присяжные, которые составляют списки кандидатов на должности мировых судей и шерифов, а король утверждает одного из лиц, указанных в этих описках).

II. Для общего обеспечения положения парламента и милиции в будущем, с целью упорядочения этого дела, должно быть предусмотрено в акте парламента:

1. Что распоряжение вооруженными силами, сухопутными и морскими, на время ближайших десяти лет будет производиться и устанавливаться лордами и общинами, заседающими... в парламенте... Англии...

2. (Распоряжение означенными выше вооруженными силами не может производиться королем или лицами, им уполномоченными, иначе, как по совету и с согласия названных выше лордов и общин или тех комитетов или советов в промежутках между заседаниями парламента, какие ими будут учреждены).

3. Что в течение указанных выше десяти лет названные выше лорды и общины вправе путем биллей и ордонансов взимать и распоряжаться теми денежными средствами и для тех вооруженных сил, которые они время от времени найдут необходимыми, а также для платежа государственных долгов и убытков и для всех иных государственных надобностей королевства.

4. Лица, находившиеся во вражде с парламентом в минувшую войну, не могут в течение пяти лет занимать мест, соединенных с властью или общественным доверием без согласия парламента или государственного совета, а равно состоять членами какой-либо из палат парламента до окончания полномочий второго двухгодичного парламента.

III. Для установления порядка управления милицией в настоящее время с целью обеспечения мира и безопасности английского государства и войск в Ирландии:

1. (Учреждаются должности уполномоченных по адмиралтейству для управления флотом).

2. (Учреждается должность генерала для командования сухопутными вооруженными силами в Англии и Ирландии).

3. (Учреждаются должности уполномоченных в графствах для комплектования, управления и обучения милиции).

4. Что должен быть учрежден государственный совет для надзора и руководства в осуществлении различных и особых полномочий в отношении милиции, упомянутых выше, для обеспечения мира и безопасности этого королевства в Ирландии.

5. Что указанному выше государственному совету присваивается в делах, относящихся к сношениям со всеми иностранными государствами, права тайного совета короля, причем объявление войны и заключение мира с каким-либо другим государством или королевством не может производиться без ведома и согласия парламента.

6. Что означенные выше права государственного совета должны быть вручены достойным доверия и способным людям, подлежащим указанию в настоящее время; названные лица сохраняют свои полномочия (если они себя хорошо ведут) в течение установленного срока, не превышающего семи лет.

IV. (Назначение на главнейшие государственные должности должно быть предоставлено парламенту на срок в течение десяти лет, а по истечении десяти лет парламент представляет на каждое место трех кандидатов, одного из которых утверждает король).

V. (Должен быть издан акт о недопущении к заседанию в парламенте без согласия обеих палат пэров, назначенных после 21 мая 1642 г.).

VI. (Должен быть издан акт об отозвании и объявлении недействительными всех деклараций и иных действий, направленных против парламента или лиц, действовавших от его имени во время минувшей войны).

VII. (Должен быть издан акт о признании недействительными всех привилегий, пожалованных без участия парламента).

VIII. (Должен быть издан акт о подтверждении договоров, заключенных между королевствами Англией и Шотландией).

IX. (Ордонанс об упразднении палаты феодальных сборов (от 24 февраля 1646 г.) должен быть подтвержден парламентом).

X. (Должен быть издан акт о недействительности перемирия в Ирландии и о возложении на палаты лордов и общин продолжения в ней войны).

XI. Что должен быть издан акт об упразднении полностью принудительной власти, полномочий и юрисдикции епископов и всех других духовных лиц, кто бы они ни были, состоящих в наложении на кого-либо светских взысканий, и об отмене всех законов, в силу которых гражданские должностные лица налагали или были обязаны исполнять, согласно приговорам духовных судов, наложенные ими светские взыскания в отношении лиц, осужденных этими судами.

XII. Что должны быть отменены все акты или постановления, содержащиеся в каком-либо акте, предписывающие употребление “общего молитвенника” (общий молитвенник (или служебник) — официальная книга, регламентирующая порядок совершения богослужения англиканской церкви, — был введен путем парламентского акта во 2-й и 3-й год правления Эдуарда VI (акт об единообразии 1549 г.). До издания “акта об единообразии” в Англии употреблялись различные формы общественного богослужения.) и налагающие взыскания за пренебрежение этим, а равно все акты или постановления, содержащиеся в каком-либо акте, устанавливающие наказания за непосещение церкви или за собрания в каком-либо другом месте для молитвы или для выполнения иных религиозных обязанностей, правил или обрядов и должно быть издано другое постановление о разыскании папистов и папистских раскольников, не приемлющих установленные истины веры, и о лишении возможности их, а равно и всех иезуитов или духовных лиц производить смуты в государстве.

XIII. Что принятие ковенанта не должно быть вынуждено у кого-либо, а равно не должны быть налагаемы какие-либо взыскания на лиц, отказавшихся его принять, благодаря чему люди могли бы быть принуждаемы к его принятию вопреки их мнениям или убеждениям; все предписания и ордонансы, клонящиеся к этой цели, должны быть отменены.

XIV. Что (предложения, сделанные выше, предусмотрены для укрепления и обеспечения прав, свобод, мира и безопасности государства) особа его величества, его королева, а также потомство короля должны быть восстановлены в своих правах для достижения безопасности, чести и свободы английской нации, без умаления их личных прав или каких-либо ограничений в осуществлении королевской власти, кроме указанных выше.

XV. (Устанавливаются более мягкие условия для исчисления размера и порядка взимания композиций со сторонников короля).

XVI. (Должен быть издан акт об амнистии за действия, совершенные во время минувшей войны).

Наряду с указанными выше предложениями... мы желаем, чтобы парламентом не было потеряно ни одного мгновения для окончания других дел, относящихся к благосостоянию, свободе и законным нуждам королевства и в особенности:

(I) Что законная и необходимая вольность населения представлять свои нужды и пожелания посредством петиций должна быть дозволена и восстановлена;

(II) Что... общие жалобы английского народа должны быть подвергнуты обсуждению и соответствующим образом удовлетворены и в частности:

1. что акциз должен быть снят с тех продуктов, которые необходимы для удовлетворения обычных жизненных потребностей бедного населения страны, и должен быть установлен срок для полного упразднения акциза;

2. что притеснения и злоупотребления лесных законов должны быть на будущее время устранены;

3. что все монополии (прежние и новые) и стеснения свободы торговли должны быть отменены;

4. что должны быть приняты меры и назначены уполномоченные для исправления и выравнивания неравномерности в налогах между различными графствами и различными местностями в каждом графстве по сравнению с другими и для установления размера налогов с земли более равномерно по территории королевства;

5. что существующий неравномерный, неудобный и вызывающий распри порядок содержания духовенства посредством десятины (десятиной назывался налог, уплачиваемый жителями прихода на содержание приходской церкви в размере одной десятой части с продуктов полевого хозяйства и скотоводства.) должен быть пересмотрен и изменен;

6. что порядки и формы судопроизводства, а равно судебные должности должны быть сокращены и урегулированы так, чтобы все иски и формы производства дел были упрощены и уточнены, а не носили бы столь долговременный и обременительный для тяжущихся характер, как это существует в настоящее время;

7. что заключенные за долги или иные должники (которые располагают имуществом для уплаты долгов) не должны, благодаря лишению свободы или иными какими-либо способами, получать возможность обмана своих кредиторов, но что имущества всех граждан должны отвечать в известном

порядке за их долги (подобно тому, как это установлено для торговцев путем объявления их несостоятельными), находятся ли они в заключении или нет; и что те заключенные за долги, которые не имеют средств для уплаты, или по крайней мере отдали все, что имели, своим кредиторам, подлежат освобождению из заключения или должны быть приняты иные меры так, чтобы ни они, ни их семьи не могли погибнуть вследствие заключения;

8. что должно быть издано постановление, что никто не может быть принуждаем путем наказания или иным способом отвечать на вопросы, клонящиеся к обвинению себя или своих ближайших родственников в уголовных деяниях; никто не может быть лишен жизни иначе, как на основании показаний не менее двух свидетелей.

(III). (Что, согласно шестому пункту декларации армии, должны быть пересмотрены полномочия комитетов и начальников милиции, предоставленные им во время гражданской войны; полномочия, не являющиеся необходимыми, должны быть отняты, а остальные урегулированы).

(IV). Что, согласно седьмому пункту декларации армии, должны быть приняты надлежащие меры, дабы королевство могло быть осведомлено и получило отчеты в расходовании огромных сумм, собранных с населения.

(V). (Необходимо принять меры к уплате армии недоимок, а также государственных долгов).

ФОРМА ПРАВЛЕНИЯ ГОСУДАРСТВОМ АНГЛИИ, ШОТЛАНДИИ И ИРЛАНДИИ И ВЛАДЕНИЯМИ, ИМ ПРИНАДЛЕЖАЩИМИ («ОРУДИЕ УПРАВЛЕНИЯ») (1653 г.)

(Извлечение)

I. Что верховная законодательная власть свободного государства (Commonwealth) Англии, Шотландии и Ирландии и владений, им принадлежащих, сосредоточивается и пребывает в одном лице и народе, представленном в парламенте; титул названного выше лица называется “лорд-протектор свободного государства (Commonwealth) Англии, Шотландии и Ирландии”.

II. Что осуществление полномочий верховного правителя и управление означенными выше странами и владениями и их населением принадлежит лорду-протектору, при содействии совета, число членов которого не должно превышать двадцати одного и не быть ниже тринадцати.

III. Что всякого рода указы, вызовы в суд, полномочия, патенты, пожалования и другие распоряжения, которые до сих пор издавались от имени

и титула блюстителей свободы Англии властью парламента, должны издаваться от имени и титула лорда-протектора, которым на будущее время будут производиться назначения всех должностных лиц и пожалования почетных званий в названных выше трех нациях. Он имеет право помилования (кроме случаев убийства и измены) и получения всех конфискаций, сделанных для публичных целей. Он должен управлять означенными выше странами и владениями во всех делах при содействии совета и на основании настоящего акта и законов.

IV. Что лорд-протектор во время заседаний парламента должен располагать и руководить милицией и войсками, как на море, так и на суше, для достижения мира и благоденствия трех наций, с согласия парламента, и что лорд-протектор в промежутках между заседаниями парламента должен располагать и руководить милицией для достижения указанных выше целей, с ведома и с согласия большинства членов совета.

V. Что лорд-протектор, с ведома указанного выше совета, должен руководить всеми делами, относящимися к поддержанию и укреплению добрососедских сношений с иностранными королями, правителями и государствами, а также с согласия большинства членов совета имеет право вести войну и заключать мир.

VI. Что законы не могут быть изменены, приостановлены, выведены из употребления или отменены, равно как не могут быть изданы какие-либо новые законы или введены какие-либо налоги, сборы или подати, которыми облагается народ, иначе как с его согласия, выраженного в парламенте, за исключением случаев, указанных в п. XXX.

VII. Парламент должен быть созван для заседания в Вестминстере 3 сентября 1654 года, и последующие парламенты должны быть созываемы один раз в каждый третий год, считая со дня роспуска ныне существующего парламента.

XIV и XV. (Лица, принимавшие участие в какой-либо войне против парламента, с 1 января 1641 года лишаются как активного, так и пассивного избирательного права при выборах в ближайший парламент и в три следующих, если только эти лица не состояли впоследствии на службе парламента и не представили доказательств своей преданности последнему. Участники ирландского восстания и католики лишаются избирательных прав навсегда.)

XVI. Что всякого рода голосования и выборы, совершенные или произведенные вопреки или несоответственно указанным выше условиям, будут считаться ничтожными и недействительными, и если какое-либо лицо, которое настоящим лишено избирательных прав, подаст свой голос об

избрании членов для заседания в парламенте, такое лицо подвергнется денежному взысканию в размере годового дохода с его недвижимого имущества и в размере одной третьей части его движимого имущества; половина штрафа поступает лорду-протектору, а другая половина ему же или тем лицам, которые предъявят на нее свои права.

XVII. Что лица, которые будут избраны в число членов парламента, должны быть (и не могут быть иными) лицами известными своею честностью, богобоязненными, хорошего поведения и иметь возраст в двадцать один год.

XVIII. Что все и каждое лицо и лица, имеющие на праве собственности или владения от своего имени имущество движимое или недвижимое стоимостью двести фунтов стерлингов и не подпадающие под указанные выше изъятия, признаются имеющими право выбирать членов парламента от графств.

XXXIII. Что Оливер Кромвель, капитан-генерал войск Англии, Шотландии и Ирландии, признается и настоящим объявляется пожизненно лордом-протектором свободного государства (Commonwealth) Англии, Шотландии и Ирландии и владений, им принадлежащих.

XXXIV. Что канцлер, хранитель или блюстители большой (государственной) печати, казначей, адмирал, генерал-губернаторы Ирландии и Шотландии и главные судьи судов обеих скамей должны назначаться с одобрения парламента; в промежутках между заседаниями парламента — с одобрения большей части совета, утверждаемого затем парламентом.

XXXV. Христианская религия, содержащаяся в книгах священного писания, должна проповедоваться и признаваться государственной религией названных выше наций. И так скоро, как это возможно будет осуществить, будет издано положение, менее подверженное сомнениям и спорам и более определенное, чем существующее в настоящее время, с целью поощрения и обеспечения способных и ревностных наставников для поучения народа, а также раскрытия и борьбы с заблуждениями, ересями и всем тем, что является противоречащим установленному вероучению, а до тех пор, пока указанное выше положение не издано, ныне существующий порядок содержания клира не должен считаться упраздненным или поколебленным.

XXXVI. Что никто не может быть принуждаем к исповеданию государственной религии путем наказаний или иным способом, но должны быть приложены старания привлечь граждан надлежащим наставлением и примером хорошего поведения.

XLI. Что каждый последующий лорд-протектор этих наций должен принять и подписать торжественную присягу, в присутствии совета и тех других лиц, которые будут им приглашены, что он будет блюсти мир,

спокойствие и благоденствие этих наций, принимать меры к беспристрастному применению закона и отправлению правосудия и что он не нарушит или не посягнет на предметы и статьи, содержащиеся в настоящем документе, и во всех остальных делах будет, по мере своих сил и разумения, управлять этими нациями, согласно их законам, статутам, и обычаям.

XLII. Что каждый член совета должен до того, как он приступит к исполнению своих обязанностей, принять и подписать присягу, что он будет правильно и добросовестно исполнять свои обязанности, приложив к этому все свои старания, и что в выборе каждого последующего лорда-протектора он будет поступать беспристрастно и не допускать при этом ничего, ввиду какого-либо обещания, из боязни, по лицепритию или за вознаграждение.

«THE HUMBLE PETITION AND ADVICE»

(1657)

(Извлечение)

To his Highness the Lord Protector of the Commonwealth of England, Scotland and Ireland, and the dominions thereto belonging; the Humble Petition and Advice of the Knights, Citizens and Burgesses now assembled in the Parliament of this Commonwealth.

1. That your Highness will be pleased by and under the name and style of Lord Protector of the Commonwealth of England, Scotland and Ireland, and the dominions and territories thereunto belonging, to hold and exercise the office of Chief Magistrate of these nations, and to govern according to this petition and advice in all things therein contained, and in all other things according to the laws of these nations, and not otherwise: that your Highness will be pleased during your lifetime to appoint and declare the person who shall, immediately after your death, succeed you in the Government of these nations.

2. That your Highness will for the future be pleased to call Parliaments consisting of two Houses (in such manner and way as shall be more particularly afterwards agreed and declared in this Petition and Advice) once in three years at furthest, or oftener, as the affairs of the nation shall require, that being your great Council, in whose affection and advice yourself and this people will be most safe and happy.

6. That in all other particulars which concern the calling and holding of Parliaments, your Highness will be pleased that the laws and statutes of the land be observed and kept; and that no laws be altered, suspended, abrogated or repealed, or new law made, but by Act of Parliament.

8. That none may be added or admitted to the Privy Council of your Highness or successors, but such as are of known piety, and undoubted affection to the rights of these nations, and a just Christian liberty in matters of religion, nor without consent of the Council to be afterwards approved by both Houses of Parliament, and shall not afterwards be removed but by consent of Parliament, but may in the intervals of Parliament be suspended from the exercise of his place by your Highness, or your successors and the Council, for just cause; and that the number of the Council shall not be above one-and-twenty, whereof the quorum to be seven, and not under; as also that after your Highness' death, the Commander-in-chief under your successors of such army or armies as shall be necessary to be kept in England, Scotland or Ireland, as also all such field-officers at land or generals at sea, which, after that time shall be newly made and constituted by your successors, be by the consent of the Council, and not otherwise. And that the standing forces of this Commonwealth shall be disposed of by the Chief Magistrate, by consent of both Houses of Parliament, sitting the Parliament; and in the intervals of Parliament, by the Chief Magistrate, by the advice of the Council; and also that your Highness and successors will be pleased to exercise your Government over these nations by the advice of your Council.

12. That all Acts and Ordinances of Parliament made for the abolishing of Archbishops and Bishops, and for the abolishing of Deans, Deans and Chapters, Canons, Prebends, and other offices and titles of or belonging to any Cathedral, or Collegiate Church or Chapel, and for the sale or other disposition of the lands, rents and hereditaments, unto any or either of them belonging, or for the sale or other disposition of the lands, rents and hereditaments of the late King, Queen, or Prince; or of the lands of delinquents, fee-farm, or other rents, forest-lands, or any of them; or any other lands, tenements, rents or hereditaments, lately belonging to the Commonwealth, shall no way be impeached, but that they do remain good and firm; and that the security given by Act and Ordinance of Parliament, for any sum or sums of monies, by any of the said lands, the excise, or by any other public revenue; and also the securities given by the public faith of the nation, and the engagement of the public faith for satisfaction of debts, may remain firm and good, and not be made void by any pretence whatsoever.

14. And that your Highness will be pleased to consent, that nothing in this Petition and Advice contained, nor your Highness' assent thereto, shall be construed to extend to the dissolving of this present Parliament, but that the same shall continue and remain, until such time as your Highness shall think fit to dissolve the same.

17. And that your Highness and your successors will be pleased to take an oath, in such form as shall be agreed upon by your Highness and this present Parliament, to govern these nations according to the law.

Which Petition being presented the 25th day of May, 1657, his Highness' answer thereunto was read by the Clerk of the Parliament in these words.

Научные публикации

С. П. Александрова

«ДЕВЯТНАДЦАТЬ ПРЕДЛОЖЕНИЙ» И ТРЕБОВАНИЯ АНГЛИЙСКОГО ПАРЛАМЕНТА О КОНТРОЛЕ НАД ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ ВЛАСТЬЮ (ИЮНЬ 1642 г.)

(Извлечение)

В период мирного развития английской буржуазной революции XVII в., продолжавшегося с 3 ноября 1640 г. по август 1642 г., парламент до принятия «Девятнадцати предложений», дважды пытался ограничить полномочия короны в сфере исполнительной власти. Первой попыткой было принятие парламентом в июне 1641 г. документа, который получил название «Десять предложений», второй — принятие в ноябре 1641 г. «Великой Ремонстрации».

Каждое из девятнадцати предложений было направлено в той или иной степени на ограничение исполнительной власти, принадлежащей только королю. Эти предложения можно сгруппировать, основываясь на том, в чем они ограничивали исполнительную власть. Кроме того, парламент также предлагает королю «согласиться с законами, направленными на устранение нововведений и религиозных предрассудков, возможности священников обслуживать несколько приходов и против скандальных священников».

В первом предложении парламент предлагает королю, чтобы члены Тайного совета короля были удалены из него, а «другие высшие должностные лица и министры государства, как внутри королевства, так и за границей», были «отстранены от должностей и службы, если не получают одобрения обеих палат парламента. Лица, которые будут назначены на освободившиеся должности и службы, должны быть одобрены обеими палатами парламента. А члены Тайного совета должны приносить клятву, в том, что они будут добросовестно выполнять свои обязанности, в такой форме, как будет одобрено обеими палата парламента».

Требование о назначении должностных лиц короны только с одобрения обеих палат парламента не впервые выдвигалось парламентом. Такое требование появилось уже летом 1641 г. в «Десяти предложениях». Причем парламент в третьем и четвертом предложениях требовал своего согласия не

только на назначение высших должностных лиц короны, но и назначение лиц, входящих в окружение королевы.

В четвертом предложении парламент предлагал Карлу I поручить воспитание и образование детей короля, лицам, которые «должны быть одобрены обеими палатами парламента», а в перерыве между заседаниями парламента «они должны получить согласие большей части Совета, так же, как это предусмотрено при выборе советников».

В одиннадцатом предложении парламент обязывал всех членов Тайного совета и судей «приносить клятву, форма которой будет согласована и установлена актом парламента, для поддержания положений “Петиции о праве” и некоторых статуты парламента, которые будут определены обеими палатами парламента».

Парламент также потребовал от Карла I:

— в десятом предложении, чтобы члены парламента, лишённые в течение действия парламента 1640 г. должности или службы, «были бы восстановлены на этой должности и службе или другим образом получили удовлетворение за это на основании петиции той из палат парламента, чьими членами они являются»;

— в восемнадцатом предложении, чтобы король выразил готовность «на основании Акта парламента оправдать лорда Кимбольтона и пятерых членов палаты общин таким образом, чтобы будущие парламента были ограждены от последствий этого вредного прецедента»;

— в тринадцатом предложении, чтобы правосудие парламента «было распространено на всех преступников, независимо от того, находятся ли они в королевстве или бежали из него. И чтобы все лица, вызванные любой из палат парламента, должны явиться и ждать осуждения парламента».

В девятнадцатом предложении парламент пожелал, чтобы король «изъявил желание дать согласие на билль, подготовленный впоследствии, которым пэры будут лишены права заседать и голосовать в парламенте, если они не будут допущены до этого с согласия обеих палат парламента».

Заканчиваются «Девятнадцать предложений» тем, что парламент в обмен на то, что король согласится утвердить данный документ, обещает Карлу I следующее. Прежде всего, «направить свое внимание на урегулирование дохода короля наилучшим для него образом и, более того, установить резерв и возможность для его увеличения выше того размера, который предусматривался ранее, с тем чтобы он был достаточным для поддержания королевского достоинства и чести».

Исходя из смысла каждой статьи «Девятнадцать предложений», можно сказать, что положения данного акта были направлены на ограничение

исполнительной власти, полностью принадлежащей короне. Утверждение Карлом I «Девятнадцати предложений» поставило бы исполнительную власть под контроль парламента, и именно это обусловило отрицательное отношение короля к данному документу. В связи с этим точка зрения Е.А. Косминского и А.Я. Левицкого на данный документ как на политический ультиматум парламента королю представляется более справедливой, чем точка зрения М.А. Барга и В.М. Лавровского.

Если бы «Девятнадцать предложений» получили королевское утверждение, то вместе с теми ограничениями власти короля, которые были достигнуты в предшествующий период английской буржуазной революции, можно было бы говорить не только о переходе в этот период времени от абсолютной монархии к дуалистической монархии, но и о начале установления парламентарской монархии.

Т. Л. Лабутина

НАСЛЕДИЕ АНГЛИЙСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ В ИДЕОЛОГИИ РАННИХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ

(Извлечение)

...

Процесс образования партий в правление Карла II Стюарта (1660–1685) явился неизбежным следствием того усиления власти и престижа парламента, которого он достиг в период Английской революции середины XVII в. Формирование политической оппозиции началось с первых лет правления Карла II. Политика правительства создавала и объединяла недовольных в среде имущих классов. Еще задолго до возникновения партий в их рядах начинают обозначаться политические симпатии и антипатии. Первоначально для обозначения политических группировок, образовавшихся в 1660-х — начале 1670-х гг., использовались термины «Двор» и «Отечество», к концу 70-х годов эти названия стали обозначать эмбрионы политических партий (правительственной и оппозиционной), а с 1679 г. за партиями закрепляются более лаконичные имена: тори и виги. Какие же идеи революционной эпохи были востребованы партиями в период Реставрации?

...

Идея божественного происхождения королевской власти сделалась стержневой в идеологии ранних тори. Ее сторонники, подобно пресвитерианам, приходили к выводу о том, что монархия является

«естественной и разумной» формой правления. Наиболее последовательные из них защищали абсолютную, неограниченную форму монархии. Сторонники подобной теории утверждали за королем право «контролировать все политические учреждения без вмешательства с чьей-либо стороны», оправдывали неограниченную власть, даже тиранию. Наиболее полно это учение изложил Р.Фильмер. Согласно его доктрине, государство является подобием семьи, глава государства — отец, а народ — его дети, а поскольку власть отца над детьми неограниченна, то и созданная по ее образцу королевская власть также должна быть неограниченной. По мнению Фильмера, «король — превыше законов». Более того, он является «автором, толкователем и исправителем общественного закона», а также судьей во всех случаях [Patriarcha 1949, p. 102, 106, 109].

Ратуя за неограниченную власть короля и проповедуя ее божественное происхождение, Фильмер в то же время значительное место в государственном управлении отводил парламенту. Законность существования при монархии парламента Фильмер обосновывал тем, что последний получил свою власть от короля точно так же, как король получил свою власть от Бога. Все высказывания Фильмера о месте и значении парламента при абсолютной монархии сводятся к тому, что парламента остается «составной частью организма, главой и правителем которого является король» [Patriarcha 1949, p. 118, 120].

Защитниками неограниченной королевской власти стали в период Реставрации многие тори - члены парламента. Они утверждали, что «король - божий помазанник», он является сувереном, в его руках - жизнь и смерть подданных, он полноправен и полновластен, высшая свобода подданных - повиновение монарху. «Мы должны доверять тому правителю, которого нам посылает Бог», - заявлял один из ораторов палаты общин Мэрвилл [Parl. Hist. 1807, p. 855]. Ему вторил другой тори - депутат Джонкинс, утверждавший, что «королю принадлежит божественная власть и никто, даже парламента, не вправе лишить его этой власти» [Parl. Hist. 1807, p. 1190]. По словам депутата-тори Уоллера, у подданных не должно возникать даже мысли об ограничении власти монарха.

...

Более сложными были истоки идеологии оппозиции. Весьма существенными для ранних вигов оказались идеи, наиболее последовательно разработанные в годы революции индипендентами. Их идеологи (Кромвель, Айртон, Паркер) выступали в защиту конституционной монархии. Признавая источником власти народ, а целью ее - благо народа, Генри Паркер приходил к выводу о том, что в Англии нет условий для неограниченной власти. Однако

при этом идея верховенства народа у него вполне уживалась с конституционной монархией, за которую выступали так называемые «шелковые» индипенденты и достижение которой станет главной целью ранних вигов.

Многие идеи будут позаимствованы вигами у левых индипендентов, в частности у Джона Мильтона. Ярый противник абсолютной монархии Милтон отрицал ее божественное происхождение. Он утверждал, что короли и правительства получили власть от народа в виде поручения, чтобы использовать и употреблять ее в его интересах [Milton 1932, vol. VII, p. 109]. Но если правитель не охраняет свободы и безопасность подданных, то они вправе свергнуть его. Таким образом, по мнению Мильтона, народ имеет право сопротивляться тирании всеми доступными средствами, вплоть до свержения и казни тирана [Milton 1932, vol. V, p. 111].

Виги сочтут приемлемыми для себя и взгляды Мильтона на парламент, который представлялся ему как «многочисленное собрание тех, кого страна считает самыми мудрыми». В парламенте, на его взгляд, более важной является палата общин, поскольку «лорды представляют лишь самих себя, а общины — всю нацию» [Milton 1932, vol. VI, p. 125–126].

Хотя Милтон и развивал теорию народного суверенитета, он не возражал и против конституционной монархии, если власть короля будет ограничена парламентом, а сам монарх подчинен закону. Взаимоотношения короля и народа у Мильтона строятся на определенном договоре, закрепленном в присяге на верность со стороны подданных, и коронационной клятве со стороны правителя. В случае нарушения королем клятвы подданные перестают ему повиноваться, сам правитель становится тираном, и его низложение расценивается как «богоугодное действие» [Milton 1932, vol. VII, p. 175].

Ранние виги позаимствовали основные идеи у партий периода революции, прежде всего из арсенала так называемых «шелковых» индипендентов. Являясь противниками абсолютной монархии, виги отрицали божественное происхождение королевской власти. Их главный теоретик Олджернон Сидней, опровергая в работе «Рассуждения о правительстве» патриархальную теорию королевской власти, писал, что власть отца естественна, власть короля общественна и, как следствие, короли получают свою власть от народа [Sidney 1751, p. 58]. Сидней подчеркивал: «Нация подчиняется только тому, кого выбирает, и в той степени, в какой это оговорено законом» [Sidney 1751, p. 87].

...

Виги ратовали за реформу парламента, но при этом, как и их предшественники в период революции, высказывались за сохранение имущественного ценза. Мнение большинства вигов относительно того, кто же должен избираться в парламент, высказал граф Шефтсбери в памфлете «Размышления о выборах». «Желательно, чтобы выборы в парламент проводились ежегодно, - писал он, - а депутаты не избирались пожизненно. Это в значительной мере предотвратит коррупцию... Я считаю неразумным, принимая во внимание увеличивающиеся доходы избирателей, оставлять действующий ценз в 40 шил. Если урегулировать этот вопрос, то количество избирателей на четверть уменьшится, а следовательно, сократятся неразумные расходы на их содержание во время выборов и уменьшится опасность, которую представляют многолюдные собрания в период избирательных кампаний» [Somers 1812, p. 400]. Кандидаты в депутаты, по мнению графа, должны иметь годовой доход не менее 10 тыс. ф.ст. Такая избирательная система превратит парламент в «совершенное учреждение, представляющее интересы всего народа в целом и каждого человека в отдельности». Лидер вигов был твердо убежден в том, что в парламенте должны заседать «мудрые, серьезные, честные и состоятельные люди».

Большинство вигов считали, что можно добиться установления конституционного правления через реформу государственного устройства. Такая возможность представилась оппозиции в период так называемого «исключительного кризиса». Когда зашаталась устои наследственной монархии, виги в своей борьбе против деспотизма использовали в качестве одного из аргументов идею «выборной монархии». Они высказывали опасения, подобно Томасу Плею, что при вступлении герцога Йорка на трон возможно возвращение к тому, «что было до Реставрации». Виги заявляли: «Когда люди свободны и равны, они... выбирают такое правительство, которое им нравится, и сохраняют за собой право изменять его по своему желанию». Пытаясь не допустить на трон католического наследника, виги заверяли, что готовы пойти на любые меры, а если герцог Йорк все же посмеет вступить на престол, то они окажут ему сопротивление [Parl. Hist. 1807, p. 1125, 1167].

...

Таким образом, ранние партии оказались выразителями идеологии классов нового буржуазного общества, начавшего формироваться после революции середины XVII в. Тори отвергали любые попытки изменения существующей формы правления, ибо только монархия в полной мере отвечала их требованиям. Виги, выражая интересы буржуазии и нового дворянства, вели борьбу с абсолютизмом, не собираясь в то же время

упразднить королевскую власть. При всех различиях торийской и вигской идеологий политическое поведение представителей обеих партий было продиктовано общим страхом перед выступлениями народных низов, опасениями новой гражданской войны. В случае же подобной угрозы тори и виги могли прийти к компромиссу, который достигался на консервативной основе.

...

Для большинства просветителей, как торийской, так и вигской ориентации предпочтительной формой правления являлась конституционная монархия. Конституционная монархия представлялась просветителям гармоничной формой правления. Правление Англии — это ограниченная монархия, при которой, как писал Дефо, власть правителя определяется законами, «народные права утверждены на протяжении веков», монарх, лорды и общины, участвующие в управлении государством, имеют собственные привилегии, но действуют в согласии, что и приводит «к гармонии конституции» [A True Collection 1703, p. 364]. Галифаксу особенно импонировало в конституционной монархии органичное единение власти и свободы, заключавшееся в том, что правителю предоставлено «почетное право командовать свободными людьми, а подданным — испытывать удовлетворение от того, что власть так хорошо устроена и их свободы обеспечены» [Halifax 1912, p. 62].

Таким образом, подвергая критике республиканское правление и абсолютную монархию, буржуазные идеологи выступали в защиту ограниченной монархии, делаясь не только в теории, но и на практике апологетами установившегося в Англии после Славной революции социального строя. Примечательно, что защитниками данной формы правления в равной мере являлись представители обеих политических партий, поскольку существующий строй одинаково отвечал интересам как «денежных», так и «земельных» людей. Теоретические рассуждения просветителей относительно преимуществ правления «смешанной» монархии вряд ли приобрели должный вес, если бы не следствия данной теории, воплотившиеся в известном положении о «разделении» и «равновесии» ветвей власти

...

Отстаивая принцип «разделения» властей, все просветители сходились во мнении, что верховной должна оставаться законодательная власть, которая принадлежит коллективному органу — парламенту. Именно парламент в состоянии обеспечивать через издание законов неприкосновенность собственности граждан, и в этом заключалась, на взгляд Локка, его главная миссия. Болингброк полагал, что только парламент способен сохранять

свободы граждан, заявляя: «Парламенты — истинные хранители свободы, именно с этой целью они и были созданы» [Болингброк 1978, с. 174].

Центральное место в парламенте просветители отводили палате общин. Болингброк, как в свое время Мильтон, утверждал, что участие лордов в работе парламента несущественно, поскольку они ответственны за свою деятельность «перед Богом, перед своей совестью, перед судом общественной славы и - более ни перед кем». Напротив, палата общин представляет народ и потому несет ответственность перед своими избирателями. Болингброк считал обязательной подотчетность всех членов палаты общин перед народом. Если народ одобряет деятельность депутатов, то их полномочия продлеваются на новый срок. Но если же их работа по какой-то причине не устраивает сограждан, то они в праве отозвать неугодного депутата, что позволит избежать «множества неудобств и злоупотреблений» и достичь «множества мудрых и справедливых целей» [Болингброк 1978, с. 189–190].

...

Теория «сопротивления», позаимствованная у идеологов революции 1640 – 1660 гг., в трактовке просветителей лишилась своего революционного содержания. Если в период революции данная теория призывала к ниспровержению как правителя-деспота, так и самого государственного строя, то в эпоху раннего Просвещения она уже была направлена на защиту существующего режима, установившегося после Славной революции. Поскольку правление конституционной монархии в равной мере устраивало и «земельные» (торийские), и «денежные» (вигские) интересы, то теоретические рассуждения о праве народа на сопротивление, пропагандировавшиеся их идеологами, сводились к защите данной формы правления. Допускалось лишь сопротивление правителю в случае чрезмерного усиления определенной ему конституцией прерогативы, что могло бы изменить установившееся равновесие властей не в пользу парламента, а следовательно, ослабить позиции господствующих классов. Впрочем, возможность сопротивления правителю также вызвала со стороны буржуазных идеологов ряд оговорок. Степень оказания сопротивления исполнительной власти сделалась предметом идейных размежеваний просветителей «торийского» и «вигского» направлений. Если просветители-виги допускали возможность роспуска правительства, отставку кабинета министров, лишение правителя, узурпировавшего власть, короны, а в экстренном случае даже его казнь, то просветители-тори противились любым насильственным мерам по отношению к верховному правителю, возлагая всю ответственность за «дурное» правление страной на министров.

....

В. А. Томсинов

**ЗАКОНОДАТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ АНГЛИЙСКОГО
ПАРЛАМЕНТА В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 1642 г.:
ФОРМИРОВАНИЕ ИДЕОЛОГИИ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ.
СТАТЬЯ ВТОРАЯ**

(Извлечение)

...

Революционные события, происходившие в Англии весной и летом 1642 г., по своему воздействию на государство были подобны землетрясению. Они не уничтожили здания английской государственности, но вызвали в нем трещины, проявившие предельно ясно его истинное состояние.

Конфликт Карла I с парламентской оппозицией по вопросу контроля над милицией и крепостью Галл показал, что представление о верховной государственной власти в Англии как о власти, основанной на соединении полномочий короля и парламента, не было выдумкой идеологов, ... но отражало действительность. Король, лишенный поддержки парламента, оказывался неспособным навязывать свою волю подданным, проводить в стране собственную политику. Действия же парламента, не получившие санкции короля, не имели юридической силы.

...

Рассматриваемый документ примечателен тем, что Карл I трижды употребил в нем грозное словосочетание «civil war» (гражданская война). «Не во власти каких-либо лиц, — заявлял он, в частности, — побудить нас поднять оружие против нашего парламента и наших добрых подданных и ужасным образом ввергнуть это королевство в гражданскую войну». Если какая-нибудь гражданская война все же разразится, утверждал король, и вследствие этого прольется кровь и наступит разруха, «Бог и наша собственная совесть скажут нам, что мы чисты».

... Парламентская оппозиция также говорила об опасности гражданской войны, но виновным в ее развязывании объявляла Карла I. При этом в качестве главного доказательства стремления короля к войне назывались попытки его величества сформировать вооруженный отряд. Карл I сообщал в свое оправдание, что желает обзавестись лишь охраной для себя, но парламентарии заявляли в ответ, что «под прикрытием создания охраны» король приказывает войскам, как конным, так и пешим, собраться в Йорке». ...

Любая война — это не только столкновение вооруженных сил, но и противостояние идеологий. В гражданской войне идеологическая борьба приобретает особое значение: победа в ней достается той стороне, которая

сумеет убедить в своей правоте большинство соотечественников. Для английских парламентариев, готовившихся весной 1642 г. к войне с собственным королем, главная проблема заключалась не в создании армии, а в выработке политико-правовой доктрины, способной оправдать их выступление против Карла I.

Согласно действовавшему праву Английского королевства развязывание войны против короля считалось при любых обстоятельствах государственной изменой (high treason). Эта норма была установлена «Декларацией о том, какие правонарушения должны рассматриваться в качестве измены», изданной Эдуардом III по просьбе лордов и общин на двадцать пятом году его правления. В исторической литературе указанный документ известен больше как «Статут или Акт об измене 1352 г.» (Treason act, 1352). В нем говорилось: «Принимая во внимание то, что до настоящего времени существуют различные мнения относительно того, в каком случае следует говорить об измене, а в каком — нет, король по просьбе лордов и общин издал декларацию нижеследующего содержания...»....

...Выработанная парламентскими идеологами новая трактовка государственной измены позволяла оппозиции избежать обвинений в совершении столь тяжкого преступления в случае начала ею военных действий против Карла I. Война против него в свете данной трактовки легко представлялась войной за короля, войной в защиту института королевской власти.

... Определенные идеологические и юридические предпосылки для решения этой задачи создавала доктрина «двух тел короля», проводившая различие между королем как физическим лицом и должностью короля (office of the king). Она позволяла представить акты, принятые лордами и общинами, полноценными законами даже тогда, когда король лично не присутствовал на парламентских заседаниях и не давал на их принятие своего согласия. В таких случаях подразумевалось, что парламент не остается без короля: отсутствуя в этом органе как физическое лицо, король присутствует в нем в качестве политического тела и соответственно сохраняется прежняя конструкция верховной власти, выступающая как король-в-парламенте (rex in parlamento).

...

Между тем в действительности ответ Карла I на девятнадцать предложений лордов и общин являлся документом, который был по своему политическому значению значительно более весомым, чем эти предложения. С момента восстановления в 1660 г. монархии Стюартов и вплоть до парламентских реформ 1832 и 1867 гг. описанная в нем конструкция

верховой государственной власти официально признавалась в качестве идеологической и юридической основы английского государственного строя.

...

Возвеличивая парламент, Карл I тем самым внушал лордам и общинам мысль об отсутствии какой-либо необходимости ограничивать королевскую власть. «Власти, законным образом помещенной в обеих палатах, более чем достаточно, — утверждал он, — для предотвращения и сдерживания власти тирании, и без полномочий, которые в настоящее время истребуются от нас, Мы будем неспособны нести на себе долг, являющийся целью монархии, так как это было бы полным ниспровержением фундаментальных законов и той прекрасной конституции этого королевства, которые делали эту нацию в течение многих лет как знаменитой, так и счастливой до самой большой степени зависти».

Ответ Карла I на девятнадцать предложений лордов и общин предназначался, как ни странно, в большей мере для населения Англии, чем для парламентариев. Главной задачей короля было показать своим подданным, что требования мятежных парламентариев противоречат законам страны. И ему это удалось. Поэтому предельно твердо звучал окончательный ответ Карла I на все их предложения: «*Nolumus leges Angliae mutari*» (Я не изменю законов Англии).

...

В ответе Карла I на девятнадцать предложений парламента суть «смешанного правления» представлялась в виде смешения королевской власти с волей лордов и общин. «В этом королевстве законы издаются совместно королем, Палатой пэров и Палатой общин, избранной народом, — всеми, обладающими свободными голосами и особенными привилегиями», — дословно говорилось в этом документе. Автором данной сентенции был сэр Джон Коулпепер. Эдуард Гайд, который являлся составителем предыдущих королевских деклараций и ответов на парламентские петиции и ремонстрации, возражал против нее как неконституционной и опасной и пытался уговорить короля отказаться от предложенного ему варианта ответа парламенту, но потерпел неудачу.

Такая трактовка «смешанного правления» вполне устраивала парламентскую оппозицию. Опираясь на нее, обе палаты парламента могли настаивать на непременном одобрении королем принятых ими законодательных актов, поскольку две корпорации (*estates*) имеют большинство над одной.

Ответ Карла I на девятнадцать предложений лордов и общин создавал, таким образом, идеологическую основу для компромисса между

противоборствовавшими политическими группировками. Но появился этот документ слишком поздно: ни король, ни вожди парламентской оппозиции уже не хотели тратить время и силы на согласование своих интересов. Развернув подготовку к военному столкновению, они не могли ее прекратить и всеми помыслами своими были уже на поле боя...

М. Ю. Серебрякова

СУДЕБНЫЙ ПРОЦЕСС НАД КАРЛОМ I СТЮАРТОМ

(Извлечение)

Одно из значительных событий Английской буржуазной революции - судебный процесс над Карлом I Стюартом. Впервые в истории человечества король предстал перед Верховным Судом Правосудия, специально учрежденным палатой Общин, который выражал интересы преимущественно буржуазии и джентри. В то же время с требованием суда над «главным делинквентом», а именно так называли Карла I, выступили широкие слои английского общества. Гражданская война, развязанная королем в 1642 г., повлекла за собой тяжелый экономический кризис, который в первую очередь ударил по народным массам. Именно под их давлением и было принято решение о суде.

23 декабря 1648 г. палата Общин, надлежащим образом "очищенная" от пресвитериан, приняла постановление, объявившее короля главным всех несчастий страны, и назначила комитет, который должен был выработать процедуру суда над Карлом и другими государственными преступниками, задача эта была не из легких, предстояло решить главный вопрос: на какой форме судопроизводства остановиться.

В Англии того времени существовали суды общего права, суды справедливости, канонические суды, Звездная палата.

1 января 1649 г. палата Общин приняла решение, объявившее Карла I главным виновником гражданской войны против парламента, союзников ирландцев и шотландцев в борьбе с английским государством, и предложила создать для суда над ним Верховный Суд Правосудия.

Процесс и казнь Карла I, ликвидация палаты Лордов поставили перед палатой Общин вопрос о реорганизации государственной власти. Требования народных масс и партии левеллеров заставили индипендентов пойти на казнь монарха и упразднение монархии.

Д. А. Силякова

ОЛИВЕР КРОМВЕЛЬ И ЕГО РОЛЬ В ЗАВОЕВАНИИ ИРЛАНДИИ

(Извлечение)

Оливер Кромвель – одна из известнейших и в то же время противоречивых фигур в истории Британии. Отношение современников и потомков было неоднозначным: одни боготворили его, в то время как другие ненавидели.

Но в особенности много проблем доставлял ближайший сосед Англии - Ирландия. В 1647 году граф Ормонд, последний ирландский наместник, назначенный королём, заключил союз с ирландскими католиками и готовил войска для высадки в Англию. Сюда же прибыл граф Руперт с остатками своего флота и собирался прибыть будущий король Карл II, сын казнённого Карла I. По всей видимости, Ирландия становилось идеальной колыбелью для потенциального уничтожения Республики в Англии, а также власти Кромвеля. Однако, тогда нельзя было и думать об отправке войск в Ирландию, потому что в казне катастрофически не хватало денег.

Ирландская экспедиция 1649-1652 годов является самым ярким эпизодом порабощения Ирландии в XVII веке. Впоследствии некоторые историки называли её геноцидом ирландцев, и не зря. 12 тысячную армию возглавлял сам Кромвель. Но перед этим он отправил отряд в 4000 человек как, чтобы помочь снять осаду с Дублина. Дублин был на тот момент в руках роялистов, сторонников графа Ормонда. Однако английскому полковнику Джонсу удалось вернуть Дублин «под крыло» Англии.

Ирландии эта война на долгие века принесёт тяжелую зависимость от Англии. «Зелёный остров» буквально лежал в руинах. Сотни и тысячи ирландцев были вынуждены бежать со своей родины, ища пристанище в Европе и Новом Свете. Часть её населения была продана и превратилась в белых рабов, из-за чего множество семей было разрушено. Кровавая экспедиция англичан коснулась всех сфер ирландского общества. Политически Ирландия стала практически бесправна, затормозилось её экономическое развитие, в ходе штурмов и приступов солдат были разрушены многие древние крепости, церкви, монастыри и образцы кельтской художественной культуры, которыми они были наполнены.

Многовековое завоевание Ирландии Англией приняло самый широкий размах именно в XVII веке, во время нахождения Оливера Кромвеля на ключевых государственных постах. Буквальное порабощение страны, её

экономическое разорение, а также уничтожение огромных людских масс на долгие годы сломало волю ирландцев к независимости. Особую роль здесь сыграла карательная экспедиция Оливера Кромвеля, а также переселенческая политика. Закономерно, что, хотя относительно личности Кромвеля существуют различные, зачастую противоречивые мнения, в ирландской историографической традиции оценка его деятельности носит однозначно отрицательный характер.

Н. А. Собожников

АНГЛИЙСКАЯ БУРЖУАЗНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ: РЕФОРМА ВООРУЖЁННЫХ СИЛ ОЛИВЕРА КРОМВЕЛЯ (1642 – 1645 гг.)

(Извлечение)

Хотя кавалерия и стала основной ударной силой армии, без координации своих действий с пехотой вероятность успешных действий значительно снижалась. В конце августа 1642 года капитан О. Кромвель занялся реорганизацией войска "круглоголовых".

Отряды организовывались с особой тщательностью, высококлассно проводилось строевое обучение, На первый взгляд это входит в противоречие с его службой в полувоенном милицейском формировании, вследствие низкого качества боевой выучки последнего, однако оно разрешается фактом непрерывного самообразования будущего лорда-протектора. В силу специфики деятельности сквайера, Кромвель был лишен возможности частых путешествий по территории страны, чтобы иметь общение с профессиональными военными. Тем самым ограничивалась возможность посещения континентальной Европы, на территории которой шла Тридцатилетняя война (1618-1648 гг.), интересовавшая его как пуританина не только с военной, но и с религиозно-политической стороны до XIX в. данная война рассматривалась как столкновение интересов протестантов и католиков, исследователей не смущало даже участие на протестантской стороне католической Франции. Пуританское сознание Кромвеля воспринимало конфликт короля с парламентом не как закономерное противоречие, возникшее между новым способом производства и старыми производственными отношениями, а как конфликт между католиками и англиканцами королевскими приспешниками, грешными людьми, и пуританами, людьми истинной веры, которые познают бога в своём честном труде.

В течение 1643 г. Кромвель провёл работу, связанную с организацией армии нового образца.

Основу для её формирования составила ассоциация восточных графств с центром Кембридже: Эссекс, Норфолк, Серфалк, Линкольншир, Кембриджшир, Саффолк, Бакингемшир, а также часть центральных графств, которые он объезжал по нескольку раз, контролируя все жизненно-важные процессы, изыскивая необходимые денежные средства, борясь с саботажем и заговорами предателей, роялистских сторонников.

Таким образом, вооружённые силы парламента всего за четыре года превратились из полувоенных милицейских формирований в современную армию с одной из лучших кавалерий Европе. Это было связано в первую очередь с активной деятельностью Оливера Кромвеля, который, интересуясь военным делом, понимал всю важность преобразований и начал их по собственной инициативе на подведомственных ему территориях. Парламент такое понимал необходимость изменений в управлении войсками. Доказав правильность своего курса в столкновениях с роялистами, Кромвель, лишив влияния пресвитериан, добился распространения реформы на всё парламентское войско.»

М. Ю. Тумаркина

ТЕОРИЯ ГРАЖДАНСКИХ ПРАВ И СВОБОД – ПРАКТИКО-ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ ПРОГРАММА ДЖОНА ЛИЛЬБЕРНА

(Извлечение)

Джон Лильберн занимает особое место в истории политических и правовых учений. Он стоял у истоков буржуазно-демократической доктрины государства и права, одним из первых начал разрабатывать радикально новые по сравнению с феодальными представлениями принципы и подходы к изучению политических и правовых явлений и институтов.

Корни лильберновской теории питаются идеями Возрождения и Реформации. В то же время она их развивает и дополняет. К Лильберну, как и Макиавелли, Гроцию, Гоббсу и т. п., в полной мере применимы слова К. Маркса о том, что благодаря этим мыслителям государство стало рассматриваться человеческими глазами. В частности, развивая идеи Возрождения о месте человека в обществе, Лильберн считает народ активным участником общественной жизни: на протяжении истории он «щедро проливал кровь и тратил имущество». До тех пор, пишет идеолог революции,

пока «бедствия, опасность и рабство угрожают так сильно, очевидно и непосредственно», народу нужно бороться, «поскольку на каждом лежит общественный долг беспокоиться за судьбу своей страны». Идея тесного единения личности и общества, личности и государства, подчеркивание необходимости разумного устройства политической жизни - ключевая в его теории прав и свобод. В своей общественно-политической деятельности, полагает Лильберн, народ связан «законами природы, касающимися всех»; "одна из важнейших задач - рационалистическое усвоение объективных («природных») закономерностей. Нужно «вывести из общественных бедствий такое сочетание свободы и блага для народа, которые хотя бы в какой-то степени смогли возместить многие пережитые народом бедствия и страдания».

В своей концепции прав и свобод Лильберн не обходит вниманием и вопросы социально-экономического характера. В ряде документов партии левеллеров говорится о необходимости "обеспечения работой и хорошим содержанием всякого рода бедняков, престарелых и больных", об установлении новой налоговой системы - менее пропорционально движимому и недвижимому имуществу каждого человека страны". Был предложен также ряд мер, направленных на улучшение торговли. И хотя социально-экономическая проблематика Лильберном подробно не разработана, прогрессивной была сама постановка им вопроса о соответствующих правах, и прежде всего о праве на труд.

Тема 3. «СЛАВНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ»: СКЛАДЫВАНИЕ КОНСТИТУЦИОННОГО СТРОЯ И ПАРЛАМЕНТСКОЙ ДЕМОКРАТИИ

Вопросы к практическому занятию

1. Переворот 1688 г.: смысл и значение.
2. «Билль о правах», «Акт о престолонаследии», их значение для окончательного закрепления конституционного строя в Англии.
3. Развитие парламентской системы и характеристика процесса укрепления власти парламента.

Источники

БИЛЛЬ О ПРАВАХ. 1689

(Извлечение)

Принимая во внимание, что духовные и светские лорды и общины, собравшиеся в Вестминстере и представляющие законно, полно и свободно все состояния народа этого королевства, в тринадцатый день февраля, в году от рождества господа нашего тысяча шестьсот восемьдесят восьмом, представили их величествам тогда называвшимся и известным под именем и титулом Вильгельма и Марии, принца и принцессы Оранских, присутствовавшим там собственной особой, письменное заявление составленное упомянутыми лордами и общинами в нижеследующих словах:

Так как последний король Иаков II, при содействии различных злоумышленных советников, судей и чиновников, состоявших у него на службе, пытался ниспровергнуть и искоренить протестантскую веру и законы и вольности этого королевства,

1) присваивая себе и применяя власть освобождать от действия законов и приостанавливать законы и исполнение их без согласия парламента,

2) заключая под стражу и преследуя некоторых достойных прелатов за всеподданнейшее ходатайство об освобождении их от участия в осуществлении этой присвоенной им власти,

3) издавая и приказывая привести в исполнение предписание за большой печатью об учреждении суда, называемого судом комиссаров по церковным делам ,

4) взимая сборы в пользу и в распоряжение короны, в силу якобы прерогативы, за иное время и иным порядком, чем было установлено парламентом ,

5) набирая и держа в пределах этого королевства в мирное время постоянную армию без согласия парламента и размещения солдат на постои противно,

6) запрещая своим добрым подданным протестантского исповедания носить оружие в то время, как паписты были вооружены и состояли на службе вопреки закону,

7) нарушая свободу выборов членов парламента,

8) разбирая в суде королевской скамьи дела и тяжбы, подлежащие исключительно ведению парламента, и применяя разные иные произвольные и незаконные формы судопроизводства,

9) и так как в последние годы в списки присяжных по уголовным делам вносились пристрастные, подкупные и не удовлетворяющие надлежащим условиям лица, и, в частности, по делам об измене — лица, которые не были свободными землевладельцами,

10) и от лиц, задерживаемых по уголовным делам, были требуемы чрезмерные залогов, в обход законов, изданных для обеспечения свободы подданных,

11) и были налагаемы чрезмерные штрафы, а также незаконные и жестокие наказания,

12) и были производимы пожалования и обещания пожалований из штрафов и конфискаций до произнесения приговора над лицами, которые должны были им подвергнуться, —

Каковые действия безусловно и прямо противны общеизвестным законам и статутам и свободе этого королевства, — и так как, ввиду отречения упомянутого короля Иакова II от правления и последовавшей отсюда незамещенности престола, его высочество принц Оранский (которого всемогущему богу угодно было сделать достославным орудием освобождения этого-королевства от папизма и произвольной власти) и посему названные духовные и светские лорды и общины, в силу упомянутых грамот и выборов, собравшиеся ныне в качестве полного и свободного представительства этого народа, по зрелом обсуждении наилучших средств для достижения вышесказанных целей, прежде всего заявляют, для восстановления и подтверждения своих древних прав и вольностей, нижеследующее.

1. Что притязания на власть приостанавливать законы или исполнение законов королевским повелением, без согласия парламента, незаконны.

2. Что притязания на власть изъятия от законов или исполнения законов королевским поведением так, как эта власть присваивалась и применялась в недавнее время, незаконны.

3. Что учреждение суда комиссаров по церковным делам и всякие другие учреждения и суды подобного рода незаконны и пагубны.

4. Что взимание сборов в пользу и в распоряжение короны, в силу якобы прерогативы, без согласия парламента или за более долгое время или иным порядком, чем установлено парламентом, незаконно.

5. Что обращаться с ходатайствами к королю составляет право подданных, и всякое задержание и преследование за такие ходатайства незаконно.

6. Что набор или содержание постоянного войска в пределах королевства в мирное время, иначе как с согласия парламента, противно закону.

7. Что подданные протестантского исповедания могут носить оружие, соответствующее их положению, и так, как дозволено законом.

8. Что выборы членов парламента должны быть свободны.

9. Что свобода слова, прений и всего того, что происходит в парламенте, не может подать повода к преследованию или быть предметом рассмотрения в каком-либо суде или месте, кроме парламента.

10. Что не допускается требование чрезмерных залогов, ни наложение чрезмерных штрафов или жестоких и необычайных наказаний.

11. Что присяжные должны быть вносимы в списки и призываемы к очереди надлежащим порядком, и присяжные, решающие судьбу человека в делах по измене, должны быть свободными землевладельцами.

12. Что всякие пожалования и обещания из сумм, ожидаемых от штрафов и конфискации до осуждения, незаконны и недействительны.

13. И что для пресечения всяких злоупотреблений и для улучшения, укрепления и охранения законов парламент должен быть созываем достаточно часто.

I. И они признают за собою, требуют и настаивают на всех этих пунктах и на каждом из них в отдельности, как на своих несомненных правах и вольностях; и утверждают, что никакие заявления, приговоры, поступки или действия, состоявшиеся в ущерб народу в каком-либо из означенных пунктов, не могут никоим образом иметь последствия для будущего или служить впредь примерами.

К такому требованию своих прав, как к единственному средству достигнуть полного исправления и устранения вышеозначенных зол, они в особенности получили поощрение заявлением его высочества принца Оранского.

Имея, вследствие этого, полную уверенность, что его высочество принц Оранский довершит дело освобождения, столь далеко уже подвинувшееся, благодаря ему, и обеспечит их против нарушения их прав, которые они здесь удостоверили, и от всяких иных посягательств на их веру, права и вольности,

II. Названные духовные и светские лорды и общины, собравшиеся в Вестминстере, постановляют, что Вильгельм и Мария, принц и принцесса Оранские, признаются и объявляются королем и королевой Англии, Франции и Ирландии и принадлежащих им владений, так, чтобы корона и королевский сан означенных королевств и владений принадлежали пожизненно упомянутому принцу и принцессе и тому из них, кто переживет другого; и чтобы, в течение совместной жизни названных принца и принцессы, исключительное и полное осуществление королевской власти принадлежало только упомянутому принцу Оранскому и производилось им от имени их обоих; по кончине же их обоих корона и королевский сан означенных королевств и владений должны перейти к нисходящим наследникам названной принцессы, а за отсутствием такого потомства — к принцессе Анне Датской и ее нисходящим наследникам вышепоименованного принца Оранского. И духовные и светские лорды и общины просят названных принца и принцессу принять престол на указанных выше условиях.

III. И постановляют, что вместо прежней присяги подданничества и подчинения, которая отменяется, всеми лицами, от кого таковая требовалась по закону, должна быть приносима нижеследующая присяга: “Я, А. Б., чистосердечно обещаюсь и клянусь, что буду нелицемерно и верно состоять подданным их величествам королю Вильгельму и королеве Марии.

Так да поможет мне бог.

Я, А. Б., клянусь, что от всего сердца своего отвергаю, ненавижу и проклиная, как нечестивое и еретическое, то предосудительное учение и положение, что государи, отлученные или осужденные папой или какой-либо властью римского престола, могут быть низлагаемы или убиваемы своими подданными или подвергаемы чему-либо подобному. И объявляю, что никакой иностранный государь, владетель, прелат, никакое иностранное лицо или государство, не имеет и не может иметь юрисдикции, полномочий, верховенства, первенства или власти церковной или духовной, в пределах этого королевства. Так да поможет мне бог”.

IV. После чего их величества приняли корону и королевский сан королевств Англии, Франции и Ирландии и принадлежащих им владений, согласно решению и желанию означенных лордов и общин, высказанному в вышеприведенном заявлении.

V. И засим их величества соизволили, чтобы означенные духовные и светские лорды и общины, составляющие две палаты парламента, продолжали заседать и, совместно с их королевскими величествами, приняли действительные меры для утверждения веры, законов и вольностей этого королевства, — так, чтобы они на будущее время не подвергались снова опасности ниспровержения. На что означенные духовные и светские лорды и общины изъявили согласие и приступили к делу согласно вышесказанному.

VI. Ныне, на основании вышеизложенного, духовные и светские лорды и общины, заседающие в парламенте, для того, чтобы подтвердить, утвердить и установить означенное заявление и содержащиеся в нем статьи, условия, положения и пункты силою закона, изданного в надлежащей форме парламентом, просят, чтобы было объявлено и узаконено, что все подтверждаемые и требуемые в означенном заявлении права и вольности, в их совокупности и в отдельности, составляют достоверные, исконные и несомненные права и вольности народа этого королевства и как таковые должны быть почитаемы, признаваемы, присуждаемы, рассматриваемы и понимаемы, и что все вышеприведенные статьи должны быть строго и неуклонно исполняемы и соблюдаемы так, как они изложены в означенном заявлении; и все должностные лица и чиновники должны впредь служить всегда их величествам и их преемникам согласно сказанному.

VII. И названные духовные и светские лорды и общины, принимая в соображение, что всемогущему богу, в его данном промысле и милосердной благодати к этому народу, угодно было, к великому счастью, избрать и охранить царственные особы их величества, для царствования над ними на престоле их предков, и воссылая ему за то из глубины сердец своих почтительные благодарения и хваления, — достоверно, твердо, несомненно и чистосердечно полагают, и посему признают, удостоверяют и объявляют, что ввиду отречения короля Иакова II от правления и принятия их величествами вышеозначенной короны и королевского сана, упомянутые их величества стали, были, пребывают и по праву должны быть, в силу законов этого королевства, нашими державными властителями, государем и государыней, королем и королевой Англии, Франции и Ирландии и принадлежащих им владений, и что королевский сан, корона и достоинство названных королевств со всеми относящимися и связанными с ними почестями, званиями, титулами, регалиями, прерогативами, полномочиями, юрисдикциями и властями, самым

полным, законным и безраздельным образом заключаются и воплощаются, сосредоточиваются и соединяются в их царственных особах.

VIII. И для предупреждения всяких сомнений и несогласий в этом королевстве, по поводу каких-либо предполагаемых прав на корону, и для предохранения определенности в престолонаследии, от которой, с помощью божьей, всецело зависит единство, мир и безопасность этого народа, — названные духовные и светские лорды и общины умоляют их величества, чтобы было узаконено, установлено и объявлено, что корона и королевская власть означенных королевств и владений, со всем сюда относящимся и принадлежащим, должны находиться и пребывать в обладании их величества и того из них, кто переживет другого, пожизненно. И что безраздельное, полное и совершенное осуществление королевской власти и правления должно принадлежать только его величеству и производиться им от имени обоих их величеств, в течение их совместной жизни, а после кончины их, означенная корона со всем к ней принадлежащим должна находиться и пребывать в обладании нисходящих наследников ее величества, — за отсутствием же такового потомства перейти к ее королевскому высочеству принцессе Анне Датской и ее нисходящим наследникам, а за отсутствием такого потомства, к нисходящим наследникам его величества: и такому порядку названные духовные и светские лорды и общины, от имени, всего вышеупомянутого народа, всепокорно и нелицемерно подчиняются за себя, своих наследников и потомков и добросовестно обещают, что будут отстаивать, поддерживать и защищать их величества, а равно указанное и изложенное здесь ограничение преемства короны, по мере всех сил своих, не щадя жизни и состояния, против всяких лиц, которые предпримут что-либо сему противное.

IX. И так как опытом показано, что с безопасностью и благосостоянием этого протестантского королевства несовместимо правление папистского государя или короля или королевы, состоящих в браке с папистом или паписткой, названные духовные и светские лорды и общины просят также, чтобы было узаконено, что всякое лицо, которое примирилось или примирится, или будет поддерживать общение с римским престолом или церковью, или будет исповедовать папистскую веру, или вступит в брак с папистом или паписткой, должно быть устранено и быть навсегда неспособно наследовать, обладать и пользоваться короной и правлением этого королевства и Ирландии и принадлежащих им владений или какой-либо части их, или иметь, отправлять или осуществлять какое-либо королевское право, власть или юрисдикцию в пределах их; и во всех таких случаях народ этих королевств, в силу этого, освобождается от подданнической присяги; и

указанная корона и правление переходят в обладание и пользование того лица протестантского исповедания, которое должно было бы наследовать их в случае, если бы лицо, устраненное от престолонаследия по вышесказанным причинам, умерло естественным образом.

X. И что каждый король и королева, которые в какое-либо время, впоследствии, наследуют царскую корону этого королевства, — в первый день собрания первого парламента после вступления на престол, восседая на своем троне в палате лордов, в присутствии собранных там лордов и общин, или во время своего коронования, при принесении коронационной присяги, перед тем лицом или лицами, которые будут свидетелями означенной присяги, должны составить, подписать и прочесть вслух заявление, упомянутое в статуте, изданном на тринадцатом году царствования короля Карла II (1661 г.) и озаглавленном “Акт для более действительного предохранения особы и власти короля посредством лишения папистов права заседать в той или другой палате парламента”. А если бы случилось, что король или королева, по наследовании короны этого королевства, имели менее двенадцати лет от роду, тогда такой король или королева должны составить, подписать и прочесть вслух сказанное заявление при короновании или в первый день собрания первого парламента по достижении этим королем или королевой двенадцатилетнего возраста.

XI. И их величества соизволили, чтобы все эти положения были объявлены, узаконены и установлены властью настоящего парламента и действовали, сохраняли силу и пребывали законом этого королевства на вечные времена, вследствие чего они объявляются, узаконяются и устанавливаются их величествами по совету и с согласия духовных и светских лордов и общин, заседающих в парламенте, и властью этого последнего.

XII. И далее объявляется и узаконяется указанной выше властью, что, начиная с настоящей сессии парламента, никакое изъятие по *non obstante* от какого-либо статута или части его не может быть даровано, но таковые почитаются ничтожными и недействительными, исключая те случаи, когда подобное изъятие будет допущено в этом самом статуте или особо предусмотрено одним или несколькими биллями, прошедшими в настоящей сессии парламента.

XIII. И постановляется, что никакая хартия, пожалование или помилование, дарованное до двадцать третьего дня октября тысяча шестьсот восемьдесят девятого года, не может быть каким-либо образом ограничено или обессилено настоящим актом, но таковые должны иметь и сохранять точно такую же силу и действие, как если бы этот акт совсем не был издан.

ТРЕХГОДИЧНЫЙ АКТ.
ОТ 22 ДЕКАБРЯ 1694 г.
(Извлечение)

I. Принимая во внимание, что по древним законам и статутам английского королевства имелось в виду установить частый созыв парламента, и принимая во внимание, что часто возобновляющиеся парламенты весьма благоприятствуют счастливому единению и доброму согласию между королем и народом, мы, ваших величеств весьма преданные и покорные подданные, лорды духовные и светские и общины, заседающие в настоящем парламенте, весьма почтительно просим ваши превосходнейшие величества, чтобы было объявлено и постановлено в настоящем парламенте и это настоящим объявлено и постановлено их превосходнейшими величествами королем и королевой, по совету и с согласия лордов духовных и светских и общин, заседающих в настоящем парламенте, и их властью, что отныне парламент должен быть собираем по крайней мере раз в три года.

II. И далее постановлено указанною выше властью, что в течение дальнейших трех лет от и после роспуска настоящего парламента и таким образом от времени до времени навсегда в позднейшее время в течение дальнейших трех лет от и после роспуска каждого последующего парламента, должны быть издаваемы по приказанию ваших величеств, ваших наследников и преемников законные призывные грамоты за большой государственной печатью о созыве, собрании и заседании иного нового парламента.

III. И далее постановлено указанною выше властью, что впредь никакой парламент, который будет когда-либо впоследствии созван, собран или заседать, не должен в дальнейшем продолжаться свыше, чем только в течение трех лет, исчисляемых со дня, на который по призывным грамотам названному выше парламенту определено собраться.

IV. И далее постановлено указанною выше властью, что настоящий парламент должен окончиться и прекратить свое существование 1 ноября 1696 года, если только их величества не найдут возможным распустить его ранее.

WILLIAM III, 1695-6
AN ACT FOR PREVENTING CHARGE AND EXPENCE
IN ELECTIONS OF MEMBERS TO SERVE IN PARLIAMENT
(Извлечение)

Persons elected to serve in Parliament not to give Money, &c. to Elector.

Whereas grievous Complaints are made and manifestly appeare to bee true in the Kingdome of undue Elections of Members to Parliament by excessive and exorbitant Expences contrary to the Laws and in Violation of the Freedom due to the Election of Representatives for the Commons of England in Parliament to the great Scandal of the Kingdome dishonorable and may bee destructive to the [Constitutions (fn. 1)] of Parliaments wherefore for Remedy therein and that all Elections of Members to Parliament may bee hereafter freely and indifferently made without Charge or Expence Bee it enacted and declared by our Sovereigne Lord the Kings most Excellent Majestie by and with the Advice and Consent of the Lords Spiritual and Temporal and Commons in this present Parliam[en]t assembled and by the Authority of the same That noe Person or Persons hereafter to bee elected to serve in Parliament for any County City Towne Borough Port or Place within the Kingdome of England Dominion of Wales or Towne of Berwick upon Tweed after the Teste of the Writt of Summons to Parliament or after the Teste or the issuing out or ordering of the Writt or Writts of Election upon the calling or summoning of any Parliament hereafter or after any such Place becomes vacant hereafter in the time of this present or of any other Parliament shall or doe hereafter by himselfe or themselves or by any other Ways or Means on his or their behalfe or att his or their Charge before his or their Election to serve in Parliament for any County City Towne Borough Port or Place within the Kingdome of England Dominion of Wales or Towne of Berwick upon Tweed directly or indirectly give present or allow to any Person or Persons having Voice or Vote in such Election any Money Meat Drink Entertainment or Provision or make any Present Gift Reward or Entertainment or shall at any time hereafter make any Promise Agreement Obligac[i]on or Engagement to give or allow any Money Meat Drink Provision Present Reward or Entertainment to or for any such Person or Persons in particular or to any such County City Towne Borough Port or Place in general or to or for the Use Advantage Benefitt, Employment Profit or Preferment of any such Person or Persons Place or Places in order to bee elected or for being elected to serve in Parliament for such County City Borough Towne Port or Place.

II. Offenders disabled from serving upon such Election in Parliament.

And it is hereby further enacted and declared That every Person and Persons soe giving presenting or allowing makeing promising or engaging doeing acting or proceeding shall bee and are hereby declared & enacted disabled and incapacitated upon such Election to serve in Parliament for such County City Towne Borough Port or Place And that such Person or Persons shall bee deemed and taken and are hereby declared and enacted to bee deemed and taken noe Members in Parliament and shall not act sitt or have any Vote or Place in Parliament but shall bee and are hereby declared and enacted to bee to all Intents Constructions & Purposes as if they had been never returned or elected Members for the Parliament.

WILLIAM III, 1695-6

AN ACT TO PREVENT FALSE AND DOUBLE RETURNS OF MEMBERS TO SERVE IN PARLIAMENT

(Извлечение)

False Return prohibited.

Returns contrary to the last Determination of the Commons adjudged false.

Whereas False and Double Returns of Members to serve in Parliament are an Abuse of Trust in a matter of the greatest Consequence to the Kingdome and not only an Injury to the Persons duely chosen by keeping them from their Service in the House of Commons and putting them to great Expence to make their Elections appeare but also to the Counties Cities Boroughs and Cinque-Ports by which they are chosen and the Businesse of Parliament disturbed and delayed thereby Be it therefore enacted and declared by the Kings most Excellent Majestie by and with the Advice and Consent of the Lords Spiritual and Temporal and Commons in this present Parliament assembled and by the Authority of the same That all false Returns wilfully made of any Knight of the Shire Citizen Burgesse Baron of the Cinque-Ports or other Member to serve in Parliament are against Law and are hereby prohibited And in case that any Person or Persons shall returne any Member to serve in Parliament for any County City Borough Cinque-Port or Place contrary to the last Determination in the House of Co[m]mons of the Right of Election in such County City Borough Cinque-Port or Place that such Returne soe made shall and is hereby adjudged to be a false Returne.

II. Party grieved to recover Double Damages and full Costs.

And bee it further enacted That the Party grieved (to witt) every Person that shall bee duely elected to serve in Parliament for any County City Borough Cinque-

Port or Place by such false Returne may sue the Officers and Persons making or procuring the same and every or any of them att his Election in any [of (fn. 1)] His Majesties Courts of Record att Westminster and shall recover double the Damages hee shall sustaine by reason thereof together with his full Costs of such Suit.

III. Officer making false Return;
Remedy.

And to the End the Law may not bee eluded by Double Returns Bee it further enacted That if any Officer shall wilfully falsly and maliciously returne more Persons then are required to bee chosen by the Writt or Precept on which any Choice is made the like remedy may bee had against him or them and the Party or Parties that willingly procure the same and every or any of them by the Party grieved att his Election.

IV. Securities to procure Return void.
Giving such Security; Penalty £300.

And bee it further enacted That all Contracts Promises Bonds and Securities whatsoever hereafter made or given to procure any Returne of any Member to serve in Parliament or any thing relating thereunto bee adjudged void And that whoever makes or gives such Security Contract Promise or Bond or any Guift or Reward to procure such false or Double Returne shall forfeit the Su[m]m of Three hundred Pounds One Third part thereof to bee to His Majestie His Heires and Successors another Third part thereof to the Poor of the County City Borough or Place concerned and one Third part thereof to the Informer with his Costs to bee recovered in any of His Majesties Courts of Record att Westminster by Action of Debt Bill Plaint or Information wherein noe Essoigne Protection or Wager of Law shall bee allowed nor any more then one Imparlance.

V. Clerk of the Crown to enter single and double Returns of Members, and Alterations made therein in a Book.

All Persons may have free Access thereto; Fee; Book or true Copy thereof Evidence; Clerk of the Crown not making Entry, or altering or unduly giving Certificate or neglecting Duty; Penalty £500, and Loss of Office, and Incapacity.

And for the more easie and better proof of any such false or double Returne Bee it enacted by the Authority aforesaid That the Clerk of the Crowne for the time being shall from time to time enter or cause to bee entered in a Book for that purpose to bee kept in his Office every Single and Double Returne of any Member or Members to serve in Parliament which shall bee returned or come into his Office or to his Hands and alsoe every Alteration and Amendment as shall bee made by him or his Deputy in every such Returne to which Book all Persons shall have free Accesse at all seasonable times to search and take true Copies of soe much thereof as shall bee desired paying a reasonable Fee or Reward for the same And that the

Partie or Parties prosecuting such Suit shall and may att any Tryal give in Evidence such Book soe kept or a true Copy thereof relateing to such False or Double Returne and shall have the like Advantage of such proof as hee or they should or might have had by produceing the Record it selfe Any Law Custome or Usage to the contrary notwithstanding And in case the said Clerke of the Crown shall not within Six Days after any Returne shall come into his Office or to his Hands duely and fairely make such Entry or Entries as aforesaid or shall make any Alteration in any Returne unlesse by Order of the House of Commons or give any Certificate of any Person not returned or shall willfully neglect or omitt to performe his Duty in the Premisses hee shall for every such Offence forfeit to the Party and Parties aggrieved the Su[m]m of Five hundred Pounds to bee recovered as aforesaid and shall alsoe forfeit and lose his said Office and bee for ever incapable of having or holding the same.

VI. Limitation of Action.

Provided always That every Information or Action grounded upon this Statute shall bee brought within the space of Two Yeares after the Cause of Action shall arise and not after.

VII. Continuance of Act.

Provided alsoe and bee it enacted by the Authority aforesaid That this Act shall continue for the Terme of Seven Yeares and from thence to the end of the next Session of Parliament and noe longer.

WILLIAM III, 1695-6

**AN ACT FOR THE CONTINUEING MEETING AND SITTING
OF A PARLIAMENT IN CASE OF THE DEATH OR DEMISE
OF HIS MAJESTY HIS HEIRS AND SUCCESSORS**

(Извлечение)

Parliament not dissolved by the Demise of His Majesty or his Successors, but may sit 6 Months after, unless sooner prorogued or dissolved.

1 W. & M. Sess. 2. c. 2.

Whereas this Kingdome of England may be exposed to great Dangers by the Invasion of Foreigners or [by the (fn. 1)] traiterous Conspiracies of wicked and ill disposed Persons whenever itt shall please God to afflict these Realmes by the Death of our Gracious Sovereigne King William (whome God long preserve) or by the

Death of any of His Heires and Successors before a Parliam[en]t can bee summoned and called by the next Heire and Successor to the Crowne For Prevention whereof bee itt enacted by the Kings most Excellent Majesty by and with the Advice and Consent of the Lords Spirituall and Temporall and Commons in this present Parliament assembled and by the Authority of the same That this present Parliament or any other Parliament which shall hereafter bee summoned and called by His Majesty King William His Heirs and Successors shall not determine or bee dissolved by the Death or Demise of His said Majesty His Heirs and Successors but such Parliament shall and is hereby enacted to continue and is hereby impowered and required immediately to meete convene and sitt and to act notwithstanding such Death or Demise for and dureing the time of Six Moneths and noe longer unlesse the same shall bee sooner prorogued or dissolved by such Person who shall be next Heire to the Crowne of this Realme of England in Succession according to an Act of Parliament made in the first Yeare of the Reigne of King William and Queene Mary intituled An Act declareing the Rights and Liberties of the Subject and settling the Succession of the Crowne [And if the said Parliament shall bee soe prorogued then itt shall meete and sitt on and upon the Day unto which itt shall be prorogued and continue for the Residue of the said time of Six Months unlesse sooner prorogued or dissolved as aforesaid. (fn. 2).]

II. If no Parliament sitting at the King's Demise, then last preceding Parliament to sit.

And itt is hereby further enacted by the Authority aforesaid That in case there shall be noe Parliament in being att the time of the Death or Demise of His Majesty or any of His Heirs and Successors then the last preceding Parliament shall immediately convene and sitt and is hereby impowered and required to act as aforesaid to all Intents and Purposes as if the said Parliam[en]t had never beene dissolved.

III. Proviso for Power of the King to prorogue or dissolve Parliament, and also for Stat. 6 & 7 W. & M. c. 2.

Provided always and itt is hereby declared That nothing in this Act contained shall extend or bee construed to extend to alter or abridge the Power of the King His Heires and Successors to prorogue or dissolve Parliaments nor to repeale or make voyd one Act of Parliament made in the Sixth and Seventh Yeares of the Reigne of His present Majesty King William intituled An Act for the frequent Meeting and calling of Parliaments but that the said Act shall continue in force in every thing that is not contrary to or inconsistent with the Direction of this Act.

WILLIAM III, 1700

AN ACT FOR PREVENTING ANY INCONVENIENCIES THAT MAY HAPPEN BY PRIVILEGE OF PARLIAMENT

(Извлечение)

Actions may be brought against Peers and Members of Parliament, and Judgment given therein during the Intervals of Parliament, as herein mentioned

For the preventing all Delays the King or His Subjects may receive in any of His Courts of Law or Equity and for their Ease in the Recovery of their Rights and Titles to any Lands Tenements or Hereditaments and their Debts or other Dues for which they have Cause of Suit or Action Be it enacted by the Kings most Excellent Majesty by and with the Advice and Consent of the Lords Spirituall and Temporall and Commons in this present Parliament assembled and by the Authority of the same That from and after the Four and twentieth Day of June One thousand seven hundred and one any Person and Persons shall and may commence and prosecute any Action or Suit in any of His Majesties Courts of Record at Westminster or High Court of Chancery or [Court of Exchequer or the Duchy Court of Lancaster or in the Court of Admiralty and in all Causes matrimoniall and testamentary in the Court of the Arches the Prerogative Courts of Canterbury and York and the Delegates and all Courts of Appeal (fn. 1)] against any Peer of this Realm or Lord of Parliament or against any of the Knights Citizens and Burgesses of the House of Commons for the Time being or against their or any of their meniall or other Servants or any other Person intituled to the Priviledge of Parliament at any Time [from and immediately after the Dissolution or Prorogation of any Parliament until a new Parliament shall meet or the same be reassembled and from and immediately after any Adjournment of both Houses of Parliament for above the Space of Fourteen Days untill both Houses shall meet or reassemble (fn. 1)] And that the said respective Courts shall and may after such Dissolution Prorogation or Adjournment as aforesaid proceed to give Judgment and to make finall Orders Decrees and Sentences and award Execution thereupon Any Priviledge of Parliament to the contrary notwithstanding

II. Proviso against Arrest of Members during Time of Priviledge; but Process may be had against Peers, as herein mentioned.

Proviso for Proceedings against Members of the House of Commons during the Intervals of Parliament; and for Proceedings against Peers and Members in Courts of Equity and Duchy Court; Members not to be arrested during Time of Priviledge.

Provided neverthesse that this Act shall not extend to subject the Person of any of the Knights Citizens and Burgesses of the House of [Commons (fn. 2)] [or

any other Person intituled to the Priviledge of Parliament to be arrested during the Time of Priviledge (fn. 1)] Nevertheless if any Person or Persons having Cause of Action or Complaint against any Peer of this Realm or Lord of Parliament [such Person or Persons after any Dissolution Prorogation or Adjournment as aforesaid or before any Sessions of Parliament or Meeting of both Houses as aforesaid shall and may have such Process out of His Majesties Courts of Kings Bench Common Pleas and Exchequer against such Peer or Lord of Parliament as he or they might have had against him out of the Time of Priviledge and if any Person or Persons having Cause of Action (fn. 1)] against any of the said Knights Citizens or Burgesses or any other Person intituled to Priviledge of Parliament after any Dissolution Prorogation or such Adjournment as aforesaid or before any Sessions of Parliament or Meeting of both Houses as aforesaid such Person or Persons shall and may prosecute such Knight Citizen or Burgess or other Person intituled to the Priviledge of Parliament in His Majesties Courts of Kings Bench Common Pleas or Exchequer by Summons and Distress infinite or by originall Bill and Summons Attachment and Distress infinite thereupon to be issued out of any of the said Courts [of Record (fn. 2)] which the said respective Courts are hereby impowered to issue against them or any of them until he or they shall enter a common Appearance or file common Bail to the Plaintiffs Action according to the Course of each respective Court [And any Person or Persons having Cause of Suit or Complaint may in the Times aforesaid (fn. 1)] exhibit any Bill or Complaint against any Peer of this Realm or Lord of Parliament or against any of the said Knights Citizens or Burgesses or other Person intituled to the Priviledge of Parliament in the High Court of Chancery Court of Exchequer or Dutchy Court of Lancaster and may proceed thereupon by Letter or Subpena [as is usuall (fn. 2)] and upon leaving a Copy of the Bill with the Defendant or at his House or Lodging or last Place of Abode may proceed thereon and for Want of an Appearance or Answer or for Non Performance of any Order or Decree or Breach thereof may sequester the Reall and Personall Estate of the Party as is used and practised where the Defendant is a Peer of this Realm but shall not arrest or imprison the Body of any of the said Knights Citizens & Burgesses or other priviledged Person during the Continuance of Priviledge of Parliament

III. Proviso in respect of Bar by Statute of Limitations, where Plaintiff stayed by Priviledge of Parliament.

And be it enacted by the Authority aforesaid That where any Plaintiffe shall by Reason or Occasion of Priviledge of Parliament be stayed or prevented from prosecuting any Suit by him commenced such Plaintiff shall not be barred by any Statute of Limitation or nonsuited dismissed [or (fn. 3)] his Suit discontinued for Want of Prosecution of the Suit by him begun but shall from Time to Time upon the rising of the Parliament be at Liberty to proceed to Judgment and Execution

IV. Proceedings at Law or in Equity against Debtors to the King, not stayed by Priviledge of Parliament.

Proviso for Freedom from Arrest.

And it is hereby enacted That no Action Suit Process Order Judgment Decree or Proceeding in Law or Equity against the Kings originall and immediate Debtor for the Recovery or obtaining of any Debt or Duty originally and immediately due or payable unto His Majesty His Heirs or Successors or against any Accomptant or Person answereable or liable to render any Account unto His Majesty His Heirs or Successors for any Part or Branch of any of his or their Revenues or other originall [or (fn. 5)] immediate Debt or Duty or the Execution of any such Process Order Judgment Decree or Proceedings shall be impeached stayed or delayed by or under the Colour or Pretence of any Priviledge of Parliament yet so nevertheless that the Person or Persons of any such Debtor or Accomptant or Person answereable or liable to account being a Pee of this Realm or Lord of Parliament shall not be liable to be arrested or imprisoned by or upon any such Suit Order Judgment Decree Process or Proceedings or being a Member of the House of Commons shall not during the Continuance of the Priviledge of Parliament be arrested or imprisoned by or upon any such Order Judgment Decree Process or Proceedings. (fn. 4)]

V. No further Jurisdiction given to Courts than before this Act.

[Provided novertheless That neither this Act nor any thing therein contained shall extend to give any Jurisdiction Power or Authority to any Court to hold Plea in any reall or mixt Action in any other Manner than such Court might have done before the making this Act (fn. 4)].

АКТ ОБ УСТРОЕНИИ.

ОТ 12 ИЮНЯ 1701 г.

(Извлечение)

(Акт начинается указанием, что “биллем о правах” 23 октября 1689 -г. установлен следующий порядок престолонаследия английской короны: эта корона принадлежит Вильгельму III и его жене Марии, дочери бывшего короля Англии Иакова II, совместно в течение их жизни и тому из них, кто переживет другого; по смерти же Вильгельма III и Марии корона должна перейти к потомству королевы Марии, а при отсутствии у “ее потомства — ее сестре, принцессе Анне, и потомству последней; в случае же неимения у нее потомства — к нисходящим наследникам Вильгельма III, с исключением из порядка престолонаследия лиц, состоящих в католической религии или вступивших в брак с католиками. Ввиду смерти королевы Марии, не оставившей потомства, и сына принцессы Анны и неимения потомства как у

Вильгельма III, так и у принцессы Анны, возникла необходимость в новом урегулировании вопроса о порядке престолонаследия.)

...Ввиду этого, в целях установления дальнейшего порядка престолонаследия в протестантской линии, мы, вашего величества весьма почтительные и верные подданные, лорды духовные и светские и общины, заседающие в настоящем парламенте, просим ваше величество, чтобы было постановлено и объявлено и постановляется и объявляется его превосходнейшим величеством королем по совету и с согласия лордов духовных и светских и общин, заседающих в настоящем парламенте, и их властью, что превосходнейшая принцесса София, избирательница и вдовствующая герцогиня Ганновера, дочь превосходнейшей принцессы Елизаветы, покойной королевы Богемии, дочери нашего покойного господина государя короля Иакова первого, благословенной памяти, признается и настоящим объявляется ближайшим наследником по протестантской линии королевской короны и сана указанных выше королевств Англии, Франции и Ирландии, с владениями и территориями им принадлежащими, после его величества и принцессы Анны Датской и при отсутствии потомства у названной принцессы Анны и у его величества; и что со времени и после кончины названного выше его величества, ныне царствующего нашего господина и государя, и ее королевского высочества принцессы Анны Датской и при отсутствии потомства у названной выше принцессы Анны и у его величества, корона и королевская власть над указанными выше королевствами Англии, Франции и Ирландии и владениями, им принадлежащими, с королевским саном и титулом указанных выше королевств, и все почести, звания, титулы, достоинства, прерогативы, права, юрисдикции и полномочия, им принадлежащие и присвоенные, будут принадлежать и сохраняться за названной выше превосходнейшей принцессой Софией и ее нисходящими наследниками протестантского вероисповедания...

II. При этом предусматривается и настоящим постановляется, что все и каждое лицо и лица, которые будут или могут приобретать или наследовать означенную выше корону, согласно условиям настоящего акта, если они присоединились или присоединятся или вступят в общение со святым престолом или римской церковью или будут исповедовать папистскую религию или вступят в брак с папистом, должны подпасть под применение тех лишений прав, которые предусмотрены, установлены и введены для таких случаев в указанном приведенном выше акте; и что каждый король и королева этого государства, которые получают и унаследуют государственную корону этого королевства, в силу настоящего акта, должны принести коронационную присягу, установленную для него, для нее или для них, при их

соответствующих коронациях, согласно акту парламента, изданному в первый год правления его величества и названной выше покойной королевы Марии, озаглавленного “Акт об установлении коронационной присяги”, и сделать, подписать и подтвердить декларацию, помещенную в приведенном, указанном и упомянутом выше акте, порядком и в форме, в нем предписанным. И принимая во внимание, что потребно и необходимо издание дальнейшего постановления для обеспечения нашей религии, законов и вольностей, со времени и после смерти его величества и принцессы Анны Датской и в случае отсутствия потомства у названной и у его величества, постановлено его превосходнейшим величеством королем по совету и с согласия лордов духовных и светских и общин, заседающих в парламенте, и в силу их власти:

Что всякое лицо, которое в дальнейшем вступит в обладание указанной выше короной, должно присоединиться к английской церкви, как это установлено законом.

Что в случае, если корона и королевское достоинство английского государства перейдут впоследствии к какому-нибудь лицу, не являющемуся уроженцем указанного выше английского королевства, английский народ не обязан вступать в войну для защиты каких-либо владений или территорий, не принадлежащих английской короне, если на то не последует согласия парламента.

Что никакое лицо, которое впоследствии вступит в обладание английской короной, не будет выезжать из английских, шотландских или ирландских владений без согласия на то парламента.

Что со времени и после того, как дальнейшее условие, содержащееся в настоящем акте, вступит в силу, все вопросы и дела, относящиеся к хорошему управлению английским государством, которые подлежат ведению тайного совета по законам и обычаям английского королевства, будут разбираться в нем и все решения, по ним принятые, будут подписываться тем из членов тайного совета, которые давали совет и согласие на это.

Что после того, как означенное условие, как сказано выше, вступит в силу, никакое лицо, рожденное вне королевств Англии, Шотландии или Ирландии или владений, им принадлежащих, не может стать членом тайного совета или членом какой-либо из палат парламента, или занимать какую-либо должность или место, соединенные с оказанием доверия, как военные, так и гражданские, или принимать пожалование недвижимых имений для себя или для какого-либо другого лица или лиц для доверенного управления в его пользу.

Что никакое лицо, которое занимает какую-либо платную должность или место, подчиненные королю, или получает пенсию от короны, не может состоять членом палаты общин.

Что после того, как означенное условие, как сказано выше, вступит в силу, патенты на должности судей будут выдаваться “quam diu se bene gesserint” (“Пока они будут вести себя хорошо”), а жалование судей будет определено и установлено, но в случае представления обеих палат парламента признается допустимым их смещение.

Что не допускается ссылка ни на какое помилование за большой печатью Англии против impeachment, возбужденного общинами в парламенте.

IV. И принимая во внимание, что законы Англии являются прирожденными правами ее народа и все короли и королевы, которые вступят на престол английского королевства, обязаны производить управление английским народом, в соответствии с указанными выше законами и все их подчиненные и министры должны нести обязанности службы, соблюдая те же законы, названные лорды духовные и светские и общины поэтому далее почтительно просят, чтобы все законы и статуты английского королевства для обеспечения установленной религии, а также прав и вольностей английского народа и все остальные законы и статуты английского государства, находящиеся в силе в настоящее время, были утверждены и подтверждены и таковые его величеством по совету и с согласия названных выше лордов духовных и светских и общин и их властью соответственно утверждены и подтверждены.

АКТ О СОЕДИНЕНИИ С ШОТЛАНДИЕЙ.

6 МАРТА 1707 г.

(Извлечение)

Всемилоостивейшая государыня. Принимая во внимание, что пункты о соединении были согласованы 22 июля в пятый год правления вашего величества уполномоченными, назначенными от имени королевства Англии за большой вашего величества печатью Англии от 10 апреля прошлого года в Вестминстере, во исполнение акта парламента, изданного в Англии в третий год правления вашего величества, и уполномоченными, назначенными от имени королевства Шотландии, за большой вашего величества печатью Шотландии от 27 февраля в четвертый год правления вашего величества, во исполнение четвертого акта третьей сессии ныне существующего парламента

Шотландии, для ведения переговоров о соединении указанных выше королевств и принимая во внимание акт, изданный шотландским парламентом в Эдинбурге 6 января в пятый год правления вашего величества, в котором сказано, что сословия парламента, обсудив означенные выше пункты о соединении двух королевств, приняли и одобрили эти пункты о соединении с некоторыми добавлениями и пояснениями, и что ваше величество с совета и согласия сословий парламента для установления протестантской религии и пресвитерианского церковного управления в королевстве Шотландии издало в ту же сессию парламента акт, озаглавленный – «Акт об обеспечении протестантской религии и пресвитерианского церковного управления», который по его содержанию был предназначен для включения во всякий акт, утверждающий договор (между Англией и Шотландией), и прямо объявлен основным и необходимым условием указанного выше договора или соединения на все грядущие времена, содержание каковых пунктов в утвержденном и одобренном виде с добавлениями и пояснениями, внесенными указанным выше актом шотландского парламента, следующие:

Пункт первый Что оба королевства Англии и Шотландии с 1 мая 1707 года и навсегда после этого будут соединены в одно королевство под наименованием Великобритании: военное знамя названного соединенного королевства будет таково, как укажет ее величество, и кресты Святого Георгия (Герб Англии.) и Святого Андрея (Герб Шотландии.) будут соединены таким образом, как это ее величество найдет подходящим, и будут употребляться на всех флагах, стягах, стандартах и знаменах как на море, так и на суше.

Пункт второй (Престол соединенного королевства Великобритании переходит после смерти королевы Анны, в случае отсутствия у нее потомства, к принцессе Софии, избирательнице и вдовствующей герцогине Ганновера, и ее потомству протестантского вероисповедания, право на престолонаследие которой в Англии установлено актом об устройении от 12 июня 1701 года, с исключением католиков и лиц, вступивших с ними в брак.)

Пункт третий Что соединенное королевство Великобритания должно представляться одним и тем же парламентом, носящим название парламента Великобритании.

Пункт четвертый Что все подданные соединенного королевства Великобритании будут пользоваться, начиная и после соединения, полной свободой сношений в области торговли и мореплавания в каждый и из каждого порта или места в пределах указанного выше соединенного королевства и

владений и плантаций, ему принадлежащих; и наряду с этим устанавливается взаимное предоставление всех других прав, привилегий и выгод, которые принадлежат или могут принадлежать подданным того или другого из этих королевств, за исключением тех, о которых прямо содержится иное постановление в настоящих пунктах...

Пункт восемнадцатый Что законы, относящиеся к регулированию торговли, пошлин и тех акцизов, которые в силу настоящего договора подлежат применению в Шотландии, должны быть в Шотландии, начиная и после соединения, те же самые, как и в Англии; все остальные законы, действующие в пределах королевства Шотландии, должны после соединения и несмотря на него оставаться в той же силе, как и ранее (за исключением тех, которые противоречивы или несовместимы с настоящим договором), но могут быть изменены парламентом Великобритании с тем различием между законами, относящимися к публичным правам, политике и гражданскому управлению, и теми, которые относятся к частным правам, что законы, относящиеся к публичным правам, политике и гражданскому управлению, могут быть установлены одни и те же во всем соединенном королевстве, но в законы, относящиеся к частным правам, не могут быть внесены изменения, за исключением случаев очевидной пользы подданных в Шотландии...

Пункт девятнадцатый Что суд сессии или коллегия юстиции остается после соединения и несмотря на него на все последующее время в пределах Шотландии в том виде, как он в настоящее время установлен законами этого королевства... и что все низшие суды в указанных границах остаются подчиненными, как это существует в настоящее время, высшим судам юстиции в Шотландии на все последующее время; никакие дела, возникшие в Шотландии, не должны рассматриваться судами канцлера, королевской скамьи, общих тяжб или каким-либо другим судом в Вестминстере...

Пункт двадцать второй Что в силу настоящего договора шестнадцать пэров Шотландии, состоящих ими во время соединения, будут в этом числе заседать и голосовать в палате лордов, а представители Шотландии в числе сорока пяти человек — в палате общин парламента Великобритании... (Порядок избрания этих представителей подлежит установлению настоящей сессией Шотландского парламента и будет иметь такую же силу, как если бы он составлял часть настоящего договора.)...

И содержание указанного выше «Акта об обеспечении протестантской религии и пресвитерианского церковного управления в пределах королевства

Шотландии» следующее... ..И далее ее величество с указанного выше совета прямо объявляет и постановляет, что ни один из подданных этого королевства не будет привлечен к ответственности, но все и каждый из них навсегда свободны от какой-либо клятвы, присяги или подписки в пределах этого королевства, противоречащих или несоответствующих названной выше истинной протестантской религии и пресвитерианскому церковному управлению, религии и благочинию, как они выше были установлены; и что перечисленное выше никогда не может быть возложено или потребовано в пределах границ этих церквей и государства от подданных в каком-либо виде; и, наконец, что после смерти царствующего в настоящее время ее величества (да сохранит ее бог на долгое время) государь, наследующий ей на Королевском престоле королевства Великобритании, должен на все последующее время, при его или ее восшествии на престол, дать клятву и письменное обязательство, что он будет ненарушимо поддерживать и охранять изложенное выше установление истинной протестантской религии с порядком управления, богослужения, благочиния, правами и привилегиями этой церкви, как ранее постановлено законами этого королевства во исполнение представления о нравах.

Х. Да будет поэтому угодно вашему превосходнейшему величеству, чтобы изложенное выше имело силу закона; и постановлено ее превосходнейшим величеством королевой, по совету и с согласия лордов духовных и светских и общин, заседающих в ныне существующем парламенте и их властью, что все и каждый из означенных пунктов о соединении, как они приняты и одобрены указанным выше актом парламента Шотландии, как сказано ранее, и в настоящем акте выше особо упомянуты и помещены, а равно и означенный акт парламента Шотландии об установлении протестантской религии и пресвитерианского церковного управления... и каждое положение, статья, предмет, содержащиеся в означенных пунктах и акте, настоящим и впредь утверждаются, одобряются и принимаются..

АКТ О ДОЛЖНОСТЯХ.

ОТ 1707 г.

(Извлечение)

XXIV. И далее постановлено указанною выше властью, что ни одно лицо, которое будет занимать само или от имени какого-либо лица или лиц – для него или в его пользу – какую-либо новую должность или место, соединенную с получением вознаграждения, подчиненную короне, которая была создана или учреждена в какое-либо время с 25 октября 1705 года или будет создана или учреждена впоследствии, а равно никакое лицо, которое будет состоять комиссионером или субкомиссионером по делам призов, секретарем или взыскателем призов, или комиссионером по счетам армии, или комиссионером по перевозкам, или комиссионером по делам больных и раненых, или полковым агентом, или комиссионером по откупу вина, или губернатором или заместителем губернатора в какой-либо плантации, или комиссионером флота, служащим в каком-либо из портов, или лицом, получающим какую-либо пенсию от короны по личному ее усмотрению, не может быть избираемо в члены нижней палаты или в ней заседать или голосовать во всяком парламенте, который будет в дальнейшем созван или будет заседать.

XXV. При этом навсегда предусматривается, что если какое-нибудь лицо, избранное в члены палаты общин, примет от короны какое-либо место, соединенное с получением вознаграждения в течение того времени, пока оно продолжает состоять таким членом, его избрание должно признаваться и настоящим объявляться недействительным и должен быть издан указ о производстве новых выборов, как если бы это лицо, принявшее означенное выше место, умерло естественной смертью. При этом предусматривается, что названное выше лицо считается имеющим право на новое избрание, как если бы предоставление ему места не стало недействительным, как сказано выше.

XXVI. Предусматривается также и постановляется, что для предотвращения на будущее время назначения или определения слишком большого количества комиссионеров для выполнения какой-либо должности не может быть создано или определено большего количества комиссионеров для выполнения какой-либо должности, чем состояло для выполнения соответствующей должности во время, предшествующее первому дню заседания ныне существующего парламента.

XXVII. Предусматривается также, что ничто содержащееся в настоящем акте не подлежит распространению или истолкованию в смысле распространения на всякого члена палаты общин, состоящего офицером флота

или армии его величества, которое получит какое-либо новое или другое назначение в армии или флоте.

XXVIII. И далее постановлено, что если какое-нибудь лицо, в силу настоящего акта лишенное права или признанное не имеющим права заседать или голосовать в каком-либо парламенте, который будет созван в дальнейшем, тем не менее вступит в качестве члена, для представительства какого-либо графства, округа, города, местечка или пяти портов, в какой-либо из указанных выше парламентов, то такое избрание и вступление настоящим признается и объявляется полностью и во всех отношениях недействительным.

(Лица, вступившие в число членов парламента с нарушением постановлений настоящего акта, наказываются штрафом.)

АКТ ОБ ОБЕСПЕЧЕНИИ СВОБОДЫ ПАРЛАМЕНТА ПУТЕМ ДАЛЬНЕЙШЕГО УСТАНОВЛЕНИЯ УСЛОВИЙ ЧЛЕНСТВА ДЛЯ ЗАСЕДАНИЙ В ПАЛАТЕ ОБЩИН.

(1710 г.)

(Извлечение)

Для лучшей охраны конституции и свободы парламента постановлено и объявлено..., что, начиная и после окончания срока полномочий ныне существующего парламента, никакое лицо не будет признаваться способным заседать или подавать голос в качестве члена палаты общин, являющегося представителем от какого-либо графства, города, парламентского местечка (бурга) или “пяти портов”, в той части Великобритании, которая носит название Англии, владении Уэльсе и городе Бервик на Твиде, если оно не будет владеть недвижимостью, состоящей в свободном держании (freehold) или в обычном держании (copyhold) на время его собственной жизни, или “а основах какого-либо большего права, как по нормам “общего права” (law), так я “справедливости” (equity), для своего собственного пользования и извлечения доходов, в землях, держаниях или наследственных вотчинах, расположенных или находящихся в пределах той части Великобритании, которая называется Англией, владения Уэльс и города Бервик на Твиде, приносящих соответствующий годовой доход, далее указанный, свыше и сверх того, что может погасить и снять все обременения с ними связанные, а именно ежегодный доход в шестьсот фунтов стерлингов, остающийся за вычетом налогов, для каждого рыцаря графства, и ежегодный доход в триста фунтов стерлингов, остающийся за вычетом налогов, для каждого горожанина

парламентского местечка или барона пяти портов . Если какое-нибудь лицо, которое будет избрано или выбрано заседать в каком-либо парламенте в качестве рыцаря от графств или горожанина от парламентского местечка или барона пяти портов, не будет владеть или обладать во время такого избрания и выбора той недвижимостью в землях, держаниях или наследственных вотчинах, которая настоящим соответственно установлена или определена выше для указанных рыцарей, горожан парламентских местечек или баронов, то такое избрание и выбор будут признаваться не имеющими силы.

**СЕМИЛЕТНИЙ АКТ.
ОТ 26 АПРЕЛЯ 1716 г.
(Извлечение)**

Принимая во внимание, что в акте парламента, изданном в шестом году правления их скончавшихся величеств короля Вильгельма и королевы Марии (навекки благословенной памяти), озаглавленном: “Акт об обеспечении частого собрания и созыва парламентов”, в числе других предметов постановлено, что, начиная с этого времени, никакой парламент, который будет когда-либо впоследствии созван, собран или заседать, не должен в дальнейшем продолжаться свыше, чем только в течение трех лет, исчисляемых со дня, на который назначен созыв указанного выше парламента призывной грамотой, и принимая во внимание, что, как это установлено опытом, означенное постановление причинило много затруднений и неудобств, вследствие значительно возросших частых издержек на выборы членов для заседаний в парламенте и более сильных и продолжительных беспокойств и волнений среди подданных английского королевства, чем это когда-либо имело место до того времени, когда указанное выше постановление было издано, и означенное постановление, если бы оно сохранило свою силу, могло, по всей вероятности, при том положении вещей, когда, в случае вторжения из-за границы, мятежная и папистская клика затеяла и попыталась бы поднять восстание в пределах английского королевства, стать гибельным для мира и безопасности правительства, постановлено его превосходнейшим величеством королем, по совету и с согласия лордов духовных и светских и общин, заседающих в парламенте и их властью, что ныне существующий парламент и все парламенты, которые когда-либо впоследствии будут созваны, собраны или заседать, будут и могут соответственно продолжаться в течение семи лет, но не далее, исчисляемых со дня, в который призывной грамотой был назначен созыв ныне существующего парламента или будет назначен созыв каждого последующего парламента,

если только ныне существующий парламент или какой-либо из тех парламентов, которые будут созваны впоследствии, не будет распущен ранее указанного выше срока его величеством или его наследниками и преемниками.

Научные публикации

А. А. Киселев

«ПЛУТ» И «РЕСПУБЛИКАНЕЦ»: СТАНОВЛЕНИЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КАРЬЕРЫ РОБЕРТА ХАРЛИ 1690-е гг.

(Извлечение)

Конец XVII – начало XVIII в. ознаменовались в английской истории активизацией политической жизни. В результате событий «Славной революции» 1688 г. английский парламент получил властные полномочия, что привело к активной борьбе за власть различные политические группировки, из которых состояли партии тори и вигов. Это было время, благодатное для выдвижения ярких политических лидеров. Несомненной звездой той эпохи считается Роберт Харли (1661–1724), первый граф Оксфорд и Мортимер, канцлер Казначейства и глава правительства Великобритании.

Традиционно его считают торийским политиком, поскольку вершина карьеры Р. Харли пришлась на руководство именно этой партией. Однако Р. Харли никогда не был классическим представителем тори. Являясь выходцем из вигской семьи, он и сам долгие годы исповедовал вигские идеалы. Нет ничего удивительного в том, что политическая деятельность Р. Харли началась в стане вигов. Этот этап его карьеры не освещался прежде в отечественной историографии.

Современники высоко оценивали личность и деятельность Р. Харли. Соратник по партии тори и равноправный партнер в правительстве Г. Сент-Джон, несмотря на разногласия, считал себя «верным и неизменным другом» Р. Харли и даже в своих воспоминаниях никогда не отзывался о нем плохо. Знаменитый писатель Дж. Свифт, считавшийся «министром без портфеля» в правительстве Р. Харли, высоко ценил его политический талант и личные качества. Политические противники графа Оксфорда давали ему насмешливые прозвища вроде «Арлекина» («Harlequin» – производное от фамилии), «Дракона» или «Ловкача», но даже они признавали его выдающиеся успехи в парламентской и государственной деятельности. В 1712 г., в самый разгар двухпартийной борьбы, один из известных вигских

политиков Э. Шефтсбери признавался соратнику: «Ни раньше, ни сейчас у нас нет, на мой взгляд, гения, способного противостоять ему (Р. Харли. – А. К.)».

У историков, напротив, оценка личности и деятельности Р. Харли претерпела эволюцию. Огромный отпечаток на образ главы правительства наложила резкая негативная оценка британского либерального историка Т.Б. Маколея, назвавшего Р. Харли «тупым, пустоголовым человеком». Авторитетное мнение Т.Б. Маколея перекочевало и в российскую историографию. Г. Вызинский так отозвался о графе Оксфорде: «Интригами, обольщением он дошел до звания первого министра, графа и кавалера ордена Подвязки... В сущности он был бестолковым, ограниченным человеком. Не могло быть более беспомощного, неспособного, мешковатого, ленивого министра». Историки Р.Ю. Виппер и Н.И. Кареев, поддерживая эту точку зрения, называли торийское правительство, которое возглавлял Р. Харли, «министерством Болингброка», игнорируя канцлера Казначейства как политического лидера.

...

В 1680-х гг. семейство Харли считалось опорой вигской партии в Херефордшире, а арест в 1685 г. Э. Харли по ложному обвинению в поддержке восстания Монмута лишь еще больше усилил негативное отношение членов семьи к «тирании» короля Якова II. Поэтому, когда в ноябре 1688 г. армия Вильгельма Оранского высадилась на западе Англии, полковник Э. Харли во главе кавалерийского отряда ворвался в Вустер, занял город и обеспечил там поддержку «Славной революции». В этой акции принимал участие и Р. Харли.

...

Семейная традиция предписывала Роберту место в парламенте и политическую карьеру. В апреле 1689 г. он был избран в палату общин, имея репутацию вига-радикала («республиканца») и героя «Славной революции». Уже через месяц он выступил со своей первой речью, в которой требовал тщательного расследования королевских репрессий на западе Англии после восстания Монмута. Учитывая популярность антиякобитской темы, в тот момент речь Р. Харли была воспринята ведущими парламентскими политиками очень благосклонно. Молодой парламентарий весьма серьезно отнесся к своей деятельности в законодательной власти, посвящал ей много времени и довольно быстро заработал авторитет среди коллег-заднескамеечников. Как отмечал в своих заметках шпион Вильгельма Оранского Дж. Макки, анализировавший в то время состав парламента, «никто лучше него не знает все уловки Палаты (Общин. – А. К.)». «Каждое выступление этого толстого, с неуклюжими манерами депутата слушали в

Палате Общин с большим вниманием, – обращает внимание Т.Л. Лабутина. – Он поражал многих своими знаниями прецедентов, обычаев, привилегий парламента».

...

Победившие тори открыто выступили за усиление парламента и ослабление королевской власти, из-за чего Вильгельм Оранский едва не сложил корону. В 1698–1700 гг. произошел постепенный переход членов группировки П. Фоли и Р. Харли из фракции «вигов Страны» в партию тори. Они разочаровались в вигской партии, а деятельность умеренных тори, напротив, казалась им близкой по духу и более перспективной.

Смена политической ориентации не была чем-то исключительным в те годы. Партийные структуры и их политические программы только формировались в конце XVII в., поэтому предпочтения депутатов английского парламента зависели от текущей политической ситуации и легко изменялись. Даже в биографиях таких видных политиков той эпохи, как Джон Черчилль или Сидней Годольфин, можно найти эпизоды со сменой партийных организаций. Для Р. Харли переход в торийский стан ознаменовал собой новый этап в его политической карьере, вершиной которой стало руководство этой партией.

В. В. Клочков

СЛАВНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ 1688 г.: АСПЕКТЫ ИСТОРИОГРАФИИ

(Извлечение)

...С большей или меньшей интенсивностью эти дискуссии продолжаются и сегодня. Каждому поколению историков свойственно стремление «переписывать» своих предшественников, оживляя новые исторические персонажи, извлекая из архивов новые массивы источников, по-новому прочитывая давно известные документы. Проходит время, приходят новые люди и садятся писать свою «правильную» историю. Поэтому интересно, а для профессионала в своей области просто необходимо, представлять себе как можно более полно череду этих «правильных» историй, образующих то, что в исторической науке принято называть историографией вопроса.

Все это в полной мере относится к частному, но принципиально важному, эпизоду английской истории XVII в. – «Славной революции» (glorious revolution). Этим термином в исторической литературе принято

именовать совершенный в конце 1688 г. государственный переворот, в результате которого был свергнут с королевского трона Яков (Джеймс) II, и носителями королевской власти стали статхаудер Нидерландов Уильям, принц Оранский, и его супруга Мария. При этом обычно подчеркивается, что такое определение он получил потому, что в отличие от других событий подобного рода не сопровождался жестокостями и оказался практически бескровным.

Первыми переворот 1688 г. стали называть «Славной революцией» его участники. Так, Роберт Спенсер, граф Сандерленд, использовал термин «glorious revolution» в датированном 8 марта 1689 г. письме к новому английскому королю Вильгельму III, влиятельным советником которого он был. «Славной революцией» называл данное событие и Ричард Хемпден, член Конвента, который юридически закрепил восшествие Вильгельма, принца Оранского, на королевский престол в Англии. Хемпден находился в открытой оппозиции Карлу II, дважды арестовывался, после подавления мятежа герцога Монмута был обвинен в государственной измене и приговорен к смертной казни, впоследствии замененной штрафом в £ 6.000, а с 1690 г. стал канцлером казначейства. Именно с легкой руки Хемпдена термин «Славная революция» вошел в обиходное словоупотребление.

Впоследствии определение революции 1688 г. как «Славной» и трактовка ее в качестве реставрации старинного конституционного порядка сделались догмами официальной политической идеологии в Англии. Попытки каким-либо образом подвергнуть их сомнению стали относиться к категории тяжких преступлений и преследоваться в судебном порядке.

... Один из первых историографов «Славной революции», философ и политик Эдмунд Берк ... «Революция была совершена, чтобы сохранить наши старинные неоспоримые законы и свободы и ту старинную конституцию правления, которая только и является нашей гарантией для закона и свободы (курсив Берка – В. К.)», – утверждал британский философ и политик. В этом предназначении революции 1688 г. он видел ее «истинные принципы» и полагал, что они сполна выражаются в ее документах.

Эдмунд Берк был политиком вигского направления, и его понимание революции 1688 г. в полной мере соответствовало идеологии последнего. Он выступал против намерений Георга III управлять страной без учета мнений формирующихся политических партий. Был казначеем во втором кабинете Рокингема (1782 г.) и коалиции Фокса и Норта (1783 г.). Позднее взгляды Берка на свободу, необходимо ограниченную конституционными рамками и политической традицией, стали одним из краеугольных камней политической философии консерватизма.

В первой половине XIX столетия в развитии вигской трактовки данного события большую роль сыграли историк и политик Джон Рассел (John Russell, 1792-1878) и историк-публицист, политик, барристер Томас Бабингтон Маколей (Thomas Babington Macaulay, 1800-1859).

Джон Рассел писал о революции 1688 г. в книге, посвященной своему предку Уильяму Расселу: «Особая отличительная черта этого великого события заключается не в том, как это некоторые предполагают, чтобы установить право смещать короля и изменять наследование короны, – эти принципы часто ранее подтверждались в ходе нашей истории, – но в том, чтобы легко и без потрясений осуществить на практике наши старинные права и свободы, которые напрасно пытались ниспровергнуть Плантагенеты, которые часто позволялось попирать Тюдорам, и для разрушения которых Стюарты жертвовали своим тронem». В «Очерке по истории английского правительства и конституции с правления Генриха VII до настоящего времени» Джон Рассел выразил свое отношение к данному событию следующей короткой фразой: «Революция 1688 г. стала для моего сознания совершенством дерзости и благоразумия».

Т.Б. Маколей проводил в книге «История Англии после восшествия на престол Джеймса II» мысль о том, что революция 1688 г. была всего лишь государственным переворотом, организованным группировкой английских аристократов с целью замены короля-католика на короля-протестанта. Принц Оранский выступал, по его мнению, в качестве их пассивного инструмента и не стремился изменить государственный строй Англии. Поэтому «это была революция строго защитительная, и она имела на своей стороне неписанный закон и легитимность. Здесь и только здесь ограниченная монархия тринадцатого столетия перешла нетронутой в семнадцатое столетие». ...Маколей как историк считается одним из основоположников «вигской интерпретации» истории «Славной революции».

Самым видным выразителем вигской традиции в объяснении революции 1688 г. стал в первой трети XX в. внучатый племянник Т. Маколея Джордж Маколей Тревельян....

В отличие от других историков вигского направления Дж. М. Тревельян усматривал истинную «Славу» данной революции не в ее бескровности, не в минимальной степени насилия, примененного революционерами для достижения успеха, но «в способе предотвращения насилия, который был найден в ходе революционного переустройства (revolutionary settlement) для будущих поколений англичан». В победе же, которой революционерам удалось добиться «с помощью иностранных войск над королем, окруженным плохими советниками», он не видел «ничего особенно славного». Однако в

общей оценке «Славной революции» 1688 г. Тревельян следовал вигским традициям.

...В последней трети XX – начале XXI в. характер историографии «Славной революции» начал заметно меняться в пользу более реалистичной оценки ее результатов: одна за другой стали появляться книги, в которых авторы подвергли пересмотру некоторые существенные аспекты этого периода. Государственная деятельность короля Якова II стала оцениваться историками более объективно, во всяком случае, совсем не так, как она была охарактеризована в основных документах английской революции 1688 г. – Декларации о правах и Билле о правах. Некоторые современные историки обоснованно подвергают сомнению даже такую, казалось бы, незыблемую догму вигской доктрины «Славной революции» как представление о ее бескровном характере. Эдвард Вэланс в недавно вышедшей книге «Славная революция 1688 г.: борьба Британии за свободу» показал, что она была не бескровным государственным переворотом, совершенным во имя прогресса английского общества, но жестокой борьбой протестантов за власть. Взгляд на революцию 1688 г. как на смену правления в Англии, Ирландии и Шотландии, достигнутую посредством массового и жестокого насилия, провел в своей книге «Революция: великий кризис Британской монархии в 1685-1720 гг.» шотландский историк Тим Хэррис.

Особенностью современной историографии «Славной революции» является также отказ от взгляда на нее как на исключительно английское явление – государственный переворот, совершенный политической группировкой вигов и примкнувшими к ним представителями партии тори для утверждения верховенства парламента и закона.

В историко-правовой науке проводником этого представления о революции 1688 г., уходящего своими корнями в содержание Декларации о правах и Билля о правах, был, в частности, Уильям Холдсуорт. «Революция была вигской победой, но победой, достигнутой с помощью тори и церкви», – писал он в своей «Истории английского права». По его словам, «виги обеспечили то, что было наиболее важным, – парламентский порядок наследования трона и впоследствии окончательный отказ от идеи, согласно которой королевский титул зависит от божественного права, стоящего выше права страны. Эта победа навсегда обеспечила как верховенство парламента в конституции, так и верховенство закона, потому что в новой ситуации,

созданной революцией, тори сочли, что в их интересах – поддержать эти вигские идеалы».

Осознание того, что революция 1688 г. в Англии была осуществлена в значительной мере при иностранной поддержке, сочетается в современной историографии с новым пониманием ее последствий: в исторической литературе все более укрепляется тенденция связывать с ней не только преобразования в государственном строе, но и коренные перемены в экономике, а также в политике английского правительства внутри страны и на международной арене.

Однако новые оттенки в историографии «Славной революции» оставили неизменным характерное для историков вигского направления представление о том, что истинным выражением революционных принципов стала Декларация о правах от 12 февраля 1688 г. и составленный на ее основе «Акт, объявляющий права и свободы подданного и регулирующий наследование Короны» – Билль о правах 1689 г. Волна пересмотра вигских установок коснулась и этих документов: появились работы, в которых Декларация о правах и Билль о правах рассматриваются в качестве актов, оформивших не просто смену одного монарха другим, но перемены в самом институте королевской власти. «Важность Декларации о правах и Билля о правах превосходит значение английской революции 1688-1689 гг.», – указывает в своем исследовании об этих актах Лоис Шваурер.

Таким образом, современная историография отличается большей осторожностью в оценках политических итогов «Славной революции». Также намечается тенденция более адекватной оценки ее последствий для английской монархии как политического института. При этом акцент в исследованиях делается не столько на анализе текстов ключевых конституционных актов «Славной революции» – «Декларации о правах» от 12 февраля 1689 г. и «Билля о правах» от 16 декабря 1689 г., достаточно хорошо изученных, сколько на рассмотрении событий, сопутствующих их принятию. Такой подход позволяет найти путь к более осторожной оценке существа изменений, внесенных данными документами в политическую конструкцию английской монархии

Л. В. Сидоренко

**ИСТОРИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ СЛАВНОЙ РЕВОЛЮЦИИ:
К ВОПРОСУ О РЕВОЛЮЦИОННОСТИ СОБЫТИЙ**

1688 – 1689 гг.

(Извлечение)

Бурный рост объемов делопроизводства привел к тому, что Вильгельму пришлось разрываться между желанием обладать как можно большей властью и неспособностью поспевать везде. В этих условиях он вынужден был полагаться на выбранных им надежных английских политиков. Однако если раньше министры почти постоянно находились под наблюдением монарха, при Вильгельме они стали чувствовать себя свободнее, что заложило предпосылки становления института кабинета министров.

Падение роли монархии при Вильгельме III можно проследить даже по тому, как он относился к королевским традициям. Так, если Карл II прикоснулся к 90 тыс человек для их излечения от золотухи, Вильгельм и Мария демонстративно прекратили эту практику, тем самым дополнительно установив границы своей власти и ограничив спектр общения между народом и монархом....

Кроме этого важнейшим и во многом самым долговременным итогом Славной революции стали ее финансово-экономические последствия, выразившиеся прежде всего в трансформации системы государственных финансов. До 1688 г. в большинстве случаев гарантией своевременного погашения долга для кредитора правительства была юридически неопределенная защита королевского слова, из-за чего правительственный кредит стал фактически кредитом монарха. После революции ситуация изменилась: теперь именно парламент стал отвечать за государственные финансы, что сделало частные займы более безопасными. Важно отметить и влияние революции на личные финансы короля. Отныне большая часть доходов бюджета не давалась монарху пожизненно, а жаловалась парламентом на определенный срок. Парламентом было принято решение выделять Вильгельму Оранскому на его нужды 700 тыс. фунтов стерлингов ежегодно, остальные же доходы давать «ad hoc» (к случаю). В итоге регулирование королевских финансов стало способом парламентского контроля над сувереном.

...

В контексте финансово-экономической проблематики необходимо отметить и то, что по итогам Славной революции многолетняя борьба вигов за

свободу торговли и против прерогатив короны устанавливать монополии, которые могли использоваться для оказания экономической поддержки монарха, также завершилась успехом. Был осуществлен еще один переворот, который позволил защитить экономические права англичан. Путь к экономическому либерализму XVIII в. был открыт.

Отдельно необходимо обозначить и внешнеполитические последствия Славной революции, которая в равной мере была событием как международного, так и общеанглийского значения. При этом Славная революция повлияла на Европу значительно больше, нежели Европа на нее. Международный фактор Славной революции был настолько важен, что без него она вряд ли осуществилась столь успешно. Революция оказалась неразрывно связана с процессами, происходившими в системе европейских государств во второй половине XVII в. и прежде всего с попыткой покончить с экспансионистской политикой Людовика XIV. Некоторые историки выражаются более радикально, полагая, что революция 1688 г. положила конец традиционной для Англии XVII в. изоляции и внешнеполитической «импотенции». Отныне во главе с Вильгельмом Оранским Англия «получила образование» в европейских делах, заложив основы политики, которая продолжалась большую часть XVIII в. Безусловно, сказалась революция и на англо-голландских отношениях: коммерческие и финансовые интересы Нидерландов выиграли от новых связей с Англией. Именно голландцы планировали и обеспечивали вторжение их статхаудера в Англию. В случае неудачи последствия могли бы быть для них непредсказуемыми, теперь же Нидерланды смягчили результаты недавних англо-голландских войн.

Отдельным итогом Славной революции можно назвать комплекс династических последствий. Правильный выбор династии в то время был одним из главных способов защитить приемлемые для общества фундаментальные изменения. Отказываться от монархии в Англии никто не собирався, и, чтобы изменить общество, нужно было найти подходящего кандидата на престол. Призвание голландского статхаудера стало в основном ответом на политику Якова в течение его короткого правления. Вильгельм представлял антифранцузскую и антикатолическую линии политики, критически важные для англичан.

...Династические последствия Славной революции неотделимы от религиозных и тесно с ними взаимосвязаны. В последнее время все больше историков интерпретирует события 1680-х годов как протестантскую революцию, в которой защита церкви Англии и терпимости к протестантским диссентерам были определяющими в мыслях участников. Не подлежит сомнению, что члены Англиканской церкви и диссентеры были в авангарде

сопротивления Якову II, а многие миряне рассматривали революцию в религиозном аспекте. Революционных событий вполне можно было бы избежать, если бы не обращение герцога Йоркского, наследника престола и будущего короля в католическую веру в 1673 г. При этом сам Яков не сделал ничего, чтобы рассеять растущие убеждения в его жестокой и кровавой природе, вытекавшие, согласно популярному мнению, в том числе и от его приверженности католицизму.

...Славная революция существенно приблизила дату подписания англо-шотландской унии 1707 г. и низведение Шотландии до составной части английского мира.

В качестве отдельного итога Славной революции необходимо выделить и рост влияния женщины в политических делах королевства, что заметно на примерах дочерей Якова II, принцесс Марии и Анны, занявших уникальное положение в политической жизни. Хотя во многом это было связано с тем, что закон и традиции Англии не мешали им претендовать на престол при отсутствии мужских наследников, именно Славная революция заставила британскую элиту рассматривать эту возможность....

В качестве последствий событий 1688–1689 гг. стоит отметить и то, что Славная революция серьезно повлияла на политическую ментальность и идеологию англичан следующего столетия. И в XVIII в. революция продолжала генерировать аргументы для разных политических групп в политических дебатах, касающихся не только проблем престолонаследия, но и роли народа в политическом процессе, природы английских представительных институтов и наиболее общественно важных прав и свобод. В этих дебатах часто звучали споры о наследниках и наследии революции. Например, в эпоху борьбы с первым премьер-министром страны Робертом Уолполом оппозиционные тори стремились вернуться к конституционному балансу, утвержденному революцией....

Подводя итоги, необходимо отметить, что Славная революция оказалась очень сложным и многофакторным событием, последствия которого не ограничились только принятием билля о правах. Революция количественно и качественно усилила роль парламента, привела к глобальной трансформации английских финансов — так называемой Финансовой революции, создала предпосылки для становления института кабинета министров и падения роли королевской прерогативы. Революция надолго вывела Англию из внешнеполитической изоляции, подняла как никогда остро династический вопрос, обеспечив рост якобитизма, установила правила игры для диссентеров, в целом способствовал ослаблению остроты религиозного вопроса, а также закрепила в политике роль партийных группировок вигов

и тори, хотя и заставив несколько видоизменить их первоначальную идеологию. Революция нарушила традиционные связи между Англией и Шотландией, создав базу для будущей унии, на короткий период повысила роль женщины в политике, а также заложила идейные ориентиры для правительственных и оппозиционных политиков в будущих острых дебатах XVIII в. Как видим, хотя события 1688–1689 гг. имеют явный оттенок государственного переворота, его последствия оказываются по настоящему революционными, проявляющимися во всех сферах жизни английского общества, и именно они делают Славную революцию одним из важнейших событий всей британской истории.

Л. В. Сидоренко

**ВЛИЯНИЕ АКТА О ПРЕСТОЛОНАСЛЕДИИ 1701 г.
НА КОНСТИТУЦИОННОЕ РАЗВИТИЕ АНГЛИИ**
(Извлечение)

Одним из главных результатов Славной революции 1688 - 1689 гг. в Англии стал династический вопрос, порожденный сменой католического монарха на троне. Для обеспечения протестантского престолонаследия в важнейшем документе революционного устройства - Билле о правах - закреплялся порядок наследования престола от Вильгельма с Марией и их потомков к Анне (протестантской дочери свергнутого революцией короля-католика Якова II) и ее детям.

Принятый в 1701 г. Акт о престолонаследии содержал династические гарантии для страны на ближайшую перспективу. Однако этот закон был дополнен парламентариями пунктами об ограничении королевской власти будущего монарха.

Акт был принят без серьезной оппозиции: в палате общин только один депутат высказался против. При этом закон касался всех, т.к. задумывался для преодоления общепризнанных конституционных пороков правления Вильгельма III. В частности, Акт предусматривал обязательный переход нового монарха в Англиканскую церковь, запрещал без согласия парламента вовлекать королевство в войны за не принадлежащие английской короне владения, а также покидать королевство. Еще Акт запрещал всем иностранцам иметь места в палатах парламента, Тайном совете, других органах власти. Акт ограничивал возможность должностным лицам на службе короля и пенсионерам заседать в парламенте. Кроме этого, закон предписывал

подписывать члену Тайного совета каждый законопроект и вводил практику независимости судей. Отдельным пунктом шел запрет королю осуществлять помилование лиц, подвергнутых парламентом импичменту. Таким образом, акт учел почти каждую проблемную ситуацию в правлении Вильгельма Оранского.

В. А. Томсинов

**АНГЛИЙСКИЙ БИЛЛЬ О ПРАВАХ 1689 ГОДА:
ПОЛИТИКО-ПРАВОВОЙ КОММЕНТАРИЙ**
(Извлечение)

Декларация лордов и общин от 12/22 февраля 1688/1689 г. не могла сама по себе стать законом: она была принята собранием, которое не являлось парламентом, и не получила выраженного в должном порядке одобрения законного короля.

...

Таким образом, в рассматриваемое время в Англии произошли следующие события:

— Созванный незаконно, в нарушение конституционных норм Конвент принял решение об отречении от королевской власти законного короля и объявил, опять-таки незаконно, королевский трон свободным. Затем провозгласил королем и королевой Англии штатхандера Нидерландов и его супругу Мэри.

— После этого новоявленные носители английской королевской власти, занявшие трон в результате государственного переворота и свержения законного короля, приняли вместе с Конвентом акт о придании этому собранию статуса парламента.

— Появившиеся в Англии столь странным образом новый парламент и новый король издали, соблюдая законные процедуры, «Акт, декларирующий права и свободы подданного и устанавливающий наследование короны». В его преамбуле и в особой статье основного текста Конвент объявлялся законным, а принятой им 12/22 февраля 1688/1689 г. Декларации о правах придавалась юридическая сила.

— Объявленный законным Конвент, в свою очередь, придал законность новой королевской власти и акту, преобразовавшему Конвент в парламент.

Явление, которое выразили описанные события, можно, пожалуй, назвать «бумерангом легитимности». Оно — не редкий случай в мировой политической истории. Начало революции — это всегда акт беззакония, но

окончательная победа ее может произойти только в том случае, когда в обществе снова утвердится законность. Иначе говоря, для полной победы революции необходима, как это ни парадоксально, именно контрреволюция. Но контрреволюция особого рода — такая, которая восстановит в обществе режим законности. С этой точки зрения, Билль о правах был актом контрреволюции, обеспечившим окончательную победу в Англии революции 1688–1689 г.

...

Билль о правах не просто исключал возможность перехода королевского трона к лицу католического вероисповедания, но и закреплял его за лицами протестантской веры. В тексте Декларации о правах, являвшейся неотъемлемой его частью, устанавливалось, что по кончине принца и принцессы Оранжских корона и королевский сан переходили к нисходящим наследникам Мэри, а за их отсутствием к ее родной сестре принцессе Анне Датской и ее прямым наследникам, а в случае их отсутствия — к прямым наследникам принца Оранжского. Такой порядок наследования английской короны был еще раз закреплен в тексте собственно Билля о правах. При этом к его описанию было добавлено, что «лорды духовные и светские и общины от имени всего вышеупомянутого народа навсегда наипокорнейше и честно подчиняются ему за себя, за своих наследников и потомков и честно обещают, что отстаивать, поддерживать и защищать указанные их величества, и также указанное и изложенное здесь ограничение наследования короны, всеми своими силами, не щадя своих жизней и имущества, против всех каких бы то ни было лиц, которые предпримут что-либо сему противное».

...

Историки, изучающие «славную революцию», до сих пор спорят о том, что было изменено ею в Английском государстве: сменила она только монарха или же переменяла вместе с ним и саму монархию? Чтобы ответить на этот вопрос, достаточно посмотреть на конструкцию королевской власти, закрепленную сначала в Декларации, принятой Конвентом 12/22 февраля 1688/1689 г., а затем в Билле о правах, вступившем в юридическую силу 16/26 декабря 1689 г.

Тема 4. АНГЛИЙСКОЕ ПРОСВЕЩЕНИЕ: ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЯ И ПРЕДСТАВИТЕЛИ

Вопросы к практическому занятию

1. Идеиные истоки английского просвещения.
2. Теория «общественного договора» в идейном наследии Джона Локка.
3. Теория партийно-парламентской оппозиции и «сопротивления тирании» Генри Сент Джона Болингброка.
4. Социальная критика Даниэля Дефо и Джонатана Свифта.
5. Нравственное воспитание и образование как средство достижения идеального общества Бернарда Мандевиля.

Источники

Джон Локк

ОПЫТ О ЧЕЛОВЕЧЕСКОМ РАЗУМЕНИИ

(Извлечение)

«1. Исследование о разумении, приятное и полезное. Так как разум, ставит человека выше остальных чувствующих существ и дает ему все то превосходство и господство, которое он имеет над ними, то он, без сомнения, является предметом, заслуживающим изучения уже по одному своему благородству. Разумение, подобно глазу, давая нам возможность видеть и воспринимать все остальные вещи, не воспринимает само себя: необходимы искусство и труд, чтобы поставить его на некотором отдалении и сделать его собственным объектом. Но каковы бы ни были трудности, лежащие на пути к этому исследованию, что бы ни держало нас в таком неведении о нас самих, я уверен, что всякий свет, который мы сможем бросить на свои собственные умственные силы, всякое знакомство со своим собственным разумом будет не только очень приятно, но и весьма полезно, помогая направить наше мышление на исследование других вещей».

«1. Указать путь, каким мы приходим ко всякому знанию, достаточно для доказательства того, что оно неврожденно. Некоторые считают установленным взгляд, будто в разуме есть некие врожденные принципы, некие первичные понятия, так сказать запечатленные в сознании знаки,

которые душа получает при самом начале своего бытия и приносит с собою в мир. Чтобы убедить непредубежденных читателей в ложности этого предположения, достаточно лишь показать, как люди исключительно при помощи своих природных способностей, без всякого содействия со стороны врожденных впечатлений, могут достигнуть всего своего знания и прийти к достоверности без таких первоначальных понятий или принципов. Ибо, я думаю, все охотно согласится, что дерзко предполагать врожденными идеи цветов в существе, которому бог дал зрение и способность воспринимать при помощи глаз цвета от внешних вещей. Не менее безрассудно считать некоторые истины природными отпечатками и врожденными знаками, но ведь мы видим в себе способность прийти к такому же легкому и достоверному познанию их и без того, чтобы они были первоначально запечатлены в душе (что я и надеюсь показать в последующих разделах этого сочинения). Но так как при поисках истины человек не может, не подвергаясь порицанию, следовать ходу своих мыслей, когда они хоть немного уведут его от общепринятого пути, то я изложу основания, породившие во мне сомнение в истинности указанного выше мнения, изложу их как оправдание своему заблуждению, если только я заблуждаюсь. А об этом пусть судят те, кто, подобно мне, принимает истину всюду, где бы ни нашли ее.

2. Общее согласие как главный довод. Ничто не пользуется таким общим признанием, как то, что есть некоторые принципы, как умозрительные, так и практические (ибо речь ведут и о тех и о других), с которыми согласны все люди. Отсюда защитники приведенного взгляда заключают эти принципы необходимо должны быть постоянными отпечатками, которые души людей получают при начале своего бытия и приносят с собой в мир столь же необходимо и реально, как и все другие присущие им способности.

3. Общее согласие вовсе не доказывает врожденности. Довод со ссылкой на всеобщее согласие заключает в себе тот изъян, что, будь даже в самом деле верно, что существует несколько признаваемых всем человечеством истин, он все-таки не доказывал бы врожденности этих истин, если бы удалось показать, что имеется другой путь, каким люди приходят ко всеобщему согласию относительно вещей, о которых они сходятся во взглядах, а я предполагаю, что это показать возможно.

4. Положения: «Что есть, то есть» и «Невозможно, чтобы одна и та же вещь была и не была» — не пользуются всеобщим признанием. Но, что гораздо хуже, довод со ссылкой на всеобщее согласие, которым пользуются для доказательства существования врожденных принципов, мне кажется,

скорее доказывает, что их нет, ибо нет принципов, которые бы пользовались признанием всего человечества. Я начну с умозрительных принципов и приведу в пример прославленные принципы доказательства: «Что есть, то есть» и «Невозможно, чтобы одна и та же вещь была и не была», - которые более всяких других, как мне кажется, имеют право называться врожденными. Они приобрели себе такую славу общепринятых положений, что, без сомнения, покажется странным, если кто усомнится в этом. И тем не менее я беру на себя смелость утверждать, что эти предложения так далеки от всеобщего их признания, что значительной части человечества совершенно неизвестны.

5. Эти положения не запечатлены в душе от природы, ибо они неизвестны детям, идиотам и другим людям. Ибо, во-первых, очевидно, что дети и идиоты не имеют ни малейшего понятия или помышления о них. А этого пробела достаточно, чтобы расстроить всеобщее согласие, которое должно непременно сопутствовать всем врожденным истинам; мне кажется чуть ли не противоречием утверждение, будто есть запечатленные в душе истины, которых душа не осознает или не понимает, так как «запечатлеть», если это имеет какой-нибудь смысл, означает не что иное, как способствовать тому, чтобы некоторые истины были осознаны, ибо запечатление чего-либо в душе без осознания его кажется мне малопонятным. Если, стало быть, у детей и идиотов есть разум, есть душа с отпечатками на ней, они неизбежно должны осознавать эти отпечатки и необходимо знать и признавать эти истины. Но так как они этого не делают, то очевидно, что таких отпечатков нет. Ибо если они не есть понятия, запечатленные от природы, то как они могут быть врожденными? И если они есть понятия запечатленные, то как могут они быть неизвестными? Утверждать, что понятие запечатлено в душе, и в то же самое время утверждать, что душа не знает о нем и еще никогда не обращала на него внимания, - значит превращать этот отпечаток в ничто. Ни про одно положение нельзя сказать, что оно находится в душе, если она раньше никогда не знала и не сознала его. Если бы это все же было возможно, то на том же самом основании все истинные положения, с которыми душа способна согласиться, можно считать находящимися в душе и запечатленными в ней. В самом деле, если какое-нибудь положение, которого душа еще не знала, можно считать находящимся в ней, то только потому, что она способна знать его; а душа способна на это по отношению ко всем истинам, какие она когда-либо будет знать. Более того, если так, то могут быть запечатленными в душе такие истины, которых она никогда не знала да и знать не будет, ибо человек может жить долго и наконец умереть в неведении многих истин, которые его душа была способна знать, и знать

достоверно. Так что если природный отпечаток считать за способность знать, то все истины, какие когда-либо познает человек, окажутся в силу этого врожденными. И весь этот важный вопрос сведется всего лишь к неудачному способу выражения: думая сказать нечто противоположное, на деле он утверждает то же самое, что и отрицающие врожденные принципы. Ибо, мне кажется, никто никогда не отрицал того, что душа способна познавать разные истины. Способность, говорят они, врожденна; знание приобретено. Но зачем в таком случае такая борьба за врожденность некоторых положений? Если истины, могут быть запечатлены в нашем разуме, не будучи усмотрены им, я не вижу никакой разницы в отношении происхождения между любыми истинами, которые душа способна познавать; они должны быть или все врожденными, или все привходящими; напрасны старания различить их. Следовательно тот, кто говорит о врожденных понятиях, находящихся в разуме, не может, если имеет в виду любой определенный вид истин, подразумевать, что в разуме находятся такие истины, которых разум никогда не осознавал и даже совсем не знает. Ведь если слова «находиться в разуме» имеют какой-нибудь смысл, то они значат «быть понятным». Так что находиться в разуме и не быть понятным, быть в душе и никогда не быть осознанным - это все равно что утверждать, будто что-нибудь и находится и не находится в душе или разуме. Стало быть, если эти два положения: «Что есть, то есть» и «Невозможно, чтобы одна и та же вещь была и не была» — запечатлены от природы, то дети не могут не знать о них, младенцы и все имеющие душу необходимо должны иметь их в, своем разуме, знать их истинность и соглашаться с нею.

6. Возражение тем, кто утверждает, будто люди познают эти истины, когда начинают рассуждать. Чтобы избежать этого противоречия, обыкновенно говорят, что все люди познают эти истины и соглашаются с ними, когда начинают рассуждать; и этого будто бы достаточно для доказательства их врожденности. Я отвечаю на это:

7. Неясные выражения, едва ли имеющие какой-нибудь смысл, сходят за ясные доводы у людей предубежденных, которые не дают себе труда даже подумать о том, что говорят сами. В самом деле, если придать разбираемому возражению смысл, хоть сколько-нибудь подходящий для нашей цели, оно должно значить одно из двух: или что эти предполагаемые врожденные надписи становятся известными людям и замечаются ими, как только они начинают рассуждать, или же что пользование разумом и упражнение его помогают людям открывать эти принципы и получить о них определенное знание.

8. Если бы рассуждение открывало эти принципы, это не доказывало бы их врожденности. Если возражение имеет тот смысл, что благодаря пользованию разумом люди могут открыть эти принципы и что этого достаточно для доказательства их врожденности, то способ доказательства при этом будет такой: все истины, которые мышление может открыть для нас с достоверностью и с которыми может заставить нас вполне согласиться, запечатлены в душе от природы. Но так как всеобщее согласие, принятое за признак врожденности истин, сводится всего только к тому, что, пользуясь разумом, мы способны приходить к некоторому познанию этих истин и к согласию с ними и что, таким образом, не существует никакой разницы между математическими аксиомами и выводимыми из них теоремами, то все истины должны быть тогда признаны одинаково врожденными, ибо все они открыты благодаря пользованию разумом и представляют собой истины, к познанию которых непременно может прийти разумное существо, если оно правильно пользуется своим мышлением.

9. Ложно мнение, будто эти истины открывает разум. Но как могут эти люди считать пользование разумом необходимым для открытия принципов, принимаемых за врожденные, когда разум (если только поверить возражающим) есть не что иное, как способность выводить неизвестные истины из принципов или положений уже известных? Конечно, никогда нельзя считать врожденным то, что нуждается для своего открытия в разуме, если не будем (как я только что сказал) признавать врожденными все достоверные истины, которым научает нас разум. Если разум или его действие необходимы для того, чтобы заставить познавательные силы видеть то, что первоначально запечатлено в них и что не может находиться в них, не будучи ими уже осознано, то с таким же правом можно считать применение разума необходимым для того, чтобы наши глаза могли открыть видимые предметы. Так что заставлять разум открывать эти запечатленные истины — значит утверждать, что рассуждение открывает человеку то, что он знал раньше. А говорить, что люди имеют эти врожденные запечатленные истины первоначально и до приведения в действие разума и что они тем не менее вовсе не знают их, пока не начнут пользоваться разумом, — это, право, значит утверждать, что люди в одно и то же время и знают и не знают их.

10. Здесь возразят, быть может, что математические доказательства и другие неврожденные истины не принимаются сразу же по их оглашении, чем они и отличаются от указанных выше максимум и других врожденных истин. Вскоре я буду иметь случай поговорить подробнее о немедленном

признании истин. Я только допускаю здесь, и с большою охотой, что эти максимы и математические доказательства различаются тем, что для понимания последних и согласия с ними нам нужно применить разум и прибегнуть к доказательствам, тогда как первые воспринимаются и получают признание без малейшего рассуждения сейчас же, как станут понятными. Впрочем, позволю себе заметить, что этим обнаруживается слабость отговорки, по которой требуется пользование разумом для открытия этих общих истин, так как следует признать, что рассуждение при их открытии вообще не принимает никакого участия. А ведь, думается мне, те, кто делает это возражение, не решатся утверждать, что знание истинности утверждения «Невозможно, чтобы одна и та же вещь была и не была» есть вывод рассуждения нашего разума. Ибо это значило бы разрушать самую щедрость природы, столь любимую ими, ставя знание этих принципов в зависимость от работы нашего мышления, ибо всякое рассуждение есть искание и обдумывание и требует усилий и прилежания. И какой смысл может быть в предположении, что запечатленное природой в уме, являясь основанием и руководителем нашего разума, для своего открытия нуждается в помощи разума?

11. Кто даст себе труд хоть сколько-нибудь внимательно вдуматься в деятельность сил разума, найдет, что быстрое согласие разума с некоторыми истинами зависит не от прирожденного запечатления и не от процесса рассуждения, а от способности ума, совершенно отличной от того и другого 4, как мы увидим позже. Следовательно, рассуждение не имеет никакого отношения к нашему согласию с этими максимами. И если словами «Люди знают и признают эти истины, когда начинают рассуждать» хотят сказать, что рассуждение помогает нам в познании этих максим, то это совершенно ложно; а если бы оно было верно, то доказывало бы, что эти максимы неврожденны.

...

15. Шаги, которыми разум доходит до различных истин. Чувства сперва вводят единичные идеи и заполняют ими еще пустое место, и, по мере того как разум постепенно осваивается с некоторыми из них, они помещаются в памяти и получают имена. Затем, подвигаясь вперед, разум абстрагирует их и постепенно научается употреблению общих имен. Так разум наделяется идеями и словами, материалом для упражнения своей способности рассуждения. С увеличением материала, дающего разуму работу, применение его с каждым днем становится все более и более заметным. Но хотя запас общих идей и растет обыкновенно вместе с употреблением общих имен и рассуждающей деятельностью, все-таки я не вижу, как это

может доказать их врожденность. Знание некоторых истин, я признаюсь, появляется в душе очень рано; но оно появляется таким путем, который показывает, что они неврожденны, ибо наблюдение всегда обнаружит нам, что такое знание принадлежит к идеям не врожденным, а приобретенным, так как уже вначале оно имеет дело с идеями, запечатлевшими внешние вещи, с которыми раньше всего встречаются младенцы и которые всего чаще воздействуют на их чувства. В полученных таким образом идеях разум открывает взаимное согласие одних и несогласие других, вероятно, сейчас же, как начинает пользоваться памятью и становится способным удерживать и принимать определенные идеи. Как бы то ни было, верно то, что это происходит задолго до употребления слов или того, что мы обыкновенно называем «пользованием разумом». Ведь ребенок раньше, чем начинает говорить, знает разницу между идеями сладкого и горького (т.е. что сладкое не есть горькое) так же верно, как впоследствии, когда начинает говорить, он знает то, что полынь и леденцы не одно и то же.

16. Ребенок не знает, что три и четыре - семь, пока не научится считать до семи и не получит имени и идеи равенства. И затем после уяснения этих слов он сейчас же признаёт или, скорее, постигает истину этого положения. Но и тогда соглашается он так охотно не потому, что оно - врожденная истина, а до этого не соглашался не потому, что не умел рассуждать. Истина положения выявилась для него, как только в его душе закрепились ясные и определенные идеи, обозначаемые упомянутыми словами. И тогда ребенок познает истинность этого положения на том же основании и тем же самым способом, каким он узнал раньше, что розга и вишня не одно и то же; и на том же самом основании он узнает впоследствии, что «невозможно, чтобы одна и та же вещь была и не была», как это будет дальше показано более полно. И чем позже, стало быть, кто-нибудь приобретает те общие идеи, к которым относятся подобные максимы, или узнает значение обозначающих их общих терминов, или соединяет в своей душе идеи, которые они обозначают, тем позже также согласится он с этими максимами, и так как его слова вместе с обозначаемыми ими идеями врожденны ничуть не больше, чем идеи кошки или ласки, то ему нужно ждать, пока время и наблюдение не познакомят его с ними. И тогда он будет в состоянии узнать истинность этих максим при первом случае, который даст ему возможность соединить в его душе полученные идеи и заметить их взаимное соответствие или несоответствие в отношении к содержанию положения. Стало быть, взрослый человек познаёт, что восемнадцать и девятнадцать - тридцать семь но той же самоочевидности, как и то, что один и два - три. Однако ребенок познаёт первую истину не так скоро, как последнюю, не по

недостатку рассуждения, а потому, что идеи, обозначаемые словами «восемнадцать», «девятнадцать» и «тридцать семь», он приобретает не так скоро, как идеи, выражаемые словами «один», «два» и «три».

17. Согласие с истинами сразу же после того, как они произнесены и поняты, не есть доказательство их врожденности. Так как указанная уловка относительно общего согласия при начале рассуждения не состоятельна и уничтожает разницу между этими якобы врожденными истинами и истинами, приобретенными впоследствии и выученными, то постарались спасти тезис о всеобщем согласии с положениями, которые называют максимами, при помощи утверждения, что они вообще получают признание сейчас же, как их высказывают и как становятся понятными слова, в которых они выражены. Видя, что каждый человек, даже ребенок, соглашается с этими положениями сейчас же, как услышит их и поймет входящие в них слова, считают это достаточным для доказательства их врожденности. Ибо на том основании, что люди, поняв раз слова, всегда признают эти положения за несомненные истины, заключают, что, безусловно, в разуме изначально были заключены те положения, которые душа немедленно принимает, с которыми соглашается при самом первом их сообщении, без всякой выучки и в которых больше никогда не сомневается.

...

1. Нет нравственных принципов столь ясных и общепринятых, как вышеупомянутые умозрительные максимы. Если с теми умозрительными максимами, о которых мы рассуждали в предыдущей главе, фактически, как мы доказали, выражает согласие не все человечество, то гораздо более очевидно, что не являются общепринятыми и практические принципы. И я думаю, трудно привести в пример хотя бы одно нравственное правило, которое могло бы претендовать на такое общее и легкое согласие с ним, как положение «Что есть, то есть», или быть столь очевидной истиной, как положение «Одна и та же вещь не может быть и не быть». Отсюда очевидно, что практические принципы имеют еще меньше права называться врожденными, а сомнение в том, что эти нравственные принципы запечатлены в душе от природы, еще сильнее сомнения относительно врожденности умозрительных принципов. Это не значит, что их истинность вообще подвергается сомнению. Они в такой же мере суть истины, хотя и не настолько очевидны. Те умозрительные максимы несут свою очевидность в себе самих; принципы же нравственные для обнаружения достоверности своей истинности требуют рассуждения и обоснования и некоторой работы ума. Они не лежат открытыми, подобно природным знакам, запечатленным в душе, которые (если б таковые были) непременно

должны быть видны сами по себе, должны быть достоверны и всякому известны благодаря своему собственному свету. Но это нисколько не умаляет их истинности и достоверности, подобно тому как истинность и достоверность того, что три угла треугольника равны двум прямым, нисколько не уменьшаются от того, что это не столь очевидно, как положение, что «целое больше части», и не способно вызвать согласие сейчас же, как только его услышат. Достаточно, если эти нравственные правила могут быть доказаны; так что если мы не достигаем их достоверного знания, то мы сами виноваты. Но незнание их многими людьми и медленность, с которой другие признают их, ясно доказывают, что они неврожденны и сами не попадают на глаза людям, если те их не ищут...

4. Нравственные правила нуждаются в доказательстве, следовательно, они неврожденны. Другая причина, возбуждавшая во мне сомнения в [существовании] каких-либо врожденных практических принципов,— та, что, на мой взгляд, не может быть предложено ни одно нравственное правило', для которого нельзя было бы с полным правом спрашивать основания, а это было бы совершенно смешным и нелепым, если считать их врожденными или даже только самоочевидными, ибо всякий врожденный принцип должен непременно быть таким и не нуждаться в каком-либо доказательстве для подтверждения своей истинности или в каком-либо основании для своего признания. Сочли бы лишенным здравого смысла человека, который, с одной стороны, стал бы спрашивать, почему одна и та же вещь не может сразу быть и не быть, а с другой — попытался бы дать этому обоснование. Это положение обладает своим собственным светом и очевидностью в себе самом и не нуждается в другом доказательстве; кто понимает входящие в это положение слова, соглашается с ним как таковым, в противном случае ничто никогда не заставит его сделать это. Но если бы самое непоколебимое нравственное правило и основу всякой общественной добродетели - «всякий должен поступать с другими так, как хочет, чтобы с ним поступали другие» - сообщили человеку, никогда его раньше не слышавшему, но способному понять его смысл, то разве не нелепо не спрашивать, на каком основании это так, и разве сообщающий это правило не обязан доказать его истинность и разумность? Но именно это ясно показывает, что оно не является врожденным. Ибо, будь оно врожденным, оно не могло бы ни нуждаться в каком-либо доказательстве, ни получить его, но (по крайней мере сейчас же по сообщении и понимании) должно было бы быть непременно принято и признано за неоспоримую истину, в которой человек никак не может сомневаться. Так что истина всех этих

нравственных правил явно зависит от чего-то другого, предшествующего им, и из чего они должны быть выведены. Но этого не могло бы быть, если бы они были врожденными или хотя бы самоочевидными...

13. ...нельзя признавать врожденными никакие практические правила, которые где-нибудь нарушаются всеми, не вызывая никаких возражений. Ибо невозможно, чтобы люди без страха и стыда, уверенно и спокойно нарушали правило, о котором они несомненно знают, что его установил бог, и за нарушение которого он, конечно, так накажет (они должны были бы об этом знать, если бы правило было врожденным), что нарушение будет для виновного невыгодным делом. Без такого знания человек никогда не может быть уверен, что у него есть какая-либо обязанность. Незнание закона или сомнение в нем, надежда на то, что все удастся скрыть от законодателя и тем самым избежать его санкций, и тому подобное могут склонить людей поддаться сиюминутным желаниям. Но предположим, что кто-нибудь видит проступок и рядом с ним кару, прегрешение и огонь, готовый наказать за него, видит искушающее наслаждение и десницу всемогущего, явно воздетую и готовую свершить возмездие (ибо так должно случиться, если обязанность запечатлена в душе), и тогда скажите мне, возможно ли, чтобы люди при такой перспективе и таком достоверном знании без стеснения, без укоров совести попирали закон, который начертан в них неизгладимыми знаками и который стоит пред их глазами в время нарушения его? Могут ли люди, сознавая запечатленные в себе предписания всемогущего законодателя, самоуверенно и беспечно презирать и попирать ногами самые священные его повеления? И возможно ли, наконец, чтобы в то время, как кто-нибудь так открыто бросает вызов врожденному закону и верховному законодателю, все свидетели и даже правители и повелители народа, полные одних и тех же чувств к закону и законодателю, молчаливо потворствовали этому, не выказывая ни своего недовольствия, ни малейшего порицания? В человеческих стремлениях действительно заложены принципы деятельности; но они настолько далеки от врожденных нравственных принципов, что если бы дать им полный простор, они привели бы людей к уничтожению всякой нравственности. Нравственные законы являются уздой и сдерживающей силой необузданных желаний, они могут быть таковыми только при помощи наград и наказаний, перевешивающих удовольствие, которого ожидают от нарушения закона. Если, следовательно, что-нибудь запечатлено в душе всех людей как закон, то все люди должны знать определенно и неизбежно, что определенное и неизбежное наказание последует за его нарушением. Ведь если люди могут не знать или сомневаться в том, что врожденно, то не к чему настаивать на

врожденных принципах и убеждать в их существовании; истинность и достоверность (о которых идет речь) вовсе не обеспечиваются ими, и люди остаются в том же самом неопределенном, неустойчивом положении, в каком были бы и без них. Очевидное, несомненное знание неизбежного наказания, достаточно сильного, чтобы безусловно предотвратить нарушение, должно сопутствовать врожденным законам, если только врожденные законы не предполагают также врожденного евангелия. Мне не хотелось бы, чтобы меня поняли в том смысле, что я признаю только положительные законы, так как отрицаю врожденные. Есть большая разница между врожденным законом и законом природы, между тем, что должно было бы быть запечатлено в нашем уме с самого начала, и тем, чего мы не знаем, но о чем можем приобрести знания при помощи упражнения и надлежащего применения наших природных способностей. И на мой взгляд, одинаково отступают от истины те, кто, впадая в противоположные крайности, или утверждает врожденные законы, или отрицает законы, познаваемые благодаря естественному свету, т. е. без помощи положительного откровения».

«1. Принципы неврожденны, если неврожденны их идеи. Если бы желающие убедить нас в существовании врожденных принципов не брали их огулом, а рассматривали в отдельности части, входящие в состав этих положений, быть может, у них не хватило бы дерзости верить в их врожденность. Ведь если идеи, составляющие эти истины, неврожденны, то невозможно, чтобы составленные из них положения были врожденны или наше знание их родилось вместе с нами. Ибо если идеи не врождены, то было время, когда в душе этих принципов не было, и, стало быть, они неврожденны, а произошли от какого-то другого источника, ибо, где нет самих идей, там о них не может быть ни знания, ни согласия, ни мысленных или словесных положений.

2. Идеи, в особенности относящиеся к принципам, не рождаются вместе с детьми. — Если мы будем внимательно наблюдать новорожденных, у нас будет мало оснований думать, что они приносят с собой на свет много идей. Ибо, за исключением, быть может, неясных идей голода, жажды, тепла и некоторых болей, которые они испытывали в чреве матери, у них нет ни малейшего проявления каких-либо определенных идей, в особенности идей, соответствующих словам, составляющим те общие положения, которые принимаются за врожденные принципы. Можно заметить, как впоследствии они постепенно проникают в их душу, причем приобретает только то, что доставляет им опыт и созерцание встречающихся им вещей, и ничего

больше. Уже этого одного было бы достаточно, чтобы убедить нас, что они не являются запечатленными в душе первоначальными знаками»...

«25. Откуда мнение о врожденных принципах. То, что люди нашли несколько общих положений, в которых могли не сомневаться сразу, как только их поняли, это, на мой взгляд, прямо и легко вело к заключению, что они врожденны. Это, будучи однажды принято, избавило ленивого от мук исканий и остановило сомневающегося в его исследованиях и коснулось всего, что было однажды названо врожденным. А для тех, кто претендовал на роль ученых и учителей, было немалой выгодой установить в качестве принципа принципов то положение, что нельзя подвергать сомнению принципы. Ибо, установив раз принцип, что есть врожденные принципы, они внушили своим последователям необходимость принять некоторые учения как такие принципы, чтобы отвлечь людей от пользования собственным разумом и способности суждения, заставив принимать все на веру и слово, без дальнейшего исследования. При такой слепой доверчивости легче было ими управлять и сделать их полезными для тех, кто обладал умением и имел задачу наставлять их и руководить ими. Обладать авторитетом диктатора принципов и наставника неоспоримых истин и понуждать других на веру принимать за врожденный принцип все, что может служить целям учителя,— это немалая власть человека над человеком. Между тем, если бы люди изучили пути, которыми они пришли к знанию многих всеобщих истин, они нашли бы, что эти истины появились в уме людей в результате должного рассмотрения существа самих вещей и что они были открыты путем надлежащего применения способностей, дарованных природой с целью воспринимать эти истины и судить о них.

«1. Идея есть объект мышления. Так как каждый человек сознает, что он мыслит и что то, чем занят ум во время мышления,— это идеи, находящиеся в уме, то несомненно, что люди имеют в своем уме различные идеи, как, например, такие, которые выражаются словами: «белизна», «твердость», «сладость», «мышление», «движение», «человек», «слон», «войско», «опьянение» и др. Прежде всего, стало быть, нужно исследовать, как человек приходит к идеям. Я знаю, что общепринятое учение заключается в том, что люди имеют врожденные идеи и первоначальные знаки, запечатленные в их уме с самого начала их существования. Я уже разобрал подробно это мнение. Но мне кажется, гораздо скорее согласится со сказанным в предыдущей книге, когда я покажу, откуда разум может получать все свои идеи, какими путями и как они постепенно приходят в ум, причем я призываю в свидетели наблюдение и опыт каждого.

2. Все идеи приходят от ощущения или рефлексии. Предположим, что ум есть, так сказать, белая бумага без всяких знаков и идей. Но каким же образом он получает их? Откуда он приобретает тот [их] обширный запас, который деятельное и беспредельное человеческое воображение нарисовало с почти бесконечным разнообразием? Откуда получает он весь материал рассуждения и знания? На это я отвечаю одним словом: из опыта. На опыте основывается все наше знание, от него в конце концов оно происходит'. Наше наблюдение, направленное или на внешние ощущаемые предметы, или на внутренние действия нашего ума, которые мы сами воспринимаем и о которых мы сами размышляем, доставляет нашему разуму весь материал мышления. Вот два источника знания, откуда происходят все идеи, которые мы имеем или естественным образом можем иметь.

3. Объекты ощущения — один источник идей. Во-первых, наши чувства, будучи обращены к отдельным чувственно воспринимаемым предметам, доставляют уму разные, отличные друг от друга восприятия вещей в соответствии с разнообразными путями, которыми эти предметы действуют на них. Таким образом мы получаем идеи желтого, белого, горячего, холодного, мягкого, твердого, горького, сладкого и все те идеи, которые мы называем чувственными качествами. Когда я говорю, что чувства доставляют их уму, я хочу сказать, что от внешних предметов они доставляют уму то, что вызывает в нем эти восприятия. Этот богатый источник большинства наших идей, зависящих всецело от наших чувств и через них входящих в разум, я и называю ощущением.

4. Деятельность нашего ума — другой их источник. Во-вторых, другой источник, из которого опыт снабжает разум идеями, есть внутреннее восприятие действий (operations) нашего ума, когда он занимается приобретенными им идеями. Как только душа начинает размышлять и рассматривать эти действия, они доставляют нашему разуму (understanding) идеи другого рода, которые мы не могли бы получить от внешних вещей. Таковы «восприятие», «мышление», «сомнение», «вера», «рассуждение», «познание», «желание» и все различные действия нашего ума (inind). Когда мы сознаем и замечаем их в себе, то получаем от них в своем разуме такие же отличные друг от друга идеи, как и те, которые мы приобретаем от тел, действующих на наши чувства. Этот источник идей каждый человек целиком имеет внутри себя, и, хотя этот источник не есть чувство, поскольку не имеет никакого дела с внешними предметами, тем не менее он очень сходен с ним и может быть довольно точно назван внутренним

чувством. Но, называя первый источник ощущением, я называю второй рефлексией, потому что он доставляет только такие идеи, которые приобретаются умом при помощи размышления о своей собственной деятельности внутри себя. Итак, мне бы хотелось, чтобы поняли, что под рефлексией в последующем изложении я подразумеваю то наблюдение, которому ум подвергает свою деятельность и способы ее проявления, вследствие чего в разуме возникают идеи этой деятельности. Эти два источника, повторяю я, т. е. внешние материальные вещи, как объекты ощущения и внутренняя деятельность нашего собственного ума как объект рефлексии, по-моему, представляют собой единственное, откуда берут начало все наши идеи. Термин «деятельность» я употребляю здесь в широком смысле, подразумевая не только действия ума по отношению к своим идеям, но и возбуждаемые иногда идеями своего рода аффекты, каковы, например, удовлетворение или неудовольствие, возникающие от какой-нибудь мысли...

...9. Ум приобретает идеи, когда начинает воспринимать. Спрашивать, когда человек имеет первые идеи,— значит спрашивать, когда человек начинает воспринимать, ибо иметь идеи и воспринимать — одно и то же. Я знаю, что существует мнение, будто ум мыслит постоянно, будто он имеет наличное восприятие идей внутри себя непрерывно, пока существует, и будто наличное мышление так же неотделимо от души, как наличная протяженность от тела

2. Если это правда, то спрашивать о начале человеческих идей — то же самое, что спрашивать о начале человеческой души. Ибо, согласно этому мнению, душа и ее идеи, как тело и его протяженность, начинают существовать в одно время.

10. Душа мыслит не всегда, ибо для обратного утверждения нет доказательств. Вопрос о том, считать ли душу существующей до или несколько позже первых зачатков организации, или начал, жизни в теле, или же одновременно с ними, я предоставляю разобрать тем, кто больше думал о нем. Я признаюсь, что обладаю одной из тех тупых душ, которые не сознают себя всегда созерцающими идеи и не могут постигнуть, почему для души постоянно мыслить более необходимо, чем для тела постоянно двигаться. Ведь, как я понимаю, восприятие идей для души - то же, что движение для тела, - не ее сущность, а один из видов ее деятельности. Поэтому, сколько бы ни считали, что мышление является деятельностью,

столь естественно присущей душе, все-таки нет необходимости полагать, будто душа всегда мыслит, всегда находится в состоянии деятельности. Возможно, это привилегия бесконечного творца и охранителя всего, который никогда «не дремлет и не спит», но отнюдь не свойство конечного существа, по крайней мере человеческой души. Мы достоверно знаем из опыта, что иногда мыслим, и отсюда делаем верное заключение, что в нас есть нечто имеющее способность мыслить. Но о том, мыслит ли эта субстанция постоянно или нет, мы можем говорить с уверенностью только в той мере, в какой нас учит опыт. Ибо сказать, что действительное мышление существенно для души и неотделимо от нее, значит голословно утверждать как раз то, что ставится под сомнение, а не доказывать разумными доводами; а это необходимо сделать, если мы имеем дело не с самоочевидным положением. Но я призываю все человечество засвидетельствовать вместе со мной, является ли положение «Душа мыслит постоянно» самоочевидным, встречающим всеобщее согласие сейчас же по его сообщению. Я сомневаюсь, мыслил ли я всю прошлую ночь или нет. Так как вопрос идет о факте, то приводить для доказательства предположение, которое именно и является предметом спора,— значит уклоняться от доказательства. Таким путем можно доказывать что угодно. Стоит только предположить, что все часы мыслят, пока стучит маятник, и этого будет достаточно, чтобы считать несомненно доказанным, что мои часы мыслили всю прошлую ночь. Но кто не хочет себя обманывать, тот должен строить свои гипотезы на фактах и доказывать их чувственным опытом, а не предрешать факты на основании своих гипотез, т. е. потому что он предполагает, что это так. Соответственно такому способу доказательства я должен был бы необходимо мыслить всю прошлую ночь, потому что другие полагают, что я постоянно мыслю, хотя я сам не замечаю, чтобы я всегда думал. Но из любви к своим мнениям люди могут не только предполагать то, что подвергается сомнению, но и ссылаться на неверные факты. Как иначе можно было бы вывести из моих слов, будто вещи нет, потому что мы не замечаем ее во сне? Я не говорю, что души нет, потому что мы не замечаем ее во сне; но я говорю, что нельзя мыслить во всякое время — все равно, во время сна или во время бодрствования,— не чувствуя этого. Мы замечаем, что думаем, только благодаря своим мыслям, и ничему иному; и с ними это необходимо связано, и так всегда будет до тех пор; пока мы не окажемся в состоянии мыслить, не сознавая этого...

Д. Толанд

**ХРИСТИАНСТВО БЕЗ ТАЙН, ИЛИ ТРАКТАТ,
В КОТОРОМ ПОКАЗЫВАЕТСЯ, ЧТО В ЕВАНГЕЛИИ
НЕ СОДЕРЖИТСЯ НИЧЕГО ПРОТИВОРЕЧАЩЕГО РАЗУМУ
ИЛИ НЕПОСТИЖИМОГО ИМ И ЧТО НИ ОДИН ДОГМАТ
ХРИСТИАНСТВА НЕ МОЖЕТ БЫТЬ НАЗВАН НЕПОСТИЖИМОЙ
ТАЙНОЙ В ПРЯМОМ СМЫСЛЕ СЛОВА**

(Извлечение)

«1. Люди, особенно в наше время, больше всего шумят о том, что они, по их собственному откровенному признанию, менее всего понимают. Можно легко сделать вывод, что я имею в виду непостижимые тайны христианской религии. Богословы, чья главная забота и состоит в том, чтобы объяснять их другим, почти единодушно признают свое невежество относительно их. Они сурово говорят нам, что мы должны поклоняться тому, чего не можем понять. И тем не менее некоторые из них навязывают свои сомнительные комментарии всем остальным людям с такой самонадеянностью и рвением, которые не могут быть в достаточной мере оправданы, даже если мы будем считать их абсолютно непогрешимыми. Хуже всего то, что они все не имеют единого мнения. Если для одних вы будете *ортодоксом*, то для других — *еретиком*. Тот, кто принимает сторону какой-либо партии, осуждается остальными на муки ада, а если он не поддерживает публично ни одной партии, тогда все выносят ему не менее суровый приговор».

О РАЗУМЕ. «2. Начнем с первого, а именно с разума. Мне представляется очень странным, что люди вообще могут нуждаться в определениях и объяснениях того, при помощи чего они определяют и объясняют все остальное, или что они не в состоянии достичь согласия в отношении того, чем все они — как они сами утверждают — по крайней мере в некоторой степени обладают и что составляет их единственную привилегию по сравнению с животными и неодушевленными существами, на которую они претендуют. Но мы на опыте обнаруживаем, что слово «разум» стало таким же двусмысленным и расплывчатым, как и любое другое; хотя все, кого не щекочет тщеславное стремление к оригинальности и не подзуживает желание поспорить, в глубине души придерживаются в

отношении его одного мнения. Я рассмотрю здесь данный вопрос со всей краткостью, на которую способен.

3. Ошибаются те, кто принимает за разум душу, рассматриваемую абстрактно. Ибо подобно тому как общей идеей золота является не гиней, а любая монета, имеющая определенную стоимость и соответствующее ей внешнее оформление, так и разум не сама душа, а душа, действующая определенным и особым образом. В равной мере заблуждаются те, кто считает разумом тот порядок, связь или отношение, которые естественно существуют между всеми явлениями. Ибо не они, а мысли, которые душа образует относительно явлений в соответствии с существующей между ними связью, отношением и т. д., могут по справедливости претендовать на такое название. Не больше преуспевают и те, кто называет этим словом *свои собственные наклонности* или *авторитет других*. Но более ясное представление о том, что такое разум, будет получено из следующих ниже соображений.

4. Каждый знает на опыте, что обладает определенным свойством, или способностью, образовывать различные идеи или восприятия вещей, выражать утверждение или отрицание в зависимости от того, согласуются ли они, по его суждению, между собой или не согласуются, и тем самым любить и желать того, что кажется для него хорошим, и ненавидеть и избегать того, что представляется злым. Правильное использование всех этих способностей мы и называем здравым смыслом или, вообще говоря, *разумом*. Однако один акт восприятия идей умом, происходит ли это *путем проникновения в него чувств*, например цветов, фигур, звуков, запахов etc., или же эти идеи *будут простыми действиями души* в отношении того, что она как простое *сознание* таким образом получает извне, например *знание, утверждение, отрицание*, без какого-либо дальнейшего их рассмотрения,— повторяю, этот один акт восприятия таких идей умом сам по себе, строго говоря, не является *разумом*, потому что душа при этом остается совершенно пассивной. Когда соответствующий объект годобающим образом представлен глазу, уху или какому-либо другому органу чувств, обладающему необходимым для данного случая восприятием, он необходимо производит такие впечатления, воспринять которые ум в то же самое время не может отказаться. И мы обнаруживаем, что он не может также и воздержаться от осознания своих собственных мыслей или действий относительно данного объекта. Так, когда глаза у меня не болят и я держу их открытыми, как сейчас, у меня не только возникает идея картины, которая находится передо мною, но я также знаю, воспринимаю и утверждаю, что вижу ее, изучаю ее, она мне нравится, я

хотел бы ее иметь. И тем самым я образую или скорее подобным образом я впервые образовал идеи *знания, восприятия, утверждения, отрицания, изучения, хотения, желания* и идеи всех остальных действий ума, которые таким образом вызываются предшествующими им впечатлениями чувственных объектов.

5. Под словом «идея», которое я столь широко и я понимаю непосредственный объект ума, когда он размышляет, или любую мысль, которую применяет ум в отношении чего бы то ни было, будь эта мысль образом какого-либо тела или его изображением, как, например, идея дерева, или же будь она каким-либо ощущением, вызванным каким-либо телом, как, например, идеи холода и тепла, запахов и вкусов, или же, наконец, будь она просто интеллектуальной или отвлеченной мыслью, как, например, идеи бога и сотворенных духов, спора, напряженного ожидания, мышления вообще и тому подобное.

6. Но хотя эти простые и отчетливые идеи, заложенные таким образом в великом хранилище ума, не являются, как было отмечено, тем, что мы называем разумом в строгом смысле слова, тем не менее только они составляют материал и единственную основу всего нашего мышления — рассуждения (*reasoning*), ибо ум в подходящий момент сравнивает их друг с другом, соединяет в сложные идеи и увеличивает, сокращает или отделяет их, когда обнаруживает, позволяют ли это условия их образования или нет. Так что все наше познание в сущности сводится лишь к восприятию согласия или несогласия большего или меньшего числа наших идей, в чем бы ни заключалось это согласие или несогласие. А поскольку это восприятие может быть непосредственным или опосредованным, наше познание может быть двоякого рода.

9. Из этого определения со всей очевидностью следует, что промежуточная идея не может служить доказательством, если ее согласие с обеими идеями затронутого вопроса не является очевидным, и что, если для выявления согласия первоначальных идей потребуется более одной идеи, та же очевидность необходима для каждой из них. Ибо, если соединение всех частей доказательства не будет безупречным, мы вообще не сможем быть уверенными в выводе или заключении, при помощи которого мы соединяем две крайности; так что, хотя самоочевидность исключает разум, тем не менее все доказательство становится в итоге самоочевидным. Еще более очевидно, что, когда у нас нет понятий или идей относительно какой-либо вещи, мы вообще не в состоянии о ней рассуждать; а когда мы не находим идей, даже промежуточных, которые должны показать свое постоянное и необходимое согласие или несогласие, тогда мы вообще не можем идти

дальше вероятности. Хотя у нас есть идея обитаемого и идея Луны, однако у нас нет промежуточной идеи, которая показала бы такую необходимую связь между ними, чтобы мы были несомненно вынуждены прийти к выводу, что упомянутая планета обитаема, каким бы правдоподобным это ни могло казаться. И теперь, поскольку вероятность не является знанием, я изгоняю все гипотезы из своей философии потому что, сколько бы я их ни признал, мои познания не увеличились бы ни на йоту, а, поскольку между моими идеями не выявилось бы никакой очевидной связи, я, возможно, принял бы неверную сторону вопроса за правильную, что равнозначно полному отсутствию знаний по затронутому вопросу. Когда я приобретаю знания, я получаю все удовлетворение, которым они сопровождаются; когда у меня достигнута всего лишь вероятность, тогда я воздерживаюсь от высказывания своего суждения или же, если стоит затратить усилия, ищу несомненность.

Г. Болингброк

**ПИСЬМО II. О ПОДЛИННОЙ ПОЛЬЗЕ
И ПРЕИМУЩЕСТВАХ ИЗУЧЕНИЯ ИСТОРИИ**

(Извлечение)

Позвольте мне сказать кое-что об истории вообще, прежде чем я перейду к рассмотрению ее отдельных частей, различных методов ее изучения и разных точек зрения тех, кто этим изучением занимается, как я уже начал делать в предыдущем письме.

Любовь к истории кажется неотделимой от человеческой природы, потому что она неотделима от любви к самому себе. Именно эта первопричина влечет нас вперед и назад, в будущее и к прошлым векам. Мы воображаем, что вещи, волнующие нас, будут интересовать и потомков: это чувство свойственно человечеству от Цезаря до церковного писца из «Смеси» Попа. Мы любим хранить память (в той мере, в какой позволяют нам наши слабые силы) о ярких событиях нашей собственной жизни, нашего времени и времен, ему предшествовавших. С этой целью народы, еще не знавшие наук и искусств, возводили примитивные каменные курганы и слагали еще более простые песни. Не уходя в слишком далекое прошлое, заметим, что победа Одина воспевалась в рунических песнях, а деяния наших британских предков — в песнях их бардов. Дикари Америки сохраняют этот обычай по сей день, и

на всех их празднествах поются длинные исторические баллады, повествующие об их охотах и войнах. Нет необходимости говорить о том, как усиливается эта страсть среди цивилизованных народов — с ростом возможностей для ее удовлетворения. Но позвольте заметить, что тот же закон природы влечет с той же силой — причем значительно большее число людей и с гораздо более ранних времен — к тому, чтобы насыщать собственное любопытство, вместо того чтобы удовлетворять любопытство других. Ребенок внимает с восторгом сказкам своей няни, он учится читать и пожирает с жадностью невероятные легенды и рассказы; в более зрелом возрасте он усердно занимается историей или тем, что он принимает за историю, — официальным вымыслом; и даже в старости желание узнать, что произошло с другими людьми, уступает лишь желанию узнать, что произошло с нами самими. Таким образом, история, подлинная или мнимая, всегда что-то говорит нашим чувствам. Как жаль, милорд, что даже самая лучшая история так редко говорит что-либо нашему разуму! За это мы не должны винить никого, кроме самих себя. Природа сделала свое дело. Она предоставила возможность изучать историю каждому, кто умеет читать и думать; и то, что она сделала наиболее приятным, разум может сделать наиболее полезным с помощью ума. Но если мы призовем на помощь разум, мы не станем следовать (в этом, как и в большинстве других случаев) примерам наших ближних, столь гордых своей рассудительностью. Мы не будем заниматься чтением ради того, чтобы ублажать свою праздность или потакать своему тщеславию; столь же мало удовлетворимся мы, подобно грамматикам и критикам, черной работой, чтобы другие — философы и государственные мужи — могли заниматься историей с большей легкостью и выгодой для себя; столь же мало будем мы стремиться к сомнительной чести стать великими учеными ценой пожизненных блужданий в темных лабиринтах древности.

Все они ошибаются относительно подлинного смысла изучения и подлинной пользы истории. Природа дала нам любознательность, чтобы возбудить деятельность нашего ума. Однако она вовсе не стремилась к тому, чтобы удовлетворение любознательности стало главной, еще менее — единственной целью его употребления.

Истинная и надлежащая цель применения ума состоит в том, чтобы постоянно совершенствовать личную и общественную добродетель. Любые умственные занятия, не ведущие прямо или косвенно к тому, чтобы сделать нас лучшими людьми и гражданами, — это в лучшем случае лишь лицемерная и хитроумная разновидность безделья, говоря словами Тиллотсона; и знание, получаемое нами таким путем, есть не что иное, как похвальный вид

невежества. Этот похвальный вид невежества, по моему мнению, и есть та польза, которую извлекает большинство людей, даже наиболее ученых, из занятий историей. И тем не менее изучение истории кажется мне из всех других занятий наиболее подходящим, чтобы воспитывать в нас личную и общественную добродетель.

Ваша светлость вполне может теперь, после столь многих смелых суждений с моей стороны, быть готовой спросить меня, в чем же тогда заключается истинная польза истории? Каким образом она может служить тому, чтобы мы становились лучше и мудрее? И какого метода следует придерживаться при ее изучении, чтобы достигнуть этих великих целей?

Я отвечу Вам, процитировав то, что прочел где-то у Дионисия Галикарнасского. Я думаю, что история — это философия, которая учит нас с помощью примеров 3. Нам достаточно бросить взгляд на окружающий нас мир, чтобы увидеть каждодневное воздействие силы примера; достаточно обратить свой взор вовнутрь, чтобы сразу обнаружить, почему пример обладает такой силой. *Pauci prudentia, —* говорит Тацит, *— honesta ab deterioribus, utilia ab noxiis discernunt: plures aliorum eventis docentur* (Немногие различают разумом честное и низкое, полезное и вредное, большинство учится на чужой судьбе).

Таково несовершенство человеческого мышления, таков наш склад ума, что абстрактные или общие суждения, даже абсолютно правильные, кажутся нам очень часто темными или сомнительными, пока они не будут растолкованы с помощью примеров, что мудрейшие наставления в пользу добродетели лишь в малой степени убеждают рассудок и побуждают волю, пока они не подкреплены конкретными фактами, и тогда мы вынуждены усваивать по отношению к себе то, что происходило с другими людьми.

Обучение с помощью предписаний обладает и тем недостатком, что опирается на чужой авторитет и нередко требует длинной цепи умозаключений. *Nomines amplius oculis, quam auribus credunt: longum iter est per praescepta, breve et efficax per exempla* (Люди больше верят глазам, чем ушам: долог путь наставлений, краток и убедителен путь примеров).

Основанием для этого суждения, которое я цитирую из послания Сенеки 4 в подтверждение собственной точки зрения, служит, я думаю, вот что: когда нам приводят примеры, то они как бы обращены к нашим чувствам и рассудку, что нам льстит. В этом случае знания словно исходят от нас самих: мы сами формулируем общее правило, исходя из своего личного опыта, и уступаем фактам, противясь абстрактным построениям. Но это не единственное преимущество обучения с помощью примера, ибо пример воздействует не только на наш рассудок, но в такой же степени и на чувства. Он успокаивает

их или возбуждает, объединяет чувство с рассудком и делает человека более цельным, а это больше того, что могут достичь самое убедительное рассуждение и самое ясное доказательство. Таким образом, формируя привычки путем повторения, пример обеспечивает соблюдение тех предписаний, которые примером же были внушены.

Разве, милорд, не Плиний сказал, что наиболее мягкий (ему надо было бы добавить — и наиболее эффективный) способ управления — с помощью примера? *Mitius jubetur exemplo* (Пример — это более краткий приказ).

Самые суровые приказы смягчаются примером, и даже жестокость выглядит оправданной. Как жаль, что так мало государей усвоило этот метод управления! С другой стороны, сила примера не ограничена только тем, что происходит непосредственно перед нашими глазами. Примеры, которые подсказывает нам память, в известной степени производят тот же эффект, и привычка вспоминать их вскоре порождает привычку им подражать. В том же послании, из которого я уже цитировал отрывок, Сенека говорит, что Клеанф никогда бы не стал столь совершенным подобием Зенона, если бы не провел свою жизнь с ним, что Платону, Аристотелю и другим философам этой школы больше дал пример Сократа, чем его беседы. (Но тут, между прочим, Сенека ошибся, ибо Сократ умер, по одним сведениям, за два года, по другим — за четыре до рождения Аристотеля в: ошибка могла произойти из-за небрежности тех, кто подбирал ему сведения, как замечает Эразм, вслед за Квинтилианом, давая оценку Сенеке. Впрочем, этот факт едва ли заслуживает упоминания) Сенека добавляет, что Метродор, Гермарх и Полиэн — люди, пользовавшиеся большой известностью, — сформировались, живя под одной крышей с Эпикуром, а не посещая его школу. Вот случаи, демонстрирующие силу непосредственного примера. Но Ваша светлость знает, что граждане Рима ставили изображения предков в вестибюлях своих домов, так что когда бы они ни входили или выходили из дома, глазам их представляли эти почитаемые изваяния и напоминали о славных делах умерших, дабы воспламенить дух живых, побудить их к подражанию и даже к тому, чтобы превзойти своих великих предков. Успех соответствовал замыслу. Добродетель одного поколения благодаря магическому воздействию примера передавалась другим, и дух героизма сохранялся в течение многих веков существования этого государства. Таковы факты, доказывающие силу отдаленного — во времени — примера, и они позволяют сделать вывод, что необходимы примеры обоих видов.

Школой примера, милорд, является весь мир, а наставники в этой школе — история и опыт. Я отнюдь не склонен утверждать, будто первая предпочтительнее последнего. Я смотрю на это иначе, но все же скажу, что

история абсолютно необходима, чтобы подготовить нас к усвоению опыта и сопровождать нас, пока мы приобретаем его, т. е. в течение всей нашей жизни. Конечно, можно назвать отдельных людей, которым природа дала то, что искусство и прилежание не в состоянии дать никому. Но подобные случаи нисколько не опровергают меня, ибо я допускаю, что изучение истории без наличия жизненного опыта недостаточно, но я утверждаю, что и сам опыт неполноценен при отсутствии таланта. Талант предпочтительнее и того и другого. Но я бы хотел видеть всех их троих вместе, ибо как бы ни был велик талант и как бы ни возрастали свет и тепло, излучаемые им на его стремительном пути, несомненно, что он никогда не будет сиять полным блеском и не распространит своего влияния в той мере, на какую способен, если к личному опыту он не присоединит опыт других людей и других веков. Талант, не обогащенный жизненным опытом,— это то, чем когда-то считались кометы: сверкающий метеор, не подвластный общему закону движения и опасный, когда к нему приближаются, бесполезный для любой системы и любую способный разрушить.

Обыкновенные сыны земли, если они обладают опытом, не имея представления об истории,— лишь полузнайки в науке о человечестве. Если же они разбираются в истории, не обладая опытом, они более чем невежественны; они — педанты, иногда назойливые и самонадеянные, но всегда ограниченные.

Человек, обладающий всеми тремя достоинствами, является гордостью своей страны и благом для общества. Таким, я уверен, Ваша милость будет в нынешнем веке, как Ваш прадед (граф Кларендон) был в прошлом.

Я остановился на этом вопросе несколько дольше и проводил эти различия более подробно, потому что, хотя я и придаю изучению истории гораздо большее значение, чем многие, мне все же не хотелось бы по доброй воле смехотворно преувеличивать результаты этих занятий, как делали некоторые, начиная с Туллия и кончая Касобоном, Ла Мот ле Вайе и другими современными педантами. Когда Туллий сообщает нам во второй книге своих «Тускуланских бесед», что Сципион Африканский Старший всегда держал в руках труды Ксенофонта, он высказывает только то, что вероятно и допустимо. Не говоря об отступлении десяти тысяч и о других сочинениях Ксенофонта, образы добродетели, запечатленные в таком замечательном полотне, как «Киропедия», были пригодны для того, чтобы их восприняла душа, исполненная добродетели, и Кир был достоин подражания Сципиона. Так Селим стремился превзойти Цезаря, чьи комментарии были переведены специально для него в нарушение обычаев турок; так Цезарь соревновался с Александром, а Александр — с Ахиллом. Здесь нет ничего смешного, кроме

того, как используют это место те, кто его цитирует. Но то, что говорит тот же Туллий в четвертой книге своих академических рассуждений относительно Лукулла, кажется мне весьма примечательным: *In Asiam factus imperator venit; cum esset Roma profectus rei militaris rudis*; (Он прибыл в Азию законченным полководцем, хотя, выезжая из Рима, был в военном деле совершенным новичком) можно было бы приписать столь внезапную перемену и столь значительное совершенствование чуть ли не наитию свыше, если бы в том же месте не разъяснялось, что все это достигнуто с помощью самых естественных средств, доступных каждому: *partim in percontando a peritis partim in rebus gestis legendis* (Частично расспрашивая опытных людей, частично читая о чужих подвигах).

Лукулл своим поведением, согласно этому рассказу, подтвердил тот упрек в адрес римской знати, который Саллюстий вложил в уста Мария. Но подобно тому как я в одном случае обнаруживаю пристрастность Мария и предвзятость его отношения к патрициям, так в другом случае я вижу лукавство Туллия и его необъективность по отношению к самому себе. Лукулл, после того как его избрали консулом, в результате интриг получил в управление Киликию и таким образом оказался в роли командующего римской армией против Митридата. Впоследствии Туллий находился на том же посту, и хотя перед ним не было ни Митридата, ни какого-либо другого серьезного противника, хотя все его воинские подвиги сводились к стычкам с шайками горцев и ограблению диких киликийских племен, он усвоил манеры завоевателя и описывал свои действия в таком пышном стиле, что все это выглядело смехотворно.

Правда, в одном из писем Аттику он посмеивается над своими полководческими талантами, но если мы обратимся к его письмам на ту же тему к Целию Руфу и Катону или к письмам, адресованным Аттику, в которых он возмущается Катонем из-за того, что тот не внес предложения оказать ему почести, обычно воздаваемые завоевателям, мы сможем убедиться, как вскружило ему голову тщеславие и как бесстыдно он домогался триумфа. Таким ли уж натянутым кажется теперь предположение, что он хотел намекнуть в том отрывке о Лукулле, который я приводил, что разница между ним и прежним правителем Киликии в смысле военных заслуг вызвана лишь различием обстоятельств и что Лукулл не смог бы в то время в Киликии добиться большего, чем сделал он сам. Цицерон читал, и, по крайней мере, ничуть не меньше расспрашивал Лукулла, и потому проявил бы себя столь же великим полководцем, доведись ему столкнуться с таким же великим правителем, как Митридат. Правда же состоит в том, что теория или изучение истории сами по себе сделали Лукулла великим полководцем ничуть не в

большой степени, чем чтение Ливия и Квинта Курция излечило Фердинанда Испанского и Альфонса Неаполитанского от смертельных болезней,— глупая сказка, которую подхватили и распространили Боден, Амьо и другие. Лукулл в юности участвовал в борьбе с марсами, а возможно, что и в других войнах, и Сулла рано заметил его; он отправился на Восток вместе с этим военачальником и пользовался у него большим доверием. Он руководил несколькими экспедициями. Именно он вернул свободу колофонянам и подавил восстание жителей Митилены.

Итак, мы видим, что опыт формировал Лукулла так же, как и изучение книг, причем опыт, приобретенный в тех самых странах, где он впоследствии снискал столько лавров, сражаясь с тем же противником. Покойный герцог Мальборо наверняка не читал Ксенофонта, а возможно, что и ни одной истории современных войн, но в юности он служил под командованием де Тюрэнна, и я слышал, что этот великий человек обратил на него внимание еще в те ранние годы. Впоследствии он руководил экспедицией в Ирландию, участвовал, если не ошибаюсь, в одной или двух кампаниях во Фландрии под предводительством короля Вильгельма и, кроме этих случаев, не имел военного опыта, пока не возглавил наши армии в 1702 г. и одержал победу не над азиатскими войсками, но над испытанными армиями Франции. На стороне римлянина были талант и опыт, подкрепленный знаниями, полученными благодаря чтению, британец же имел талант, обогащенный собственным опытом, и ничего более. Первый поэтому не является доказательством того, что может дать одно лишь изучение книг; второй же—пример того, чего способны достичь талант и опыт без помощи книг. Они могут сделать столь многое, разумеется, если налицо высшая степень одаренности. Но это бывает крайне редко, а когда случается, то все же верно то, что такие люди имели бы меньше недостатков и больше приблизились бы к совершенству в личных и общественных добродетелях, во всех мирных делах и на военном поприще, если бы расширили свой кругозор и облагородили свои чувства, приобретя тот образ мыслей и склад ума, которые формируются и становятся привычными у каждого, кто обращается с ранних лет к изучению истории, а также философии, намереваясь стать мудрее и лучше, а не стремясь к показной учености.

Склад ума и определенное направление, т. е. посев семян тех духовных качеств, которые бессильны целиком изменить природные свойства, но способны исправить дурное и улучшить хорошее, что в них есть (или же наоборот), вырабатываются рано — намного раньше, чем обычно полагают. Равным образом несомненно, что мы приобретаем или не приобретаем опыт и становимся от этого лучше или хуже, вступая в мир и смешиваясь с остальным

человечеством в прямой зависимости от характера ума и образа мыслей, которые мы получили в прошлом и берем с собой в дорогу. Они наложатся на все наши будущие жизненные впечатления, так что один и тот же опыт, который у одного человека вызовет осуждение или побудит его к добродетельной жизни, другого вовлечет в ошибку и ввергнет в порок. Отсюда следует, что изучение истории дает в этом отношении двойное преимущество. Если один только опыт позволяет нам достичь совершенного исполнения жизненных ролей, то все же он не может начать обучать нас этим ролям до того, как мы вышли на сцену. Если же предварительно обратиться к истории, то мы, по крайней мере, разучим роли до нашего выхода, и тогда, в какой-то мере подготовленные, мы учим наши роли быстрее и лучше.

Позвольте мне объяснить, что я имею в виду под примером. Едва ли найдется более распространенный среди сынов человеческих порок или безрассудство, чем тот смешной и вредный вид тщеславия, который заставляет представителей той или иной страны предпочитать соотечественников жителям других стран и делать собственные обычаи, нравы и мнения мерилom того, что справедливо или несправедливо, истинно или ложно. Китайские мандарины были необыкновенно удивлены и заподозрили, что их обманывают, когда иезуиты показали им, сколь малую площадь на карте мира занимает их империя. Самоеды очень удивлялись тому, что царь Московии не живет среди них, а готтентот, вернувшийся из Европы, едва оказавшись дома, разделся догола, надел свои браслеты из кишок и требухи и поспешил погрузиться в грязь и вонь.

Между тем ничто не сможет лучше предохранить нас от влияния этого тщеславного чувства, чем рано приобретенная привычка изучать различные народы мира на том обширном полотне, которое разворачивает перед нами история, наблюдать их возвышение и падение, знакомиться с ними в их варварском и цивилизованном состоянии, с тем, чем все они похожи и непохожи друг на друга и каждый из них — на нас. Если часто возвращаться мысленно к подобной картине, то мексиканец с его головным убором и платьем из перьев, приносящий человеческие жертвы своему богу, покажется нам дикарем ничуть не больше, чем испанец со шляпой на голове и гонильей вокруг шеи, приносящий целые народы в жертву своему властолюбию, жадности и даже капризам своей жестокости. Я бы мог показать на массе других примеров, как история готовит нас к житейской практике и дает нам ориентиры в ней,— многие примеры были бы и любопытны, и поучительны. Я мог бы привести и ряд других случаев, когда история помогает избавиться от национальных пристрастий и предрассудков, которые мы склонны приобретать в детстве благодаря воспитанию и которые жизненный опыт

скорее усиливает, чем рассеивает, ибо он большей частью весьма ограничен, как и наше воспитание. Но я боюсь быть слишком многословным и потому ограничусь замечанием, что хотя раннее и должным образом поставленное обучение истории чрезвычайно содействует ограждению нашего ума от смехотворного пристрастия к собственной стране и порочного предубеждения против других, тем не менее те же самые занятия порождают в нас чувство особой привязанности к своему отечеству. Существует рассказ об Абгаре. Как передают, он привез в Рим нескольких зверей, пойманных в разных местах, и выпустил их перед Августом. Каждое животное немедленно бросилось в ту часть цирка, куда положили горсть земли, взятой с его родины. *Credat Judaeus Apella* (Одному иудею Апелле).

Эта история, возможно, восходит к Иосифу, так как, мне кажется, у него я ее прочел, но, конечно, наша любовь к отечеству - это урок, преподанный разумом, а не врожденное качество. Воспитание и привычка, обязанности и польза, а не инстинкт привязывают нас к нему. Тем не менее любовь к отечеству столь необходимо насаждать, и процветание всех наций, как и величие некоторых, в такой мере от этого зависят, что ораторы своим красноречием, а поэты энтузиазмом постарались превратить это нравственное требование в источник страстей. Но примеры, которые мы находим в истории и которые живость описания и справедливые похвалы или порицания историков сделали еще более яркими, дадут гораздо больший и более длительный эффект, чем декламация или песня, или сухие этические рассуждения чистой философии. Короче говоря, беседовать с историками - значит находиться в хорошем обществе; многие из них были превосходными людьми, а те, кто не был, позаботились о том, чтобы таковыми казаться в своих сочинениях. Потому мы, видимо, и извлекаем немалую пользу из этого собеседования, что готовимся к собеседованию с самой жизнью. Мы получаем первые впечатления и приобретаем первые привычки на сцене, где добродетель и порок являются нам в тех одеждах, которые действительно им присущи, прежде чем мы вступим на другую сцену, где добродетель и порок слишком часто смешиваются и то, что типично для одного, приписывается другому.

Помимо того, что мы начинаем знакомиться с человечеством заблаговременно и приносим с собой в мир и мирские дела такой образ мыслей и такой склад ума, которые помогут нам лучше использовать жизненный опыт, изучение истории имеет еще и то преимущество, что совершенствование, осуществляемое с ее помощью, распространяется на более широкий круг явлений и обеспечивается за счет других людей, тогда как совершенствование,

являющееся результатом личного жизненного опыта, ограничено более узкими рамками и достигается лишь нашими собственными усилиями.

Если же беспристрастно сопоставить оба вида совершенствования, то, хотя последний и более ценен, все же, если учесть, что история предоставляет нам гораздо больше примеров, а с другой стороны, посчитать, во что нам нередко обходится наш опыт, цена первого, несомненно, возрастает. «Я записал эти события, - говорит Полибий после сообщения о поражении Регула, - чтобы тем, кто прочтет эти хроники, они послужили бы во благо; ибо для всех людей открыты два пути совершенствования: один - это собственный опыт, второй - опыт других».

Evidentior quidem ilia est, quae per propria ducit infortunia, at tutior ilia, quae per aliena (Более нагляден путь, который ведет через собственный горький опыт, более безопасен - тот, что через чужой). Далее Полибий делает вывод, что «так как первый путь сопряжен для нас с большими трудами и опасностями, а второй приводит к столь же благоприятным результатам и не подвержен никаким несчастным случайностям, каждый должен считать несомненным, что изучение истории - лучшая школа, которая может научить, как вести себя во всех случаях жизни». Регул видел в Риме много примеров великодушия, бережливости, презрения к богатству и других добродетелей, и этим добродетелям он следовал. Но он не усвоил или не имел случая усвоить другой урок, которому часто нас учит история, - урок умеренности. Ненасытная жажда воинской славы, безграничное стремление расширить свое государство, абсолютная уверенность в своей храбрости и силе, высокомерное презрение к врагам, пылкость и неустрашимость в осуществлении своих предприятий составляли в ту пору отличительные черты римлянина. Что бы ни решили сенат и народ, то представлялось римским гражданам и реально осуществимым, и справедливым. Ни трудности, ни опасности не могли остановить их, и их мудрецы еще не пришли к выводу, что добродетели, которых избыток, превращаются в пороки. Несмотря на прекрасную тираду, которую Гораций вкладывает в его уста, я не сомневаюсь, что Регул усвоил В; Карфагене те уроки умеренности, которые он не получил в Риме; но он усвоил их на опыте, и плоды этого опыта созрели слишком поздно и обошлись слишком дорого, ибо они стоили полного разгрома римской армии, продолжения ожесточенной войны, которая могла бы быть закончена почетным миром, потери свободы для тысяч римских граждан, а самому Регулу - мучительной гибели (если только полностью доверять тому, что, возможно, преувеличено римскими авторами).

Есть и другое преимущество, связанное с изучением истории и заслуживающее нашего внимания. О нем я скажу здесь не только из-за его

важности, но потому, что оно позволяет мне непосредственно перейти к природе совершенствования, к которому надо стремиться, и к методу, с помощью которого, как мне кажется, мы должны совершенствоваться, - к двум частным вопросам, которые, возможно, дадут повод Вашей светлости считать, что я делаю слишком длинные отступления.

Преимущество, о котором я говорю, состоит в том, что примеры, предоставляемые нам историей, -- как в виде людей, так и событий - обычно имеют законченный характер: весь пример целиком раскрыт перед нами, - а следовательно, и весь урок или несколько уроков, которые философия намерена извлечь для нас из этого примера. Что касается людей, то история обнаруживает подробности их жизни, и обычно в освещении посредника, во всяком случае, менее пристрастного, чем опыт, ибо я представляю, что какой-нибудь виг или тори, пока эти партии существуют, осудил бы в Сатурнине тот дух раздора, который он восхваляет в собственных трибунах, и одобрил бы в Друзе дух умеренности, проявления которого он презирает в представителях противоположной партии и подозревает и ненавидит в своей партии.

Негодяй, который сумел ввести в заблуждение человечество с помощью силы или хитрости и с которого жизнь до поры до времени не могла сорвать маску, в конце концов бывает разоблачен; честный же человек, неверно понятый или обесславленный, бывает оправдан прежде, чем завершится его жизненный путь. Но если этого не происходит, если же негодяю удастся сохранить маску до самой смерти и он умирает среди восхвалений и почестей, на вершине богатства и власти, а честный человек - под тем же грузом клеветы и бесчестия, под которым он жил, быть может, изгнанный из своей страны и вынужденный терпеть лишения, то все же в конце концов историческая справедливость торжествует: в последующие века имя одного ожидает позор, а другого - прославление в панегириках.

Praecipuum munus annalium geog, ne virtutes sileantur; utque pravis dictis factisque ex posteritate et infamia metus sit (Основная обязанность анналов - не умалчивать о добродетелях и чтобы бесчестным словам и поступкам грозил страх перед потомством и бесславием). Так, согласно Тациту и согласно истине, от которой его суждения редко отклоняются, основная задача истории состоит в том, чтобы учредить трибунал, подобный тому (упомянутому Диодором Сицилийским), что был у египтян; в нем обычные люди и даже правители предстают после смерти перед судом, где их осуждают или оправдывают, и те, кто не был наказан за преступления и кто не удостоился почестей за свои добродетели, получают заслуженное воздаяние. Приговор произносится подчас слишком поздно для исправления и восстановления справедливости, но все же своевременно для того, чтобы эти примеры стали

поучительными для всего человечества. Так, Цицерон, если уж обратиться к одному примеру из тысячи и воздать должное натуре этого великого человека в целом, конкретную слабость которого я так откровенно осудил, Цицерон, говорю я, был покинут Октавианом и зарезан Антонием. Но пусть любой, прочтя отрывок из Ареллия Фуска, сам выберет, кем бы ему хотелось быть - оратором или триумвиром: *Quoad humani genus incolime manserit, quandum usus Uteris, honor summae eloquentiae pretium erit, quamdiu rerum natura aut fortuna steterit, aut memoria duraverit, admirabile posteris vigebis ingenium, et uno proscriptus seculo, proscribes Antonium omnibus* (Доколе будет существовать род человеческий, покуда будет в употреблении грамота, а наградой величайшему красноречию будет почет, пока пребывают природа или судьба или длится память, ты будешь цвести удивительным для потомства очарованием, и, проскрибированный в один век, проскрибировать Антония навеки).

Вернемся, однако, к событиям, запечатленным в анналах истории: они все перед нами, мы видим, как они следуют друг за другом или как обуславливают друг друга - как причины или следствия, прямые или отдаленные. Мы словно возвращаемся в минувшие столетия - имеем дело с людьми, которые жили до нас, и попадаем в страны, которых никогда не видели. Так для нас расширяется пространство и продлевается время, и человек, который с раннего возраста посвящает себя изучению истории, может приобрести за несколько лет, прежде чем он вступит в самостоятельную жизнь, не только более широкие представления о человечестве, но и впитать в себя опыт большего числа столетий, чем кто-либо из патриархов. События, свидетелями которых мы становимся в течение самой долгой жизни, кажутся нам очень часто ни на что не похожими, необусловленными, единственными в своем роде и невзаимосвязанными, если я могу употребить такое выражение за неимением лучшего в английском языке (по-французски я бы сказал *isoles* - единичные, разрозненные, изолированные - они очень часто кажутся таковыми). Мы именуем их случайностями и рассматриваем как игру случая - слово, которое, между прочим, постоянно употребляется и нередко лишено точного смысла. Мы преодолеваем сегодняшнее затруднение, используем, насколько в наших силах, мгновенное преимущество и не заглядываем вперед. Опыт не может вести нас дальше, ибо он в состоянии лишь ненамного повернуть вспять, чтобы обнаружить причины; а следствие не является объектом опыта до тех пор, пока оно не наступило. Отсюда неизбежны многие ошибки в суждении и, как результат, в поведении. и здесь также кроется различие между историей и опытом, о котором уже говорилось. Преимущество истории двояко. В древней истории, как мы уже замечали,

примеры, которые в течение жизни остаются незавершенными, выступают в законченной форме. Мы видим начало, последовательное развитие и конец не только отдельных царствований (не говоря уже об отдельных исторических акциях или политических курсах), но правительств, наций, империй и разнообразных укладов, сменяющих друг друга. В новой истории примеры могут быть и иногда бывают незавершенными, но в этом случае у них есть то преимущество, что они способствуют завершению примеров, относящихся уже к нашему времени. Опыт вдвойне несовершенен: мы рождаемся слишком поздно для того, чтобы видеть начало, и умираем слишком рано для того, чтобы видеть конец многих явлений. История восполняет оба эти недостатка.

Новая история обнаруживает причины в тех случаях, когда опыт позволяет разглядеть лишь следствия, древняя же история дает нам возможность догадываться о следствиях в тех случаях, когда опыт раскрывает только причины. Разрешите мне объяснить, что я имею в виду, с помощью примеров каждого из названных двух родов: первый - из прошлого, второй - по сути дела из настоящего.

Когда произошла революция 1688 г., лишь немногие из живших тогда людей, как я полагаю, заходили в поисках ее причин дальше сумасбродного покушения короля Якова на религию и свободу своего народа. Его прежнее поведение и некоторые эпизоды, относящиеся к правлению Карла Второго, могли еще являться для некоторых тягостным воспоминанием, но не могли всерьез приниматься во внимание как причины его низложения, ибо он, невзирая на указанные обстоятельства, наследовал трон мирным путем. И нация в целом, и даже многие из тех, кто мог бы выступить за то, чтобы лишить его трона, жаждали или, по крайней мере, просто хотели, чтобы он продолжал царствовать. В этом факте, без сомнения, много поучительного для королей и народа Британии. Но данный пример, изложенный в такой форме и ограниченный рамками опыта того времени, несовершенен.

Дурное управление короля Якова сделало революцию необходимой и реальной. Но его дурное управление, как и все предшествующее поведение, было вызвано его приверженностью к папизму и к принципам деспотического управления, от которых никакие предостережения не могли заставить его отказаться. Его слепая преданность тому и другому была связана с изгнанием королевской семьи, что в свою очередь явилось следствием узурпации Кромвеля. Кромвелевская же узурпация вытекала из предшествующего мятежа, начатого - не без основания из-за притеснений и ограничений свободы, а также - уже без всяких оснований - и по религиозным причинам. Находясь в изгнании, наши государи не избегли папистской заразы и иностранного политического влияния. Мы сделали их непригодными для того,

чтобы управлять нами, а после этого были вынуждены их призвать, чтобы они спасли нас от анархии. Необходимо было поэтому, как видит Ваша светлость, во время революции, а еще более в наше время заглядывать в глубь истории, по крайней мере, до пределов, указанных мной, а может быть, и дальше - вплоть до начала царствования Якова I, чтобы сделать это событие законченным примером и извлечь все мудрые, честные и полезные как для короля, так и для подданного уроки, которые в нем содержатся в изобилии.

Другой пример возьмем из эпохи, наступившей после революции. Мало кто тогда заглядывал вперед достаточно далеко, чтобы предвидеть неизбежные последствия новой системы государственных доходов, созданной вскоре после нее, а также метода государственного долга введенного немедленно, которые, при всей их абсурдности, продолжали действовать с тех пор, пока стало почти невозможно их изменить. Мало кто, говорю я, предвидел, насколько создание государственного долга и увеличение из года в год налогов будет усиливать власть короны и создавать для наших свобод, в результате естественного и неизбежного хода вещей, опасность более реальную, хотя и менее очевидную, чем та, которой они подвергались до революции.

Чрезвычайно дурное ведение дел с самого начала царствования Вильгельма, которое заложило основу всего, что мы испытываем сейчас и чего опасаемся в будущем, было результатом не ошибки и неведения или того, что мы называем случайностью, но умысла и тайного плана тех, кто стоял у власти в то время. Тем не менее, я не столь недоброжелателен, чтобы думать, будто они намеренно навлекали на свою страну все то зло, которое мы, пришедшие им на смену, испытываем и осознаем. Нет, меры, которые они принимали, были разрозненными и невзаимосвязанными или имели в виду какую-то непосредственную цель. Привлечь людей к новому правительству, приглашая их в компаньоны, - в этом заключался государственный интерес для одних; идея создания нового, т. е. денежного, интереса для противодействия земельным интересам (или как средство их уравновесить) и приобретения решающего влияния, по крайней мере, в лондонском Сити путем создания крупных корпораций - в этом для других заключался партийный интерес. И я не сомневаюсь, что возможность накапливать огромные состояния путем манипуляций с государственными ценными бумагами, торговли векселями и всевозможных спекуляций отвечала соображениям личной выгоды тех, кто поддерживал и совершенствовал эту систему зла, если не тех, кто ее придумал.

Дальше они не заглядывали. Более того, мы, сменившие их и долго пожинавшие горькие плоды насажденной ими коррупции, были далеки от того, чтобы поднять из-за грозящих нам бед и опасностей тревогу в таком

масштабе, какого они заслуживали, пока наиболее отдаленные и пагубные последствия явлений, вызванных к жизни предшествующим поколением, не приблизились настолько, что стали чуть ли не объектом нашего опыта. Ваша светлость, я уверен, сразу заметит, насколько соответствующее размышление над событиями прошлого, как они запечатлены в анналах нашей и других стран, могло бы удержать свободный народ от передачи верховному магистрату права единолично распоряжаться столь большими доходами и единолично назначать легионы чиновников, осуществляющих его управление. Для этого, конечно, не осталось никакого предлога, стоило только назначить государю жалованье - и общественный доход перестал быть в каком-либо смысле его доходом, а общественные расходы - его расходами. Позвольте мне добавить, что и прежде и теперь больше подобало бы и меньше противоречило - если не более соответствовало бы - принципам, а также практике нашего правительства лишить государя такой власти и влияния или разделить их с ним, чем исключать людей из имеющих право представлять своих соподданных, которые выбирают их в парламент, на том лишь основании, что они состоят у государя на службе и пользуются его доверием.

Ваша светлость видит, что необходимое размышление над опытом иных веков и стран приводит к выводу не только о порче нравов нашей нации как естественном и неизбежном следствии передачи короне управления столь большими доходами, но и об утрате свободы как естественном и необходимом следствии общенациональной порчи нравов.

Эти два примера достаточно хорошо объясняют то, что они должны объяснить. В связи с этим остается лишь указать на различие между двумя способами, которыми история восполняет недостатки нашего опыта. Она показывает нам и причины явлений, и их прямые последствия, она же помогает нам предугадывать будущие события. Большого она не в состоянии сделать по самой природе вещей. Лорд Бэкон во второй книге «Развития науки», имея в виду, как я полагаю, то, что Филон и Иосиф утверждали о Моисее, заявляет, что священная история обладает прерогативой рассказывать о фактах как до того, как они произошли так и после этого. Но поскольку времена пророчеств и чудес миновали, мы должны довольствоваться догадками о том, что будет, исходя из того, что было; в нашем распоряжении нет других средств, и история нам их предоставляет. Как нам совершенствовать и применять эти средства и как овладеть ими, будет более подробно показано в другом письме.

Дж. Беркли

ТРАКТАТ О ПРИНЦИПАХ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ЗНАНИЯ

(Извлечение)

«Для всякого, кто обозревает объекты человеческого познания, очевидно, что они представляют из себя либо идеи, действительно воспринимаемые чувствами, либо такие, которые мы получаем, наблюдая эмоции и действия ума, либо, наконец, идеи, образуемые при помощи памяти и воображения, наконец, идеи, возникающие через соединение, разделение или просто представление того, что было первоначально воспринято одним из вышеуказанных способов. Посредством зрения я составляю идеи о свете и цветах, об их различных степенях и видах. Посредством осязания я воспринимаю твердое и мягкое, теплое и холодное, движение и сопротивление, и притом более или менее всего этого в отношении как количества, так и степени. Обоняние дает мне запахи; вкус – ощущение вкуса; слух – звуки во всем разнообразии по тону и составу. Так как различные идеи наблюдаются вместе одна с другою, то их обозначают одним именем и считают какой-либо вещью. Например, наблюдают соединенными вместе определенный цвет, вкус, запах, форму, консистенцию, – признают это за отдельную вещь и обозначают словом яблоко, другие собрания идей составляют камень, дерево, книгу и тому подобные чувственные вещи, которые, смотря по тому, приятны они или неприятны, вызывают страсти ненависти, радости, горя и т.п.

Но рядом с этим бесконечным разнообразием идей или предметов знания существует равным образом нечто познающее или воспринимающее их и производящее различные действия, как-то: хотение, воображение, воспоминание. Это познающее деятельное существо есть то, что я называю умом, духом, душою или мной самим. Этими словами я обозначаю не одну из своих идей, но вещь, совершенно отличную от них, в которой они существуют, или, что то же самое, которой они воспринимаются, так как существование идеи состоит в ее воспринимаемости.

Все согласятся с тем, что ни наши мысли, ни страсти, ни идеи, образуемые воображением, не существуют вне нашей души. И вот для меня не менее очевидно, что различные ощущения или идеи, запечатленные в чувственности, как бы смешаны или соединены они ни были между собой (т.е. какие бы предметы ни образовали), не могут существовать иначе как в духе, который их воспринимает. Я полагаю, что каждый может непосредственно убедиться в этом, если обратит внимание на то, что подразумевается под термином

существует в его применении к осязаемым вещам. Когда я говорю, что стол, на котором я пишу, существует, то это значит, что я вижу и осязаю его; и если б я вышел из своей комнаты, то сказал бы, что стол существует, понимая под этим, что, если бы я был в своей комнате, то я мог бы воспринимать его, или же что какой-либо другой дух действительно воспринимает его. Здесь был запах – это значит, что я его обонял; был звук – значит, что его слышали; были цвет или форма – значит, они были восприняты зрением или осязанием. Это все, что я могу разуметь под такими или подобными выражениями. Ибо то, что говорится о безусловном существовании немыслящих вещей без какого-либо отношения к их воспринимаемости, для меня совершенно непонятно. Их esse есть percipi, и невозможно, чтобы они имели какое-либо существование вне духов или воспринимающих их мыслящих вещей...»

«При тщательном исследовании этого предположения, может быть, окажется, что оно в конце концов зависит от учения об абстрактных идеях. Ибо может ли быть более тонкая нить абстрагирования, чем отличие существования осязаемых предметов от их воспринимаемости так, чтобы представлять их себе как существующие невоспринимаемыми? Свет и цвета, тепло и холод, протяжение и формы, словом, все вещи, которые мы видим и осязаем, – что они такое, как не разнообразные ощущения, понятия, идеи и чувственные впечатления? И возможно ли даже мысленно отделить которую-либо из них от восприятия? Что касается меня, то мне было бы также легко отделить какую-нибудь вещь от себя самой. Правда, я могу мысленно разделить или представлять себе отдельными одну от другой такие вещи, которые я, может быть, никогда не воспринимал чувственно в таком разделении. Так, я воображаю туловище человеческого тела без его членов или представляю себе запах розы, не думая о самой розе. В таком смысле я не отрицаю, что могу абстрагировать, если можно в точном значении слова называть абстрагированием деятельность, состоящую только в представлении раздельно таких предметов, которые и в действительности могут существовать или восприниматься раздельно. Но моя способность мыслить или воображать не простирается далее возможности реального существования или восприятия. Поэтому, как я не в состоянии видеть или осязать нечто без действительного ощущения вещи, точно так же я не в состоянии помыслить осязаемую вещь или предмет независимо от их ощущения или восприятия. На самом деле объект и ощущение одно и то же (are the same thing) и не могут поэтому быть абстрагируемы одно от другого...»

«Из сказанного очевидно, что нет иной субстанции, кроме духа или того, что воспринимает; но для более полного доказательства этого положения надо принять в соображение, что осязаемые качества суть цвет, форма, движение,

запах, вкус и т.п., т.е. идеи, воспринятые в ощущениях. Между тем очевидное противоречие заключается в предположении, будто идея заключается в невоспринимаемой вещи, ибо иметь идею значит то же самое, что воспринимать; следовательно, то, в чем существуют цвет, форма и т.п., должно их воспринять; из этого ясно, что не может быть немыслящей субстанции или немыслящего субстрата этих идей...»

«Некоторые делают различие между первичными и вторичными качествами. Под первыми они подразумевают протяжение, форму, движение, покой, вещественность или непроницаемость и число, под вторыми – все прочие ощущаемые качества, как, например, цвета, звуки, вкусы и т.п. Они признают, что идеи, которые мы имеем о последних, несходны с чем-либо, существующим вне духа или невоспринятым; но утверждают, что наши идеи первичных качеств суть отпечатки или образы вещей, существующих вне духа в немыслящей субстанции, которую они называют материей. Под материей мы должны, следовательно, разуметь инертную, нечувствующую субстанцию, в которой действительно существуют протяжение, форма и движение. Однако из сказанного выше ясно вытекает, что протяжение и движение суть лишь идеи, существующие в духе, что идея не может быть сходна ни с чем, кроме идеи, и что, следовательно, ни она сама, ни ее первообраз не могут существовать в невоспринимающей субстанции. Отсюда очевидно, что само понятие о том, что называется материей или телесной субстанцией, заключает в себе противоречие. Это в такой мере ясно, что я не считаю необходимым тратить много времени на доказательство нелепости данного мнения. Но ввиду того, что учение (*tenet*) о существовании материи пустило, по видимому, глубокие корни в умах философов и влечет за собой столь многочисленные вредные выводы, я предпочитаю показаться многоречивым и утомительным, лишь бы не опустить ничего для полного разоблачения и искоренения этого предрассудка...»

«Дух есть простое, нераздельное, деятельное существо; как воспринимающее идеи, оно именуется умом; как производящее их или иным способом действующее над ними – волей. Поэтому не может быть образована идея души или духа, ибо (*vide* §25) все идеи, будучи пассивны или инертны, не могут вызывать в нас через образ или сходство представление того, что действует. При помощи небольшой доли внимания каждый может убедиться в том, что совершенно невозможно иметь идею, сходную с этим деятельным началом движения и смены идей. Природа духа или того, что действует, такова, что он не может быть воспринят сам по себе, но лишь по производимым им действиям. Тому, кто сомневается в истине сказанного здесь, стоит лишь поразмыслить и попытаться образовать идею какой-либо силы или деятельного сущего и подумать о том, имеет ли он идеи двух главных

сил, обозначаемых именами воли и ума и столь же различных одна от другой, сколько от третьей идеи, а именно идеи субстанции или сущего вообще, которая связана с относительным понятием о том, что она есть носитель или субъект вышеназванных сил и называется душой или духом. Иными признается это, но, насколько я могу судить, слова "воля", "ум", "душа" и "дух" обозначают не различные идеи или вообще какую-либо идею, а нечто весьма отличное от идей, что не может быть сходно с идеей или представлено ею, так как оно деятельно. Однако надо допустить вместе с тем, что мы имеем известное понятие о душе, духе и душевных деятельности, каковы: хотение, любовь, ненависть, поскольку мы знаем и понимаем значение этих слов...»

«Идеи, запечатленные в ощущениях творцом природы, называются действительными вещами; вызываемые же в воображении, поскольку они не столь правильны, ярки и постоянны, в более точном значении слова называются идеями или образами вещей, копии которых они собой представляют. Но и наши ощущения, как бы ярки и отчетливы они ни были, суть тем не менее идеи, т.е. они также существуют в духе или воспринимаются им, как и идеи, им самим образуемые. Идеям ощущений приписывается более реальности, т.е. они определеннее, сильнее, упорядоченное и связаннее, чем создание духа; но это не доказывает, что они существуют вне духа. Так же точно они менее зависят от духа или мыслящей субстанции, которая их воспринимает, в том смысле, что они вызываются волей другого и более могущественного духа; но они тем не менее суть идеи, и, конечно, никакая идея, смутная или отчетливая, не может существовать иначе, как в воспринимающем ее духе...»

Томас Гоббс

О ПЕРВОМ И ВТОРОМ ЕСТЕСТВЕННЫХ ЗАКОНАХ И О ДОГОВОРАХ

(Извлечение)

Что такое естественное право (*right of nature*). Естественное право, называемое обычно писателями *jus natura-1e*, есть свобода всякого человека использовать собственные силы по своему усмотрению для сохранения своей собственной природы, т. е. собственной жизни, и, следовательно, свобода делать все то, что, по его суждению, является наиболее подходящим для этого.

Что такое свобода. Под свободой, согласно точному значению слова, подразумевается отсутствие внешних препятствий, которые нередко могут

лишить человека части его власти делать то, что он хотел бы, но не могут мешать использовать оставленную человеку власть сообразно тому, что диктуется ему его суждением и разумом.

Что такое естественный закон (law of nature). Естественный закон, *lex naturalis*, есть предписание, или найденное разумом (*reason*) общее правило, согласно которому человеку запрещается делать то, что пагубно для его жизни или что лишает его средств к ее сохранению, и пренебрегать тем, что он считает наилучшим средством для сохранения жизни.

Различие между правом и законом. Следует различать *jus* и *lex* - право и закон, хотя тот, кто пишет на эту тему, обычно смешивает эти понятия, ибо право состоит в свободе делать или не делать, между тем как закон определяет и обязывает к тому или другому члену этой альтернативы, следовательно, закон и право различаются между собой, Так же как обязательство и свобода, которые несовместимы в отношении одной и той же вещи.

В естественном состоянии каждый человек имеет право на все. Так как состояние человека (как было указано в предыдущей главе) есть состояние войны всех против всех, когда каждый управляется своим собственным разумом и нет ничего, чего он не мог бы использовать в качестве средства для спасения от врагов, то отсюда следует, что в таком состоянии каждый человек имеет право на все, даже на жизнь всякого другого человека. Поэтому до тех пор, пока сохраняется право всех на все, ни один человек (как бы силен или мудр он ни был) не может быть уверен в том, что сможет прожить все то время, которое природа обычно предоставляет человеческой жизни. Следовательно, предписание, или общее правило, разума гласит, что всякий человек должен добиваться мира, если у него есть надежда достигнуть его; если же он не может его достигнуть, то он может использовать любые средства, дающие преимущество на войне.

Основной естественный закон. Первая часть этого правила содержит первый и основной естественный закон, гласящий, что следует искать мира и следовать ему. Вторая часть есть содержание естественного права, сводящегося к праву защищать себя всеми возможными средствами.

Второй естественный закон. От этого основного естественного закона, согласно которому люди должны стремиться к миру, происходит другой закон, гласящий, что в случае согласия на то других человек должен согласиться отказаться от права на все вещи в той мере, в какой это необходимо в интересах мира и самозащиты, и довольствоваться такой

степенью свободы по отношению к другим людям, которую он допустил бы у других людей по отношению к себе. Ибо до тех пор, пока каждый человек держится за это право - делать все, что он хочет, все люди будут находиться в состоянии войны. Однако если другие люди не желают следовать его примеру и отказаться от этого права, то нет никакого основания для кого бы то ни было лишиться его, ибо это означало бы скорее отдать себя на разграбление (чего никто не обязан желать), чем показать свою готовность к миру. Именно таков закон Евангелия: поступай по отношению к другим так, как ты желал бы, чтобы другие поступали по отношению к тебе. И это закон всех людей: *quod tibi fieri поп vis, alteri ne feceris*.

Что такое договор. Следует различать перенесение права на вещь и перенесение или передачу, т. е. вручение, самой вещи. Ибо вещь может быть вручена одновременно с перенесением права, как, например, при покупке и продаже, за наличный расчет либо при обмене товаров или земель; и может быть вручена некоторое время спустя.

Что такое соглашение. Может быть и так, что одна из сторон вручает вещь, предоставить которую она обязана по договору, и позволяет другой стороне выполнить обязательства к определенному, более позднему сроку, оставаясь некоторое время должником, и тогда участие первой стороны в договоре называется соглашением (*convenant*), или обе стороны могут договориться сразу о том, что их взаимные обязательства будут выполнены после. В обоих этих случаях выполнение своих обязательств тем, кто должен их выполнить в будущем, называется сдержанным, обещания, или верностью, а невыполнение (если оно преднамеренно) - нарушением верности.»

Томас Гоббс

**О ЕСТЕСТВЕННОМ СОСТОЯНИИ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО РОДА
В ЕГО ОТНОШЕНИИ К СЧАСТЬЮ
И БЕДСТВИЯМ ЛЮДЕЙ
(Извлечение)**

Люди равны от природы. Природа создала людей равными в отношении физических и умственных способностей, ибо хотя мы наблюдаем иногда, что один человек физически сильнее или умнее другого, однако если рассмотреть

все вместе, то окажется, что разница между ними не настолько велика, чтобы один человек, основываясь на ней, мог претендовать на какое-нибудь благо для себя, а другой не мог бы претендовать на него с таким же правом. В самом деле, что касается физической силы, то более слабый имеет достаточно силы, чтобы путем тайных махинаций или союза с другими, кому грозит та же опасность, убить более сильного.

Что же касается умственных способностей (я оставляю в стороне искусства, имеющие свою основу в словах, и особенно искусство доходить до общих и непреложных правил, называемое наукой,- таковыми правилами обладают немногие, и то лишь в отношении немногих вещей, ибо правила эти не врожденные способности, родившиеся с нами, а также не приобретенные (как благоразумие) в процессе наблюдения над чем-то другим), то я нахожу в этом отношении даже большее равенство среди людей, чем в отношении физической силы. Ибо благоразумие есть лишь опыт, который в одинаковое время приобретается в равной мере всеми людьми относительно тех вещей, которыми они с одинаковым усердием занимаются. Невероятным это равенство делает, возможно, лишь пустое самомнение о собственной мудрости, присущее всем людям, полагающим, что они обладают мудростью в большей степени, чем простонародье, т. е. чем все другие люди, кроме них самих и немногих других, которых они одобряют потому ли, что те прославились, или же потому, что являются их единомышленниками. Ибо такова природа людей. Хотя они могут признать других более остроумными, более красноречивыми и более образованными, но с трудом поверят, что имеется много людей столь же умных, как они сами. И это потому, что свой ум они наблюдают вблизи, а ум других - на расстоянии. Но это обстоятельство скорее говорит о равенстве, чем о неравенстве, людей в этом отношении. Ибо нет лучшего доказательства равномерного распределения какой-нибудь вещи среди людей, чем то, что каждый человек доволен своей долей.

Из-за равенства проистекает взаимное недоверие. Из этого равенства способностей возникает равенство надежд на достижение целей. Вот почему, если два человека желают одной и той же вещи, которой, однако, они не могут обладать вдвоем, они становятся врагами. На пути к достижению их цели (которая состоит главным образом в сохранении жизни, а иногда в одном лишь наслаждении) они стараются погубить или покорить друг друга. Таким образом, выходит, что там, где человек может отразить нападение лишь своими собственными силами, он, сажая, сея, строя или владея каким-нибудь

приличным именем, может с верностью ожидать, что придут другие люди и соединенными силами отнимут его владение и лишат его не только плодов собственного труда, но также жизни или свободы. А нападающий находится в такой же опасности со стороны других.

Из-за взаимного недоверия - война. Вследствие этого взаимного недоверия нет более разумного для человека способа обеспечить свою жизнь, чем принятие предупредительных мер, т. е. силой или хитростью держать в узде всех, кого он может, до тех пор пока не убедится, что нет другой силы, достаточно внушительной, чтобы быть для него опасной. Эти меры не выходят за рамки требуемых для самосохранения и обычно считаются допустимыми. Так как среди людей имеются такие, которые ради одного наслаждения созерцать свою силу во время завоеваний ведут эти завоевания дальше, чем этого требует безопасность то и другие, которые в иных случаях были бы рады спокойно жить в обычных условиях, не были бы способны долго сохранять свое существование, если бы не увеличивали свою власть путем завоеваний и ограничились бы только обороной. Отсюда следует, что такое увеличение власти над людьми, поскольку оно необходимо для самосохранения человека, также должно быть позволено ему.

Мало того, там, где нет власти, способной держать всех в подчинении, люди не испытывают никакого удовольствия (а напротив, значительную горечь) от жизни в обществе. Ибо каждый человек добивается, чтобы его товарищ ценил его так, как он сам себя ценит, и при всяком проявлении презрения или пренебрежения, естественно, пытается, поскольку у него хватает смелости (а там, где нет общей власти, способной заставить людей жить в мире, эта смелость доходит до того, что они готовы погубить друг друга), вынудить у своих хулителей большее уважение к себе: у одних - наказанием, у других - примером.

Таким образом, мы находим в природе человека три основные причины войны: во-первых, соперничество; во-вторых, недоверие; в-третьих, жажду славы.

Первая причина заставляет людей нападать друг на друга в целях наживы, вторая - в целях собственной безопасности, а третья - из соображений чести. Люди, движимые первой причиной, употребляют насилие, чтобы сделаться хозяевами других людей, их жен, детей и скота; люди, движимые второй причиной, употребляют насилие в целях самозащиты; третья же категория людей прибегает к насилию из-за пустяков вроде слова, улыбки, из-

за несогласия во мнении и других проявлений неуважения, непосредственно ли по их адресу или по адресу их родни, друзей, их народа, сословия или имени».

Томас Гоббс

О ПРИЧИНАХ, ВОЗНИКНОВЕНИИ И ОПРЕДЕЛЕНИИ ГОСУДАРСТВА

(Извлечение)

Цель государства – главным образом обеспечение безопасности. Конечной причиной, целью или намерением людей (которые от природы любят свободу и господство над другими) при наложении на себя уз (которыми они связаны, как мы видим, живя в государстве) является забота о самосохранении и при этом о более благоприятной жизни. Иными словами, при установлении государства люди руководствуются стремлением избавиться от бедственного состояния войны, являющегося (как было показано в главе XIII) необходимым следствием естественных страстей людей там, где нет видимой власти, держащей их в страхе и под угрозой наказания, принуждающей их к выполнению соглашений и соблюдению естественных законов, изложенных в XIV и XV главах.

Каковая не гарантируется естественным законом. В самом деле, естественные законы (как справедливость, беспристрастие, скромность, милосердие и (в общем) поведение по отношению к другим так, как мы желали бы, чтобы поступали по отношению к нам) сами по себе, без страха перед какой-нибудь силой, заставляющей их соблюдать, противоречат естественным страстям, влекущим нас к пристрастию, гордости, мести и т. п. А соглашения без меча лишь слова, которые не в силах гарантировать человеку безопасность. Вот почему, несмотря на наличие естественных законов (которым каждый человек следует, когда он желает им следовать, когда он может делать это без всякой опасности для себя), каждый будет и может вполне законно применять свою физическую силу и ловкость, чтобы обезопасить себя от всех других людей, если нет установленной власти или власти достаточно сильной, чтобы обеспечить нам безопасность. И везде, где люди жили маленькими семьями, они грабили друг друга; это считалось настолько совместимым с естественным законом, что, чем больше человек мог награть, тем больше это доставляло ему чести. В этих делах люди не соблюдали никаких других законов, кроме

законов чести, а именно они воздерживались от жестокости, оставляя людям их жизнь и сельскохозяйственные орудия. Как прежде маленькие семьи, так теперь города и королевства, являющиеся большими родами для собственной безопасности, расширяют свои владения под всяческими предлогами: опасности, боязни завоеваний или помощи, которая может быть оказана завоевателю. При этом они изо всех сил стараются подчинить и ослабить своих соседей грубой силой и тайными махинациями и-, поскольку нет других гарантий безопасности, они поступают вполне справедливо, и в веках их деяния вспоминают со славой.

А также соединением небольшого количества людей или семейств. Гарантией безопасности не может служить также объединение небольшого числа людей, ибо малейшее прибавление к той или иной стороне доставляет ей такое большое преимущество в физической силе, которое вполне обеспечивает ей победу и потому поощряет к завоеванию. То количество сил, которому мы можем доверять нашу безопасность, определяется не каким-то числом, а отношением этих сил к силам врага; в таком случае для нашей безопасности достаточно, когда избыток сил на стороне врага не настолько велик, чтобы он мог решить исход войны и побудить врага к нападению.

Ни множеством людей, из которых каждый руководствуется собственным суждением. Пусть имеется какое угодно множество людей, однако, если каждый будет руководствоваться в своих действиях лишь частными суждениями и стремлениями, они не могут ожидать защиты и покровительства ни от общего врага, ни от несправедливостей, причиненных друг другу. Ибо, будучи несогласными во мнениях относительно лучшего использования и применения своих сил, они не помогают, а мешают друг другу и взаимным противодействием сводят свои силы к нулю, вследствие чего они не только легко покоряются немногочисленному, но более сплоченному врагу, но и при отсутствии общего врага ведут друг с другом войну за свои частные интересы. В самом деле, если бы мы могли предположить, что большая масса людей согласна соблюдать справедливость и другие естественные законы при отсутствии общей власти, держащей их в страхе, то мы с таким же основанием могли бы предположить то же самое и относительно всего человеческого рода, и тогда не существовало бы, да и не было бы никакой необходимости в гражданском правлении или государстве, ибо тогда существовал бы мир без подчинения.

Происхождение государства (Commonwealth). Определение государства. Такая общая власть, которая была бы способна защищать людей от вторжения чужеземцев и от несправедливостей, причиняемых друг другу, и, таким образом, доставить им ту безопасность, при которой они могли бы

кормиться от трудов рук своих и от плодов земли и жить в довольстве, может быть воздвигнута только одним путем, а именно путем сосредоточения всей власти и силы в одном человеке или в собрании людей, которое большинством голосов могло бы свести все воли граждан в единую волю. Иначе говоря, для установления общей власти необходимо, чтобы люди назначили одного человека или собрание людей, которые явились бы их представителями; чтобы каждый человек считал себя доверителем в отношении всего, что носитель общего лица будет делать сам или заставит делать других в целях сохранения общего мира и безопасности, и признал себя ответственным за это; чтобы каждый подчинил свою волю и суждение воле и суждению носителя общего лица. Это больше чем согласие или единодушие. Это реальное единство, воплощенное в одном лице посредством соглашения, заключенного каждым человеком с каждым другим таким образом, как если бы каждый человек сказал другому: я уполномочиваю этого человека или это собрание лиц и передаю ему мое право управлять собой при том условии, что ты таким же образом передашь ему свое право и санкционируешь все его действия. Если это совершилось, то множество людей, объединенное таким образом в одном лице, называется государством, по-латыни - *civitas*. Таково рождение того великого Левиафана или, вернее (выражаясь более почтительно), того смертного Бога, которому мы под владычеством бессмертного Бога обязаны своим миром и своей защитой. Ибо благодаря полномочиям, отданным ему каждым отдельным человеком в государстве, указанный человек или собрание лиц пользуется такой огромной сосредоточенной в нем силой и властью, что внушаемый этой силой и властью страх делает этого человека или это собрание лиц способным направлять волю всех людей к внутреннему миру и к взаимной помощи против внешних врагов. В этом человеке или собрании лиц состоит сущность государства, которая нуждается в следующем определении: государство есть единое лицо, ответственным за действия которого сделало себя путем взаимного договора между собой огромное множество людей, с тем чтобы это лицо могло использовать силу и средства всех их так, как сочтет необходимым для их мира и общей защиты.

Что такое суверен и подданный. Тот, кто является носителем этого лица, называется сувереном, и о нем говорят, что он обладает верховной властью, а всякий другой является подданным.

Для достижения верховной власти имеются два пути. Один - это физическая сила, например, когда кто-нибудь заставляет своих детей подчиниться своей власти под угрозой погубить их в случае отказа или когда путем войны подчиняют своей воле врагов, даруя им на этом условии жизнь. Второй - это добровольное соглашение людей подчиниться человеку или

собранию людей в надежде, что этот человек или это собрание сумеет защитить их против всех других. Такое государство может быть названо политическим государством, или государством, основанным на установлении, а государство, основанное первым путем,- государством, основанным на приобретении».

А. Смит

ИССЛЕДОВАНИЕ О ПРИРОДЕ И ПРИЧИНАХ БОГАТСТВА НАРОДОВ

(Извлечение)

«До тех пор, пока нет собственности, не может быть и государства, цель которого, как раз, и заключается в том, чтобы охранять богатство и защищать имущих от бедняков... Согласно системе естественной свободы, государю надлежит выполнять только три обязанности; они действительно весьма важного значения, но ясные и понятные для обычного разума: во-первых, обязанность ограждать общество от насилия и вторжения других независимых обществ; во-вторых, обязанность ограждать по мере возможности каждого члена общества от несправедливости и угнетения со стороны других его членов, или обязанность установить строгое отправление правосудия, и, в-третьих, обязанность создавать и содержать определенные общественные сооружения и учреждения, создание и содержание которых не может быть в интересах отдельных лиц или небольших групп, потому что прибыль от них не сможет никогда оплатить издержки отдельному лицу или небольшой группе, хотя и сможет часто с излишком оплатить их большому обществу».

«О РАЗДЕЛЕНИИ ТРУДА. Величайший прогресс в развитии производительной силы труда и значительная доля искусства, умения и сообразительности, с какими он направляется и прилагается, явились, по-видимому, следствием разделения труда. Результаты разделения труда для хозяйственной жизни общества в целом легче всего уяснить себе, если ознакомиться с тем, как оно действует в каком-либо отдельном производстве. Обыкновенно полагают, что дальше всего оно проведено в некоторых мануфактурах, имеющих второстепенное значение. В действительности оно, может быть, и не идет там так далеко, как в других, более крупных; но в небольших мануфактурах, предназначенных обслуживать небольшой спрос лишь незначительного числа людей, общее число рабочих должно быть по

необходимости невелико; и потому рабочие, занятые различными операциями в данном производстве, часто могут быть соединены в одной мастерской и находиться все сразу на виду. Напротив, в тех крупных мануфактурах, которые предназначены удовлетворять обширный спрос большого количества людей, каждая отдельная часть работы занимает столь значительное число рабочих, что уже представляется невозможным соединить их всех в одной и той же мастерской. Здесь нам приходится видеть вместе только рабочих, занятых одною частью работы. И потому, хотя в таких крупных мануфактурах разделение труда может быть в действительности проведено гораздо дальше, чем в мануфактурах меньшего значения, в них оно не так заметно и ввиду этого гораздо меньше обращало на себя внимание...

Значительное увеличение количества работы, которое может выполнить в результате разделения труда одно и то же число рабочих, зависит от трех различных условий: во-первых, от увеличения ловкости каждого отдельного рабочего; во-вторых, от сбережения времени, которое обыкновенно теряется на переход от одного вида труда к другому; и, наконец, от изобретения большого количества машин, облегчающих и сокращающих труд и позволяющих одному человеку выполнять работу нескольких».

«...О ЗАРПЛАТЕ. В том первобытном состоянии общества, которое предшествует присвоению земли в частную собственность и накоплению капитала, весь продукт труда принадлежит работнику. Ему не приходится делиться ни с землевладельцем, ни с хозяином. Если бы такое состояние сохранилось, заработная плата за труд возрастала бы вместе с увеличением производительной силы труда...»

«...О ТРУДОВОЙ СТОИМОСТИ. Каждый человек богат или беден в зависимости от того, в какой степени он может пользоваться предметами необходимости, удобства и удовольствия. Но после того как установилось разделение труда, собственным трудом человек может добывать лишь очень небольшую часть этих предметов: значительно большую часть их он должен получать от труда других людей; и он будет богат или беден в зависимости от количества того труда, которым он может распоряжаться или которое он может купить. Поэтому стоимость всякого товара для лица, которое обладает им и имеет в виду не использовать его или лично потребить, а обменять на другие предметы, равна количеству труда, которое он может купить на него или получить в свое распоряжение. Таким образом, труд представляет собою действительное мерило меновой стоимости всех товаров...»

«...О стоимости. Надо заметить, что слово «стоимость» имеет два различных значения: иногда оно обозначает полезность какого-нибудь

предмета, а иногда возможность приобретения других предметов, которую дает обладание данным предметом. Первую можно назвать потребительной стоимостью, вторую — меновой стоимостью.

«...О справедливости и правосудии. Каждому человеку, пока он не нарушает законов справедливости, предоставляется совершенно свободно преследовать по собственному разумению свои интересы и конкурировать своим трудом и капиталом с трудом и капиталом любого другого лица.

Согласно системе естественной свободы, государю надлежит выполнять только три обязанности; они действительно весьма важного значения, но ясные и понятные для обычного разума: во-первых, обязанность ограждать общество от насилия и вторжения других независимых обществ; во-вторых, обязанность ограждать по мере возможности каждого члена общества от несправедливости и угнетения со стороны других его членов, или обязанность установить строгое отправление правосудия, и, в-третьих, обязанность создавать и содержать определенные общественные сооружения и учреждения, создание и содержание которых не может быть в интересах отдельных лиц или небольших групп, потому что прибыль от них не сможет никогда оплатить издержки отдельному лицу или небольшой группе, хотя и сможет часто с излишком оплатить их большому обществу...

...Установление совершенного правосудия, совершенной свободы и совершенного равенства — вот тот совсем простой секрет, который наиболее действенным образом обеспечивает наивысшее преуспевание всех классов...

...Чтобы научить людей любить справедливость, надо показать им результаты несправедливости...»

Научные публикации

Т. Л. Лабутина

КАКИМ ДОЛЖЕН БЫТЬ ПАРЛАМЕНТ? РАЗМЫШЛЕНИЯ ПРОСВЕТИТЕЛЕЙ АНГЛИИ О ЗАКОНОДАТЕЛЬНОМ ОРГАНЕ СТРАНЫ

(Извлечение)

...Над этим задумывались политики, государственные и общественные деятели во многих странах мира. К данному вопросу обращались в начале

XVIII века известные деятели английского Просвещения: философ Дж. Локк, литераторы Дж. Свифт и Д. Дефо, журналисты Р. Стиль и Дж. Аддисон, министры маркиз Галифакс, лорд Болингброк, У. Темпл. Их рассуждения о парламенте позволили составить представление о месте и роли палат общин и лордов в законодательном собрании, об избирательной системе, о полномочиях парламентариев, парламентской процедуре и т.д.

Отстаивая принцип «разделения властей», все просветители сходились во мнении, что верховной должна оставаться законодательная власть. К примеру, лорд Болингброк утверждал: тот, кто издает законы для всех граждан, должен быть верховным. Законодательная власть, полагали просветители, должна принадлежать коллективному органу – парламенту. Именно парламент в состоянии обеспечивать через издание законов неприкосновенность собственности граждан, и в этом заключалась, на взгляд Дж. Локка, его главная миссия. Болингброк увязывал парламент с сохранением гражданских свобод, заявляя: «Парламенты – истинные хранители свободы, именно с этой целью они и были созданы».

Центральное место в парламенте просветители отводили палате общин, хотя некоторые из них (лорды Галифакс, Темпл, Сомерс, Болингброк) заседали в палате лордов. Болингброк утверждал: участие лордов в работе парламента несущественно, поскольку они ответственны за свою деятельность «перед Богом, перед своей совестью... и более ни перед кем». Напротив, палата общин представляет народ и потому несет ответственность перед своими избирателями.

Большое внимание просветители уделяли рассмотрению вопросов о том, кого следует избирать в парламент и кто обладает правом голоса. Существующая избирательная система не устраивала многих из них. К примеру, Д. Дефо ратовал за равномерное представительство депутатов от графств и городов, критикуя систему т.н. «гнилых местечек». Приводя в пример графство Корнуолл, просветитель обращал внимание на то, что в нем продолжают посылать кандидатов в депутаты города, которые «давно мертвы» либо с таким бедным населением, что оно просто не в состоянии оплатить расходы на выборы. В то же время многие большие и богатые города вообще не имеют своих представителей в законодательном учреждении. В результате подобного неравномерного представительства «открывается дорога для мошеннической деятельности» на выборах, проявляющейся чаще всего в подкупе голосов избирателей; предоставлении избирательных прав лицам, проживающим за пределами данного округа, с целью получения дополнительных голосов; «в дебошах во время выборов, когда целые города

спивают и угощают на протяжении месяца, а иногда двух и более с тем, чтобы получить нужные голоса избирателей».

...

Кто же в Англии должен иметь избирательное право? Все просветители выступали в поддержку высокого имущественного ценза для выборщиков, однако расходились во мнении, чьим интересам, «денежным» или «земельным», отдать предпочтение. Дж. Свифт поддерживал «земельных людей». Критикуя существующую избирательную систему, согласно которой правом выбора обладали те, кто имел не менее 40 шиллингов годового дохода, просветитель утверждал: подобная система себя изжила, так как устарела. Поэтому избирательное право следует предоставлять тем, кто владеет земельной собственностью. Свифт предлагал повысить размер имущественного ценза для выборщиков, а также допускать в их ряды исключительно землевладельцев. Он не сомневался также в том, что те, кого избирают в парламент, должны происходить из имущих слоев, в первую очередь из числа землевладельцев. «Закон в свободной стране должен устанавливаться большинством тех, кто владеет земельной собственностью», – утверждал просветитель. ...

Большое внимание просветители уделяли кандидатурам лиц, избираемых в парламент. О том, кто должен заседать в палате общин, Дефо написал специальный памфлет «Шесть характерных качеств депутатов парламента». Он считал, что в парламент надлежит избирать людей состоятельных, религиозных, образованных, придерживающихся «ортодоксальных принципов и морали». Не следует допускать к выборам католиков, атеистов, еретиков, так как они не будут поддерживать протестантскую религию должным образом. Не подходят для парламента глупые, бесчестные люди, повесы и щеголи, а также слишком молодые, а значит, неопытные граждане. Представлять интересы графств в палате общин должны люди разумные, высокообразованные, умеющие разбираться в вопросах торговли, сельского хозяйства, а также в свободах, законах королевства и способные защищать их. Непременное качество депутата – честность. Хотя и предполагается, что избрание состоятельных людей в парламент устранил интерес к должностям и пенсиям со стороны двора в обмен на свободы нации, но, как замечал Дефо, обстоятельства изменились: «подкуп и взяточничество сделались нынче обычным явлением среди парламентариев».

...

Просветители не только критиковали современный им парламент, но также высказывали свои соображения о том, какой в идеале должна быть законодательная власть. К примеру, Свифту она представлялась «абсолютной и неограниченной». Подчинение подданных законодательной власти беспрекословно. Парламент действует с всеобщего согласия ради целей общества; дебаты в нем ведутся без пристрастия или давления со стороны партийных лидеров, которые готовы предать интересы большинства ради своих собственных интересов и личной выгоды. Кроме того, желательно созывать парламент как можно чаще.

Важным в рассуждениях просветителей являлось утверждение о депутатской ответственности. Так, Болингброк заявлял, что палата общин представляет народ и потому несет ответственность перед своими избирателями. Он считал обязательной подотчетность всех членов палаты общин перед народом. Если народ одобряет деятельность депутатов, то их полномочия продлеваются на новый срок, но если их работа не устраивает сограждан, то они вправе отозвать неугодного депутата, что позволит избежать «множества неудобств и злоупотреблений».

Многие просветители высказывали пожелания видеть парламент освободившимся от коррупции, а депутатов – не зависящими от короны и партийных лидеров. Некоторые из них выступали за ежегодные парламенты. Однако в целом рассуждения просветителей о желаемой законодательной власти во многом оказались тождественными их оценкам существующего парламента.

И. М. Эрлихсон

**РОБЕРТ ФИЛЬМЕР И ПОЛИТИЧЕСКАЯ ФИЛОСОФИЯ
АБСОЛЮТИЗМА ПЕРИОДА ПОЗДНЕЙ РЕСТАВРАЦИИ**

(1679 – 1689 гг.)

(Извлечение)

В 1660 г. уставшие от потрясений и катаклизмов англичане с радостной надеждой и верноподданническими чувствами встречали Карла II. Но надежды не оправдались, так как ни король, ни сплотившиеся в партию тори

роялисты, казалось, не осознавали компромиссный характер Реставрации, искренне полагая, что управлять страной можно дореволюционными методами.

В итоге крайне непопулярная политика, проводимая роялистами, привела в 1679 г. к власти партию вигов. Именно тогда, во время Исключительного кризиса 1679-1681 гг., с особой силой разгорелась дискуссия о природе королевской власти, ее прерогативах и преемственности. Именно тогда стало понятно, что абсолютная монархия перестала рассматриваться как незыблемый институт государственной власти, так как предметом политической дискуссии стал ее основополагающий принцип – безусловное право законного наследника короля занять престол.

В этих условиях королевская партия признает своим духовным вождем Роберта Фильмера, крупного политического мыслителя 1-й пол. XVII в., баронета и члена старинной аристократической фамилии. Фильмер был фанатично предан интересам династии и делу короля. Посмертная публикация его избранных произведений началась в 1679 г., а в 1680 г. был издан «Патриарх», в котором автор давал свое представление о происхождении института монархии и обосновывал превосходство абсолютной монархии над другими формами правления. ...

...Философ категорически отрицает как не богословские и противоречащие Священному писанию теории естественного права и общественного договора на том основании, что если принять гипотезу о свободе народа в выборе и установлении власти, то следует признать и право народа сменять и наказывать правителей, если они нарушают закон....

Фильмер выступает убежденным апологетом абсолютной монархии, уверяя, что это не только самая справедливая, но и самая естественная форма государственного устройства: «Долгое время мир не знал ничего, кроме монархии, поскольку только она обеспечивает порядок, стабильность и незыблемость государственной мощи». Отстаивая свою точку зрения, Фильмер приводил доводы не только политического и юридического характера, но и ссылаясь на несовершенство человеческой природы: «Нет ничего более ненадежного и непостоянного, чем люди. Их суждения изменчивы, как море. Не имея достаточно мудрости, они не видят разницу между добром и злом. Подобно домашнему скоту, они следуют туда, где есть возможность набить желудок. Завистливым взором они следят за успехами других. Они с готовностью внимают любому, самому нелепому слуху. Они заботятся исключительно о себе, и не задумываются об общественном благе».

Идея государственного суверенитета, т.е. неограниченной и абсолютной государственной власти и идея могущественной власти монарха были

почерпнуты Фильмером (чего он и не скрывал, приводя внушительные авторские цитаты) из трактата Бодена «Шесть книг о республике» (1576), переведенного на английский в 1606 г. Ричардом Ноллом. Боден утверждал, что государство есть множество семей, возникшее за счет их подчинения политической власти, которая должна быть суверенна, т.е. не зависеть от какого-либо субъекта политики или законов. И, если носителем суверенной власти является монарх (а это, по мнению Бодена, наилучшая форма правления), то, следовательно, его власть должна быть абсолютной и неделимой, т.к. посягательство кого-либо на прерогативы монархии открывает дорогу к анархии и смуте.

.... В его понимании на протяжении всей человеческой истории вся собственность, как и власть, наследовалась королем, и посягательство на нее рассматривалось как покушение на власть монарха. Поэтому любой передел королевской собственности рассматривался им как противоестественное деяние, ведущее к разрушению института монархии. Если принять 1648 год в качестве даты написания «Патриарха», то можно предположить, что подобное понимание незыблемости королевской собственности было следствием личного негативного отношения Фильмера к процессу активной конфискации королевских и церковных земель, коснувшихся, в частности, и его лично. Однако в 1680 г., когда английские лендлорды уже успели забыть, что такое держать землю по феодальному праву, подобные одиозные представления могли найти сторонников только в среде крайне правых роялистов.

...

Фильмер утверждал, что парламенты созданы по воле Короны, и появились они намного позже королевской власти. Их общественно-представительские функции для Фильмера ничтожны. Не скрывая презрения, он писал о палате общин: «Общины в парламенте вовсе не представляют интересы народа Англии. Они не представляют короля, потому что он – глава государства. Они не представляют лордов, благороднейшую и достойнейшую английскую знать, которая в состоянии сама представить свои интересы. Они представляют простолюдинов, чей доход превышает сорок шиллингов в год, а также жителей больших и малых городов. Это не четверть, и даже не одна десятая часть населения Англии». Все привилегии, которыми располагала палата общин – свобода слова, право наказывать своих членов и расследовать поступки судий и других должностных лиц, по мнению Фильмера, было результатом королевских уступок, а не естественными правами. «Все эти права и привилегии были дарованы королем с условием, что члены палаты

общин будут держать себя в рамках покорности и верности монарху», – утверждал Фильмер. Более того: «парламент – это королевский двор (суд), а главенство короля над ним – это подтвержденный древними статутами и историей факт». То есть, парламент в представлении Фильмера лишен всякой самостоятельности и является послушным орудием королевской власти.

Теоретическая концепция Фильмера о месте и роли парламента имела и объективно-исторические корни. Исторический опыт убедительно свидетельствовал о том, что ни при монархической, ни при республиканской форме правления в Англии парламент не приобрел статус законодательного и представительного государственного института. Во-первых, законы, которые издавал или утверждал парламент, являлись, по сути, не законами, а ратификациями (например, утверждение указа короля о сборе новых налогов). В этой связи вполне логичным выглядит обращение Фильмера к трудам Э. Коука, утверждавшего, что все акты парламента носили форму петиций. Из этого Фильмер делал вывод, что «если петиции исходили от палаты общин, а ответ – от короля, то нетрудно догадаться, кто являлся истинным законодателем». Во-вторых, исторически создание парламента было результатом компромисса между средневековым обществом и новой социально-политической силой в лице зарождающейся буржуазии. Парламент являлся сословно-представительным институтом, возникшим в период средневековой борьбы городов за независимость, и предназначался, прежде всего, для ограничения над ними власти короля и феодалов. Подобный статус парламента привел к тому, что в 1629 г. Карл I распустил его и правил единолично одиннадцать лет, а Кромвель сравнительно легко превратил его в послушное «охвостье».

...

Абсолютизм проиграл, причем произошло это не в 1680 г., а гораздо раньше, и Фильмер со своей теорией сорокалетней давности не мог его реанимировать. Доктрина божественного происхождения власти была обращена в прошлое, а теория общественного договора – в будущее, где абсолютизм с его порождениями станет анахронизмом; в будущее, в котором, государство будет восприниматься не как данность, а гарант неприкосновенности прав общества в целом, и отдельно взятой личности в частности. Эта теория, впоследствии разработанная Джоном Локком, способствовала демократизации общественно-политической жизни не только в Англии, но и Европе, подготовив ее к вступлению в новую эпоху.

И. И. Шарифжанов

РОЛЬ ДЖОНА ЛОККА В ФОРМИРОВАНИИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ ПРОСВЕЩЕНИЯ XVIII ВЕКА

(Извлечение)

Выдающийся британский философ и политический мыслитель, по праву считающийся одним из отцов-основателей европейского Просвещения, Джон Локк родился 29 августа 1632 г. в местечке Урингтон графство Сомерсет в семье стойких пуритан. Его отец участвовал в гражданской войне на стороне парламента в чине капитана. Благодаря службе отца и его связям с правительством Локк получил блестящее образование. В 1647 г. он был зачислен в привилегированную Вестминстерскую школу в Лондоне, а после ее окончания в 1652 г. поступил в Оксфордский университет, где в течение 4 лет обучался в самом престижном его колледже: Crist Church-College. Здесь же в Оксфорде два года спустя после окончания университета, он получил степень магистра. Наряду с философией, метафизикой, древними языками Локк активно занимался медициной и даже в 1647 г. стал бакалавром по медицинским наукам. В самом начале своей медицинской практики он познакомился с лордом Эшли (позднее графом Шефтсбери), что явилось знаковым событием в последующей его жизни. Лорд Эшли был видным общественным деятелем эпохи Реставрации, основателем и вождем вигской партии, которая выступала за конституционную монархию в Англии и стояла в оппозиции к тори.

Став в 1667 г. домашним врачом лорда Эшли, Локк избавил своего патрона от опасного недуга и фактически сумел спасти ему жизнь. Тем самым он прославил своё имя не только как выдающийся философ, но и как выдающийся ученый-врач. В 1672 г. лорд Эшли (к тому времени граф Шефтсбери) был назначен лордом-канцлером Англии, и Джон Локк стал официальным секретарем его ведомства. Начался новый период в жизни английского философа, когда он включается в активную политическую жизнь страны. Он поддерживал графа Шефтсбери и его сторонников-вигов в борьбе за установление в Англии конституционной монархии, ограничение влияния католицизма, расширение гражданских свобод, укрепление верховенства парламента в британской политической системе. Деятельность Локка на службе у графа Шефтсбери не ограничивалась сугубо ведомственными делами, он готовил доклады для выступлений лордаканцлера в парламенте по

важнейшим вопросам общественной и политической жизни в стране. К сожалению, работа Локка в должности секретаря Шефтсбери не была продолжительной. Из-за болезни астмой он вынужден был покинуть Англию и уехать во Францию, где прожил 4 года (1675- 1679).

Вернувшись на родину, Локк оказался в эпицентре острых политических коллизий в столице. Король Карл II не имел законных наследников, поэтому на английский престол начал претендовать его брат Яков, ревностный католик. Виги во главе с графом Шефтсбери решительно выступили против притязаний Якова, опасаясь усиления влияния католицизма в стране. В ответ правительство обвинило их в организации антигосударственного заговора с целью убийства короля и его брата (Rye House Plot). Начались аресты. Шефтсбери в конце концов удалось бежать в Голландию, где он через год умер. Тень подозрения в причастности к заговору пала и на Локка, которому пришлось также эмигрировать в 1683 г. в Голландию. Здесь он сблизился с окружением штатгальтера Нидерландов Вильгельма Оранского, женатого на дочери Якова и претендента на английский трон.

...

Как политический мыслитель, Джон Локк прославился, прежде всего, благодаря своему сочинению «Два трактата о государственном правлении». Оно было написано с практической целью – оправдать парламент в его борьбе с королем Яковым II, защитить свободы граждан и упрочить престол нового короля Англии Вильгельма Оранского. В предисловии к книге сам автор писал, что он надеялся своим трудом «укрепить трон нашего Великого восстановителя, нашего нынешнего короля Уильяма; сделать надежным его статус монарха при добром согласии народа... чья любовь к своим справедливым и естественным правам вместе с решимостью сохранить их, спасла страну, когда она была на краю рабства и гибели».

Трактат состоял из двух книг: первая книга была полностью посвящена критике взглядов «величайшего поборника абсолютной власти» в Англии Роберта Филмера, а вторая – обстоятельному изложению собственной теории государства и государственного правления автора. Оправдывая своё обращение к учению покойного Р. Филмера, Локк писал, что «в последнее время среди нас появилась порода людей, которые готовы льстить монархам, утверждая, что они обладают божественным правом на абсолютную власть», а церковные проповедники, со своей стороны, провозгласили его книгу «Патриарх» «божественным откровением нашего времени».

В учении Р. Филмера автор выделял две главные идеи:

- всякое правление есть абсолютная монархия;
- ни один человек не рождается свободным.

Именно вокруг этих постулатов Локк выстраивал свои критические рассуждения. Он считал, что все утверждения Р. Филмера в целом были абсолютно несостоятельны, так как ни Писание, ни Разум «нам этого не говорят, что будто божественная власть подчинила нас неограниченной воле другой власти». Касаясь конкретных вопросов истории, английский философ указывал в своей книге, что Р. Филмер не только не представил ничего, что подтверждало бы его «великий тезис» о том, что «Адам был абсолютным монархом» и поэтому «люди от природы несвободны», но даже его собственные доказательства свидетельствовали против него. Так, автор «Патриарха» в своём знаменитом труде не столько опирался на авторитет Писания, сколько излагал «измышления собственного ума», ибо уверенно утверждал как неоспоримый факт то, о чем умалчивали источники.

Естественное состояние есть состояние полного равенства, в котором вся власть и юрисдикция взаимосвязаны, и никто не имеет больше, чем другой». Английский философ особо оговаривался, что состояние полной свободы не есть состояние произвола или войны, как это утверждал Т. Гоббс. «Естественное состояние есть состояние мира, доброй воли, взаимной помощи и безопасности».

Ключевым понятием в учении Локка о государстве выступало понятие собственности, которому придавался весьма расширительный смысл. В книге подчеркивалось, что собственность создается трудом человек и ее право регулируется взаимным согласием людей, «положительным договором» между ними. Появление государства в обществе было связано с задачами охраны собственности от возможных посягательств на её неприкосновенность. В главе «О целях политического общества и правительства» Локк прямо писал: «Великой и главной целью людей, объединяющихся в государства и отдающих себя под власть правительства, является сохранение своей собственности».

Английский философ защищал и развивал либеральную теорию общественного договора. В книге решительно отвергались все утверждения о том, что государство возникло в результате завоевания или угнетения одних людей другими. По словам автора, это произошло вследствие взаимного согласия и во имя всеобщего блага. «Во всяком случае, государственная власть

образовалась из согласия свободных людей... И общая цель государственной власти есть мир, безопасность и общественное благо народа, а других целей у власти не должно быть». Говоря о структуре государственного управления, Локк выделял в нем наличие трех ветвей власти: законодательной, исполнительной и федеративной, которая ведала вопросами войны и мира, а также отношениями с зарубежными странами. При этом он особо подчеркивал, что хотя законодательная власть является главенствующей и ей подчиняются все остальные, она по природе представляет собой лишь доверенную власть, так как верховная власть остаётся у народа, который может устранять и заменять законодательный орган, когда он находит, что законодательная власть действует вопреки оказанному ей доверия. Английский философ не выражал никакой веры ни в исполнительную, ни в законодательную власть государства, когда речь шла о защите высших интересов народа, поэтому он открыто провозглашал право народа на восстание, на борьбу против несправедливости и угнетения. «Когда законодатели пытаются отнять и уничтожить собственность народа, – говорилось в заключительной части книги, – или ввергнуть его в рабство деспотической власти, то они приводят себя в состояние войны с народом, который вследствие этого освобождается от обязанности какого-либо дальнейшего повиновения и свободен обратиться к общему прибежищу, которое Бог предусмотрел для всех людей против силы и насилия».

...

Е. В. Иерусалимская

**АНГЛИЙСКИЙ ПРОСВЕТИТЕЛЬ Г. БОЛИНГБРОК
ОБ ИЗУЧЕНИИ И ПОЛЬЗЕ ИСТОРИИ**

(Извлечение)

...

Семья Сент-Джонов принадлежала к крупной земельной аристократии, что в значительной степени обусловило убеждения Болингброка, его последовательное и настойчивое стремление защищать позиции «земельного интереса» (landed interest) на протяжении всей его жизни. Г. Болингброк получил хорошее образование, которое должно было обеспечить ему успешную карьеру, прежде всего, на дипломатическом поприще. Он хорошо

знал латынь, итальянский и французский, обладал познаниями в истории, философии. В 1697 г., согласно принятой среди аристократов в то время традиции, родственники отправили молодого Г. Сент-Джона завершать свое образование в трехгодичное путешествие по Европе. Знание языков позволило Болингброку во время путешествия читать античные труды и комментарии к ним гуманистов в оригинале. В дальнейшем каждый раз, когда в его бурной политической деятельности возникали перерывы, Болингброк возвращался к своим историко-философским занятиям. В такие периоды он стремился осмыслить и обобщить полученный им личный политический опыт.

...

В 1705 г. Болингброк занял пост военного министра – должность, особенно значимую в тот период, поскольку Англия, наряду с другими европейскими странами, участвовала в войне с Францией за Испанское наследство (1701–1714 гг.). В 1708 г. из-за нараставшего давления вигов Болингброк вслед за своим патроном Р. Харли, впоследствии получившим титул лорда Оксфорда (1661–1724 гг.), вынужден был подать в отставку, но лишь для того, чтобы в 1710 г., после победы тори на выборах, вновь вернуться в правительство в качестве государственного секретаря, отвечающего за внешнюю политику страны. С этого момента он стал активным сторонником скорейшего заключения мира с Францией и выхода Англии из войны. В глазах современников Болингброк являлся автором и ярким лоббистом Утрехтского мира 1714 г., которым завершилась война за Испанское наследство.

...

«Письма об изучении и пользе истории» написаны им в 1735 г. Однако опубликованы, согласно воле автора, только через год после его смерти – в 1752-м. Столь существенная задержка с публикацией произошла, вероятно, из-за ряда смелых высказываний Болингброка в отношении религии. Только узкому кругу друзей это произведение стало известно еще при жизни его автора. В них Болингброк в форме писем (их всего восемь) обращается к внуку графа Кларендона (автора «Истории великого мятежа») – лорду Конбури. В первых пяти письмах Болингброк изложил основные принципы, которых должно придерживаться при анализе исторических сюжетов, а также свой взгляд на необходимость изучения истории. Его попытка увидеть причинно-следственные связи в череде отдельных исторических событий и поступках личностей стало важным шагом по направлению к пониманию истории как науки.

...

История, по Болингброку, «это всеобщая история, священная и светская, истории отдельных стран, отдельных событий, различных общественных укладов, отдельных людей, мемуары, рассказы о происшествиях и путешествиях». Болингброк полагал, что с помощью погружения в историю человек познает себя. Он писал: «Любовь к истории кажется неотделимой от человеческой природы, потому что она неотделима от любви к самому себе». Из частного автор трактата выводил своего рода универсальные законы, уроки, полезные на все времена. Он видел в явлении комплекс причин и следствий. Задаваясь вопросом, для чего людям нужна история, Болингброк писал о недостойных, с его точки зрения, мотивах ее изучения, например, для развлечения или для возможности блеснуть знанием фактов в обществе, а также для сохранения свидетельств прошлого и их интерпретации для читателей. Болингброк полагал, что те ученые, которые произвольно соединяют разрозненные, скудные факты прошлого и создают на этом основании некие системы, также приносят мало пользы.

По его глубокому убеждению, использовать историю надо, во-первых, для самосовершенствования. Природа дала человеку любознательность, которая развивает ум. Ум же должен применяться для совершенствования личной и общественной добродетели. История для этого подходит лучше всего. История учит нас с помощью примеров, которые обращены к нашим чувствам и рассудку. Примеры помогают понять абстрактные или общие суждения; вызывают привычку им подражать. Школой примера является весь мир, а наставники в этой школе – история и опыт»...

По Болингброку, любое историческое событие не является случайностью, нам так может лишь казаться, если оно происходит на наших глазах. «Мы рождаемся слишком поздно для того, чтобы видеть начало, и умираем слишком рано для того, чтобы видеть конец многих явлений». Научиться человек может, только рассматривая достоверное, полное изложение всех фактов. Голые факты без причин, которые породили их, и обстоятельств, их сопровождающих, недостаточны для понимания действий и намерений, – писал Болингброк. Что же касается источников, то их должно быть достаточно для сопоставления и выявления исторической истины. Без познания истины примеры, которые мы находим в истории, «не будут обладать достаточной силой, чтобы оказывать соответствующее воздействие на наш ум».

...

В «Письмах об изучении и пользе истории» Болингброк анализирует причины, этапы и последствия нарушения баланса сил в Европе, вызванного экспансионистской политикой Франции. Он предлагал рассматривать историю европейских держав в контексте поведения европейских государств на международной арене и их роли в противостоянии Франции с XV до начала XVIII в. Болингброк разделил двухсотлетний отрезок истории на более мелкие периоды по принципу возникновения новых ситуаций, методов, используемых в политике, театров действий, а затем, рассмотрев каждый период в отдельности, проанализировал их взаимосвязи.

...

Иными словами, рассмотрев основные перипетии европейской политики, Болингброк подводил читателя к выводу, что союзники Англии по антифранцузской коалиции вели себя эгоистически, больше думая о своих выгодах, чем об общем деле; что они потворствовали Франции, развязавшей войну за Испанское наследство. Уроки, которые необходимо извлечь его стране в 30-е гг. XVIII в., заключались, по его мнению, в следующем: основной целью европейской политики должно стать бдительное наблюдение за сохранением баланса, но при этом Англия не должна втягиваться слишком глубоко в дела на континенте. Источником для беспокойства являлось предложенное правительством Р. Уолпола увеличение численности армии и обсуждение вопроса о содержании постоянной армии.

Выводы Болингброка призваны были доказать, что политика вигов являлась ошибочной. Необходимо, писал Болингброк, «действовать энергично, но связывать себя обещаниями с осторожностью и всегда соизмерять нашу помощь с нашими возможностями и с реальными потребностями наших союзников». Рассуждения Болингброка призваны были обосновать торийскую внешнеполитическую позицию, которая являлась отражением интересов крупного джентри, последовательным защитником и представителем которого был сам лорд виконт Г. Болингброк. Рассуждения Болингброка-философа помогают понять Болингброка-политика, за практической деятельностью которого стояла выстраданная и глубоко продуманная система взглядов.

Т. Л. Лабутина

АНГЛИЙСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ СЕРЕДИНЫ XVII ВЕКА И ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЙ МИР АНГЛИЧАН

(Извлечение)

...

Отличительной чертой революционной эпохи явился значительный рост в стране печатной продукции. В 1640 г. друг Дж. Мильтона книготорговец Дж. Томасон приступил к собранию коллекции книг, памфлетов, газет, которые издавались во время революции. Поначалу в его собрании было 22 издания, но к 1660 г. уже насчитывалось свыше 20 тыс. наименований. Не менее внушительным было и собрание газет, которые издавались с 1641 г. (от 4 до 722 – в 1645 г. и до одной тысячи спустя несколько лет). Резко возросло число опубликованных баллад и альманахов, которые пришлись по сердцу простолюдникам. В целом, по утверждению Дж. Эйлмера, объем печатной продукции в 1640-х гг. превзошел все, что было издано за весь предшествующий период, начиная с того времени, когда Кэкстон положил начало книгопечатанию в Англии.

...

Соглашаясь с концепцией Хилла о значительном влиянии Библии на интеллектуальную жизнь общества, можно невольно попасть в плен заблуждений и подумать, что все англичане были знакомы с Библией, а, следовательно, являлись грамотными. Но так ли это было на самом деле? По утверждению очевидца революционных событий памфлетиста Ричарда Бакстера, «чернь» – лудильщики, свинопасы, грузчики, барочники – вообще никогда не читали Библии в силу своей неграмотности. А как вообще обстояло тогда дело с грамотностью в стране? Ответ на этот вопрос дал в своей книге «Грамотность и социальный порядок» Дэвид Крэсси. По его подсчетам, уровень неграмотности англичан в 1640-е годы колебался от 33% в Лондоне до 94,6% – в графстве Вестморленд. С женской грамотностью дело обстояло еще хуже. Так, в начале века неграмотность среди женщин, проживавших в столице, достигала 91%, к середине – она снизилась до 81% и только к концу века сократилась почти вдвое, составив 52%. Естественно, что подобное состояние образования не могло оставить равнодушными революционеро-реформаторов. Многие из них выступали за радикальные перемены в образовании. Дж. Уинстенли заявлял, что свободное образование для обоих полов должно продолжаться до 40-летнего возраста. Он высказывался за всеобщее, равное и обязательное образование, ратовал за сочетание школьного образования с профессиональным обучением, утверждая: «для

республики полезно, чтобы дети были обучены каким-либо ремеслам, так же как и знанию языков или истории». С должным вниманием относился к образованию юных англичан и Оливер Кромвель. Он считал недостаточным обучение лишь «светской знати и джентри», ратовал за всеобщее образование. В одной из своих речей Кромвель заявил: открытие школ для всех детей и их обеспечение за счет государственной казны – это долг и обязанность правительства.

В годы революции претерпело заметные изменения идеологическое обоснование концепции образования. Если в 1644 г. проект образования, предложенный Мильтоном, был рассчитан лишь на «избранный круг знатной молодежи», то спустя несколько лет его автор уже защищал создание школ для всей нации с тем, чтобы знания и культура распространились «повсюду, где они еще находятся в пренебрежении и забвении». Республиканское правительство оказывало материальную помощь школам: часть средств от конфискованных церковных земель систематически перечислялась на их содержание и обеспечение учителей. В 1649 г. правительство впервые выделило на нужды народного образования 20 тыс. ф. ст. Усилия революционеров и реформаторов образования, несмотря на сильное противодействие со стороны церкви и аристократии, не пропали даром: во второй половине XVII в. количество начальных школ в стране заметно увеличилось.

...

Говоря о влиянии революции на интеллектуальную жизнь английского общества, нельзя не отметить ее воздействия на социальную активность населения, вызванную, прежде всего, изменениями менталитета молодежи и женщин. В ту пору, отмечал Эйлмер, для талантливых людей открылись карьерные возможности: многие одаренные молодые люди «смогли преодолеть сдерживающие силы окружения и воспитания и достичь гораздо большего, чем было бы возможно для большинства из них в обычные времена». Среди таких людей появилось немало реформаторов, в том числе Сэмюэл Хартлиб, который выступил с проектом создания национальной информационной службы («служба адресов»); врач, геодезист и статистик Уильям Петти; химик Роберт Бойль; врач и памфлетист Питер Чемберлен и другие.

Наиболее значительное влияние революция оказала на формирование мировоззрения и интеллекта женщин. Англичанки приняли самое активное участие в революционных событиях, как на стороне парламента, так и на стороне роялистов. Многие аристократки вносили значительные денежные суммы в фонд помощи роялистам, помогали им избежать преследований со

стороны парламента, прятали в своих домах опальных беглецов, организовывали отпор войскам Кромвеля, нападавшим на их замки. Еще активнее в революционных событиях участвовали сторонницы парламента, большую часть которых составляли представительницы средних и низших слоев общества. Они принимали участие в массовых демонстрациях протеста, религиозных движениях, подаче петиций правительству, сборе средств на нужды парламентской армии, строительстве фортификационных сооружений, становились медсестрами, курьерами, регулировщицами, разведчицами, солдатами. Самой большой массовостью отличались выступления женщин с петициями в адрес парламента. Женщины подавали петиции, в которых не только выражали требования, но и излагали свои взгляды на происходящие в стране события. Все чаще в петициях, адресованных парламенту, начинало звучать требование женщин предоставить им равные с мужчинами права и, прежде всего, право высказывать свое мнение в политических дебатах.

Изменения претерпели и семейные отношения. Пуританские проповедники утверждали: жена – помощница и партнер для мужа, а не просто нижестоящий член семьи, поэтому супруг должен не только восхищаться ею, но и уважать. Пуритане осуждали рукоприкладство мужей и двойные стандарты в сексуальном поведении. Именно в эпоху революции появилось немало теорий, авторы которых переосмысливали роль патриархальной семьи в обществе. Многие англичане заговорили о необходимости реформирования института брака (изменить положение женщины, ограничить власть мужчины, упростить процедуру выбора супруга и бракосочетания). ...

Революционные события в стране, в которых женщины приняли активное участие, выступление революционных лидеров и идеологов в защиту прав женщин на участие в политической жизни общества, а также на образование и брак оказали огромное влияние на формирование самосознания представительниц «слабого» пола. Хотя мужское верховенство продолжало сохраняться во всех сферах жизни и после революции, тем не менее, женщины, получившие в годы революции беспрецедентную свободу, начали переосмысливать свое положение в обществе. Все большее число женщин стали создавать интеллектуальные труды, основываясь на собственном житейском опыте, но выражая при этом не только личные, но уже и групповые интересы, что и являлось определяющим при формировании феминистской идеологии....

О. В. Захарова

СОЦИАЛЬНАЯ КРИТИКА ДЖОНАТАНА СВИФТА СВЕТСКОЙ ВЛАСТИ И САНОВНИКОВ

(Извлечение)

В центре внимания крупнейшего сатирика XVIII в. Джонатана Свифта находились вопросы, касающиеся светской власти и сановников. Свифт критиковал внутреннюю политику Англии, парламентскую систему, колониальные и захватнические войны, высмеивал религиозные предрассудки и невежество. Его сатира была настолько острой и злой, что ее опасались не только министры, но и сам монарх.

...

В первую очередь Свифт критиковал чиновников. Он считал, что управление страной, как правило, вверялось продажным людям, которые преследовали личную выгоду, а не отстаивали интересы граждан: «Законы лучше всего объясняются, истолковываются и применяются на практике теми, кто более всего заинтересован и способен извращать, запутывать и обходить их». Сатирик объяснял это тем, что властью обладают люди, нравственные качества которых оставляют желать лучшего. Как говорил один из героев «Путешествий Гулливера» Гулливеру, «большинство ваших соотечественников есть порода маленьких отвратительных гадов, самых зловредных из всех, какие когда-либо ползали по земной поверхности».

Просветитель признавал присутствие на высоких государственных должностях людей неумных, недалеких, морально опустившихся. В подтверждение этого Свифт вложил в уста одного из своих персонажей следующее замечание: «Но когда одни из них сознались, что своим величием и богатством они обязаны кровопролитию; другие – торговле своими женами и детьми; третьи – измене своему отечеству или государству; четвертые – отраве, а большая часть – нарушению правосудия с целью погубить ненавистного или даже невинного человека, эти открытия побудили меня несколько умерить чувство глубокого почтения, которым я от природы проникнут к высокопоставленным особам».

По мнению Дж. Свифта, не всегда высоких должностей достойны те, кто их занимает. Описание того, какими смехотворными и нелепыми путями добиваются должностей и власти высокопоставленные чиновники, таит в себе скрытый подтекст. При выборе кандидатов учитывались совсем не те качества, которые должны быть присущи представителям закона, выразившим интересы всей нации: «Эти упражнения производятся только

теми лицами, которые состоят в кандидатах на высокие должности и ищут благоволение двора... Когда открывается вакансия на высокую должность, пять или шесть таких соискателей подают прошение императору разрешить развлечь его императорское величество и двор танцами на канате, и кто прыгнет выше всех, не упавши, получает вакантную должность».

Руководителем, а иногда и инициатором борьбы за власть между высокопоставленными чиновниками часто выступал сам монарх. Он манипулировал теми интригами, которые господствовали при дворе, и управлял ими как «палочкой», чтобы держать не только двор, но и саму эту власть в своих руках и распоряжаться ей единолично: «Император держит в руках палку в горизонтальном положении, а состязатели, подходя друг за другом, то перепрыгивают через палку, то ползают взад и вперед под ней несколько раз». Джонатан Свифт не указывал на конкретные личности, но в обобщенном виде характеризовал обычные действия и поступки высокопоставленных чиновников. Эти люди, унижая себя, старались снискать расположение монарха для устройства своей карьеры и благополучия. Просветитель подобными выпадами хотел задеть и уколоть сатирой тех, кто стремился к власти, но не был достоин обладать ею.

...

Свифт критиковал представителей обеих политических партий, осуждая их жестокую борьбу за власть, которая приносила государству лишь убытки: «Каким бы блестящим не казалось иностранцу наше положение, однако над нами тяготеют два страшных зла: жесточайшие раздоры партий внутри страны и угроза нашествия могущественного внешнего врага». Осуждал он и мелкие распри между партиями. Наиболее ярким примером является борьба высоко- и низкокаблучников в «Путешествиях Гулливера»: «Высокие каблуки всего более согласуются с нашим древним государственным укладом, однако его величество постановил, чтобы в правительственных должностях, а также во всех должностях, раздаваемых короной, употреблялись только низкие каблуки... Ненависть между этими двумя партиями доходит до того, что члены одной не стали ни есть, ни пить, ни разговаривать с другой».

...

Свифт создал образ идеального правителя. Монарх страны великанов воплотил в себе такую личность. Он являл собой образец истинного просвещенного монарха, который заботился о своих подданных. Просветитель пришел к выводу, что устойчивым и целостным является такое устройство, если король – человек скромный, честный, ученый, по-житейски мудрый. Его мудрость должна заключаться в воздержании от войн, захватов и содержать уважение к созидательному труду. Тогда такой монарх будет выступать как

рупор справедливости: «Мой краткий исторический очерк нашей страны за последнее столетие поверг короля в крайнее изумление. Он объявил, что, по его мнению, эта история есть не что иное, как куча заговоров, смут и убийств, революций и высылков, являющихся худшим результатом жадности, партийности, лицемерия, вероломства, жестокости, бешенства, безумия, ненависти, злости, сластолюбия и честолюбия». ...

А. М. Скрябина

ИДЕИ АНГЛИЙСКОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ В СКАЗКЕ Л. КЭРРОЛЛА «АЛИСА В СТРАНЕ ЧУДЕС»

(Извлечение)

У истоков английской литературной сказки стояли Д. Рескин, написавший в 1851 г. сказку «Король Золотой Реки», и У. Теккерей, опубликовавший в 1851 г. сказочную повесть «Кольцо и Роза». Писатели, обратившиеся к жанру литературной сказки, переосмыслили ее в рамках собственных идей и концепций, придавая индивидуальное звучание. Иронически переосмысливая характерные темы собственного реалистического творчества и романтические сказочные мотивы и приёмы, они далеко отходят от строгой структуры народной сказки, сохраняя лишь отдельные её ходы и характеристики. Английская литературная (авторская) сказка относится к сложным художественным феноменам.

Отличительной особенностью английской народной сказки является сближение её с быличкой. Прежде всего, это сказки об эльфах и феях, характерные для многих областей Великобритании. Исследователи считают, что эти сказочные существа пришли в английский фольклор из кельтских преданий и являются своеобразной «помесью» кельтских природных духов и германских карликов. Хотя авторская (литературная) сказка возникла в Англии относительно поздно (в конце XIX века) по сравнению с другими европейскими странами, интерес к народному творчеству, легендам и сказаниям заметен ещё в произведениях авторов позднего средневековья.

... XVII век поставил вопрос о создании педагогической системы, которая, будучи проникнута духом практицизма и рационализма, обеспечивала бы представителям имущих классов возможность таким образом воспитывать и обучать детей, чтобы они, получая прочную нравственную закалку, становились порядочными и ответственными деловыми людьми с высокими духовными стремлениями. Английский философсенсуалист, родоначальник теории либерализма, политический мыслитель Джон Локк,

несмотря на отсутствие собственной семьи и даже дома, сыграл заметную роль в развитии новых идей воспитания и обучения подрастающего поколения, создав «практическую педагогику». Джон Локк разработал программу «воспитания джентльмена». Автор трактата «Опыт о человеческом разуме» (1690) делил воспитание на три составляющие: воспитание физическое, воспитание нравственное и воспитание умственное. Крепкое здоровье, знание большого ряда дисциплин, а также любого ремесла, любознательность он считал главными качествами воспитания. Телесные наказания философ считал нежелательными, поскольку это формирует «рабский характер». Локк категорически настаивал, чтобы воспитание и обучение проходило исключительно в домашней обстановке. Особое внимание следовало уделять приучению ребёнка к самоконтролю и саморефлексии над собой и своими поступками.

Как учитель античной риторики Локк умел писать и говорить ясно, красиво и убедительно. Человеческая душа, по мнению Локка, лишена врождённых идей и понятий. Она есть «чистая доска». Философ считал, что человек рождается ни нравственным, ни безнравственным. Нормы морали приобретаются человеком в процессе жизни. Из этого следует, что лишь внешний опыт посредством чувственного восприятия заполняет эту доску своими письменами. Источниками познания являются ощущения, т. е. впечатления, получаемые благодаря органам чувств, это самая объективная степень знания, исключая сомнения. Не отрицая в принципе влияния наследственности и среды, Локк считает решающим фактором в становлении ребёнка воспитание, которое преодолевает и влияние наследственности, и влияние среды. Первые два фактора признаются им пассивными, а воспитание, по его мнению, активно.

...

В сказках оживали старинные образы, запечатлённые в пословицах и поговорках. Значение этих образов трудно переоценить. Уходя корнями в глубину национальной культуры, они реализовались под пером Кэрролла в развернутые метафоры, определяющие характеры персонажей и их поступки. Особую роль в контексте сказки Кэрролла играют безумцы и чудаки (а таковыми, за исключением самой Алисы и некоторых второстепенных персонажей, являются все герои обеих сказок) создают тот особый «антимир», ту «небыль», чепуху, изнаночный мир с его нарочито подчеркнутой «нереальностью», которые в Англии составляют самую суть нонсенса. В них слышатся отдаленные отзвуки могучего карнавального смеха прежних эпох, сохраненного фольклорной традицией.

Тема 5. АМЕРИКАНСКОЕ ПРОСВЕЩЕНИЕ: ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЯ И ПРЕДСТАВИТЕЛИ

Вопросы к практическому занятию

1. Идейные истоки американского Просвещения.
2. Раннее Просвещение – политические идеи Джона Отиса и Джона Дикинсона
3. Политическая мысль американского Просвещения: государственно-правовые теории Т. Джефферсона, Б. Франклина, Т. Пейна.
4. Вирджинская декларация прав.

Источники

Джордж Мейсон

ВИРДЖИНСКАЯ ДЕКЛАРАЦИЯ ПРАВ ДЕКЛАРАЦИЯ ПРАВ, СДЕЛАННАЯ ПРЕДСТАВИТЕЛЯМИ ДОБРЫХ ЛЮДЕЙ ВИРДЖИНИИ, СОБРАВШИМИСЯ НА ПОЛНОМ И СВОБОДНОМ СОБРАНИИ, ПРАВА КОТОРОГО ДЕЙСТВИТЕЛЬНО ПРИНАДЛЕЖАТ ИМ И ИХ ПОТОМКАМ КАК ОСНОВЕ И ФУНДАМЕНТУ ПРАВИТЕЛЬСТВА (Извлечение)

Раздел 1. Что все люди по своей природе одинаково свободны и независимы и обладают определенными неотъемлемыми правами, из которых, когда они входят в состояние общества, они не могут ни на каком соглашении лишиться или лишиться своего потомства; а именно наслаждение жизнью и свободой с помощью средств приобретения и владения собственностью, а также стремления к счастью и безопасности.

Раздел 2. Что вся власть принадлежит народу и, следовательно, исходит от него; что магистраты являются их попечителями и слугами и всегда им подчиняются.

Раздел 3. Это правительство создано или должно быть создано для общего блага, защиты и безопасности народа, нации или сообщества; из всех различных способов и форм правления тот лучший, который способен принести наибольшую степень счастья и безопасности и наиболее эффективно защищен от опасности плохого управления. И что, когда какое-либо правительство будет признано неадекватным или противоречащим этим целям, большинство общества имеет несомненное, неотъемлемое и

неотъемлемое право реформировать, изменять или отменять его таким образом, который будет сочтен наиболее подходящим для общественное благо.

Раздел 4. Никто из человечества не имеет права на исключительное или отдельное вознаграждение, или привилегии от общества, кроме как с учетом общественных услуг; которые, не будучи нисходящими, также не должны быть наследственными должностями магистрата, законодателя или судьи.

Раздел 5. Законодательная и исполнительная власть государства должна быть отделена от судебной; и что члены двух первых могут быть удержаны от угнетения, чувствуя и участвуя в бремени людей, они должны в определенные периоды времени быть переведены в частное положение, вернуться в то тело, из которого они были первоначально взяты, и вакансии заполняются частыми, определенными и регулярными выборами, на которых все или какая-либо часть бывших членов снова имеют право или не имеют права в соответствии с законодательством.

Раздел 6. Выборы членов собрания в качестве представителей народа должны быть свободными; и что все люди, имеющие достаточные доказательства постоянных общих интересов с сообществом и привязанности к нему, имеют избирательное право и не могут облагаться налогом или лишаться своей собственности для общественного использования без их собственного согласия или согласия их избранных таким образом представителей, и не связаны никаким законом, с которым они не соглашались подобным образом для общественного блага.

Раздел 7. Что вся власть приостанавливать действие законов или исполнение законов любым органом власти без согласия представителей народа наносит ущерб их правам и не должна осуществляться.

Раздел 8. Что во всех случаях уголовного преследования или уголовного преследования человек имеет право требовать объяснения причин и характера своего обвинения, встречаться с обвинителями и свидетелями, требовать доказательства в свою пользу и на быстрое судебное разбирательство беспристрастным судом. присяжные из двенадцати человек из его окружения, без единодушного согласия которых он не может быть признан виновным; его нельзя принуждать к даче показаний против самого себя; что никто не может быть лишен свободы иначе как по закону страны или по приговору его сверстников.

Раздел 9. Не следует требовать чрезмерного залога, налагать чрезмерные штрафы или налагать жестокие и необычные наказания.

Раздел 10. Эти общие ордера, в соответствии с которыми офицеру или посыльному может быть приказано обыскать подозрительные места без доказательств совершения факта, или захватить любое лицо или лиц, не названных по имени или правонарушение которых конкретно не описано и не подтверждено доказательствами, являются тяжкими и угнетающий и не должен быть предоставлен.

Раздел 11. Что в спорах по поводу собственности и в судебных процессах между человеком и человеком древний суд присяжных предпочтительнее любого другого и должен считаться священным.

Раздел 12. Что свобода печати является одним из главных оплотов свободы и может быть ограничена только деспотическими правительствами.

Раздел 13. Что хорошо организованная милиция, состоящая из людей, обученных владению оружием, является надлежащей, естественной и безопасной защитой свободного государства; что постоянные армии в мирное время следует избегать как опасные для свободы; и что во всех случаях военные должны строго подчиняться и управляться гражданской властью.

Раздел 14. Что люди имеют право на единое правительство; и, следовательно, никакое правительство, отдельное или независимое от правительства Вирджинии, не должно создаваться или учреждаться в его пределах.

Раздел 15. Что ни одно свободное правительство или блага свободы не могут быть сохранены для любого народа, кроме твердой приверженности справедливости, умеренности, умеренности, бережливости и добродетели и частого повторения фундаментальных принципов.

Раздел 16. Эта религия или наш долг перед Создателем, а также способ его выполнения могут управляться только разумом и убеждениями, а не силой или насилием; и поэтому все люди в равной степени имеют право на свободное исповедание религии в соответствии с велениями совести; и что проявлять христианское терпение, любовь и милосердие по отношению друг к другу - это общий долг.

Томас Джефферсон

ИЗ БРОШЮРЫ «ОБЩИЙ ОБЗОР ПРАВ БРИТАНСКОЙ АМЕРИКИ», ИЮЛЬ 1774 г.

(Извлечение)

...Напомним ему (королю Великобритании), что наши предки до эмиграции в Америку были свободными жителями британских владений в Европе и владели правом, которое природа дала всем, покидать страну, когда не остается другого выбора, в поисках нового местожительства и основывать там новые общества в соответствии с законами и порядками, больше всего содействующими, по их мнению, счастью народа... Америка была завоевана, и в ней были созданы и упрочены поселения за счет отдельных лиц, а не британского народа. Их собственная кровь была пролита ради овладения землями для своих поселений, их собственное состояние тратилось во имя того, чтобы эти поселения были жизнеспособными. Они боролись за себя, сами побеждали и только на себя могли полагаться. Ни один шиллинг никогда не выдавался из государственной казны его величества или его предков в помощь им до самого последнего времени, когда колонии получили твердую и постоянную опору. И только когда они действительно начали приобретать цену для Великобритании, для торговых целей, парламент охотно стал оказывать им помощь в борьбе с врагом... Колонии были созданы в необитаемой части Америки, так что эмигранты сочли целесообразным принять ту систему законов, при которой они до этого жили у себя на родине, и продолжать свою связь с ней, подчиняясь тому же общему повелителю, ставшему вследствие этого центральным звеном, соединяющим различные части империи, недавно приумноженные таким путем...

Томас Джефферсон

**ПУНКТ О РАБСТВЕ ИЗ ПРОЕКТА ДЕКЛАРАЦИИ
НЕЗАВИСИМОСТИ, ОТВЕРГНУТЫЙ 2-М КОНТИНЕНТАЛЬНЫМ
КОНГРЕССОМ, 1776 г.**

(Извлечение)

...Он (король Англии.) вел жестокую войну против самой человеческой природы. Он оскорбил самые священные права – жизни и свободы лиц, принадлежавших к народам, далеко живущим отсюда, которые никогда не причиняли ему ничего дурного. Он захватывал их и обращал их в рабство в другом полушарии, причем часто они погибали ужасной смертью, не выдерживая перевозки. Эту пиратскую войну, позорящую даже языческие государства, вел христианский король Великобритании. Решившись поддерживать торговлю людьми, он использовал свое право для того, чтобы помешать всякой попытке (колоний) прекратить или стеснить эту отвратительную торговлю. И чтобы это собрание ужасов не нуждалось ни в одном факте, отмеченном печатью исключительности, он теперь возбуждает этих самых людей подняться с оружием против нас и, убивая людей, которых сам о н навязал им, купить свободу, которой он лишил их. Так, преступлениями, которые он побуждает совершить против жизней одних людей, оплачиваются прежние преступления против свобод других. Т. Джефферсон об обстоятельствах составления Декларации независимости В тот же день (2 июля 1776 г.) конгресс приступил к обсуждению составленной мной Декларации независимости, которая была доложена в первый раз конгрессу в предшествующую пятницу. Малодушная мысль, что у нас есть между англичанами друзья, которых следует по возможности щадить, не покидала многих из членов конгресса. Вследствие этого из декларации были выпущены места, где высказывалось порицание английскому народу, чтобы не возбуждать его против себя. Таким же образом было выпущено то место декларации, где было резкое осуждение рабству негров. Это было сделано в угоду Южной Каролине и Джорджии, которые никогда не делали попыток к ограничению ввоза негров из Африки, но, напротив, даже желали продолжения и впредь торговли неграми. Наши северные братья, надо полагать, также дурно себя чувствовали, слыша резкое осуждение рабовладения, так как, хотя жители северных колоний сами имели весьма мало рабов, они довольно часто занимались ввозом рабов в южные колонии.

Benjamin Franklin

A DISSERTATION ON LIBERTY AND NECESSITY, PLEASURE AND PAIN

Posted on January 1, 1725 Author Benjamin Franklin Posted in 2. Miscellaneous, Benjamin Franklin, Colonial America, The Writings of Benjamin Franklin, Vol I: Boston & London

To Mr. J. R.

SIR,

I have here, according to your Request, given you my present Thoughts of the general State of Things in the Universe. Such as they are, you have them, and are welcome to 'em; and if they yield you any Pleasure or Satisfaction, I shall think my Trouble sufficiently compensated. I know my Scheme will be liable to many Objections from a less discerning Reader than your self; but it is not design'd for those who can't understand it. I need not give you any Caution to distinguish the hypothetical Parts of the Argument from the conclusive: You will easily perceive what I design for Demonstration, and what for Probability only. The whole I leave entirely to you, and shall value my self more or less on this account, in proportion to your Esteem and Approbation.

SECT. I. Of Liberty and Necessity.

I. There is said to be a First Mover, who is called GOD, Maker of the Universe.

II. He is said to be all-wise, all-good, all powerful.

These two Propositions being allow'd and asserted by People of almost every Sect and Opinion; I have here suppos'd them granted, and laid them down as the Foundation of my Argument; What follows then, being a Chain of Consequences truly drawn from them, will stand or fall as they are true or false.

III. If He is all-good, whatsoever He doth must be good.

IV. If He is all-wise, whatsoever He doth must be wise.

The Truth of these Propositions, with relation to the two first, I think may be justly call'd evident; since, either that infinite Goodness will act what is ill, or infinite Wisdom what is not wise, is too glaring a Contradiction not to be perceiv'd by any Man of common Sense, and deny'd as soon as understood.

V. If He is all-powerful, there can be nothing either existing or acting in the Universe against or without his Consent; and what He consents to must be good, because He is good; therefore Evil doth not exist.

Unde Malum? has been long a Question, and many of the Learned have perplex'd themselves and Readers to little Purpose in Answer to it. That there are both Things and Actions to which we give the Name of Evil, is not here deny'd,

as Pain, Sickness, Want, Theft, Murder, &c. but that these and the like are not in reality Evils, Ills, or Defects in the Order of the Universe, is demonstrated in the next Section, as well as by this and the following Proposition. Indeed, to suppose any Thing to exist or be done, contrary to the Will of the Almighty, is to suppose him not almighty; or that Something (the Cause of Evil) is more mighty than the Almighty; an Inconsistence that I think no One will defend: And to deny any Thing or Action, which he consents to the existence of, to be good, is entirely to destroy his two Attributes of Wisdom and Goodness.

There is nothing done in the Universe, say the Philosophers, but what God either does, or permits to be done. This, as He is Almighty, is certainly true: But what need of this Distinction between doing and permitting? Why, first they take it for granted that many Things in the Universe exist in such a Manner as is not for the best, and that many Actions are done which ought not to be done, or would be better undone; these Things or Actions they cannot ascribe to God as His, because they have already attributed to Him infinite Wisdom and Goodness; Here then is the Use of the Word Permit; He permits them to be done, say they. But we will reason thus: If God permits an Action to be done, it is because he wants either Power or Inclination to hinder it; in saying he wants Power, we deny Him to be almighty; and if we say He wants Inclination or Will, it must be, either because He is not Good, or the Action is not evil, (for all Evil is contrary to the Essence of infinite Goodness.) The former is inconsistent with his before-given Attribute of Goodness, therefore the latter must be true.

It will be said, perhaps, that God permits evil Actions to be done, for wise Ends and Purposes. But this Objection destroys itself; for whatever an infinitely good God hath wise Ends in suffering to be, must be good, is thereby made good, and cannot be otherwise.

VI. If a Creature is made by God, it must depend upon God, and receive all its Power from Him; with which Power the Creature can do nothing contrary to the Will of God, because God is Almighty; what is not contrary to His Will, must be agreeable to it; what is agreeable to it, must be good, because He is Good; therefore a Creature can do nothing but what is good.

This Proposition is much to the same Purpose with the former, but more particular; and its Conclusion is as just and evident. Tho' a Creature may do many Actions which by his Fellow Creatures will be nam'd Evil, and which will naturally and necessarily cause or bring upon the Doer, certain Pains (which will likewise be call'd Punishments) yet this Proposition proves, that he cannot act what will be in itself really Ill, or displeasing to God. And that the painful Consequences of his evil Actions (so call'd) are not, as indeed they ought not to be, Punishments or Unhappinesses, will be shewn hereafter.

Nevertheless, the late learned Author of *The Religion of Nature*, (which I send you herewith) has given us a Rule or Scheme, whereby to discover which of our Actions ought to be esteem'd and denominat'd good, and which evil: It is in short this, "Every Action which is done according to Truth, is good; and every Action contrary to Truth, is evil: To act according to Truth is to use and esteem every Thing as what it is, &c. Thus if A steals a Horse from B, and rides away upon him, he uses him not as what he is in Truth, viz. the Property of another, but as his own, which is contrary to Truth, and therefore evil". But, as this Gentleman himself says, (Sect. I. Prop. VI.) "In order to judge rightly what any Thing is, it must be consider'd, not only what it is in one Respect, but also what it may be in any other Respect; and the whole Description of the Thing ought to be taken in:" So in this Case it ought to be consider'd, that A is naturally a covetous Being, feeling an Uneasiness in the want of B's Horse, which produces an Inclination for stealing him, stronger than his Fear of Punishment for so doing. This is Truth likewise, and A acts according to it when he steals the Horse. Besides, if it is prov'd to be a Truth, that A has not Power over his own Actions, it will be indisputable that he acts according to Truth, and impossible he should do otherwise.

I would not be understood by this to encourage or defend Theft; 'tis only for the sake of the Argument, and will certainly have no ill Effect. The Order and Course of Things will not be affected by Reasoning of this Kind; and 'tis as just and necessary, and as much according to Truth, for B to dislike and punish the Theft of his Horse, as it is for A to steal him.

VII. If the Creature is thus limited in his Actions, being able to do only such Things as God would have him to do, and not being able to refuse doing what God would have done; then he can have no such Thing as Liberty, Free-will or Power to do or refrain an Action.

By Liberty is sometimes understood the Absence of Opposition; and in this Sense, indeed, all our Actions may be said to be the Effects of our Liberty: But it is a Liberty of the same Nature with the Fall of a heavy Body to the Ground; it has Liberty to fall, that is, it meets with nothing to hinder its Fall, but at the same Time it is necessitated to fall, and has no Power or Liberty to remain suspended.

But let us take the Argument in another View, and suppose ourselves to be, in the common sense of the Word, Free Agents. As Man is a Part of this great Machine, the Universe, his regular Acting is requisite to the regular moving of the whole. Among the many Things which lie before him to be done, he may, as he is at Liberty and his Choice influenc'd by nothing, (for so it must be, or he is not at Liberty) chuse any one, and refuse the rest. Now there is every Moment something best to be done, which is alone then good, and with respect to which, every Thing else is at that Time evil. In order to know which is best to be done, and which not, it is requisite

that we should have at one View all the intricate Consequences of every Action with respect to the general Order and Scheme of the Universe, both present and future; but they are innumerable and incomprehensible by any Thing but Omniscience. As we cannot know these, we have but as one Chance to ten thousand, to hit on the right Action; we should then be perpetually blundering about in the Dark, and putting the Scheme in Disorder; for every wrong Action of a Part, is a Defect or Blemish in the Order of the Whole. Is it not necessary then, that our Actions should be over-rul'd and govern'd by an all-wise Providence? — How exact and regular is every Thing in the natural World! How wisely in every Part contriv'd! We cannot here find the least Defect! Those who have study'd the mere animal and vegetable Creation, demonstrate that nothing can be more harmonious and beautiful! All the heavenly Bodies, the Stars and Planets, are regulated with the utmost Wisdom! And can we suppose less Care to be taken in the Order of the moral than in the natural System? It is as if an ingenious Artificer, having fram'd a curious Machine or Clock, and put its many intricate Wheels and Powers in such a Dependance on one another, that the whole might move in the most exact Order and Regularity, had nevertheless plac'd in it several other Wheels endu'd with an independent Self-Motion, but ignorant of the general Interest of the Clock; and these would every now and then be moving wrong, disordering the true Movement, and making continual Work for the Mender; which might better be prevented, by depriving them of that Power of Self-Motion, and placing them in a Dependance on the regular Part of the Clock.

VIII. If there is no such Thing as Free-Will in Creatures, there can be neither Merit nor Demerit in Creatures.

IX. And therefore every Creature must be equally esteem'd by the Creator.

These Propositions appear to be the necessary Consequences of the former. And certainly no Reason can be given, why the Creator should prefer in his Esteem one Part of His Works to another, if with equal Wisdom and Goodness he design'd and created them all, since all Ill or Defect, as contrary to his Nature, is excluded by his Power. We will sum up the Argument thus, When the Creator first design'd the Universe, either it was His Will and Intention that all Things should exist and be in the Manner they are at this Time; or it was his Will they should be otherwise, i. e. in a different Manner: To say it was His Will Things should be otherwise than they are, is to say Somewhat hath contradicted His Will, and broken His Measures, which is impossible because inconsistent with his Power; therefore we must allow that all Things exist now in a Manner agreeable to His Will, and in consequence of that are all equally Good, and therefore equally esteem'd by Him.

I proceed now to shew, that as all the Works of the Creator are equally esteem'd by Him, so they are, as in Justice they ought to be, equally us'd.

SECT. II. Of Pleasure and Pain.

I. When a Creature is form'd and endu'd with Life, 'tis suppos'd to receive a Capacity of the Sensation of Uneasiness or Pain.

It is this distinguishes Life and Consciousness from unactive unconscious Matter. To know or be sensible of Suffering or being acted upon is to live; and whatsoever is not so, among created Things, is properly and truly dead.

All Pain and Uneasiness proceeds at first from and is caus'd by Somewhat without and distinct from the Mind itself. The Soul must first be acted upon before it can re-act. In the Beginning of Infancy it is as if it were not; it is not conscious of its own Existence, till it has receiv'd the first Sensation of Pain; then, and not before, it begins to feel itself, is rous'd, and put into Action; then it discovers its Powers and Faculties, and exerts them to expel the Uneasiness. Thus is the Machine set on work; this is Life. We are first mov'd by Pain, and the whole succeeding Course of our Lives is but one continu'd Series of Action with a View to be freed from it. As fast as we have excluded one Uneasiness another appears, otherwise the Motion would cease. If a continual Weight is not apply'd, the Clock will stop. And as soon as the Avenues of Uneasiness to the Soul are choak'd up or cut off, we are dead, we think and act no more.

II. This Uneasiness, whenever felt, produces Desire to be freed from it, great in exact proportion to the Uneasiness.

Thus is Uneasiness the first Spring and Cause of all Action; for till we are uneasy in Rest, we can have no Desire to move, and without Desire of moving there can be no voluntary Motion. The Experience of every Man who has observ'd his own Actions will evince the Truth of this; and I think nothing need be said to prove that the Desire will be equal to the Uneasiness, for the very Thing implies as much: It is not Uneasiness unless we desire to be freed from it, nor a great Uneasiness unless the consequent Desire is great.

I might here observe, how necessary a Thing in the Order and Design of the Universe this Pain or Uneasiness is, and how beautiful in its Place! Let us but suppose it just now banish'd the World entirely, and consider the Consequence of it: All the Animal Creation would immediately stand stock still, exactly in the Posture they were in the Moment Uneasiness departed; not a Limb, not a Finger would henceforth move; we should all be reduc'd to the Condition of Statues, dull and unactive: Here I should continue to sit motionless with the Pen in my Hand thus - and neither leave my Seat nor write one Letter more. This may appear odd at first View, but a little Consideration will make it evident; for 'tis impossible to assign any other Cause for the voluntary Motion of an Animal than its uneasiness in Rest. What a different Appearance then would the Face of Nature make, without it! How necessary is it! And how unlikely that the Inhabitants of the World ever were, or that the Creator ever design'd they should be, exempt from it!

I would likewise observe here, that the VIIIth Proposition in the preceding Section, viz. That there is neither Merit nor Demerit, &c. is here again demonstrated, as infallibly, tho' in another manner: For since Freedom from Uneasiness is the End of all our Actions, how is it possible for us to do any Thing disinterested? - How can any Action be meritorious of Praise or Dispraise, Reward or Punishment, when the natural Principle of Self-Love is the only and the irresistible Motive to it?

III. This Desire is always fulfill'd or satisfy'd,

In the Design or End of it, tho' not in the Manner: The first is requisite, the latter not. To exemplify this, let us make a Supposition; A Person is confin'd in a House which appears to be in imminent Danger of Falling, this, as soon as perceiv'd, creates a violent Uneasiness, and that instantly produces an equal strong Desire, the End of which is freedom from the Uneasiness, and the Manner or Way propos'd to gain this End, is to get out of the House. Now if he is convinc'd by any Means, that he is mistaken, and the House is not likely to fall, he is immediately freed from his Uneasiness, and the End of his Desire is attain'd as well as if it had been in the Manner desir'd, viz. leaving the House.

All our different Desires and Passions proceed from and are reducible to this one Point, Uneasiness, tho' the Means we propose to ourselves for expelling of it are infinite. One proposes Fame, another Wealth, a third Power, &c. as the Means to gain this End; but tho' these are never attain'd, if the Uneasiness be remov'd by some other Means, the Desire is satisfy'd. Now during the Course of Life we are ourselves continually removing successive Uneasinesses as they arise, and the last we suffer is remov'd by the sweet Sleep of Death.

IV. The fulfilling or Satisfaction of this Desire, produces the Sensation of Pleasure, great or small in exact proportion to the Desire.

Pleasure is that Satisfaction which arises in the Mind upon, and is caus'd by, the accomplishment of our Desires, and by no other Means at all; and those Desires being above shewn to be caus'd by our Pains or Uneasinesses, it follows that Pleasure is wholly caus'd by Pain, and by no other Thing at all.

V. Therefore the Sensation of Pleasure is equal, or in exact proportion to the Sensation of Pain.

As the Desire of being freed from Uneasiness is equal to the Uneasiness, and the Pleasure of satisfying that Desire equal to the Desire, the Pleasure thereby produc'd must necessarily be equal to the Uneasiness or Pain which produces it: Of three Lines, A, B, and C, if A is equal to B, and B to C, C must be equal to A. And as our Uneasinesses are always remov'd by some Means or other, it follows that Pleasure and Pain are in their Nature inseparable: So many Degrees as one Scale of the Ballance descends, so many exactly the other ascends; and one cannot rise or fall without the Fall or Rise of the other: 'Tis impossible to taste of Pleasure, without

feeling its preceding proportionate Pain; or to be sensible of Pain, without having its necessary Consequent Pleasure: The highest Pleasure is only Consciousness of Freedom from the deepest Pain, and Pain is not Pain to us unless we ourselves are sensible of it. They go Hand in Hand; they cannot be divided.

You have a View of the whole Argument in a few familiar Examples: The Pain of Abstinence from Food, as it is greater or less, produces a greater or less Desire of Eating, the Accomplishment of this Desire produces a greater or less Pleasure proportionate to it. The Pain of Confinement causes the Desire of Liberty, which accomplish'd, yields a Pleasure equal to that Pain of Confinement. The Pain of Labour and Fatigue causes the Pleasure of Rest, equal to that Pain. The Pain of Absence from Friends, produces the Pleasure of Meeting in exact proportion. &c.

This is the fixt Nature of Pleasure and Pain, and will always be found to be so by those who examine it.

One of the most common Arguments for the future Existence of the Soul, is taken from the generally suppos'd Inequality of Pain and Pleasure in the present; and this, notwithstanding the Difficulty by outward Appearances to make a Judgment of another's Happiness, has been look'd upon as almost unanswerable: but since Pain naturally and infallibly produces a Pleasure in proportion to it, every individual Creature must, in any State of Life, have an equal Quantity of each, so that there is not, on that Account, any Occasion for a future Adjustment.

Thus are all the Works of the Creator equally us'd by him; And no Condition of Life or Being is in itself better or preferable to another: The Monarch is not more happy than the Slave, nor the Beggar more miserable than Croesus. Suppose A, B, and C, three distinct Beings; A and B, animate, capable of Pleasure and Pain, C an inanimate Piece of Matter, insensible of either. A receives ten Degrees of Pain, which are necessarily succeeded by ten Degrees of Pleasure: B receives fifteen of Pain, and the consequent equal Number of Pleasure: C all the while lies unconcern'd, and as he has not suffer'd the former, has no right to the latter. What can be more equal and just than this? When the Accounts come to be adjusted, A has no Reason to complain that his Portion of Pleasure was five Degrees less than that of B, for his Portion of Pain was five Degrees less likewise: Nor has B any Reason to boast that his Pleasure was five Degrees greater than that of A, for his Pain was proportionate: They are then both on the same Foot with C, that is, they are neither Gainers nor Losers.

It will possibly be objected here, that even common Experience shews us, there is not in Fact this Equality: "Some we see hearty, brisk and chearful perpetually, while others are constantly burden'd with a heavy Load of Maladies and Misfortunes, remaining for Years perhaps in Poverty, Disgrace, or Pain, and die at

last without any Appearance of Recompence.” Now tho’ ’tis not necessary, when a Proposition is demonstrated to be a general Truth, to shew in what manner it agrees with the particular Circumstances of Persons, and indeed ought not to be requir’d; yet, as this is a common Objection, some Notice may be taken of it: And here let it be observ’d, that we cannot be proper Judges of the good or bad Fortune of Others; we are apt to imagine, that what would give us a great Uneasiness or a great Satisfaction, has the same Effect upon others: we think, for Instance, those unhappy, who must depend upon Charity for a mean Subsistence, who go in Rags, fare hardly, and are despis’d and scorn’d by all; not considering that Custom renders all these Things easy, familiar, and even pleasant. When we see Riches, Grandeur and a chearful Countenance, we easily imagine Happiness accompanies them, when oftentimes ’tis quite otherwise: Nor is a constantly sorrowful Look, attended with continual Complaints, an infallible Indication of Unhappiness. In short, we can judge by nothing but Appearances, and they are very apt to deceive us. Some put on a gay chearful Outside, and appear to the World perfectly at Ease, tho’ even then, some inward Sting, some secret Pain imbitters all their Joys, and makes the Ballance even: Others appear continually dejected and full of Sorrow; but even Grief itself is sometimes pleasant, and Tears are not always without their Sweetness: Besides, Some take a Satisfaction in being thought unhappy, (as others take a Pride in being thought humble,) these will paint their Misfortunes to others in the strongest Colours, and leave no Means unus’d to make you think them thoroughly miserable; so great a Pleasure it is to them to be pitied; Others retain the Form and outside Shew of Sorrow, long after the Thing itself, with its Cause, is remov’d from the Mind; it is a Habit they have acquir’d and cannot leave. These, with many others that might be given, are Reasons why we cannot make a true Estimate of the Equality of the Happiness and Unhappiness of others; and unless we could, Matter of Fact cannot be opposed to this Hypothesis. Indeed, we are sometimes apt to think, that the Uneasinesses we ourselves have had, outweigh our Pleasures; but the Reason is this, the Mind takes no Account of the latter, they slip away un-remark’d, when the former leave more lasting Impressions on the Memory. But suppose we pass the greatest part of Life in Pain and Sorrow, suppose we die by Torments and think no more, ’tis no Diminution to the Truth of what is here advanc’d; for the Pain, tho’ exquisite, is not so to the last Moments of Life, the Senses are soon benumm’d, and render’d incapable of transmitting it so sharply to the Soul as at first; She perceives it cannot hold long, and ’tis an exquisite Pleasure to behold the immediate Approaches of Rest. This makes an Equivalent tho’ Annihilation should follow: For the Quantity of Pleasure and Pain is not to be measur’d by its Duration, any more

than the Quantity of Matter by its Extension; and as one cubic Inch may be made to contain, by Condensation, as much Matter as would fill ten thousand cubic Feet, being more expanded, so one single Moment of Pleasure may outweigh and compensate an Age of Pain.

It was owing to their Ignorance of the Nature of Pleasure and Pain that the Antient Heathens believ'd the idle Fable of their Elizium, that State of uninterrupted Ease and Happiness! The Thing is intirely impossible in Nature! Are not the Pleasures of the Spring made such by the Disagreeableness of the Winter? Is not the Pleasure of fair Weather owing to the Unpleasantness of foul? Certainly. Were it then always Spring, were the Fields always green and flourishing, and the Weather constantly serene and fair, the Pleasure would pall and die upon our Hands; it would cease to be Pleasure to us, when it is not usher'd in by Uneasiness. Could the Philosopher visit, in reality, every Star and Planet with as much Ease and Swiftmess as he can now visit their Ideas, and pass from one to another of them in the Imagination; it would be a Pleasure I grant; but it would be only in proportion to the Desire of accomplishing it, and that would be no greater than the Uneasiness suffer'd in the Want of it. The Accomplishment of a long and difficult Journey yields a great Pleasure; but if we could take a Trip to the Moon and back again, as frequently and with as much Ease as we can go and come from Market, the Satisfaction would be just the same.

The Immateriality of the Soul has been frequently made use of as an Argument for its Immortality; but let us consider, that tho' it should be allow'd to be immaterial, and consequently its Parts incapable of Separation or Destruction by any Thing material, yet by Experience we find, that it is not incapable of Cessation of Thought, which is its Action. When the Body is but a little indispos'd it has an evident Effect upon the Mind; and a right Disposition of the Organs is requisite to a right Manner of Thinking. In a sound Sleep sometimes, or in a Swoon, we cease to think at all; tho' the Soul is not therefore then annihilated, but exists all the while tho' it does not act; and may not this probably be the Case after Death? All our Ideas are first admitted by the Senses and imprinted on the Brain, increasing in Number by Observation and Experience; there they become the Subjects of the Soul's Action. The Soul is a mere Power or Faculty of contemplating on, and comparing those Ideas when it has them; hence springs Reason: But as it can think on nothing but Ideas, it must have them before it can think at all. Therefore as it may exist before it has receiv'd any Ideas, it may exist before it thinks. To remember a Thing, is to have the Idea of it still plainly imprinted on the Brain, which the Soul can turn to and

contemplate on Occasion. To forget a Thing, is to have the Idea of it defac'd and destroy'd by some Accident, or the crowding in and imprinting of great variety of other Ideas upon it, so that the Soul cannot find out its Traces and distinguish it. When we have thus lost the Idea of any one Thing, we can think no more, or cease to think, on that Thing; and as we can lose the Idea of one Thing, so we may of ten, twenty, a hundred, &c. and even of all Things, because they are not in their Nature permanent; and often during Life we see that some Men, (by an Accident or Distemper affecting the Brain,) lose the greatest Part of their Ideas, and remember very little of their past Actions and Circumstances. Now upon Death, and the Destruction of the Body, the Ideas contain'd in the Brain, (which are alone the Subjects of the Soul's Action) being then likewise necessarily destroy'd, the Soul, tho' incapable of Destruction itself, must then necessarily cease to think or act, having nothing left to think or act upon. It is reduc'd to its first unconscious State before it receiv'd any Ideas. And to cease to think is but little different from ceasing to be.

Nevertheless, 'tis not impossible that this same Faculty of contemplating Ideas may be hereafter united to a new Body, and receive a new Set of Ideas; but that will no way concern us who are now living; for the Identity will be lost, it is no longer that same Self but a new Being.

I shall here subjoin a short Recapitulation of the Whole, that it may with all its Parts be comprehended at one View.

1. It is suppos'd that God the Maker and Governour of the Universe, is infinitely wise, good, and powerful.
2. In consequence of His infinite Wisdom and Goodness, it is asserted, that whatever He doth must be infinitely wise and good;
3. Unless He be interrupted, and His Measures broken by some other Being, which is impossible because He is Almighty.
4. In consequence of His infinite Power, it is asserted, that nothing can exist or be done in the Universe which is not agreeable to His Will, and therefore good.
5. Evil is hereby excluded, with all Merit and Demerit; and likewise all preference in the Esteem of God, of one Part of the Creation to another. This is the Summary of the first Part.

Now our common Notions of Justice will tell us, that if all created Things are equally esteem'd by the Creator, they ought to be equally us'd by Him; and that they are therefore equally us'd, we might embrace for Truth upon the Credit, and as the true

Consequence of the foregoing Argument. Nevertheless we proceed to confirm it, by shewing how they are equally us'd, and that in the following Manner.

1. A Creature when endu'd with Life or Consciousness, is made capable of Uneasiness or Pain.
2. This Pain produces Desire to be freed from it, in exact proportion to itself.
3. The Accomplishment of this Desire produces an equal Pleasure.
4. Pleasure is consequently equal to Pain.

From these Propositions it is observ'd,

1. That every Creature hath as much Pleasure as Pain.
2. That Life is not preferable to Insensibility; for Pleasure and Pain destroy one another: That Being which has ten Degrees of Pain subtracted from ten of Pleasure, has nothing remaining, and is upon an equality with that Being which is insensible of both.
3. As the first Part proves that all Things must be equally us'd by the Creator because equally esteem'd; so this second Part demonstrates that they are equally esteem'd because equally us'd.
4. Since every Action is the Effect of Self-Uneasiness, the Distinction of Virtue and Vice is excluded; and Prop. VIII. in Sect. I. again demonstrated.
5. No State of Life can be happier than the present, because Pleasure and Pain are inseparable.

Thus both Parts of this Argument agree with and confirm one another, and the Demonstration is reciprocal.

I am sensible that the Doctrine here advanc'd, if it were to be publish'd, would meet with but an indifferent Reception. Mankind naturally and generally love to be flatter'd: Whatever soothes our Pride, and tends to exalt our Species above the rest of the Creation, we are pleas'd with and easily believe, when ungrateful Truths shall be with the utmost Indignation rejected. "What! bring ourselves down to an Equality with the Beasts of the Field! with the meanest part of the Creation! 'Tis insufferable!" But, (to use a Piece of common Sense) our Geese are but Geese tho' we may think 'em Swans; and Truth will be Truth tho' it sometimes prove mortifying and distasteful.

London, 1725

Бенджамин Франклин

**ДИССЕРТАЦИЯ О СВОБОДЕ И НЕОБХОДИМОСТИ,
УДОВОЛЬСТВИИ И БОЛИ, 1725 г.**

(Извлечение)

- «1. Что каждое существо имеет столько же удовольствия, сколько и боли.
2. Эта жизнь не предпочтительнее бесчувственности, ибо удовольствие и страдание уничтожают друг друга: то существо, которое имеет десять степеней страдания, вычтенных из десяти степеней удовольствия, не имеет ничего другого и находится наравне с тем существом, которое нечувствительно к обоим.
3. Как первая часть доказывает, что все вещи должны быть одинаково почитаемы Творцом, потому что одинаково почитаемы; так и вторая часть доказывает, что они одинаково почитаемы, потому что одинаково почитаемы нами.
4. Так как всякое действие есть следствие беспокойства о себе, то различие между добродетелью и пороком исключается; и опора. VIII. В разделе III. Я снова продемонстрировал.
5. Ни одно состояние жизни не может быть счастливее настоящего, потому что удовольствие и боль неразделимы.

Таким образом, обе части этого аргумента согласуются и подтверждают друг друга, и демонстрация является взаимной.

Я чувствую, что доктрина, которую здесь продвигают, если бы она была опубликована, встретила бы только равнодушный прием. Человечество естественно и вообще любит быть польщенным: все, что успокаивает нашу гордыню и стремится возвысить наш вид над остальным творением, мы умоляем и легко верим, когда неблагодарные истины будут с величайшим негодованием отвергнуты. - Что? низвести себя до равенства с полевыми животными! с самой подлой частью творения! - Это невыносимо! - Но (если воспользоваться кусочком здравого смысла) наши гуси-это всего лишь гуси, хотя мы можем думать, что они лебеди и истина будет истиной, хотя иногда она оказывается унижительной и неприятной.»

Бенджамин Франклин

**ИСТОРИЧЕСКИЙ ОЧЕРК КОНСТИТУЦИИ ПРАВИТЕЛЬСТВА
ПЕНСИЛЬВАНИИ С МОМЕНТА ЕЕ ВОЗНИКНОВЕНИЯ, 1759 г.**

(Извлечение)

Поскольку ни один народ не может быть по-настоящему счастливым, если он, даже пользуясь всеми гражданскими свободами, стеснен в свободе совести, вероисповедания и культа; ни один Житель, верующий в единого всемогущего бога и заявляющий о своем долге жить мирно под управлением гражданского правительства, не должен быть ущемлен ни в личных правах, ни в имущественных; все лица... имеют право служить правительству как в законодательных, так и в исполнительных органах; ежегодно свободными жителями должна избираться ассамблея, состоящая из четырех представителей от каждого графства, особо отличившихся своей добродетелью, мудростью и способностями, или же из большего числа представителей по решению губернатора и ассамблеи...

Томас Пейн

**О ПРОИСХОЖДЕНИИ И НАЗНАЧЕНИИ ПРАВИТЕЛЬСТВЕННОЙ
ВЛАСТИ, С КРАТКИМИ ЗАМЕЧАНИЯМИ ПО ПОВОДУ
АНГЛИЙСКОЙ КОНСТИТУЦИИ**

(Извлечение)

Поскольку все люди от природы равны по происхождению, равенство это могло быть нарушено лишь впоследствии, различия между богатыми и бедными вполне можно понять и не прибегая к таким неприятным и неблагозвучным словам, как угнетение и алчность. Угнетение часто является следствием, но редко или почти никогда – средством достижения богатства. И хотя скупость предохраняет человека от нужды, она обычно делает его слишком робким, чтобы стать богатым. Но существует другое и более значительное различие, для которого нельзя подыскать ни естественной, ни религиозной причины: это разделение людей на монархов и подданных...

В ранние эпохи [существования] мира, согласно хронологии [священного] писания, королей не было; вследствие этого не было и войн; гордость королей — вот что ввергает человечество в междоусобицы.

Голландия без короля больше наслаждалась миром за последнее столетие, чем какое-либо из монархических государств Европы. Древность подтверждает ту же мысль, ибо спокойствие сельской жизни первых патриархов несет в себе нечто отрадное...

Полагают, будто нынешние царские роды во всем мире почтенного происхождения; тогда как более чем вероятно, что будь мы в состоянии сорвать темный покров древности и проследить их историю до самого начала, мы бы обнаружили, что первые цари нисколько не лучше главаря разбойничьей шайки, чье дикое поведение и превосходство в коварстве принесли ему звание первого среди грабителей и который, умножая свою власть и расширяя пределы своих набегов, устрашал мирных и незащищенных с тем, чтобы они покупали свою безопасность частыми приношениями..., есть сильное и естественное доказательство того, что власть одной над другой никогда не была божьим умыслом...

Если же мы присмотримся к обязанностям королей, то увидим, в некоторых странах им нечего делать. Проведя свою жизнь удовольствия для себя и без пользы для народа, они сходят сцены, предоставляя своим наследникам вступать на тот же праздный путь... В Англии король только и делает, что воюет и раздает должности, иначе говоря, разоряет нацию и сеет в ней ссоры. Хорошенькое занятие для человека, получающего в год восемьсот тысяч фунтов стерлингов и вдобавок боготворимого! Один честный человек дороже для общества и для господа, чем все коронованные Негодяи, когда-либо жившие на земле...

...На тему о борьбе между Англией и Америкой написаны целые фолианты. По различным мотивам и с разными намерениями люди всех званий вступали в полемику, но все было бесплодно, и период дебатов закончился. Оружие как последнее средство решает сейчас спор. На него пал выбор короля, и американский континент принял этот вызов... Когда дело перешло от споров к оружию, наступила новая эра в политике и возник новый ход мысли...

...Я слышал утверждение некоторых о том, что поскольку Америка процветала при своей прежней связи с Великобританией, то такая связь необходима для ее счастья в будущем и всегда будет приносить те же плоды. Ничто не может быть ошибочнее доводов подобного рода. Таким же образом можно утверждать, что козь скоро дитя поправлялось от молока, то ему вообще не нужно мяса, или что первые двадцать лет нашей жизни должны стать примером и для последующего двадцатилетия. Но даже такое допущение заходит дальше, чем нужно, ибо я положительно утверждаю, что Америка процветала бы в такой же степени и, по всей вероятности, даже гораздо

больше, если бы никакое европейское государство не обращало на нее внимания. Америка обогатила себя, продавая Европе предметы первой необходимости, и сбыт им всегда будет обеспечен, пока Европа не оставит привычку к еде.

Но ведь она [Англия] защищала нас, говорят некоторые. Допустим, что она владела нами полностью, это верно, что она защищала континент за наш счет так же, как и за свой собственный, но она защищала бы и Турцию из тех же соображений, т.е. ради коммерции и власти. Увы! Мы долгое время находились во власти старых предрассудков и приносили большие жертвы своим суевериям. Мы гордились покровительством Великобритании, не учитывая того, что к этому ее побуждал интерес, но не привязанность и что она защищала от наших врагов не нас самих. Но от своих собственных врагов и ради самой себя, от тех, кто не «ни с нами в ссоре ни по каким другим причинам, но кто всегда будет нашим врагом по той же причине...

Но Британия – наша мать, говорят некоторые. Тогда тем более позорно ее поведение. Даже звери не пожирают своих детенышей, даже дикари не нападают на своих родных; вот почему такое утверждение, если оно верно, оборачивается по отношению к ней упреком; но оказывается, оно неверно или верно лишь отчасти: слова родина или родина-мать иезуитски использовались королем и его туineaдцами с низким папистским умыслом повлиять на наши легковверные и слабые умы. Отечество Америки – это Европа, а не Англия. Новый свет стал убежищем для гонимых приверженцев гражданской и религиозной свободы из всех частей Европы. Сюда бежали они не от нежных материнских объятий, но от жестокости чудовища, и в отношении Англии это настолько верно, что та тирания, которая выгнала из дому первых эмигрантов, все еще преследует их потомков...

Наша задача – торговля, а если ее вести как следует, то это обеспечит нам мир и дружбу со всей Европой, потому что вся Европа заинтересована в беспрепятственной торговле с Америкой. Ее торговля всегда будет служить ей защитой, а бедность недр золотом и серебром предохранит от захватчиков. Я призываю самых горячих защитников политики примирения показать хотя бы одно преимущество, какое континент может получить от связи с Великобританией. Я повторяю этот вызов; таких преимуществ нет. Хлеб наш найдет свой сбыт на любом европейском рынке, а за привозные товары нужно платить, где бы мы их ни покупали. Неудобства же и убытки, какие мы терпим от этой связи, неисчислимы; и долг наш перед всем человечеством, как и перед самим собой, велит нам расторгнуть союз, ибо всякое подчинение Великобритании или зависимость от нее грозит непосредственно втянуть наш континент в европейские войны и распри и ссорит нас с нациями, которые

иначе искали бы нашей дружбы и на которых у нас нет ни зла, ни жалоб. Поскольку Европа является нашим рынком, нам не следует вступать в предпочтительную связь с какой-либо ее частью.

Истинный интерес Америки – избегать европейских раздоров, но этого она никогда не сможет сделать, пока в силу своей зависимости от Британии она служит довеском на весах британской политики. Европа слишком густо засажена королевствами, чтобы долго жить в мире, и всякий раз, когда между Англией и любой иностранной державой возникает война, торговля Америки гибнет по причине ее связи с Британией. Очередная война может обернуться не так, как последняя, и тогда нынешние адвокаты примирения будут ратовать за отделение, так как нейтралитет в этом случае послужит более надежным конвоем, чем военный корабль. Все, что есть верного и разумного, молит об отделении. Кровь убитых, рыдающий голос природы вопиют: «Пора расставаться». Даже то расстояние, на какое Всемогущий удалил Англию от Америки, есть сильное и естественное доказательство того, что власть одной над другой никогда не была божьим умыслом...

Так как Британия не обнаружила ни малейшей склонности к компромиссу, то мы можем быть уверены, что невозможно [мирным путем] достичь условий, достойных быть принятыми континентом, или чего-либо, что могло бы возместить уже понесенные нами жертвы людьми и деньгами...

Но допустим, что мы помирились, к чему бы это привело? Я отвечаю – к гибели континента. И по следующим причинам: Во-первых. Так как верховная власть останется все-таки в руках короля, ему будет принадлежать право вето на все законодательные акты континента. А так как он показал себя закоренелым врагом свободы и обнаружил жажду неограниченной власти, то подобает ли ему [право] говорить нашим колониям: вы не издадите законов иначе, как с моего одобрения!?. После так называемого примирения можно ли сомневаться, что вся власть короны будет направлена на то, чтобы держать этот континент в возможно более приниженном, жалком положении? Вместо того чтобы идти вперед, мы пойдем назад, будь то с вечными распрями или с дурацкими петициями. Мы и так [выросли] больше, чем того желал бы король, не постарается ли он впредь нас укоротить? Если свести все дело к одному вопросу, то я спрашиваю: способна ли власть, враждебная нашему процветанию, управлять нами?

Во-вторых... Состоятельные эмигранты не захотят ехать в страну, чья форма правления висит на волоске и которая постоянно находится на краю волнений и беспорядков, а множество ее нынешних обитателей используют этот перерыв, чтобы распорядиться своим имуществом и покинуть континент.

Но более сильный из всех доводов состоит в том, что ничто, кроме независимости, то есть [собственной] формы правления для континента, не сможет сохранить ему мир и уберечь от гражданских войн. Меня в настоящее время страшит примирение с Британией, ибо более чем вероятно, что за ним последует в том или ином месте восстание, последствия которого могут оказаться куда более пагубными, чем все козни Британии... Если уж действительно существует причина для опасений в отношении независимости, так это отсутствие по сей день разработанного плана. Люди не видят пути к ней.

Вот почему для подхода к этому делу я предлагаю нижеследующие наброски... Пусть каждая колония будет разумно разделена на шесть, восемь или десять дистриктов, каждый дистрикт пусть посылает соответствующее число делегатов в конгресс, с тем чтобы каждая колония посылала по крайней мере тридцать. Общее число делегатов в конгресс будет составлять по меньшей мере 390. Пусть каждый конгресс заседает и выбирает президента по следующему методу. Когда делегаты в сборе, пусть из всех тринадцати колоний отбирается по жребию одна, после чего конгресс выбирает путем тайного голосования президента из числа делегатов этой провинции. На следующем конгрессе пусть в жеребьевке участвуют только двенадцать с исключением той колонии, от которой был уже избран президент на прошлом конгрессе. И так будет продолжаться до тех пор, пока все тринадцать не дождутся своей очереди. Для того чтобы силу закона получало лишь то, что вполне справедливо, большинство должно состоять не менее чем из трех пятых конгресса... Наша великая сила не в числе, но в единстве, однако теперь нас достаточно, чтобы отразить силы всего мира.

Томас Пейн

ДОПОЛНЕНИЕ К «ЗДРАВОМУ СМЫСЛУ»

(Извлечение)

После опубликования первого издания этого памфлета, или, вернее, в день, когда он вышел в нашем городе [Филадельфии], стала известна речь короля... И речь [короля], вместо того чтобы утратить, проложила путь мужественным принципам независимости. ...Эта речь, если только ее можно так назвать, не что иное, как преднамеренный и наглый поклеп против истины, общего блага и существования человечества; ...В ней отражены неприкрытые жестокость и тиранство...

...Я в своих дальнейших замечаниях ограничусь главным образом следующими вопросами. Во-первых, что в интересах Америки отделиться от Британии. Во-вторых, какой из планов наиболее легок и осуществим: примирение или независимость?..

...Ни одна нация, [находясь] в состоянии чужеземной зависимости, ограниченная в своей торговле, скованная и стесненная в своей законодательной власти, никогда не сможет достигнуть материального превосходства...

Благо Англии — не в завоевании Америки, а в торговле с ней, и последняя могла бы успешно продолжаться, если бы эти страны были такими же независимыми друг от друга, как Франция и Испания... Независимость нашей страны от Британии или от любой другой — вот что является сейчас главной и единственной целью, за которую стоит бороться и которая, подобно всем другим истинам, открытым в силу необходимости, будет выступать все яснее и тверже с каждым днем...

Настоящее положение Америки действительно вызывает тревогу у каждого мыслящего человека. Без закона, без правительства, без всякой иной формы власти, кроме той, что дарована из любезности и основана на ней; связанная с беспримерной солидарностью чувств, которая, однако, подвержена изменению и которую каждый скрытый враг стремится разрушить. Наше настоящее положение — это законодательство без закона... Ничья собственность не обеспечена при нынешнем распущенном состоянии. Каждый считает, что волен действовать, как ему заблагорассудится. Тори не осмелились бы выступать столь дерзко, если бы они знали, что за свои действия они поплатились бы жизнью по законам государства. Следовало бы провести линию разграничения между английскими солдатами, взятыми в бою, и жителями Америки, захваченными с оружием в руках. Первые — это пленники, в то время как вторые — изменники. Одни пусть поплатятся свободой, другие головой.

...Насилие, причиненное и грозящее нам; разрушение нашего имущества вооруженной силой; вторжение в нашу страну с огнем и мечом — вот что дает нам основание с чистой совестью пустить в ход оружие; в момент, когда этот способ защиты стал необходим, всякое повиновение Британии должно прекратиться, и началом эры независимости Америки должно считать и провозгласить первый мушкетный выстрел, направленный против нее...

..Мы должны понять, что есть три разных пути, которыми в будущем можно осуществить независимость, и что один из этих трех рано или поздно сужден Америке; а именно посредством законного волеизъявления народа в конгрессе, посредством военной силы или [выступления] черни... Если

независимость будет осуществлена первым путем, то для нас откроются все возможности создать самую благородную, самую чистую конституцию на земле...

...Мы теперь должны не спорить, будем ли мы независимыми или не будем, но всячески стремиться осуществить эту независимость на прочной, надежной и достойной основе, и нас скорее должно беспокоить то, что к этому еще не приступлено. Каждый день убеждает нас в необходимости [независимости]. Даже тори... должны больше всех способствовать этому: подобно тому как на первых порах устройство [корреспондентских] комитетов ограждало их от народной ярости, так разумная и прочно установленная форма правления будет единственным верным средством их защиты в дальнейшем. Поэтому, если они не обладают достаточной добродетелью, чтобы быть вигами, они должны иметь достаточно благоразумия, чтобы желать независимости. Короче говоря, независимость является единственной связью, которая нас объединяет и сплачивает... ..Истребим именованные виги и тори, и пусть среди нас не слышно будет другого [именования], кроме добрых граждан, открытых и верных друзей и отважных защитников прав человека и [прав] свободных и независимых Штатов Америки.

Научные публикации

В. А. Шихов

ОСОБЕННОСТИ АМЕРИКАНСКОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ

(Извлечение)

...Идеология просвещения придавала мощный стимул развитию национального самосознания во многих странах, но особенно отчетливо это проявилось на американской земле. Восприняв и взяв на вооружение основные идеи европейского Просвещения, американцы дополнили их, а где-то и видоизменили, что дает полное право говорить об американском просвещении, как об особенном идеологическом явлении XVIII в. Следствием этого стал тот факт, что американцы стали первой в мире нацией, сформировавшей свою государственность исключительно на идеях Просвещения.

...американцы восприняли и успешно применили на практике многие идеи европейского Просвещения. Во-первых, учение о естественном праве с

вытекающими из него идеями всеобщего равенства. Эта теория стала основополагающим постулатом, на котором строились доказательства о необходимости и правомерности свержения колониальной власти английской метрополии и образования независимого американского государства.

Во-вторых, просветительский идеал «нового человека», который пропагандировался и воспевался в трудах многих европейских просветителей, начиная с Ж.-Ж. Руссо. Этот идеал нашел отклик в американском народе, поскольку в качестве мерила ценности личности она на первое место выдвигалась не знатность и положение в обществе, а ее собственные достоинства.

В-третьих, живой отклик встретила в Америке вера просветителей в Разум как средство совершенствования человека и общества.

В-четвертых, из всех европейских просветителей и философских теорий того времени наибольшее влияние на американцев оказал Джон Локк и его сенсуализм. Локк утверждал, что знание происходит не столько из разума, сколько из чувственного опыта. Для людей, республиканцев, строящих свою государственность с нуля, эта идея давала теоретическое обоснование возможностям изменять и улучшать себя, внешнюю среду и общество.

Основные же расхождения между европейскими просветителями и их последователями на американском континенте образовались, прежде всего, в политической сфере. В частности, это касается теории «просвещенного монарха». В конечном итоге, идеологическая борьба в американской политической сфере в отношении этого, казалось бы, теоретического понятия и привела к появлению поста президента как своего рода компромисс между монархическим и республиканским политическими силами в Северной Америке.

...

Из этого вытекает следующая особенность американского Просвещения. Утверждения о том, что все люди созданы Богом равными – рождали космополитичность, широкий кругозор в гуманитарных вопросах, свобода от предрассудков, ограниченности и религиозной нетерпимости. Почти все американские лидеры второй половины XVIII столетия были джентльменами в первом поколении, первыми в своих семьях, кто поступил колледжи и получил широкое гуманитарное образование, что являлось признаком просвещенного человека того времени. Их родители происходили часто из простонародья, и поэтому лидеры американской революции ощущали большую связь с народом, чем представители европейских политических элит. При этом, как отметил еще в 1792 г. Джоэл Барлоу, слово «народ» в

Соединенных Штатах, свободных от сословной ограниченности, означает все общество в целом, тогда как в Европе это только низшая часть общества.

Вера в Разум – важнейшая черта Просвещения, ее основополагающий камень, начало просветительской теории. Революция и Просвещение сделали американцев более разумными людьми, людьми, ставящими Разум и все, что с ним связано на высокое место в своей иерархии ценностей. Распространению грамотности среди населения, важности народного образования уделялось много внимания не только в речах и трактатах того времени, но и в деятельности молодого государства. Уже к концу XVIII в. уровень грамотности среди белых мужчин-северян был самым высоким в мире, но еще более – среди белых женщин.

Распространение знаний, грамотности, образованности среди американского народа происходило стремительно и разными путями. Понимая значимость информации, а вернее, значимость временного фактора информации, американцы создали самую совершенную на тот момент почтовую систему, строя почтовые конторы по всей стране быстрее, чем кто-либо в мире. Следствием этого беспрецедентного расширения почтовой системы стал бурный рост газетной отрасли. К 1810 г. американцы ежегодно раскупали 22 млн. экземпляров 376 газет....

Национальная система образования США стала со всеми ее специфическими особенностями складываться после Американской революции и войны за независимость. Еще в 1779 г. Томас Джефферсон выпустил билль о всеобщем распространении знаний. Однако в Конституции 1787 г. не упоминалось о просвещении и образовании. Федеральное правительство передало ведение этих вопросов в компетенцию законодательных собраний штатов. Таким образом, была создана и закреплена децентрализованная система школьного образования, при которой важную роль играла местная общественность, так как школы содержались на средства жителей. Подобная децентрализация способствовала привлечению населения к решению многих школьных вопросов, создавала условия для развития образования. Тем самым происходило отделение школы от государства, а отделение государства от церкви позволяло легче перейти к процессу создания светской школы, который начался с 1818 г., когда законодательное собрание штата Коннектикут провозгласило отделение школы от церкви.

Бесплатность обучения способствовала резкому увеличению числа обучающихся, а это привело к тому, что уже в середине XIX столетия по состоянию образования США обогнали все страны Европы. При этом стоит отметить, что содержание образования в школах США в большей степени предусматривало подготовку учащихся к практической деятельности, что,

несомненно, являлось отголоском другой ментальной особенности американского Просвещения – прагматизма.

Поскольку уровень образованности общества делает нравы этого общества более мягкими, не удивительно, что американцы стали лидерами в области проведения реформ в гуманитарной сфере. Были созданы тысячи благотворительных и филантропических обществ, были введены новые системы наказания за уголовные преступления. Произошла либерализация уголовного законодательства, в основе которой лежали идеи Джона Локка – самого популярного идеолога Просвещения среди американской элиты. Именно локковская либеральная мысль о том, что характеры людей порождаются окружающей средой, что человек – это «*tabula rasa*» (чистая доска) привела американских просветителей к идеям о том, что преступники не несут полной ответственности за свои действия, что люди не рождаются преступниками, а учатся совершать преступления путем чувственного восприятия окружающего мира. Поэтому в уголовном законодательстве штатов, в первую очередь Пенсильвании и Новой Англии, выдвигалась цель «перевоспитать, а не уничтожить» нарушителей закона....

Не менее сильно процессы просвещения повлияли на формирование еще одной особенности американской ментальности. Это американская религиозность и религиозная толерантность. Разнообразные религиозные движения, возникшие в XIX в., свидетельствовали о глубинных процессах в этой области. В это время американцы искренне считали себя не просто первой республиканской нацией, но и нацией избавителей. При этом параллельно происходил постепенный процесс отделения всех церквей от государства. На рубеже веков во всех штатах религиозные организации лишались поддержки, вносились поправки в конституции, направленные на религиозное многообразие и веротерпимость. Все это свидетельствовало о более терпимом отношении к различным группам населения.

Эти религиозные процессы, в первые десятилетия после революции получили название «Второго Великого Пробуждения» и произвели значительные изменения в мышлении и мировосприятии американцев, их теологическом сознании. Основные идеи этого великого ментального процесса следующие: спасение доступно каждому, любой может выбрать между добром и злом, любой может стать совершенным уже в этой жизни, и полагаться надо не на чужие слова священников, а на собственные сердца. Все это сильно повлияло на американский способ восприятия мира, на место североамериканцев в этом мире и на их ментальность. Второе Великое Пробуждение, означавшее демократизацию христианства, стало дополнением к той революционной демократизации, которая была совершенна в политике.

Одной из особенностей Второго Великого Пробуждения являлось то, что большую часть апологетов этого движения составляли женщины, которые именно в религиозной сфере впервые обрели право голоса и стали претендовать на важные социальные роли. Второй особенностью этого процесса явилось то, что в значительной мере изменилась жизнь чернокожих рабов в южных штатах, так как огромное их число обратилось к христианству, видя в нем в том числе и призыв к неповиновению.

С. А. Короткова

АМЕРИКАНСКИЕ ПРОСВЕТИТЕЛИ XVIII ВЕКА О РОЛИ ЖЕНЩИН В ОБЩЕСТВЕ

(Извлечение)

Период американского Просвещения охватывает приблизительно 50 лет – с 1765 г. по 1815 г., и является, по словам Джона Адамса, «веком революций и конституций». Оно началось с развития аргументации за отделение от Великобритании, кульминацией его была Декларация независимости.

«Наиболее специфической чертой американского Просвещения был его боевой, наступательный характер, непосредственная связь теории и практики, сочетание философской и политической деятельности. Бурное развитие политических событий рано лишило американское Просвещение умозрительного характера, общефилософского теоретизирования, придав ему практическую направленность, столь свойственную складу ума жителей США...».

Большинство американских просветителей (Б.Франклин, А.Гамильтон, Д. Адамс, Д.Мэдисон, Т. Джефферсон, Б. Раш, Т.Пейн и др.) не только создавали политические декларации, но и разрабатывали конкретные правовые акты, чтобы закрепить в них результаты революции. Они создавали документы, провозглашающие неотъемлемость прирожденных прав человека, они ставили вопрос об освобождении негров, об облегчении судьбы индейцев, они занимались проблемами бедноты. Но даже при самом тщательном поиске мы не найдем деклараций или законов о правах еще одного слоя населения, составлявшего не менее половины американского общества.

Американские женщины в лице Абигайль Адамс, жены Джона Адамса, попытались заявить о себе и своих правах в период подготовки Декларации независимости. 31 марта 1776 г. Абигайль пишет своему мужу: « Я давно слышу, что вы говорите о независимости и новом кодексе законов, который

необходимо создать. Я хочу, чтобы в этих новых законах вы не забыли о леди и были более щедрыми и благосклонными к ним, чем ваши предшественники. Не давайте неограниченной власти в руки мужей. Помните, любой мужчина станет тираном, если ему это позволить. Если же к леди не будет проявлено особой заботы и внимания, то мы готовы поднять восстание против законов, которые не дают нам ни права голоса, ни представительства». Через две недели 14 апреля 1776 г. она получила письмо из Филадельфии: « В ответ на твои предложения по законодательству я только и смог, что рассмеяться. Мне всюду твердят, что наша борьба ослабила власть, что дети не слушаются родителей, что индейцы непокорны, а негры поднимают бунты против хозяев. Твое письмо впервые сообщило мне, что появился новый отряд бунтарей, гораздо более многочисленный и могущественный, чем другие». Почти через сорок лет, в 1814 г. Д. Адамс подтвердит свои взгляды на этот вопрос в письме Тейлору: « То, что все люди рождаются с равными правами, это правда. Но правда и то, что все рождаются с разными возможностями и способностями. Мужчины и женщины отличаются по красоте и мудрости. Вряд ли какой-либо философ будет утверждать, что красота не имеет влияния в человеческом обществе. Монархи, аристократы и демократы предпочтут, чтобы женщины влияли на общество красотой, а не избирательными правами».

...Поэтому когда в Декларацию независимости просветители вносили фразу «все люди сотворены равными», им и в голову не приходило распространить это положение на женщин. Только Т. Пейн выступал за действительно всеобщее избирательное право, но не решился на этом настаивать.

Ни один из просветителей специально «женским вопросом» не занимался. Собственно такого вопроса для них не существовало. Они изредка высказывались в своих сочинениях, газетных статьях, письмах о равноправии мужчин и женщин, о проблемах семьи и брака, о доступе женщин к образованию. Но в этом случае их рассуждения носили как раз умозрительный характер, никаких практических шагов не предпринималось. Вот как описал положение женщин в США А. де Токвиль в своей знаменитой книге в главе «Как американцы понимают равенство между мужчиной и женщиной» (наблюдения начала 1830-х гг., т.е. через полтора десятка лет после эры Просвещения): « Американцы по отношению к двум полам применили основной принцип политической экономии, который в наши дни господствует в промышленности. Они тщательно разделили функции мужчины и женщины с тем, чтобы труд всего общества давал максимальные результаты.

...

Женщина в колониальной Америке была «гражданкой второго сорта». Мало что изменилось и после революции. Идеология и законы оправдывали дискриминацию женщины, утверждая ее биологическую, интеллектуальную, психическую и моральную неполноценность. Американка не могла распоряжаться собственностью, даже если она получила ее в приданное или наследство. Всем, что у нее было, даже ее заработком распоряжался муж. Только он представлял жену перед законом и церковью. У замужней женщины не было права подписать контракт и заняться предпринимательством, подать судебный иск, заявление на развод. Если брак расторгался по инициативе мужа, то к нему переходила вся собственность и дети. Очень тяжело приходилось женам южных плантаторов. Жена играла роль белой наложницы среди негритянского гарема, с единственной разницей, что ее дети не продавались, а становились наследниками имущества.

«Если у женщины,- писал Б. Франклин, - удачно сочетается красивая внешность и высокие духовные качества, она делается прекрасней ангела». «Скромность и незащищенность служат самыми лучшими украшениями для женщин, - считал Т. Джефферсон. – Гнев, властность и агрессивность разрушают в ней женское начало, а неуравновешенный характер несовместим с дарованной их полу от природы нежностью. Она должна быть образована, умна, уметь располагать к себе окружающих, иметь мягкий, уравновешенный характер». Джон Адамс хотел видеть женщину целомудренной, скромной, благопристойной и верной своему супругу. А. Гамильтон, давая наставления своему другу по поискам невесты для себя самого, в шуточной форме описал ее портрет: «... она должна быть молода, красива (основной упор я делаю на хорошей фигуре), разумна (достаточно небольшого образования), хорошо воспитана, ... целомудренна и нежна, наделена хорошим характером и щедростью (я одинаково ненавижу сварливых и прижимистых), политические взгляды не имеют значения, думаю, что легко обращу ее к своим собственным. В вопросах веры удовлетворюсь умеренным рвением: она должна верить в бога и ненавидеть святош».

Все просветители хотели видеть рядом с собой женщин умных, образованных и интересных. Жены почти у всех были личностями незаурядными. В круг общения этих мыслителей входили самые блестящие женские имена второй половины XVIII века: историка и публицистки Кэтрин Маколей, историка и драматурга Мэри Отис Уоррен, художницы Марии Косвей, директора Петербургской АН княгини Е.Р. Дашковой, публицистки Мэри Уолстонкрафт, членов французского Республиканского общества мадам Ролан и мадам Кондорсе, сделавшей к тому же перевод на французский язык работы Т. Пейна «Права человека» и др.

...Т. Джефферсон известен как автор законопроекта « всеобщего распространения знаний». Предложенная им система образования была направлена на воспитание граждан и выращивание элиты для управления государством. Проект предполагал три ступени образования, и ни одна из них не предусматривала включение в процесс обучения девушек. При этом своим дочерям он старался дать разностороннее образование....

...Один из просветителей из Пенсильвании, «жалящий овод», Бенджамин Раш безустанно доказывал, что Американская республика в самом начале своего пути, что она может и будет укрепляться только по мере просвещения масс. Причем он считал необходимым дать образование женщинам. Когда его сын заканчивал Принстон, он предложил ему в качестве темы выпускного выступления проблему « влияния образования женщин на процветание нашей страны», считая ее очень важной.

...

Б. Франклин много писал о положении и роли женщин в обществе. Большое внимание он уделял браку, отношениям супругов в семье. «Женитьба – это наиболее естественный путь мужчины к твердому счастью. Неудобства, которые приносит брак, являются ... ничтожными в сравнении с преимуществами этого состояния. Только соединение мужчины и женщины делает человека полноценным, только вместе они могут добиться успеха в жизни. Без такого союза мужчина не имеет ценности, без него он – несовершенное животное. Если вы найдете бережливую и здоровую жену, ваше профессиональное дело пойдет в гору», - написал он в «Совете молодому человеку в выборе хозяйки дома».

Франклин считал, что опыт семейных отношений должен обобщаться и изучаться так же, как и опыт общественной, политической, экономической жизни, что на ошибках одних должны учиться другие. Важным фактором благополучной семейной жизни Франклин считал взаимное уважение друг друга, необходимость терпимо относиться к недостаткам супруга. «Держи глаза широко открытыми перед свадьбой и полузакрытыми после», - советовал он. Б.Франклин был противником домостроевских порядков в семье, требовал улучшения материального положения замужних женщин, а особенно вдов, пересмотра отношений к незаконнорожденным детям.

...

Состояние близкое к шоку от европейских нравов испытал и Джон Адамс во время пребывания во Франции и Великобритании. В одном из первых писем жене из Парижа мы читаем: « Из всего, что я читал об истории и управлении, о человеческой жизни, я вынес заключение о том, что нравы женщин были наиболее безошибочным барометром для определения степени моральности и добродетели в обществе ... Евреи, греки, римляне ... все

потеряли свой высокий дух, свои республиканские принципы и привычки, когда утратили скромность и внутреннюю добродетель своих женщин. Какое опустошение произведут свободные нравы в Америке? Не бросятся ли наши правители, политики и министры рассчитывать законами и решениями за улыбки и объятия подобных женщин?»).

Если попытаться создать обобщенный портрет женщины, которую бы американские мыслители хотели бы видеть в создаваемом ими обществе, то у нас получится следующее: привлекательная, в меру образованная леди, обладающая целым рядом добродетелей, но по-прежнему подчиненная мужчине практически во всех сферах жизни.

Несмотря на то, что просветители считали себя живущими в цивилизованном мире, они не подавляли эгоистичных чувств в вопросе прав женщин. Проблему подчиненного положения женщин они рассматривали в самой общей форме. Она была связана в их рассуждениях с просветительскими и рационалистическими воззрениями на равенство вообще, на долг, честь, порядочность, гармонию в браке. Мало кто из американских просветителей решался заговорить о действительном равенстве женщин в правах с мужчинами, о равном уровне образования, об одинаковых правах на собственность и детей.

Т. А. Худякова

**БЕНДЖАМИН ФРАНКЛИН В ОЦЕНКАХ ЕГО СОВРЕМЕННИКОВ
ИЗ РОССИИ**
(Извлечение)

...

Во второй половине XVIII в. американская тема «не была совершенно новой» для российского общества. Первое упоминание на русском языке о Б. Франклине в печати относится к 12 июня 1752 г. В сообщении из Кельна, опубликованном в «Санктпетербургских ведомостях» за № 47, приводились материалы о модной в Европе теме — «полезных действиях электрической силы». Современники уже привыкли к тому, что «во всех ученых журналах, также и в Немецких, Французских и Италианских ведомостях и других сочинениях объявлялось» немало материалов «о многих изобретениях и исцелениях, учиненных сим... способом». Сенсационность цитируемого сообщения заключалась в том, что «никто бы не чаял, чтобы из Америки надлежало ожидать новых наставлений о электрической силе, однако учинены там наиважнейшие изобретения». Газета далее писала: «В Филадельфии в Северной Америке господин Вениамин Франклин столь далеко отважился, что

хочет вытягивать из атмосферы той страшный огонь, который часто целые земли погубляет. А именно делал он опыты, для изведения, не одинакова ль материя молнии и электрической силы, и действия догадку его так подтвердило, что от громовых ударов следующим образом охранить себя можно». ...

...В исторической литературе неоднократно упоминали о первом газетном сообщении, познакомившем российских читателей с Б. Франклином. Однако историки, как правило, не придавали значения этим, казалось бы, второстепенным подробностям, тем не менее, свидетельствующим о незаурядном уме и практической жилке ученого. Но деловые качества и в целом талант Франклина были высоко оценены его современниками. Вскоре после первой публикации о выдающемся американце «Санктпетербургские ведомости» в начале января 1754 г. писали о том, что согласно информации, полученной из Лондона, «королевский социатет наук определил господину Франклину в Филадельфии выдать ежегодное награждение, состоящее из золотой медали, за новые его электрические изобретения». По мере же поступления в печать новых материалов перед российским читателем открывались другие грани великого американца. Его имя появлялось при описании территорий, например, Пенсильвании, где «в 1742 году под надзирательством» Франклина «учреждена была публичная библиотека, а в 1749 году... завели в Филадельфии академию», либо тех или иных событий в Америке или в Европе. Такие сведения подтверждали и укрепляли репутацию американца как просветителя и ученого. В частности, благодаря усилиям Б. Франклина и одного из основателей Вольного экономического общества Г. Клинштадта в Петербурге получили первый том «Трудов Американского философского общества»....

В России по-разному воспринимали Б. Франклина и информацию о его деятельности. Францию и ее столицу в 1777–1778 гг. посетили супруги Фонвизины, которые непосредственно наблюдали за американцем и составили о нем свои суждения. В письме к П. И. Панину от 24 декабря 1777 г. (4 января 1778 г.) Д. И. Фонвизин сообщал: «...известны уже худые успехи англичан против американцев (поражение при Саратогге. — Т. Х.). Вчера пронесся слух, будто находящийся со стороны сих последних в Париже поверенный Франклин признан от здешнего двора послом от американской республики. Если это правда, то война, кажется, неизбежна... все англичане поднялись вдруг отсюда и спешат выехать... есть сильное вооружение в здешних портах. Оно делается с такой поспешностью, что в Тулоне по воскресеньям и праздникам работают, равно как и в обыкновенные дни». В письме от 15/26 января 1778 г. Фонвизин не подтвердил сведений о признании Франклина «в

характере посла. Сей слух оказался ложен...», но американский дипломат «действительно был, неизвестно зачем, призван в Версаль»⁹. Как видно, задачи, стоявшие перед эмиссаром революции, оказывались весьма сложными, и простых решений не предвиделось.

Победа революционной дипломатии американцев и яркого ее творца — Б. Франклина меняла соотношение сил в войне в пользу США. Это понимали современники, это осознал Д. И. Фонвизин, которого отличали острый ум и умение хорошо разбираться в ситуации. О части своих знакомых он оставил едкие замечания, а о Франклине высказал лестные слова. В письмах Фонвизина из Франции прослеживались и некоторые параллели в оценках двух его современников — Вольтера и Франклина, ставших символами той эпохи.

Однако встречи Франклина с подданными Российской империи не ограничивались только официальными контактами. В 1780 г. в Париж приехала княгиня Е. Дашкова. Следует отметить, что между Е. Дашковой и Франклином было много общего: они оба долго жили в Лондоне, были знакомы с профессурой Эдинбургского университета (где учился сын Дашковой), собирали геологические коллекции в английской провинции, посещали фабрику Сохо, где производился знаменитый копировальный пресс Дж. Уатта. Поэтому неудивительно, что 24 января 1781 г. Е. Дашкова писала Франклину: «Княгиня Дашкова посылает свои лучшие пожелания доктору Франклину, надеется, что он в добром здравии, и посылает ему письмо, которое ее дочь получила для него от одной из ее подруг...»....

Прямым результатом встречи Франклина и Дашковой стало избрание княгини 17 апреля 1783 г. в члены Американского философского общества. «Движимый чувством уважения и дружбы ко мне, он предложил меня в члены почтенного и знаменитого философского общества в Филадельфии, куда я и была принята единогласно... Я считала его (Франклина. — Т. Х.) выдающимся человеком и он соединял глубокие познания с простотой в обращении и непритворною скромностью, благодаря которой он очень снисходительно относился к другим...». Е. Дашкова же была инициатором приема Франклина в число иностранных членов Петербургской Академии наук. Это произошло в конце 1789 г., незадолго до его смерти, и, возможно, сам Франклин не знал об этом. 4 ноября 1789 г. княгиня направила письмо Франклину, где, в частности, говорилось: «Вы были единодушно избраны при общем одобрении и восторге. Я прошу Вас, милостивый государь, согласиться на это избрание и быть уверенным, что я рассматриваю его как честь для нашей Академии».

Таким образом, можно признать, что внимание к Франклину в России составило весьма яркий эпизод в истории русского общества XVIII в. Влияние

личности и идей Франклина на просвещенные круги России было глубоко и разносторонне. В Европе же существовал настоящий культ Франклина. Однако российская императрица и ее царедворцы со своих позиций воспринимали революцию в Америке и ее деятелей. Соответственно, в те годы о Франклине высказывались неоднозначно, разброс суждений и оценок был большим, чем в российской историографии в конце XIX — начале XXI в. Отрицательные суждения возникали и потому, что ход революции не был ровным, победы чередовались с поражениями, и смятение охватывало не только патриотов за океаном, но и робких обывателей в Европе, а негативная информация из английских источников более отвечала установкам сановной России, имевшей свой опыт выступления народных масс.

М. А. Филимонова

БЕНДЖАМИН ФРАНКЛИН БЕЙЧ (1769 – 1798): «ГРОМООТВОД» АМЕРИКАНСКОЙ ПРЕССЫ

...Высшее образование Бен получил уже на родине, в Пенсильванском университете. В это время он был всего лишь беспечным юношей, интересовавшимся разве что котильоном и ухаживанием за очаровательной креолкой Маргарет Марко, дочерью вест-индского плантатора (и своей будущей женой). Все изменилось для него после смерти Франклина, последовавшей в 1790 г. В последние месяцы жизни Франклина внук буквально не отходил от него. Потеря обожаемого деда заставила юношу переосмыслить всю свою жизнь. В какой-то мере ему хотелось доказать, что его недаром называли в честь великого философа и политика. Он решил заняться той самой профессией, которую избрал для него Франклин. Выбор облегчался тем, что Бейч унаследовал от деда не только имя, но и типографию с лучшим оборудованием, какое только можно было достать в США, в том числе два печатных станка, в то время как большинство американских редакторов имели лишь по одному.

...

«Беспристрастность» журналиста считалась в просвещенческой культуре идеалом, к которому следовало стремиться... хотя бы на словах. К тому же Бейч, видимо, в это время разделял оптимистические ожидания, связанные с победой в Войне за независимость и успешным принятием конституции 1787 г. Он прибегал к вергилиевскому образу «нового ряда

веков» – золотого века: «Новый, счастливый ряд веков начинается ныне. Справедливость грядет с небес, куда ее вынудили удалиться люди. Руки работника заняты благотворным трудом. Наши порты заполнены нашими собственными судами. Сельское хозяйство поощряется. Вашингтон правит нами с достоинством и мудростью, на какие только способен человек. Вновь проявится здравая политика Адамса, и выдающиеся таланты Джефферсона найдут себе применение».

Взгляды Бейча отнюдь не были федералистскими. Он не разделял гамильтоновское видение индустриализированной, капиталистической Америки. Его воззрения определялись воззрениями его деда; и симпатию к Франции, и демократизм (и, пожалуй, талант хлесткой иронии) он унаследовал именно от Франклина. У федералистов были основания называть его якобинцем. По своим политическим взглядам Бейч был последовательным эгалитаристом. «Сделайте распределение собственности настолько равным, насколько возможно, или же дайте [неимущим] эквивалентные преимущества, и тогда человечество немедленно станет добродетельным»...

Первые сообщения о собрании Генеральных штатов и падении Бастилии были встречены в США с полным одобрением. И это было естественно. Общественное мнение США не могло отреагировать на начавшуюся Французскую революцию иначе, нежели с восторгом. В рамках сложившейся культуры образ революции был героизирован, борьба за свободу считалась неотъемлемым правом каждого народа. Столь же естественно для американцев было увидеть в происходящем за океаном продолжение своей собственной Войны за независимость. К тому же американское влияние во Франции действительно присутствовало, особенно на первых этапах революции. Французы пытались заимствовать элементы американских конституций, политические идеи, терминологию; даже название Национального конвента было заимствовано у американцев, по образцу Конституционного конвента 1787 г. Имел место и обратный процесс: американцы охотно заимствовали французские бытовые новации. На улицах американских городов не редкостью было увидеть трехцветные кокарды или услышать обращение «гражданин». Заимствование происходило тем легче, что обе страны принадлежали к единому цивилизационному пространству. Одна и та же идеология Просвещения стала основой их политической практики....

Федералисты довольно скоро перешли от одобрения к настороженности, а там и к настоящему страху перед «якобинизмом». А вот позиция республиканцев была последовательно профранцузской. Т. Джефферсон писал: «Чтобы дело свободы [и Французской революции] не было проиграно,

я скорее согласился бы увидеть полмира опустошенным; даже если бы в каждой стране уцелели только Адам и Ева, но они были бы свободными, это было бы лучше, чем то, что есть сейчас»...

В 1791 г. вышел памфлет Пейна «Права человека», полемизирующий с консервативной концепцией Э. Бёрка. Бейч немедленно присудил Пейну пальму первенства в этом споре, объявляя, что на стороне «Права человека» – правда и справедливость, а, следовательно, всякое неразвращенное сердце. Он и сам вмешался в полемику, раскритиковав близкую к Бёрку позицию «Публиколы» (своего бывшего школьного приятеля Дж.К. Адамса).

...Романтические фантазии на тему мировой революции одолевали Бейча. Он рассчитывал, что войска антифранцузской коалиции проникнутся принципами свободы и не станут воевать против революционной Франции. «Французам нужно лишь сказать германским войскам: “Неужели вы хотите скорее умереть рабами, чем жить свободными?” И тогда солдаты повернут назад и направятся в Вену, чтобы помочь там сформировать конституцию для собственной страны. Они примут права человека как фундаментальный принцип, они отвергнут ложные права монарха, как несовместимые с первыми. Они научат Леопольда, что суверенитет принадлежит народу, а короли лишь до тех пор остаются королями, пока народ заинтересован в том, чтобы они были таковыми».

...

Исследователь Дж. Пэсли подчеркивал, что «Аурога» в буквальном смысле конструировала республиканскую партию. В это время партии были аморфными образованиями, объединявшими конгрессменов со сходными взглядами и их избирателей. Партийные структуры находились в стадии формирования. В этих условиях газета, подобная «Aurora», была поистине коллективным пропагандистом и коллективным организатором. Здесь можно было найти программные установки республиканской партии, резолюции политических митингов, сведения о республиканских банкетах, результаты выборов и т.п. Словом, читатели Бейча составляли некое воображаемое сообщество, которое и было в конечном итоге республиканской партией.

...

Президентские выборы, прошедшие в том же году, также не прошли мимо внимания Бейча. «Aurora» так подводила итоги вашингтоновского президентства: «Заявления (т.е. прощальное послание Вашингтона. – М.Ф.) ничего не стоят, если вспомнить, что нынешняя администрация была всего лишь администрацией заявлений. Заявляли о своем республиканизме, а практиковали аристократизм и монархию. Заявляли о симпатии и интересе к

великой нации, нашему союзнику, борющемуся за свободу, но были по-настоящему преданы делу коалиции деспотов. Заявляли о нейтралитете... но были искренне и горячо привязаны к Великобритании... Что за славная восьмилетняя администрация!!!»

... Новый президент Дж. Адамс, который занимал в федералистской партии более умеренную позицию, поначалу рисовался в куда более благоприятных тонах. Одна из статей в «Aurora» имела оптимистический заголовок «Новая эра» и поздравляла «друзей республиканской добродетели» с «благоприятными перспективами, открывающимися перед ними в речах президента Джона Адамса и вице-президента Томаса Джефферсона».

Возможно, справедлива точка зрения А. Шерра, который связывает поддержку Дж. Адамса со стороны «Aurora» с заботой Б.Ф. Бейча о стабилизации новорожденной американской нации. Историк также подчеркивает: Бейч принадлежал к переходному поколению, жившему между колониальным прошлым и независимым, республиканским будущим. Отсюда его колебания, его стремление видеть в Адамсе аналог болингброковского «короля-патриота».

...

Федералистская пресса предупреждала читателей, что судьба «республикссестер» – подневольных сателлитов Франции – отнюдь не завидна. Часто упоминалась история Гельветической республики (Швейцарии), которая началась в апреле 1798 г. и, следовательно, была для американцев того времени актуальной новостью. Гельветическая республика стала объектом бесцеремонного обращения со стороны французов: они наложили на кантоны значительную военную контрибуцию и присоединили Женеву к французской территории. Сопrotивление швейцарцев было подавлено. В августе 1798 г. Гельветическая республика превратилась в вынужденного союзника Франции и вдобавок ко всему стала основным театром боевых действий следующего года. У. Коббет патетически восклицал: «Представьте себе (ибо описать это невозможно) разоренное, жалкое, безмерно унижительное положение швейцарских кантонов. И пока ваше воображение полно этой картиной, вспомните, американцы, что такими будут Соединенные Штаты, если вы не стряхнете с себя дремоту».

Бейч мало что смог противопоставить агрессивной риторике федералистских газет. И все же он последовательно поддерживал Францию и критиковал президента. Термидорианский переворот, низвергнувший

якобинцев, не изменил позиции американского редактора. С его точки зрения, казнь Робеспьера и его сторонников доказывала лишь, что «французская революция или свобода любого народа не зависят от существования отдельного человека»...

В 1790-х гг. газеты становятся неотъемлемой частью американской политической системы. Именно они формируют теперь общественное мнение, на поддержку которого должно опираться правительство США. Складывающиеся партии федералистов и джефферсоновских республиканцев не могли пренебречь таким мощным оружием. Существование партийной прессы оказывало и обратное влияние на сами партии: дуэль федералистских и республиканских газет активизировала политическую борьбу в стране и способствовала консолидации партий.

«Auroга» сыграла огромную роль в формировании политического пространства ранней республики. Именно она, наряду с «Boston Independent Chronicle», «National Gazette», «Gazette of the United States», «Porcupine's Gazette», создавала новую традицию партийной прессы. Она формировала риторические практики избирательных кампаний, отражала позицию своей партии во внутренней и внешней политике.

Тема 6. ВОЙНА ЗА НЕЗАВИСИМОСТЬ И ОБРАЗОВАНИЕ США

Вопросы к практическому занятию

1. Социально-экономическое и политическое развитие английских колоний в Северной Америке до начала войны за независимость.
2. Война колоний за независимость – национально-освободительная буржуазная революция.
3. Декларация независимости 4 июля 1776 г. (анализ источника)
4. Версальский мир и признание независимости США. Отношение европейских держав к войне за независимость.
5. Становление государственного строя США. «Статьи конфедерации» и Конституция 1787 г.: история создания документов, их различия и особенности.

Источники

JOHN HANCOCK'S BOSTON MASSACRE ORATION (1774)

Men, Brethren, Fathers, and Fellow-Countrymen:

The attentive gravity; the venerable appearance of this crowded audience; the dignity which I behold in the countenances of so many in this great assembly; the solemnity of the occasion upon which we have met together, joined to a consideration of the part I am to take in the important business of this day, fill me with an awe hitherto unknown, and heighten the sense which I have ever had of my unworthiness to fill this sacred desk. But, allured by the call of some of my respected fellow-citizens, with whose request it is always my greatest pleasure to comply, I almost forgot my want of ability to perform what they required. In this situation I find my only support in assuring myself that a generous people will not severely censure what they know was well intended, though its want of merit should prevent their being able to applaud it. And I pray that my sincere attachment to the interest of my country, and the hearty detestation of every design formed against her liberties, may be admitted as some apology for my appearance in this place.

I have always, from my earliest youth, rejoiced in the felicity of my fellow-men; and have ever considered it as the indispensable able duty of every member of society to promote, as far as in him lies, the prosperity of every individual, but more

especially of the community to which he belongs; and also, as a faithful subject of the State, to use his utmost endeavors to detect, and having detected, strenuously to oppose every traitorous plot which its enemies may devise for its destruction. Security to the persons and properties of the governed is so obviously the design and end of civil government, that to attempt a logical proof of it would be like burning tapers at noonday, to assist the sun in enlightening the world; and it cannot be either virtuous or honorable to attempt to support a government of which this is not the great and principal basis; and it is to the last degree vicious and infamous to attempt to support a government which manifestly tends to render the persons and properties of the governed insecure. Some boast of being friends to government; I am a friend to righteous government, to a government founded upon the principles of reason and justice; but I glory in publicly avowing my eternal enmity to tyranny. Is the present system, which the British administration have adopted for the government of the Colonies, a righteous government — or is it tyranny? Here suffer me to ask (and would to heaven there could be an answer!) what tenderness, what regard, respect, or consideration has Great Britain shown, in their late transactions, for the security of the persons or properties of the inhabitants of the Colonies? Or rather what have they omitted doing to destroy that security? They have declared that they have ever had, and of right ought ever to have, full power to make laws of sufficient validity to bind the Colonies in all cases whatever. They have exercised this pretended right by imposing a tax upon us without our consent; and lest we should show some reluctance at parting with our property, her fleets and armies are sent to enforce their mad pretensions. The town of Boston, ever faithful to the British Crown, has been invested by a British fleet; the troops of George III. have crossed the wide Atlantic, not to engage an enemy, but to assist a band of traitors in trampling on the rights and liberties of his most loyal subjects in America — those rights and liberties which, as a father, he ought ever to regard, and as a king, he is bound, in honor, to defend from violation, even at the risk of his own life....

Let not the history of the illustrious house of Brunswick inform posterity that a king, descended from that glorious monarch George II., once sent his British subjects to conquer and enslave his subjects in America. But be perpetual infamy entailed upon that villain who dared to advise his master to such execrable measures; for it was easy to foresee the consequences which so naturally followed upon sending troops into America to enforce obedience to acts of the British Parliament, which neither God nor man ever empowered them to make. It was reasonable to expect that troops, who knew the errand they were sent upon, would treat the people whom they were to subjugate, with a cruelty and haughtiness which too often buries the honorable character of a soldier in the disgraceful name of an unfeeling ruffian. The troops, upon their first arrival, took possession of our Senate House, and pointed

their cannon against the judgment hall, and even continued them there whilst the supreme court of judicature for this province was actually sitting to decide upon the lives and fortunes of the King's subjects. Our streets nightly resounded with the noise of riot and debauchery; our peaceful citizens were hourly exposed to shameful insults, and often felt the effects of their violence and outrage. But this was not all: as though they thought it not enough to violate our civil rights, they endeavored to deprive us of the enjoyment of our religious privileges, to vitiate our morals, and thereby render us deserving of destruction. Hence, the rude din of arms which broke in upon your solemn devotions in your temples, on that day hallowed by heaven, and set apart by God himself for his peculiar worship. Hence, impious oaths and blasphemies so often tortured your unaccustomed ear. Hence, all the arts which idleness and luxury could invent were used to betray our youth of one sex into extravagance and effeminacy, and of the other to infamy and ruin; and did they not succeed but too well? Did not a reverence for religion sensibly decay? Did not our infants almost learn to lisp out curses before they knew their horrid import? Did not our youth forget they were Americans, and, regardless of the admonitions of the wise and aged, servilely copy from their tyrants those vices which finally must overthrow the empire of Great Britain? And must I be compelled to acknowledge knowledge that even the noblest, fairest, part of all the lower creation did not entirely escape the cursed snare? When virtue has once erected her throne within the female breast, it is upon so solid a basis that nothing is able to expel the heavenly inhabitant. But have there not been some few, indeed, I hope, whose youth and inexperience have rendered them a prey to wretches, whom, upon the least reflection, they would have despised and hated as foes to God and their country? I fear there have been some such unhappy instances, or why have I seen an honest father clothed with shame; or why a virtuous mother drowned in tears?

But I forbear, and come reluctantly to the transactions of that dismal night, when in such quick succession we felt the extremes of grief, astonishment, and rage; when heaven in anger, for a dreadful moment, suffered hell to take the reins; when Satan, with his chosen band, opened the sluices of New England's blood, and sacrilegiously polluted our land with the dead bodies of her guiltless sons! Let this sad tale of death never be told without a tear; let not the heaving bosom cease to burn with a manly indignation at the barbarous story, through the long tracts of future time; let every parent tell the shameful story to his listening children until tears of pity glisten in their eyes, and boiling passions shake their tender frames; and whilst the anniversary of that ill-fated night is kept a jubilee in the grim court of pandemonium, let all America join in one common prayer to heaven that the inhuman, unprovoked murders of the fifth of March, 1770, planned by Hillsborough, and a knot of treacherous knaves in Boston, and executed by the cruel hand of Preston and his

sanguinary coadjutors, may ever stand in history without a parallel. But what, my countrymen, withheld the ready arm of vengeance from executing instant justice on the vile assassins? Perhaps you feared promiscuous carnage might ensue, and that the innocent might share the fate of those who had performed the infernal deed. But were not all guilty? Were you not too tender of the lives of those who came to fix a yoke on your necks? But I must not too severely blame a fault, which great souls only can commit. May that magnificence of spirit which scorns the low pursuits of malice, may that generous compassion which often preserves from ruin, even a guilty villain, forever actuate the noble bosoms of Americans! But let not the miscreant host vainly imagine that we feared their arms. No; them we despised; we dread nothing but slavery. Death is the creature of a poltroon's brains; 'tis immortality to sacrifice ourselves for the salvation of our country. We fear not death. That gloomy night, the pale-faced moon, and the affrighted stars that hurried through the sky, can witness that we fear not death. Our hearts which, at the recollection, glow with rage that four revolving years have scarcely taught us to restrain, can witness that we fear not death; and happy it is for those who dared to insult us, that their naked bones are not now piled up an everlasting lasting monument of Massachusetts' bravery. But they retired, they fled, and in that flight they found their only safety. We then expected that the hand of public justice would soon inflict that punishment upon the murderers, which, by the laws of God and man, they had incurred. But let the unbiased pen of a Robertson, or perhaps of some equally famed American, conduct this trial before the great tribunal of succeeding generations. And though the murderers may escape the just resentment of an enraged people; though drowsy justice, intoxicated by the poisonous draught prepared for her cup, still nods upon her rotten seat, yet be assured such complicated crimes will meet their due reward. Tell me, ye bloody butchers! ye villains high and low! ye wretches who contrived, as well as you who executed the inhuman deed! do you not feel the goads and stings of conscious guilt pierce through your savage bosoms? Though some of you may think yourselves exalted to a height that bids defiance to human justice, and others shroud yourselves beneath the mask of hypocrisy, and build your hopes of safety on the low arts of cunning, chicanery, and falsehood, yet do you not sometimes feel the gnawings of that worm which never dies? Do not the injured shades of Maverick, Gray, Caldwell, Attucks, and Carr attend you in your solitary walks, arrest you even in the midst of your debaucheries, and fill even your dreams with terror?

Ye dark designing knaves, ye murderers, parricides! how dare you tread upon the earth which has drunk in the blood of slaughtered innocents, shed by your wicked hands? How dare you breathe that air which wafted to the ear of heaven the groans of those who fell a sacrifice to your accursed ambition? But if the laboring earth

cloth not expand her jaws; if the air you breathe is not commissioned to be the minister of death; yet, hear it and tremble! The eye of heaven penetrates the darkest chambers of the soul, traces the leading clue through all the labyrinths which your industrious folly has devised; and you, however you may have screened yourselves from human eyes, must be arraigned, must lift your hands, red with the blood of those whose death you have procured, at the tremendous bar of God!

But I gladly quit the gloomy theme of death, and leave you to improve the thought of that important day when our naked souls must stand before that Being from whom nothing can be hid. I would not dwell too long upon the horrid effects which have already followed from quartering regular troops in this town. Let our misfortunes teach posterity to guard against such evils for the future. Standing armies are sometimes (I would by no means say generally, much less universally) composed of persons who have rendered themselves unfit to live in civil society; who have no other motives of conduct than those which a desire of the present gratification of their passions suggests; who have no property in any country; men who have given up their own liberties, and envy those who enjoy liberty; who are equally indifferent to the glory of a George or a Louis; who, for the addition of one penny a day to their wages, would desert from the Christian cross and fight under the crescent of the Turkish Sultan. From such men as these, what has not a State to fear? With such as these, usurping Caesar passed the Rubicon; with such as these, he humbled mighty Rome, and forced the mistress of the world to own a master in a traitor. These are the men whom sceptred robbers now employ to frustrate the designs of God, and render vain the bounties which his gracious hand pours indiscriminately upon his creatures. By these the miserable slaves in Turkey, Persia, and many other extensive countries, are rendered truly wretched, though their air is salubrious, and their soil luxuriously fertile. By these, France and Spain, though blessed by nature with all that administers to the convenience of life, have been reduced to that contemptible state in which they now appear; and by these, Britain, — but if I were possessed of the gift of prophesy, I dare not, except by divine command, unfold the leaves on which the destiny of that once powerful kingdom is inscribed.

But since standing armies are so hurtful to a State, perhaps my countrymen may demand some substitute, some other means of rendering us secure against the incursions of a foreign enemy. But can you be one moment at a loss? Will not a well-disciplined militia afford you ample security against foreign foes? We want not courage; it is discipline alone in which we are exceeded by the most formidable troops that ever trod the earth. Surely our hearts flutter no more at the sound of war than did those of the immortal band of Persia, the Macedonian phalanx, the

invincible Roman legions, the Turkish janissaries, the gens d'armes of France, or the well-known grenadiers of Britain. A well-disciplined militia is a safe, an honorable guard to a community like this, whose inhabitants are by nature brave, and are laudably tenacious of that freedom in which they were born. From a well-regulated militia we have nothing to fear; their interest is the same with that of the State. When a country is invaded, the militia are ready to appear in its defense; they march into the field with that fortitude which a consciousness of the justice of their cause inspires; they do not jeopard their lives for a master who considers them only as the instruments of his ambition, and whom they regard only as the daily dispenser of the scanty pittance of bread and water. No; they fight for their houses, their lands, for their wives, their children; for all who claim the tenderest names, and are held dearest in their hearts; they fight *pro aris et focus*, for their liberty, and for themselves, and for their God. And let it not offend if I say that no militia ever appeared in more flourishing condition than that of this province now cloth; and pardon me if I say, of this town in particular. I mean not to boast; I would not excite envy, but manly emulation. We have all one common cause; let it, therefore, be our only contest, who shall most contribute to the security of the liberties of America. And may the same kind Providence which has watched over this country from her infant state still enable us to defeat our enemies! I cannot here forbear noticing the signal manner in which the designs of those who wish not well to us have been discovered. The dark deeds of a treacherous cabal have been brought to public view. You now know the serpents who, whilst cherished in your bosoms, were darting the envenomed stings into the vitals of the constitution. But the representatives of the people have fixed a mark on these ungrateful monsters, which, though it may not make them so secure as Cain of old, yet renders them, at least, as infamous. Indeed, it would be effrontive to the tutelar deity of this country even to despair of saving it from all the snares which human policy can lay.

Surely you never will tamely suffer this country to be a den of thieves. Remember, my friends, from whom you sprang. Let not a meanness of spirit, unknown to those whom you boast of as your fathers, excite a thought to the dishonor of your mothers I conjure you, by all that is dear, by all that is honorable, by all that is sacred, not only that ye pray, but that ye act; that, if necessary, ye fight, and even die, for the prosperity of our Jerusalem. Break in sunder, with noble disdain, the bonds with which the Philistines have bound you. Suffer not yourselves to be betrayed, by the soft arts of luxury and effeminacy, into the pit digged for your destruction. Despise the glare of wealth. That people who pay greater respect to a

wealthy villain than to an honest, upright man in poverty, almost deserve to be enslaved; they plainly show that wealth, however it may be acquired, is, in their esteem, to be preferred to virtue.

But I thank God that America abounds in men who are superior to all temptation, whom nothing can divert from a steady pursuit of the interest of their country, who are at once its ornament and safeguard. And sure I am, I should not incur your displeasure, if I paid a respect, so justly due to their much-honored characters, in this place. But when I name an Adams, such a numerous host of fellow-patriots rush upon my mind, that I fear it would take up too much of your time, should I attempt to call over the illustrious roll. But your grateful hearts will point you to the men; and their revered names, in all succeeding times, shall grace the annals of America. From them let us, my friends, take example; from them let us catch the divine enthusiasm; and feel, each for himself, the godlike pleasure of diffusing happiness on all around us; of delivering the oppressed from the iron grasp of tyranny; of changing the hoarse complaints and bitter moans of wretched slaves into those cheerful songs, which freedom and contentment must inspire. There is a heartfelt satisfaction in reflecting on our exertions for the public weal, which all the sufferings an enraged tyrant can inflict will never take away; which the ingratitude and reproaches of those whom we have saved from ruin cannot rob us of. The virtuous asserter of the rights of mankind merits a reward, which even a want of success in his endeavors to save his country, the heaviest misfortune which can befall a genuine patriot, cannot entirely prevent him from receiving.

I have the most animating confidence that the present noble struggle for liberty will terminate gloriously for America. And let us play the man for our God, and for the cities of our God; while we are using the means in our power, let us humbly commit our righteous cause to the great Lord of the Universe, who loveth righteousness and hateth iniquity. And having secured the approbation of our hearts, by a faithful and unwearied discharge of our duty to our country, let us joyfully leave our concerns in the hands of him who raiseth up and pulleth down the empires and kingdoms of the world as he pleases; and with cheerful submission to his sovereign will, devoutly say: "Although the fig tree shall not blossom, neither shall fruit be in the vines; the labor of the olive shall fail, and the field shall yield no meat; the flock shall be cut off from the fold, and there shall be no herd in the stalls; yet we will rejoice in the Lord, we will joy in the God of our salvation."

Patrick Henry

GIVE ME LIBERTY OR GIVE ME DEATH

March 23, 1775.

No man thinks more highly than I do of the patriotism, as well as abilities, of the very worthy gentlemen who have just addressed the House. But different men often see the same subject in different lights; and, therefore, I hope it will not be thought disrespectful to those gentlemen if, entertaining as I do opinions of a character very opposite to theirs, I shall speak forth my sentiments freely and without reserve. This is no time for ceremony. The question before the House is one of awful moment to this country. For my own part, I consider it as nothing less than a question of freedom or slavery; and in proportion to the magnitude of the subject ought to be the freedom of the debate. It is only in this way that we can hope to arrive at truth, and fulfill the great responsibility which we hold to God and our country. Should I keep back my opinions at such a time, through fear of giving offense, I should consider myself as guilty of treason towards my country, and of an act of disloyalty toward the Majesty of Heaven, which I revere above all earthly kings.

Mr. President, it is natural to man to indulge in the illusions of hope. We are apt to shut our eyes against a painful truth, and listen to the song of that siren till she transforms us into beasts. Is this the part of wise men, engaged in a great and arduous struggle for liberty? Are we disposed to be of the number of those who, having eyes, see not, and, having ears, hear not, the things which so nearly concern their temporal salvation? For my part, whatever anguish of spirit it may cost, I am willing to know the whole truth; to know the worst, and to provide for it.

I have but one lamp by which my feet are guided, and that is the lamp of experience. I know of no way of judging of the future but by the past. And judging by the past, I wish to know what there has been in the conduct of the British ministry for the last ten years to justify those hopes with which gentlemen have been pleased to solace themselves and the House. Is it that insidious smile with which our petition has been lately received? Trust it not, sir; it will prove a snare to your feet. Suffer not yourselves to be betrayed with a kiss. Ask yourselves how this gracious reception of our petition comports with those warlike preparations which cover our waters and darken our land. Are fleets and armies necessary to a work of love and reconciliation? Have we shown ourselves so unwilling to be reconciled that force must be called in to win back our love? Let us not deceive ourselves, sir. These are the implements of war and subjugation; the last arguments to which kings resort. I ask gentlemen, sir, what means this martial array, if its purpose be not to force us to

submission? Can gentlemen assign any other possible motive for it? Has Great Britain any enemy, in this quarter of the world, to call for all this accumulation of navies and armies?

No, sir, she has none. They are meant for us: they can be meant for no other. They are sent over to bind and rivet upon us those chains which the British ministry have been so long forging. And what have we to oppose to them? Shall we try argument? Sir, we have been trying that for the last ten years. Have we anything new to offer upon the subject? Nothing. We have held the subject up in every light of which it is capable; but it has been all in vain. Shall we resort to entreaty and humble supplication? What terms shall we find which have not been already exhausted? Let us not, I beseech you, sir, deceive ourselves. Sir, we have done everything that could be done to avert the storm which is now coming on. We have petitioned; we have remonstrated; we have supplicated; we have prostrated ourselves before the throne, and have implored its interposition to arrest the tyrannical hands of the ministry and Parliament. Our petitions have been slighted; our remonstrances have produced additional violence and insult; our supplications have been disregarded; and we have been spurned, with contempt, from the foot of the throne! In vain, after these things, may we indulge the fond hope of peace and reconciliation. There is no longer any room for hope. If we wish to be free — if we mean to preserve inviolate those inestimable privileges for which we have been so long contending — if we mean not basely to abandon the noble struggle in which we have been so long engaged, and which we have pledged ourselves never to abandon until the glorious object of our contest shall be obtained — we must fight! I repeat it, sir, we must fight! An appeal to arms and to the God of hosts is all that is left us!

They tell us, sir, that we are weak; unable to cope with so formidable an adversary. But when shall we be stronger? Will it be the next week, or the next year? Will it be when we are totally disarmed, and when a British guard shall be stationed in every house? Shall we gather strength by irresolution and inaction? Shall we acquire the means of effectual resistance by lying supinely on our backs and hugging the delusive phantom of hope, until our enemies shall have bound us hand and foot? Sir, we are not weak if we make a proper use of those means which the God of nature hath placed in our power. The millions of people, armed in the holy cause of liberty, and in such a country as that which we possess, are invincible by any force which our enemy can send against us. Besides, sir, we shall not fight our battles alone. There is a just God who presides over the destinies of nations, and who will raise up friends to fight our battles for us. The battle, sir, is not to the strong alone; it is to the vigilant, the active, the brave. Besides, sir, we have no election. If we were base enough to desire it, it is now too late to retire from the contest. There is no retreat

but in submission and slavery! Our chains are forged! Their clanking may be heard on the plains of Boston! The war is inevitable — and let it come! I repeat it, sir, let it come.

It is in vain, sir, to extenuate the matter. Gentlemen may cry, Peace, Peace — but there is no peace. The war is actually begun! The next gale that sweeps from the north will bring to our ears the clash of resounding arms! Our brethren are already in the field! Why stand we here idle? What is it that gentlemen wish? What would they have? Is life so dear, or peace so sweet, as to be purchased at the price of chains and slavery? Forbid it, Almighty God! I know not what course others may take; but as for me, give me liberty or give me death!

**BY THE KING, A PROCLAMATION, FOR SUPPRESSING REBELLION
AND SEDITION (1775)**

GEORGE R.

— page 1 —

WHEREAS Many of Our Subjects in divers Parts of Our Colonies and Plantations in North America, misled by dangerous and ill-designing Men, and forgetting the Allegiance which they owe to the Power that has protected and sustained them, after various disorderly Acts committed in Disturbance of the Public Peace, to the Obstruction of lawful Commerce, and to the Oppression of Our loyal Subjects carrying on the same, have at length proceeded to an open and avowed Rebellion, by arraying themselves in hostile Manner to withstand the Execution of the Law, and traitorously preparing, ordering, and levying War against Us.

AND whereas there is Reason to apprehend that such Rebellion hath been much promoted and encouraged by the traitorous Correspondence, Counsels, and Comfort of divers wicked and desperate Persons within this Realm: To the End therefore, that none of Our Subjects may neglect or violate their Duty through Ignorance thereof, or through any Doubt of the Protection which the Law will afford to their Loyalty and Zeal; We have thought fit, by and with the Advice of Our Privy Council, to issue this Our Royal Proclamation, hereby declaring that not only all Our Officers, Civil and Military, are obliged to exert their utmost Endeav-

— page 2 —

vours to suppress such Rebellion, and to bring the Traitors to Justice; but that all Our Subjects of this Realm and the Dominions thereunto belonging are bound by Law to

be aiding and assisting in the Suppression of such Rebellion, and to disclose and make known all traitorous Conspiracies and Attempts against Us, Our Crown and Dignity.

AND We do accordingly strictly Charge and Command all Our Officers, as well Civil as Military, and all other Our obedient and loyal Subjects, to use their utmost Endeavours to withstand and suppress such Rebellion, and to disclose and make known all Treasons and traitorous Conspiracies which they shall know to be against Us, Our Crown and Dignity: and for that Purpose, that they transmit to one of Our Principal Secretaries of State, or other proper Officer, due and full Information of all Persons who shall be found carrying on Correspondence wit, or in any Manner or Degree aiding or abetting, the Persons now in open Arms and Rebellion against Our Government within any of Our Colonies and Plantations in North America, in order to bring to condign Punishment the Authors, Perpetrators, and Abettors of such traitorous Designs.

Given at Our Court at St. James, 23 August, 1775, in the Fifteenth Year of Our Reign.

God Save the King.

OLIVE BRANCH PETITION (1775)

To the King's Most Excellent Majesty.

Most Gracious Sovereign: We, your Majesty's faithful subjects of the Colonies of New-Hampshire, Massachusetts-Bay, Rhode-Island and Providence Plantations, Connecticut, New-York, New-Jersey, Pennsylvania, the Counties of Newcastle, Kent, and Sussex, on Delaware, Maryland, Virginia, North Carolina, and South Carolina, in behalf of ourselves and the inhabitants of these Colonies, who have deputed us to represent them in General Congress, entreat your Majesty's gracious attention to this our humble petition.

The union between our Mother Country and these Colonies, and the energy of mild and just Government, produced benefits so remarkably important, and afforded such an assurance of their permanency and increase, that the wonder and envy of other nations were excited, while they beheld Great Britain rising to a power the most extraordinary the world had ever known.

Her rivals, observing that there was no probability of this happy connexion being broken by civil dissensions, and apprehending its future effects if left any

longer undisturbed, resolved to prevent her receiving such continual and formidable accessions of wealth and strength, by checking the growth of those settlements from which they were to be derived.

In the prosecution of this attempt, events so unfavourable to the design took place, that every friend to the interest of Great Britain and these Colonies, entertained pleasing and reasonable expectations of seeing an additional force and exertion immediately given to the operations of the union hitherto experienced, by an enlargement of the dominions of the Crown, and the removal of ancient and warlike enemies to a greater distance.

At the conclusion, therefore, of the late war, the most glorious and advantageous that ever had been carried on by British arms, your loyal Colonists having contributed to its success by such repeated and strenuous exertions as frequently procured them the distinguished approbation of your Majesty, of the late King, and of Parliament, doubted not but that they should be permitted, with the rest of the Empire, to share in the blessings of peace, and the emoluments of victory and conquest.

While these recent and honourable acknowledgments of their merits remained on record in the Journals and acts of that august Legislature, the Parliament, undefaced by the imputation or even the suspicion of any offence, they were alarmed by a new system of statutes and regulations adopted for the administration of the Colonies, that filled their minds with the most painful fears and jealousies; and, to their inexpressible astonishment, perceived the danger of a foreign quarrel quickly succeeded by domestick danger, in their judgment of a more dreadful kind.

Nor were these anxieties alleviated by any tendency in this system to promote the welfare of their Mother Country. For though its effects were more immediately felt by them, yet its influence appeared to be injurious to the commerce and prosperity of Great Britain.

We shall decline the ungrateful task of describing the irksome variety of artifices practised by many of your Majesty's Ministers, the delusive pretences, fruitless terrors, and unavailing severities, that have, from time to time, been dealt out by them, in their attempts to execute this impolitick plan, or of tracing through a series of years past the progress of the unhappy differences between Great Britain and these Colonies, that have flowed from this fatal source.

Your Majesty's Ministers, persevering in their measures, and proceeding to open hostilities for enforcing them, have compelled us to arm in our own defence,

and have engaged us in a controversy so peculiarly abhorrent to the affections of your still faithful Colonists, that when we consider whom we must oppose in this contest, and if it continues, what may be the consequences, our own particular misfortunes are accounted by us only as parts of our distress.

Knowing to what violent resentments and incurable animosities civil discords are apt to exasperate and inflame the

— page 1,871 —

contending parties, we think ourselves required by indispensable obligations to Almighty God, to your Majesty, to our fellow-subjects, and to ourselves, immediately to use all the means in our power, not incompatible with our safety, for stopping the further effusion of blood, and for averting the impending calamities that threaten the British Empire.

Thus called upon to address your Majesty on affairs of such moment to America, and probably to all your Dominions, we are earnestly desirous of performing this office with the utmost deference for your Majesty; and we therefore pray, that your Majesty's royal magnanimity and benevolence may make the most favourable constructions of our expressions on so uncommon an occasion. Could we represent in their full force the sentiments that agitate the minds of us your dutiful subjects, we are persuaded your Majesty would ascribe any seeming deviation from reverence in our language, and even in our conduct, not to any reprehensible intention, but to the impossibility of reconciling the usual appearances of respect with a just attention to our own preservation against those artful and cruel enemies who abuse your royal confidence and authority, for the purpose of effecting our destruction.

Attached to your Majesty's person, family, and Government, with all devotion that principle and affection can inspire; connected with Great Britain by the strongest ties that can unite societies, and deploring every event that tends in any degree to weaken them, we solemnly assure your Majesty, that we not only most ardently desire the former harmony between her and these Colonies may be restored, but that a concord may be established between them upon so firm a basis as to perpetuate its blessings, uninterrupted by any future dissensions, to succeeding generations in both countries, and to transmit your Majesty's name to posterity, adorned with that signal and lasting glory that has attended the memory of those illustrious personages, whose virtues and abilities have extricated states from dangerous convulsions, and, by securing happiness to others, have erected the most noble and durable monuments to their own fame.

We beg leave further to assure your Majesty, that notwithstanding the sufferings of your loyal Colonists during the course of this present controversy, our breasts retain too tender a regard for the kingdom from which we derive our origin, to request such a reconciliation as might, in any manner, be inconsistent with her dignity or her welfare. These, related as we are to her, honour and duty, as well as inclination, induce us to support and advance; and the apprehensions that now oppress our hearts with unspeakable grief, being once removed, your Majesty will find your faithful subjects on this Continent ready and willing at all times, as they have ever been, with their lives and fortunes, to assert and maintain the rights and interests of your Majesty, and of our Mother Country.

We therefore beseech your Majesty, that your royal authority and influence may be graciously interposed to procure us relief from our afflicting fears and jealousies, occasioned by the system before-mentioned, and to settle peace through every part of our Dominions, with all humility submitting to your Majesty's wise consideration, whether it may not be expedient, for facilitating those important purposes, that your Majesty be pleased to direct some mode, by which the united applications of your faithful Colonists to the Throne, in pursuance of their common counsels, may be improved into a happy and permanent reconciliation; and that, in the mean time, measures may be taken for preventing the further destruction of the lives of your Majesty's subjects; and that such statutes as more immediately distress any of your Majesty's Colonies, may be repealed.

For such arrangements as your Majesty's wisdom can form for collecting the united sense of your American people, we are convinced your Majesty would receive such satisfactory proofs of the disposition of the Colonists towards their Sovereign and Parent State, that the wished for opportunity would soon be restored to them, of evincing the sincerity of their professions, by every testimony of devotion becoming the most dutiful subjects, and the most affectionate Colonists.

That your Majesty may enjoy a long and prosperous reign, and that your descendants may govern your Dominions with honour to themselves and happiness to their subjects, is our sincere prayer.

John Hancock.

New-Hampshire: John Langdon, Thomas Cushing.

Massachusetts: Samuel Adams, John Adams, Robert Treat Paine.

Rhode-Island: Stephen Hopkins, Samuel Ward, Eliphalet Dyer.

Connecticut: Roger Sherman, Silas Deane.

New-York: Philip Livingston, James Duane, John Alsop, Francis Lewis, John Jay, Robert Livingston, Jr., Lewis Morris, William Floyd, Henry Wisner.

New-Jersey: William Livingston, John De Hart, Richard Smith.

Pennsylvania: John Dickinson, Benjamin Franklin, George Ross, James Wilson, Charles Humphreys, Edward Biddle.

Delaware Counties: Cæsar Rodney, Thomas McKean, George Read.

Maryland, Matthew Tilghman, Thomas Johnson, Jr., William Paca, Samuel Chase, Thomas Stone.

Virginia: Patrick Henry, Jr., Richard Henry Lee, Edmund Pendleton, Benjamin Harrison, Thomas Jefferson.

North-Carolina: William Hooper, Joseph Hewes.

South-Carolina: Henry Middleton, Thomas Lynch, Christopher Gadsden, John Rutledge, Edward Rutledge.

**LETTER FROM GEORGE WASHINGTON TO JOHN HANCOCK
(DECEMBER 31, 1775)**

Cambridge 31st December 1775

Sir

I wrote you the 25th instant, Since which I am not honoured with any of your favours—the estimate I then inclosed you, was Calculated to pay the troops &a up to the first of January—that Cannot be done for want of funds in the Paymaster General's hands—which Causes a great murmuring amongst those, who are going of the monthly expences of this Army amt to near 275,000 Dollars, which I take the Liberty of recommending to the observation of Congress that their future remittences may be governed thereby. it Sometimes happens, that persons woud wish to deposit money in the hands of the Paymaster General, for his bills on the Treasury at Philadelphia—he has hitherto declined Such offers—not haveing authority from Congress to draw—woud it not be proper to give this power? if it Should be approved of—you will please to point out the mode, that the Congress woud chuse to have it done in the clothing Sent to the Quarter master Genl is Not Sufficient to put halfe our Army into Regimentals, nor is there a

possibility of getting any quantity here. I have wrote to General Schuyler, that I wish what was Lodged at Albany, Coud be Spared for these troops—as General Montgomery woud cloath the men under his Command at Montreal, if this Can

— page 2 —

be done, it will be of infinit Service, & no time shou'd be Lost in forwarding them to this Camp.

In forming the Regiments for the new establishment—I thought it but justice, to appoint the Officers detached under Colonel Arnold, to Commissions in them—their absence at present is of very great detriment to the Service, especially in recruiting—I woud therefore wish, if the Congress intend raiseing troops in or for Canada that they Coud be taken in there—the Sooner I have their oppinion of this matter, the better—that if they Can be Commissioned in Canada, I may appoint Officers here to replace them.

Inclosed you have Copy of a Representation Sent to me by the Legislative Body of this Province respecting four Companies Stationed at Braintree Weymouth & Hingham—as they were never Regimented and were doing duty at a distance from the rest of the Army, I did not Know whether to Consider them as a part of it—nor do I think myselfe authorized to direct payment for them, without the approbation of Congress it has been represented to me that the free negroes who have Served in this Army, are very much dissatisfied at being discarded—as it is to be apprehended, that they may Seek employ in the ministerial Army—I have presumed to depart from the Resolution respecting them, & have given Licence for their being enlisted, if this is disapproved of by Congress, I will put a Stop to it.

I believe Colonel Gridley expects to be Continued

— page 3 —

as Chief Engineer in this Army—it is very Certain, that we have no one here, better qualifeyed, he has don very little hitherto in that department—but if the Congress chuse to appoint him—I will take Care that he pays a proper attention to it—before I quit this Subject I must remark, that the pay of the Assistant Engineers is So very Small, that we Cannot expect men of Science will engage in it—those Gentlemen who are in that Station, remaind under the expectation, that an additional allowance

would be made them, by the respective Provinces, in which they were appointed, to that, allowed by the Congress.

Captain Freeman, arrived this day at Camp from Canada, he Left Quebec the 24th ultimo in Consequence of General Carletons proclamation, which I have the honor to Send you herewith—he Saw Col. Arnold the 26th—and Says that he was joind at Point au Tremble by General Montgomery the 1st instant that they were about 2000 Strong & were Makeing every preparation for attacking Quebec, that General Carleton had with him about 1200 men, the majority of whom are Sailors, that it was his oppinion, the French would give up the place, if they get the Same Conditions granted to the Inhabitants of Montreal.

Captain Adams, of the Warren armed Schooner Sent into Marblehead the sloop Sally, bound from Lisbon to Newyork Laden with 2 pipes and 126 Qr Casks of wine—

— page 4 —

this sloop was made a prize of by the Niger man of War, Somewhere near Bermudas, the Captain of whom put his Mate & five hands on board with orders to proceed with her to Boston, the sloop & Cargo belongs to Mr Peter Barberie of Perth Amboy in newjersey.

Captains Semple & Harbeson take under their Care Mr Kirkland who appears to be a much more illiterate & Simple man, than his Strong reccommendations bespake him—Captain Mathis & Mr Robinson will accompany them—the two Later were prisoners taken by Lord Dunmore who was Sending them to Boston, from whence there is Little doubt, but that they would be forwarded to England, to which place, I am Credibly informed, Captain Martindale & the Crew of the Washington are Sent, allso Colonel Allen & the Prisoners taken with him in Canada, this may account for General Howes Silence on the Subject of an Exchange of Prisoners, mentioned in my Letter to him.

General Lee is just returned from his excursion to Rhode Island, he has pointed out the best method, the Island would admit of, for its defence—he has endeavourd all in his power, to make freinds of those that were our enemies, you have inclosed a Specimen of his abilities in that way, for your perusal, I am of oppinion, that if the Same plan was pursued thorough every Province, it would have a very good effect.

I have Long had it on my mind to mention to Congress, that frequent applications had been made to me, respecting the Chaplains pay—which is too Small to encourage men of Abilities—Some of them who have Left their flocks, are obliged to pay the parson acting for them, more than they receive—I need not point out the great utility of Gentlemen whose Lives & Conversation are unexceptionable, being employed for that Service, in this Army, there are two ways of making it worth the attention of Such—one is, an advancement of their pay, the other, that one Chaplain be appointed to two Regiments, this Last I think may be done without inconvenience I beg Leave to reccommend this matter to Congress whose Sentiments hereon, I Shall impatiently expect.

upon a further Conversation with Captain Freeman—he is of opinion that General Montgomery has with him near 3000 men Includeing Col. Arnolds—he Says that Lord Pit, had received repeated orders from his father to return home—in Consequence of which he had embarked Sometime in October, with a Captain Green who was Master of a vessell, belonging to Philadelphia.

By a number of Salutes in Boston Harbour yesterday I fancy Admiral Shuldam is arrived two Large ships were Seen Comeing in.

Our Inlistments now amount to 9650.

Those Gentlemen who were

made prisoners of by Lord Dunmore being Left destitute of money & necessarys I have advanced them One hundred pounds Lawfull money belonging to the publick, for which I have taken Capt. Mathews draft on the Treasury of Virginia, which goes inclosed—I have the honour to be Sir Your Most Obedt H. St

Go: Washington

P.S. you have inclosed the Returns of the Army.

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ ТОМАСА ДЖЕФФЕРСОНА

(Извлечение)

22 июля д-р Франклин, г-н Адамс, Р. Г. Ли и я были назначены членами комитета для рассмотрения примирительных предложений лорда Норта и доклада о них Конгрессу. Поскольку ответ ассамблеи Виргинии по этому вопросу был одобрен, комитет попросил меня подготовить этот доклад, что должно было обеспечить сходство этих двух документов.

15 мая 1776 г. конвент Виргинии дал указание своим представителям в Конгрессе внести предложения объявить колонии независимыми от Великобритании и назначить комитет для подготовки декларации прав и плана правления.

В Конгрессе, пятница 7 июня 1776 г.

Делегаты Виргинии в соответствии с инструкциями, полученными от своих избирателей, внесли резолюцию, призывающую Конгресс провозгласить, что настоящие Соединенные колонии являются и по праву должны быть свободными и независимыми штатами; что они полностью освобождаются от верности британской короне; что всякая политическая связь между ними и государством Великобритания является и должна быть полностью расторгнута; что немедленно должны быть приняты меры для обеспечения помощи иностранных государств и должна быть образована конфедерация для большего сплочения колоний.

Поскольку в это время Конгресс был занят другими делами, обсуждение этого предложения было перенесено на следующий день, и делегатам было велено явиться точно к 10 часам без опозданий.

Суббота, 8 июня.

Делегаты продолжили рассмотрение этого предложения и передали его в комитет всей палаты, который и был тотчас образован. Дебаты проходили в этот день и в понедельник, 10-го.

Уилсон, Роберт Р. Ливингстон, Э. Ратледж, Дикинсон и другие утверждали, что, хотя они и были сторонниками самих этих мер и считали невозможным, чтобы мы когда-нибудь снова объединились с Великобританией, они все же были против их принятия в настоящее время;

что образ действий, которого мы придерживались ранее, воздерживаясь от совершения любого решительного шага до тех пор, пока голос народа не заставит нас сделать это, теперь оказался мудрым и соответствующим обстоятельствам;

что народ – это наша сила и что без него наши декларации не могут осуществиться;

что жители средних колоний (Мэриленда, Делавэра, Пенсильвании, Джерси и Нью-Йорка) еще не созрели для того, чтобы порвать связи с Британией, но что они быстро созревают и вскоре присоединятся к общему голосу Америки;

что внесенная 15 мая резолюция о прекращении действия всякой власти, исходящей от короны, показала благодаря тем волнениям, в которые она ввергла жителей средних колоний, что их сознание еще не свыклось с отделением от метрополии;

что некоторые из них намеренно запретили своим делегатам соглашаться на такую декларацию, а другие не дали никаких инструкций и соответственно никаких полномочий давать такое согласие;

что если у делегатов какой-нибудь колонии определенно нет полномочий провозгласить эту колонию независимой, другие не могут провозгласить ее независимой за них, причем колонии пока остаются совершенно независимыми одна от другой;

что ассамблея Пенсильвании заседает сейчас этажом выше, ее конвент соберется в течение нескольких дней, что сейчас заседает конвент Нью-Йорка, а конвенты Джерси и графств Делавэра соберутся в следующий понедельник, и, возможно, на них встанет вопрос о независимости, и они доведут до делегатов мнение своего штата;

что если такая декларация будет сейчас одобрена, то эти делегаты должны уйти в отставку, а их колонии, возможно, могут выйти из союза;

что такой выход приведет к нашему ослаблению и никакой союз с иностранным государством не сможет его возместить; что в случае такого разделения иностранные государства либо откажутся поддержать нас, либо, получив над нами большую власть благодаря этой отчаянной декларации, будут настаивать соответственно на более тяжелых и предосудительных для нас условиях;

что у нас мало оснований ожидать союза с теми, на кого пока мы рассчитываем;

что у Франции и Испании есть основания с подозрением относиться к этому рождающемуся государству, которое когда-нибудь в будущем непременно лишит их всех владений в Америке;

что они скорее пойдут на связь с Британским двором, который, если он будет не в состоянии иначе выпутаться из затруднительного положения, согласится на раздел наших территорий, возвратив Канаду Франции, а Флориды – Испании, и таким образом они смогут добиться возвращения этих колоний;

что в скором времени мы получим надежную информацию о намерениях французского двора от агента, посланного нами в Париж с этой целью;

что если эти намерения будут благоприятными благодаря исходу нынешней кампании, которая, как мы все надеемся, закончится успешно, у нас будут основания ожидать заключения союза на лучших условиях;

что такой образ действий не задержит на деле предоставление нам неотложной эффективной помощи от такого союзника, поскольку из-за наступления зимы и нашей удаленности мы уже не сможем получить какую-либо помощь во время нынешней кампании;

что благоразумнее сначала самим определить условия заключения союза, а затем объявлять о его заключении в любом случае;

и что, если по всем названным соображениям будет достигнуто согласие, и наша Декларация независимости будет готова ко времени отплытия нашего посла, то хорошо было бы и принять эту Декларацию в тот же день.

С другой стороны, Дж. Адамс, Ли, Уит и другие настаивали на том, что ни один джентльмен не оспаривал этой политики или права на отделение от Британии и не полагал также возможным, что мы когда-либо возобновим с ней наши связи;

что они возражали только против объявления об этом в данный момент; что вопрос заключается не в том, что благодаря Декларации независимости мы станем тем, чем мы сейчас не являемся, а в том, объявим ли мы ею о факте уже существующем;

что касается народа или парламента Англии, то мы всегда были независимыми от них, причем их ограничение нашей торговли черпало силу только в нашей покорности, а не в каких-нибудь принадлежащих им правах введения ограничений, и что до сих пор наша связь была только федеральной, а сейчас, с началом военных действий, она расторгнута;

что касается короля, то мы были связаны с ним узами подданства, но эти узы теперь расторгнуты его санкцией на последний акт парламента, согласно которому он лишил нас своей защиты и начал против нас войну, подтвердив тем самым, что мы давно уже лишены его защиты, ибо в юриспруденции существует положение о том, что подданство и защита взаимосвязаны: когда исчезает одно, прекращается и другое;

что Яков Второй никогда не объявлял о том, что он лишает народ Англии своей защиты; однако, когда его действия доказали, что он сделал это, то парламент об этом объявил;

тогда ни одному делегату нельзя отказать в праве или даже пожелать отказать в праве и возможности провозгласить существующую истину;

что, поскольку делегаты графств Делавэра объявили о том, что их избиратели готовы присоединиться к общему мнению, остались всего две колонии, Пенсильвания и Мэриленд, делегаты которых полностью связаны в своих действиях, и что согласно своим инструкциям они оставили за собой право только высказываться «за» или «против» этой меры;

что инструкции делегатов Пенсильвании могут объясняться тем, что они были составлены почти год назад, а за это время состояние дел полностью изменилось;

что за это время стало ясно, что Британия исполнена решимости согласиться просто-напросто на «карт-бланш» с нашей стороны и что ответ короля лорд-мэру, олдерменам и муниципальному совету Лондона, который пришел четыре дня назад, должен был прояснить для всех этот вопрос; что народ ожидает от нас, что мы поведем его за собой; что он за эту меру, хотя инструкции, данные некоторым его представителям, не за нее;

что голос представителей не всегда созвучен голосу народа, и это особенно верно для средних колоний;

что реакция на резолюцию от 15 мая подтвердила это; она, вызвав ропот некоторых людей в колониях Пенсильвания и Мэриленд, встретила возражения более свободной части населения, доказав, что они составляют большинство даже в этих колониях;

что отсталость этих двух колоний может быть частично объяснена влиянием власти собственников, их связями и частично тем, что эти колонии пока не подверглись нападению противника;

что эти причины, вероятно, не будут вскоре устранены, поскольку противник, похоже, не собирается сделать их территорию местом военных действий этим летом;

что ожидание неделями или месяцами достижения полного единодушия будет напрасным, поскольку невозможно, чтобы у всех людей было единое мнение по какому-нибудь вопросу;

что с самого начала нынешней борьбы образ действий некоторых колоний дал основание для подозрений, что их установившейся политикой стало стремление оставаться в тылу конфедерации, дабы на будущее перспективы для них были бы лучшими даже при худшем обороте событий;

что поэтому тем колониям, которые бросились вперед и с самого начала поставили все на карту, сейчас необходимо так же сделать снова шаг вперед и рискнуть всем;

что история голландской революции, в которой поначалу объединились только три штата, доказала, что отделение некоторых колоний не будет столь опасным, как некоторые полагают;

что только Декларация независимости сможет сделать совместимым с европейской щепетильностью само установление отношений с нами европейскими государствами или даже прием нашего посла;

что до этого они не будут принимать наши суда в своих портах или признавать законность решений наших адмиралтейских судов в случаях захвата нами британских судов;

что хотя Франция и Испания могут ревниво относиться к усилению нашей мощи, они должны представлять себе, что в союзе с Великобританией эта мощь станет еще грознее, и поэтому будут считать своей целью предотвращение такой коалиции; но если они откажутся от союза с нами, мы ничего не потеряем, в то время как не попытавшись установить с ними союз, мы никогда не узнаем, будут они нам помогать или нет;

что нынешняя военная кампания может быть для нас неуспешной, и поэтому нам лучше предложить союз сейчас, пока в наших делах есть надежда на успех;

что ожидание исхода этой кампании безусловно вызовет задержку, поскольку в течение лета Франция могла бы эффективно помочь нам, перерезав снабжение продовольствием из Англии и Ирландии находящихся здесь вражеских армий, от которого они столь зависят; или приведя в действие большие силы, сконцентрированные ею в Вест-Индии, и вынуждая нашего противника к защите его тамошних владений;

что было бы глупо терять время на определение условий союза до того, как мы не примем решение о вступлении в него;

что не теряя времени нашему народу необходимо начать торговать, потому что ему понадобится одежда, а также деньги для уплаты налогов;

и что единственной неудачей является то, что мы не вступили в союз с Францией шестью месяцами ранее, потому что тогда кроме предоставления своих портов для сбыта нашего урожая прошлого года она могла бы направить армию в Германию и удержать местных мелких князей от продажи своих несчастных подданных для нашего подавления.

ДЕКЛАРАЦИЯ НЕЗАВИСИМОСТИ 4 ИЮЛЯ 1776 г.

Принята единогласно тринадцатью соединенными Штатами Америки

Когда ход событий приводит к тому, что один из народов вынужден расторгнуть политические узы, связывающие его с другим народом, и занять самостоятельное и равное место среди держав мира, на которое он имеет право по законам природы и ее Творца, уважительное отношение к мнению человечества требует от него разъяснения причин, побудивших его к такому отделению.

Мы исходим из самоочевидной истины, что все люди созданы равными и наделены их Творцом определенными неотчуждаемыми правами, к числу которых относятся жизнь, свобода и стремление к счастью. Для обеспечения этих прав людьми учреждаются правительства, черпающие свои законные полномочия из согласия управляемых. В случае, если какая-либо форма правительства становится губительной для самих этих целей, народ имеет право изменить или упразднить ее и учредить новое правительство, основанное на таких принципах и формах организации власти, которые, как ему представляется, наилучшим образом обеспечат людям безопасность и счастье. Разумеется, благоразумие требует, чтобы правительства, установленные с давних пор, не менялись бы под влиянием несущественных и быстротечных обстоятельств; соответственно, весь опыт прошлого подтверждает, что люди склонны скорее сносить пороки до тех пор, пока их можно терпеть, нежели использовать свое право упразднять правительственные формы, ставшие для них привычными. Но когда длинный ряд злоупотреблений и насилий, неизменно подчиненных одной и той же цели, свидетельствует о коварном замысле вынудить народ смириться с неограниченным деспотизмом, свержение такого правительства и создание новых гарантий безопасности на будущее становится правом и обязанностью народа. Эти колонии длительное время проявляли терпение, и только необходимость вынуждает их изменить прежнюю систему своего правительства. История правления ныне царствующего короля Великобритании - это набор бесчисленных несправедливостей и насилий, непосредственной целью которых является установление неограниченного деспотизма. Для подтверждения, сказанного выше представлены на беспристрастный суд всего человечества следующие факты.

Он отказывался давать свое согласие на принятие законов, высшей степени полезных и необходимых для общего блага.

Он запрещал своим губернаторам проводить неотложные и чрезвычайно важные законы, если только их действие не откладывалось до получения

королевского согласия, но когда они таким способом приостанавливались, он демонстративно оставлял их без всякого внимания.

Он разрешил проводить другие законы, важные для жизни населения обширных округов только при условии, что оно откажется от права на представительство в легислатуре, т. е. от права, бесценного для него и опасного только для тиранов.

Он созывал законодательные органы в непривычных и в неудобных местах, находящихся на большом удалении от места хранения их официальных документов, с единственной целью измором заставить их согласиться с предлагаемой им политикой.

Он неоднократно распускал палаты представителей, мужественно и твердо противостоявшие его посягательствам на права народа.

Он в течение длительного срока после такого роспуска отказывал в выборах других депутатов, в результате чего законодательные полномочия, которые по своей сути неуничтожаемы, возвращались для их осуществления народу в целом; штат тем временем подвергался всем опасностям, проистекавшим как от внешнего вторжения, так и от внутренних беспорядков.

Он пытался помешать заселению этих штатов, игнорируя по этой причине законы о натурализации иностранцев, отказывая в принятии других законов, направленных на поощрение иммиграции, а также затрудняя выделение новых земельных участков.

Он создавал препятствия для осуществления правосудия, отказываясь давать согласие на принятие законов об организации судебной власти.

Он поставил судей в исключительную зависимость от своей воли путем определения сроков их пребывания в должности, а также размера и выплат им жалования.

Он создавал множество новых должностей и присылал к нам сонмища чиновников, чтобы притеснять народ и лишать его средств к существованию.

Он в мирное время содержал у нас постоянную армию без согласия наших легислатур.

Он стремился превратить военную власть в независимую и более высокую по отношению к гражданской власти.

Он объединялся с другими лицами, чтобы подчинить нас юрисдикции, чуждой нашей конституции и не признаваемой нашими законами, утверждал их акты, претендовавшие стать законодательством и служившие:

- для расквартирования у нас крупных соединений вооруженных сил;
- для освобождения посредством судебных процессов, являющихся таковыми только по видимости, от наказаний военных, совершивших убийства жителей этих штатов;
- для прекращения нашей торговли со всеми частями света;

- для обложения нас налогами без нашего согласия;
- для лишения нас по многим судебным делам возможности пользоваться преимуществами суда присяжных;
- для отправки жителей колонии за моря с целью предания их там суду за приписываемые им преступления; - для отмены свободной системы английских законов в соседней провинции путем установления в ней деспотического правления и расширения ее границ таким образом, чтобы она служила одновременно примером и готовым инструментом для введения такого же абсолютистского правления в наших колониях;
- для отзыва предоставленных нам хартий, отмены наших наиболее полезных законов и коренного изменения форм нашего правительства;
- для приостановления деятельности наших легислатур и присвоения себе полномочий законодательствовать вместо нас в самых различных случаях.

Он отказывался от правления колониями, объявив о лишении нас его защиты и начав против нас войну.

Он грабил нас на море, опустошал наши берега, сжигал наши города и лишал наших людей жизни.

Он в настоящий момент посылает к нам большую армию иностранных наемников с тем, чтобы окончательно посеять у нас смерть, разорение и установить тиранию, которые уже нашли свое выражение в фактах жестокости и вероломства, какие едва ли имели место даже в самые варварские времена, и абсолютно недостойные для главы цивилизованной нации.

Он принуждал наших сограждан, взятых в плен в открытом море, воевать против своей страны, убивать своих друзей и братьев либо самим погибать от их рук.

Он подстрекал нас к внутренним мятежам и пытался натравить на жителей наших пограничных земель безжалостных дикарей-индейцев, чьи признанные правила ведения войны сводятся к уничтожению людей, независимо от возраста, пола и семейного положения.

В ответ на эти притеснения мы каждый раз подавали петиции, составленные в самом сдержанном тоне, с просьбой о восстановлении наших прав: в ответ на наши повторные петиции следовали лишь новые несправедливости. Государь, характеру которого присущи все черты, свойственные тирану, не может быть правителем свободного народа.

В равной степени не оставляли мы без внимания и наших британских братьев. Время от времени мы предостерегали их от попыток парламента незаконным образом подчинить нас своей юрисдикции. Мы напоминали им о причинах, в силу которых мы эмигрировали и поселились здесь. Мы взывали к их прирожденному чувству справедливости и великодушию и заклинали их,

ради наших общих кровных уз, осудить эти притеснения, которые с неизбежностью должны были привести к разрыву наших связей и общения. Они также оставались глухими голосу справедливости и общей крови. Поэтому мы вынуждены признать неотвратимость нашего разделения и рассматривать их, как мы рассматриваем и остальную часть человечества, в качестве врагов во время войны, друзей в мирное время.

Поэтому мы, представители Соединенных Штатов Америки, собравшись на общий Конгресс, призывая Всевышнего подтвердить честность наших намерений, от имени и по уполномочию доброго народа этих колоний, торжественно записываем и заявляем, что эти соединенные колонии являются и по праву должны быть свободными и независимыми штатами, что они освобождаются от всякой зависимости по отношению к британской короне и что все политические связи между ними и Британским государством должны быть разорваны, что в качестве свободных и независимых штатов они полномочны объявлять войну, заключать мирные договоры, вступать в союзы, вести торговлю, совершать любые другие действия и все то, на что имеет право независимое государство. И с твердой уверенностью в покровительстве Божественного Провидения мы клянемся своей жизнью, своим состоянием и своей незапятнанной честью.

СТАТЬИ КОНФЕДЕРАЦИИ 1777 г.

СТАТЬИ КОНФЕДЕРАЦИИ И ВЕЧНОГО СОЮЗА МЕЖДУ ШТАТАМИ НЬЮ-ГЕМПШИРОМ, МАССАЧУСЕТСОМ, РОД-АЙЛЕНДОМ, КОННЕКТИКУТОМ, НЬЮ-ЙОРКОМ, НЬЮ-ДЖЕРСИ, ПЕНСИЛЬВАНИЕЙ, ДЕЛАВЭРОМ, МЭРИЛЕНДОМ, ВИРДЖИНИЕЙ, СЕВЕРНОЙ КАРОЛИНОЙ, ЮЖНОЙ КАРОЛИНОЙ И ГЕОРГИЕЙ (ДЖОРДЖИЕЙ)

Статья I. Эта конфедерация должна называться *Соединенными Штатами Америки*.

Статья II. Каждый штат сохраняет свое верховенство, свободу и независимость, равно как и всякую власть, юрисдикцию и права, которые особо не предоставлены этой конфедерацией Соединенным Штатам, собравшимся на конгресс.

Статья III. Поименованные штаты входят в дружественный союз друг с другом, для общей защиты, обеспечения их свободы и для взаимной и общей пользы, обязуясь помогать друг другу против всякого насилия или нападения,

против всех вместе, или каждого отдельно из-за религии, верховных прав, торговли или по каким-либо другим поводам.

Статья IV. Чтобы лучше обеспечить и упрочить взаимную дружбу и сношения между населением различных штатов этого союза, свободные жители каждого из этих штатов, за исключением нищих, бродяг и скрывающихся от правосудия, пользуются всеми привилегиями и льготами свободных граждан во всех штатах; жители каждого штата имеют право свободного въезда и выезда из каждого штата и пользуются в нем всеми промышленными и торговыми привилегиями, подчиняясь тем же пошлинам, налогам и ограничениям, наравне с их жителями; но эти ограничения не должны простирались до воспреещения перевозки ввезенного товара в какой-либо другой штат, где проживает его владелец; эти налоги, пошлины и ограничения не касаются также собственности Соединенных Штатов и какого-либо их них в отдельности.

Если человек, обвиняемый в измене, предумышленном преступлении или другом важном проступке, совершенном в каком-либо из штатов, бежит от правосудия и будет найден в других штатах, то по требованию губернатора или исполнительной власти того штата, откуда был совершен побег, он должен быть выдан ему и препровожден в штат, суду которого он подлежит.

В каждом из этих штатов постановления и судебные распоряжения судов или магистратуры другого штата должны пользоваться полным доверием.

Статья V. Для более удобного заведования делами, касающимися общих интересов Соединенных Штатов, ежегодно должны быть избираемы делегаты, в порядке, установленном по желанию каждого штата, которые в первый понедельник ноября каждого года собираются на конгресс; причем каждый штат имеет право во всякое время года отозвать своих делегатов или кого-либо из них и заменить их другими на остальную часть года.

Каждый штат должен иметь не менее двух и не более семи представителей в конгрессе; также никто не может быть делегатом на срок более трех лет, в продолжение каждых шести лет; кроме того, никто из делегатов не имеет права занимать какую-либо должность в Соединенных Штатах, за которую он сам, или кто другой вместо него, получает жалованье, вознаграждения или какие-либо денежные выгоды.

Каждый штат сам содержит своих делегатов во время собрания штатов, и когда они состоят членами их комитетов.

При решении вопросов в Соединенных Штатах, собравшихся на конгресс, каждый штат пользуется только одним голосом.

Свобода слова и прений в конгрессе не должны подвергаться обвинениям или встречать препятствия в каком-либо суде или месте, вне конгресса, и

члены его не могут подвергаться аресту или заключению в тюрьму, пока они находятся на пути в конгресс, возвращаются с конгресса или присутствуют на нем, иначе как за государственную измену, предумышленное преступление или за нарушение общественного спокойствия.

Статья VI. Ни один штат, без согласия Соединенных Штатов, собравшихся на конгресс, не может посылать или принимать посольства, или входить в какие-либо переговоры, соглашения, союзы или заключать трактаты с каким-либо королем или государством; никто, занимающий какую-либо должность с содержанием или по доверию в Соединенных Штатах, не должен принимать никаких подарков, вознаграждений, должностей или титулов какого бы то ни было рода от какого-либо короля, принца или иностранного государства; равным образом, Соединенные Штаты, собравшиеся на конгрессе, или отдельный штат, не могут раздавать никаких дворянских титулов.

Никакие два штата, или более, не могут заключать между собой договора, союза или конфедерации без согласия Соединенных Штатов, собравшихся на конгрессе, причем первые должны точно определить цель таких соглашений и на какой срок они остаются в силе.

Ни один штат не может вводить у себя таких пошлин или налогов, которые могли бы нарушать какие-либо условия трактатов, заключенных Соединенными Штатами, собравшимися на конгресс, с каким-либо королем, принцем или государством, или уже предложенных конгрессом французскому и испанскому дворам.

Каждый штат имеет право держать в мирное время только такое число военных судов, какое будет признано необходимым Соединенными Штатами, собравшимися в конгрессе, для защиты самого штата или его торговли; также ни один штат не должен в мирное время содержать большее число войск против того, которое, по мнению Соединенных Штатов, собравшихся на конгрессе, будет признано достаточным для содержания гарнизонов в фортах, необходимых для защиты такого штата; но каждый штат должен всегда иметь хорошо организованную и обученную милицию, исправно вооруженную и снабженную всем нужным, и должен всегда иметь в общественных складах в готовности для употребления нужное число полевых орудий и палаток и достаточное количество оружия, снарядов и войскового обоза.

Ни один штат не имеет права начать войну без согласия Соединенных Штатов, собравшихся на конгрессе, если только он не подвергся вторжению неприятеля, или не получил предупреждения о намерении какого-либо индейского племени вторгнуться в его пределы, и если опасность будет настолько близка, что не может быть допущено замедление, пока будет

запрошен конгресс; каждый штат может командировать военные суда или выдавать каперские свидетельства только после объявления войны Соединенными Штатами, собравшимися на конгрессе, и тогда только против тех королей и государств, или их подданных, которым была объявлена война Соединенными Штатами, собравшимися на конгрессе, соблюдая при этом все правила, установленные Соединенными Штатами, собравшимися на конгрессе; исключение из этого может быть только в том случае, если штат подвергается нападению пиратов, когда он может снаряжать военные корабли и содержать их, пока будет продолжаться опасность или пока Соединенные Штаты, собравшиеся на конгрессе, не сделают другого распоряжения.

Статья VII. Когда каким-либо штатом собирается войско для общей защиты, то все его офицеры, в чине полковника или ниже, назначаются законодательным собранием соответствующего штата, вооружившего войско, и все открывающиеся вакансии должны быть замещены по его же распоряжению.

Статья VIII. Все военные издержки и все другие расходы для общей обороны или на общую пользу разрешенные Соединенными Штатами, собравшимися в конгрессе, покрываются из общей казны, пополняемой штатами сообразно стоимости земель в каждом штате, оцененных, со всеми находящимися на них постройками и со сделанными в них улучшениями, по способу, указанному Соединенными Штатами, собравшимися на конгрессе. Налоги для уплаты пропорциональной части таких расходов налагаются и взыскиваются по распоряжению и указанию законодательных собраний штатов в сроки, утвержденные Соединенными Штатами, собравшимися на конгрессе.

Статья IX. Соединенным Штатам, собравшимся на конгрессе, исключительно принадлежит право решения вопросов о мире и войне, за исключением случаев, упомянутых в VI статье, — права посылки и приема посольств — право заключения союзов и договоров, с тем однако условием, чтобы не заключались такие торговые трактаты, которые ограничивали бы право законодательных собраний штатов облагать иностранцев такими же налогами и пошлинами, какими обложены и их жители, и воспрепятствовать ввоз и вывоз каких бы то ни было товаров или продуктов; конгрессу также исключительно принадлежат права: установления правил, определяющих во всех случаях законность взятой у неприятеля добычи на суше или на море, и какими способами будет производиться раздел таких призов; выдача каперских свидетельств в мирное время; назначение судов для разбора дел о морских разбоях и судов для апелляционных решений во всех случаях

захватов добычи, с тем ограничением, чтобы ни один из членов конгресса не был назначаем членом названных судов.

Соединенные Штаты, собравшиеся на конгрессе, представляют последнюю апелляционную инстанцию по всем спорам и разногласиям, существующим теперь или могущим возникнуть между двумя или более штатами, относительно границ, юрисдикции или по каким-либо другим вопросам. Этим правом конгресс пользуется таким образом: когда законодательная или исполнительная власть, или законный поверенный штата, находящегося в споре с другим, представит петицию конгрессу с изложением предмета спора и с просьбой о его разрешении, конгресс извещает об этом законодательную или исполнительную власть другого спорящего штата и назначает день для явки поверенных спорящих сторон, которым предоставляется назначить по взаимному соглашению комиссаров или судей, для выслушивания и решения спорного дела; если соглашение между ними не состоится, то конгресс назначает трех лиц от каждого из Соединенных Штатов, и из списка таких лиц каждая сторона попеременно вычеркивает по одному (причем первой начинает сторона, подавшая петицию), пока число имен не будет сокращено до тринадцати; из этого числа не менее семи и не более девяти имен должно быть вынута по жребию, в присутствии конгресса; и лица, имена которых будут вынуты таким образом, или пятеро из них, должны быть комиссарами или судьями для выслушивания и решения спорного дела большинством голосов, но если которая-либо из спорящих сторон не явится без уважительных для конгресса причин в назначенный день или, явившись, откажется вычеркивать имена, то конгресс назначает по три лица от каждого штата, и право вычеркивания имен вместо неявившейся стороны предоставляется секретарю конгресса; решение назначенного описанным способом суда будет являться окончательным. Но если которая-либо из тяжущихся сторон откажется подчиниться авторитету такого суда или не явится для защиты своего дела, то суд все-таки постановляет свое решение, которое также будет окончательным, и постановленное таким образом решение со всем производством дела, в том и другом случае, передается в конгресс и вносится в число его актов для обеспечения заинтересованных в деле сторон. При этом каждый комиссар, участвующий в суде, должен быть приведен одним из верховных судей того штата, где будет рассматриваться дело, к присяге, «добросовестно выслушать и разобрать дело, по своему крайнему разумению, без лицепрятия или надежды получить награду». Ни один штат не может быть лишен своей территории в пользу Соединенных Штатов.

Все споры относительно частных прав на земли, по концессиям от двух или более штатов, по представлении которой-либо из спорящих сторон о том петиции конгрессу Соединенных Штатов будут решаться описанным выше способом, установленным для решения споров касательно территориальной юрисдикции между различными штатами.

Соединенным Штатам, собравшимся на конгрессе, также принадлежит исключительное право: определять сплав и стоимость монеты, чеканенной по их распоряжению или по распоряжению других штатов; определять нормы весов и мер по всем Соединенным Штатам, регулировать торговлю и все дела с индейцами, не входящими в состав штатов, без нарушения законодательных прав какого-либо из них в пределах его территории; учреждать и регулировать почтовое сообщение между штатами и по всем Соединенным Штатам, взыскивая при этом такую плату за пересылку корреспонденции, которая покрывала бы расходы устройства означенного почтового сообщения; назначать всех офицеров сухопутных войск на службе Соединенных Штатов, кроме полковых офицеров; назначать всех офицеров флота и всех других должностных лиц, состоящих на службе Соединенных Штатов; устанавливать правила для управления означенных сухопутных и морских сил и руководить их действиями.

Соединенные Штаты, собравшиеся на конгрессе, имеют право назначить комитет, заседающий во время перерыва заседаний конгресса, носящий название «комитета штатов» и состоящий из одного делегата от каждого штата; также назначать всякие другие комитеты и должностных лиц, как будет нужно для общего управления делами Соединенных Штатов, находящимися в их ведении; назначать одного из числа их председателем; причем никто не может занимать этой должности более одного года в трехлетний срок; определять необходимые денежные суммы на потребности Соединенных Штатов, распоряжаться ими и употреблять для покрытия государственных расходов; делать займы и выпускать кредитные билеты от имени Соединенных Штатов, представляя по истечении полугодия каждому штату отчет о занятых суммах и выпущенных кредитных билетах; строить и вооружать суда, устанавливать число сухопутных войск и представлять каждому штату требования на его долю участия в этом расходе, пропорционально размеру его белого населения; эти требования должны быть обязательны, и на основании их законодательное собрание каждого штата назначает полковых офицеров, набирает солдат, вооружает и обмундировывает их, соответственно военным требованиям, за счет Соединенных Штатов. Собранные и вооруженные таким образом войска собираются в назначенных местах и в сроки, определенные Соединенными

Штатами, собравшимися на конгрессе. Но если конгресс, соображаясь с обстоятельствами, признает нужным, чтобы какой-либо из штатов вовсе не производил набора солдат или набирал их в меньшем числе, чем полагается на его долю, и чтобы другой штат вербовал их в большем числе против положенного для него, то все такое, превосходящее его норму, войско должно быть вооружено и обмундировано им, наравне с прочими. Если же законодательное собрание штата не признает возможным набрать у себя все экстренное число солдат, то оно набирает их только в возможном для него размере и отправляет их в тот пункт и к тому сроку, которые будут назначены Соединенными Штатами, собравшимися на конгрессе.

Соединенные Штаты, собравшиеся на конгрессе, не имеют права без согласия девяти штатов: начинать войну, выдавать каперские свидетельства во время мира, заключать какие-либо договоры или союзы, назначать суммы расходов, необходимых для защиты и благосостояния Соединенных Штатов, или которого-либо из них, выпускать кредитные билеты, делать займы от имени Соединенных Штатов, ассигновать суммы на расходы, назначать число военных судов для постройки или покупки и размер сухопутных или морских сил и назначать главнокомандующего армией и флотом. Равным образом, никакой другой вопрос, кроме отсрочки заседаний с одного дня на другой, не может быть решен иначе, как большинством голосов Соединенных Штатов, собравшихся на конгрессе.

Конгресс Соединенных Штатов имеет право отсрочить свои заседания на всякое время в продолжение года и перенести их во всякое место в Соединенных Штатах, если период такой отсрочки не превышает шести месяцев; он ежемесячно публикует протоколы своих заседаний, за исключением тех их частей, которые касаются договоров, союзов или военных операций, которые, по его мнению, должны сохраняться в тайне; по желанию каждого из делегатов должно быть помещено в протоколы число согласных и несогласных голосов от каждого штата при решении какого-либо из вопросов; делегаты штатов по их требованию получают копии означенных протоколов, кроме подлежащих исключению частей, для представления их своим штатам.

Статья X. Комитеты штатов, или девяти из них, имеют право, во время прекращения заседаний конгресса, пользоваться такими правами конгресса, которые Соединенные Штаты, собравшиеся на конгрессе, с согласия девяти штатов, от времени до времени, найдут нужным им предоставить; но означенным комитетам не может быть предоставлено ни одно из тех прав, для пользования которыми, на основании статей конфедерации, требуется согласие девяти штатов на конгрессе Соединенных Штатов.

Статья XI. Канада, присоединяющаяся к этой конфедерации и к мерам, принятым Соединенными Штатами, допускается в этот союз и пользуется всеми его преимуществами; но никакая другая колония не может быть допущена в него без согласия девяти штатов.

Статья XII. Все выпущенные кредитные билеты, займы и долги, сделанные конгрессом до собрания Соединенных Штатов на основании настоящей конфедерации, должны быть приняты на себя Соединенными Штатами, которые и отвечают, как представители общественного кредита, за их уплату.

Статья XIII. Каждый штат подчиняется решениям Соединенных Штатов, собравшихся на конгрессе, по всем вопросам, предоставленным, в силу этой конфедерации, на их разрешение. Все статьи этой конфедерации должны нерушимо соблюдаться всеми штатами, и союз должен быть вечен; в них не допускается никаких последующих изменений, иначе как с согласия конгресса Соединенных Штатов и с одобрения законодательного собрания каждого штата.

Так как Вседержитель мира склонил сердца законодательных собраний штатов, которых мы состоим представителями, чтобы они одобрили упомянутые статьи конфедерации и вечного союза и уполномочили нас утвердить их, то мы, нижеподписавшиеся делегаты, в силу данных нам полномочий, сим заявляем, что мы, от имени наших доверителей, вполне одобряем и утверждаем каждую из вышеозначенных статей этой конфедерации, со всем, что в них заключается. Далее, мы торжественно ручаемся за наших доверителей, что они будут подчиняться решениям Соединенных Штатов, собравшихся на конгрессе, по всем вопросам, которые, на основании этой конфедерации, будут представлены на их разрешение, и что ее статьи будут нерушимо соблюдаться штатами, которые мы представляем, и что союз будет вечный. В удостоверение чего мы к сему на конгрессе приложили свою руки. Дано в Филадельфии, в штате Пенсильвания, в девятый день июля, тысяча семьсот семьдесят восьмого года и в третий год независимости Америки.

От имени и по поручению штата **Делавэр**: Томас М., Джон Дикинсон, Николай Ван-Дик.

От имени и по поручению штата **Мэриленд**: Джон Гансон, Даниэль Карроль.

От имени и по поручению штата **Виргиния**: Ричард Генри Ли, Джон Баннистер, Томас Адамс, Дж. Гарви, Фрэнсис Лайтфут Ли.

От имени и по поручению штата **Сев. Каролина**: Джон Пенн, Корнс Гарнетт, Дж. Вильямс.

От имени и по поручению штата **Южн. Каролина**: Генри Лоренс, Вильям Генри Дрейтон, Дж. Матьюс, Ричард Гудсон, Том Гейворд 2.

От имени и по поручению штата **Джорджия**: Дж. Уольтон, Эд. Тельфер, Эд. Лангуорти.

От имени и по поручению штата **Нью-Гэмпшир**: Джосайя Бартлет, Джон Вентворт 2.

От имени и по поручению штата **Массачусетс**: Джон Ганкок, Самюэль Адамс, Эльбридж Герри, Фрэнсис Дана, Джемс Ловел, Самюэль Гольтен.

От имени и по поручению штата **Род-Айленд** и плантации **Провиденс**: Вильям Эллери, Генри Марчант, Джон Коллинс.

От имени и по поручению штата **Коннектикут**: Роджер Шерман, Самюэль Гонтингтон, Оливер Уолькот, Тайтус Госмер, Эндрю Стернс.

От имени и по поручению штата **Нью-Йорк**: Джемс Дьюэн, Фр. Льюис, Вил. Дьюэр, Г. Моррис.

От имени и по поручению штата **Нью-Джерси**, 26 ноября 1778 г.: Дж. Уитерспун, Нат. Скоддеп.

От имени и по поручению штата **Пенсильвания**: Роб. Моррис, Даниэль Робердо, Дж. Баярд Смит, Вильям Клинген, Джозеф Рид.

КОНСТИТУЦИЯ СОЕДИНЕННЫХ ШТАТОВ АМЕРИКИ 17 СЕНТЯБРЯ 1787 г.

Мы, народ Соединенных Штатов, в целях образования более совершенного Союза, утверждения правосудия, охраны внутреннего спокойствия, организации совместной обороны, содействия общему благосостоянию и обеспечения нам и нашему потомству благ свободы, устанавливаем и принимаем эту Конституцию для Соединенных Штатов Америки.

Статья I

Раздел 1. Все установленные здесь полномочия законодательной власти принадлежат Конгрессу Соединенных Штатов, который состоит из Сената и Палаты представителей.

Раздел 2. Палата представителей состоит из членов, избираемых раз в два года населением каждого из штатов; при этом избиратели каждого из штатов должны отвечать тем же требованиям, которые установлены для избирателей наиболее многочисленной палаты Законодательного собрания штата.

Не может быть представителем тот, кто не достиг двадцатипятилетнего возраста, не состоит в течение семи лет гражданином Соединенных Штатов и не является в момент избрания жителем того штата, где он избирается.

Представители и прямые налоги распределяются между отдельными штатами, могущими вступить в настоящий Союз, пропорционально численности их населения, для определения которой к числу всех свободных людей, включая лиц, находящихся в услужении на определенный срок, и исключая не платящих налогов индейцев, прибавляется три пятых всех прочих лиц.

Настоящее исчисление населения производится в течение трех лет после первой сессии Конгресса Соединенных Штатов, а затем через каждые десять лет в порядке, который будет установлен специальным законом. От каждых тридцати тысяч жителей не может быть избрано более одного представителя. До производства такого исчисления населения штат Нью-Хэмпшир избирает трех представителей, Массачусетс — восемь, Род-Айленд и колония Провиденс — одного, Коннектикут — пять, Нью-Йорк — шесть, Нью-Джерси — четырех, Пенсильвания — восемь, Делавэр — одного, Мэриленд — шесть, Вирджиния — десять. Северная Каролина — пять. Южная Каролина — пять и Джорджия — трех. При открытии вакансий в представительстве от какого-либо штата исполнительная власть последнего назначает выборы для заполнения этих вакансий.

Палата представителей избирает своего спикера и других должностных лиц; ей одной принадлежит право возбуждать преследование в порядке импичмента.

Раздел 3. В состав Сената Соединенных Штатов входят по два сенатора от каждого штата, избираемые на шесть лет Законодательными собраниями соответствующих штатов; каждый сенатор имеет один голос.

Немедленно вслед за тем, как сенаторы соберутся после первых выборов, они разделяются на три по возможности равные группы. Места сенаторов первой группы становятся вакантными по истечении второго года, второй группы — по истечении четвертого года и третьей группы — по истечении шестого года, так чтобы одна треть избиралась вновь каждые два года; если вследствие отставки или подругой причине вакансии откроются в перерыве между сессиями Законодательного собрания штата, исполнительная власть последнюю может произвести временные назначения впредь до следующей сессии Законодательного собрания, которое и заполняет эти вакансии.

Не может быть сенатором тот, кто не достиг тридцатилетнего возраста, не состоит в течение девяти лет гражданином Соединенных Штатов и не является в момент избрания жителем того штата, где он избирается.

Вице-президент Соединенных Штатов является председателем Сената, но может голосовать лишь в том случае, если голоса разделятся поровну.

Сенат избирает других своих должностных лиц, а также временного президента Сената (*president pro tempore*) в случаях отсутствия вице-президента или исполнения последним обязанностей Президента Соединенных Штатов.

Сенату принадлежит исключительное право осуществления суда в порядке импичмента. Заседая с этой целью, сенаторы приносят присягу или делают торжественное заявление. Если подсудимым является Президент Соединенных Штатов, председательствует председатель Верховного суда. Ни одно лицо не может быть осуждено без согласия двух третей присутствующих сенаторов.

Приговор в случаях импичмента ограничивается отстранением от должности и лишением права занимать какую-либо почетную, ответственную или оплачиваемую должность на службе Соединенных Штатов. Однако в дальнейшем гем не менее производится расследование, отстраненному от должности предъявляется обвинение, он предается суду и несет, согласно приговору, наказание в соответствии с законом.

Раздел 4. Время, место и порядок избрания сенаторов и представителем устанавливаются в каждом штате его Законодательным собранием; но Конгресс может в любое время издать закон, устанавливающий или изменяющий подобного рода правила, за исключением правил о месте выборов сенаторов.

Конгресс собирается не реже одного раза в год, а его сессии начинаются в первый понедельник декабря, если законом не будет установлен Другой день.

Раздел 5. Каждая палата решает вопросы, касающиеся результатов выборов. полномочий и правомерности избрания ее членов, и большинство каждой из палат составляет кворум, необходимый для ведения дел. Но палата и в меньшем составе может переносить заседания с одного дня на Другой и имеет право применять к отсутствующим членам предусмотренные каждой палатой меры воздействия с целью обеспечить посещение ими заседаний.

Каждая палата может устанавливать регламент своих заседаний, наказывать своих членов за нарушение порядка и двумя третями голосов исключать их из своего состава.

Каждая палата ведет журнал своих заседаний и периодически публикует его, за исключением тех разделов, которые, по ее заключению, носят секретный характер; сведения о голосах «за» и «против», поданных членами каждой палаты по тому или иному вопросу, по желанию одной пятой присутствующих вносятся в журнал.

Во время сессии Конгресса ни одна из палат не может без согласия другой палаты отсрочить свои заседания более чем на три дня или назначить их не в том месте, в котором должны заседать обе палаты.

Раздел 6. Сенаторы и представители получают за свою службу вознаграждение, устанавливаемое законом и выплачиваемое Казначейством Соединенных Штатов. Во всех случаях, кроме измены, совершения тяжкого уголовного преступления и нарушения общественного порядка, они не могут быть подвергнуты аресту во время их присутствия на сессии соответствующей палаты, а также следования в палату и возвращения из нее; за речи и высказывания в палатах они не могут привлекаться к ответственности ни в каком другом месте.

Ни один сенатор или представитель не может быть назначен в течение времени, на которое он избран, на какую-либо гражданскую должность на службе Соединенных Штатов, если эта должность была создана или связанное с ней жалование было увеличено в названный период, и ни одно лицо, занимающее какую-либо должность на службе Соединенных Штатов, не может быть членом одной из палат, пока состоит в этой должности.

Раздел 7. Все законопроекты по сборам поступлений дохода исходят от Палаты представителей, но Сенат может предлагать поправки к ним и участвовать в их обсуждении, так же как и в обсуждении других законопроектов.

Каждый законопроект, принятый Палатой представителей и Сенатом, прежде чем стать законом, представляется Президенту Соединенных Штатов. Если он одобряет законопроект, то подписывает его, в противном же случае возвращает законопроект со своими возражениями в ту палату, которой последний был предложен, а палата вносит все возражения Президента в свой журнал и пересматривает законопроект. Если при таком новом рассмотрении законопроект будет утвержден двумя третями голосов палаты, он вместе с возражениями Президента пересылается в другую палату, которая также пересматривает законопроект, и последний в случае принятия его двумя третями голосов этой палаты становится законом. Во всех указанных случаях обе палаты применяют поименный порядок голосования, и имена лиц, голосовавших за законопроект или против него, вносятся в журнал соответствующей палаты. Если законопроект не будет возвращен Президентом в течение десяти дней (не считая воскресных дней) после того, как он был ему представлен, законопроект становится законом, так же как если бы он был подписан Президентом. Законопроект не становится законом только в случае, если он не мог быть возвращен в Конгресс ввиду того, что последний отсрочил свои заседания.

Все постановления, резолюции или решения, для которых необходимо совместное участие Сената и Палаты представителей (за исключением решений об отсрочке заседаний), представляются Президенту Соединенных Штатов и только после его одобрения вступают в силу. В случае же неодобрения они должны быть снова утверждены двумя третями голосов Сената и Палаты представителей в соответствии с теми правилами и условиями, которые установлены в отношении законопроекта.

Раздел 8. Конгресс имеет право:

- устанавливать и взимать налоги, пошлины, подати и акцизные сборы для того, чтобы уплачивать долги и обеспечивать совместную оборону и общее благосостояние Соединенных Штатов; причем все пошлины, подати и акцизные сборы должны быть единообразны на всей территории Соединенных Штатов;
- заключать займы от имени Соединенных Штатов;
- регулировать торговлю с иностранными государствами, между отдельными штатами и с индейскими племенами;
- устанавливать единообразные правила о натурализации и единообразные законы о неплатежеспособности на всей территории Соединенных Штатов;
- чеканить монету, регулировать ее ценность и ценность иностранной монеты, устанавливать единицы мер и весов;
- устанавливать наказания за подделку государственных ценных бумаг и находящейся в обращении монеты Соединенных Штатов;
- учреждать почтовые службы и почтовые пути;
- поощрять развитие наук и полезных искусств, обеспечивая на определенный срок авторам и изобретателям исключительное право на их произведения и открытия;
- учреждать подчиненные Верховному суду судебные органы;
- определять и карать морской разбой, тяжкие преступления, совершенные в открытом море, и другие нарушения международного права;
- объявлять войну, выдавать каперские свидетельства и разрешения на репрессалии и устанавливать правила относительно захватов на суше и на море;
- набирать и содержать армии, однако никакие денежные ассигнования в этих целях не должны производиться более чем на двухлетний срок;
- создавать и содержать флот;
- издавать правила по управлению и организации сухопутных и морских сил;
- созывать народное ополчение для проведения в жизнь законов Союза, подавления восстаний и отражения нападений;

- принимать меры по организации, вооружению и дисциплинированию народного ополчения и по управлению той его частью, которая используется на службе Соединенных Штатов, сохраняя за штатами право назначения офицеров и обучения народного ополчения в соответствии с уставными правилами, утвержденными Конгрессом;

- пользоваться во всех случаях исключительной законодательной властью в предоставленном каким-либо из штатов округе (не превышающем десяти квадратных миль), который с одобрения Конгресса станет местопребыванием Правительства Соединенных Штатов, а также осуществлять подобную же власть на всех территориях, приобретенных с согласия Законодательного собрания штата, которые станут местопребыванием Правительства, для постройки фортом, казенных складов, арсеналов, доков и других необходимых сооружений;

издавать все законы, которые будут необходимы для осуществления как вышеуказанных прав, так и всех других прав, которыми настоящая Конституция наделяет Правительство Соединенных Штатов, его департаменты или должностных лиц.

Раздел 9. Конгресс до тысяча восемьсот восьмого года не может запрещать перемещение или ввоз таких лиц, которых какой-либо из существующих ныне штатов сочтет нужным допустить, но такой ввоз может облагаться пошлиной или налогом, не превышающим десяти долларов с каждого лица.

Не допускается какая-либо приостановка действия habeas corpus, если только этого не потребует общественная безопасность в случае мятежа или вторжения.

Не могут приниматься законопроекты о лишении гражданских и имущественных прав и какие-либо законы *ex post facto*.

Не допускается обложение подушной податью или иными прямыми налогами иначе, как сообразно с переписью или упомянутым выше исчислением населения.

Не могут налагаться налоги или пошлины на предметы, вывозимые из какого-либо штата.

Не должно оказываться предпочтение гаваням одного штата перед гаванями другого посредством каких-либо торговых или финансовых предписаний, а суда, следующие в какой-нибудь штат или из штата, не могут принуждаться к заходу в гавань другого штата, разгрузке и уплате там пошлины. Никакие денежные выдачи из Казначейства не могут производиться иначе, как согласно установленным законом назначениям, а подробные отчеты

о государственных доходах и расходах подлежат периодическому опубликованию.

Соединенные Штаты не жалуют никаких дворянских титулов, и ни одно лицо, занимающее какую-нибудь оплачиваемую или почетную должность на службе Соединенных Штатов, не может без согласия Конгресса принять тот или иной дар, вознаграждение, должность или титул от какого-либо короля, принца или иностранного государства.

Раздел 10. Ни один штат не может вступать в договоры, союзы или конфедерации; выдавать каперские свидетельства и разрешения на репрессалии: чеканить монету; выпускать кредитные билеты; допускать, уплату долгов чем-либо, кроме золотой и серебряной монеты; принимать законопроекты о лишении гражданских и имущественных прав, законы *ex post facto* или законы, нарушающие обязательства по договорам, а также жаловать дворянские титулы.

Ни один штат не может без согласия Конгресса облагать пошлинами или сборами импорт и экспорт товаров, за исключением случаев, когда это необходимо для осуществления законов штата об инспекции: причем чистый доход со всех сборов и пошлин, наложенных штатом на импорт и экспорт, поступает в пользу Казначейства Соединенных Штатов, а все такого рода законы подлежат пересмотру и контролю Конгресса.

Ни один штат не может без согласия Конгресса устанавливать какие-либо тоннажные сборы, содержать в мирное время войска или военные корабли, входить в соглашения или заключать договоры с другим штатом или иностранным государством, а также вступать в войну, если только он не подвергся нападению или не находится в такой непосредственной опасности, при которой недопустимо промедление.

Статья II

Раздел 1. Исполнительная власть осуществляется Президентом Соединенных Штатов Америки. Он состоит в своей должности в продолжение четырехлетнего срока, и выборы его и избираемого на тот же срок вице-президента производятся следующим образом.

Каждый штат назначает в установленном его Законодательным собранием порядке выборщиков в количестве, равном общему числу сенаторов и представителей, которых штат имеет право посылать в Конгресс; но не могут назначаться выборщиками сенаторы, представители и лица, занимающие почетные или оплачиваемые должности на службе Соединенных Штатов.

Выборщики собираются по своим соответствующим штатам и выбирают тайным голосованием двух лиц, из которых хотя бы одно не должно быть жителем одного с ними штата. Затем они составляют список всех лиц, за которых подавались голоса, с указанием числа голосов, поданных за каждого из них. Список подписывается и удостоверяется выборщиками, а затем пересылается в запечатанном виде в местопребывание Правительства Соединенных Штатов на имя председателя Сената. Председатель Сената в присутствии Сената и Палаты представителей вскрывает все удостоверенные списки, после чего производится подсчет голосов. Лицо, получившее наибольшее число голосов, становится Президентом, только если это число превышает половину всего числа выборщиков. Если же это большинство голосов получили несколько человек и за них подано равное число голосов, то Палата представителей непосредственно избирает тайным голосованием одного из них Президентом. Если же ни одно лицо не соберет большинства голосов, то Палата представителей в таком же порядке избирает Президента из числа пяти лиц, получивших наибольшее число голосов. При этом при избрании Президента голоса подаются по штатам, и представительство каждого штата имеет один голос; избирательный кворум для этих целей составляют две трети штатов, для избрания необходимо большинство всех штатов. Лицо, получившее после избрания Президента наибольшее число голосов, в любом случае «Читается вице-президентом. Если же окажется, что несколько лиц имеют равное количество голосов, то Сенат избирает из них вице-президента тайным голосованием.

Конгресс может определить время избрания выборщиков и день, в который они подают свои голоса; этот день должен быть единым для всей территории Соединенных Штатов.

Не может быть избран на должность Президента тот, кто не является гражданином Соединенных Штатов по рождению или не был гражданином Соединенных Штатов во время утверждения настоящей Конституции. Равным образом не может быть избран на эту должность тот, кто не достиг тридцатипятилетнего возраста и не имел в течение четырнадцати лет постоянного жительства в Соединенных Штатах.

В случае отстранения Президента от должности или его смерти, отставки либо неспособности осуществлять связанные с должностью права и обязанности последние переходят к вице-президенту. На случай отстранения, смерти, отставки или неспособности Президента и вице-президента Конгресс может установить законом, какое должностное лицо должно действовать как Президент и будет заменять такового до устранения причин, препятствующих

Президенту осуществлять свои обязанности, или до избрания нового Президента.

Президент в установленные сроки получает за свою службу вознаграждение, которое не может увеличиваться или уменьшаться в течение периода, на который он избран; в течение этого периода он не может получать какое-нибудь другое денежное вознаграждение от Соединенных Штатов или от какого-либо из штатов.

Перед вступлением в должность Президент приносит присягу или дает торжественное обещание: «Я торжественно клянусь (обещаю), что буду честно выполнять обязанности Президента Соединенных Штатов и по мере своих сил охранять, защищать и поддерживать Конституцию Соединенных Штатов».

Раздел 2. Президент является главнокомандующим армии и флота Соединенных Штатов и народного ополчения отдельных штатов, когда оно призывается на действительную службу Соединенных Штатов; он может требовать от руководителя каждого исполнительного департамента письменное мнение по любому вопросу, относящемуся к его компетенции: он имеет право отсрочки исполнения приговоров, а также помилования за преступления, совершенные против Соединенных Штатов, за исключением случаев осуждения в порядке импичмента.

Он имеет право по совету и с согласия Сената заключать международные договоры при условии их одобрения двумя третями присутствующих сенаторов; по совету и с согласия Сената назначать послов и иных полномочных представителей, и консулов, судей Верховного суда, а также всех других должностных лиц Соединенных Штатов, о назначении которых в настоящей Конституции нет иных постановлений и должности которых установлены законом. Однако Конгресс может законом предоставить право назначения низших должностных лиц, каких найдет нужным, единолично Президенту, судам или главам департаментов.

Президент имеет право замещать все вакансии, которые откроются в период между сессиями Сената, предоставляя должностные полномочия на срок до окончания ближайшей сессии Сената.

Раздел 3. Президент периодически представляет Конгрессу отчет о состоянии Союза и предлагает на его усмотрение такие меры, которые сочтет необходимыми и полезными; в экстренных случаях он созывает обе палаты или одну из них, а в случае разногласий между палатами по поводу времени отсрочки сессий сам переносит их на такое время, какое сочтет необходимым; он принимает послов и других полномочных представителей, обеспечивает

точное соблюдение законов и определяет полномочия должностных лиц Соединенных Штатов.

Раздел 4. Президент, вице-президент и все гражданские должностные лица Соединенных Штатов отстраняются от должности, если при осуждении в порядке импичмента они будут признаны виновными в измене, взяточничестве или других тяжких преступлениях и проступках.

Статья III

Раздел 1. Судебная власть Соединенных Штатов осуществляется Верховным судом и теми низшими судами, которые будут время от времени учреждаться Конгрессом. Как судьи Верховного суда, так и судьи низших судов сохраняют свои должности, пока их повеление является безупречным: в установленные сроки они получают за свою службу вознаграждение, которое не может быть уменьшено, пока они состоят в должности.

Раздел 2. Судебная власть распространяется на все дела, решаемые по закону и праву справедливости, возникающие на основе настоящей Конституции, законов Соединенных Штатов и заключаемых Соединенными Штатами международных соглашений; на все дела, касающиеся послов, других полномочных представителей и консулов; на все дела Адмиралтейства и другие морские дела; на все споры, в которых Соединенные Штаты являются стороной; на все споры между двумя или более штатами, между штатом и гражданами другого штата, между гражданами различных штатов, между гражданами одного штата по искам о землях, полученных в дар от различных штатов, а также между штатом или его гражданами и иностранными государствами, гражданами или подданными.

Все дела, касающиеся послов, других полномочных представителей и консулов, а также дела, в которых одной из сторон является штат, подсудны Верховному суду в качестве первой инстанции. Во всех других ранее упомянутых случаях Верховный суд является апелляционной инстанцией, решающей вопрос как права, так и факта с теми ограничениями и в соответствии с теми правилами, которые будут установлены Конгрессом.

Все дела о преступлениях, за исключением рассматриваемых в порядке импичмента, подсудны суду присяжных. Судебное разбирательство происходит в том штате, где было совершено преступление; а если оно было совершено вне пределов штата, то суд происходит в том месте (или местах), которое будет предусмотрено в законе, изданном Конгрессом.

Раздел 3. Под изменой Соединенным Штатам понимается только ведение войны против них, присоединение к их врагам, оказание им помощи и услуг. Никто не может быть признан виновным в измене, если это не будет

подтверждено показаниями двух свидетелей инкриминируемого акта или собственным признанием обвиняемого в открытом судебном заседании.

Конгресс имеет право определять наказание за измену, но осуждение за измену не должно влечь за собой лишение прав или конфискацию имущества иначе, как при жизни осужденного.

Статья IV

Раздел 1. В каждом штате должны пользоваться уважением и полным Доверием публичные акты, официальные документы и судебные решения всякого другого штата. Конгресс может посредством общих законов предписывать способы удостоверения подлинности таких актов, документов и судебных решений, а также их силы.

Раздел 2. Граждане каждого штата имеют право на все привилегии и личную неприкосновенность граждан других штатов.

Лицо, обвиненное в каком-либо штате в измене, тяжком уголовном или ином преступлении, скрывающееся от правосудия и обнаруженное в другом штате, подлежит по требованию исполнительной власти штата, из которого оно бежало, выдаче для препровождения в штат, юрисдикции которого подлежит это преступление.

Ни одно лицо, обязанное к службе или работе в каком-либо из штатов согласно его законам и бежавшее в другой штат, не может на основании законов или постановлений последнего освободиться от этой службы или работы и должно быть выдано по требованию стороны, которая имеет право на такую службу или работу.

Раздел 3. Конгресс может принимать в Союз новые штаты, но не может образовывать или учреждать новые штаты в пределах юрисдикции другого штата; равным образом не могут без согласия Законодательных собраний заинтересованных штатов и Конгресса образовываться новые штаты путем слияния двух или более штатов или их частей.

Конгресс вправе распоряжаться территорией или иной собственностью, принадлежащей Соединенным Штатам, и издавать в связи с этим все необходимые правила и постановления, но ничто в этой Конституции не может толковаться в ущерб законным притязаниям Соединенных Штатов или какого-либо отдельного штата.

Раздел 4. Соединенные Штаты гарантируют каждому штату в настоящем Союзе республиканскую форму правления и охрану каждого из них от нападения извне, а по просьбе Законодательного собрания или

исполнительной власти (когда Законодательное собрание не может быть созвано) и от внутренних насилий.

Статья V

Если две трети членов обеих палат сочтут необходимым. Конгресс вносит поправки к настоящей Конституции или же по требованию Законодательных собраний двух третей штатов созывает Конвент для внесения поправок, которые в обоих случаях приобретают обязательную силу и значение как часть Конституции, если будут ратифицированы Законодательными собраниями трех четвертей штатов или же Конвентами в трех четвертях штатов, смотря по тому, какой из этих двух способов ратификации предложит Конгресс. Однако никакая поправка, принятая до тысяча восемьсот восьмого года, не может как-либо затрагивать первый и четвертый параграфы девятого раздела первой статьи, и ни один штат без его согласия не может быть лишен равного с другими голоса в Сенате.

Статья VI

Все долги и обязательства, существовавшие до принятия настоящей Конституции, сохраняют для Соединенных Штатов такую же юридическую силу, какую они имели при Конфедерации.

Настоящая Конституция и законы Соединенных Штатов, изданные в ее исполнение, равно как и все договоры, которые заключены или будут заключены Соединенными Штатами, являются высшими законами страны. и судьи каждого штата обязаны к их исполнению, хотя бы в Конституции и законах отдельных штатов встречались противоречащие постановления.

Вышеупомянутые сенаторы и представители, равно как члены Законодательных собраний отдельных штатов, а также все должностные лица исполнительной и судебной властей Соединенных Штатов и отдельных штатов, обязываются присягой или обещанием к соблюдению настоящей Конституции. При этом никогда не будет требоваться принадлежность к какой-либо религии в качестве условия для занятия какой-либо должности или исполнения какой-нибудь общественной обязанности в Соединенных Штатах.

Статья VII

Ратификация Конвентами девяти штатов является достаточной для принятия этой Конституции теми штатами, которые утвердили ее в указанном порядке.

Утверждена на Конвенте с общего одобрения присутствующих штатов семнадцатого сентября тысяча семьсот восемьдесят седьмого года от Рождества Христова и в двенадцатом году независимости Соединенных Штатов Америки.

В удостоверение чего мы поставили здесь свои подписи.

С подлинным верно:

Уильям Джексон,

секретарь

Джордж Вашингтон,

председатель и депутат от Вирджинии.

БИЛЛЬ О ПРАВАХ 1791 г.

Статья I

Конгресс не должен издавать законов, устанавливающих какую-либо религию или запрещающих ее свободное исповедание, ограничивающих свободу слова или печати, или право народа мирно собираться и обращаться к Правительству с петициями о прекращении злоупотреблений.

Статья II

Поскольку для безопасности свободного государства необходимо хорошо организованное народное ополчение, право народа хранить и носить оружие не подлежит ограничениям.

Статья III

В мирное время ни один солдат не должен помещаться на постой в какой-либо дом без согласия его владельца; во время же войны это допускается только в порядке, установленном законом.

Статья IV

Право народа на неприкосновенность личности, жилища, бумаг и имущества не может нарушаться необоснованными обысками или арестами, и ордера на обыск или арест не будут выдаваться без достаточных оснований, подтвержденных присягой или торжественным заявлением. Такие ордера

должны содержать подробное описание места обыска, а также подлежащих аресту лиц или имущества.

Статья V

Никто не должен привлекаться к ответственности за тяжкое или иное позорящее преступление иначе, как по постановлению или обвинению, вынесенному присяжными Большого жюри, за исключением случаев возбуждения дел, касающихся состава сухопутных и морских сил либо народного ополчения в период, когда последнее в связи с войной или угрожающей обществу опасностью находится на действительной службе; никто не должен дважды отвечать жизнью или телесной неприкосновенностью за одно и то же преступление; никто не должен принуждаться свидетельствовать против самого себя в уголовном деле; никто не должен лишаться жизни, свободы или имущества без законного судебного разбирательства. Никакая частная собственность не должна отбираться для общественного пользования без справедливого вознаграждения.

Статья VI

Во всех случаях уголовного преследования обвиняемый имеет право на скорый и публичный суд беспристрастных присяжных того штата и округа, где было совершено преступление, причем этот округ должен быть заранее установлен законом; обвиняемый имеет право требовать, чтобы ему сообщили о характере и мотивах обвинения и дали очную ставку с показывающими против него свидетелями; обвиняемый может требовать принудительного вызова своих свидетелей и пользоваться помощью адвоката для защиты.

Статья VII

По судебным делам, основанным на общем праве, с суммой иска, превышающей двадцать долларов, сохраняется право на суд присяжных, и факт, рассмотренный присяжными, не должен подвергаться пересмотру каким-либо судом Соединенных Штатов иначе, как на основе положений общего права.

Статья VIII

Не должны требоваться непомерно большие залоги, взыскиваться чрезмерные штрафы, налагаться жестокие и необычные наказания.

Статья IX

Перечисление в Конституции определенных прав не должно толковаться как отрицание или умаление других прав, сохраняемых народом.

Статья X

Полномочия, не предоставляемые настоящей Конституцией Соединенным Штатам и не запрещенные ею штатам, остаются за штатами или за народом.

СТАТЬИ В ДОПОЛНЕНИЕ И ИЗМЕНЕНИЕ КОНСТИТУЦИИ СОЕДИНЕННЫХ ШТАТОВ, ПРЕДЛОЖЕННЫЕ КОНГРЕССОМ И РАТИФИЦИРОВАННЫЕ ОТДЕЛЬНЫМИ ШТАТАМИ В СООТВЕТСТВИИ С ПЯТОЙ СТАТЬЕЙ КОНСТИТУЦИИ

Поправка XI

Судебная власть Соединенных Штатов не должна распространяться на какое-либо исковое производство, основанное на общем праве или праве справедливости, которое возбуждено либо ведется против одного из штатов гражданами другого штата, либо гражданами или подданными какого-либо иностранного государства.

** February 7, 1795.*

Поправка XII

Выборщики собираются по своим штатам и голосуют по бюллетеням за Президента и Вице-президента, которые не должны быть жителями одного штата; выборщики в своих бюллетенях указывают лицо, за которое они голосуют как за Президента, и в отдельных бюллетенях лицо, за которое они голосуют как за Вице-президента, и они же составляют отдельные списки всех лиц, за которых голосовали как за Президента, и всех лиц, за которых голосовали как за Вице-президента, с указанием числа голосов, поданных за каждое из них; эти списки выборщики подписывают, удостоверяют и направляют в опечатанном виде в место пребывания правительства Соединенных Штатов на имя Председателя Сената; Председатель Сената в присутствии Сената и Палаты представителей вскрывает все удостоверенные списки, и после этого производят подсчет голосов; лицо, получившее наибольшее число голосов, поданных за него как за Президента, становится Президентом, если искомое число составляет большинство голосов всех назначаемых выборщиков; если же ни одно лицо не получает такого большинства голосов, тогда из числа лиц по списку кандидатов в президенты, получивших наибольшее число голосов, но не более чем трех, Палата представителей незамедлительно избирает Президента, голосуя посредством бюллетеней. Но при выборах Президента голосование проводится по штатам и представительство от каждого штата имеет один

голос; в этом случае кворум составляют члены Палаты представителей от двух третей штатов, и для избрания Президента необходимо большинство голосов всех штатов. (И если Палата представителей, когда право выбора переходит к ней, не изберет Президента до четвертого дня следующего марта, тогда Вице-президент будет исполнять обязанности Президента, как и в случаях смерти или иной конституционной неспособности Президента). Лицо, получившее наибольшее число голосов, поданных за него как за Вице-президента, становится Вице-президентом, если искомое число составляет большинство голосов всех назначенных выборщиков, а если ни одно лицо не получит большинства голосов, тогда из двух кандидатов по списку, получивших наибольшее число голосов, Сенат избирает Вице-президента; в этом случае кворум составляют две трети всех сенаторов и для избрания Вице-президента необходимо большинство голосов всех сенаторов. Но ни одно лицо, не подлежащее согласно конституционным требованиям избранию на должность Президента, не должно быть избрано на должность Вице-президента Соединенных Штатов.

** June 15, 1804. Superseded by Section 3 of the Twentieth Amendment.*

Поправка XIII

Раздел 1. В Соединенных Штатах или в каком-либо месте, подчиненном их юрисдикции, не должно существовать ни рабство, ни подневольное услужение, кроме тех случаев, когда это является наказанием за преступление, за которое лицо было надлежащим образом осуждено.

Раздел 2. Конгресс имеет право исполнять настоящую статью путем принятия соответствующего законодательства.

** December 6, 1865.*

Поправка XIV

Раздел 1. Все лица, родившиеся или натурализованные в Соединенных Штатах и подчиненные юрисдикции оных, являются гражданами Соединенных Штатов и штата, в котором они проживают. Ни один штат не должен издавать или применять законы, которые ограничивают привилегии и льготы граждан Соединенных Штатов, равно как ни один штат не может лишить какое-либо лицо жизни, свободы или собственности без надлежащей правовой процедуры либо отказать какому-либо лицу в пределах своей юрисдикции в равной защите закона.

Раздел 2. Представители распределяются между отдельными штатами в соответствии с численностью их населения, каковая определяется путем подсчета всех жителей штата, исключая не облагаемых налогом индейцев. Но если при избрании выборщиков Президента и вице-президента Соединенных Штатов, на выборах представителей в Конгресс, исполнительных и судебных

должностных лиц штата или членов Законодательного собрания штата отказывается в праве голоса кому-либо из жителей мужского пола, достигших возраста двадцати одного года и являющихся гражданами Соединенных Штатов, или это право ограничивается каким-либо образом, кроме как за участие в восстании или ином преступлении, норма представительства от этого штата должна быть уменьшена в такой пропорции, как число таковых граждан мужского пола соотносится с общим числом граждан мужского пола такового штата, достигших возраста двадцати одного года.

Раздел 3. Ни одно лицо не может быть сенатором, или представителем в Конгрессе, или выборщиком Президента или вице-президента либо занимать какую-либо должность, гражданскую или военную, на службе Соединенных Штатов или на службе какого-либо штата, если оно, приняв ранее присягу в качестве члена Конгресса, или должностного лица Соединенных Штатов, или члена Законодательного собрания какого-либо штата либо исполнительного или судебного должностного лица какого-либо штата в том, что будет поддерживать Конституцию Соединенных Штатов, потом приняло участие в мятеже или восстании против Соединенных Штатов либо оказало помощь или поддержку врагам оных. Но Конгресс может двумя третями голосов каждой палаты устранить таковое ограничение.

Раздел 4. Правомерность государственного долга Соединенных Штатов, санкционированного законом, включая долги, сделанные для выплаты пенсий и наград за службу при подавлении мятежа или восстания, не ставится под сомнение. Но ни Соединенные Штаты, ни какой-либо штат не должны принимать на себя никаких обязательств или оплату долгов, связанных с оказанием помощи мятежу или восстанию против Соединенных Штатов, или признавать какие-либо претензии, связанные с потерей или освобождением какого-либо раба; все таковые долги, обязательства и претензии должны считаться незаконными и недействительными.

Раздел 5. Конгресс имеет право исполнять настоящую статью путем принятия соответствующего законодательства.

** July 9, 1868.*

Поправка XV

Раздел 1. Право голоса граждан Соединенных Штатов не должно отрицаться или ограничиваться Соединенными Штатами или каким-либо штатом по признаку расы, цвета кожи либо в связи с прежним нахождением в подневольном услужении. **Раздел 2.** Конгресс имеет право исполнять настоящую статью путем принятия соответствующего законодательства.

** February 3, 1870.*

Поправка XVI

Конгресс имеет право устанавливать и взимать налоги с доходов, получаемых из любого источника, без распределения этих налогов между штатами и безотносительно к каким-либо переписям или исчислениям населения.

** February 3, 1913.*

Поправка XVII

В состав Сената Соединенных Штатов входят по два сенатора от каждого штата, избираемых населением одного на шесть лет; каждый сенатор имеет один голос. Избиратели в каждом штате должны отвечать требованиям, предъявляемым к избирателям более многочисленной палаты Законодательного собрания штата. Когда в представительстве какого-либо штата в Сенате открывается вакансия, исполнительная власть такого штата издает приказ о проведении выборов для заполнения таких вакансий; при этом Законодательное собрание штата может уполномочить исполнительную власть одного произвести временные назначения, пока население не заполнит вакансии путем выборов, проведенных в порядке, установленном Законодательным собранием.

Настоящая поправка не должна толковаться таким образом, чтобы ее действие распространялось на избрание или срок полномочий сенатора, выбранного до того, как она вступила в силу как часть Конституции.

** April 8, 1913.*

Поправка XVIII

Раздел 1. Спустя один год после ратификации настоящей статьи сим будут запрещены в Соединенных Штатах и на всех территориях, подчиненных их юрисдикции, производство, продажа и перевозка опьяняющих напитков с целью их потребления; запрещены будут также ввоз опьяняющих напитков в Соединенные Штаты и их территории с указанной целью, равно как и вывоз этих напитков с таковой целью.

Раздел 2. Конгресс и отдельные штаты имеют право совместно исполнять настоящую статью путем принятия соответствующего законодательства.

Раздел 3. Настоящая статья не вступает в силу, если она не будет ратифицирована в качестве поправки к Конституции Законодательными собраниями отдельных штатов — как это предусмотрено в Конституции — в течение семи лет со дня представления ее Конгрессом на одобрение штатов.

** January 16, 1919. Repealed by the Twenty-First, December 5, 1933.*

Поправка XIX

Право голоса граждан Соединенных Штатов не должно отрицаться или ограничиваться Соединенными Штатами или каким-либо штатом по признаку пола.

Конгресс имеет право исполнять настоящую статью принятием соответствующего законодательства.

** August 18, 1920.*

Поправка XX

Раздел 1. Сроки полномочий Президента и вице-президента заканчиваются в полдень 20-го дня января, а сроки полномочий сенаторов и представителей — в полдень 3-го дня января в те годы, когда таковые сроки закончились бы, если настоящая статья не была бы ратифицирована, с этого же времени начинаются сроки полномочий их преемников.

Раздел 2. Конгресс собирается по меньшей мере один раз в год, и такая сессия начинается в полдень 3-го дня января, если только Конгресс законом не назначит другой день.

Раздел 3. Если к моменту, установленному как начало срока полномочий Президента, избранный Президент умрет, избранный вице-президент становится Президентом. Если Президент не был избран до момента, установленного как начало срока полномочий, или если избранный Президент не отвечает требованиям, предъявляемым к кандидатам на эту должность, тогда избранный вице-президент действует в качестве Президента до тех пор, пока Президент не будет отвечать таковым требованиям. В случае, когда ни избранный Президент, ни избранный вице-президент не отвечает требованиям, предъявляемым к кандидатам на их должности, Конгресс может принять закон, указывающий, кто будет действовать в качестве Президента, или устанавливающий порядок избрания того лица, кому надлежит действовать в качестве Президента; таковое лицо выполняет соответствующие обязанности, пока Президент или вице-президент не будет отвечать требованиям, предъявляемым к кандидатам на их должности.

Раздел 4. Конгресс может в законе предусмотреть меры на случай смерти кого-либо из лиц, из которых Палата представителей — когда право выбора переходит к ней — может выбрать Президента, и на случай смерти кого-либо из лиц, из которых Сенат — когда право переходит к нему — может выбрать вице-президента.

Раздел 5. Разделы 1 и 2 вступают в силу на 15-й день октября, ближайшего после ратификации настоящей статьи.

Раздел 6. Настоящая статья не вступает в силу, если она не будет ратифицирована в качестве поправки к Конституции Законодательными

собраниями трех четвертей отдельных штатов в течение семи лет со дня ее представления.

** January 23, 1933.*

Поправка XXI

Раздел 1. Восемнадцатая статья поправок к Конституции Соединенных Штатов сим отменяется.

Раздел 2. Перевозка или ввоз в какой-либо штат, на какую-либо территорию или в какое-либо владение Соединенных Штатов для доставки туда или использования там опьяняющих напитков, в нарушение действующих там законов, запрещается.

Раздел 3. Настоящая статья не вступает в силу, если она не ратифицирована в качестве поправки к Конституции Конвентами отдельных штатов — как это предусмотрено в Конституции — в течение семи лет со дня представления ее Конгрессом на одобрение штатов.

** December 5, 1933.*

Поправка XXII

Раздел 1. Ни одно лицо не может быть избрано на должность Президента более чем два раза, и ни одно лицо, которое занимало должность Президента или действовало в качестве Президента в течение более двух лет от срока, на какой другой человек было избрано Президентом, не избирается на должность Президента более чем один раз. Но действие настоящей статьи не распространяется на лицо, занимающее должность Президента, когда настоящая статья была предложена Конгрессом, и не препятствует какому-либо лицу, которое занимает должность Президента или действует в качестве Президента, в течение срока, в пределах которого настоящая статья вступает в силу, занимать должность Президента и, в качестве Президента в течение остатка такого срока.

Раздел 2. Настоящая статья не вступает в силу, если она не будет ратифицирована в качестве поправки к Конституции Законодательными собраниями трех четвертей отдельных штатов в течение семи лет со дня ее представления Конгрессом на одобрение штатов.

** February 27, 1951.*

Поправка XXIII

Раздел 1. Округ, являющийся местом пребывания Правительства Соединенных Штатов, назначает в порядке, установленном Конгрессом, выборщиков Президента и вице-президента в количестве, равном такому числу сенаторов и представителей в Конгрессе, которое мог бы избрать округ, если бы он был штатом, но ни в коем случае не большем, чем избирает наименее населенный штат. Они дополняют выборщиков, назначенных

штатами, но должны рассматриваться — при выборах Президента и вице-президента — в качестве выборщиков, назначенных штатами; они собираются в округе и выполняют такие обязанности, которые предписаны поправкой XII.

** March 29, 1961.*

Поправка XXIV

Раздел 1. Право граждан Соединенных Штатов голосовать на каких-либо первичных или иных выборах за Президента или вице-президента, за выборщиков Президента или вице-президента либо за сенаторов или представителей в Конгрессе не должно отрицаться или ограничиваться Соединенными Штатами или каким-либо штатом в связи с неуплатой какого-либо избирательного или иного налога.

Раздел 2. Конгресс имеет право исполнять настоящую статью путем принятия соответствующего законодательства.

** January 23, 1964.*

Поправка XXV

Раздел 1. В случае отстранения Президента от должности либо его смерти или отставки вице-президент становится Президентом.

Раздел 2. Если должность вице-президента становится вакантной, Президент назначает вице-президента, который вступает в должность по утверждению большинством голосов обеих палат Конгресса.

Раздел 3. Если Президент передаст временному президенту (*president pro tempore*) Сената и спикеру Палаты представителей свое письменное заявление о том, что он не в состоянии осуществлять полномочия и обязанности своей должности, и пока он не передаст им письменное заявление обратного содержания, таковые полномочия и обязанности выполняются вице-президентом в качестве исполняющего обязанности Президента.

Раздел 4. Если вице-президент и большинство высших должностных лиц исполнительных департаментов либо такого другого органа, который Конгресс может законом предусмотреть, передают временному президенту (*president pro tempore*) Сената и спикеру Палаты представителей свое письменное заявление о том, что Президент не в состоянии осуществлять полномочия и обязанности своей должности, вице-президент незамедлительно принимает на себя полномочия и обязанности этой должности в качестве исполняющего обязанности Президента.

Затем, когда Президент передает временному президенту (*president pro tempore*) Сената и спикеру Палаты представителей свое письменное заявление о том, что неспособность более не существует, он возобновляет осуществление полномочий и обязанностей своей должности, если вице-

президент и большинство высших должностных лиц исполнительных департаментов либо такого другого органа, какой Конгресс может законом предусмотреть, не представит в течение четырех дней временному президенту (*president pro tempore*) Сената и спикеру Палаты представителей свое письменное заявление о том, что Президент не в состоянии осуществлять полномочия и обязанности своей должности. Вслед за тем Конгресс решает данный вопрос, собравшись для этой цели в течение сорока восьми часов, если в это время не проходит его сессия. Если Конгресс в течение двадцати одного дня после получения последнего письменного заявления или — если не в это время проходит сессия Конгресса — в течение двадцати одного дня после того, как Конгресс собрался, определяет двумя третями голосов обеих палат, что Президент не в состоянии осуществлять полномочия и обязанности своей должности, вице-президент продолжает осуществлять оные в качестве исполняющего обязанности Президента; в противном случае Президент вновь возобновляет осуществление полномочий и обязанностей своей должности.

** February 10, 1967.*

Поправка XXVI

Раздел 1. Право голоса граждан Соединенных Штатов в возрасте восемнадцати лет или старше не должно отрицаться или ограничиваться иными Штатами или каким-либо штатом в зависимости от возраста.

Раздел 2. Конгресс имеет право исполнять настоящую статью принятием соответствующего законодательства.

** June 30, 1971.*

Поправка XXVII

Ни один закон, изменяющий компенсацию за услуги сенаторов и членов Палаты представителей, не вступает в силу, пока не состоятся выборы членов Конгресса.

** May 7, 1992. (Note: Congress submitted the text of this amendment as part of the proposed Bill of Rights on September 27, 1789. The Amendment was not ratified together with the first ten Amendments.)*

THE PARIS PEACE TREATY OF 1783

Wednesday, September 3rd 1783

Paris, France

In the name of the most holy and undivided Trinity.

It having pleased the Divine Providence to dispose the hearts of the most serene and most potent Prince George the Third, by the grace of God, king of Great Britain, France, and Ireland, defender of the faith, duke of Brunswick and Lunebourg, arch-treasurer and prince elector of the Holy Roman Empire etc., and of the United States of America, to forget all past misunderstandings and differences that have unhappily interrupted the good correspondence and friendship which they mutually wish to restore, and to establish such a beneficial and satisfactory intercourse, between the two countries upon the ground of reciprocal advantages and mutual convenience as may promote and secure to both perpetual peace and harmony; and having for this desirable end already laid the foundation of peace and reconciliation by the Provisional Articles signed at Paris on the 30th of November 1782, by the commissioners empowered on each part, which articles were agreed to be inserted in and constitute the Treaty of Peace proposed to be concluded between the Crown of Great Britain and the said United States, but which treaty was not to be concluded until terms of peace should be agreed upon between Great Britain and France and his Britannic Majesty should be ready to conclude such treaty accordingly; and the treaty between Great Britain and France having since been concluded, his Britannic Majesty and the United States of America, in order to carry into full effect the Provisional Articles above mentioned, according to the tenor thereof, have constituted and appointed, that is to say his Britannic Majesty on his part, David Hartley, Esqr., member of the Parliament of Great Britain, and the said United States on their part, John Adams, Esqr., late a commissioner of the United States of America at the court of Versailles, late delegate in Congress from the state of Massachusetts, and chief justice of the said state, and minister plenipotentiary of the said United States to their high mightinesses the States General of the United Netherlands; Benjamin Franklin, Esqr., late delegate in Congress from the state of Pennsylvania, president of the convention of the said state, and minister plenipotentiary from the United States of America at the court of Versailles; John Jay, Esqr., late president of Congress and chief justice of the state of New York, and minister plenipotentiary from the said United States at the court of Madrid; to be plenipotentiaries for the concluding and signing the present definitive treaty; who after having reciprocally communicated their respective full powers have agreed upon and confirmed the following articles.

Article 1:

His Britannic Majesty acknowledges the said United States, viz., New Hampshire, Massachusetts Bay, Rhode Island and Providence Plantations, Connecticut, New York, New Jersey, Pennsylvania, Maryland, Virginia, North Carolina, South Carolina and Georgia, to be free sovereign and independent states, that he treats with them as such, and for himself, his heirs, and successors, relinquishes all claims to the government, propriety, and territorial rights of the same and every part thereof.

Article 2:

And that all disputes which might arise in future on the subject of the boundaries of the said United States may be prevented, it is hereby agreed and declared, that the following are and shall be their boundaries, viz.; from the northwest angle of Nova Scotia, viz., that angle which is formed by a line drawn due north from the source of St. Croix River to the highlands; along the said highlands which divide those rivers that empty themselves into the river St. Lawrence, from those which fall into the Atlantic Ocean, to the northwesternmost head of Connecticut River; thence down along the middle of that river to the forty-fifth degree of north latitude; from thence by a line due west on said latitude until it strikes the river Iroquois or Cataraquy; thence along the middle of said river into Lake Ontario; through the middle of said lake until it strikes the communication by water between that lake and Lake Erie; thence along the middle of said communication into Lake Erie, through the middle of said lake until it arrives at the water communication between that lake and Lake Huron; thence along the middle of said water communication into Lake Huron, thence through the middle of said lake to the water communication between that lake and Lake Superior; thence through Lake Superior northward of the Isles Royal and Phelipeaux to the Long Lake; thence through the middle of said Long Lake and the water communication between it and the Lake of the Woods, to the said Lake of the Woods; thence through the said lake to the most northwesternmost point thereof, and from thence on a due west course to the river Mississippi; thence by a line to be drawn along the middle of the said river Mississippi until it shall intersect the northernmost part of the thirty-first degree of north latitude, South, by a line to be drawn due east from the determination of the line last mentioned in the latitude of thirty-one degrees of the equator, to the middle of the river Apalachicola or Catahouche; thence along the middle thereof to its junction with the Flint River, thence straight to the head of Saint Mary's River; and thence down along the middle of Saint Mary's River to the Atlantic Ocean; east, by a line to be drawn along the middle of the river Saint Croix, from its mouth in the Bay of Fundy to its source, and from its source directly north to the aforesaid highlands which divide the rivers that fall into the Atlantic Ocean from those which

fall into the river Saint Lawrence; comprehending all islands within twenty leagues of any part of the shores of the United States, and lying between lines to be drawn due east from the points where the aforesaid boundaries between Nova Scotia on the one part and East Florida on the other shall, respectively, touch the Bay of Fundy and the Atlantic Ocean, excepting such islands as now are or heretofore have been within the limits of the said province of Nova Scotia.

Article 3:

It is agreed that the people of the United States shall continue to enjoy unmolested the right to take fish of every kind on the Grand Bank and on all the other banks of Newfoundland, also in the Gulf of Saint Lawrence and at all other places in the sea, where the inhabitants of both countries used at any time heretofore to fish. And also that the inhabitants of the United States shall have liberty to take fish of every kind on such part of the coast of Newfoundland as British fishermen shall use, (but not to dry or cure the same on that island) and also on the coasts, bays and creeks of all other of his Britannic Majesty's dominions in America; and that the American fishermen shall have liberty to dry and cure fish in any of the unsettled bays, harbors, and creeks of Nova Scotia, Magdalen Islands, and Labrador, so long as the same shall remain unsettled, but so soon as the same or either of them shall be settled, it shall not be lawful for the said fishermen to dry or cure fish at such settlement without a previous agreement for that purpose with the inhabitants, proprietors, or possessors of the ground.

Article 4:

It is agreed that creditors on either side shall meet with no lawful impediment to the recovery of the full value in sterling money of all bona fide debts heretofore contracted.

Article 5:

It is agreed that Congress shall earnestly recommend it to the legislatures of the respective states to provide for the restitution of all estates, rights, and properties, which have been confiscated belonging to real British subjects; and also of the estates, rights, and properties of persons resident in districts in the possession on his Majesty's arms and who have not borne arms against the said United States. And that persons of any other description shall have free liberty to go to any part or parts of any of the thirteen United States and therein to remain twelve months unmolested in their endeavors to obtain the restitution of such of their estates, rights, and properties as may have been confiscated; and that Congress shall also earnestly recommend to the several states a reconsideration and revision of all acts or laws regarding the premises, so as to render the said laws or acts perfectly consistent not only with justice and equity but with that spirit of conciliation which on the return of the blessings of peace should universally prevail. And that Congress shall also

earnestly recommend to the several states that the estates, rights, and properties, of such last mentioned persons shall be restored to them, they refunding to any persons who may be now in possession the bona fide price (where any has been given) which such persons may have paid on purchasing any of the said lands, rights, or properties since the confiscation.

And it is agreed that all persons who have any interest in confiscated lands, either by debts, marriage settlements, or otherwise, shall meet with no lawful impediment in the prosecution of their just rights.

Article 6:

That there shall be no future confiscations made nor any prosecutions commenced against any person or persons for, or by reason of, the part which he or they may have taken in the present war, and that no person shall on that account suffer any future loss or damage, either in his person, liberty, or property; and that those who may be in confinement on such charges at the time of the ratification of the treaty in America shall be immediately set at liberty, and the prosecutions so commenced be discontinued.

Article 7:

There shall be a firm and perpetual peace between his Britannic Majesty and the said states, and between the subjects of the one and the citizens of the other, wherefore all hostilities both by sea and land shall from henceforth cease. All prisoners on both sides shall be set at liberty, and his Britannic Majesty shall with all convenient speed, and without causing any destruction, or carrying away any Negroes or other property of the American inhabitants, withdraw all his armies, garrisons, and fleets from the said United States, and from every post, place, and harbor within the same; leaving in all fortifications, the American artillery that may be therein; and shall also order and cause all archives, records, deeds, and papers belonging to any of the said states, or their citizens, which in the course of the war may have fallen into the hands of his officers, to be forthwith restored and delivered to the proper states and persons to whom they belong.

Article 8:

The navigation of the river Mississippi, from its source to the ocean, shall forever remain free and open to the subjects of Great Britain and the citizens of the United States.

Article 9:

In case it should so happen that any place or territory belonging to Great Britain or to the United States should have been conquered by the arms of either from the other before the arrival of the said Provisional Articles in America, it is agreed that the same shall be restored without difficulty and without requiring any compensation.

Article 10:

The solemn ratifications of the present treaty expedited in good and due form shall be exchanged between the contracting parties in the space of six months or sooner, if possible, to be computed from the day of the signatures of the present treaty. In witness whereof we the undersigned, their ministers plenipotentiary, have in their name and in virtue of our full powers, signed with our hands the present definitive treaty and caused the seals of our arms to be affixed thereto.

Done at Paris, this third day of September in the year of our Lord, one thousand seven hundred and eighty-three.

D. HARTLEY (SEAL)
JOHN ADAMS (SEAL)
B. FRANKLIN (SEAL)
JOHN JAY (SEAL)

**LETTER FROM GEORGE WASHINGTON TO DAVID HUMPHREYS
(JULY 25, 1785)**

Mount Vernon July 25th 1785.

My dear Humphreys

Since my last to you I have received your letters of the 15th of Jany and (I believe) that of the 15th of Novr; & thank you for them both—It always gives me pleasure to hear from you; and I should think, if amusements would spare you, business could not so much absorb your time as to prevent your writing to me more frequently; especially as there is a regular & safe conveyance once a month, by the Packett.

As the complexion of European politics seem now (from the letters I have received from the Marquisses de la Fayette & Chastellux—the Chevr de la Luzerne, &ca) to have a tendency to Peace, I will say nothing of War, nor make any animadversions upon the contending Powers—otherwise I might possibly have added, that the retreat from it seemed impossible, after the explicit declarations of the Parties.

My first wish is, to see this plague to Mankind banished from the Earth; & the Sons & daughters of this World employed in more pleasing & innocent amusements than in preparing implements, & exercising them for the destruction of the human race. Rather than quarrel abt territory, let the poor, the needy, & oppressed of the Earth; and those who want Land, resort to the fertile plains of our Western Country, to the second Land of promise, & there dwell in peace, fulfilling the first & great Commandment.

In a former letter I informed you, My dear Humphreys, that if I had talents for it, I have not leisure to devote my time & thoughts to commentaries. I am

— page 2 —

conscious of a defective education, & want of capacity to fit me for such an undertaking. What with Company, letters, & other Matters, many of them extraneous, I have not yet been able to arrange my own private concerns so as to rescue them from that disordered state into which they have been thrown, by the War; and to do which, is become indispensibly necessary for my support, whilst I remain on this stage of human action.

The sentiment of your last letter on this subject gave me great pleasure. I should indeed be pleased to see you undertake this business. Your abilities as a writer—Your discernment respecting the principles which lead to the decision by Arms—Your personal knowledge of many facts as they occurred, in the progress of the War—Your disposition to justice, candour & impartiality, and your diligence in investigating truth, combining, fits you, in the vigor of life, for this task. and I should with great pleasure not only give you the perusal of all my Papers, but any oral information of circumstances which cannot be obtained from the latter, that my memory will furnish. And I can with great truth add, that my House would not only be at your Service during the period of your preparing this work, but (and without an unmeaning compliment I say it) I should be exceedingly happy if you would make it your home. You might have an Apartment to yourself in which you could command your own time. You would be considered, & treated as one of the family. And would meet with that cordial reception & entertainment, which are characteristic of the sincerest friendship.

To reverberate European News would be idle; and we have little of a domestic kind worthy of attention. We have held treaties indeed with the Indians, but they were so unseasonably delayed that these people from our last accts from the Westward are in a discon-

— page 3 —

-tented mood—supposed by many to be instigated thereto by our late enemy—now, to be sure, good & fast friends; who, from anything I can learn, under the indefinite expression of the treaty, hold, & seem resolved to retain, possession of our Western Posts. Congress have also—after long & tedious deliberation—passed an Ordinance for laying of the Western territory into States, & for disposing of the Land; but in a manner, and on terms, which few people (in the Southern States) conceive can be

accomplished. Both sides are sure, & the event is appealed to—time must decide. It is to be regretted however, that local politics, & self interested views, obtrude themselves into every measure of public utility. But on such characters, be the obloquy—My attention is more immediately engaged in a project which I think is big with great political, as well as Commercial consequences to these States, especially the middle ones. It is, by removing the obstructions—and extending the inland Navigations of our Rivers, to bring the States on the Atlantic in close connection with those forming to the Westward, by a short & easy Land transportation. Without this is effected, I can readily conceive that the Western Settlers will have different views—seperate interests—and other connections.

I may be singular in my ideas, but they are these, that to open the front door to, & make easy the way for those Settlers to the Westward (which ought to progress regularly & compactly) before we make any stir about the Navigation of the Mississippi, and before our settlements are far advanced towards that River would be our true line of policy. It can I think be demonstrated, that the

— page 4 —

produce of the Western territory (if the Navigations which are now in hand succeed, and of which I have no doubt) as low down the Ohio as the Great Kanhawa (I believe to the Falls) and between the parts above, & the Lakes, may be brought to the highest shipping Port either on this, or James River, at a less expence, with more ease (including the return) and in a much shorter time than it can be carried to New Orleans, if the Spaniards, instead of restrictions were to throw open their ports, & envite our trade—But if the commerce of that Country shd embrace this channel, and connections be formed, experience has taught us (and there is a very recent one in proof, with Great Britain) how next to impracticable it is to divert it—and if that shd be the case, the Atlantic States (especially as those to the Westward will, in a great degree, fill with foreigners) [will be no more to the present union,] except to excite—perhaps with too much cause—our fears that the Country of California, which is still more to the Westward, & belonging to another Power. Mrs Washington presents her compliments to you, and with every wish for your happiness I am—My dear Humphreys Yr sincere friend and Affectionate Hble Servt

Go: Washington

Джордж Вашингтон

ПЕРВАЯ ИНАУГУРАЦИОННАЯ РЕЧЬ (30 АПРЕЛЯ 1789 ГОДА)

Сограждане - члены сената и палаты представителей!

Среди превратностей жизни ни одно событие не могло вызвать у меня большее волнение, чем то, уведомление о котором было передано по вашему распоряжению и получено 14-го дня настоящего месяца. С одной стороны, меня призвала моя страна, гласу которой я не могу внимать без благоговения и любви, из того пристанища, которое я избрал себе с тщательным пристрастием и надеждой, руководствуясь твердым намерением обрести на склоне лет покой, необходимость и ценность коего усиливается для меня с каждым днем в силу приобретенных мной привычек и частых недугов в добавление к постепенному ухудшению моего здоровья по мерс прожитых лет. С другой стороны, размах и тяжесть той задачи, к выполнению которой призвал меня глас моей страны, вполне достаточные для того, чтобы пробудить в самых мудрых и опытных ее гражданах желание с исполненным сомнением тщанием изучить мои достоинства, не могут не вызвать подавленности духа у того, кто (в силу недостатков и слабостей природного свойства и неопытности в делах гражданского управления) должен с особым вниманием подходить к осознанию своих слабых сторон. При таком конфликте эмоций я осмелюсь утверждать лишь то, что я принимаю на себя эти обязанности после глубоких раздумий, тщательно оценив все обстоятельства, способные повлиять на их исполнение. Я осмеливаюсь надеяться лишь на то, что, если я принял эту должность под влиянием приятных воспоминаний о прежних заслугах или сентиментальной чувствительности к такому яркому доказательству доверия со стороны моих сограждан и в силу этого в слишком малой степени принял во внимание мою неспособность, равно как и слабую склонность к исполнению предстоящих мне тяжелых и неизведанных обязанностей, моя ошибка будет признана не столь тяжелой с учетом тех мотивов, которые ввели меня в заблуждение, а ее последствия будут оценены моей страной с некоторой долей той пристрастности, в атмосфере которой они возникли. Таковы были те впечатления, под влиянием которых я, повинуюсь зову общества, признал себя годным для исполнения такой должности, и было бы непростительной ошибкой не припасть в этом первом официальном выступлении с пламенной мольбой к той всемогущей Божественной сущности, которая правит

Вселенной, верховодит в совете государств и своей ниспосылаемой свыше помощью способна восполнить любой недостаток человеческой природы, с просьбой об освящении Ее благодатью — во имя свобод и счастья народа Соединенных Штатов — правительства, учрежденного им самим во имя этих основных целей, и о даровании каждому инструменту управления способности успешно осуществлять возложенные на него функции. Воздавая эти почести Великому архитектору всякого общественного и частного блага, я питаю уверенность, что это в равной степени выражает и мои и ваши чувства, чувства всех сограждан в целом, как и каждого отдельного соотечественника. Нет ни одного народа, которому следовало бы признать и вознести хвалу Невидимой длани, руководящей делами людей, в большей степени, нежели народ Соединенных Штатов. Каждый шаг, проделанный им на пути к статусу независимого государства, представляется несущим на себе некий знак ниспосланной свыше воли; и в той только что свершившейся критически важной революции в системе единого правительства спокойные дебаты и добровольное согласие столь многочисленных отдельных сообществ, результатом которых стало это событие, не могут быть сравнимы с методами создания большей части иных правительств без того, чтобы не воздать ей благочестивом благодарности вкупе со смиренной надеждой на будущие ее милости, знамения которых можно увидеть в нашем прошлом. Эти мысли, вызванные потрясениями дня сегодняшнего, слишком сильно отпечатались в моем сознании, чтобы их можно было проигнорировать. Я уповаю на то, что вы разделите со мной мое убеждение, что ничто иное не может в большей степени повлиять на успех начала работы нового и независимого правительства. В статье об учреждении исполнительного ведомства в обязанности президента вменяется «рекомендовать к вашему рассмотрению такие меры, которые он сочтет необходимыми и целесообразными». Обстоятельства моей сегодняшней встречи с вами не лают мне основания углубляться в этот предмет за пределы простой ссылки на великую конституционную хартию, в соответствии с которой создано это собрание и в которой. при определении ваших прав, содержится указание на те сферы ведения, которые подлежат вашему вниманию. Более пристойным в данных обстоятельствах и намного более отвечающим обуревающим меня чувствам будет, вместо внесения рекомендаций конкретных мер, воздать должную дань талантам, моральным устоям и патриотизму, которые служат украшением тем людям, которые были избраны для разработки и утверждения их. В таких

высоких достоинствах я усматриваю вернейший залог того, что, с одной стороны, никакие местнические предубеждения или пристрастия, никакие особые точки зрения или партийные распри не послужат помехой тому всеобъемлющему и беспристрастному взгляду, с коим должно подходить к этому огромному собранию сообществ и интересов, с тем чтобы, с другой стороны, фундамент нашей государственной политики покоился на безупречных и непреложных принципах личной морали, а превосходство свободного правительства было бы продемонстрировано всеми теми его качествами, которые способны завоевать доброе отношение граждан страны и вызвать уважение окружающего мира. Я размышляю о таком будущем со всей надеждой, на какую только может подвигнуть меня горячая любовь к своей стране, поскольку нет истины более фундаментальной, чем существование в системе мироздания и естественном ходе вещей неразрывной связи между добродетелью и счастьем, между долгом и благом, между истинными максимумами честной и великодушной политики и богатыми плодами процветания и благосостояния общества, поскольку мы не должны умалять убежденности в том, что благосклонная улыбка небес никогда не выпадает на долю нации, нарушающей вечные законы порядка и правды, установленные на небесах; и поскольку сохранение священного огня свободы и участь республиканской модели правления справедливо считаются, возможно столь же основательно и определенно, зависящими от эксперимента, вверенного рукам американского народа.

Помимо обычных вопросов, предлагаемых вашему вниманию, вашему суждению, необходимо решить вопрос о том, в какой степени осуществление целевых полномочий, делегированных V статьей Конституции, считается необходимым при настоящем положении дел в силу характера возражений, выдвинутых в адрес нынешней системы или в силу степени обеспокоенности, породившей их. Вместо внесения конкретных рекомендаций по этому предмету, где мои официальные полномочия не дают мне никаких путеводных огней, я вновь буду полностью полагаться на вашу проницательность и приверженность общественному благу, поскольку я уверяю себя, что, пока вы будете с тщанием избегать любых изменений, которые могли бы поставить под угрозу преимущества единого и эффективного правительства или которым следует дожидаться будущих уроков опыта, глубокое уважение к основополагающим правам свободных людей и забота об общественной гармонии в существенной степени будут оказывать воздействие на ваши

суждения по поводу того, в какой степени можно надежно усилить первые или, не рискуя и с пользой, содействовать последней. К предыдущим замечаниям я должен добавить еще одно, которое адресовано в первую очередь палате представителей. Оно касается меня лично и по этой причине будет по возможности кратким. Когда мне впервые выпала честь быть призванным на службу моей стране, тогда находившейся в преддверии напряженной борьбы за свои свободы, мое восприятие долга требовало отказа от какого-либо денежного вознаграждения. Я никогда не отступал от этой твердой убежденности и, руководствуясь до сих пор породившими ее чувствами, должен отклонить как неприменимую в отношении меня любую долю персонального вознаграждения, которое может быть сочтено необходимым включить в положение о финансировании органа исполнительной власти, и, соответственно, молиться о том, чтобы расчеты денежного жалованья по должности, на которую я поставлен, на время моего пребывания в ней не выходили бы за рамки тех фактических расходов, которые могут быть сочтены необходимыми во имя общественного блага.

Высказав вам таким образом мои чувства, вызванные тем событием, которое свело нас вместе, я покидаю вас, не преминув обратиться еще раз к милосердному Отцу человечества со смиренной просьбой о том, чтобы, коли ему угодно было даровать американскому народу возможность для обсуждения в обстановке полного спокойствия и принятия с беспримерным единством решения о форме правительства во имя безопасности его союза и реализации его стремления к счастью. Его божественное благословение столь же явственно осенило бы широту взглядов, взвешенность консультаций и мудрость мер, от которых и должен зависеть успех нашего правительства.

PETITION FROM THE PENNSYLVANIA SOCIETY FOR THE ABOLITION OF SLAVERY (1790)

To the Senate & House of Representatives of the United States,
The Memorial of the Pennsylvania Society for promoting the Abolition of Slavery, the relief of free Negroes unlawfully held in bondage, & the Improvement of the Condition of the African Races.
Respectfully Sheweth,

That from a regard for the happiness of Mankind an Association was formed several years since in this State by a number of her Citizens of various religious denominations for promoting the Abolition of Slavery & for the relief of those unlawfully held in bondage. A just & accurate Conception of the true Principles of liberty, as it spread through the land, produced accessions to their numbers, many friends to their Cause, & a legislative Co-operation with their views, which, by the blessing of Divine Providence, have been successfully directed to the relieving from bondage a large number of their fellow Creatures of the African Race. They have also the Satisfaction to observe, that in consequence of that Spirit of Philanthropy & genuine liberty which is generally diffusing its beneficial Influence, similar Institutions are gradually forming at home & abroad.

That mankind are all formed by the same Almighty being, alike objects of his Care & equally designed for the Enjoyment of Happiness the Christian Religion teaches us to believe & the Political Creed of America fully coincides with the Position. Your Memorialists, particularly engaged in attending to the Distresses arising from Slavery, believe it their indispensable Duty to present this Subject to your notice. They have observed with great Satisfaction that many important & salutary Powers are vested in you for "promoting the Welfare & Securing the blessings of liberty to the "People of the United States." And as they conceive, that these blessings ought rightfully to be administered, without distinction of Colour, to all descriptions of People, so they indulge themselves in the pleasing expectation, that nothing, which can be done for the relive of the unhappy objects of their care, will be either omitted or delayed.

From a persuasion that equal liberty was originally the Portion, It is still the Birthright of all men, & influenced by the strong ties of Humanity & the Principles of their Institution, your Memorialists conceive themselves bound to use all justifiable endeavours to loosen the bounds of Slavery and promote a general Enjoyment of the blessings of Freedom. Under these Impressions they earnestly entreat your serious attention to the Subject of Slavery, that you will be pleased to countenance the Restoration of liberty to those unhappy Men, who alone, in this land of Freedom, are degraded into perpetual Bondage, and who, amidst the general Joy of surrounding Freemen, are groaning in Servile Subjection, that you will devise means for removing this Inconsistency from the Character of the American People,

that you will promote mercy and Justice towards this distressed Race, & that you will Step to the very verge of the Powers vested in you for discouraging every Species of Traffick in the Persons of our fellow men.

Philadelphia February 3, 1790

B. Franklin

President of the Society

Джордж Вашингтон

**ПРОЩАЛЬНОЕ ПОСЛАНИЕ
(17 СЕНТЯБРЯ 1796 г.)**

Друзья и сограждане!

Принимая во внимание, что приближаются новые выборы гражданина, которому предстоит возглавить администрацию Соединенных Штатов, и фактически настало время, когда ваши помыслы должны быть посвящены выбору лица, облеченного этим ответственным доверием, мне представляется своевременным, особенно учитывая то, что это может способствовать более четкому выражению общественной позиции, довести до вашего сведения мое решение отказаться от того, чтобы фигурировать среди тех лиц, из которых будет делаться выбор.

То, что я согласился до настоящего времени служить на посту, на который дважды призывал меня ваш выбор, было жертвой, которую мои намерения принесли представлению о долге, и уважением к тому, что мне представлялось вашим желанием. Я постоянно надеялся, что мне удастся гораздо раньше, следуя соображениям, которые я не мог игнорировать, вернуться в отставку, из которой я, вопреки желанию, был отозван. Моя решимость поступить таким образом до последних выборов даже подтолкнула меня к мысли о подготовке обращения к вам; однако здравые размышления по поводу того затруднительного и угрожающего состояния наших дел в отношениях с иностранными государствами и единогласный совет лиц, пользующихся моим доверием, вынудили меня отказаться от этой идеи. Я рад, что ваша озабоченность по поводу как внешних, так и внутренних проблем уже не вызывается намерениями, противоречащими чувству долга или порядочности, и я убежден, что, независимо от ваших предубеждений относительно моих услуг, в нынешнем состоянии, в котором находится наша страна, вы не отнесетесь неодобрительно к моему решению подать в отставку.

Здесь, возможно, мне следует остановиться. Но забота о вашем благосостоянии, которая сохранится, пока я жив, и понимание опасности, вполне естественно вызванной этой озабоченностью, вынуждают меня в моменты, подобные нынешнему, предлагать на ваше законное обсуждение и рекомендовать на ваше рассмотрение некоторые мысли, являющиеся результатом долгих раздумий и основательных наблюдений, которые кажутся мне весьма важными для вашего счастья как народа. Они будут предложены вашему вниманию, и вы располагаете полным правом видеть и них беспристрастные предостережения уходящего друга, возможно не имеющего личных мотивов давать предубежденные советы. Не могу я забыть и об одобрительном отношении, проявленном вами в прошлом к моим взглядам в аналогичных случаях.

Граждане единой страны по рождению или по выбору, эта страна вправе рассчитывать на вашу любовь. Звание американца, которое принадлежит вам по признаку национальной принадлежности, должно неизменно вызывать законную гордость патриотизмом в большей степени, чем любое другое звание, производное от местных пристрастий. При наличии незначительных оттенков различий у вас у всех единые религия, нравы, привычки и политические принципы. У вас общее дело, за которое вы боролись и вместе одержали победу. Независимость и свобода, которыми вы обладаете, являются результатами общих решений, общих усилий, общих опасностей, страданий и успехов. Но эти соображения, как бы убедительно ни взывали они к вашим чувствам, значительно уступают соображениям, отвечающим более непосредственным образом вашим интересам. В этом смысле каждая составная часть нашей страны обретает самые настоятельные поводы к тому, чтобы бережно хранить и защищать общий союз.

Поэтому все части нашей страны, осознавая таким образом прямую и особую заинтересованность в союзе, все они вместе не могут не обнаружить в единой массе средств и усилий более убедительную силу, более убедительные возможности и соответственно более надежные гарантии защиты от внешней опасности, менее частые нарушения мира иностранными государствами и, что неизмеримо более ценно, должны извлечь 3 союза гарантию от тех свар и войн между собой, которые столь часто поражают соседние страны, не объединенные едиными правительствами, и вызвать которые могло бы одно лишь соперничество между ними, но которые противостоящие иностранные альянсы, привязанности и интриги поощряли бы и ожесточали. Следовательно, подобным же образом они будут избегать необходимости увеличения числа военных учреждений, которые при любой форме правления не благоприятствуют свободе и которые следует рассматривать как особенно

враждебные республикам ской свободе. В этом смысле ваш союз следует считать основной опорой вашей свободы, и любовь к первому должна повысить для вас ценность второй. Эти соображения убеждают каждый мыслящий и целомудренный разум и свидетельствуют о необходимости сохранения союза как основополагающей цели патриотического стремления.

Единое правительство абсолютно необходимо для обеспечения эффективности и прочности вашего союза. Никакие альянсы между составными частями союза, какими бы строго соблюдаемыми они ни были, не могут заменить такое правительство. Неизбежно возникнут нарушения и помехи, которые во все времена испытывали все альянсы. Осознавая эту важную истину, вы усовершенствовали свою первую попытку принятием формы правления, в отличие от предшествующей, более рассчитанной на тесный союз и на эффективное руководство вашими общими интересами. Нынешняя форма правления, плод вашего собственного выбора, независимая и не вызывающая опасений, принятая в результате досконального изучения и зрелого обдумывания, абсолютно свободная с точки зрения своих принципов и распределения своих властных полномочий, соединяющая безопасность с энергией и содержащая условие возможное ти внесения поправок, справедливо располагает правом претендовать на ваше доверие и вашу поддержку. Уважение к ее авторитету, соблюдение ее законов, подчинение ее установлениям являются долгом, предписанным основополагающими принципами истинной свободы. Основой нашей политической системы признается право народа создавать и изменять свои формы правления. Но существующая Конституция до тех пор, пока она не изменена в результате четкого и достоверного решения народа, священна и обязательна для всех. Сама идея полномочий и права народа на образование правительства предусматривает обязанность каждой личности подчиняться учрежденному правительству. Любые препоны на пути отправления законов, любые союзы и ассоциации, созданные под любым уважительным предлогом с действительным намерением осуществлять руководство или контроль над конституционными властями, препятствовать им или запугивать их в ходе принятия ими решения и осуществления действий, наносят ущерб этому основополагающему принципу и носят пагубный характер.

Они способствуют возникновению фракционной борьбы, приданию ей чрезвычайной роли, замене делегированной воли нации полем партии — зачастую небольшого, но предприимчивого меньшинства общества — и, принимая во внимание чередуемые триумфы партий, превращению государственных органов власти в зеркало, отражающее непродуманные и

нелепые прожекты фракций, а не в орган реализации разумных планов, поддерживаемых всеобщим мнением и отвечающих взаимным интересам.

Чередующееся доминирование одной фракции над другой, обостренное естественным для партийных расколов чувством возмездия, которое в различные времена и в различных странах влекло за собой наиболее чудовищные преступления, само является ужасным деспотизмом. Но это ведет в конечном счете к более прочно закрепившемуся деспотизму. Нарастающие разброд и лишения подталкивают людей к мысли искать защиты и отдохновения у отдельной личности с абсолютной властью, и рано или поздно глава победившей фракции, более способный или более удачливый, чем его соперники, обращает эту ситуацию на пользу своего собственного возвышения на руинах общественной свободы.

Хотя подобная крайность не ожидается (но ее тем не менее не следует полностью упускать из виду), непрекращающиеся искажения партийного духа вполне способны привлечь внимание разумных людей и обязать их предотвращать и сдерживать эти искажения.

Всегда приносят плоды отвлечение общественного внимания и ослабление государственной власти. Это пробуждает в обществе необоснованную зависть и фальшивые тревоги, разжигает вражду между отдельными слоями общества, временами приводит к бунтам и восстаниям. Все это открывает дверь зарубежному влиянию и коррупции, которые под прикрытием партийных разногласий легко находят доступ к правительству. Таким образом политика и воля одной страны оказываются подчиненными политике и воле другой.

Существует мнение, что в свободных странах партии представляют собой полезный инструмент контроля за отправлением власти и способствуют сохранению духа свободы. В каком-то смысле это, возможно, верно, и в правительствах монархического толка патриоты могут рассматривать партийный дух со снисхождением, если не с одобрением. Но в правительствах народного толка, в избранных правительствах такого рода дух не следует поощрять. Можно с уверенностью утверждать, что в каждой партии, естественно, будет всегда достаточно такого духа; а в условиях наличия постоянной опасности проявления крайностей общественное мнение должно использовать свое влияние для того, чтобы смягчить и умерить его. Чтобы поддерживать огонь, необходима всеобщая бдительность для предотвращения того, что он разгорится в пламя, иначе огонь не согреет, а поглотит.

Важно также, чтобы привычка мыслить предупредила тех, кому поручено руководить свободной страной, что не следует превышать полномочия, определенные им Конституцией, и избегать покушения одного

властного подразделения на прерогативы другого. Дух покусительства способствует консолидации прерогатив всех властных подразделений в одних руках и, таким образом, создает, независимо от формы государственного правления, истинный деспотизм... Если, по мнению народа, распределение или изменение властных полномочий в какой-либо их части неверно, пусть оно будет изменено поправкой, предусмотренной Конституцией. Но нельзя допускать изменений путем узурпации власти, поскольку, даже если в конкретном случае это будет служить благу, таким оружием обычно свергаются свободные правительства. Такой прецедент всегда намного перевесит с точки зрения нанесенного вреда любую частичную или временную выгоду.

Проявляйте добрую волю и соблюдайте справедливость по отношению ко всем государствам. Поддерживайте мир и согласие со всеми. Религия и мораль поощряют такое поведение... В осуществлении такого плана ничто не является более существенным, чем отказ от постоянной, глубоко укоренившейся вражды по отношению к одним государствам и горячей привязанности к другим; вместо этого следует развивать честные и дружественные отношения со всеми. Государство, испытывающее по отношению к другому ставшую привычной ненависть или вошедшую в привычку симпатию, является в какой-то степени рабом. Оно раб своей вражды или расположенности, и каждое из этих чувств достаточно для того, чтобы сбить такое государство с пути, отвечающего его долгу и интересу.

Антипатия, существующая в одном государстве по отношению к другому, легко располагает обе стороны к нанесению оскорбления или ущерба, нетерпимому отношению к малейшей нанесенной обиде, а также к заносчивости и несговорчивости при возникновении непринципиальных или незначительных споров. Отсюда частые коллизии, упорные, острые и кровавые столкновения. Нация, движимая недоброй волей и негодованием, вопреки трезвым политическим расчетам иногда понуждает правительство к войне.

Аналогичным образом горячая привязанность одного государства к другому приводит к множеству нежелательных последствий. Симпатия к государству-фавориту, способствуя иллюзии надуманного взаимного интереса в случаях, когда взаимные интересы в действительности отсутствуют, и внушение одной стороне враждебных чувств по отношению к другой втягивают первую в участие в спорах и войнах второй без достаточных на то оснований или оправданий. Она также ведет к предоставлению государству-фавориту привилегий, в которых отказано другим, что вполне может нанести большой урон предоставляющему уступки государству,

безосновательно теряющему то, что следовало бы сохранить, и провоцирующему ревность, недобрые чувства и намерение отплатить сторицей у тех, кто лишен аналогичных привилегий; и тщеславным, продажным или введенным в заблуждение гражданам (посвятившим себя государству-фавориту) предоставляется возможность жертвовать интересами своей собственной страны или предавать ее и, не навлекая на себя позора, а подчас даже и обретая популярность, скрывать истинные основы безрассудных уступок тщеславию, коррупции или увлечению под маской благородного чувства долга, достойного похвалы уважения общественного мнения или похвального стремления к всеобщему благу.

Свободному народу следует быть постоянно настороже ввиду опасности коварных уловок иностранного влияния (заклинаю вас верить мне, сограждане), поскольку история и опыт свидетельствуют, что иностранное влияние является одним из злейших врагов республиканского правительства. Но для того чтобы эта настороженность приносила пользу, она должна быть непредвзятой, иначе она станет инструментом того самого влияния, которого следует избегать, вместо того чтобы быть защитой от него. Чрезмерное расположение к одному иностранному государству и чрезмерная неприязнь к другому приводят к тому, что те, в отношении которых проявляются эти чувства, видят опасность лишь с одной стороны и не замечают козней влияния — с другой. Истинные патриоты, которые могут сопротивляться интригам фаворита, становятся подозрительными и ненавистными, тогда как жертвы обмана удостаиваются аплодисментов и доверия народа, предавая его интересы.

Основополагающим правилом поведения для нас во взаимоотношениях с иностранными государствами является развитие наших торговых отношений с ними при минимально возможных политических связях. Поскольку у нас уже возникли обязательства, давайте будем их выполнять, проявляя добрую волю в полной мере. Но давайте тут и остановимся. Европа определила для себя ряд первостепенных интересов, которые либо не касаются нас, либо имеют к нам весьма отдаленное отношение. Поэтому ей приходится ввязываться в частые конфликты, причины которых, по сути, далеки от наших забот. Следовательно, неразумно для нас связывать себя искусственными узами с заурядными превратностями ее политики или со столь же заурядными коллизиями ее дружественных либо враждебных отношений.

Наше географически отдаленное положение позволяет нам придерживаться иного курса. Если мы останемся народом, полагающимся исключительно на себя, руководимым эффективным правительством, то уже недалеко время, когда мы сможем пренебречь материальным ущербом от

исходящих извне неприятностей; когда мы сможем занять позицию, обеспечивающую тщательное соблюдение нейтралитета, который мы решим в любой момент объявить; когда враждующие государства, осознавая невозможность сделать приобретения за наш счет, не будут с легкостью нас провоцировать; когда мы сможем выбирать между миром и войной, учитывая собственные интересы, диктуемые справедливостью.

Почему же не воспользоваться преимуществами такого особого положения? К чему покидать нашу собственную почву и переходить на чужую? К чему делать нашу судьбу зависимой от судьбы любой части Европы и связывать наш мир и процветание с проявлениями честолюбия, соперничества, интересов, настроений или капризов Европы?

Нашим верным политическим курсом является воздержание от постоянных союзов с любой частью зарубежного мира, поскольку, по-моему, мы можем сейчас так поступать; и, прошу понять меня правильно, это не значит, что мы способны на несоблюдение уже существующих обязательств. Я придерживаюсь принципа, в одинаковой мере приложимого как к государственным, так и к частным делам, что честность является лучшей политикой. Поэтому я повторяю: пусть эти обязательства соблюдаются в их изначальном смысле, но, по-моему, нет необходимости и было бы неразумным их расширять.

Политика, гуманность и наши интересы диктуют необходимость установления гармоничных отношений со всеми государствами. Но даже наша торговая политика должна основываться на принципах равенства и непредвзятости, не стремясь получить и не предоставляя исключительных привилегий или льгот; сообразуясь с естественным положением вещей; разумно распределяя и варьируя торговые потоки, но ничего не навязывая... Нельзя совершить большей ошибки, чем ожидать предоставления действительных привилегий одним государством другому. Это иллюзия, которую должен вылечить опыт и которую должна отвергнуть врожденная гордость.

Предлагая вам, мои соотечественники, эти советы старого и любящего вас друга, я не осмеливаюсь надеяться на то, что они произведут желаемое мной сильное и неизгладимое впечатление. Я могу лишь пожелать, чтобы они контролировали обычное проявление эмоций и предостерегли нашу страну от того курса, который до сего времени определял судьбу государств. Но я льщу себя надеждой, что они окажутся в какой-то мере полезными хотя бы в отдельных случаях, что они смогут иногда смягчить ярость партийного духа, предостеречь от вреда зарубежных интриг, защитить от фальшивого

патриотизма. Эта надежда будет достойной наградой за озабоченность вашим благополучием, которой мои советы и были продиктованы.

United States 19th September, 1796

Geo. Washington

THE STAR-SPANGLED BANNER

September 20, 1814

By Francis Scott Key

Oh, say can you see, by the dawn's early light,
What so proudly we hailed at the twilight's last gleaming?
Whose broad stripes and bright stars, through the perilous fight,
O'er the ramparts we watched, were so gallantly streaming?
And the rockets' red glare, the bombs bursting in air,
Gave proof through the night that our flag was still there.
O say, does that star-spangled banner yet wave
O'er the land of the free and the home of the brave?

On the shore, dimly seen through the mists of the deep,
Where the foe's haughty host in dread silence reposes,
What is that which the breeze, o'er the towering steep,
As it fitfully blows, now conceals, now discloses?
Now it catches the gleam of the morning's first beam,
In full glory reflected now shines on the stream:
'Tis the star-spangled banner! O long may it wave
O'er the land of the free and the home of the brave.

And where is that band who so vauntingly swore
That the havoc of war and the battle's confusion
A home and a country should leave us no more?
Their blood has wiped out their foul footsteps' pollution.
No refuge could save the hireling and slave
From the terror of flight, or the gloom of the grave:
And the star-spangled banner in triumph doth wave
O'er the land of the free and the home of the brave.
Oh! thus be it ever, when freemen shall stand
Between their loved homes and the war's desolation!
Blest with victory and peace, may the heaven-rescued land

Praise the Power that hath made and preserved us a nation.
Then conquer we must, for our cause it is just,
And this be our motto: "In God is our trust."
And the star-spangled banner forever shall wave
O'er the land of the free and the home of the brave!

**INAUGURAL ADDRESS OF JOHN ADAMS INAUGURAL ADDRESS
IN THE CITY OF PHILADELPHIASATURDAY, MARCH 4, 1797**

When it was first perceived, in early times, that no middle course for America remained between unlimited submission to a foreign legislature and a total independence of its claims, men of reflection were less apprehensive of danger from the formidable power of fleets and armies they must determine to resist than from those contests and dissensions which would certainly arise concerning the forms of government to be instituted over the whole and over the parts of this extensive country. Relying, however, on the purity of their intentions, the justice of their cause, and the integrity and intelligence of the people, under an overruling Providence which had so signally protected this country from the first, the representatives of this nation, then consisting of little more than half its present number, not only broke to pieces the chains which were forging and the rod of iron that was lifted up, but frankly cut asunder the ties which had bound them, and launched into an ocean of uncertainty.

The zeal and ardor of the people during the Revolutionary war, supplying the place of government, commanded a degree of order sufficient at least for the temporary preservation of society. The Confederation which was early felt to be necessary was prepared from the models of the Batavian and Helvetic confederacies, the only examples which remain with any detail and precision in history, and certainly the only ones which the people at large had ever considered. But reflecting on the striking difference in so many particulars between this country and those where a courier may go from the seat of government to the frontier in a single day, it was then certainly foreseen by some who assisted in Congress at the formation of it that it could not be durable.

Negligence of its regulations, inattention to its recommendations, if not disobedience to its authority, not only in individuals but in States, soon appeared with their melancholy consequences-- universal languor, jealousies and rivalries of States, decline of navigation and commerce, discouragement of necessary manufactures, universal fall in the value of lands and their produce, contempt of

public and private faith, loss of consideration and credit with foreign nations, and at length in discontents, animosities, combinations, partial conventions, and insurrection, threatening some great national calamity.

In this dangerous crisis the people of America were not abandoned by their usual good sense, presence of mind, resolution, or integrity. Measures were pursued to concert a plan to form a more perfect union, establish justice, insure domestic tranquillity, provide for the common defense, promote the general welfare, and secure the blessings of liberty. The public disquisitions, discussions, and deliberations issued in the present happy Constitution of Government.

Employed in the service of my country abroad during the whole course of these transactions, I first saw the Constitution of the United States in a foreign country. Irritated by no literary altercation, animated by no public debate, heated by no party animosity, I read it with great satisfaction, as the result of good heads prompted by good hearts, as an experiment better adapted to the genius, character, situation, and relations of this nation and country than any which had ever been proposed or suggested. In its general principles and great outlines it was conformable to such a system of government as I had ever most esteemed, and in some States, my own native State in particular, had contributed to establish. Claiming a right of suffrage, in common with my fellow-citizens, in the adoption or rejection of a constitution which was to rule me and my posterity, as well as them and theirs, I did not hesitate to express my approbation of it on all occasions, in public and in private. It was not then, nor has been since, any objection to it in my mind that the Executive and Senate were not more permanent. Nor have I ever entertained a thought of promoting any alteration in it but such as the people themselves, in the course of their experience, should see and feel to be necessary or expedient, and by their representatives in Congress and the State legislatures, according to the Constitution itself, adopt and ordain.

Returning to the bosom of my country after a painful separation from it for ten years, I had the honor to be elected to a station under the new order of things, and I have repeatedly laid myself under the most serious obligations to support the Constitution. The operation of it has equaled the most sanguine expectations of its friends, and from an habitual attention to it, satisfaction in its administration, and delight in its effects upon the peace, order, prosperity, and happiness of the nation I have acquired an habitual attachment to it and veneration for it.

What other form of government, indeed, can so well deserve our esteem and love?

There may be little solidity in an ancient idea that congregations of men into cities and nations are the most pleasing objects in the sight of superior intelligences, but this is very certain, that to a benevolent human mind there can be no spectacle

presented by any nation more pleasing, more noble, majestic, or august, than an assembly like that which has so often been seen in this and the other Chamber of Congress, of a Government in which the Executive authority, as well as that of all the branches of the Legislature, are exercised by citizens selected at regular periods by their neighbors to make and execute laws for the general good. Can anything essential, anything more than mere ornament and decoration, be added to this by robes and diamonds? Can authority be more amiable and respectable when it descends from accidents or institutions established in remote antiquity than when it springs fresh from the hearts and judgments of an honest and enlightened people? For it is the people only that are represented. It is their power and majesty that is reflected, and only for their good, in every legitimate government, under whatever form it may appear. The existence of such a government as ours for any length of time is a full proof of a general dissemination of knowledge and virtue throughout the whole body of the people. And what object or consideration more pleasing than this can be presented to the human mind? If national pride is ever justifiable or excusable it is when it springs, not from power or riches, grandeur or glory, but from conviction of national innocence, information, and benevolence.

In the midst of these pleasing ideas we should be unfaithful to ourselves if we should ever lose sight of the danger to our liberties if anything partial or extraneous should infect the purity of our free, fair, virtuous, and independent elections. If an election is to be determined by a majority of a single vote, and that can be procured by a party through artifice or corruption, the Government may be the choice of a party for its own ends, not of the nation for the national good. If that solitary suffrage can be obtained by foreign nations by flattery or menaces, by fraud or violence, by terror, intrigue, or venality, the Government may not be the choice of the American people, but of foreign nations. It may be foreign nations who govern us, and not we, the people, who govern ourselves; and candid men will acknowledge that in such cases choice would have little advantage to boast of over lot or chance.

Such is the amiable and interesting system of government (and such are some of the abuses to which it may be exposed) which the people of America have exhibited to the admiration and anxiety of the wise and virtuous of all nations for eight years under the administration of a citizen who, by a long course of great actions, regulated by prudence, justice, temperance, and fortitude, conducting a people inspired with the same virtues and animated with the same ardent patriotism and love of liberty to independence and peace, to increasing wealth and unexampled prosperity, has merited the gratitude of his fellow-citizens, commanded the highest praises of foreign nations, and secured immortal glory with posterity.

In that retirement which is his voluntary choice may he long live to enjoy the delicious recollection of his services, the gratitude of mankind, the happy fruits of

them to himself and the world, which are daily increasing, and that splendid prospect of the future fortunes of this country which is opening from year to year. His name may be still a rampart, and the knowledge that he lives a bulwark, against all open or secret enemies of his country's peace. This example has been recommended to the imitation of his successors by both Houses of Congress and by the voice of the legislatures and the people throughout the nation.

On this subject it might become me better to be silent or to speak with diffidence; but as something may be expected, the occasion, I hope, will be admitted as an apology if I venture to say that if a preference, upon principle, of a free republican government, formed upon long and serious reflection, after a diligent and impartial inquiry after truth; if an attachment to the Constitution of the United States, and a conscientious determination to support it until it shall be altered by the judgments and wishes of the people, expressed in the mode prescribed in it; if a respectful attention to the constitutions of the individual States and a constant caution and delicacy toward the State governments; if an equal and impartial regard to the rights, interest, honor, and happiness of all the States in the Union, without preference or regard to a northern or southern, an eastern or western, position, their various political opinions on unessential points or their personal attachments; if a love of virtuous men of all parties and denominations; if a love of science and letters and a wish to patronize every rational effort to encourage schools, colleges, universities, academies, and every institution for propagating knowledge, virtue, and religion among all classes of the people, not only for their benign influence on the happiness of life in all its stages and classes, and of society in all its forms, but as the only means of preserving our Constitution from its natural enemies, the spirit of sophistry, the spirit of party, the spirit of intrigue, the profligacy of corruption, and the pestilence of foreign influence, which is the angel of destruction to elective governments; if a love of equal laws, of justice, and humanity in the interior administration; if an inclination to improve agriculture, commerce, and manufacturers for necessity, convenience, and defense; if a spirit of equity and humanity toward the aboriginal nations of America, and a disposition to meliorate their condition by inclining them to be more friendly to us, and our citizens to be more friendly to them; if an inflexible determination to maintain peace and inviolable faith with all nations, and that system of neutrality and impartiality among the belligerent powers of Europe which has been adopted by this Government and so solemnly sanctioned by both Houses of Congress and applauded by the legislatures of the States and the public opinion, until it shall be otherwise ordained by Congress; if a personal esteem for the French nation, formed in a residence of seven years chiefly among them, and a sincere desire to preserve the friendship which has been so much for the honor and interest of both nations; if, while the

conscious honor and integrity of the people of America and the internal sentiment of their own power and energies must be preserved, an earnest endeavor to investigate every just cause and remove every colorable pretense of complaint; if an intention to pursue by amicable negotiation a reparation for the injuries that have been committed on the commerce of our fellow-citizens by whatever nation, and if success can not be obtained, to lay the facts before the Legislature, that they may consider what further measures the honor and interest of the Government and its constituents demand; if a resolution to do justice as far as may depend upon me, at all times and to all nations, and maintain peace, friendship, and benevolence with all the world; if an unshaken confidence in the honor, spirit, and resources of the American people, on which I have so often hazarded my all and never been deceived; if elevated ideas of the high destinies of this country and of my own duties toward it, founded on a knowledge of the moral principles and intellectual improvements of the people deeply engraven on my mind in early life, and not obscured but exalted by experience and age; and, with humble reverence, I feel it to be my duty to add, if a veneration for the religion of a people who profess and call themselves Christians, and a fixed resolution to consider a decent respect for Christianity among the best recommendations for the public service, can enable me in any degree to comply with your wishes, it shall be my strenuous endeavor that this sagacious injunction of the two Houses shall not be without effect.

With this great example before me, with the sense and spirit, the faith and honor, the duty and interest, of the same American people pledged to support the Constitution of the United States, I entertain no doubt of its continuance in all its energy, and my mind is prepared without hesitation to lay myself under the most solemn obligations to support it to the utmost of my power.

And may that Being who is supreme over all, the Patron of Order, the Fountain of Justice, and the Protector in all ages of the world of virtuous liberty, continue His blessing upon this nation and its Government and give it all possible success and duration consistent with the ends of His providence.

- John Adams

Thomas Jefferson

SUMMARY OF PUBLIC SERVICE (AFTER SEPTEMBER 2, 1800)

I have sometimes asked myself whether my country is the better for my having lived at all? I do not know that it is. I have been the instrument of doing the following things; but they would have been done by others; some of them perhaps a little later.

The Rivanna river had never been used for navigation. scarcely an empty canoe had ever passed down it. soon after I came of age, I examined it's obstructions, set on foot a subscription for removing them, got an act of assembly past & the thing effected, so as to be used completely & fully for carrying down all our pro[duce.]

1776. The declaration of independence.

1776. I proposed the demolition of the church establishment, and the freedom of religion. it could only be done by degrees. towit 1776. c. 2. exempted dissenters from contributions to the church & left the church clergy to be supported by voluntary contributions of their own sect. continued from year to year & made perpetual 1779. c. 36. I prepared the act for religious freedom in 1777. as part of the revisal, which was not reported to the assembly till 1779. and that particular law not passed till 1785. and then by the efforts of mr Madison.

1776. c. 2. the act putting an end to entails.

1778. c. 1. the act prohibiting the importation of slaves.

1779. c. 55. the act concerning citizens & establishing the natural right of man to expatriate himself at will.

[1779] the act of changing the course of descent and giving the inheritance to all children &c equally I drew, as part of the revisal [1779] the act for apportioning crimes & punishments, part of the same work, I drew. when proposed to the legislature by mr Madison in 1785 it failed by a single vote. G. K. Taylor afterwards in 1796 proposed the same subject, made & printed a long speech from which any person would suppose his propson was original & that the thing had never been mentd. before: for he takes care not to glance at what had been done before and he drew his bill over again, carefully avoiding the adoption of any part of the diction of mine. yet the text of mine had been studiously drawn in the technical terms of the law, so as to give no occasion for new questions by new expressions. when I drew m[ine] public labor was thought the best punishment to be substituted for death. but while I was in France I heard of a society in England who had successfully introdu[ced] solitary confinement, and saw the drawing of a prison at Lyons in France formed on the idea of solitary confinement. and being applied to by the . of Virginia for a plan of a Capitol a[nd] prison, I sent them the Lyons plan, accompanying it with a drawing on a smaller scale better adapted to their use. this was in June 1786. mr Taylor very judiciously adopted this idea (which had now been acted on in Philadelphia, probably from the English model) & substituted labor in confinement to the public labour proposed by the commee of revisal; which

themselves would have done had they been to act on the subject again. the public mind was ripe for this in 1796 when mr Taylor proposed it, and ripened chiefly by the experiment in Philada, whereas in 1785 when it had been before proposed to our assembly they were not quite ripe for it.

— page 2 —

In 1789. & 1790. I had a great number of olive plants of the best kind sent from Marseilles to Charleston for S. Carola & Georgia. they were planted & are flourishing: & though not yet multiplied, they will be the germ of that culture in those states.

In 1790. I got a cask of the heavy upland rice from the river Denbigh in Africa, about Lat. 9 H. 30' North, which I sent to Charleston, in hopes it might supercede the culture of the wet rice which renders S. Carola & Georgia so pestilential through the summer. it was divided, & a part sent to Georgia. I know not whether it has been attended to in S. Carola; but it has spread in the upper parts of Georgia so as to have become almost general, & is highly prized. perhaps it may answer in Tennessee & Kentucky. the greatest service which can be rendered any country is to add an useful plant to it's culture; especially a bread grain. next in value to bread is oil.

Whether the act for the more general diffusion of knowlege will ever be carried into complete effect, I know not. It was recd by the legislature with great enthusiasm at first. and a small effort was made in 1796. by the act to establish public schools, to carry a part of it into effect, viz. that for the establishmt of free English schools. but the option given to the courts has defeated the intention of the act.

I have been drawn to this subject by a publication in Pleasant's paper of Sep. 2. 1800. wherein are some inaccuracies. viz. my father gave me an education in the languages, which was not quite compleat when he died. after compleating it, I went to the Coll. of W. & M—the Summary view was written but not publ'd by me; but by some members of the convention. I was sick on the road.—I married Jan. 1. 1772. mrs Jefferson died in 1782.—I did not draw the Declaration of rights of Virginia. I believe George Mason drew it. I was absent at Congress. I drew a scheme of a constitution which arrived after the Convention had nearly finished theirs. they adopted the preamble of mine, & some new principles.—the writer speaks of one false return & the suppression of another preventing my being declared President. I know not on what this is founded. the return of 2. electors on the republican ticket of Pensva was delayed artfully so that two from the Federal ticket, who were in truth not elected at all, gave their votes. one of these however voted for me, so that I lost but one vote by the manœuvre. this made an apparent difference of 2. viz. 68. & 71.

when the real vote was 69. & 70. so that mr Adams was duly elected by a majority of a single voice. these are the inaccuracies I note in that publicn.

Томас Джефферсон

**ПЕРВАЯ ИНАУГУРАЦИОННАЯ РЕЧЬ,
4 МАРТА 1801 ГОДА**

Друзья и сограждане!

Призванный к выполнению обязанностей главы исполнительной власти нашей страны, я хочу воспользоваться возможностью и в присутствии той части моих сограждан, которые здесь собрались, выразить им большую благодарность за то, что именно на меня пал их доброжелательный взгляд, а также заявить о своем искреннем осознании того, что задача, которая стоит передо мной, выше, чем мои таланты, и что я берусь ее выполнять с беспокойными и тревожными предчувствиями, которые справедливо волнуют меня из-за величия обязанности и слабости моих способностей. Страна, которая быстро поднимается, страна, которая раскинулась на огромных просторах плодородной земли, страна, которая бороздит моря и океаны, перевозя изделия своей промышленности, страна, которая торгует с государствами, чувствуя свою мощь и при этом забывающими о справедливости, страна, которая быстро идет к предначертанной судьбой цели, лежащей вне границ глаза простого смертного, -- когда я размышляю над этими удивительными, прекрасными вещами и вижу славу, счастье и ожидания моей любимой страны, преданной своему делу, вижу нынешние хорошие признаки, то от этих мыслей у меня перехватывает дыхание, и я смиренно замираю перед величием задач. Однако я не впадаю в отчаяние, поскольку присутствие многих из тех, кого я здесь сегодня вижу, напоминает мне, что среди других органов верховной власти, предусмотренных нашей Конституцией, я найду кладези мудрости, добропорядочности и упорства, на которые смогу положиться в любых затруднительных обстоятельствах. Итак, на вас, господа, тех, кто выполняет суверенные функции законодательства, а также на тех, кто вам помогает, я смотрю с надеждой на поддержку и наставничество, которые дадут нам возможность безопасно провести через бушующие стихии нашего тревожного мира тот корабль, на борт которого мы все поднялись.

Во время состязания мыслей, через которое мы прошли, пыл и упорство дискуссий иногда принимали вид, способный поразить чужеземцев, не

привыкших свободно думать, свободно высказываться и свободно писать то, что они думают; но теперь, когда эти споры были разрешены волеизъявлением народа, а их результат провозглашен согласно положениям Конституции, все граждане, бесспорно, подчинятся воле закона и объединят свои усилия ради общего блага. И все также будут держать в голове тот священный принцип, что хотя воля большинства и должна побеждать во всех случаях, эта воля должна быть справедливой, умной и рассудительной, и меньшинство имеет равные права, защищенные законами, которые это равенство обеспечивают, а нарушение этих прав и законов будет означать угнетение. Итак, объединимся, сограждане, сердцем и умом. Вернемся к тем общественным отношениям, основой которых являются согласие и милосердие, поскольку без них тяжело представить свободу и даже саму жизнь. Не будем забывать о том, что, изгнав из нашей земли ту религиозную нетерпимость, от которой человечество так долго страдало и истекало кровью, мы почти ничего не получим, если проявим такую же неистовую деспотическую нетерпимость в сфере политики, способную к не менее злобным и кровавым преследованиям. Когда от болезненных мучений и конвульсий страдает старый мир, когда в судорогах мучается обозленный человек, кровью и убийством приобретая себе свободу, не удивительно, что волны возбуждения и смятения докатываются и до этих далеких и мирных берегов; не удивительно, что это возбуждение и смятение одни люди воспринимают с большим осознанием и страхом, чем другие, и вносят раскол в мысли, достигая опасной черты. Но любое разногласие мыслей не является разногласием принципов. Мы называли разными именами братьев наших, которые исповедовали один и тот же принцип. Все мы -- республиканцы, все мы -- федералисты. А если среди нас появятся те, кто захочет распустить наш Союз или же изменить его республиканскую форму, то пусть они застынут как памятники рассудительности, которая толерантно относится к ошибочной мысли, но не сдерживает здравого смысла в борьбе с пей. Я действительно знаю, что кое-кто из честных людей боится, что республиканская форма правления не может быть крепкой, что наше правительство недостаточно сильное, но разве честный патриот в самый разгар удачного эксперимента откажется от формы управления, которая до сих пор обеспечивала нам свободу и силу лишь на основании чисто теоретических и умозрительных опасений, что такому управлению может потенциально не хватить энергии и воли к самосохранению? Я так не думаю. Наоборот, и придерживаюсь той мысли, что это -- самое сильное правительство в мире. Я считаю его единственным, при котором каждый человек по призыву закона сломя голову бросится под штандарт этого закона, поскольку будет считать защиту общественного порядка от посягательств на него своей личной

обязанностью. Иногда говорят, что такому человеку нельзя доверять право руководить собой. Но разве тогда можно доверять ему управление другими людьми? Или, может, где-то с Небес снизошли непорочные ангелы в виде королей, которые этим человеком будут править? Пусть на этот вопрос ответит история.

Итак, давайте с мужеством и твердой уверенностью придерживаться наших федеральных и республиканских принципов, нашей преданности Союзу и представительскому правительству. По воле самой природы отделенные широким океаном от убийственного хаоса, который властвует на четверти земного шара; слишком высокодумны, чтобы терпеть упадок и деградацию других; имея благословенную землю, где хватит места нашим потомкам на тысячи и тысячи поколений; осознавая наше право реализовать свои способности, достижения нашего упорства и предприимчивости, осознавая честь и доверие со стороны наших сограждан -- не из-за привилегии от рождения, а вследствие наших действий и их осмысления; озаренные светом милосердной религии, которую хотя и исповедуют в разных формах, но все эти формы тем не менее прививают людям честность, правдивость, сдержанность, милосердие и любовь к человеку; признавая и уважая Всевышнее Провидение, которое, вопреки всем скитаниям, доказывает, что его цель -- счастье человека в этом мире и еще большее счастье в мире потустороннем, -- со всеми этими благословенными дарами что еще нужно нам, чтобы стать людьми счастливыми и обеспеченными? Нам нужно еще одно, сограждане: мудрое и экономное правительство, которое будет удерживать людей от причинения вреда друг другу, а во всем остальном обеспечит им свободу самим выбирать способы реализации сил и способностей для улучшения своей жизни и не будет забирать изо рта труженика заработанный хлеб. Именно это и есть хорошее правление и именно в таком правлении мы нуждаемся, чтобы завершить круг вышеупомянутых счастливых достояний.

Сограждане! Готовясь взяться за исполнение обязанностей, которые охватывают все, что вы цените, и все, что дорого вашему сердцу, я считаю нужным изложить вам свое видение главных принципов нашего правительства и -- соответственно -- принципов, согласно которым должна формироваться правительственная администрация. Я объясню их в максимально кратких рамках насколько это возможно в отношении основополагающих вещей и изложу лишь основные принципы, без возможных возражений. Одинаковое и справедливое судопроизводство для всех людей, безотносительно состояния и религиозных или политических убеждений; мир, торговля и честные доброжелательные отношения со всеми странами, без

вступления в альянс с кем-либо из них; поддержка правительств штатов во всех их правах как наиболее компетентных администраций для решения наших внутренних вопросов и как крепчайшего оплота против антиреспубликанских тенденций; всяческая поддержка Центрального правительства и всех его конституционных полномочий как основного гаранта мира внутри страны и безопасности за ее пределами; ревностное обеспечение избирательного права народа как рассудительного и ненасильственного средства исправления злоупотреблений, которые по обыкновению отсекаются мечом революции там, где нет мирных средств их устранения; абсолютное согласие с решениями, которые принимает большинство, -- основной принцип республиканизма, антиподом которого является сила, -- основной принцип и родная мать деспотизма; хорошо дисциплинированное ополчение -- наша наилучшая надежда в мирные времена и в первые дни войны, пока на помощь ему не подтянутся регулярные войска; верховенство гражданской власти над военной; сбережение общественных затрат -- рабочие должны платить лишь небольшие налоги; честная выплата наших долгов и неуклонная поддержка общественного доверия; содействие сельскому хозяйству и торговле как его служанке; распространение информации о злоупотреблениях и привлечение нарушителей к суду; свобода вероисповедания; свобода печати, свобода индивидуума под защитой закона о неприкосновенности личности, а также суд избранных без предубеждения присяжных. Эти принципы образуют яркое созвездие, которое двигалось впереди и направляло наш прогресс сквозь эпоху революции и реформации. Их воплощению оказывали содействие мудрость наших мудрецов и кровь, пролитая нашими героями. Эти принципы должны стать кредо нашей политической веры, основой гражданского права, краеугольным камнем, которым будет проверяться служба тех, кому мы вверили высокие должности; а если нам когда-либо будет суждено угодить во времена смуты и тревоги, то мы должны немедленно вернуться на тот единственный путь, который ведет к миру, свободе и безопасности.

Итак, сограждане, я вступаю в должность, которую вы мне доверили. Приобретя достаточный опыт на подчиненных должностях и увидев все трудности пребывания на высочайшем посту, я убедился, что несовершенному человеку редко удастся уйти со своей должности, сохранив ту же репутацию и благосклонность, которые в свое время позволили ему эту должность занять. Не надеясь на высокое доверие, высказанное вами нашему самому первому и самому величественному революционному деятелю, чьи выдающиеся заслуги обеспечили ему всенародную любовь и ярчайшие страницы в книге правдивой истории, я прошу у вас ровно столько доверия, сколько мне понадобится для того, чтобы я с твердостью и сноровкой осуществлял правовое руководство

вашиими делами. Часто я буду заблуждаться из-за ошибочности суждений. А когда я буду прав, то те, чья позиция не будет позволять им видеть весь вопрос в целом, будут считать, что я ошибаюсь. Я прошу у вас снисходительности к моим ошибкам, которые никогда не будут намеренными, а также вашей поддержки против ошибок тех, кто будет осуждать меня, не видя за деревьями леса. Одобрение, которое вы высказали мне своим голосованием, является для меня большим утешением за прошлое, а моей заботой в будущем будет стремление сохранить добрую мысль о себе у тех, кто поверил мне заведомо, и завоевать благосклонность других, делая им все то добро, которое будет в моих силах и пределах моих полномочий, а также содействуя общему с частью и свободе.

Итак, полагаясь на покровительство вашей доброй воли, я послушно берусь за работу, будучи в любой момент готовым ее оставить, если вы придете к выводу о возможности сделать значительно лучший выбор. И пусть же та Бесконечная Сила, которая правит судьбой Вселенной, ведет наше правительство к тому, что является наилучшим, и обеспечивает благоприятный результат его усилий ради вашего мира и процветания.

James Madison

FIRST INAUGURAL ADDRESS SATURDAY, MARCH 4, 1809

Context

Chief Justice John Marshall administered the oath of office in the Hall of the House of Representatives (now National Statuary Hall). Subsequently the oath by Presidents-elect, with few exceptions, was taken in the House Chamber or in a place of the Capitol associated with the Congress as a whole. The Vice Presidential oath of office for most administrations was taken in the Senate Chamber. President Jefferson watched the ceremony, but he joined the crowd of assembled visitors since he no longer was an office-holder. The mild March weather drew a crowd of about 10,000 persons.

UNWILLING to depart from examples of the most revered authority, I avail myself of the occasion now presented to express the profound impression made on me by the call of my country to the station to the duties of which I am about to pledge myself by the most solemn of sanctions. So distinguished a mark of confidence, proceeding from the deliberate and tranquil suffrage of a free and virtuous nation, would under any circumstances have commanded my gratitude and devotion, as well as filled me with an awful sense of the trust to be assumed. Under the various

circumstances which give peculiar solemnity to the existing period, I feel that both the honor and the responsibility allotted to me are inexpressibly enhanced. 1

The present situation of the world is indeed without a parallel, and that of our own country full of difficulties. The pressure of these, too, is the more severely felt because they have fallen upon us at a moment when the national prosperity being at a height not before attained, the contrast resulting from the change has been rendered the more striking. Under the benign influence of our republican institutions, and the maintenance of peace with all nations whilst so many of them were engaged in bloody and wasteful wars, the fruits of a just policy were enjoyed in an unrivaled growth of our faculties and resources. Proofs of this were seen in the improvements of agriculture, in the successful enterprises of commerce, in the progress of manufacturers and useful arts, in the increase of the public revenue and the use made of it in reducing the public debt, and in the valuable works and establishments everywhere multiplying over the face of our land. 2

It is a precious reflection that the transition from this prosperous condition of our country to the scene which has for some time been distressing us is not chargeable on any unwarrantable views, nor, as I trust, on any involuntary errors in the public councils. Indulging no passions which trespass on the rights or the repose of other nations, it has been the true glory of the United States to cultivate peace by observing justice, and to entitle themselves to the respect of the nations at war by fulfilling their neutral obligations with the most scrupulous impartiality. If there be candor in the world, the truth of these assertions will not be questioned; posterity at least will do justice to them. 3

This unexceptionable course could not avail against the injustice and violence of the belligerent powers. In their rage against each other, or impelled by more direct motives, principles of retaliation have been introduced equally contrary to universal reason and acknowledged law. How long their arbitrary edicts will be continued in spite of the demonstrations that not even a pretext for them has been given by the United States, and of the fair and liberal attempt to induce a revocation of them, can not be anticipated. Assuring myself that under every vicissitude the determined spirit and united councils of the nation will be safeguards to its honor and its essential interests, I repair to the post assigned me with no other discouragement than what springs from my own inadequacy to its high duties. If I do not sink under the weight of this deep conviction it is because I find some support in a consciousness of the purposes and a confidence in the principles which I bring with me into this arduous service. 4

To cherish peace and friendly intercourse with all nations having correspondent dispositions; to maintain sincere neutrality toward belligerent nations; to prefer in all cases amicable discussion and reasonable accommodation of

differences to a decision of them by an appeal to arms; to exclude foreign intrigues and foreign partialities, so degrading to all countries and so baneful to free ones; to foster a spirit of independence too just to invade the rights of others, too proud to surrender our own, too liberal to indulge unworthy prejudices ourselves and too elevated not to look down upon them in others; to hold the union of the States as the basis of their peace and happiness; to support the Constitution, which is the cement of the Union, as well in its limitations as in its authorities; to respect the rights and authorities reserved to the States and to the people as equally incorporated with and essential to the success of the general system; to avoid the slightest interference with the right of conscience or the functions of religion, so wisely exempted from civil jurisdiction; to preserve in their full energy the other salutary provisions in behalf of private and personal rights, and of the freedom of the press; to observe economy in public expenditures; to liberate the public resources by an honorable discharge of the public debts; to keep within the requisite limits a standing military force, always remembering that an armed and trained militia is the firmest bulwark of republics—that without standing armies their liberty can never be in danger, nor with large ones safe; to promote by authorized means improvements friendly to agriculture, to manufactures, and to external as well as internal commerce; to favor in like manner the advancement of science and the diffusion of information as the best aliment to true liberty; to carry on the benevolent plans which have been so meritoriously applied to the conversion of our aboriginal neighbors from the degradation and wretchedness of savage life to a participation of the improvements of which the human mind and manners are susceptible in a civilized state—as far as sentiments and intentions such as these can aid the fulfillment of my duty, they will be a resource which can not fail me. 5

It is my good fortune, moreover, to have the path in which I am to tread lighted by examples of illustrious services successfully rendered in the most trying difficulties by those who have marched before me. Of those of my immediate predecessor it might least become me here to speak. I may, however, be pardoned for not suppressing the sympathy with which my heart is full in the rich reward he enjoys in the benedictions of a beloved country, gratefully bestowed or exalted talents zealously devoted through a long career to the advancement of its highest interest and happiness. 6

But the source to which I look or the aids which alone can supply my deficiencies is in the well-trying intelligence and virtue of my fellow-citizens, and in the counsels of those representing them in the other departments associated in the care of the national interests. In these my confidence will under every difficulty be best placed, next to that which we have all been encouraged to feel in the guardianship and guidance of that Almighty Being whose power regulates the

destiny of nations, whose blessings have been so conspicuously dispensed to this rising Republic, and to whom we are bound to address our devout gratitude for the past, as well as our fervent supplications and best hopes for the future.

SECOND INAUGURAL ADDRESS OF JAMES MADISON. 1813

James Madison

Washington D.C.

Thursday March 4th, 1813

About to add the solemnity of an oath to the obligations imposed by a second call to the station in which my country heretofore placed me, I find in the presence of this respectable assembly an opportunity of publicly repeating my profound sense of so distinguished a confidence and of the responsibility united with it. The impressions on me are strengthened by such an evidence that my faithful endeavors to discharge my arduous duties have been favorably estimated, and by a consideration of the momentous period at which the trust has been renewed. From the weight and magnitude now belonging to it I should be compelled to shrink if I had less reliance on the support of an enlightened and generous people, and felt less deeply a conviction that the war with a powerful nation, which forms so prominent a feature in our situation, is stamped with that justice which invites the smiles of Heaven on the means of conducting it to a successful termination.

May we not cherish this sentiment without presumption when we reflect on the characters by which this war is distinguished?

It was not declared on the part of the United States until it had been long made on them, in reality though not in name; until arguments and postulations had been exhausted; until a positive declaration had been received that the wrongs provoking it would not be discontinued; nor until this last appeal could no longer be delayed without breaking down the spirit of the nation, destroying all confidence in itself and in its political institutions, and either perpetuating a state of disgraceful suffering or regaining by more costly sacrifices and more severe struggles our lost rank and respect among independent powers.

On the issue of the war are staked our national sovereignty on the high seas and the security of an important class of citizens whose occupations give the proper value to those of every other class. Not to contend for such a stake is to surrender our equality with other powers on the element common to all and to violate the sacred title which every member of the society has to its protection. I need not call into view the unlawfulness of the practice by which our mariners are forced at the will of every cruising officer from their own vessels into foreign ones, nor paint the outrages inseparable from it. The proofs are in the records of each successive

Administration of our Government, and the cruel sufferings of that portion of the American people have found their way to every bosom not dead to the sympathies of human nature.

As the war was just in its origin and necessary and noble in its objects, we can reflect with a proud satisfaction that in carrying it on no principle of justice or honor, no usage of civilized nations, no precept of courtesy or humanity, have been infringed. The war has been waged on our part with scrupulous regard to all these obligations, and in a spirit of liberality which was never surpassed. How little has been the effect of this example on the conduct of the enemy?

They have retained as prisoners of war citizens of the United States not liable to be so considered under the usages of war.

They have refused to consider as prisoners of war, and threatened to punish as traitors and deserters, persons emigrating without restraint to the United States, incorporated by naturalization into our political family, and fighting under the authority of their adopted country in open and honorable war for the maintenance of its rights and safety. Such is the avowed purpose of a Government which is in the practice of naturalizing by thousands citizens of other countries, and not only of permitting but compelling them to fight its battles against their native country.

They have not, it is true, taken into their own hands the hatchet and the knife, devoted to indiscriminate massacre, but they have let loose the savages armed with these cruel instruments; have allured them into their service, and carried them to battle by their sides, eager to glut their savage thirst with the blood of the vanquished and to finish the work of torture and death on maimed and defenseless captives. And, what was never before seen, British commanders have extorted victory over the unconquerable valor of our troops by presenting to the sympathy of their chief captives awaiting massacre from their savage associates. And now we find them, in further contempt of the modes of honorable warfare, supplying the place of a conquering force by attempts to disorganize our political society, to dismember our confederated Republic. Happily, like others, these will recoil on the authors; but they mark the degenerate counsels from which they emanate, and if they did not belong to a sense of unexampled inconsistencies might excite the greater wonder as proceeding from a Government which founded the very war in which it has been so long engaged on a charge against the disorganizing and insurrectional policy of its adversary.

To render the justice of the war on our part the more conspicuous, the reluctance to commence it was followed by the earliest and strongest manifestations of a disposition to arrest its progress. The sword was scarcely out of the scabbard before the enemy was apprised of the reasonable terms on which it would be

resheathed. Still more precise advances were repeated, and have been received in a spirit forbidding every reliance not placed on the military resources of the nation.

These resources are amply sufficient to bring the war to an honorable issue. Our nation is in number more than half that of the British Isles. It is composed of a brave, a free, a virtuous, and an intelligent people. Our country abounds in the necessaries, the arts, and the comforts of life. A general prosperity is visible in the public countenance. The means employed by the British cabinet to undermine it have recoiled on themselves; have given to our national faculties a more rapid development, and, draining or diverting the precious metals from British circulation and British vaults, have poured them into those of the United States. It is a propitious consideration that an unavoidable war should have found this seasonable facility for the contributions required to support it. When the public voice called for war, all knew, and still know, that without them it could not be carried on through the period which it might last, and the patriotism, the good sense, and the manly spirit of our fellow citizens are pledges for the cheerfulness with which they will bear each his share of the common burden. To render the war short and its success sure, animated and systematic exertions alone are necessary, and the success of our arms now may long preserve our country from the necessity of another resort to them. Already have the gallant exploits of our naval heroes proved to the world our inherent capacity to maintain our rights on one element. If the reputation of our arms has been thrown under clouds on the other, presaging flashes of heroic enterprise assure us that nothing is wanting to correspondent triumphs there also but the discipline and habits which are in daily progress.

Научные публикации

В. В. Согрин

ВОЙНА США ЗА НЕЗАВИСИМОСТЬ КАК СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

(Извлечение)

... Оформились два главных историографических направления: первое настаивало на ограниченности преобразований, совершившихся в результате революции, главной целью которой объявлялось сохранение либеральных свобод и прав, накопленных уже в колониальный период; второе направление, напротив, стремилось к раскрытию разнообразных и глубинных внутренних революционных преобразований, которые, по мнению ее представителей, для

исторических судеб США имели не менее, а в ряде отношений даже более важное значение, нежели достижение независимости. Т.е. для второго направления Война за независимость была одновременно и социально-политической революцией, в то время как для его оппонентов она была только антиколониальной войной.

Л. Харц, виднейший представитель первого направления и один из родоначальников школы консенсуса, сформулировал положение: в Северной Америке не было феодальных структур - объекта радикального насилия для европейских революций; американская антиколониальная война произошла в либерально-буржуазном по своим основам обществе, имела главной целью их защиту и являлась "по определению" охранительной. Д. Бурстин, другой мэтр школы консенсуса, доказывал, что Американская революция ставила целью защитить конституционные принципы, которые были выпестованы в Англии, укоренились в колониальный период в Северной Америке, но стали, к несчастью, резко ограничиваться деспотичным Георгом III и его окружением после Семилетней войны. Американская революция, по сути, была консервативной, а ее победа означала торжество уже хорошо известной модели конституционализма. Несколько иной вариант этой концепции развивал Б. Бейлин: в революционную эпоху наблюдался общественный сдвиг, но произошел он не в социально-экономической или политической структуре, а в сознании американцев, рационализировавшем и твердо усвоившем принципы конституционализма и республиканского миропорядка.

Второе направление в историографии революции оформилось в конце XIX - первой трети XX вв. и было представлено прогрессистской школой. Ч. Линкольн, К. Беккер, А. Невинс и особенно Дж. Джеймсон отстаивали положение о Войне за независимость как "двойной революции". Согласно ему, революция возникла вследствие как антиколониальной борьбы, так и острых социально-экономических конфликтов между самими американцами, а в 1775-1783 гг. антиколониальная война была дополнена "внутренней революцией", результатом которой стали обширные и радикальные социально-экономические и политические преобразования. В середине XX в. и позже наиболее яркими выразителями этой концепции были М. Дженсен и Дж. Мейн. В тот период прогрессистских историков поддержала и радикальная ("новая левая") историографическая школа, которая делала упор на выявлении самостоятельной позиции социальных низов в Американской революции.

Оба означенных направления сохраняются в исторической науке США и на современном этапе, правда, они не идентифицируют себя с прогрессистской или консенсусной школами, названия которых в глазах

современных исследователей выглядят чересчур идеологизированными. Бесспорным лидером направления, признающего глубокий преобразовательный характер революции, выступал Г.С. Вуд, доказывавший, что Война за независимость по глубине и радикализму своих преобразований, а особенно последствиям и воздействию на ход истории не только не уступала европейским революциям, но во многом их превосходила.

Среди оппонентов Вуда равных ему по авторитету и влиянию нет, но это не означает, что концепция, отрицающая или принижающая преобразовательный характер революции, утратила влияние. В число ее сторонников на современном этапе входят не только историки-"консерваторы", но также и авторы, чью позицию можно охарактеризовать как радикальную. Для этого подхода умеренность и ограниченность революции заключаются в том, что она по сути не изменила приниженного положения женщин, чернокожих, индейцев, белых бедняков. Такой взгляд с научной точки зрения страдает очевидным антиисторизмом, ибо революция оценивается с позиций сегодняшних критериев и запросов, а не ее реальных возможностей, равно как и того, что она дала в сравнении с предшествующим периодом. Тем не менее эта позиция находит достаточно широкий отклик в силу ее созвучности современной американской либеральной "политкорректности".

В отечественной историографической традиции внутриполитические преобразования эпохи Войны США за независимость неизменно рассматривались как фундаментальные, революционные, хотя и признавалось, что по своему масштабу они уступали Великой французской революции XVIII в. (Н.Н. Болховитинов называл Американскую революцию "внутриформационной", в отличие от Французской "межформационной"). Но в целом отечественная историография была близка к прогрессистско-радикальной школе историков США и разделяла ряд ее принципиальных положений (о важной роли внутренних социальных конфликтов в происхождении Американской революции, о реальном значении феодальных пережитков в аграрных отношениях колоний и некоторые другие). На позицию отечественных историков оказали большое влияние очень высокие оценки Американской революции со стороны К. Маркса и В.И. Ленина и в целом марксистско-ленинская оценка революций как основополагающей преобразовательной силы в истории.

Народ заявил о себе сразу же после провозглашения в июле 1776 г. американской независимости. Именно с этого момента Война за независимость становится "двойной революцией", антиколониальная и внутриполитическая революции развиваются на равных. В течение

нескольких месяцев в Северной Америке была полностью ликвидирована монархическая ветвь государственности, утвердился республиканский строй и во всех штатах приняты беспрецедентные по демократизму конституции. По объему и глубине выдвинутых и реализованных демократических политических требований Американская революция, на мой взгляд, превзошла Английскую революцию XVII и Французскую XVIII вв.

Не будет преувеличением сказать, что идея уравниения политических прав разных социальных слоев стала центральной в демократической мысли революционной эпохи. Правда, сохраняло влияние то положение, что свободное политическое волеизъявление было невозможно без наличия у индивидуума определенной экономической независимости. По этой причине предоставление избирательного права слугам или лицам наемного труда вызывало у многих сомнения и возражения, но что касается людей (белых мужчин), располагавших даже минимальной экономической независимостью или собственностью, то они, по убеждению демократов, должны были обладать всеми политическими правами, включая избрание на самые высокие должности.

Развитие идей политического уравниательства получило выражение в двух важных демократических доктринах, не имевших распространения в дореволюционный период. Одна из них - доктрина прямой демократии - предполагала наделение рядовых избирателей правом вынесения окончательного решения по любому важному вопросу, в первую очередь одобрения посредством референдума конституции и законов, как и правами отзыва и инструктирования депутатов, выдвижения законопроектов и т.п. Другая доктрина - простой, или чистой демократии - означала отмену раздельного представительства разных социальных групп, зажиточных и малоимущих, в законодательной ветви власти и введения вместо этого совместного и равноправного представительства всех граждан.

Среди американцев утвердился подлинный культ конституции, которую они признали гарантией и вместилищем всех прав и свобод. Само понимание конституции по сравнению с колониальным периодом радикально изменилось: если прежде под ней подразумевали совокупность английских биллей, законов, прецедентов и колониальные хартии, то с началом революции ее стали отождествлять с единым компактным документом, разработанным и одобренным в результате демократической процедуры - правовым воплощением общественного договора.

Но в целом можно заключить, что демократические идеи и тенденции получили наиболее полное воплощение в государственно правовом творчестве эпохи Войны за независимость, в первую очередь в конституциях

штатов, и есть весомые основания именовать ее по этой причине демократической политической революцией. В социальной и экономической сферах эти тенденции проявились в гораздо меньшей степени. Здесь Американская революция уступала европейским, как уступала она им и по глубине социальных конфликтов, которые, как правило, и влекли за собой радикальные социальные перемены.

Главным социальным конфликтом эпохи Войны за независимость, придавшим ей в определенной степени характер гражданской войны, был конфликт между патриотами (именовались также *вигами*), сторонниками отделения от Англии, и лоялистами (известными также как *тори*), выступавшими за сохранение имперских связей. Тема лоялистов и лоялизма, всегда являвшаяся важной для исследователей Войны за независимость, порождала разногласия и дискуссии. Начинались они с разного определения численности лоялистов. Долгое время преобладала та точка зрения, что американцы революционной эпохи делились на три равных группы: первая из них поддерживала революцию, вторая занимала нейтральную позицию, а третья состояла из лоялистов и им сочувствующих. На современном этапе эта точка зрения утратила влияние, а численность лоялистов измеряется гораздо более скромными цифрами.

В вопросе о социальном составе лоялистов традиционная точка зрения состояла в подчеркивании его элитарного характера, поиске фактов принадлежности большинства лоялистов к верхнему классу. Новейшие исследования обнаружили уязвимость подобной трактовки: признавая несколько больший удельный вес среди лоялистов верхних социальных групп (но точные данные остаются невыясненными), их авторы раскрывают социальную неоднородность лоялистов, среди которых были представители и верхних, и средних, и нижних слоев.

В отличие от патриотов, лоялисты не проявили способности к самоорганизации, созданию добровольных групп типа "Сынов свободы", налаживанию связи друг с другом. Они действовали разрозненно, их сопротивление часто выливалось в спонтанные террористические акции. Для пресечения подобных вылазок патриоты создали во всех штатах комитеты безопасности. Последние были призваны усмирять не только активных тори, но и выявлять тайных лоялистов. С этой целью вводилась простая процедура: новые власти повсеместно потребовали от лиц (свободных мужчин) старше 16 лет принести им присягу на верность. Отказывавшиеся сделать это, объявлялись лоялистами и подвергались разнообразным репрессиям и ограничениям в правах. Во всех штатах им было запрещено занимать государственные должности, в пяти штатах "отказники" лишались

избирательных прав. Во многих штатах они облагались дополнительными налогами, им запрещалось приобретать собственность, вступать в право наследования, быть священниками, юристами, учителями, врачами....

Социальный конфликт существовал и внутри самого революционного лагеря, но и он был неизмеримо слабее подобных конфликтов в европейских революциях. В Американской революции не было и подобия политических течений, представленных такими группировками, как просвитериане, индипенденты, левеллеры и диггеры в эпоху Английской революции XVII в. или конституционалисты, жирондисты, якобинцы и "бешеные" во время Великой французской революции конца XVIII в. В Американской революции прозвучали социальные требования эгалитарного характера, но они не приобрели широкой популярности, как и программного характера для какой-либо из влиятельных политических фракций. Хотя в американском революционном сознании одной из главных была идея равенства, в социально-экономическом плане большинством патриотов она понималась как равенство возможностей в реализации способностей индивидуумов, что не отрицало различного, в том числе и серьезного неравенства результатов индивидуальной деятельности.

В социально-экономическом плане Американская революция оказалась в первую очередь нацелена на ликвидацию законодательных ограничений, наложенных на североамериканскую промышленность и торговлю метрополией, как и на ликвидацию привилегий, предоставленных английским купцам, промышленникам и финансистам. Ее целью было утверждение свободной конкуренции, манифестом которой стало знаменитое "Богатство народов" А. Смита, по символическому совпадению увидевшее свет в том же году, когда была провозглашена американская Декларация независимости. Эта цель и начала реализовываться с самого начала Войны за независимость. Результаты введения "чистой" свободной конкуренции в Северной Америке оказались неоднозначными, порой весьма противоречивыми: с одной стороны, резко оживились национальная торговля, промышленность, финансы, резко возросли социальная мобильность, в рядах предпринимателей появились удачливые представители нижних слоев, но, с другой стороны, усилилось и социально-экономическое расслоение американцев.

Идея равенства возможностей может быть признана центральной и важнейшей, но все же не единственной и не исчерпывающей составляющей американской социальной ментальности. С ней уживалось иное по социальному смыслу убеждение части нижних слоев: зажиточные слои

должны принести большие экономические жертвы на алтарь победы, нежели менее обеспеченные, и тем более бедняки. Влияние подобных настроений трудно определить с абсолютной точностью, но оно присутствовало и оказывало воздействие на деятельность законодательных собраний штатов. Практические результаты принятых в связи с этим социально-экономических мер имели реальное значение, но они, безусловно, не поколебали господствующих позиций экономического либерализма.

К важным социальным следствиям революционной эпохи можно отнести резкое ограничение ввоза в Северную Америку законтрактованных белых рабочих, как и использования их (пусть и временно) подневольного труда. В революционном лагере стало распространяться убеждение, что использование законтрактованных белых слуг вообще несовместимо с принципами свободы. В период Войны за независимость ввоз законтрактованных слуг в Северную Америку был прекращен. В последующем он, правда, возобновился, но его масштабы в сравнении с дореволюционным периодом сократились примерно вдвое.

Противоречивой оказалась политика властей штатов в таком важном общественном вопросе, как религия. Как это не парадоксально, но только в меньшинстве республиканских конституций штатов революционного периода были провозглашены передовые просветительские принципы свободы вероисповедания и отделения церкви от государства. Конституции многих штатов прямо требовали от претендентов на государственные должности присяги на верность протестантизму. Процесс отделения церкви от государства по-настоящему набрал силу уже после окончания Войны за независимость. В 1786 г. закон о свободе совести был одобрен в Виргинии. Но радикальный удар по принципу государственной церкви и притязаниям протестантизма на монополию в религиозной жизни был нанесен только с принятием в 1791 г. знаменитых десяти поправок к федеральной Конституции.

Одним из важных вопросов революции стало отношение к чернокожим жителям Америки, в первую очередь к рабам. Первую попытку осудить рабство в государственном документе предпринял Т. Джефферсон при составлении проекта Декларации независимости. Однако Континентальный конгресс постановил изъять из Декларации пассаж, осуждавший работорговлю. В это же время в Виргинии, родном штате Джефферсона, конвент, обсуждавший билль о правах и конституцию, решительно возразил против ставшего азбучным в антиколониальной мысли положения о том, что

все люди сотворены равными. Несколько позднее виргинские суды разъяснили, что утверждение Декларации независимости об естественном равенстве всех людей не распространяется ни на свободных негров, ни на рабов.

Ни в одном из южных штатов проекты законодательной отмены рабства не обсуждались, но в штатах "верхнего Юга" - Мэриленде, Виргинии и Северной Каролине - законодательные собрания разрешили рабовладельцам, изъявлявшим на то добровольное согласие, освободить своих рабов. Среди относительно небольшого количества рабовладельцев, воспользовавшихся таким разрешением, наиболее известным оказался Дж. Вашингтон. В своем завещании он распорядился освободить после смерти всех его рабов (в 1799 г., когда Вашингтон скончался, были освобождены 124 его раба, но еще 153 черных невольника, принадлежавших семье главнокомандующего Континентальной армией и первого президента США, остались в рабстве, ибо признавались собственностью его вдовы Марты, унаследовавшей этих рабов от первого мужа).

Подведу основные итоги. Американская война за независимость 1775-1783 гг., обладавшая очевидными признаками "двойной революции", ознаменовалась серьезным изменением исторических судеб североамериканских провинций: в ходе антиколониальной войны они обрели полную независимость, а "внутренняя революция" изменила их общественно-политическое устройство. Демократические преобразования коснулись по преимуществу политической сферы, здесь они оказались весьма серьезными, приобщив к политической власти большую часть средних и часть нижних слоев белых американцев (мужчин). В социально-экономической сфере восторжествовали либерально-индивидуалистические ценности: они одобрялись большинством белого населения, а их воплощение на практике возносило на социально-экономическую вершину наиболее удачливых и предприимчивых. Как показала последующая история Соединенных Штатов, отмена английского колониального господства, подавлявшего эти ценности, создала прочную основу для успешного либерально-буржуазного, все более опережающего по отношению к другим странам развития США, но торжество индивидуалистического либерализма в качестве национальной веры означало также создание не менее прочной основы для социально-экономической дифференциации американского общества.

Е. В. Галкина

ПОЛИТИЧЕСКИЕ И РЕЛИГИОЗНЫЕ ОСНОВЫ «АМЕРИКАНСКОЙ ИСКЛЮЧИТЕЛЬНОСТИ»

(Извлечение)

Вся история Америки пронизана «духом» протестантизма. Многие особенности американской цивилизации связаны с освоением континента Северной Америки, продвижением поселенцев, значительная часть которых была протестантами, на западные земли. Пуританами была основана Новая Англия – область с особым соблюдением религиозных и социальных правил, во многом определившая вектор развития североамериканских колоний.

Религиозно-духовные факторы сыграли важную роль в вопросе о переселении пуритан за океан. Пафос пуританских проповедей направлен на утверждение величия миссии колоний как фундамента для нового Иерусалима, стремление соединить американскую колонизацию с библейской историей.

Экономическими причинами не следует пренебрегать, исследуя вопрос об эмиграции. Зачастую пуритане желали улучшить условия жизни. Они стремились быть свободными от растущих и неисчислимых правительственных поборов. Эмигранты хотели владеть дешевой землей, именно она составила в дальнейшем основу благополучия американцев. Анализ показал, что комплексный подход при изучении такого сложного процесса, как эмиграция, позволяет более глубоко разобраться в его сути и служит перспективной базой для дальнейшего рассмотрения пуританизма в Америке.

В сентябре 1620 г. группа пуритан-сепаратистов, гонимая многочисленными преследователями, отбыла в Америку на корабле «Мэйфлауэр» по договору с Плимутской компанией и в конце года высадилась на побережье нынешнего штата Массачусетс, где основала поселение Новый Плимут, положивший начало Новой Англии. Переселенцы на «Мэйфлауэре» подписали специальное «соглашение» до высадки с корабля на американский берег.

«Мэйфлауэрский договор» расценивается исследователями как первое свидетельство американской общественно-политической мысли. Так, в тексте документа тесно переплетаются религиозные, политические и экономические факторы, послужившие стимулом для переселения в Новый Свет. Несмотря на лаконичность, документ многократно изучался и имеет множественные, порой противоположные, комментарии историков. Многие американские ученые считают, что соглашение имело принципиальное значение для будущих судеб

демократических институтов США. В нем находят «зачатки американского самоуправления», «дух добровольного объединения», дух демократии и «американской исключительности» и т. д.

Наиболее важную историческую роль в Новой Англии сыграла не колония Плимут, основанная «отцами-пилигримами», столь чтимыми американской традицией, а колония Массачусетс, основанная пуританами в конце 20-х гг. XVII столетия. По сочинениям, хроникам пуритан можно воссоздать колонизацию Новой Англии – духовного центра пуританской Америки. Массачусетс стал родоначальником ряда поселений Новой Англии, на базе которых оформились колонии Род-Айленд, Коннектикут, Нью-Хейвен, Вермонт, Мэн и Нью-Гэмпшир. Новая Англия заселялась интенсивно с 1620-х по 1640-е гг., после чего иммиграция туда прекратилась почти на 200 лет.

Новоанглийский пуританизм базировался в первую очередь на кальвинистской доктрине, центральное место в которой занимал догмат о божественном предопределении. Исходным пунктом являлась своеобразная концепция Бога и мира. Бог изначально предопределил одних к «спасению», других – к «падению». Божественное милосердие и спасение распространялись на очень узкий круг избранных. Верующим оставалось лишь стремиться выяснить, были они избранниками Бога или же обречены на вечное проклятье. Это открывалось им только в процессе раскрытия призвания в мирской жизни (протестант должен работать энергично в земной жизни и отдавать жесткий контроль своим действиям). М. Лютер и Ж. Кальвин отвергли католическое разделение мира на мирскую и религиозную сферы и ввели концепцию «призвания» (Vocaf) для объяснения мирских обязанностей верующего. Труд не только был вознесен на небывалую нравственную высоту, но и получил религиозное значение.

В среде новоанглийских пуритан получила широкое распространение «договорная» ковенантная теория, согласно которой отношения человека и Бога рассматривались как отношения договора. И таких «договоров» было много. Очень важно, что эта идея переносилась и на отношения людей между собой. Церковь (конгрегация) – соглашение людей не только с Богом, но и друг с другом, где люди обязывались вести истинную христианскую жизнь, Бог – даровать им и их детям спасение. Если не церковь, а политическое общество образовывалось в результате договора людей, устанавливающих это сообщество «для славы Божьей», то тем самым оно также вступало с Богом в договорные отношения. Отношения верующих и пастора – договорные, и, что важно, взаимодействия подданных и правителей тоже являлись таковыми. Данные идеи, с одной стороны, смягчали изначальную кальвинистскую доктрину предопределения, с другой – развивали антиабсолютистские

потенции кальвинизма. Пуританская теология «ковантов» (договоров) – «ковант» благодати, социальный и соответственно церковный «ковант» – санкционировала непосредственно действия человека на пути его спасения. Следовательно, пуританизм вместо фаталистического взгляда на мир служил своего рода стимулом к деятельности.

Оказавшись в новых условиях, поселенцы смотрели на все с верой в то, что их дети будут жить еще лучше. Отношения между населением и властью складывались очень сложно. Свободных колонистов трудно было подчинить управленческим интересам метрополии. Нетерпимое отношение к любому ущемлению изначально существовавших прав и свобод вызывало ответную реакцию. Американцы обладали большей экономической, политической и религиозной свободой по сравнению с европейцами и стремились к ее расширению и упрочению. Иммигранты, вырвавшись из-под гнета на родине, переселившись в Америку, хотели быть более свободными на новой земле и всячески пытались воплотить это в жизнь. К тому же веротерпимость и свобода от открытого политического преследования сочетались в Новом Свете с широкими экономическими возможностями по созданию энергичного и динамичного общества. Общие трудности и опасности сплачивали переселенцев и отодвигали на второй план религиозные и национальные противоречия. Колонисты из разных стран в Америке не могли жить в постоянном противодействии друг с другом, им требовался консенсус. В ходе исторического развития он был найден, когда стали формироваться национальные базовые ценности американцев, такие как свобода, равенство и независимость каждой отдельной личности. Данные категории составляют смыслообразующую основу американского национального самосознания.

Большое внимание в формировании «американской исключительности» уделяется протестантской секте квакеров. Это религиозное объединение характеризовалось веротерпимостью и склонностью к культурному диалогу. Квакеры были движимы духом избранничества, страстной убежденности в том, что они несут добрые вести всему человечеству. Открыв, что храм Божий – весь мир, они возымели стремление доказать, что Господь живет в душе каждого. Их проповедь вселенской божественной любви, открытой всем без исключения людям – богатым и бедным, просвещенным и невежественным, язычникам и христианам, являлась по существу требованием равенства всех людей перед Богом, всемирного братства и взаимопомощи.

Квакерское движение имело оппозиционную направленность по отношению к государству. Члены этой секты выступали с требованиями справедливости и реформ. Власть, действуя совместно с англиканской церковью, не могла терпеть оппозиционность квакеров и принимала ряд

жестоких мер, направленных против них. Их выслали из колоний Конфедерации Новой Англии. В Америке квакеры основали свои колонии (Нью-Джерси, Род-Айленд, Пенсильвания), в которых им удалось создать обстановку религиозной терпимости, сочетающейся со свободным и демократическим характером социальной жизни переселенцев. Неслучайно Пенсильвания того времени была одной из самых многонациональных территорий в Северной Америке.

С. А. Исаев

АМЕРИКАНСКИЕ КОРНИ КОНСТИТУЦИИ США

(Извлечение)

...

Конституцию США в 1787 г. выработывал специально для этого избранный Конституционный Конвент США, заседавший в Филадельфии за закрытыми дверями. Его работа неплохо документирована⁵. Конвент имел полномочия только предложить Конституцию как законопроект, но не вводить ее своей властью в силу⁶. Фактически Конвент свои полномочия несколько превысил: он предложил штатам ратифицировать документ, который сам определял порядок своего вступления в силу. Последнее изменение в текст проекта Конвент внес 17 сентября 1787 г., когда и завершил работу. Именно этот текст, ныне составляющий основную часть Конституции США, был разослан штатам для ратификации.

Однако Конституция была ратифицирована не единодушно. Противникам принятия Конституции создаваемая ею новая федеральная власть представлялась слишком сильной и потому опасной для политических и личных свобод американцев. Правомерность таких опасений признавали и многие сторонники Конституции. Поэтому вскоре после того, как начал работу I Конгресс США (4 апреля 1789 г.), вступил в должность первый президент Джордж Вашингтон (30 апреля) и начался процесс создания федеральных ведомств, — а именно, 8 июня 1789 г. не кто иной как «Отец Конституции» Джеймс Мэдисон внес в Конгресс США проект сразу целых 12 поправок к Конституции США. Этот документ вошел в историю как Билль о правах. 10 поправок из числа предложенных были ратифицированы и вступили в силу 15 декабря 1791 г.

...Гораздо более болезненной была проблема, связанная с тем, что изначально Конституция США устанавливала для избрания президента и

вице-президента США процедуру, которая не принимала в расчет возможность разделения американцев на политические партии. На выборах 1788 и 1792 гг., где президентом единогласно избрали Джорджа Вашингтона, это не создавало проблем. Однако в 1796 г., когда президентом был избран Джон Адамс, вице-президентом стал набравший следующее за ним число голосов Томас Джефферсон — личный друг Адамса, но при этом лидер политической оппозиции. На выборах же 1800 г. соперниками в финале оказались Томас Джефферсон и Аарон Бэрр, собратья по демократическо-республиканской партии, принадлежавшие, однако, к разным ее фракциям, и их противоборство вылилось в затяжной политический кризис. Поэтому накануне следующих выборов была принята и 15 июня 1804 г. вступила в силу XII поправка к Конституции, которая ввела раздельное голосование за президента и вице-президента, дав каждому выборщику возможность проголосовать за двух кандидатов, принадлежащих к одной партии. Правда, даже эта реформа не смогла предотвратить кризисы в тех случаях, когда существовало равновесие голосов между ведущими кандидатами и перевес победителя был незначительным: в 1876 и 2000 гг.

...

Если мы обратимся к текстам «Федералиста» и посмотрим, какие читательские сомнения пытались преодолеть авторы знаменитых эссе, то узнаем, в чем американские современники видели новизну Конституции. Новизну они видели прежде всего в том, что Конституция устанавливала республиканский строй в большом по площади государстве, тогда как, согласно теории Монтескье, республики могли существовать только в небольших городах-государствах. Авторы «Федералиста» уверяли, что «замечательный принцип представительства», изобретенный в Европе, но примененный в США, позволит создать стабильную демократическую республику на территории всей страны. Но уточняли, что новизна эта — лишь кажущаяся. В таких крупных штатах, как Виргиния, Массачусетс и Пенсильвания, еще с колониальных времен существует демократическое устройство, и демократия там давно уже не прямая, а представительная.

...

Таким образом, «средние» американцы, к которым обращались авторы «Федералиста», осознавали свершившиеся политические перемены несколько запоздало и иногда усматривали опасную новизну в том, что на самом деле новым уже не было.

Поэтому гораздо показательнее в этом отношении дебаты между представителями политической элиты за закрытыми дверями Конституционного Конвента. Вот позиции, бывшие предметами долгих и

ожесточенных споров, но, в конечном счете, одобренные и вошедшие в Конституцию США:

1. Демократический федерализм. Это принцип политического устройства, согласно которому в США может вступить в силу только такой закон, за который проголосовали законные представители большей части населения страны, независимо от разделения на штаты.

2. Разделение властей.

3. Бикамерализм.

4. Единоличное президентство.

5. Народ США как субъект, провозглашающий Конституцию от своего имени.

С принятием поправок к Конституции добавились:

6. Права человека как система запретов органам федеральной власти вмешиваться в некоторые сферы жизни общества и отдельных лиц,

7. Политические партии как косвенно признаваемый политический субъект.

Разделение властей как основной принцип политического устройства.

...

К принципу этому революционеры 1776 г. относились двояко. Им нравилось, что он действовал в Англии: именно он гарантировал политические свободы, которые давали немало возможностей оппозиции. В хартиях этот принцип не провозглашался, но проводился в жизнь: отношения между губернатором, легислатурой и судьями выстраивались, обычно следуя английскому образцу. 26 августа 1725 г. король Георг I выдал в дополнение к хартии 1691 г. «Объяснительную хартию Массачусетса» (Explanatory Charter of Massachusetts Bay). Там указано, что легислатура вправе выбирать своего спикера, не спрашивая мнения (королевского) губернатора, а в отсутствие губернатора его функции переходят к спикеру.

...

В Конституции США этот принцип выглядит несколько менее категорично. 1-я ее статья начинается с заявления, что вся законодательная власть вручается Конгрессу США; но 2-я статья вручает исполнительную власть президенту, а 3-я судебную власть Верховному Суду без указания, что это вся исполнительная и вся судебная власть.

...

На деле тотальной изоляции одной ветви власти от других не получилось. Сенат рассматривает кандидатуры ключевых министров, дипломатов и членов Верховного Суда и может их отклонить, а президента подвергнуть импичменту, т. е. обладает некоторой исполнительной и

судебной властью; президент может наложить вето на законопроект и предлагает кандидатуры членов Верховного Суда, т. е. обладает некоторой законодательной и судебной властью; Верховный Суд может аннулировать закон, объявив его противоречащим Конституции, т. е. обладает некоторой законодательной властью. «Разделение властей» означает лишь сосредоточение бóльшей части, но ни в коем случае не всей законодательной власти в руках Конгресса, исполнительной — в руках президента, а судебной — в руках Верховного Суда. Американцы видят в таких отклонениях от «чистого» разделения властей не недостаток, а важное преимущество своей системы: именно эти отклонения делают возможной систему «сдержек и противовесов», когда законодательные полномочия Конгресса ограничиваются и президентским правом вето, и надзором Верховного Суда, и т. д.

Но, может быть, «сдержки и противовесы» отсутствовали в конституции Массачусетса 1780 г., а появились только в федеральной Конституции в 1787 г.? Нет, политическая система Массачусетса по конституции 1780 г. аналогична будущей федеральной: у губернатора есть право вето, а Сенат вправе подвергнуть губернатора импичменту. Тотальная изоляция одной ветви власти от других была чисто декларативной изначально.

...

Как видим, Конституция США была оригинальным сочетанием глубоко традиционных для Америки норм. Переход от представительства территориальных единиц к власти большинства, к разделению властей, к единоличной исполнительной власти и юридическому признанию существования политических партий начался в штатах США задолго до принятия федеральной Конституции. Ограничения власти, связанные с правами человека, имели как минимум вековую давность; они нередко нарушались в годы революции, но были восстановлены в 1791 г. Бикамерализм как таковой новым не был, но в Конституции США была воплощена его принципиально новая для страны разновидность: представительство большинства населения в палате представителей и представительство большинства штатов в Сенате (существовавшее в период действия Статей Конфедерации). Концепция же народа страны как субъекта законоотворчества представлена в Конституции США в сильно усеченном виде по сравнению с Виргинской Декларацией 1776 г.

Как отмечал Мэдисон в письме Томасу Джефферсону от 4 февраля 1790 г., «дух законоотворчества на основании философии (philosophical legislation)» был чужд американцам: аргументы Монтескьё и других политических

писателей скорее украшали дискуссии, чем играли решающую роль в утверждении положений Конституции.

А. А. Ярыгин

СОЗДАНИЕ И ПРИНЯТИЕ КОНСТИТУЦИИ США

В 1787 – 1789 гг.

(Извлечение)

...

Конституция США 1787 г. – одна из самых старейших ныне действующих буржуазных конституций и одна из самых наиболее «жестких»: за двести лет в нее было внесено всего двадцать семь поправок, десять из них были внесены единовременно в 1791 году – так называемый Билль о правах. В противоположность юридической конституции существует, по мнению американских теоретиков, «живая конституция». Другими словами, Конституция 1787 года действует в настоящее время с многочисленными дополнениями в виде судебных прецедентов, законов Конгресса, актов президентов.

...К особенностям английской колонизации следует отнести то, что практически все американские колонии были основаны не правительством, а торговыми компаниями либо частными лицами, которые действовали на основании хартий, дарованных королевской властью. В этих документах закреплялись территориальные границы колоний, а также такие принципы политической власти, как право колоний на самоуправление и на выбор тех политических форм, которые в наибольшей степени способствовали их процветанию. Практически все королевские хартии признавали за переселенцами права и привилегии подданных Британии. Так, еще в 1606 г. в первой из хартий, дарованных Вирджинской торговой компании, подчеркивалось, что «жители колонии и их потомки будут в полной мере пользоваться всеми свободами, привилегиями и правом на личную неприкосновенность, как если бы они проживали и родились в Королевстве Англия или в любом из других наших владений».

Постепенно появлялись ростки нового американского права. Еще в 1629 г. Генеральной ассамблее колонии залива Массачусетс было предоставлено право издавать все виды «полезных и разумных указов, законов, статутов, а также ордонансов, постановлений и предписаний» при условии, что они не будут противоречить английскому праву. В 1641 г. в Массачусетсе был принят первый кодифицированный акт – «Свод свобод». Этот документ содержал

широкий перечень прав и свобод, который не только воспроизводил традиционные «английские вольности» (равенство перед судом, право на суд присяжных, принцип состязательности в уголовном процессе, право на апелляцию судебных решений и т. п.), но и ввел новые нормы, неизвестные праву той эпохи. Новый, расширенный свод законов Массачусетса – «Книга общих законов и прав» – был принят в 1648 г. и в дальнейшем служил образцом для аналогичных «кодификаций» других колоний.

5 сентября 1774 г. в Филадельфии был созван I Континентальный конгресс для формирования общей позиции в борьбе за права колоний. Его участников объединяло стремление как можно скорее разрешить конфликт с метрополией, желательно мирными средствами и с частичным сохранением колониальных форм правления, но при более широких гарантиях прав колонистов. Эта позиция, характерная для первого этапа американской революции, отразилась и на решениях Конгресса. В принятой им Декларации прав указывалось, что американцам должны принадлежать все те привилегии, которые имели британские подданные.

Первый конституционный опыт молодой республики был неудачен. 15 ноября 1777 г. II Континентальным конгрессом было принято решение о конфедеративном принципе организации страны. В качестве основного закона американского государства были одобрены так называемые Статьи Конфедерации. Механизм политической организации конфедерации был несовершенен. Фактически существовал только орган представительства – однопалатный Конгресс конфедерации, в котором каждый из штатов имел от двух до семи представителей и лишь один голос. Сами штаты фактически были независимы в проведении внешней и внутренней политики, что вело к сепаратизму и конфликтам между ними. Несостоятельность Статей Конфедерации стала очевидной практически с первых же дней. Но что-либо изменить Конгресс не мог. Внести дополнения или изменения в Конституцию можно было только с согласия всех штатов, что в условиях острых противоречий между ними было задачей невыполнимой. Недовольство существующей системой росло. Конгресс не способен был обеспечить должную поддержку армии. Штаты отказывались выделять необходимые средства и не выполняли решения Конгресса. Экономические связи между штатами были разрушены. Глубокий экономический и политический кризис ставил под угрозу само существование Соединенных Штатов.

...

«Отцы-основатели» стремились придать Конституции особую устойчивость. С этой целью в нее была включена статья, гласящая: «Конгресс, когда бы ни сочли это необходимым две трети членов обеих палат, может

предлагать поправки к настоящей Конституции или – по ходатайству законодательных собраний двух третей штатов – может собрать конвент для предложения поправок; эти поправки в обоих случаях будут иметь юридическую силу... после их ратификации законодательными собраниями трех четвертей штатов или конвентами в трех четвертях оных в зависимости от того, какую форму ратификации предложит конгресс...».

Таким образом, был закреплен особо сложный, отличавшийся от обычной законодательной процедуры порядок принятия поправок к Конституции, и она была гарантирована от политически скоропалительных текстуальных изменений. Потребовалось еще несколько лет для того, чтобы выработать и принять первые десять поправок к конституции, обеспечивающих буржуазно демократические права граждан США, такие, как свобода слова, печати, собраний, защита от произвольного ареста и ряд других.

...

Основой будущей конституции США стали идеи и теории европейских просветителей XVII–XVIII вв. Однако сильной стороной конституции 1787 г. является умелое применение американской политической реальности конца XVIII в. и социально-экономической, а также политической реальности, сложившейся в молодом американском государстве в конце XVIII в. Сбросившие колониальную власть американские колонии не пошли по пути слепого копирования английских конституционных норм. Однако они удачно сохранили принцип вертикального построения власти.

С другой стороны, опыт войны за независимость, инициатива народных масс нашли свое отражение в противовесе исполнительной власти со стороны законодательных органов в лице законодательной и судебной власти. Конечно, в конце XVIII в. трудно было бы представить прямой демократический характер практического применения конституции. Она не была совершенной, двухступенчатые выборы президента, цензовые ограничения при выборах главы исполнительной власти и конгрессменов придавали конституции консервативный характер и на первых порах ограничивали политические права широких слоев трудящегося населения. Однако в самой конституции заложены механизмы самосовершенствования и расширения демократических свобод. Уже в середине XIX в. политические права избирать и быть избранными получает все белое население, а после гражданской войны и черное. В XX в. признаются политические права женщин, индейцев и национальных меньшинств. ...

ВОЙНА ЗА НЕЗАВИСИМОСТЬ США – ИСТОРИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

(Извлечение)

1. Первый этап — от первых сражений до победы у Саратоги (1775—1777 гг.)

Первый этап Войны за Независимость чётко очерчен 1775—1777 гг. За это время повстанцы совершили важный внешнеполитический прорыв, найдя разностороннюю поддержку как раз среди тех государств, на помощь которых ранее рассчитывала Великобритания, и добившись официального дипломатического признания на международной арене. Кроме того, на их стороне оказалось массовое общественное мнение большинства европейских стран, где всё большую популярность обретали идеи антимонархизма.

В военном отношении основные боевые действия локализовались в пределах «прямоугольника» Монреаль — Квебек — долина Коннектикута — Филадельфия. Внутри него каждая из противоборствовавших сторон пыталась решить ту геостратегическую задачу, которая в начале войны представлялась ей ключевой и обещающей быструю победу:

- американцы — занять и удержать Канаду;
- британцы — отрезать от остальных колоний и ликвидировать главный очаг восстания — Новую Англию.

...

Военно-географическое положение Новой Англии на начало войны было крайне уязвимым. С северо-запада неприятель нацелился на неё из Канады. На побережье Атлантики сильный британский гарнизон удерживал Бостон. Это означало, что она находится под угрозой сходящегося удара, которую следовало как можно быстрее ликвидировать.

В мае 1775 г. ополчения Коннектикута и Массачусетса (полковники Э. Аллен и Б. Арнольд) вторглись на канадскую территорию, захватив пограничные форты Текондерога и Краун-Пойнт. Не ожидавшие такой решительности англичане упустили инициативу, и в сентябре в наступление на Канаду двинулись уже три колонны Континентальной армии:

- от Текондерога на Монреаль (генерал Ф. Шайлер);
- от Уайт-Маунтинс к среднему течению реки Святого Лаврентия (генерал Р. Монтгомери);

– от Бостона на север по морскому побережью, а затем по суше через долину реки Сент-Джон к низовьям реки Святого Лаврентия (полковник Б. Арнольд).

...Английский гарнизон Бостона создавал угрозу и столь важным центрам восстания, как Филадельфия и Нью-Йорк, и тылу наступавших в Канаде американских войск. Получив в мае подкрепление в 6,5 тыс. солдат, он обрёл серьёзный численный перевес над осаждавшим город корпусом Вашингтона. Это подвинуло генерала Гэйджа на прорыв блокады, который 17 июня 1775 г. обернулся для него поражением у Банкер-Хилл. И хотя Вашингтон, по-прежнему уступал неприятелю в численности, укрывшиеся в Бостоне англичане не решались на новое полевое сражение.

...

Битва у Саратоги подвела итог первому этапу Войны за Независимость. Его территориально-политические итоги выглядели следующим образом:

– США убедительно доказали состоятельность в защите собственного суверенитета и сохранили своё военно-политическое единство;

– они полностью сорвали попытку Великобритании одержать победу в боях за основной оплот восстания — Новую Англию;

– им удалось добиться дипломатического признания со стороны Франции — одной из ведущих мировых держав XVIII столетия и снискать симпатии на международной арене.

II. Второй этап (1778—1783 гг.) и территориально-политические итоги Войны за Независимость.

Победа под Саратогой консолидировала антибританские силы. В феврале 1778 г. Франция заключила с США договор «О дружбе и союзе». Он предусматривал: взаимный обмен вооружениями, материалами и продукцией военного назначения, французские порты открывались для базирования американских каперов. Логическим развитием этой договорённости стало вступление Франции в войну 5 мая 1778 г. По предварительной договорённости, ей, в случае победы, возвращалась Канада; США должны были получить «Страну Огайо».

...

Летом 1778 г. в широкой полосе от Онтарио до Огайо началось вторжение ирокезов, полностью опустошивших запад и центр штатов Пенсильвания и Нью-Йорк. Это был отвлекающий удар, предназначенный для того, чтобы сорвать возможность нового наступления американцев на Канаду, сковать часть их сил на дальнем пограничье и отвлечь от основной операции, которая вскоре развернулась на ином фронте: к началу осени началась массированная высадка британских войск на побережье Джорджии и обеих

Каролин, где сразу же вспыхнули лоялистские мятежи. Стало очевидным, что главным эпицентром боевых действий теперь станет Юг.

Т. о., новая британская доктрина ведения кампании предусматривала захват и создание с помощью лояльной короне части местного населения надёжного плацдарма в южных штатах. Затем планировалось два варианта развития событий:

– наступление с Юга на радикально настроенный Север, его полный разгром и восстановления власти Лондона над всеми штатами;

– удержание Джорджии, Южной, Северной Каролин, и, по возможности — Вирджинии с последующим заключением мира на условии их отторжения от США. Этот вариант был для Великобритании, безусловно, менее желательным. Но он позволял ей не только сохранить за собой наиболее богатые из северо-американских колоний, но и создать с их помощью (вместе с Канадой) ситуацию стратегического окружения Соединённых Штатов для последующего реванша.

...

Несмотря на новые успехи англичан, круг их противников продолжал расширяться. Стремясь изолировать американских повстанцев от мирового сообщества, разорвать их связи с «третьими» странами, Великобритания ввела режим досмотра следовавших в Северную Америку судов нейтральных государств и практику их ареста по одному лишь подозрению в поставках грузов военного назначения. Т. о., игнорируя международное морское право, она попыталась установить беспрецедентный режим своей гегемонии в открытых водах. Разностороннее ущемление прав невоюющих стран было столь очевидным, что их ответные меры не заставили себя ждать.

В феврале 1780 г. Россия выступила с инициативой создания направленной против «морского тирана» Лиги вооружённого нейтралитета. Её целью являлась защита прав нейтральных государств вести торговлю с любой из воюющих стран силой оружия. В неё вступили Дания, Швеция, Нидерланды, Пруссия, Австрия, Португалия, королевство Обеих Сицилий — почти все сколь-нибудь значимые европейские страны. Вокруг Лондона, де-факто, замкнулся круг международной изоляции. Каждый из участников Лиги балансировал на грани конфликта с Великобританией. Доказательством тому стало вступление в войну летом 1780 г. на стороне США Нидерландов. И хотя голландцы быстро потерпели поражение, это не исключало перспективы пополнения франко-американского союза новыми членами.

...

К октябрю 1781 г. основные боевые действия Войны за Независимость, фактически, завершились. Осаждённые в Йорктауне Корнуоллис с 8 тыс.

человек капитулировал. Великобритания лишилась своей главной ударной группировки в Северной Америке. Снова были разгромлены опустошавшие Вирджинию ирокезы. Метрополия более не имела возможности для продолжения борьбы. В конце октября британский парламент проголосовал за начало мирных переговоров.

...

На окончательное завершение Войны за Независимость потребовалось ещё два года, в течение которых участники конфликта старались посредством дипломатических мер обеспечить свои региональные территориально-политические интересы в новой, сложившейся по итогам кампании, обстановке.

Тайные переговоры о заключении мира между Великобританией и США начались в марте 1782 г. Их секретность была обусловлена тем, что американская сторона действовала вразрез с изначальными обязательствами перед Францией о неведении сепаратных договорённостей с противником. Их нарушение диктовалось следующими причинами:

- США, заставив бывшую метрополию склониться к переговорам о признании своей независимости, решали для себя узловой вопрос произошедшего конфликта. Франция продолжала стремиться к полному разгрому Великобритании, её низведению в ранг второстепенных государств, что было заведомо невозможно;

- фактором, вызвавшим озабоченность американцев, стало поведение их французских союзников. Вопреки военной необходимости, они в 1782 г. довели численность своих сил на территории США до 10 тыс. человек. Их командование не только требовало всё большие объёмы снабжения экспедиционного корпуса, но и позволяло себе вмешиваться в дела местных властей.

Тема 7. РЕВОЛЮЦИЯ XVIII ВЕКА ВО ФРАНЦИИ

Вопросы к практическому занятию

1. Кризис «старого порядка» во Франции в конце XVIII века.
2. Декларация прав человека и гражданина, ее историческое значение.
3. Анализ Конституции 3 сентября 1791 г.
4. Основные вопросы политического противостояния жирондистов, якобинцев и «болота» в Конвенте. Проект Декларации прав и Конституция жирондистов.
5. Социальная основа якобинства и структура власти. Конституция 24 июня 1793 г.
6. Якобинский террор: причины, социальная направленность.
7. Политика термидорианского Конвента и Директории. Бабёф и «заговор равных».
8. 18 брюмера Наполеона Бонапарта.
9. Актуальные проблемы революции в отечественной и зарубежной историографии.

Источники

Э. Берк

РАЗМЫШЛЕНИЯ О РЕВОЛЮЦИИ ВО ФРАНЦИИ И ЗАСЕДАНИЯХ НЕКОТОРЫХ ОБЩЕСТВ В ЛОНДОНЕ, ОТНОСЯЩИХСЯ К ЭТОМУ СОБЫТИЮ

(Извлечение)

«Франция, действительно, слаба, разорвана на части и в смятении," - писал он (Э.Берк) в январе 1791 года, - «но один Бог знает, не случится ли так в час испытания, что посягнувшим на нее придется не просто поддерживать одну из партий, а вступить в войну с целым государством».

«... родившись в Дублине в 1729 году, он (Э.Берк) с самого начала поставил свои способности на службу сильным мира сего и оставался верным, без подобострастия, той группировке, которую он избрал. Написанное им по

поводу событий в Америке не носило революционного характера: это была скорее попытка предотвратить развитие и обострение революционной ситуации. Американскую революцию, в отличие от Французской, он, действительно, никогда не осуждал, но, в конце концов, отделение нескольких колоний нельзя сравнивать с ниспровержением существующего строя в крупном государстве, пусть даже оба эти события и называются "революцией". Цитируемый выше письма Берка второй половины 1789 года показывают, что с самого начала он отнесся к Французской революции неодобрительно, даже до того еще, как встал вопрос о том, чтобы начать публичную кампанию против нее. Даже принимая во внимание необычайный дар политического предвидения, которым обладал Берк, трудно рассматривать его нападки на Французскую революцию - еще в первой половине 1790 года - как верный путь выслужиться. В 1790 году Французская революция большинству англичан еще не казалась опасной. Тогда создавалось впечатление, что Франция успокаивается. Ближе к концу 1789 года сам Берк получил известие о том, что "жар начинает спадать". Период с момента отправки короля в Париж (октябрь 1789 года) до его попытки к бегству (июнь 1791 года) - один из самых спокойных в ходе революции: "первые волнения" окончились; идет процесс создания конституции, причем очень много говорится о примере Англии; главные события, которым предстояло стать "ужасами революции": сентябрьская бойня, казнь короля и королевы, царство террора - все они были в будущем».

«Вполне естественно, что диссиденты - и также умеренные английские протестанты вообще - приветствовали Французскую революцию на первых ее этапах, ибо видели в ней ниспровержение папизма. Самым первым достижением, за которое доктор Прайс благодарен революции, было "распространение знаний, подорвавшее предрассудки и заблуждения". Большинство англичан того времени, независимо от того, были они диссидентами или нет, должно быть, разделяли это мнение, так как оно было высказано в контексте, который непременно предполагал, что речь идет о "предрассудках и заблуждениях", свойственных римско-католической церкви».

ДЕКРЕТ О ПОДАВЛЕНИИ БЕСПОРЯДКОВ ОТ 10 АВГУСТА 1789 г.

(Извлечение)

Национальное собрание постановляет: что все муниципалитеты королевства, как городские, так и сельские, обязаны наблюдать за сохранением общественного спокойствия и что по их требованию войска придут на помощь национальной милиции и полиции для преследования и ареста всех нарушителей общественного спокойствия; что арестованные лица будут отправлены в суды, немедленно допрошены и преданы суду; что по требованию муниципалитетов, национальная милиция, полиция и войска будут разгонять все мятежные сборища как в городах, так и в селах.

ДЕКРЕТ УЧРЕДИТЕЛЬНОГО СОБРАНИЯ ОБ УНИЧТОЖЕНИИ ФЕОДАЛЬНЫХ ПРАВ И ПРИВИЛЕГИЙ ОТ 11 АВГУСТА 1789 г.

(Извлечение)

Статья I

Национальное Собрание окончательно упраздняет феодальный порядок. Оно постановляет, что из прав и повинностей феодальных и чиншевых, те, которые относятся к личному или вещному крепостному праву, отменяются без вознаграждения; все прочие объявляются подлежащими выкупу. Размеры и способ выкупа будут определены Национальным Собранием. Те из названных повинностей, которые не уничтожены настоящим декретом, будут продолжать взиматься впредь до выкупа.

Статья II

Исключительное право иметь малые и большие голубятни — упраздняется. Голуби будут заперты в голубятнях в течение времени, определенного общинами; в течение этого времени они будут рассматриваться как дичь, и всякий будет иметь право убивать их на своей земле.

Статья III

Исключительное право охоты и разведения кроликов упраздняется равным образом. Всякий собственник будет иметь право уничтожать, но только на своих владениях, всякий вид дичи, сообразуясь с полицейскими правилами, которые могут быть сделаны для охранения общественной безопасности.

Статья IV

Все сеньориальные суды упраздняются без вознаграждения; однако чины этих судов будут отправлять свои обязанности, пока Национальное Собрание не установит нового судебного порядка.

Статья V

Всякого рода десятины и заменяющие их оброки... упраздняются, с тем, что будет впоследствии решено, каким образом удовлетворить нуждам богослужения, содержания церковнослужителей, помощи бедным, ремонта и перестройки церквей, церковных домов и всех учреждений, семинарий, школ, коллегий, госпиталей, общин и т. д., на содержание которых в настоящее время эти десятины назначаются. Однако пока эти меры не будут приняты, и прежние владельцы десятин не вступят в пользование тем, чем они будут заменены, Национальное Собрание предписывает, чтобы названные десятины продолжали взиматься согласно законам и обычным способом.

Что касается прочих десятин какого бы то ни было рода, они будут подлежать выкупу способом, который будет установлен Собранием. До вынесения по этому поводу постановления, Национальное Собрание предписывает продолжать их взимание.

Статья VI

Всякие вечные земельные ренты, всякого рода и происхождения, как натуральные, так и денежные, кому бы они ни принадлежали..., подлежат выкупу. Шампар всякого рода, под каким бы названием он ни скрывался, также подлежит выкупу по таксе, которая будет установлена Собранием.

Статья VII

Продажность должностей, как судебных, так и муниципальных, уничтожается немедленно. Правосудие будет бесплатным. Однако чиновники, занимающие эти должности, будут продолжать отправлять свои обязанности и будут получать свои доходы от этих должностей до тех пор, пока Собрание не позаботится о средствах для их выкупа.

Статья VIII

Плата за требы сельским священникам будет уничтожена и не будет уплачиваться, как только будет проведено увеличение жалованья приходским священникам и их помощникам. Будет сделано постановление об обеспечении городских священников.

Статья IX

В области налогов будут навсегда уничтожены денежные, личные и земельные привилегии. Налоги будут взиматься со всех граждан и всего

имущества одинаковым образом и в одинаковой форме. Национальное Собрание обсудит, каким образом, начиная уже со второго полугодия текущего фискального года, осуществить пропорциональное распределение налогов.

Статья X

Так как национальная конституция и общественная свобода более выгодны для провинций, чем привилегии, которыми некоторые из них пользовались и пожертвовать которыми необходимо для тесного единения всех частей государства, — бесповоротно уничтожаются частные привилегии провинций, сеньорий, областей, городов и общин, как денежные, так и всякие иные.

Статья XI

Все граждане, без различия происхождения, могут быть допущены ко всем должностям и званиям духовным, гражданским и военным, и никакая полезная профессия не будет влечь за собой лишения дворянского звания.

Статья XV

По получении Национальным Собранием отчета о состоянии пенсий, пожалований и содержаний, оно, в согласии с королем, займется уничтожением тех, которые не были заслужены, и сокращением чрезмерных, с тем, чтобы на будущее время установить сумму, которой король может располагать на этот предмет.

Статья XVI

Национальное Собрание постановляет, чтобы в память о великих и важных постановлениях, только что принятых для счастья Франции, была выбита медаль и отслужен благодарственный молебен во всех приходах и церквах королевства.

Статья XVII

Национальное Собрание торжественно провозглашает короля Людовика XVI “восстановителем французской свободы”.

Статья XIX

Национальное Собрание, немедленно по окончании конституции, займется составлением законов, необходимых для развития выраженных в настоящем постановлении принципов.

ДЕКЛАРАЦИЯ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНИНА
ОТ 26 АВГУСТА 1789 г.
(Извлечение)

Представители французского народа, образовав Национальное собрание и полагая, что невежество, забвение прав человека и пренебрежение к ним являются единственными причинами общественных бедствий и пороков правительства, приняли решение изложить в торжественной декларации естественные, неотъемлемые и священные права человека, чтобы такая декларация, неизменно пребывая перед взорами всех членов общественного союза, постоянно напоминала им их права и обязанности; чтобы действия законодательной и исполнительной властей при возможном сопоставлении в любой момент с целями каждого политического учреждения встречали большее уважение; чтобы притязания граждан, основанные отныне на простых и непререкаемых началах, устремлялись к соблюдению конституции и к всеобщему благополучию. Вследствие этого Национальное собрание подтверждает и провозглашает перед лицом высшего существа и с его благоволения следующие права человека и гражданина:

1. Люди рождаются и остаются свободными и равными в правах. Общественные отличия могут основываться лишь на соображениях общей пользы.

2. Цель каждого политического союза составляет обеспечение естественных и неотъемлемых прав человека. Таковы свобода, собственность, безопасность и сопротивление угнетению.

3. Источник суверенитета зиждется по существу в нации. Никакая корпорация, ни один индивид не могут располагать властью, которая не исходит явно из этого источника.

4. Свобода состоит в возможности делать все, что не приносит вреда другому. Таким образом, осуществление естественных прав человека имеет лишь те границы, которые обеспечивают прочим членам общества пользование теми же самыми правами. Границы эти могут быть определены только законом.

5. Закон может воспрещать лишь деяния, вредные для общества. Все же, что не воспрещено законом, то дозволено, и никто не может быть принужден к действию, не предписываемому законом.

6. Закон есть выражение общей воли. Все граждане имеют право участвовать лично или через своих представителей в его образовании. Он должен быть равным для всех как в тех случаях, когда он оказывает свое покровительство, так и в тех, когда он карает. Всем гражданам ввиду их

равенства перед законом открыт в равной мере доступ ко всем общественным должностям, местам и службам сообразно их способностям и без каких-либо иных различий, кроме обуславливаемых их добродетелями и способностями.

7. Никто не может подвергнуться обвинению, задержанию или заключению иначе, как в случаях, предусмотренных законом, и при соблюдении форм, предписанных законом. Тот, кто испросит, издаст произвольный приказ, приведет его в исполнение или прикажет его выполнить, подлежит наказанию; но каждый гражданин, вызванный или задержанный в силу закона, должен беспрекословно повиноваться: в случае сопротивления он подлежит ответственности.

8. Закон может устанавливать наказания, лишь строго и бесспорно необходимые, и никто не может быть наказан иначе, как в силу закона, надлежаще примененного, изданного и обнародованного до совершения правонарушения.

9. Так как каждый предполагается невиновным, пока не установлено обратное, то в случае задержания лица всякая излишняя строгость, не вызываемая необходимостью в целях обеспечения его задержания, должна сурово караться законом.

10. Никто не должен испытывать стеснений в выражении своих мнений, даже религиозных, поскольку это выражение не нарушает общественного порядка, установленного законом.

11. Свободное выражение мыслей и мнений есть одно из драгоценнейших прав человека; каждый гражданин поэтому может высказываться, писать и печатать свободно, под угрозой ответственности лишь за злоупотребление этой свободой в случаях, предусмотренных законом.

12. Обеспечение прав человека и гражданина влечет необходимость применения вооруженной силы; эта сила, следовательно, установлена в интересах всех, а не в частных интересах тех, кому она вверена.

13. На содержание вооруженной силы и на расходы по содержанию администрации необходимы общие взносы; они должны распределяться равномерно между всеми гражданами сообразно их состоянию.

14. Все граждане имеют право устанавливать сами или через своих представителей необходимость государственного обложения, свободно давать согласие на его взимание, следить за его расходом и определять его долевого размер, основание, порядок и продолжительность взимания.

15. Общество имеет право требовать отчета у каждого должностного лица по вверенной ему части управления.

16. Любое общество, в котором не обеспечено пользование правами и не проведено разделение властей, не имеет конституции.

17. Так как собственность есть право неприкосновенное и священное, то никто не может быть лишен ее иначе, как в случае установленной законом несомненной общественной необходимости; и при условии справедливого и предварительного возмещения.

ДЕКРЕТ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО СОБРАНИЯ О СОЗЫВЕ НАЦИОНАЛЬНОГО КОНВЕНТА ОТ 10 АВГУСТА 1792 г.

(Извлечение)

Национальное собрание, принимая во внимание, что опасность, грозящая отечеству, дошла до крайних пределов; что священнейшим долгом Законодательного корпуса является употребление всех средств к спасению отечества; что невозможно найти действительные средства к спасению отечества до тех пор, пока не заставят иссякнуть источник зла; принимая во внимание, что это зло проистекает главным образом из недоверия, которое внушило поведение главы исполнительной власти во время войны, предпринятой от его имени против конституции и национальной независимости постановляет следующее:

1. Французский народ призывает избрать Национальный конвент; специально избранная комиссия представит завтра проект с указанием способа и времени созыва сего конвента.

2. До тех пор, пока Национальный конвент не выскажется по поводу мер, которые необходимо принять для охранения суверенитета народа, царства свободы и равенства, глава исполнительной власти временно отстраняется от своих обязанностей.

5. Выплата по цивильному листу будет приостановлена до решения Национального конвента.

ДЕКРЕТ ОБ УНИЧТОЖЕНИИ ОСТАТКОВ ФЕОДАЛЬНОГО РЕЖИМА 25 АВГУСТА 1792 г.

(Извлечение)

Национальное собрание, принимая во внимание, что, хотя феодальный режим и уничтожен, но последствия его все же продолжают существовать, и что ничто не является более настоящим, чем заставить исчезнуть во Франции обломки крепостной зависимости, постановляет следующее:

Статья 1. Все последствия, вытекающие из правила "Нет земли без сеньора", из чересполосности владения, из статутов, обычаев и правил, как

общего, так и частного характера, тесно связанных с феодализмом, признаются как бы не существующими.

Статья 2. Всякая поземельная собственность считается свободной от всяких прав, как феодальных, так и чиншевых, до тех пор, пока лица, претендующие на означенные права, не докажут противного в порядке, установленном ниже.

Статья 4. Все акты об освобождении от поземельной и смешанной крепостной зависимости и все акты, им равнозначащие, - отменяются и аннулируются. Все установленные этими актами платежи, десятины и прочие обязательства отменяются без всякого вознаграждения.

Статья 5. Все вообще сеньориальные права, как феодальные, так и чиншевые, сохраненные предшествующими законами в силе или объявленные ими подлежащими выкупу, каковы бы ни были их сущность и наименование, в том числе и те, которые могли быть пропущены в вышеназванных законах или в настоящем декрете, а равно и все платежи, уплаты натурой и другие обязательства, вытекающие из этих прав, отменяются без всякого вознаграждения, если только не будет доказано, что они имеют своим источником первоначальную уступку недвижимости.

Статья 17. Настоящий декрет не распространяется на ренты, натуральные подати и всякие другие повинности, не связанные с феодальными правами и подлежащие уплате частными лицами частным же лицам, не являющимся сеньорами или владельцами ленов.

Статья 20. Все предыдущие законы, противоречащие в чем-либо постановлениям настоящего декрета, объявляются уничтоженными.

ПОСТАНОВЛЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНОГО КОНВЕНТА

ОТ 21 СЕНТЯБРЯ 1792 г.

(Извлечение)

А) Национальный конвент постановляет:

1. Не должно существовать иной конституции, кроме той, которая будет принята народом.

2. Личность и собственность находятся под охраной французского народа.

Б) Национальный конвент объявляет, что неотмененные законы временно остаются в силе и лица, не отрешенные от должности, остаются при исполнении своих обязанностей.

Национальный конвент объявляет, что налоги, ныне существующие, будут взиматься по-прежнему.

Национальный конвент постановляет, что монархия во Франции отменяется.

**ДЕКРЕТ О ЕДИНСТВЕ И НЕДЕЛИМОСТИ ФРАНЦУЗСКОЙ
РЕСПУБЛИКИ ОТ 25 СЕНТЯБРЯ 1792 г.**

(Извлечение)

Национальный конвент объявляет, что Французская Республика едина и неделима.

**ДЕКРЕТ КОНВЕНТА, УСТАНОВЛИВАЮЩИЙ СМЕРТНУЮ КАЗНЬ
ВСЯКОМУ, КТО ПРЕДЛОЖИТ ВОССТАНОВЛЕНИЕ
КОРОЛЕВСКОЙ ВЛАСТИ ОТ 4 ДЕКАБРЯ 1792 г.**

(Извлечение)

Конвент декретирует образование Комитета общественной безопасности, состоящего из 30 членов.

ДЕКРЕТ КОНВЕНТА ОТ 10 МАРТА 1793 г.

(Извлечение)

Национальный конвент декретирует, что всякий, кто предложит или попытается установить во Франции королевскую власть или какую-нибудь иную власть, посягающую на народный суверенитет, под каким бы то ни было названием, карается смертью.

**ДЕКРЕТ КОНВЕНТА О ЗАЩИТЕ СОБСТВЕННОСТИ
ОТ 18 МАРТА 1793 г.**

(Извлечение)

Глава I

Об учреждении способе организации Чрезвычайного уголовного трибунала

1. В Париже учреждается Чрезвычайный уголовный трибунал, ведению которого подлежат все контрреволюционные акты, все преступления против свободы, равенства, единства и неделимости Республики, против внутренней и внешней безопасности Государства, а также все заговоры, направленные на восстановление королевской власти или какого-либо другого правительства, подрывающего свободу, равенство и народный суверенитет, вне зависимости от того, будут ли обвиняемые гражданскими или военными служащими или простыми гражданами.

2. Трибунал состоит из присяжных и из 5 судей, которые должны руководить расследованием и применять закон на основании приговоров, вынесенных присяжными по существу дела.

3. Для вынесения приговора число присутствующих судей должно быть не менее трех.

5. Судьи назначаются Национальным конвентом относительным большинством голосов.

6. При трибунале учреждается должность общественного обвинителя и 2 его помощников или заместителей, которые назначаются Национальным конвентом тем же способом, как и судьи.

11. Обвиняемые, которые хотят сделать отвод одного или нескольких судей, должны изложить мотивы отвода в одном и том же акте.

12. Присяжные голосуют и оглашают свое решение публично, вслух, на основании абсолютного большинства голосов.

13. Приговоры вступают в силу без права обжалования их в порядке апелляции или кассации.

Глава II. О наказаниях

1. Судьи Чрезвычайного трибунала применяют к осужденным наказания, установленные уголовным кодексом и последующими законами.

2. Имущество приговоренных к смертной казни передается Республике: оно должно служить средством пропитания для вдов и детей, не имеющих никакого другого имущества.

3. Лица, уличенные в преступлениях и проступках, не предусмотренных уголовным кодексом и последующими законами, которые своим антигражданским поведением и пребыванием на территории Республики вызвали общественные смуты и беспорядки, подлежат высылке.

ДЕКРЕТ НАЦИОНАЛЬНОГО КОНВЕНТА, УТВЕРЖДАЮЩИЙ НАБЛЮДАТЕЛЬНЫЕ КОМИТЕТЫ ОТ 21 МАРТА 1793 г.

(Извлечение)

Национальный конвент устанавливает смертную казнь всякому, кто предложит аграрный закон или какой-либо другой, ниспровергающий земельную, торговую или промышленную собственность.

КОНСТИТУЦИЯ 1793 г.

(Извлечение)

Раздел I

В каждой коммуне Республики и в каждой секции коммун, разделенных на таковые, должен быть организован Комитет состоящий из 12 граждан.

2. Члены этого Комитета не могут быть выбраны ни из среды духовенства, ни из среды бывших дворян или бывших сеньоров данной местности или служащих этих бывших сеньоров; они избираются путем голосования и на основании относительного большинства голосов.

4. Комитет коммуны или каждый из ее секционных Комитетов обязан принимать в своем округе заявления от всех иностранцев, живущих в данное время в коммуне или могущих туда прибыть после издания этого декрета.

9. Иностранцы, не имеющие во Франции никакой собственности или не занимающиеся какой-либо полезной профессией, обязаны под угрозой указанных кар, кроме представления удостоверения от 6 граждан, внести залог в размере половины своего наличного имущества.

Раздел II

Всякий гражданин или сын его, достигший 18 лет и выше, обязан удостоверить перед Генеральным Советом коммуны или Комитетом 12-ти в секции:

- 1) место своего рождения;
- 2) средстве существования;
- 3) выполнение своих гражданских обязанностей; после этого по удостоверении 4 граждан, проживающих не менее года в этой коммуне или в одной из секций коммуны, разделенной на таковые, ему выдается новая гражданская карточка.

КОНСТИТУЦИЯ 1793 г.

(Извлечение)

О республике

1. Французская республика едина и неделима.

О верховенстве народа

7. Суверенный народ есть совокупность всех французских граждан.

8. Народ непосредственно избирает представителей.

9. Он поручает выборщикам избрание органов управления, общественных третейских посредников, судей, уголовных и гражданских.

10. Народ обсуждает и постановляет законы.

О первичных собраниях

11. Первичные собрания образуются в составе граждан, имеющих местожительство в течение шести месяцев в данном кантоне.

12. Первичные собрания образуются в составе не менее 200 и не свыше 600 граждан, призванных участвовать в голосовании.

19. Голосование законов производится словами да или нет.

О собраниях выборщиков

37. Граждане, явившиеся на первичные собрания, выбирают одного выборщика на каждые 200 граждан наличных или отсутствующих: они выбирают двух на каждые 301-400; трех на каждые 501-600.

О законодательном корпусе

39. Законодательный корпус един, неделим и действует постоянно.

40. Его сессия длится один год.

О функциях законодательного корпуса

53. Законодательный корпус предлагает законы и издает декреты.

54. Общим названием законов обозначаются акты законодательного корпуса, имеющие своим предметом: гражданское и уголовное законодательство; общее заведование текущими доходами и расходами республики; национальные недвижимые имущества; пробу, вес, чекан и наименование монет; род, размер и порядок взимания налогов; объявление войны; каждое новое общее деление французской территории; народное просвещение; государственные чествования памяти великих людей.

55. Особым названием декрета обозначаются акты законодательного корпуса, имеющие предметом: ежегодный контингент сухопутных и морских сил; разрешение и воспреещение прохода иностранных войск по французской территории; ввод иностранных морских сил в порты республики; мероприятия по охране общественной безопасности и спокойствия; ежегодное и текущее распределение пособий и общественных работ, мероприятия по изготовлению

всех видов денежных знаков; непредвиденные и чрезвычайные расходы; местные и частные мероприятия по отдельным предметам управления, по отдельным коммунам, по отдельным родам общественных работ; защиту территории; ратификацию договоров; назначение и смещение главнокомандующих армий; возбуждение преследования против членов исполнительного совета и государственных должностных лиц; обвинение подозреваемых в организации заговора против общей безопасности республики; всякое изменение в распределении французской территории по административным делениям; национальные награды.

Об исполнительном совете

62. Исполнительный совет образуется в составе двадцати четырех членов.

63. Собрание выборщиков каждого департамента выбирает одного кандидата. Законодательный корпус выбирает членов совета по общему списку.

64. Исполнительный совет обновляется наполовину в последние месяцы сессии каждого законодательного периода.

65. На исполнительный совет возлагается руководство общим управлением и наблюдением за ним; он может действовать лишь во исполнение законов и декретов законодательного корпуса.

66. Исполнительный совет назначает начальников общего управления республики из числа лиц, не входящих в его состав.

67. Законодательный корпус определяет число и обязанности этих агентов.

68. Эти агенты отнюдь не образуют совета; они действуют отдельно и не связаны между собой непосредственно; они не пользуются никакой личной властью.

69. Исполнительный совет назначает агентов внешних сношений республики из числа лиц, не входящих в его состав.

70. Исполнительный совет ведет предварительные переговоры о заключении международных соглашений.

71. В случае совершения преступления по должности обвинение против членов исполнительного совета возбуждается законодательным корпусом.

72. Исполнительный совет ответственен в случае неисполнения законов и декретов, а также в случае недонесения о злоупотреблениях.

73. Исполнительный совет смещает и замещает назначаемые им исполнительные органы.

74. Исполнительный совет обязан доносить на них, в случае необходимости, органам судебной власти.

Об отношениях исполнительного совета и законодательного корпуса

75. Исполнительный совет заседает при законодательном корпусе; он имеет право присутствовать и занимать особое место в помещении для заседаний последнего.

76. Исполнительный совет должен быть выслушан всякий раз, когда ему необходимо дать отчет.

77. Законодательный корпус приглашает исполнительный совет на свое заседание в целом составе или частично, когда сочтет это необходимым.

О гражданском правосудии

85. Кодекс гражданских и уголовных законов един для всей республики.

Об уголовном правосудии

96. В делах уголовных ни один гражданин не может быть судим иначе, как по обвинению, сформулированному присяжными или декретированному законодательным корпусом. Обвиняемые имеют защитников, избираемых ими самими или назначаемых им. Следствие, ведется публично. Фактический состав деяния и виновность устанавливаются присяжными.

Наказание определяется уголовным трибуналом.

97. Уголовные судьи выбираются ежегодно собраниями выборщиков.

О кассационном суде

98. Для всей республики имеется единый кассационный суд.

О вооруженных силах республики

107. Общие вооруженные силы республики состоят из народа в целом.

108. Республика содержит на жаловании, даже во время мира, вооруженные силы, сухопутные и морские.

109. Все французы - солдаты: они обучаются владеть оружием.

112. Вооруженные силы, направленные на поддержание внутреннего порядка и мира, действуют не иначе, как по письменному приказу установленного начальства.

114. Ни одна вооруженная часть не может заниматься обсуждением и решением вопросов.

О сношениях французской республики с зарубежными народами

118. Французский народ есть друг и естественный союзник свободных народов.

119. Французский народ отнюдь не вмешивается в управление других народов; он не потерпит также, чтобы другие народы вмешивались в его дела.

О гарантии прав

122. Конституция гарантирует каждому французу равенство, свободу, безопасность, собственность, платежи по государственным займам, свободное

отправление религиозных обрядов, всеобщее образование, государственное обеспечение, неограниченную свободу печати, право петиций, право объединения в народные общества пользование всеми правами человека.

ДЕКРЕТ НАЦИОНАЛЬНОГО КОНВЕНТА ОБ ОРГАНИЗАЦИИ ВРЕМЕННОГО ПОРЯДКА УПРАВЛЕНИЯ ОТ 4 ДЕКАБРЯ 1793 г.

(Извлечение)

Раздел II

Исполнение законов

1. Национальный конвент является единственным центральным органом правительственной власти.

2. Все учреждения и должностные лица подчиняются непосредственному надзору Комитета общественного спасения по всем вопросам управления и общественного спасения, что касается отдельных лиц и мер общей и внутренней полиции, то этот надзор принадлежит Комитету общей безопасности при Конвенте. Эти два Комитета обязаны в конце каждого месяца представлять в Национальный конвент отчет о результатах своей деятельности. Каждый член этих двух Комитетов несет личную ответственность за выполнение этой обязанности.

4. Постоянный надзор за исполнением военных, административных, гражданских и уголовных законов поручается Исполнительному совету, который обязан каждые 10 дней представлять письменный отчет Комитету общественного спасения.

8. Проведение революционных законов и мер общественной безопасности и общественного спасения поручается муниципалитетам и наблюдательным или революционным комитетам.

Шарлотта Робеспьер

ВОСПОМИНАНИЯ

(Извлечение)

«В Вильфранше, небольшом городке, в котором у меня есть дом и где я остановилась на несколько дней, я встретила только ограниченных патриотов, которые любят революцию потому, что она уничтожила все, что было выше их, но которые ничего не знают о теории свободного государства и не помышляют о том возвышенном и сладостном чувстве, которое заставляет нас

видеть братьев в нас подобных и сочетает всеобщую благожелательность с пламенной любовью к этой свободе, единственно способной обеспечить счастье человеческого рода. Поэтому все эти людишки носятся друг с другом во имя республики, но король кажется им чем-то, весьма необходимым для их существования».

«Есть одно обстоятельство, о котором, насколько мне известно, не упоминает ни один историк революции. А именно: после 9-го термидора Бонапарт предложил народным представителям, прикомандированным к итальянской армии после моего младшего брата и Рикора, идти на Париж и наказать виновников контрреволюционного движения, убивших моих двух братьев. Это смелое предложение, обнаружившее в том, кто его делал, мужество, высокий ум и исключительный патриотизм, испугало представителей, и они поторопились отклонить его».

«Перед смертным приговором Людовика XVI они (Робеспьер и Дантон) очень интересовались исходом процесса. Они оба были согласны в том, что король, предавший Францию с таким вероломством, не может оставаться безнаказанным и должен понести наказание за свои преступления. После 21-го января, когда наглость жирондистов стала невыносимой, они направили против них все свои батареи. Я слышала, как они говорили, что если немедленно не покончить с жирондистской группой, то революция погибнет. Впоследствии, когда были казнены двадцать два жирондиста, они поссорились на вопросе, какую создать республику. Да это и понятно: если двое таких людей, как Робеспьер и Дантон, действовали согласно в деле разрушения, то они ни в коем случае не могли сойтись в созидании; их моральные ценности были диаметрально противоположны; конечно, и их политические идеи должны были быть безусловно различны. Вот истинная причина разрыва моего старшего брата с Дантоном.

К этой первой причине нужно еще добавить крайне враждебную оппозицию Дантона к революционному правительству. Не было ни одного мероприятия Комитета общественного спасения, ни Комитета общей безопасности, которое бы он резко не критиковал, на которое бы он не обрушивался со свойственной ему энергией, - энергией, раньше враждебной аристократии, а теперь как бы потворствовавшей ей, потому что она была направлена против правительства, под которое аристократия старалась подкопаться всяческими способами».

А. де Токвиль

СТАРЫЙ ПОРЯДОК И РЕВОЛЮЦИЯ

(Извлечение)

Философию XVIII века справедливо считают одной из главных причин Революции, и действительно, эта философия глубоко атеистична. Но надо четко различать в ней две выделяющихся и взаимоотделимых части. В одной – все новые или обновленные воззрения, которые относятся к условиям существования обществ и основам гражданских и политических законов, таким, например, как естественное равенство людей и вытекающая из нее отмена всех кастовых, классовых, профессиональных привилегий, главенство народа, всемогущество общественной власти, единообразие правил... Все эти положения — не только причины французской революции, они составляют, так сказать, ее существо; это самое основополагающее, самое прочное, самое истинное из ее творений относительно времени. В другой части своих теорий философы XVIII века с каким-то неистовством взялись за Церковь; они подвергали нападкам ее духовенство, ее иерархию, ее устройство, ее догмы, и, чтобы лучше ниспровергнуть, хотели искоренить сами основы христианства. Но эта часть философии XVIII века, родившись из явлений, которые сама же революция и уничтожала, должна была мало-помалу исчезнуть с ними вместе и оказаться погребенной при ее торжестве.

Поскольку целью французской революции было не только изменить прежнее правление, но и уничтожить прежнюю форму общества, она должна была обрушиться разом на все устоявшиеся формы власти, опровергнуть все признанные авторитеты, стереть традиции, обновить нравы и обычаи и, в некотором роде, очистить человеческий ум от всех идей, на которых прежде основывались уважение и повиновение. Отсюда ее чрезвычайно анархический характер.

У всех гражданских и политических революций было отечество, им они и ограничивались. Французская же революция собственной территории не имела; более того, ее результатом было, в некотором роде, стирание с карты всех прежних границ. Видели, как она сближала или разделяла людей наперекор законам, традициям, характерам, языку, делая порой врагами соотечественников и братьями чужеземцев; или, скорее, она сформировала над всеми отдельными национальностями общее духовное отечество, гражданами которого могли стать люди любой нации. Переройте все исторические анналы, вы не найдете ни одной политической революции с таким же характером: вы обнаружите его лишь у некоторых религиозных

революций. Так что, желая понять с помощью аналогии французскую революцию, именно с религиозными надо ее сравнивать.

Стало быть, французская революция — это революция политическая, действовавшая подобно религиозной и в чем-то сходная с ней. Смотрите, какие особые и характерные черты сближают ее, в итоге, с этими последними: она не только распространяется вширь, подобно им, но делает это посредством проповеди и пропаганды. Политическая революция, поощряющая прозелитизм; которую с одинаковым пылом проповедают иностранцам и осуществляют у себя дома; взгляните, какое новое зрелище! Среди всего того, ранее неведомого, что французская революция явила миру, это, конечно, самое новое...

Французская революция в отношении мира сего действовала совершенно так же, как действовали религиозные революции относительно мира иного; она рассматривала гражданина отвлеченно, вне любых частных сообществ, так же, как и религии рассматривают человека вообще, независимо от страны и времени. Она пыталась определить не только особое положение французского гражданина, но и общие обязанности и права человека в политической области. Вот так, постоянно обращаясь к тому, что было наименее отдельным и, так сказать, наиболее естественным в общественном устройстве и правлении, она смогла стать понятной для всех и доступной для подражания в сотне мест одновременно.

Поскольку казалось, что она стремится к возрождению рода человеческого еще более, нежели к реформированию Франции, то она разожгла страсть, которую до этого не могли вызвать даже самые бурные политические революции. Она вдохновила прозелитизм и породила пропаганду. Потому-то, наконец, она и смогла принять этот вид религиозной революции, который так ужасал современников; или, скорее, сама стала своего рода новой религией, правда, религией несовершенной, без Бога, без культа и без иной жизни, но которая, тем не менее, подобно исламу, наводнила всю землю своими воителями, апостолами и мучениками.

Революция произошла вовсе не для того, чтобы разрушить господство религиозных воззрений, как это раньше считалось; несмотря на внешние признаки, она была в основном социальной и политической, и в кругу этого рода установлений вовсе не стремилась увековечить беспорядок, сделать его в некотором смысле устойчивым и постоянным, методизировать анархию, как говорил один из ее главных противников, но скорее приумножить силу общественного авторитета. Ее задачей, как-то полагали другие, было отнюдь не изменить прежний характер нашей цивилизации, остановить ее прогресс, ни даже уничтожить суть основополагающих законов, на которых зиждутся

человеческие сообщества нашего Запада. Если отделить от нее все несчастливые случайности, на короткое время исказившие ее облик в разные времена и в разных странах и рассмотреть ее лишь саму по себе, то становится очевидно, что на самом деле эта революция имела своим следствием уничтожение тех политических устоев, называемых обычно феодальными порядками, которые на протяжении многих веков безраздельно царили у большинства европейских народов, чтобы установить более однообразный социально-политический строй, имеющий в своей основе равенство условий. Этого оказалось достаточно, чтобы произвести огромный переворот, поскольку, независимо от того, что эти древние установления были еще смешаны и как бы переплетены почти со всеми религиозными и политическими законами Европы, они к тому же породили множество идей, чувств, привычек, нравов, которые словно срослись с ними.

... считать, что раздел земельной собственности во Франции совпадает по времени с Революцией, значило бы следовать общему заблуждению; на самом деле он гораздо старше ее. Революция, правда, продала все земли духовенства и значительную часть дворянских земель, однако тот, кто захочет справиться непосредственно с актами этих продаж, как мне самому некогда хватило терпения сделать, увидит, что большая часть земель куплена людьми, которые и без того уже были землевладельцами; так что, если собственность и перешла из рук в руки, то количество собственников возросло гораздо менее, чем предполагалось. Их во Франции и так уже было несметное число, следуя амбициозному, но на сей раз верному замечанию г-на Неккера. Следствием Революции был не раздел земли, но ее освобождение на какое-то время. Все эти мелкие собственники были и в самом деле весьма ограничены в использовании своих земель, обремененные множеством сервитутов, от которых им не позволялось избавиться.

Первые усилия Революции разрушили это великое учреждение монархии; оно было восстановлено в 1800 г. Тогда и потом восторжествовали отнюдь не принципы 1789 г., касающиеся администрации, как это утверждали неоднократно, а совсем наоборот — принципы старого порядка, вновь пущенные в ход и действующие до сих пор

Если меня спросят, как удалось целиком перенести в новое общество эту часть старого порядка и слить ее с ним, я отвечу, что централизация потому и не погибла во время Революции, что сама была началом этой Революции, ее знаменем; и я бы еще добавил, что, когда народ уничтожает собственную аристократию, он устремляется к централизации, словно спасаясь от себя самого.

Во Франции же слово дворянин всегда оставалось тесно зажатым в своем первоначальном значении; со времени Революции оно почти вышло из употребления, но никогда не меняло смысла. То есть, сохранили нетронутым слово, служившее для обозначения членов касты, потому что сохранили саму касту, которая всегда была столь оторванной от других...

Как человек буржуа XIV века стоит, безусловно, ниже, чем буржуа века XVIII, но буржуазия в целом занимает в политическом обществе того времени гораздо более высокое и надежное положение. Ее право участвовать в управлении неоспоримо; в политических собраниях она играет всегда значительную, а порой и преобладающую роль. Другие классы испытывают постоянную необходимость считаться с ней.

Если взять его в целом, то не знаю, найдется ли в мире более замечательное духовенство (даже несмотря на вопиющие пороки отдельных его членов), чем католическое духовенство Франции в тот момент, когда его застигла Революция; более просвещенное, более национальное, менее приверженное одним лишь частным добродетелям, более склонное к добродетелям общественным, и в то же время, обладающее большей верой: гонения прекрасно это показали. Я начал изучение прежнего общества, исполненный предубеждений против него, закончил же, исполненный уважения. По правде сказать, оно имело лишь недостатки, присущие всем корпорациям, как политическим, так и религиозным, когда они крепко связаны и хорошо устроены, а именно: имеют склонность повсюду вторгаться, не слишком терпимы, инстинктивно, порой слепо привязаны к своим особым правам.

Стоит отметить, что среди всех идей и чувств, подготовивших Революцию, идея собственно общественной свободы и вкус к ней появились последними и первыми исчезли.

Более того, как раз в тех частях Франции, которым предстоит стать главным очагом этой революции, и обнаруживается наибольший прогресс. Если изучить оставшееся от архивов финансового округа Ильде-Франса, то легко можно удостовериться, что именно в прилегающих к Парижу областях старый порядок был реформирован раньше и глубже прочих. Свобода и имущество крестьян были там обеспечены лучше, чем в любой другой избирательной области (*paus d'election*). Персональная барщина исчезла там задолго до 1783 г. Взимание талли стало более упорядоченным, более умеренным и равномерным, чем в остальной Франции. Надо прочитать улучшающий его подзаконный акт от 1772 г., чтобы понять, насколько от власти интенданта зависело богатство или убожество провинций. В этом документе налог имеет уже совершенно другой вид. Правительственные

комиссары регулярно посещают каждый приход; в их присутствии собирается община, прилюдно определяется стоимость имуществ и в прениях устанавливаются возможности каждого; наконец, талья распределяется при участии всех, кто должен ее платить. Покончено с произволом синдика и напрасным насилием. Талья, без сомнения, сохраняет присущие ей пороки, какой бы ни была система ее сбора; она гнетет лишь податное сословие и бьет как по промышленности, так и по собственности; но во всем остальном она глубоко отличается от того, что еще носит это имя в соседних округах.

Напротив, нигде старый порядок не сохранился лучше, чем по берегам Луары, на песчаных холмах Бретани или в болотах Пуату. Именно там вспыхнул и разгорелся огонь гражданской войны, там всего яростнее и дольше сопротивлялись Революции, так что можно было подумать, будто французы тем больше находили свое положение невыносимым, чем лучше оно становилось.

Когда в 1780 г. король объявляет своим подданным, что увеличение тальи будет отныне происходить гласно, он заботится добавить в форме комментария: «Налогоплательщики, уже страдающие от притеснений при взимании тальи, до настоящего времени были подвержены, вдобавок, ее неожиданным увеличениям, так что доля самой бедной части наших подданных пропорционально возрастала, намного превосходя долю всех остальных». Когда король, отнюдь не осмеливаясь сделать все налоги равными, по крайней мере пытается установить равенство взимания для тех из них, которые уже являются всеобщими, он говорит: «Его Величество надеется, что богатые люди не сочтут себя оскорбленными, будучи поставлены на общий уровень; им всего лишь придется платить налог, который уже давно надо было делить более равномерно ...»

«Слишком часто видели —, говорит провинциальное собрание Нижней Нормандии в 1787 г., — как деньги, которые король выделяет на дороги, служат лишь достатку богача, не принося пользы народу. Их часто употребляли на то, чтобы сделать более удобным доступ к какому-нибудь замку, вместо того, чтобы воспользоваться ими для улучшения подъезда к городку или деревне». На этом же собрании сословия дворянства и духовенства, расписав пороки барщины, по собственной воле предлагают пожертвовать 50 000 ливров на улучшение дорог, дабы», — говорят они, — дороги провинции стали проезжими и это ничего более не стоило народу. Быть может, для этих привилегированных оказалась бы менее накладным, если бы барщину заменили всеобщим налогом, свою долю которого они бы и платили; но, охотно отказываясь от выгод налогового неравенства, они предпочитают сохранять его видимость. Уступая полезную часть своего права, они заботливо

сохраняли часть разорительную. Другие собрания, целиком состоящие из собственников, освобожденных от тальи, и весьма рассчитывавших таковыми остаться, тоже не жалели черной краски, живописуя беды, которые эта талья причиняла беднякам. Из всех ее злоупотреблений они составили ужасную картину, копии с которой постарались умножить до бесконечности.

Среди всех различий, имеющих между религиозной революцией XIV века и французской революцией, есть одно, которое поражает: в XVI веке большая часть знати бросилась менять религию из честолюбивого расчета или алчности; народ же, напротив, примкнул к ней по убеждению и не ожидая никакой выгоды. В XVIII совсем по-другому: теперь просвещенные классы вдохновлялись бескорыстной верой и великодушной симпатией, которые ввергли их в революцию, тогда как народом двигало горькое чувство обиды и страстное желание изменить свое положение. Воодушевление первых окончательно зажгло и вооружило гнев и вождение второго.

Людовик XVI в продолжение всего своего царствования лишь говорил о реформах, которые предстояло совершить. Мало найдется установлений, которые он не предполагал уничтожить в будущем, пока Революция не уничтожила их все на самом деле. Изъяв из правовой системы многие наиболее дурные, он вскоре вернул их на место: можно было подумать, что он хотел лишь оторвать их от корней, предоставив другим заботу об окончательном истреблении. Некоторые из реформ, которые он провел сам, внезапно и без достаточной подготовки ломали старинные и почитаемые обычаи, а порой грубо нарушали приобретенные права. Таким образом, они подготавливали Революцию не столько даже разрушая то, что было для нее препятствием, сколько показывая народу, как за нее взяться. Именно чистое и бескорыстное намерение, побуждавшее к действию короля и его министров, увеличивало зло; ибо нет более опасного примера, чем насилие, совершенное хорошими людьми ради благой цели.

Итак, в 1787 г. провинциальные собрания получили право самостоятельно распоряжаться в большинстве тех случаев, где раньше действовал один лишь интендант; им было поручено устанавливать талью по указаниям центрального правительства, и надзирать за ее взиманием, определять общественные работы и исполнять их. Они получили под свое непосредственное начало всех представителей ведомства путей сообщения, от инспектора до десятника. Они должны были предписывать им то, что считали нужным, отчитываться в их деятельности перед министром и представлять к поощрению тех из них, кто этого заслуживал. Опекунство над коммунами было почти полностью передано этим собраниям; они должны были рассматривать в первой инстанции большинство спорных дел, которые раньше выносились

на суд интенданта и т.д., то есть функции, из которых многие плохо подходят коллективному, не несущему ответственности органу власти, и которые к тому же, должны были исполняться людьми, впервые взявшимися за управление. Но окончательно все запутало то, что, ограничив и доведя до бессилия интенданта его, тем не менее, оставили существовать. Лишив полномочия, его обязали оказывать помощь собранию и наблюдать за его действиями, будто отрешенный от власти чиновник способен когда-либо проникнуться духом закона, из-за которого он лишился своей должности, и облегчить его применение. С субделегатом поступили так же, как с интендантом. Рядом с ним и на том же месте, которое он сам недавно занимал, поставили окружное собрание, которому надлежало действовать под руководством провинциального собрания и согласно аналогичным принципам. Из всего, что сделано провинциальными собраниями, учрежденными в 1787 г., и из самих их протоколов следует, что тотчас же после своего рождения они вступили в скрытую, а подчас и явную войну с интендантами, поскольку те использовали свой превосходящий опыт только для того, чтобы противодействовать им. Тут собрание жалуется, что только с трудом ему удастся вырвать из рук интенданта те документы, которые ему более всего необходимы. Там интендант обвиняет членов собрания в том, как он заявляет, что те узурпируют полномочия, оставленные ему указами. По этому поводу он обращается к министру, который либо ничего не отвечает, либо колеблется, поскольку для него все это столь же ново и непонятно, как и для остальных. Порой собрания решают, что интендант управлял плохо, что пути сообщения, доверенные его заботам, плохо проложены, либо плохо содержатся; что он допустил разорение общин, попечителем которых являлся. Часто темные места законодательства, столь мало знакомого, вызывают сомнения собраний, они посылают за справками, порой далеко, сносятся друг с другом и беспрестанно запрашивают мнения. Один интендант утверждает, что может воспротивиться воле провинциального собрания, которое подтвердило притязания одной коммуны; собрание утверждает, что в этом вопросе интендант отныне может лишь высказывать свое мнение, а вовсе не приказывать, и спрашивает у провинциального собрания Иль-де-Франса, что там думают на сей счет. Все эти пререкания и консультации изрядно замедляют ход управления, а то и вовсе останавливают его: общественная жизнь тогда словно замирает. «Застой в делах полный, — заявляет провинциальное собрание Лотарингии, лишь эхом повторяя это вслед за другими, — чем удручены все порядочные граждане. В других случаях новые органы администрации грешат именно избытком активности и самоуверенности; они преисполнены беспокойным и беспорядочным рвением, которое вызывает у них желание разом изменить все

прежние методы и спешно искоренить все прежние злоупотребления. Под предлогом того, что отныне именно им надлежит попечение городов, они принимаются самостоятельно распоряжаться делами коммуны, и, в итоге, желая все улучшить, все сваливают в одну кучу. Если угодно теперь рассмотреть, какое громадное место издавна занимала во Франции государственная администрация, какое множество интересов она затрагивала каждодневно, если учесть все то, что зависело от нее или нуждалось в ее содействии; если представить, что уже на нее, а не на самих себя рассчитывали граждане, чтобы преуспеть в своих собственных делах, чтобы благоприятствовать своим помыслам, обеспечивать себя продовольствием, прокладывать и содержать дороги, охранять свое спокойствие и благосостояние, то станет ясно, какое бесконечное количество людей лично пострадало от болезни, которой она была заражена. Но более всего пороки новой организации дали себя почувствовать в деревнях; там она не только нарушала установившийся порядок власти, она внезапно изменила относительное положение людей, выявила и столкнула между собой все классы».

Так что с 1789 года административный порядок устоял среди всех обрушившихся политических учреждений. Менялась личность властителя или формы центральной власти, но повседневное течение дел не было ни прервано, ни нарушено; каждый продолжал подчиняться в тех мелких частных делах, которые его интересовали, известным ему правилам и обычаям; он зависел от второстепенных властей, к которым всегда по привычке обращался, и обычно имел дело с одними и теми же представителями этих властей, поскольку, если при всякой революции администрация оказывалась обезглавленной, то тело ее оставалось нетронутым и живым; те же обязанности продолжали исполняться все теми же должностными лицами, они-то и пронесли сквозь разнообразие политических законов их дух и практику. Они судили и управляли от имени короля, потом от имени республики, наконец, от имени императора. Потом, когда колесо фортуны делало полный оборот, они опять начинали судить и управлять для короля, для республики и для императора, все те же и все то же; поскольку, какое им дело до имени хозяина? Своим делом они почитали быть в первую очередь не гражданами, а хорошими управителями и судьями. И, как только затихал первый толчок, в стране, казалось, ничто не шелохнулось. В тот момент, когда разразилась Революция, эта часть власти, которая, хоть и второстепенная, но дававшая почувствовать себя каждому гражданину, и влиявшая самым продолжительным и действенным образом на его благосостояние, оказалась полностью разрушенной: общественная администрация разом сменила всех своих представителей и обновила все

правила. Поначалу казалось, что государству этой реформой вовсе не нанесен сильный удар; но зато каждый француз ощутил от этого маленькое личное потрясение.

Когда случилась Революция, напрасно бы стали мы искать в самой большой части Франции хоть десять человек, имевших привычку действовать сообща и упорядоченно, и самим защищать себя; все это было заботой центральной власти; так что, когда центральная власть из рук королевской администрации попала в руки независимого и безответственного собрания, и из снисходительной превратилась в ужасную, она не обнаружила перед собой ничего такого, что могло бы ее остановить или хотя бы удержать на какой-то миг. Та же причина, по которой так легко рухнула монархия, сделала возможным все после ее крушения.

Ф. Шатобриан

ЗАМОГИЛЬНЫЕ ЗАПИСКИ

(Извлечение)

«14 июля, день взятия Бастилии. Это наступление на крепость, обороняемую несколькими инвалидами да боязливым комендантом, происходило на моих глазах: если бы ворота не отперли, народ никогда не ворвался бы в нее. Раздались всего два или три пушечных залпа, причем стреляли не инвалиды, а гвардейцы, успевшие взобраться на башни. Толпа выволокла из убежища коменданта Делоне и, вдоволь поизгалявшись над ним, прикончила его на ступеньках ратуши; купеческому старшине Флесселю разmozжили голову выстрелом из пистолета: вот зрелище, столь восхищавшее жестокосердых глупцов...

Все восхищались деянием, которое следовало осудить, несчастным случаем, и никто не понял, что взятие Бастилии, это кровавое празднество, открывает новую эру, в которой целому народу суждено переменить нравы, идеи, политическую власть и даже человеческую природу. Животная ярость обращала все в развалины, но под нею таился дух, закладывавший среди руин основание нового здания.

Впрочем, народ, неверно оценивший величие события, свершившегося в мире материальном, верно оценил событие, происшедшее в мире моральном; Бастилия была в его глазах трофеем, знаменовавшим победу над рабством: народу казалось, что она высится при входе в Париж, напротив шестнадцати столбов Монфокона, как виселица для его свободы. Сравнивая с землей оплот государства, народ надеялся сбросить военное ярмо и принял негласное

обязательство заменить армию, которую он распустил: всем известно, какие чудеса сотворил народ, ставший солдатом».

Научные публикации

С. Ф. Блуменау

ЖАК НЕККЕР

Жак Неккер силой своих дарований и волей судеб стал одной из ключевых фигур кануна и начала Французской революции. Гражданин Женевы, он трижды становился министром во Франции в переломный момент истории этой страны. Достигнув блистательной карьеры при Старом порядке, Неккер не ожидал и не желал драматических потрясений, случившихся в последнее десятилетие XVIII века. Но он был человек, чуткий к свежим веяниям, восприимчивый к новшествам и смог провести реформы благодаря также принципиальности и волевым качествам.

Деятельность Неккера не может быть рассмотрена вне исторического контекста. Его усилия по модернизации государства и общества - часть реформаторского курса французской монархии в середине и второй половине XVIII в. - были поддержаны влиятельными кругами элиты.

...

В советской историографии Неккеру давались различные оценки. В книге о бумажных деньгах в эпоху Французской революции, вышедшей в 1919 г., С.А. Фалькнер писал о достижениях Неккера в сфере экономики и называл его «самой яркой фигурой из всех предреволюционных контролеров финансов». Выдающийся отечественный знаток идеологии Просвещения академик В.П. Волгин в монографии «Развитие общественной мысли во Франции в XVIII веке» посвятил Неккеру краткий, но содержательный очерк. Он касался взглядов знаменитого реформатора, выбрав из его многочисленных трудов одну, но очень важную работу – «О законодательстве и торговле хлебом». Именно она столкнула Неккера с Тюрго; здесь ясно выявилось его критическое отношение к концепции физиократов, к идее свободы торговли. Волгин справедливо подчеркивал, что возражения швейцарца были отчасти вызваны заботой о жизненных интересах бедноты. Вместе с тем, ученый не избежал обязательной для марксистской науки социальной оценки экономиста, утверждая, что в его публицистике отразились интересы «привилегированного буржуазного слоя, который сумел

приспособиться к феодально-абсолютистскому режиму». Он относил Неккера к «финансистам», которые в качестве откупщиков паразитировали на несовершенстве французской фискальной системы, тогда как в действительности, тот, будучи банкиром, принадлежал к предпринимательским кругам.

О политической активности Неккера у нас долго знали недостаточно и в этой связи показательны хронологические неточности, допущенные в трехтомном академическом издании «Истории Франции». Сообщалось, что он получил правительственное назначение в 1778 г., хотя на деле это произошло раньше. Здесь же говорилось о некоторых его реформах, перечень которых был весьма неполным.

Иные оценки были даны В.Г. Ревуненковым в «Очерках по истории Великой Французской революции», где автор писал о деятельности Тюрго и Неккера, останавливаясь на их главных мероприятиях. На рубеже нового тысячелетия в отечественной историографии, похоже, осознана серьезность реформаторских усилий Неккера.

Изучая биографию политического деятеля, исследователи, прежде всего, стремятся при помощи научных приемов и терминологии охарактеризовать его взгляды, суть проводимого курса. Но не заслоняет ли это, порой, конкретного человека с неповторимыми чертами, особенностями характера, темпераментом, вкусами и пристрастиями? Большинство людей многим обязаны семье. Речь идет не только о наследственности, но и о воспитании, родительском примере и попечительстве. В жизни будущего министра особую роль сыграл отец.

...

Все больше интереса проявлял Неккер к деятельности, которая поможет ему в восхождении на политический Олимп - к публицистике. Успешный предприниматель не удовлетворялся личным обогащением; он всерьез задумывался над экономическими проблемами Франции. Будущий министр размышлял о сложностях продовольственного снабжения, об управлении финансами, о государственном бюджете. Вскоре Неккер понял, что обладает хорошим слогом и может заинтересовать своими сочинениями общественность. 25 августа 1773 г. его работа «Похвала Кольберу» удостоилась премии Французской Академии и была немедленно опубликована.

... Начинание Тюрго послужило для Неккера толчком к обнародованию своего взгляда на продовольственные дела. При этом он продемонстрировал как основательность и проницательность, так гибкость и прагматизм. Будучи жестким противником экономического либерализма, Неккер критически

подошел к свободе торговли хлебом, указывал на опасности, подстерегавшие Францию на этом пути, и трудности для большей части населения. Неккер готов был убрать все преграды, препятствовавшие свободному перемещению зерна в рамках страны: внутренние таможи, дорожные, мостовые и иные пошлины. Но, в отличие от физиократов и Тюрго, он понимал, что это не спасет от спекуляции и роста цен. По его мнению, рыночные механизмы только усилят господствующее положение собственников над несобственниками, расшатают относительное и хрупкое равновесие в обществе. ...

Сочувствие к бедноте и мысль о государственном вмешательстве в торговлю хлебом увязывались Неккером с пониманием высокой роли общественной благотворительности, к воплощению которой в жизнь он будет иметь прямое отношение. Иной являлась позиция физиократов и Тюрго. Первые с пренебрежением взирали на массы и не принимали в расчет их интересы и нужды. Даже назревавшее народное возмущение не заставило Тюрго предпринять действенные меры для облегчения участи неимущих. Он ограничился лишь отсылкой к своей прежней идее благотворительных мастерских, для создания которых требовалось время, да рекомендацией организовать систему подписки в пользу нетрудоспособных.

... Выдвижение Неккера противоречило всем традициям французской политической жизни: ведь речь шла о протестанте, иностранце и буржуа, для которого министерское кресло вроде бы было заказано. Не только глубина финансового кризиса, но и эмансипирующее влияние Просвещения сказались на нестандартном решении властей. Но не следует преувеличивать подвижки в позиции короля. Полномочия Неккера ограничивались. Во-первых, генеральным контролером финансов, то есть полноправным министром он не стал. Во-вторых, будущий реформатор не только не был включен в Высший Совет, но не являлся и членом Королевского Финансового Совета. Поэтому он не допускался к некоторым важным государственным вопросам. Неккер мог работать с монархом только в присутствии Морепа и не должен был проявлять инициативу без его поддержки.

...В течение нескольких лет Неккер готовил и проводил серьезные преобразования в сфере управления финансами и взимания государственных доходов. Традиционно ключевую роль в ней играли финансисты - люди, приобретшие должности в госаппарате и одновременно кредитовавшие казну. Они предоставляли королю необходимые денежные средства, получая за это право на сбор многих налогов. Орудием их деятельности являлись финансовые учреждения - кассы. Обладая должностями, финансисты оказывались во многом независимыми от короны, а кассы ускользали от

государственного контроля. Денежные воротилы не только жестоко обирали население, но и выжимали все возможное из государства, передавая ему средства на очень выгодных для себя условиях и требуя дополнительных вознаграждений за оказываемые услуги. Неккер же стремился подчинить все финансовые институты правительству и заменить владельцев должностей на чиновников, получающих жалованье от короля и потому покорных.

Он добился уменьшения числа касс, их сосредоточения в руках немногих, обязал администраторов информировать финансовое ведомство о состоянии дел, содержать отчетность в порядке и постоянной готовности для министерской проверки. Кредитные операции ставились под контроль властей. Краткосрочные займы допускались только с разрешения департамента финансов.

Неккер провел масштабную реструктуризацию системы, взимавшей часть налогов и платежей в пользу государства. К существовавшим прежде Генеральным откупам, получавшим средства от соляной и табачной монополий, от пошлин на ввоз товаров в Париж, прибавлялись Генеральное управление по косвенным налогам и Администрация Королевского домена, собиравшая доходы с него. Работу двух последних ведомств министр рационализировал: вместо 300 служащих приток косвенных налогов обеспечивали 25 управляющих, а в Администрации домена их трудилось только. Эффективной мерой по экономии средств могло оказаться уменьшение числа генеральных сборщиков с 48 до 12 человек, с переходом оставшихся на государственное жалованье. Примечательно, что восстановление 36 уволенных, позднее, в период "финансовой реакции" обошлось казне в 1 млн ливров. Неккер осуществил также сокращение генеральных казначеев. При нем финансисты лишились больших вознаграждений за организацию доставки испанских золотых и серебряных монет с последующей перечеканкой во Франции.

...

Неккер, считавший столь масштабную эмиссию крайне опасной, терял основания для продолжения министерской деятельности. К этому времени развитие революции и усилия памфлетистов превратили в глазах низов прежнего защитника третьего сословия в человека, тормозящего революционные преобразования. 2 сентября в ответ на репрессии против давно не получавших жалованье и потому восставших в Нанси солдат в столице прошла манифестация с требованием немедленного ухода министров. Неккер не стал затягивать с отставкой.

В 1791 г. Неккер выпустил книгу, касающуюся его министерской деятельности. Вскоре появился двухтомник "Об исполнительной власти в

больших государствах", где критиковалась Конституция и отстаивались прерогативы монарха. Во время суда над королем публицист издал сочинения в его защиту. Своими мыслями о бурной эпохе он поделился в четырехтомнике «О Французской революции». ...

Он был крупным реформатором конца Старого порядка. Став затем популярнейшим деятелем Франции, Неккер не удержался на гребне успеха в быстро менявшихся условиях революции. Но он не пытался приспособиться ни к мнению общественности, ни, тем более, к настроениям толпы, оказался верен своим принципам. В нравственном плане Неккер стоял выше многих известных политиков революционной поры.

С. Ф. Блуменау

ФРАНЦУЗСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ КОНЦА XVIII в. В СОВРЕМЕННОЙ НАУЧНОЙ ПОЛЕМИКЕ

(Извлечение)

В послевоенное двадцатилетие усилилось и стало преобладающим внимание к социально-экономическим вопросам, к глубинным течениям общественной жизни. Интерес к экономике и социальным отношениям был связан не только с общей тенденцией, характерной для французской исторической науки в этот период, но и с длительной, берущей начало с Ф. Минье, историографической традицией, определявшей эту революцию как антифеодальную и буржуазную. Под влиянием марксизма она получила в XX в. новый и сильный импульс. Ж. Жорес и его последователи выводили революционный взрыв из социального противостояния между буржуазией и феодальным дворянством, крестьянами и сеньорами-ретроградам.

В диссертации П. де Сен-Жакоба "Крестьяне Северной Бургундии в последнем веке Старого порядка", в статьях П. Дейона и Ж. Дюпакье внимание обращалось не только на рост повинностей, но и на вытеснение крестьян с земли и расширение непосредственных владений сеньора, наступление на общинные сервитуты, "закрытие" лесов, приток в деревню городских капиталов. Модернизации в духе физиократов способствовала и реформаторская политика абсолютизма: поощрялся триаж, были разрешены огораживания, принята королевская декларация о распашке нови. Вопреки марксистской трактовке оказалось, что сеньория не осталась в стороне от перемен.

Главный инициатор пересмотра последнего и лидер возникшего на рубеже 60—70-х годов "ревизионистского" направления Ф. Фюре в

программной статье "Революционный катехизис" отрицал наличие феодализма как в принципиальном плане, так и с точки зрения весомости сеньориальных повинностей. Он имел в виду отсутствие в XVIII в. вассально-ленных отношений, личной зависимости крестьян, а также сравнительно небольшие размеры изъятия из совокупного крестьянского продукта. Отмечая, что фермаж, издольная аренда и эксплуатация домена приносили доходов больше, чем повинности, он настаивал на эволюции сеньории в сторону капитализма. В свою очередь Э. Ле Руа Ладюри указывал, что благодаря взаимодействию сеньоров и крупных арендаторов домен становился источником деловой активности и экономического роста.

Первый автор, подвергший еще в 50-е годы "ревизии" социальную интерпретацию Французской революции, то есть видение ее как буржуазной и антифеодальной, англичанин А. Коббен констатировал, что в Генеральных штатах третье сословие представляли, в основном, люди судейские, чиновники, представители свободных профессий, тогда как торговцев и промышленников было всего 84 из 648(8). Интересно, что и его оппонент, настаивавший на буржуазном характере революции, французский ученый М. Рейнар соглашался с Коббеном относительно первенствующей роли "буржуазии таланта" и весьма скептически оценивал политическую активность деловых кругов.

Суть того, что происходило во Франции в конце XVIII в., историки-ревизионисты" усматривали в борьбе за свободу. Этот тезис особенно энергично разрабатывался ближайшим единомышленником Фюре Д. Рише. Он писал о длительной традиции нападок на неограниченную королевскую власть, с которыми выступали публицисты-монархомахи XVI в., деятели парламентской Фронды, анонимный автор "Вздохов поработенной Франции" и такие писатели, как Ф. де С. Фенелон (1651—1715) и герцог Л. де Р. Сен-Симон (1675—1755). Решающие сдвиги произошли в период с 1750 по 1850 гг.: в его начале просветители выработали контрмодель политического устройства, а в конце утвердилась либеральная система. Важной вехой на этом пути стала Французская революция, трактуемая как революция либерализма и Просвещения.

Всестороннее развенчание традиционной социальной интерпретации побудило и часть историков, приверженных "классическому" видению и марксистскому толкованию, отказаться от некоторых прежних взглядов. Поворот произошел, например, в воззрениях Ф. Готье, ранее близких к историческому материализму, и другого исследователя аграрника Г. Икни, что нашло отражение в статьях сборника "Хлебная война в XVIII веке". Авторы оспаривали свойственное марксистам и неолибералам представление о росте

производства как главным мериле общественного прогресса. Сами же они полагали, что и в период революции, и в последующем центральной была проблема прав человека.

Об интересе к рассматриваемой проблематике свидетельствовала специальная публикация конституционных текстов и их обсуждений в революционных ассамблеях, сопровождаемая аналитическими статьями и заметками сторонников "классического" истолкования М. Рибериу, А. де Бека, Д. Године. Эти авторы прочертили путь завоеваний в революции естественных прав человека, главными вехами которого определили декларацию 1789 г. и конституцию 1793 года.

Еще определеннее расставляли акценты известные своей склонностью к марксизму ученые из лаборатории лексикометрии и политических текстов Высшей нормальной школы Сен-Клу. В опубликованном в 1991 г. коллективном анализе состояния историографии "Исследования Революции" Ж. Гийому отмечал огромный потенциал демократии 1789 г. с точки зрения борьбы за естественные права человека, указывая, однако, что он не мог еще реализоваться в полной мере из-за ограниченного влияния масс на развитие событий, и лишь позднее в практике робеспьеристов "политический синтез, лежащий в русле декларированного естественного права, достигает своей кульминации". И напротив, по словам Я. Боска, после термидора ссылки на естественные права становились редкими, исчезали. Отталкиваясь от этого, Гийому и Ф. Брюнель рассматривали указанный период не только как "реванш" по отношению к Республике II г., но и как разрыв с отправной точкой - 1789 годом, они даже объявили, что революция закончилась в 1795 году.

Споры о содержании Французской революции сочетались с размышлениями о ее месте в длительной исторической перспективе. Но, если раньше революцию рассматривали сквозь призму мутаций в сфере экономики и социальных отношений, то теперь - в свете перемен в умонастроениях, духовной жизни, культуре. Инициаторами здесь выступили Ф. Лебрен и М. Вовель.

Специалисты по религиозной проблематике обращались к непосредственным предпосылкам революции в этой сфере и к ближайшим последствиям, ограничиваясь, как правило, хронологическими рамками от середины XVIII в. до первых десятилетий XIX века, Исследователи же распространения грамотности и чтения, культуры и духовной жизни, массового сознания - Д. Рош, Р. Шартье, Р. Мюшамбле, отчасти возрождая традиции броделевских "Анналов", вписывали Французскую революцию в длительную временную протяженность, охватывающую, по меньшей мере, несколько столетий.

В целом достижения оказались существенными: росла грамотность в народной среде, а печатное слово получило широкое распространение. Мюшамбле резонно писал о "революции книги", о "культурной предреволюции XVIII века". Конечно, эти явления дали импульс событиям, начавшимся в 1789 году ... Схожую версию происходившего на протяжении нескольких столетий до революции, предложил руководитель исследований Высшей школы социальных наук Р. Шартье. Он также склонялся к мысли о существовании в ту пору двух культур.

Размышляя, как и Мюшамбле, над связью между успехами грамотности, чтения, книгоиздания и революцией, Шартье резонно замечал, что знакомство с той или иной книгой совсем не обязательно делает читателя приверженцем изложенных в ней взглядов. В работе "Культурные истоки Французской революции", он не отрицал, что книги содействовали революционному движению и, критикуя традиционные воззрения, расшатывали власть.

В целом, система представлений о революции, предложенная мэтрами марксистской и социалистической историографии, такими, как Жорес, Э. Лябрусе, Ж. Лефевр, А. Собуль, прочно укоренившаяся, как казалось, в середине XX в., сменилась истолкованием, во многом навеянным идеями "Анналов" и их детища - "новой исторической науки".

О. В. Захарова, Е. В. Головешкина

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ВОЗЗРЕНИЯ ОЛИМПИИ ДЕ ГУЖ И ЕЕ ВКЛАД В РАЗВИТИЕ ИДЕЙ РАННЕГО ФЕМИНИЗМА

(Извлечение)

Главным достижением писательницы считается «Декларация прав женщины и гражданки» (1791). Но мысли о равноправии женщин и мужчин можно отследить не только в этом документе. В работе «Предисловие для дам, или Портрет женщины» Олимпия де Гуж пишет: «Мужчины настаивают на том, что мы предназначены лишь для ведения хозяйства: проницательные и стремящиеся заняться литературой женщины являются существами, которых общество не может терпеть: так, за неимением предназначения, они внушают лишь скуку. Я принимаю тот факт, что есть определенные основания для этих принципов, но я также верю, что женщины в состоянии объединять достоинства разума с домашними обязанностями, даже с добродетелями душевности и качествами любви: соедините воедино красоту и приятный нрав и тогда, я уверена, вы станете редким, уникальным образцом».

В этой фразе она подразумевает то, что женщина должна не только заниматься домом и детьми, но и развивать «свой разум», то есть получать образование, при этом сохраняя прекрасные душевные качества. Внимание стоит уделить тому, что в этой фразе не звучит призыв к женщинам расстаться совсем со своими традиционными обязанностями, то есть посвящением себя семье, детям и дому. Напротив, она говорит, что женщина может совмещать свои домашние дела с саморазвитием: женщина может делать то, что ей по душе.

Из факта отказа де Гуж от второго брака и ее фразы «Брак – могила доверия и любви» может показаться, что она была яркой противницей брачных отношений. Это не так. В «Декларации прав женщины и гражданки» писательница предлагает форму общественного договора между мужчиной и женщиной, позволяющую защитить интересы обеих сторон.

Что касается продолжения фразы о том, что «брак – это могила доверия и любви», то далее де Гуж рассуждает так: «Замужняя женщина может бесстыдно рожать незаконных детей своему мужу и оставлять им наследство, которое им не принадлежит. Незамужняя женщина может лишь одно: древние бесчеловечные законы не позволяют ей дать своему ребенку имя и богатство его отца». На ее взгляд, брак как социальный и духовный союз мужчины и женщины утратил моральные основы, потому что закон признает любых детей, рожденных в законном браке, детьми мужа, даже если это не так. Эти дети имеют право на наследство. Дети же, рожденные вне брака, даже если они являются родными отцу, отцами, законом и церковью не признаются родными. Такие дети не имеют права на наследство и на достойное место в обществе. По мнению де Гуж, это несправедливо.

О морали и нравственности женщин де Гуж упоминает и в «Письме к народу...». Она пишет: «Сегодня женщины погрязли в роскоши: покупать 10 шляп – бессмысленно. Можно купить две с хорошим вкусом, а оставшиеся деньги отправить на погашение государственного долга. Королева также может показать свою добродетельную сущность, демонстрируя умеренность и экономию». Имеется в виду то, что женщина должна быть умеренной в своих желаниях, экономной и сдержанной, тогда общество не станет воспринимать женщин как ветреное и легкомысленное существо. Но здесь звучит и обеспокоенность де Гуж состоянием французского общества накануне революции. Именно неумеренные траты населения, по ее мнению, привели к тому, что экономика страны пришла в упадок.

Для того чтобы решить финансовую проблему во Франции, Олимпия де Гуж выдвигает свои предложения по ее решению. Она считает, что

необходимо ввести «прогрессивный налог», который по-другому называется «отечественным налогом».

«Все те, кто называют себя французами, будут сотрудничать, чтобы спасти государство. Кошелек подходит для получения этих добровольных сумм, предложенных королем, которые будут считаться священными; эти средства будут определены законом на погашение государственного долга, ни монеты не может быть взято от этой суммы ни под каким предлогом или в любой форме спекуляций. В целях обеспечения правильного управления этой системой каждый администратор провинции занимается местными государственными расходами, администратор в парижском муниципалитете должен быть ответственным за расходами столицы. Все граждане вносят сумму в этот кошелек в зависимости от своих возможностей, их имена будут записаны в реестр ниже той суммы, которую они переведут на указанный счет. Эта мера предосторожности защитит нас от коррупции и даст каждому участнику шанс признать другого; все граждане будут видеть себя как в зеркале, и этот портрет определит дух всей нации».

Помимо этого, в памфлете «Письмо к народу...» мы можем проследить отношение де Гуж к реалиям ее общества, к государству в целом. Писательница горячо любила свою страну, являлась отчаянной французской патриоткой. «Гражданская война. Есть ли больший страх для человечества, чем эта катастрофа?» – писала она. Де Гуж не желала, чтобы ее сограждане воевали друг против друга: «Французы, знайте, моя душа болит за вас! Не амбиции заставили меня написать это письмо, но любовь к Родине и уважение к королю». Из этого можно сделать вывод о том, что она не желала углубления революции в стране. Олимпия оплакивала погибших на Марсовом поле, выступала против кровавых событий в июне 1792 года. Осуждение любых форм насилия можно отследить и в ее поступках.

Именно по этой причине де Гуж негативно оценивала действия Марата и Робеспьера. 5 ноября 1792 года она развесила листки в адрес Робеспьера, где обвинила его в том, что он через трупы жирондистов прокладывает себе путь к власти. «Невежественный и подлый заговорщик! Его скипетр будет лилия страха перед пыткой, а трон его – эшафот! Назначь здесь день, час и место для дуэли; я приду туда!». Этот поступок послужил одной из причин казни женщины 3 ноября 1793 года.

Д. Ю. Бовыкин

**О СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ
ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ XVIII ВЕКА
(ПОЛЕМИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ)**

(Извлечение)

Для советских историков Якобинская диктатура, Террор, война на всех фронтах, государственное регулирование экономики, выдвижение и свержение лидеров, политические процессы, борьба с церковью, имевшие место во Франции конца XVIII в., были весьма актуальными сюжетами.

За годы советской власти трактовка как Французской революции в целом, так и отдельных ее событий, хотя и не выходила за рамки марксистско-ленинской концепции, неоднократно менялась в соответствии с партийной линией.

В соответствии с этой концепцией в основу трактовки Революции был положен марксистский формационный подход: она «сокрушила феодально-абсолютистский строй» и «расчистила почву для капиталистического развития».

После 1985 г. наметился отход от ряда положений этой концепции. Впервые, в связи с переосмыслением опыта революции Октябрьской. Разочарование в революционной романтике, в лозунге «цель оправдывает средства» заставили по-иному взглянуть на личные качества и характеры революционеров.

В это же время А.В. Адо, который со второй половины 1980-х годов считался в научной среде признанным лидером отечественного франковедения XVIII в., были сделаны первые попытки переосмыслить советскую историографию Французской революции. Он пришел к выводу, что при всех заслугах советской исторической школы ее отличали «упрощенное, прямолинейное применение принципа классового подхода к изучению и осмыслению Французской революции» и своеобразный «якобиноцентризм», обусловленный «привилегированным местом, которое занимали в ней якобинский период, сами якобинцы и якобинизм».

Тем не менее, в изучении Французской революции в нашей стране произошла именно «смена вех» ... В настоящее время, полагал А.В. Чудинов, когда лидерство в изучении Французской революции перешло к их ученикам, расширяется «методологический диапазон отечественных исследований революции. Причем кардинальная переоценка в российской науке роли немарксистских направлений ни в коей мере не связана с отказом от подлинно

научных достижений “классической” и, в частности, марксистской историографии».

Изложенные А.В. Чудиновым мысли об изменении исторической парадигмы в изучении Французской революции призывали к широкой дискуссии. Однако она не состоялась.

...В.П. Смирнов вписывал происходившие в российской историографии Французской революции перемены в более широкий контекст изменения в нашем обществе отношения к революционерам и революции в целом, возникновения интереса к деятелям контрреволюционного лагеря. «Сформировавшиеся в атмосфере ожесточенной критики всего марксистского, революционного или советского, – писал он об учениках А.В. Адо и Г.С. Кучеренко, – испытывая своего рода аллергию на марксизм, они, прежде всего, стремились отвергнуть старые догмы и расширить сферу исследований, занимаясь анализом феноменов, на которые не обращали внимание или о которых не вспоминали их предшественники. Если советские историки уделяли основное внимание социально-экономической проблематике и, в особенности, классовым интересам, постсоветские историки проявляли интерес скорее к политическим реформам, менталитету, элитам, эмигрантам, контрреволюционерам».

Помимо этого, по мнению В.П. Смирнова, новая российская историография (например, А.В. Чудинов) слишком часто следует в фарватере работ историков «критического» (или, как его было принято называть в марксистской литературе, «ревизионистского») направления мировой историографии – А. Коббена, Ф. Фюре и ряда других. В.П. Смирнов отмечал, что Манфред, Далин и другие советские историки хорошо знали работы “ревизионистов”, но не считали их доказательства убедительными, а никаких новых, неизвестных десятилетия назад фактов А.В. Чудинов не приводит. Таким образом, отказ от марксизма, с точки зрения В.П. Смирнова, происходил не под влиянием осмысления новых фактов, опровергающих старую концепцию, а в силу тех глобальных изменений, которые произошли в нашем обществе и принесли с собой новую систему ценностей.

В отечественной историографии одной из первых к этой проблеме привлекла внимание Л.А. Пименова, выступая на «круглом столе» в ИВИ РАН осенью 1988 г. Она отметила, что термин «феодализм» «претендует на всеохватность, указывает на формационную принадлежность и может характеризовать все что угодно: экономические, общественные отношения, государство, идеологию. Что же было феодальным во Франции XVIII в.? Какую из сторон жизни мы ни возьмем для рассмотрения, везде картина будет выглядеть неоднозначной и не уместится в рамки определения “феодальный

строй”». Безусловно, продолжала она, в это время сохранялись феодальные по происхождению элементы, главным образом, государственно правовой системы, однако можно ли считать их определяющими, ключевыми? Признавая всю дискуссионность этого вопроса, Л.А. Пименова, тем не менее, высказала и свою точку зрения: «На современном уровне знаний у нас нет оснований характеризовать систему общественных отношений предреволюционной Франции в целом как феодальный строй».

Этого вопроса коснулся и А.В. Чудинов в статье «Смена веков»: «В свете исследований последних 15-20 лет определение социально-экономического строя предреволюционной Франции в качестве “феодального” не может не вызвать серьезных сомнений». Далее он напоминал, что еще В.М. Далин, редактируя последнее издание книги А.З. Манфреда «Великая французская революция», попытался смягчить термин «феодальные отношения», заменив его на «полуфеодальные». А впоследствии «результаты... исследований Адо и Пименовой дали достаточно веские основания сомневаться в правомерности прежних, традиционных для “классической” историографии представлений об экономике Старого порядка».

Вместе с тем книга А.В. Адо была одной из последних в отечественной историографии, где проблемы существования или отсутствия «феодализма» во французской деревне накануне Революции решались на конкретно-историческом материале. За 20 лет, прошедших со времени выхода ее второго издания, были опубликованы лишь две монографии по этому сюжету – книги З.А. Чеканцевой «Порядок и беспорядок. Протестующая толпа во Франции между Фрондой и Революцией» и Е.М. Мягковой «”Необъяснимая Вандея”»: сельский мир на Западе Франции в XVII-XVIII веках». Поскольку анализ понятия «феодализм» и его наполнения выходил за рамки задач, которые ставили перед собой оба автора, они лишь обозначили свои позиции в этой дискуссии. При этом показательно, что эти совершенно разные позиции далеки от традиционного восприятия феодализма советской историографией. Для З.А. Чеканцевой «наличие во Франции XVII-XVIII вв. комплекса феодальных повинностей...и других феодальных по происхождению элементов не вызывает сомнений». Но дискуссионность «вопроса о реальном содержании и значении феодальных отношений во французском обществе этого времени, об их соотношении с вызревавшими формами капиталистического уклада» и ограниченность «формационного редуционизма» поставила автора перед необходимостью «найти иной ракурс исследования народных движений в обществе Старого порядка». Для Е.М. Мягковой, напротив, «всецело феодальная природа Старого порядка выглядит скорее неоправданной односторонней стилизацией, нежели отражением

действительного положения дел». По ее мнению, «экономический “базис” средневекового общества отличался принципиальной многоукладностью...а казавшиеся априорными политико-правовые концепты (феод, вассалитет, ленные связи) – многоликостью отношений, смысл которых всецело определялся лишь спецификой ситуации».

В постсоветской историографии крайняя точка зрения – стремление отказаться от понятия «абсолютизм» – отражения не нашла. Так или иначе этот термин в большинстве работ присутствует, однако его наполнение вариативно. Одни авторы понимают под абсолютизмом «не ограниченное законами правление», другие специально подчеркивают, что «верховная и неделимая власть короля отнюдь не означала произвола, т.е. незаконного правления. Она опиралась на законы государства, какими бы несовершенными они ни казались».

Еще одной непростой методологической проблемой стал для постсоветской историографии вопрос о том, в какой мере следует сохранять «классовый» подход к французскому обществу времен Старого порядка и Революции. Не случайно даже сами термины «класс» и «классовая борьба» исчезают со страниц отечественных работ, а на смену анализу борьбы классов все чаще приходит анализ противостояния различных политических группировок, которые новое поколение российских историков затрудняется идентифицировать с конкретными классовыми интересами. В немалой степени это происходит из-за того, что само понятие «класс» на материале XVIII в. не столько проясняет реальное положение вещей, сколько затрудняет его понимание. Это же относится и к такому базовому для классической интерпретации Французской революции термину, как «буржуазия».

Как известно, долгое время советские историки датировали окончание Французской революции 1794-м годом. Логика понятна: термидорианский переворот однозначно считался контрреволюционным. Лишь в 1970-1980-е годы ряд специалистов, не выходя за рамки марксистской концепции, стали высказывать несколько иную точку зрения: «Великая французская революция пережила две фазы: 1789-1794 гг., когда были совершены ее великие деяния, - фаза *восходящего* развития, и 1794-1799 гг. – *нисходящая* фаза, в которую революция вступила 9 термидора». Для историков, придерживающихся этой точки зрения, «победу буржуазной контрреволюции» ознаменовывал уже переворот 18 брюмера.

Такое положение дел с терминологией, переодизацией и методологией во многом, на наш взгляд, объясняется общей усталостью от идеологических дискуссий былых времен. Сконцентрировавшись на своих частных сюжетах, исследователи стали значительно меньше задумываться об общих вопросах.

Показательна в этом смысле проходившая в 1995 г. в ИВИ РАН дискуссия о сути феномена якобинизма. Она продемонстрировала, что это явление воспринимается отечественными учеными неоднозначно, что их волнуют разные аспекты якобинизма и поэтому приведение всех взглядов к единому знаменателю крайне затруднительно. В отличие от многих «круглых столов» советской эпохи, эта дискуссия, пожалуй, впервые представляла собой не попытку выработать единую, консолидированную точку зрения, а обмен мнениями, вскрывший вместе с тем и ряд «болевых точек». Прежде всего - это общая оценка якобинизма, во многом оставшаяся за рамками собственно дебатов, поскольку она скорее декларировалась, нежели обсуждалась, и проистекала не столько из результатов тех или иных исследований, сколько из личной системы ценностей и интересов. И здесь одним казалось принципиально важным подчеркнуть, что «свою главную задачу – защиту завоеваний революции – якобинская диктатура блестяще выполнила» (С.Н. Коротков) или что «демократический принцип народного суверенитета нашел применение в политических идеях якобинцев» (А.В. Тырсенко), другие же считали необходимым отметить негативные явления, которые наряду с позитивными нес с собой якобинизм (С.Ф. Блуменау), и антидемократичность якобинцев (Д.Ю. Бовыкин). «Болевой точкой» стал и кризис в методологии исследования проблемы якобинизма, во многом объясняющий спад в разработке сюжета, о чем говорил А.В. Чудинов. А.В. Гордон отметил, что беспокойство вызывает «тот своеобразный теоретический вакуум, который образовался вместе с кризисом классической интерпретации буржуазной революции». По словам З.А. Чеканцевой, «какой будет новая система научных координат, пока сказать трудно».

Одним словом, монография В.Г. Ревуненкова – это заново отредактированный, отлично изданный, богато проиллюстрированный «памятник исторической мысли», воспроизводящий положения, характерные для советской науки определенной эпохи. И тем не менее аналогов монографии В.Г. Ревуненкова в сегодняшней отечественной историографии Революции нет. Из всех историков, сформировавшихся до начала 1960-х годов (при всей условности этого деления), для которых Французская революция была магистральным или одним из магистральных сюжетов исследований, ныне активно продолжает работать, пожалуй, лишь А.В. Гордон. Однако, посвятив долгие годы изучению самой Революции, ныне и он сосредоточил внимание на размышлениях о ее влиянии на цивилизацию, ее восприятии в России и в российской историографии.

Подводя итоги – безусловно, промежуточные, – можно наметить основные черты той «смены вех», которая происходит в последние годы в

изучении Революции. Пожалуй, главное - это не смена тематики или методологии, а свобода тематического и методологического выбора. Избирает ли историк для себя марксистский (В.Г. Ревуненков) или цивилизационный (А.В. Гордон) подход либо заявляет в качестве методологической основы своей работы «новую интеллектуальную историю», родившуюся на стыке «феноменологии, герменевтики, психоанализа, семиотики, литературной критики» – это его право. Аналогичным образом обстоит дело и с сюжетами исследований. Сегодня на выбор сюжета влияют разве что личные предпочтения исследователя.

Утрата сюжетного, терминологического, методологического отчасти и оценочного единства привела к тому, что историки Французской революции максимально разобщены. Хотя время нарочито эпатазирующих оценок Революции и ее деятелей, которыми была переполнена публицистика рубежа 1980-1990-х годов, и миновало, единой и цельной картины Французской революции нет. Обобщающие статьи только начинают появляться, а монографии или научно-популярные книги, в основу которых были бы положены современные концепции Революции, практически отсутствуют.

Одним из результатов освобождения от догм, выхода отечественной историографии из научной изоляции стало то, что многие устоявшиеся термины и оценки подвергаются сомнению. Однако новый терминологический и методологический аппарат только рождается, и рождается в спорах. При этом особенно остро – что, впрочем, не удивительно – воспринимаются именно методологические вопросы вкупе с тесно связанными с ними оценочными моментами. И дело здесь не только в общемировой активизации интереса к терминологии, не только в процессах, в целом характерных для «лингвистического поворота». Как и во всем мире на протяжении последних 200 лет, споры о терминологии и об общей оценке событий конца XVIII в. выходят за рамки собственно научных споров.

Размышляя о Французской революции, отечественные историки осознанно или неосознанно приносят в дебаты свое отношение ко многим другим сюжетам: к революции как феномену, к Октябрьской революции 1917 г., к советской власти и тем переменам, которые произошли в жизни нашего общества в последнее десятилетие XX в., к богатству и бедности, либерализму и демократии. Именно поэтому так сложно бывает договориться о терминах: каждый из них имеет столь многочисленные коннотации, что проблема формирования понятийного аппарата и методологического выбора сразу становится весьма принципиальной. Отсюда - стремление перенести обсуждение в публичную плоскость, о чем свидетельствуют и упомянутые выше дискуссии, и выход коллективной монографии о французском

либерализме под редакцией В.П. Смирнова, две главы которой посвящены Революции, и тема «Французского ежегодника» за 2005 г. – «Абсолютизм во Франции».

Существующая переходная ситуация в определенной степени отражает и состояние современного российского общества. Изменение отношения к Революции и ее лидерам, разумеется, произошло не случайно, но этот процесс не так прост, как кажется на первый взгляд. (Хотя бы потому, что некоторых исследователей он не затронул или затронул минимально.) На одних оказала влияние сама эпоха перемен, на других – возможность ознакомиться с недоступными ранее исследованиями или документами (касающимися как Французской, так и Октябрьской революции), третьи смогли наконец поделить размышлениями, которые вызревали у них давно. Вместе с тем представляется не до конца верным восприятие происходящих в обществе идейных перемен как явно видимого и линейного процесса: прихода консервативно-либеральной идеологии на смену марксистской. Скорее, имеет место гораздо более сложное явление, на которое влияют не только и не столько идеология, сколько трансформации коллективной памяти, выдвижение и свержение новых идолов, флюктуации (подчас многократные) восприятия в массовом сознании тех или иных политических деятелей. Едва ли не наиболее важный фактор здесь – личный опыт историка. Сквозь призму этого личного опыта он и рассматривает прошлое.

Думается, общий вектор развития отечественной историографии Революции на ближайшее десятилетие виден уже сейчас: окончательно станут нормой работы, основанные на архивных источниках (в том числе и преимущественно на французских); историки вряд ли договорятся о терминах, но придут к более или менее устоявшейся терминологии; и хочется надеяться, наконец-то появятся обобщающие работы, написанные на современном уровне.

Д. Ю. Бовыкин

ЭВОЛЮЦИЯ РЕСПУБЛИКАНСКОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОЕКТА ВО ФРАНЦИИ (1793 – 1795)

(Извлечение)

...21 сентября 1792 г. Национальный Конвент торжественно провозгласил упразднение королевской власти во Франции. Теперь ему

предстояло выработать новый основной закон страны. Конституционный комитет был избран неделю спустя, однако до восстания 31 мая — 2 июня 1793 г., оставившего монтаньяров без политической оппозиции, он так и не смог разработать проект, который устроил бы депутатов. Напротив, после переворота текст Конституции был предложен для обсуждения практически мгновенно: уже 10 июня с докладом на эту тему выступил М.-Ж. Эро де Сешель. Обсуждение длилось всего две недели, а затем конституция впервые в истории Франции была вынесена на референдум. 10 августа Конвент торжественно объявил об одобрении конституции французским народом, однако вскоре принял решение не вводить ее в действие до заключения всеобщего мира, выстроив вместо этого систему временного революционного порядка управления.

После переворота 9 термидора разговоры о необходимости ввести Конституцию 1793 г. в действие начались практически сразу: члены Конвента прекрасно понимали, что так и не выполнили свой долг перед избирателями. Но к осени 1794 — весне 1795 г., когда вопрос стал переходить в практическую плоскость, депутатам стало казаться, что это слишком опасно: она создавалась людьми, от которых Конвент давно уже отрекся, ее авторы «хотели увековечить власть в своих руках», да и в принципе текст был слишком уж «якобинским». Поначалу ее хотели лишь модифицировать при помощи специальных конституционных законов, но в конце концов 18 апреля 1795 г. Конвент создал так называемую Комиссию одиннадцати, которая занялась выработкой принципиально нового текста....

Радикальное изменение текста конституции было следствием и конкретных политических пертурбаций, и накопленного депутатами опыта управления страной, но прежде всего за этим стояло изменение базового идеологического проекта. Конституция и предшествовавшая ей Декларация прав человека и гражданина были не просто модифицированы, Декларация прав не просто превратилась в Декларацию прав и обязанностей — изменилось само видение депутатами политической ситуации в стране и будущего государственного устройства.

...

Значение новой конституции мыслится Эро де Сешелем не столько во французском, сколько в куда более глобальном масштабе. День, когда она появится, «станет днем возрождения для Франции, днем революции для всей Европы». Оратор говорит не о правах человека, но о «правах человечества». В рамках космополитических и мессианских тенденций, характерных для Французской революции, всё это не удивительно. Любопытен лишь разворот, которые обретает эта идея в выступлении Эро де Сешеля. Мыслилось, что

французы не просто покажут пример другим народам, не просто принесут им свободу. Достаточно одного «правильного» текста, одного образца, чтобы народы сами осознали всю разницу между их деспотическими режимами и французской свободой и сами, даже без помощи французских войск, поднялись на борьбу с «тиранами».

Таким образом, республиканский политический проект, сформулированный в речи Эро де Сешеля (и, соответственно, в Конституции 1793 г.) был весьма лаконичен: Республика как естественное желание всех французов, республиканская конституция как текст, способный создать всемирную республику и прекратить войны на всей земле.

Речь, произнесенная в том же самом Национальном Конвенте спустя два года Буасси д'Англа, выстроена совсем в иной тональности. Безусловно, Конституция по-прежнему видится ключевым текстом эпохи, от которого зависит все даже не на национальном или наднациональном, а воистину на космическом уровне...

Конституция по-прежнему видится способом закончить Революцию, однако теперь речь идет не столько о победах, сколько об отдыхе после долгих лет смуты. Революция у Буасси не праздник, не победное шествие по миру истинной Свободы. «Окиньте взглядом бескрайнее поле нашей Революции, уже покрытое столькими развалинами, которые почти повсюду несут на себе следы тех разрушений, которые приносит время; это поле славы и скорби, где смерть собрала свою жатву и где свобода одержала столько побед».

Это совершенно не значит, что Буасси принижает Революцию: она подается как итог развития идей Просвещения, ее принципы запечатлены в сердце каждого. Но в этих условиях Конвент должен не просто написать конституцию; он обязан создать текст, который положит конец этим бедам, а для этого требуется проанализировать всю Французскую революцию и понять, в чем были ее причины и почему ни одной политической группировке так и не удалось ее окончить.

...

Конституция 1793 г. не просто не подходит Франции в 1795 г.: следуя логике доклада, она и не может служить никому, кроме своих творцов, поскольку «ее слабость, даже ее абсурдность была задумана так, чтобы закон никогда не стал сильным». Хотя Комиссия одиннадцати и пыталась почерпнуть из нее что-то полезное, это оказалось невозможным. К тому же после прерияльских событий опасность введения этой конституции в действие стала очевидной: Буасси имеет в виду не только то, что восставшие этого требовали, но и то, что текст 1793 г. постулировал право на восстание. Иными словами, плоха не просто сама конституция монтаньяров, плохи ее принципы.

Так в третий раз за шесть лет была переписана Декларация прав; на сей раз ее дополнили Декларацией обязанностей (эта идея высказывалась еще в 1789 г.). Суть новой редакции Декларации Буасси сформулировал следующим образом: мы «заменяли ясными определениями расплывчатые, туманные и вводящие в заблуждения выражения, которые могут лишь сбивать с толку». В первую очередь это касалось права на восстание и естественных прав человека, которые к 1795 г. стали казаться пустыми философскими абстракциями.

На смену этим принципам должны были прийти иные: «свобода, правосудие и равенство», понимаемое исключительно как равенство перед законом. Необходимо, чтобы «воцарилось спокойствие без подавления, свобода без волнений, правосудие без жестокости, человечность без слабости». Таким образом, новая Конституция становилась, в определенном смысле, антиподом той, что породила диктатуру монтаньяров....

Отказ от принципа народного суверенитета был, разумеется, немислим, и Комиссия одиннадцати приняла соломоново решение: зафиксировать в Декларации прав, что «закон есть выражение общей воли, выраженной большинством или граждан, или их представителей» (ст. 6), оставить и разработку, и принятие законов представителям народа и записать в конституции, что «совокупность всех французских граждан является сувереном» (ст. 17), что практически повторяло формулировку монтаньяров.

...Конституция III года Республики действительно стала кардинальной модификацией республиканского политического проекта, но исключительно в плане, пусть и по возможности завуалированного, отказа от теоретических построений в пользу практики. Если в 1793 г. Конвент на теоретическом уровне пытался (или делал вид, что пытался) сделать ставку на сочетание прямой и представительной демократии, базирующихся на принципе народного суверенитета, то теперь выбор был сделан в пользу стабильности нового политического режима.

...

Критикуя подчинение исполнительной власти законодательной, Комиссия одиннадцати должна была предложить иную модель взаимоотношений между властями. В докладе Буасси был сделан упор на обеспечение истинного равновесия трех властей, причем в качестве теоретического обоснования необходимости этого шага депутат ссылался не на Монтескье, а на Джона Адамса, бывшего в то время вице-президентом Соединенных Штатов (перепутав его, правда, с Сэмюэлем Адамсом, губернатором Массачусетса). Однако, в отличие от привычной нам модели разделения властей на исполнительную, законодательную и судебную, Буасси

д'Англа говорил о разделении властей между Директорией и двумя Советами: Совет пятисот предлагает закон, Совет старейшин его утверждает, Директория исполняет.

...

Таким образом, к 1795 г. республиканский политический проект претерпел значительные изменения. Речь Эро де Сешеля — это речь человека, который словно не верит (или всерьез не планирует), что Конституция 1793 г. сможет положить конец революции. Лозунг построения всемирной республики выдвигается им в то время, когда Франция ведет войны с державами первой антифранцузской коалиции. Разрабатывая механизмы одобрения законов первичными собраниями, депутаты будто забывают о том, что в стране идут мятежи; к концу июня 60 департаментов поднимутся против Конвента.

Пройдет два года, и, заплатив за это немалую цену, депутаты Национального Конвента избавятся от многих иллюзий. В основе проекта 1795 г. лежат рациональность, гармония, компромисс. Это проект не для революции, которая продолжается, а для революции, которая должна быть завершена. Его цель не в том, чтобы создать всемирную республику, а в том, чтобы подарить Франции долгожданные покой и стабильность. Конституция пишется на долгие годы, ее пересмотр возможен, но чрезвычайно затруднен и не может произойти быстро.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Настоящее учебное издание способствует обеспечению целостности в изучении дисциплины «Новая история стран Европы и Америки 1640 – 1870 гг.».

В хрестоматии содержатся выдержки из источников, научных статей и монографий ведущих специалистов по истории Нового времени в своей предметной области. Исходя из современного понимания и подходов к составлению хрестоматии и ее роли в создании единого комплекса по изучению новой истории стран Европы и Америки, обоснована возможность представления текстов статей и монографий: цитирование, аналитический обзор, библиография. Список использованной литературы и источников, приведенный в издании, призван мотивировать студентов к самостоятельному освоению знаний в рамках обозначенной тематики.

В продолжение к настоящему учебному изданию готовится хрестоматия «Новая история стран Европы и Америки XIX вв.», в которой будут представлены материалы по истории европейских стран и США XIX века.

Сведения, изложенные в хрестоматии, окажут заинтересованному читателю помощь в изучении истории европейских государств в Новое время, расширят кругозор знаний выпускников-историков, необходимый при профессиональной деятельности практического и научного характера.

ПЕРЕЧЕНЬ ДОКУМЕНТОВ, ПРЕДСТАВЛЕННЫХ В ХРЕСТОМАТИИ

Тема 1. Международные отношения и колониальная политика во второй половине XVII – XVIII в.

1. Treaty of Westphalia. Peace Treaty between the Holy Roman Empire and the King of France and their respective Allies. URL: <https://is.muni.cz/el/1423/podzim2008/MVZ430/um/Treaty-of-Westphalia.pdf> (Дата обращения: 08.12.2020)
2. Утрехтский мирный договор между Англией и Францией. 11 апреля 1713 г. URL: <https://pandia.ru/text/80/371/95723.php> (Дата обращения: 08.12.2020)
3. Утрехтский мирный договор между Англией и Испанией. 13 июля 1713 г. URL: <https://pandia.ru/text/80/371/95723.php> (Дата обращения: 08.12.2020)
4. Берлинский мирный договор между Австрией и Пруссией. 28 июля 1742 г. URL: <https://pandia.ru/text/80/371/95723.php> (Дата обращения: 07.12.2020)
5. Аахенский мирный договор. 18 октября 1748 г. (подписан представителями Англии, Франции, Австрии, Испании, Сардинии, Нидерландов, Модены, Женева) URL: <https://constitutionallaw.ru/?p=3772>
6. Союзный договор между Австрией и Францией. 1 мая 1756 г. URL: <https://pandia.ru/text/80/371/95723.php> (Дата обращения: 07.12.2020)
7. Договор о дружбе и союзе между Францией и Испанией («Семейный договор»). 15 августа 1761 г. URL: <https://pandia.ru/text/80/371/95723.php> (Дата обращения 08.12.2020)
8. Мирный договор между Россией и Пруссией. 24 апреля 1762 г. URL: <https://pandia.ru/text/80/371/95723.php> (Дата обращения 08.12.2020)
9. Парижский мирный договор между Англией и Францией. 10 февраля 1763 г. URL: <https://constitutionallaw.ru/?p=3783> (Дата обращения 18.11.2020)
10. Губертский мирный договор между Австрией и Пруссией. 15 февраля 1763 г. URL: <https://constitutionallaw.ru/?p=3786> (Дата обращения 08.12.2020)
11. Декларация Екатерины II правительствам Англии, Франции, Испании (Декларация Екатерины II вооруженного нейтралитета). 28 февраля 1780 г. URL: https://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/S.America/XVIII/1760-1780/Russ_USA/21-40/38.phtml?id=4521& (Дата обращения 18.11.2020)
12. Парижский мирный договор между Англией и США. 1783 г. URL: <https://constitutionallaw.ru/?p=1488> (Дата обращения 08.04.2021)
13. Гюго Клод. Записки об Индии. Перевод с французской рукописи, примечания и вступительная статья К. А. Антоновой. М., 1977. С. 112.

14. Маркс К. Британское владычество в Индии. — К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, изд. 2, т. 9, с. 130–136.

Тема 2. Английская буржуазная революция (1640 – 1660)

1. «Билль о правах» (1689 г.) URL: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Engl/XVII/1680-1700/Akty_parlament/bill_o_pravach_1689.phtml?id=4895 (Дата обращения: 08.12.2020)
2. «Битва при Нэсби» из мемуаров Уайтлока (1645 г.) URL: <http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Engl/XVII/1640-1660/Whitelock/text.phtml?id=4845> (Дата обращения: 07.12.2020)
3. «Бредская декларация» Карла II (1660 г.) URL: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Engl/XVII/1660-1680/Charles_II/bredskaja_deklaracija_04_04_1660.phtml?id=4893 (Дата обращения: 08.12.2020)
4. «Великая ремонстрация с сопровождающей ее петицией» петиция палаты общин (1641 г.) (URL: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Engl/XVII/1640-1660/Akty_Parlament/vel_remonstrat_pet_01_12_1641.phtml?id=4853) (Дата обращения: 07.12.2020)
5. Документы из устава «Армии нового образца» (1645 г.) (URL: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Engl/XVII/1640-1660/Ustav_armii_novogo_obrasca/text.phtml?id=4844) (Дата обращения: 07.12.2020)
6. «Знамя, поднятое истинными левеллерами...» Джерарда Уинстенли (1649 г.) (URL: <http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Engl/XVII/1640-1660/Winstenley/text1.phtml?id=4884>) (Дата обращения: 08.12.2020)
7. «Народное соглашение» (2-я редакция) (11 декабря 1648 г.) (URL: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Engl/XVII/1640-1660/Akty_Parlament/narodnoe_soglasenie_11_12_1648.phtml) (Дата обращения: 07.12.2020)
8. «Народное соглашение» (3-я редакция) 15 января 1649 г. (URL: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Engl/XVII/1640-1660/Akty_Parlament/sogl_naroda_angl_mestn_15_01_1649.phtml?id=4860) (Дата обращения: 08.12.2020)
9. «Ответ короля на петицию, сопровождающую великую ремонстрацию» (1641 г.) (URL: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Engl/XVII/1640-1660/Charles_I/otvet_korolja_vel_remostrat_27_12_1641.phtml?id=4873) (Дата обращения: 07.12.2020)
10. «Петиция о корне и ветвях» программа действия парламента (1640 г.) (URL: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Engl/XVII/1640-1660/Akty_

Parlament/peticija_korne_vetvjach_11_12_1640.phtml?id=4846) (Дата обращения: 07.12.2020)

11. «Петиция о праве» парламентской оппозиции (1628 г.) (URL: <http://www.hist.msu.ru/ER/Text/petition.htm>) (Дата обращения: 07.12.2020)

12. «Пункты предложений» от армии (1647 г.) – (URL: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Engl/XVII/1640-1660/Akty_Parlament/osnov_pred_armii_01_08_1647.phtml?id=4855) (Дата обращения: 07.12.2020)

13. Форма правления государством Англии, Шотландии и Ирландии и владениями, им принадлежащими ("Орудие управления") (1653 г.) (URL: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Engl/XVII/1640-1660/Akty_Parlament/forma_pravl_16_12_1653.phtml) (Дата обращения: 08.12.2020)

14. «THE HUMBLE PETITION AND ADVICE» (1657 г.) (URL: http://juspoliticum.com/uploads/pdf/THE_HUMBLE_PETITION_AND_ADVICE.pdf) (Дата обращения: 08.12.2020)

Тема 3. «Славная революция»: складывание конституционного строя и парламентской демократии

1. Билль о правах 1689 г. URL: <https://dlib.rsl.ru/viewer/01006229207#?page=132> (Дата обращения 08.12.2020)

2. Трехгодичный акт 22 декабря 1694 г. URL: <https://dlib.rsl.ru/viewer/01006229207#?page=139> (Дата обращения 08.12.2020)

3. An Act for preventing Charge and Expence in Elections of Members to serve in Parliament 1695 г. URL: <https://www.british-history.ac.uk/statutes-realm/vol7/pp7-8> (Дата обращения 08.12.2020)

4. An Act to prevent False and Double Returns of Members to serve in Parliament 1695 г. URL : <https://www.british-history.ac.uk/statutes-realm/vol7/p64> (Дата обращения 08.12.2020)

5. An Act for the continueing meeting and sitting of a Parliament in case of the Death or Demise of His Majesty His Heirs and Successors 1695 г. URL: <https://www.british-history.ac.uk/statutes-realm/vol7/p84> (Дата обращения 08.12.2020)

6. An Act for preventing any Inconveniencies that may happen by Priviledge of Parliament 1700 г. URL: <https://www.british-history.ac.uk/statutes-realm/vol7/pp638-639> (Дата обращения : 08.12.2020)

7. Акт об устройении 12 июня 1701 г. URL : <https://dlib.rsl.ru/viewer/01006229207#?page=140> (Дата обращения : 08.12.2020)

8. Акт о соединении с Шотландией 6 марта 1707 г. URL : <https://dlib.rsl.ru/viewer/01006229207#?page=143> (Дата обращения : 08.12.2020)
9. Акт о должностях 1707 г. URL: <https://dlib.rsl.ru/viewer/01006229207#?page=146> (Дата обращения : 08.12.2020)
10. Акт об обеспечении свободы парламента путем дальнейшего установления условий членства для заседаний в Палате общин 1710 г. URL : <https://dlib.rsl.ru/viewer/01006229207#?page=147> (Дата обращения : 08.12.2020)
11. Семилетний акт 1716 г. URL: <https://dlib.rsl.ru/viewer/01006229207#?page=148> (Дата обращения : 08.12.2020)

Тема 4. Английское просвещение: основные направления развития и представители

1. Локк Дж. Сочинения в 3-х т. Т.1. Опыт о человеческом разумении.(Философское наследие. Т.93).-М.: Мысль, 1985.- 621с.-С.78-582. Режим доступа: https://eusi.ru/lib/lokk_opyt_o_celoveceskom_pasumenii/index.shtml
2. Толанд Дж. Христианство без тайн, или Трактат, в котором показывается, что в Евангелии не содержится ничего противоречащего разуму или непостижимого им и что ни один догмат христианства не может быть назван непостижимой тайной в прямом смысле слова / Пер. с англ. Е. С. Лагутина // Английское свободомыслие: Д. Локк, Д. Толанд, А. Коллинз. — М.: Мысль, 1981. — С. 79—185. Режим доступа: https://platon.net/load/knigi_po_filosofii/istorija_novoe_vremja/anglijskoe_svobodomyслиe_lokk_toland_kollinz/10-1-0-4118
3. Болингброк. Письма об изучении и пользе истории. М. 1978. – 359 с.
4. Дж.Беркли. Сочинения. ТРАКТАТ О ПРИНЦИПАХ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ЗНАНИЯМ.: Наука, 1978, с.152-247 <http://psylib.org.ua/books/berkl01/txt02.htm>
5. Гоббс Т. Левиафан — Москва: Мысль, 2001. — 478 с. Режим доступа: [.https://web.archive.org/web/20060417163337/http://www.philosophy.ru/library/hobbes/ogl.html](https://web.archive.org/web/20060417163337/http://www.philosophy.ru/library/hobbes/ogl.html).
6. Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов (книги I—III). / Пер. с англ, вводная статья и комментарии Е. М. Майбурда. — М.: Наука, 1993. — 572 с. Режим доступа: <https://www.rulit.me/books/issledovanie-o-prirode-i-prichinah-bogatstva-narodov-read-90253-1.html>

Тема 5. Американское просвещение: основные направления развития и представители

1. Вирджинская декларация прав. Джордж Мейсон. URL: <https://avalon-law.ru/2019/03/09/1776-deklaratsiya-prav-virdzhinii/> (Дата обращения 01.12.2020)
2. Автобиография Бенджамина Франклина URL: <https://www.ushistory.org/franklin/autobiography/index.htm> (Дата обращения 06.12.2020)
3. Диссертация о свободе и необходимости, удовольствии и боли Бенджамина Франклина 1725г. URL: <http://www.historycarper.com/1725/01/01/a-dissertation-on-liberty-and-necessity-pleasure-and-pain/> (Дата обращения 29.11.2020)
4. Мысли о правительстве Джона Адамса 1776 г. URL: <https://books.google.bg/books?id=srtLAQAAMA AJ&hl=bg&pg=PA189#v=onepage&q&f=false> (Дата обращения 01.12.2020)
5. Эссе-памфлет «Здравый смысл» Томаса Пейна 1776г. О происхождении и назначении правительственной власти, с краткими замечаниями по поводу английской конституции. URL (для изучения материала можно перевести страницу на русский язык): <https://www.ushistory.org/paine/commonsense/> (Дата обращения 02.12.2020)
6. Очерки: литературные, нравственные и философские Бенджамина Раппа 1798г. URL: <https://archive.org/details/essaysliterarymo00inrush/mode/2up> (Дата обращения 02.12.2020)

Тема 6. Война за независимость и образование США

1. John Hancock's Boston Massacre Oration (1774) URL: <http://theamerican-revolution.org/DocumentDetail.aspx?document=17> (Дата обращения: 07.12.2020)
2. Give Me Liberty Or Give Me Death – Patrick Henry, March 23, 1775. URL: <https://www.ushistory.org/documents/libertydeath.htm> (Дата обращения 07.12.2020)
3. "By the King, A Proclamation, For Suppressing Rebellion and Sedition" (1775) URL: https://www.encyclopediavirginia.org/_By_the_King_A_Proclamation_For_Suppressing_Rebellion_and_Sedition_1775 (Дата обращения 07.12.2020)
4. Olive Branch Petition (1775) URL: https://www.encyclopediavirginia.org/Olive_Branch_Petition_1775 (Дата обращения 07.12.2020)
5. Letter from George Washington to John Hancock (December 31, 1775) URL: https://www.encyclopediavirginia.org/Letter_from_George_Washington_to_John_Hancock_December_31_1775 (Дата обращения 07.12.2020)
6. Джефферсон Т. Автобиография. Заметки о штате Виргиния. Ленинград, 1990. URL: <https://ushistory.ru/istochniki/memuary/1034-dzhefferson-t-avtobiografija-zametki-o-shtate-virginija> (Дата обращения 08.12.2020)

7. Декларация независимости 4 июля 1776 г. URL: <https://www.booksite.ru/localtxt/hre/sto/mat/iaay/gos/prav/zar/str/6.htm#93> (Дата обращения 25.11.2020)
8. Статьи конфедерации 1777 г. URL: https://ru.wikisource.org/wiki/Статьи_Конфедерации (Дата обращения 25.11.2020)
9. Конституция Соединенных Штатов Америки 17 сентября 1787г. URL: <http://www.grinchevskiy.ru/17-18/konstituciya.php> (Дата обращения 25.11.2020)
10. Билль о правах. URL: <http://www.grinchevskiy.ru/17-18/bill-o-pravah.php> (Дата обращения 25.11.2020)
11. Статьи в дополнение и изменение Конституции Соединенных Штатов, предложенные конгрессом и ратифицированные отдельными штатами в соответствии с пятой статьей Конституции. URL: <http://www.grinchevskiy.ru/17-18/popravki-k-konstitucii.php> (Дата обращения 25.11.2020)
12. The Paris Peace Treaty of 1783 URL: <http://theamericanrevolution.org/DocumentDetail.aspx?document=24> (Дата обращения 07.12.2020)
13. Letter from George Washington to David Humphreys (July 25, 1785) URL: https://www.encyclopediavirginia.org/Letter_from_George_Washington_to_David_Humphreys_July_25_1785 (Дата обращения 07.12.2020)
14. Вашингтон Дж. Первая инаугурационная речь (30 апреля 1789 года). URL: <http://www.grinchevskiy.ru/17-18/g-v-pervaya-ivaguracionnaya-rech.php> (Дата обращения 25.11.2020)
15. Petition from the Pennsylvania Society for the Abolition of Slavery. URL: <https://www.ushistory.org/documents/antislavery.htm> (Дата обращения 25.11.2020)
16. Вашингтон Дж. Прощальное послание (17 сентября 1796 г.). URL: <http://www.grinchevskiy.ru/17-18/g-v-proschalnoe-poslanie.php> (Дата обращения 25.11.2020)
17. The Star-Spangled Banner. URL: <https://www.ushistory.org/documents/banner.htm> (Дата обращения 25.11.2020)
18. Inaugural Address of John Adams INAUGURAL ADDRESS IN THE CITY OF PHILADELPHIASATURDAY, MARCH 4, 1797 URL: https://avalon.law.yale.edu/18th_century/adams.asp (Дата обращения 07.12.2020)
19. "Summary of Public Service" by Thomas Jefferson (After September 2, 1800) URL: https://www.encyclopediavirginia.org/_Summary_of_Public_Service_by_Thomas_Jefferson_After_September_2_1800 (Дата обращения 07.12.2020)
20. Джефферсон Т. Первая инаугурационная речь, 4 марта 1801 года. URL: http://az.lib.ru/d/dzhefferson_t/text_1801_first_inaugural_address.shtml (Дата обращения 25.11.2020)
21. Madison James First Inaugural Address Saturday, March 4, 1809 URL: <https://www.bartleby.com/124/pres18.html> (Дата обращения 25.11.2020)

22. Second Inaugural Address of James Madison. Thursday March 4th, 1813 URL: <http://theamericanrevolution.org/DocumentDetail.aspx?document=7> (Дата обращения 07.12.2020)

Тема 7. Революция XVIII века во Франции

1. Берк Э. Размышления о революции во Франции и заседаниях Некоторых обществ в Лондоне, относящихся к этому событию / Сокр. пер. с англ. Предисл. О'Брайена К.К. – Москва: Просвещение, 1993. – 144 с. URL: https://vtoraya-literatura.com/pdf/berk_razmyshleniya_o_revolyuutsii_vo_frantsii_1992__ocr.pdf (дата обращения: 08.12.2020 г.).
2. Декрет о подавлении беспорядков от 10 августа 1789 г. // Хрестоматия по Новой истории 1789 – 1870 / под ред. А.В. Ефимова. – Москва: Наркомпрос РСФСР, 1941. – 368 с. URL: <https://sheba.spb.ru/shkola/novist-hrestomatia-1941.htm> (дата обращения: 08.12.2020 г.).
3. Декрет Учредительного собрания об уничтожении феодальных прав и привилегий от 11 августа 1789 г. // Хрестоматия по Новой истории 1789 – 1870 / под ред. А.В. Ефимова. – Москва: Наркомпрос РСФСР, 1941. – 368 с. URL: <https://sheba.spb.ru/shkola/novist-hrestomatia-1941.htm> (дата обращения: 08.12.2020 г.).
4. Декларация прав человека и гражданина от 26 августа 1789г. // Хрестоматия по Новой истории 1789 – 1870 / под ред. А.В. Ефимова. – Москва: Наркомпрос РСФСР, 1941. – 368 с. URL: <https://sheba.spb.ru/shkola/novist-hrestomatia-1941.htm> (дата обращения: 08.12.2020 г.).
5. Декрет Законодательного собрания о созыве Национального конвента от 10 августа 1792 г. // Хрестоматия по Новой истории 1789 – 1870 / под ред. А.В. Ефимова. – Москва: Наркомпрос РСФСР, 1941. – 368 с. URL: <https://sheba.spb.ru/shkola/novist-hrestomatia-1941.htm> (дата обращения: 08.12.2020 г.).
6. Декрет об уничтожении остатков феодального режима 25 августа 1792 г.// Хрестоматия по Новой истории 1789 – 1870 / под ред. А.В. Ефимова. – Москва: Наркомпрос РСФСР, 1941. – 368 с. URL: <https://sheba.spb.ru/shkola/novist-hrestomatia-1941.htm> (дата обращения: 08.12.2020 г.).
7. Постановление Национального конвента от 21 сентября 1792г. // Хрестоматия по Новой истории 1789 – 1870 / под ред. А.В. Ефимова. – Москва: Наркомпрос РСФСР, 1941. – 368 с. URL: <https://sheba.spb.ru/shkola/novist-hrestomatia-1941.htm> (дата обращения: 08.12.2020 г.).

8. Декрет о единстве и неделимости Французской Республики от 25 сентября 1792 г. // Хрестоматия по Новой истории 1789 – 1870 / под ред. А.В. Ефимова. – Москва: Наркомпрос РСФСР, 1941. – 368 с. URL: <https://sheba.spb.ru/shkola/novist-hrestomatia-1941.htm> (дата обращения: 08.12.2020 г.).
9. Декрет Конвента об учреждении Комитета общественной безопасности от 2 октября 1792 г. // Хрестоматия по Новой истории 1789 – 1870 / под ред. А.В. Ефимова. – Москва: Наркомпрос РСФСР, 1941. – 368 с. URL: <https://sheba.spb.ru/shkola/novist-hrestomatia-1941.htm> (дата обращения: 08.12.2020 г.).
10. Декрет Конвента, устанавливающий смертную казнь всякому, кто предложит восстановление королевской власти от 4 декабря 1792 г. // Хрестоматия по Новой истории 1789 – 1870 / под ред. А.В. Ефимова. – Москва: Наркомпрос РСФСР, 1941. – 368 с. URL: <https://sheba.spb.ru/shkola/novist-hrestomatia-1941.htm> (дата обращения: 08.12.2020 г.).
11. Декрет Конвента от 10 марта 1793 г. // Хрестоматия по Новой истории 1789 – 1870 / под ред. А.В. Ефимова. – Москва: Наркомпрос РСФСР, 1941. – 368 с. URL: <https://sheba.spb.ru/shkola/novist-hrestomatia-1941.htm> (дата обращения: 08.12.2020 г.).
12. Декрет Конвента о защите собственности от 18 марта 1793 г. // Хрестоматия по Новой истории 1789 – 1870 / под ред. А.В. Ефимова. – Москва: Наркомпрос РСФСР, 1941. – 368 с. URL: <https://sheba.spb.ru/shkola/novist-hrestomatia-1941.htm> (дата обращения: 08.12.2020 г.).
13. Декрет Национального конвента, утверждающий наблюдательные комитеты от 21 марта 1793 г. // Хрестоматия по Новой истории 1789 – 1870 / под ред. А.В. Ефимова. – Москва: Наркомпрос РСФСР, 1941. – 368 с. URL: <https://sheba.spb.ru/shkola/novist-hrestomatia-1941.htm> (дата обращения: 08.12.2020 г.).
14. Конституция 1793 г. // Хрестоматия по Новой истории 1789 – 1870 / под ред. А.В. Ефимова. – Москва: Наркомпрос РСФСР, 1941. – 368 с. URL: <https://sheba.spb.ru/shkola/novist-hrestomatia-1941.htm> (дата обращения: 08.12.2020 г.).
15. Декрет Национального конвента об организации Временного порядка управления от 4 декабря 1793 г. // Хрестоматия по Новой истории 1789 – 1870 / под ред. А.В. Ефимова. – Москва: Наркомпрос РСФСР, 1941. – 368 с. URL: <https://sheba.spb.ru/shkola/novist-hrestomatia-1941.htm>

<https://sheba.spb.ru/shkola/novist-hrestomatia-1941.htm> (дата обращения: 08.12.2020 г.).

16. Воспоминания / Шарлотта Робеспьер Пер. с франц. Е. Л. Овсянниковой С предисл. и прим. А. А. Ольшевского. - Ленинград : Гос. изд-во, 1925. – 62 с. URL: https://web.archive.org/web/20050125043337/http://vive-liberta.narod.ru/biblio/robch_mem.htm (дата обращения: 09.12.2020 г.).

17. Токвиль А. де. Старый порядок и революция / Пер. с фр. М.Федоровой. Москва: Просвещение, 1997. – 252 с. URL: <http://pavroz.ru/files/tokvilstaryiuroriadok.pdf> (дата обращения: 09.12.2020 г.).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Purkiss D. Literature, gender and politics during the English Civil war // Cambridge univ. press. - 2005. (URL: <https://www.cambridge.org/core/books/literature-gender-and-politics-during-the-english-civil-war/19F28F0B5AD7C373499ED028F7817358>) (Дата обращения: 08.12.2020)
2. Trent W.P., Erskine J., Sherman S.P.& C. Van Doren. Volume XV: English Colonial and revolutionary literature early national literature: part i. the cambridge history of english and american literature. –Book1. – VIII. URL: <https://www.bartleby.com/225/index.html#6> (Дата обращения 27.11.2020)
3. Александрова С.П. "Девятнадцать предложений" и требования Английского парламента о контроле над исполнительной властью (июнь 1642 г.) // Управленческое консультирование. - 2012. - №1 (45). - С. 213-222. (URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=17698996>) (Дата обращения: 08.12.2020)
4. Блуменау С.Ф. Жак Неккер. // Вопросы истории. 2004. № 7. С. 56-76
5. Блуменау С.Ф. Французская революция конца XVIII в. В современной научной полемике //Вопросы истории. 1998.№9. С. 141-150.
6. Бовыкин Д.Ю. О современной российской историографии французской революции XVIII века (полемические заметки) // Новая и новейшая история. 2007. № 1. С. 48-73.
7. Бовыкин Д.Ю. Эволюция республиканского политического проекта во Франции (1793–1795) // Известия уральского федерального университета. Серия 2: гуманитарные науки. 2019. № 1(184). С. 196-212.
8. Востриков П.В. Особенности влияния просветительских идей на представителей просвещенной элиты колониальной Виргинии / П. В. Востриков // Американистика: актуальные подходы и современные исследования. 2018. №10. С. 373-387.
9. Востриков П.В. Роль Виргинии в антиколониальном движении: от колонии к штату (1763–1776 годы) / П. В. Востриков // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия История. Международные отношения. 2019. №3. С. 329-336.
10. Галкина Е.В. Политические и религиозные основы «американской исключительности». // Общество: политика, экономика, право. 2016. № 1. С. 19-22.
11. Гольдберг Н.М. Томас Пейн. /Н.М. Гольдберг// М.: «Мысль». – 1969. URL: https://istmat.info/files/uploads/29044/t-paine_n-m-goldberg_1969.pdf (Дата обращения 28.11.2020)

12. Гольдберг, В.М., Быховский Б.Э. Американские просветители. Избранные произведения в двух томах Бенджамина Франклина. / В.М. Гольдберг // М.: «Мысль» –1968.–Т.1. URL:https://royallib.com/book/franklin_bendgamin/amerikanskie_prosvetiteli_izbrannie_proizvedeniya_v_dvuh_tomah_tom_1.html (Дата обращения 25.11.2020)
13. Гордон А.В. Великая французская революция, преломленная советской эпохой / А.В. Гордон//Человек в истории: [сборник статей]. – 2001. – с.311-336. URL: <http://larevolution.ru/Gordon3.html> (Дата обращения: 09.12.2020 г.).
14. Григорьева И.В. Источниковедение новой и новейшей истории стран Европы и Америки: учебное пособие / И.В. Григорьева – М.: ИНФРА-М. 2017.
15. Данилов С.Ю. История Канады; М., 2006
16. Дорофеев, Д.В. Провозглашение независимости США и внешняя политика: аргументы Pro et contra (весна-лето 1776) / Д. В. Дорофеев // Манускрипт. – 2016. – № 7. Ч. 2. – С. 44-48. URL: <https://www.gramota.net/materials/3/2016/7-2/10.html> (Дата обращения 25.11.2020)
17. Драч Г.В. История искусств : учебное пособие / коллектив авторов ; под науч. ред. Г.В. Драча, Т.С. Паниотовой. — 3-е изд., стер. — М. : КНОРУС, 2016.
18. Захарова О.В. Социальная критика Джонатана Свифта светской власти и сановников // Вестник Владимирского юридического института. 2015. № 4(37). С. 192-195.
19. Захарова О.В., Головешкина Е.В. Политические воззрения Олимпии де Гуж и ее вклад в развитие идей раннего феминизма // Вестник Рязанского государственного университета имени С.А. Есенина. 2018. № 2(59). С. 57-63.
20. Захер Я.М. Жак Ру и якобинская конституция 1793 года/ Я.М.Захер // Одесса: издательство Одесского государственного университета. 1962. С. 317-344 URL: <https://istmat.info/node/29012> (Дата обращения: 09.12.2020 г.).
21. Ивонина Л.И. Падение Шведской империи и международные отношения в Европе конца XVII - начала XVIII вв. // Исторический формат. 2015. №3. С. 107-119.
22. Иерусалимская Е.В. Английский просветитель Г. Болингброк об изучении и пользе истории // Преподаватель XXI век. 2013. №2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/angliyskiy-prosvetitel-g-bolingbrok-ob-izuchenii-i-polze-istorii> (дата обращения: 18.12.2020).
23. Исаев С.А. Американские корни конституции США // Петербургский исторический журнал. 2019. № 3. URL: [Американские корни Конституции США \(cyberleninka.ru\)](https://cyberleninka.ru)

24. Кареев Н.И. Великая французская революция / Н.И. Кареев. - М.: Товарищество, 2015. - 476 с. URL: http://az.lib.ru/k/kareew_n_i/text_1911_fr_revolutzia.shtml (дата обращения: 09.12.2020 г.).
25. Карлайль Т. Письма и речи Кромвеля. 3 тома / Т. Carlyle "Oliver Cromwell's letters and speeches". 3 vols. 1904. (URL: <https://archive.org/details/OliverCromwellsLettersAndSpeechesVolIII>) (Дата обращения: 08.12.2020)
26. Керов В.Л. Французская колонизация островов Индийского океана. XVII—XVIII вв. — М.: Наука, 1990.
27. Кертман Л.Е. География, история и культура Англии. Английское Просвещение. М 1979. URL: <https://history.wikireading.ru/225113> (дата обращения: 10.12.2020).
28. Киселев А.А. «Плут» и «республиканец» : становление политической карьеры Роберта Харли 1690-е гг./А.А. Киселев // Вестник Волгоградского государственного университета .- 2014.-№6.- С .41-49 URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/plut-i-respublikanets-stanovlenie-politicheskoy-kariery-roberta-harli-v-1690-e-gg> (Дата обращения : 08.12.2020)
29. Киселев А.А. Великобритания в системе международных отношений конца XVII – первой XVIII века // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 9: Исследования молодых ученых: Научно-теоретический журнал. 2007. Выпуск 6. С. 8-15.
30. Ключков В.В. Славная революция 1688 г.: Аспекты историографии / В.В. Ключков // Исторические, философские, политические и юридические науки и искусствоведение , вопросы теории и практики .- 2013.- №11.- С.99-102. URL : https://www.gramota.net/articles/issn_1997-292X_2013_11-1_21.pdf (Дата обращения: 08.12.2020)
31. Ковалев А.В. Английское законодательство конца XVII-начала XVIII в. и политическая Доктрина Джона Локка / А.В. Ковалев // Известия Волгоградского государственного педагогического университета .- 2017.- С.171-177. URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/angliyskoe-zakonodatelstvo-kontsa-xvii-nachala-xviii-v-i-politicheskaya-doktrina-dzhona-lokka> (Дата обращения : 08.12.2020)
32. Ковалев А.В. Революция и право сопротивления в политической философии Джона Локка // Наука. Мысль: электронный периодический журнал. 2017. №1-1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/revolyutsiya-i-pravosoprotivleniya-v-politicheskoy-filosofii-dzhona-lokka> (дата обращения: 10.12.2020).

33. Ковалев И.Г. Билль о правах и начало законодательного оформления системы престолонаследия в Англии. // Исторический журнал: научные исследования. 2015. №2. С. 236-243.
34. Конституции и законодательные акты буржуазных государств XVII-XIX вв. – М.: Государственное издательство юридической литературы, 1957.
35. Короткова С.А. Американские просветители XVIII века о роли женщин в обществе. // Сборник соч.: «Americana» 2004. Вып. №6. С.238-249.
36. Лабутина Т.Л. Английская революция середины XVII века и интеллектуальный мир англичан. // Диалог со временем. 2015. №53. С. 16-29.
37. Лабутина Т.Л. Каким должен быть парламент? Размышления просветителей Англии о законодательном органе страны. // Таврические чтения 2015. Актуальные проблемы парламентаризма: история и современность. 2016. С. 170-177.
38. Лабутина Т.Л. Народные движения в Англии в правление Карла II Стюарта (1660-1685 гг.) // Вестник Нижневартовского государственного университета. 2017. №2. С. 107-111.
39. Лабутина Т.Л. Наследие Английской революции в идеологии ранних политических партий // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2017. Т. 62. Вып. №3. С. 587-600.
40. Лабутина Т.Л. Политические партии Англии в оценках ранних просветителей // Журнал региональной истории. 2017. №2-1. С 5-19.
41. Лабутина Т.Л. У истоков современной демократии: политическая мысль английского Просвещения (1689-1714 гг.) / РАН. Ин-т всеобщ. истории. М., 1994. - 302 с. - библиогр. : С. 294-301 // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 4, Государство и право: Реферативный журнал. 1996. №2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/96-02-009-labutina-t-l-u-istokov-sovremennoy-demokratii-politicheskaya-mysl-angliyskogo-prosvescheniya-1689-1714-gg-ran-in-t-vseobsch-istorii> (дата обращения: 09.12.2020).
42. Лабутина Т.Л., Ильин Д.В. Английское Просвещение. Год: 2012. Издательство: Алетейя. Санкт-Петербург с.- 304 ISBN: 978-5-91419-659-9
43. Майсак, В.Н. Шадрин, В.М. Конституция США в иерархической системе источников американского права / В.Н. Майсак, В.М. Шадрин // Правопорядок: история, теория, практика. – 2015. – №2(5). – С. 62-67 URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/konstitutsiya-ssha-v-ierarhicheskoy-sisteme-istochnikov-amerikanskogo-prava> (Дата обращения 25.11.2020)
44. Марченко М.Н. Разделение властей: Учеб. пособие. — 2-е изд., перераб.и доп. / Отв. ред. проф. М.Н. Марченко — М.: Изд-во МГУ: Юрайт-Издат, 2004.

- 428 с.. 2004. Режим доступа: <https://scicenter.online/teoriya-gosudarstva-prava-scicenter/angliyskoe-prosveschenie-77253.html>
45. Мележик И.Н. Политико-правовые идеи Английской буржуазной революции // Вестник МЛГУ. - 2010. - №594. - С. 88-106. (URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=17111078>) (Дата обращения: 08.12.2020)
46. Микешин М.И. Социальная философия шотландского просвещения. Санкт-Петербургский Центр истории идей 2005 с-165
47. Михальская Н.П., Аникин Г.В. История английской литературы. 18 век. Литература английского просвещения // М.: Издательский центр «Академия», 1998. URL: <http://17v-euro-lit.niv.ru/17v-euro-lit/mihalskaya-anikin-angliya/index.htm> (дата обращения: 10.12.2020).
48. Морозова В. В. Inglorious Revolution: 1688 год с точки зрения либертарно-юридической теории // Право. 2011. № 2. С. 141-147. URL : <https://www.hse.ru/data/2012/01/06/1262219863/2-2011-14.pdf> (Дата обращения : 08.12.2020)
49. Полетухин, Ю. А. Антропологическое обоснование законодательства в трудах А. Гамильтона. / Ю.А. Полетухин // Ж.: «Вестник Южно-Уральского университета.» – 2008. – Вып.16. – С. 13-17 URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/antropologicheskoe-obosnovanie-zakonodatelstva-v-trudah-a-gamiltona> (Дата обращения 29.11.2020)
50. Попова Е.А. Внешняя политика французского абсолютизма в первой половине XVII в.: стремление к лидерству // Вестник РУДН. Всеобщая история. - 2009. - №3.
51. Практикум по новой истории / Сост. Е.Е. Юровская. – М.: Высшая школа, 1967.
52. Протопопов А.С., Козьменко В.М., Елманова Н.С. История международных отношений и внешней политики России. 1648-2000. - М., 2001. С.7-9.
53. Саямов Ю.Н. Вестфальский мир и его принципы вчера и сегодня. // Век глобализации. 2018. №3(27). С. 95-105.
54. Сборник документов по истории нового времени стран Европы и Америки / Сост. Е.Е. Юровская. – М.: Высшая школа, 1990.
55. Сборник документов по истории нового времени. Буржуазные революции XVII-XVIII вв. / Под ред. В.Г. Сироткина. – М.: Высшая школа, 1990.
56. Сборник документов по истории нового времени. Рабочее и социалистическое движение в странах Европы и Америки / Под ред. П.И. Острикова. – М.: Высшая школа, 1985.
57. Семенов С.Б. Концепция «Древней конституции» в английской политической литературе второй половины XVIII века // Известия Самарского

- научного центра РАН. 2013. №5-1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kontsepsiya-drevney-konstitutsii-v-angliyskoy-politicheskoy-literature-vtoroy-pолоviny-xviii-veka> (дата обращения: 09.12.2020).
58. Серебрякова М.Ю. Судебный процесс над Карлом I Стюартом // Известия высших учебных заведений. Правоведение. - 1989. - №3. - С. 58-61. (URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=23493397>) (Дата обращения: 08.12.2020)
59. Сидоренко Л.В. Влияние Акта о престолонаследии 1701 г. на конституционное развитие Англии / Л.В.Сидоренко // История государства и права. 2013. № 19. С. 25–29.
60. Сидоренко Л.В. Династический вопрос в Англии на рубеже XVII-XVIII вв / Л.В. Сидоренко // Труды кафедры истории Нового и Новейшего времени.- 2014.-№13.-С.36-48. URL: http://novist.history.spbu.ru/trudy_kafedry/13_2014/2014_13_Sidorenko_L_V_-_Dinasticheskij_vopros_v_Anglii_na_rubezhe_XVII-XVIII_vv.pdf (Дата обращения : 08.12.2020)
61. Сидоренко Л.В. Исторические последствия Славной революции : к вопросу о революционности событий 1688-1689 гг./ Л.В.Сидоренко // Вестник СПбГУ . – 2013.-№3 .- С. 82-91. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/istoricheskie-posledstviya-slavnoj-revoljutsii-k-voprosu-o-revoljucionnosti-sobytiy-1688-1689-gg> (Дата обращения : 08.12.2020)
62. Сидоренко Л.В. К вопросу о массовых выступлениях в Лондоне во время Славной революции 1688-1689 гг. / Л.В. Сидоренко // Труды кафедры истории Нового и Новейшего времени.-2016.-№16.-С.67-81.URL: http://novist.history.spbu.ru/trudy_kafedry/16_2016/2016_16_Sidorenko_L_V_-_K_voprosu_o_massovyh_vystuplenijah_v_Londone_vo_vremja_Slavnoj_revoljucii_1688-1689_gg.pdf (Дата обращения : 08.12.2020)
63. Сидоренко Л.В. Религиозные аспекты Славной революции в Англии // Труды кафедры истории Нового и Новейшего времени. 2012. №8. С.15-23. URL : http://novist.history.spbu.ru/trudy_kafedry/08_2012/2012_08_Sidorenko_L_V_-_Religioznye_aspekty_Slavnoj_revoljucii_v_Anglii.pdf (Дата обращения : 08.12.2020)
64. Сидоренко Л.В. Теория и практика революции в Англии на примере Славной революции 1688-1689 / Л.В. Сидоренко, Н.Э. Адамова // Труды кафедры истории Нового и Новейшего времени. 2018. №18. С.21-37. URL: http://novist.history.spbu.ru/trudy_kafedry/18_2_2018/2018_18_2_Sidorenko_L_V_Adamova_N_E_-_Theory_and_practice_of_the_Revolution_in_England_by_the_example_of_the_Glorious_Revolution_1688-1689.pdf (Дата обращения: 08.12.2020)

65. Силякова Д.А. Оливер Кромвель и его роль в завоевании Ирландии // Запад и Восток: история и перспективы развития. 2019. С. 457-462. (URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=37296044>) (Дата обращения: 08.12.2020)
66. Скрыбина А.М. Идеи английского просвещения в сказке Л. Кэрролла "Алиса в стране чудес" // Вестник СВФУ. 2018. №6 (68). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/idei-angliyskogo-prosvescheniya-v-skazke-l-kerrolla-alisa-v-strane-chudes> (дата обращения: 10.12.2020).
67. Собожников Н.А. Английская буржуазная революция: реформа вооружённых сил Оливера Кромвеля (1642-1645 гг.) // Наука. Общество. Оборона. - 2018. - №1 (14). (URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/angliyskaya-burzhnaznaya-revolyuetsiya-reforma-vooruzhyonnyh-sil-olivera-kromvelya-1642-1645-gg>) (Дата обращения: 08.12.2020)
68. Согрин В.В. Война США за независимость как социально-политическая революция. // Новая и новейшая история. 2005. №3. С. 84-98.
69. Согрин В.В. Мифы и реальности американской истории / В. В. Согрин. М.: Мысль, 1986. – 256 с. URL: <https://ushistory.ru/issledovaniya/529-mify-i-realnosti-amerikanskoj-istorii>
70. Согрин В.В. Основатели США: исторические портреты / В. В. Согрин. М.: Наука, 1983 –177 с. URL: <https://ushistory.ru/issledovaniya/855-sogrin-vv-osnovateli-ssha-istoricheskie-portrety>
71. Согрин, В.В. Война США за независимость как социально-политическая революция / В. В. Согрин // Новая и Новейшая история. – 2005. – №3. – С. 84-88 URL: http://vivovoco.astronet.ru/VV/PAPERS/HISTORY/SOGRIN_5.HTM (Дата обращения 08.12.2020)
72. Станков К.Н. Борьба якобитов в Шотландской конвенции сословий (1689) / К.Н. Станков // Вести Волгоградского государственного университета. 2012.- № 2. –С. 45-53. URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/borba-yakobitov-v-shotlandskoj-konventsii-sosloviy-1689-g> (Дата обращения : 08.12.2020)
73. Томсинов В.А. «Славная революция» 1688-1689 годов в Англии и «Билль о правах» М. 2010. 256 с. URL : <https://bookree.org/reader?file=2236338&pg=1> (Дата обращения : 08.12.2020)
74. Томсинов В.А. Английский Билль о правах 1689 года: политико-правовой комментарий // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2010. № 1. С. 250–262. URL: http://tomsinov.com/IGPZS/bill89_comment.pdf (Дата обращения : 08.12.2020)

75. Томсинов В.А. Декларация о правах, принятая Конвентом Англии 12/22 февраля 1688/1689 года/А.В.Томсинов // Правоведение. — 2009. — № 5. — С. 182–202. URL : http://tomsinov.com/IGPZS/decl12feb88_89.pdf (Дата обращения: 08.12.2020)
76. Томсинов В.А. Законодательная деятельность английского парламента в первой половине 1642 г.: формирование идеологии гражданской войны. Статья вторая. // Вестник Московского университета. Серия 11: Право. 2009. №3. С. 16-42.
77. Трунов А.А. Аграрный вопрос - основа базового социального конфликта Английской революции 1640-1660 гг. // Актуальные вопросы современной науки. - 2008. - №2. - С. 53-61. (URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=20290879>) (Дата обращения: 08.12.2020)
78. Трусков С. Адам Смит и его экономические постулаты. 2013. №25. URL: <http://www.visnuk.com.ua/ru/pubs/id/5664> (Дата обращения: 10.12.2020).
79. Тумаркина М.Ю. Теория гражданских прав и свобод - практико-теоретическая программа Джона Лильберна // Известия высших учебных заведений. Правоведение. - 1986. - №4. - С. 68-71. (URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=23642692>) (Дата обращения: 08.12.2020)
80. Ушаков В.А. Джордж Вашингтон: создание образа «Патриота-героя» и «Отца страны» / В.А. Ушаков // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. – 2006. – Сер.2. №3. – С. 136-144 URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/dzhordzh-vashington-sozdanie-obraza-patriota-geroia-i-ottsa-strany-1> (Дата обращения 25.11.2020)
81. Фененко А.В. История международных отношений: 1648–1945: Учеб. пособие / А. В. Фененко. — М.: Издательство «Аспект Пресс», 2018.
82. Филимонова М.А. Бенджамин Франклин Бейч (1769–1798): «громоотвод» американской прессы // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. 2017. №3(43). 98-112.
83. Фурсенко, А. А. Американская революция и образование США / А. А. Фурсенко. Л.: Наука, 1978 – 414 с. URL: <https://ushistory.ru/issledovaniya/585-vojna-za-nezavisimost-i-obrazovanie-ssha>
84. Хрестоматия по истории государства и права зарубежных стран / Под ред. З.М. Черниловского. – М.: Юридическая литература, 1984.
85. Хрестоматия по истории Нового времени и стран Европы и Америки: В 2 кн. Кн.1. Внутриполитическое развитие / сост. Д.В. Кузнецов. – Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2010. – Ч. 1: XVII-XVIII вв.

86. Хрестоматия по новой истории / Под ред. А.А. Губера и А.В. Ефимова: В 3-х тт. Т.1: 1640-1815 гг.; Т.2: 1815-1870 гг.; Т.3: 1870-1917 гг. – М.: Соцэкгиз, 1963-1967.
87. Хрестоматия по новой истории / Под ред. В.Г. Сироткина. – М.: Просвещение, 1990. – 304 с.
88. Хрестоматия по Новой истории 1789 – 1870 / под ред. А.В. Ефимова. – Москва: Наркомпрос РСФСР, 1941. – 368 с.
89. Худякова, Т. А. Бенджамин Франклин в оценках его современников из России. / Т.А. Худякова // Ж.: «Вестник Санкт-Петербургского университета.» – 2009. – Вып.2. – С. 238-242. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/bendzhamin-franklin-v-otsenkah-ego-sovremennikov-iz-rossii> (Дата обращения 27.11.2020)
90. Черкасов П.П. Судьба истории: очерк колониальной Франции в XVI – XX вв. — М.: Наука, 1983.
91. Чугаев В.В. Английское Просвещение о месте главы государства в системе государственного управления // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2017. №4 (29). URL: <https://readera.org/anglijskoe-prosveshhenie-o-meste-glavy-gosudarstva-v-sisteme-gosudarstvennogo-140223544> (дата обращения: 07.12.2020).
92. Чугаев В.В. Юридическое оформление результатов Славной революции 1688-1689 / В.В. Чугаев // Право и Политика. 2014. №10. 1553-1560. URL: https://www.nbpublish.com/library_get_pdf.php?id=30904 (Дата обращения : 08.12.2020) .
93. Шарифжанов И.И. Роль Джона Локка в формировании политической культуры Просвещения XVIII века. // Вестник Казанского государственного университета культуры и искусств. 2017. №1. С. 76-79.
94. Шведов В.Г. Война за независимость США - историко-географический анализ. // Вестник Приамурского государственного университета им. Шолом-Алейхема. 2012. №2(11). С. 63-79
95. Шихов В.А. Особенности американского просвещения. // Запад, Восток и Россия: Вопросы всеобщей истории. - 2017. - Вып. 19 : Исторический опыт межкультурного диалога. С. 214-220.
96. Шпилькин Ю И, Евразийский дискурс философии. Английское просвещение // Современные проблемы науки и образования. 2014. URL: <https://www.monographies.ru/en/book/section?id=7689> (дата обращения: 05.12.2020).

97. Экарева И.Л. Колониализм и европейские промышленные революции // Инновации и Инвестиции. 2015. №5. С. 58-61.
98. Эрлихсон И.М. Роберт Фильмер и политическая философия абсолютизма периода поздней Реставрации (1679-1689 гг.) / Новая и новейшая история Запада и Востока: новые подходы в исследовании и преподавании. 2008. С. 223-241.
99. Юзефович, И.С. Джордж Вашингтон и борьба за независимость Америки / И.С. Юзефович. М.: Государственное учебно-педагогическое издательство Наркомпроса РСФСР, 1941 – 139 с. URL: <http://usa-history.ru/books/item/f00/s00/z0000026/index.shtml>
100. Ярыгин А.А. Создание и принятие конституции США В 1787–1789 гг. // Марийский юридический вестник. 2015. № 3 (14). Стр. 38–43.
101. Яшина М.В. Колониальная экспансия Франции в Карибском море (XVII - XVIII вв.) // Вестник РУДН. Международные отношения. - 2001. №1. С. 92-102.

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
Тема 1. МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ И КОЛОНИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVII – XVIII в.	8
<i>Вопросы к практическому занятию</i>	8
<i>Источники</i>	9
<i>Научные публикации</i>	57
Тема 2. АНГЛИЙСКАЯ БУРЖУАЗНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ (1640 – 1660)	84
<i>Вопросы к практическому занятию</i>	84
<i>Источники</i>	84
<i>Научные публикации</i>	125
Тема 3. «СЛАВНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ»: СКЛАДЫВАНИЕ КОНСТИТУЦИОННОГО СТРОЯ И ПАРЛАМЕНТСКОЙ ДЕМОКРАТИИ	141
<i>Вопросы к практическому занятию</i>	141
<i>Источники</i>	141
<i>Научные публикации</i>	166
Тема 4. РАННЕЕ АНГЛИЙСКОЕ ПРОСВЕЩЕНИЕ: ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЯ И ПРЕДСТАВИТЕЛИ	179
<i>Вопросы к практическому занятию</i>	179
<i>Источники</i>	179
<i>Научные публикации</i>	225
Тема 5. АМЕРИКАНСКОЕ ПРОСВЕЩЕНИЕ: ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЯ И ПРЕДСТАВИТЕЛИ	246
<i>Вопросы к практическому занятию</i>	246
<i>Источники</i>	246
<i>Научные публикации</i>	269
Тема 6. ВОЙНА ЗА НЕЗАВИСИМОСТЬ И ОБРАЗОВАНИЕ США	285
<i>Вопросы к практическому занятию</i>	285
<i>Источники</i>	285
<i>Научные публикации</i>	377

Тема 7. РЕВОЛЮЦИЯ XVIII ВЕКА ВО ФРАНЦИИ.....	399
<i>Вопросы к практическому занятию</i>	399
<i>Источники</i>	399
<i>Научные публикации</i>	425
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	446
ПЕРЕЧЕНЬ ДОКУМЕНТОВ, ПРЕДСТАВЛЕННЫХ В ХРЕСТОМАТИИ	447
БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК	456

Учебное электронное издание

НОВАЯ ИСТОРИЯ СТРАН ЕВРОПЫ И АМЕРИКИ XVII – XVIII вв.

Хрестоматия

Автор-составитель

ЗАХАРОВА Ольга Владимировна

Издается в авторской редакции

Системные требования: Intel от 1,3 ГГц; Windows XP/7/8/10; Adobe Reader; дисковод DVD-ROM.

Тираж 25 экз.

Владимирский государственный университет
имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых
Изд-во ВлГУ
rio.vlgu@yandex.ru

Кафедра всеобщей истории
zaharova33@yandex.ru